КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 15 апрѣля 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Юдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Библиотека "Руниверс"

ПЕРЕДЪ РЕФОРМОЙ БУРСЫ.

(*Изъ воспоминаній* *).

I.

Въ ожиданіи.

Реформы ждали, о реформѣ говорили, слово „реформа“ склоняли во всѣхъ числахъ и падежахъ, реформы желали, реформы боялись... Сущности ея никто не представлялъ себѣ болѣе или менѣе опредѣленно, зато въ конкретныхъ поясненіяхъ было много правды, и бурсакъ чувствовалъ, что—какъ ни какъ, а въ благодѣтельности этой самой реформы сомнѣнія быть не можетъ. Когда „Мазница“ **), начавшій уже говорить бурсаку „вы“, хоть и сбивавшійся еще на „ты“, прибѣгалъ къ своему излюбленному наказанію—щелчку въ лобъ, бурсакъ, какъ и прежде, не грубилъ, не протестовалъ, но и кротости прежней уже не обнаруживалъ: „ну! защелкаешь ты зубами послѣ реформы!“ говорилъ онъ мысленно, стиснувъ кулакъ и показывая его въ спину спокойно удалявшемуся инспектору. Украшенный шишкой, величиной съ волошскій орѣхъ, бурсакъ совершенно искренно былъ въ этотъ моментъ убѣжденъ, что, въ самомъ крайнемъ

*) Настоящій очеркъ изъ быта дореформенной бурсы имѣетъ близкую связь съ очеркомъ того-же автора подъ заглавіемъ „Майскія рекреаціи въ бурсѣ“, помѣщеннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1896 г., № 5.

**) Такъ пер—вскіе бурсаки прозвали своего инспектора; о немъ см. въ прежнемъ очеркѣ „Майскія рекреаціи“.

Библиотека "Руниверс"

случаѣ, реформа дастъ ему право откинуться назадъ и показать тирану носъ: „а дудки не хочешь?“ Когда сторожъ многозначительно давалъ понять, что сила его еще не ослабѣла, бурсаки не вступали въ явныя пререканія, но каждый думалъ уже одно: „постой, постой!... почувствуешь ты силу!“ Реформа не была-бы реформой, если бы не принесла съ собой права дать зуботычину сторожу. Когда симпатичнѣйшій отецъ Ѳедоръ, не прибѣгая, по обыкновенію, къ ругани и линейкѣ, дѣлалъ внушеніе: „о чемъ-молъ-вы думаете? какъ вамъ не стыдно?“ и т. под, бурсаки перешептывались: „онъ понимаетъ реформу!“ Даже квартирныя хозяйки должны были слово „реформа“ внести въ свой обиходный лексиконъ. И, если сказать правду, врядъ ли кто-нибудь, не считая, конечно, бурсаковъ, такъ интересовался грядущей реформой, какъ эти самыя хозяйки.

„А казенныхъ тоже будемъ держать?“ тревожно спрашивали онѣ, жадно вслушиваясь въ разговоры синтактиковъ и готовыя за отрицательный отвѣтъ увеличить порцію и блиновъ, и „пампушекъ“. Въ самомъ дѣлѣ, „казенные“ составляли для нихъ „наказаніе Господне“: при какихъ-нибудь четырехъ своекоштныхъ, платившихъ и мало, и больше натурой, онѣ должны были непремѣнно держать одного казеннаго, получая за все— и за уголъ, и за столъ, и за стирку бѣлья, и даже за починку платья—всего-на-всего 20—22 рубля въ годъ! Но и синтактики рѣдко оказывались на высотѣ пониманія, и хозяйкамъ все-таки оставалось одно: вздыхать и чего-то ждать. А столъ улучшался таки: сообразительныя мѣщанки прекрасно понимали, что лишней ложкой масла каши не испортишь, и что разъ явится ревизоръ (а пріѣздъ его, какъ послѣдняго предвѣстника реформы, не вызывалъ уже сомнѣній), легко возникнетъ вопросъ о правѣ ихъ содержать квартиру... Главное же, что смущало старыхъ квартиро-хозяекъ, это—рѣшенный уходъ стараго инспектора послѣ реформы. Явится новый, и тогда не возможно будетъ хотя-бы-то, что случалось на одной квартирѣ.

Сговорились бурсаки жаловаться „Мазницѣ“, что такая-то хозяйка плохо кормитъ. Инспекторъ выслушалъ жалобу и обѣ-

Библиотека "Руниверс"

щалъ посѣтить квартиру во время обѣда. Проходитъ недѣля, другая—инспектора нѣтъ. Терпѣніе бурсаковъ истощается. Отвѣдавъ какъ-то постнаго борщу и увидѣвъ, что хозяйка перешла всякія границы возможнаго, что порядочный ховяинъ даже свиньямъ не дастъ никогда ничего подобнаго, они снаряжаютъ депутата къ инспектору, а сами чинно сидятъ, не ѣдятъ „перваго“, не требуютъ и „слѣдующаго“, ждутъ. Инспекторъ является: надутый, сердитый... Молча подходитъ онъ къ столу, беретъ ложку, пробуетъ борщъ..

„У васъ всегда такой борщъ?“

— Часто бываетъ хуже, господинъ инспекторъ! врутъ бурсаки въ одинъ голосъ, не обнаруживая ни малѣйшаго состраданія къ хозяйкѣ, которая, разумѣется, стоитъ тутъ же съ готовымъ запасомъ оправданій, что, молъ, такъ случилось, вышелъ запасъ своей капусты, взяла у такой-то, а у нея не столько квартирантовъ и т. под.

„Ты коноводилъ?“ спрашиваетъ инспекторъ великовозрастнаго грамматика, вовсе даже не по желанію попавшаго въ депутаты. Чуется наступленіе грозы: ея признаки—и на суровой физіономіи инспектора, и на просвѣтляющемся лицѣ хозяйки...

— Нѣтъ, я... робко начинаетъ тотъ.

„Сынъ отца протоіерея“... язвитъ инспекторъ по адресу грамматика, какъ разъ сына пономаря, да еще и заштатнаго: „у папиньки привыкъ пундики кушать... Вотъ я тебѣ покажу, какъ бунтовать!... Да знаешь ли ты, глупое животное, какъ *насъ* кормили?!“

И начинается внушеніе, за внушеніемъ неизбѣжно слѣдуютъ: полный конфузъ бурсаковъ, явное торжество хозяйки, донесеніе ректору, „неблаговолъ“ ко всѣмъ квартирантамъ...

„Ну!... наступитъ реформа!...

И въ этомъ—все утѣшеніе голодныхъ бурсаковъ, дѣйствительно не избалованныхъ „пундиками“, но все же способныхъ отличать борщъ отъ помоевъ. Съ реформой и новымъ инспекторомъ ничего подобнаго не можетъ быть...

Библиотека "Руниверс"

Меньше всего смущалъ бурсаковъ вопросъ о томъ, что принесетъ реформа для ихъ убогой науки. Въ критику программъ и способовъ ихъ выполненія никто и никогда не вдавался. А между тѣмъ и съ этой стороны подходило что-то новое... Вдругъ, напр., откуда ни возьмись, появляется новая греческая грамматика. Получено всего нѣсколько экземпляровъ, досталось по одному на добрый десятокъ учениковъ, вмѣнено въ строжайшую обязанность бережно хранить, передавать и другимъ классамъ, а къ концу года сдать въ цѣлости. Не умѣли-ли взяться за нее, мало-ли ужъ очень было экземпляровъ, только злосчастная грамматика поселила паническій страхъ среди бурсаковъ, которые почувствовали себя, какъ крестьяне въ Юрьевъ день: „вотъ она—реформа!“ И невольные вздохи сопровождали полеты этой ласточки изъ класса въ классъ... Или вдругъ ни съ того, ни съ сего отмѣнили полугодовые экзамены. Положимъ, экзамены и передъ Рождествомъ, и передъ каникулами—дѣло, конечно, не легкое; положимъ, зимніе экзамены больше лѣтнихъ огорчали бурсаковъ, которые въ это какъ разъ время такъ аппетитно мечтали о домашнихъ колбасахъ и такъ жадно смотрѣли за ворота, не покажется ли подвода... Но изъ противорѣчій созданъ весь человѣкъ: тѣ же бурсаки и пожалѣли о зимнихъ экзаменахъ, прекрасно понимая, что теперь прійдется все сдавать сразу за цѣлый годъ, сдавать притомъ въ іюнѣ, когда и безъ экзаменовъ жарко... Стали давать книги для чтенія... Это ужъ и совсѣмъ нѣчто несуразное. Какъ читать? Зачѣмъ читать? Всѣ такъ привыкли учить, зубрить, сдавать вызубренное авдитору*), потомъ учителю и получать отмѣтку со всѣми ея послѣдствіями, что чтеніе безъ столь опредѣленной цѣли рѣшительно не укладывалось въ головѣ. Чтеніе-то, конечно, существовало: учителя часто носили подъ мышкой толстыя книги, какія-то книги стояли въ шкафу въ учительской, по рукамъ бурсаковъ очень часто ходили списанные стихи... Послѣдніе получались обыкновенно такъ: ученики, живущіе на

*) См. ниже.

Библиотека "Руниверс"

квартирѣ учителя, первые узнавали и списывали, а отъ нихъ уже рукопись распространялась по всему училищу. И странное дѣло! Никому въ голову не приходило обратить вниманіе на то, что, вѣдь, бурсаки удивительно способны увлекаться поэзіей. Попалась имъ ода „Богъ“ Державина. Я рѣшительно готовъ думать, что даже современники, не исключая и самой Екатеринѣ II, не увлекались такъ этой одой въ годъ ея появленія, какъ увлекались бурсаки чрезъ 80 лѣтъ...

„Отъ, братъ, написалъ!!“

Это—высшая похвала, похвала отъ такого избытка сердца, когда уста отказываются глаголать. Изъ другихъ поэтовъ больше всѣхъ посчастливилось Шевченку. Отчасти повліяла на это „Основа“, главнымъ же образомъ—общее увлеченіе твореніями великаго поэта, увлеченіе, коснувшееся всѣхъ уголковъ Малороссіи. Было, впрочемъ, одно еще частное обстоятельство: жительство въ томъ городѣ друга Шевченка, доктора Козачковскаго... Послѣдняго и не знали вовсе, но тѣмъ умилительнѣе было это благоговѣніе къ деревянному забору, окружавшему дворъ, гдѣ бывалъ когда-то Шевченко *). Изъ устъ въ уста ходили экспромпты, будто бы сказанные поэтомъ въ домѣ Казачковскаго остроты, анекдоты. Я склоненъ думать, что Тарасу Григорьевичу было приписываемо то, въ чемъ онъ рѣшительно не былъ повиненъ, но—повторяю—обо всемъ этомъ нельзя вспомнить безъ какого-то умиленія...

Ввели вдругъ уроки рисованія. Положимъ, это—чисто дѣло случая: отцу діакону Д-му, изрядному рисовальщику, захотѣлось попасть въ учителя духовнаго училища, такъ или иначе—высшаго въ П. разсадника просвѣщенія; но кто же думалъ объ этомъ? Положимъ, дѣло не наладилось и не могло наладиться: ни пособій не было, ни мало-мальски подходящей обстановки,

*) Здѣсь возможно допущеніе нѣкоторой неточности. Все основано на припоминаніи: бурсаки не могли пройти мимо „дома Козачковскаго“, чтобы не остановиться, не сказать о Шевченкѣ, не повторить одного и того-же въ сотый разъ. Домъ—по дорогѣ къ купальнѣ, потому часто приходилось ходить мимо. За 30—35 лѣтъ многое можно забыть. Оговариваю возможную неточность. Авторъ.

Библиотека "Руниверс"

ни умѣнья у господина учителя; но дѣло не въ этомъ, и однимъ признакомъ наступленія реформы стало больше. И отецъ діаконъ говорилъ: „*теперь* нужно учиться рисовать.“ И учились. Вотъ получили для „перерисовки“ какую-то иллюстрацію. Картина изображала козака, вооруженнаго съ ногъ до головы. „Перерисовывали“ ее и при помощи прозрачной бумаги, т. е. смазанной свѣчнымъ саломъ, и при помощи оконнаго стекла, и „на глазъ“,—и всего одинъ получилъ похвалу, да и то съ оговоркой: „хорошо, только усы—настоящіе усы!“

Разговоры объ ожидаемой реформѣ наполняли всѣ досуги бурсаковъ, и въ бесѣдахъ этихъ обнаруживалось далеко не малое число скептиковъ, которые, въ сущности, и поддерживали оживленные разговоры. Скептики умѣли подбирать какъ разъ то, что составляло наименѣе отрадные признаки реформы, группировали факты и самоё реформу ѣдко рисовали въ образѣ какой-то бабы-яги, шествующей въ классическихъ мокроступахъ Мазницы и заметающей слѣдъ помеломъ изъ березовыхъ прутьевъ...

— „Чорта съ этой реформы! Рекреаціи *) похѣрятъ, засадятъ за новую греческую грамматику, напрутъ на годовой экзаменъ, вмѣсто порки среди двора будутъ драть въ карцерѣ, будутъ турить **) изъ училища за всякую малость и при этомъ, конечно, называть „вы“: „вы“—молъ—исключены...“

— Ну, а теперь не исключаютъ?

— „Да пойми же ты, глупая голова, что теперь хоть исключаютъ, но не сразу: по три—четыре года держатъ...“

— Да *тебѣ*-то чего кипятиться? Вѣдь, въ первый разрядъ уже перелѣзаешь...

— „А я развѣ за себя? Реформа не для меня одного...“ Больше всего интересовали бурсаковъ бесѣды на ту же тему съ учителями. Уже самый фактъ, что учителя вступали въ бесѣду, въ подобный разговоръ съ учениками, конечно, говорилъ

*) Рекреація на обыденномъ языкѣ бурсаковъ, со вставкою латинскаго g.

**) Выгонятъ вонъ.

Библиотека "Руниверс"

о реформѣ. Учителя знаютъ все. Если они многое скрываютъ, то иначе нельзя: права не имѣютъ говорить все. Однако жъ, на вопросы учениковъ отвѣчаютъ, а съ синтактиками часто сами и разговоръ начинаютъ.

— „Отецъ Ѳедоръ! Правда-ли, что бить не будутъ?“

— Будто васъ теперь бьютъ! уклончиво отвѣчаетъ отецъ Ѳедоръ.

— „Ого! А зимой Осипъ Карповичъ не далъ корешковъ за то, что грѣлись?“

Это было въ морозное утро. Сараи—классы не отапливались. Въ передней, раздѣлявшей два класса, бурсаки „грѣлись“, устроивъ общій кулачный бой—свалку. Поднялся невообразимый шумъ. Пыль стояла, точно облако. Осипъ Карповичъ нагрянулъ... Услышавъ шумъ, онъ не пошелъ въ учительскую за журналомъ, и бурсаки ошиблись въ разсчетѣ—не могли его видѣть. Онъ прошелъ изъ воротъ прямо въ классы. Виноваты были всѣ, и всѣмъ „влетѣло“: каждый, по очереди, получилъ нѣсколько ударовъ корешками пучковъ розокъ въ ладони...

Отецъ Ѳедоръ улыбается, отъ прямого отвѣта на вопросъ уклоняется; ясно, что „вопросъ“ не рѣшенъ,—скептикамъ на руку.

— „И все по новой грамматикѣ будутъ учить?“

— О, да!

— Трудно...

— Что вы?—И отецъ Ѳедоръ начинаетъ выяснять: Напротивъ, именно—легко. Подумайте: въ новой—слова, примѣры, форма, потомъ правило...

Увы! Бѣдный бурсакъ слишкомъ привыкъ къ иному методу, и самые убѣдительные доводы даже любимаго учителя не сразу могли убѣдить его въ легкости новаго.

Когда вопросъ о реформѣ и ея благодѣяніяхъ обращался къ самому инспектору, послѣдній останавливался, молчалъ, измѣрялъ взглядомъ вопрошавшаго и потомъ изрекалъ многозначительно: „Глупое ты животное!“ Бесѣда тѣмъ и кончалась... Впрочемъ, инспекторъ, смотря по расположенію духа, добавлялъ иногда: „Вамъ же будетъ хуже!“ И тогда слова его передава-

Библиотека "Руниверс"

лись изъ устъ въ уста, на всѣ лады комментировались, подтверждали близость реформы, но укрѣпляли скептиковъ въ недовѣріи и опасеніяхъ.

— „Ѳедоръ Степановичъ! Скоро реформа?“

— А вамъ-то что?

Вопросившій становится въ тупикъ, кто-то является на выручку: „хочетъ—молъ—сосчитать, сколько еще шишекъ на лбу выростетъ...“

Довольно ординарная острота вызываетъ всеобщій смѣхъ: бурсакъ радъ, что представился случай безнаказанно подсмѣяться надъ Мазницей.

— „А правда, что передъ самой реформой ревизоръ пріѣдетъ?“

— О, это весьма вѣроятно!

Учитель принялъ серьезный видъ. Веселое настроеніе всѣхъ оставляетъ. Можно подумать, что ревизоръ уже за спиной...

II.

Авдиторы и эраты.

Учителя, видимо, стали мало придавать значенія излюбленному пріему провѣрки учениковъ—*эратамъ*, иные вовсе ихъ похѣрили,—это тоже явный признакъ наступленія реформы. Ученики почувствовали это, и постарались помочь окончательному упраздненію эратъ, составлявшихъ во многихъ отношеніяхъ преоригинальное явленіе, стоющее воспроизведенія.

Обыкновенно изъ учениковъ, заслужившихъ довѣріе учителей, т. е. исправно учившихъ уроки, избирались такъ называемые „авдиторы,“ отъ латинскаго слова „audio“ слушаю. Авдитору назначали отъ 2 до 5-ти и даже больше учениковъ, которыхъ они „выслушивали“. Авдиторъ заводилъ у себя особую тетрадь—вѣдомость, называвшуюся „эратой“. Въ эратѣ писались всѣ ученики, порученные авдитору, ихъ имена и фамиліи, затѣмъ—отводились клѣтки подъ числами мѣсяца, какъ это дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лается въ обыкновенномъ классномъ журналѣ. Въ клѣткахъ дѣлались соотвѣтствующія отмѣтки: знаетъ урокъ—„sc“ (т. е. scit), не знаетъ—„nsc“ (non scit), ошибается—„er“ (т. е. errabat). Ежедневно передъ урокомъ авдиторъ долженъ былъ „выслушать“ всѣхъ своихъ кліентовъ и каждому сдѣлать отмѣтку, какой заслужилъ. Послѣ этого эраты тщательно складывались на столѣ, и учитель, просматривая ихъ во время урока, вызывалъ однихъ, распекалъ другихъ, хвалилъ третьихъ.

Сколько забавныхъ и печальныхъ недоразумѣній порождалось этимъ оригинальнымъ пріемомъ провѣрки!

— „Ты у кого въ эратѣ?“

— У N...—слѣдуетъ нецензурное прозвище авдитора.

— „Ну?“

— Ей-Богу!

— „А я, братъ, у Васьки.“

— Э! тебѣ—лафа!

Чтобы понять всю соль этого діалога, надо знать отношеніе авдиторовъ къ своимъ обязательствамъ. Авдиторъ—подлиза къ начальству, начиналъ съ того, что готовилъ позолоченную пилюлю—роскошную эрату: онъ графилъ ее, какъ заправскій чертежникъ; заглавіе писалъ самъ или даже заказывалъ писать тому, кто особенно искусился въ дѣланіи всякихъ виньетокъ; нерѣдко пускались въ ходъ краски, и получалась „шикозная“ эрата, невольно обращавшая на себя вниманіе учителя, который готовъ былъ видѣть въ этомъ особенное стараніе и почтительность авдитора. Увы! дальнѣйшія украшенія эраты были уже иные: „nsc“ и „er“ занимали всѣ клѣтки, „sc“ попадалось, какъ оазисъ въ пустынѣ, распеканіямъ и всевозможнымъ возмездіямъ не было конца. Это—дѣйствія авдитора самоувѣреннаго, подлипайлы, зазнавшагося. „Настоящій“ авдиторъ пренебрегалъ формой и заискивающе держалъ себя по отношенію къ находящимся въ его эратѣ. Правда, такое отношеніе не всегда отличалось безукоризненной нравственной чистотой: иной боялся самъ попасть въ эрату, иной зорился на деревенскія лакомства; но въ „настоящемъ“ авдиторѣ часто крылось спасеніе отъ бѣды...

Библиотека "Руниверс"

Утро. До начала урока остается немного. По двору ходятъ парами: „выслушиваніе“ въ разгарѣ. Иные отдѣлились: то—повторяющіе уроки въ ожиданіи призыва со стороны авдитора. Иные весело или понуря голову направляются въ классъ: это—спрошенные и получившіе свое „sc“ или „er“. Иные идутъ съ гордо поднятой головой и окруженные товарищами: это—авдиторы, глухіе къ мольбамъ плохо сдавшихъ урокъ... Посторонній ничего не разобралъ бы въ этой разошедшейся по просторному и далеко не уютному двору толпѣ, но тотъ, кто зналъ, въ чемъ дѣло, и во-время прислушался къ жужжанію, могъ услышать подъ-часъ такіе разговоры.

— „Ну, нѣтъ, братъ, я тебѣ отплачу за твои „несциты“ (nsc)... Покряхти теперь...“

Это говоритъ грамматикъ своему подневольному товарищу. Послѣдній попалъ въ эрату къ первому, какъ часто попадали по игрѣ злой судьбы: былъ самъ авдиторомъ, но залѣнился, сталъ проказить и мало того, что лишенъ авдиторства,—на это бы наплевать, но вотъ главное горе—онъ отданъ еще въ эрату тому, кто былъ въ его эратѣ, да постарался, исправился, „перегналъ“ самого авдитора, „ссадилъ“ его и теперь мститъ... И разъяреннѣйшій инквизиторъ не придумалъ бы большей пытки, какую изобрѣлъ Мазница... И, вѣдь, это чучело еще само прибавитъ мученій: посмотритъ въ эрату, увидитъ „nsc“, подыметъ хохотъ, за нимъ разразится хохотомъ весь классъ,—чортъ знаетъ, что такое!

— „А ты учись, опять будешь авдиторомъ!“

И мудрый педагогъ не шутя думалъ, что его алюры—безподобное средство заставитъ учиться!...

— „Дать?“

Авдиторъ смотритъ: „галда“ *). Слюнки текутъ; но дающій, вѣдь, ровно ничего не знаетъ... Куда ни шло! Авдиторъ аппетитно уплетаетъ какіе-нибудь „вергуны“ **), въ эратѣ красуется „sc“. Хорошо, если сойдетъ, а попадешься?

*) Угощеніе.

**) Хрусты.

Библиотека "Руниверс"

— „А ты что-жъ это поставилъ „sc“, а? Это, по-твоему, „scit?“

— Онъ, зналъ, ей-Богу, зналъ...

„Ахъ, ты...“ И пошла писать!...

А, вѣдь, „онъ“ и въ самомъ дѣлѣ могъ знать? Раздумываетъ учитель, соображая возможные фокусы.

„Ивановъ! Ты зналъ?“

— Зналъ...

— „Когда жъ ты успѣлъ забыть?“

— Голова болитъ, господинъ учитель...

— „Врешь, шельмецъ, врешь... Петровъ! Сдай эрату такому-то: не стоишь...“

Петрову, однако, не стыдно и не обидно: онъ попадаетъ даже въ герои бурсы, какъ падающій въ яму, которой не рылъ. А вотъ Семенову—о! тому жутко... Взъѣлись на него эратные и сговорились допечь. Спрашиваетъ—ни одинъ ни въ зубъ. Просто не вѣрится.

„Послушай! Ты жъ вчера училъ!“

— Училъ.

„Ну?“

— Трудно, въ головѣ путается....

Семеновъ пишетъ: „er“, „nsc“, „er“, „nsc“,—всѣ плохо. Инспекторъ щуритъ глаза, себѣ не вѣритъ.

„Ни одинъ?“

— Я зналъ!

— И я зналъ!

— И я!

— И я!

„Ступайте сюда!“

Квартетъ у стола. Лица—ясныя, смотрятъ увѣренно, лукавая улыбка скользитъ по физіономіямъ, классъ приготовился къ спектаклю.

— „Говори ты урокъ!“

Первый говоритъ безъ запинки. Семеновъ волнуется. Инспекторъ недоумѣваетъ, классъ оживляется.

Библиотека "Руниверс"

— „Продолжай ты!“

Еще лучше. Что за исторія? Семеновъ пытается оправдаться: сговорились...

— „Не мѣшай!“

Третій не уступаетъ первому, четвертый—второму. Классъ ажитированъ. Семеновъ—подлиза, не „настоящій“ авдиторъ, провалъ его готовъ. Инспекторъ хочетъ разслѣдовать.

— „Сговорились?“

— Нѣтъ! И всѣ четверо, какъ невинные агнцы, переглядываются.

— „Сговорились?“

— Ей-Богу, нѣтъ! И физіономіи всѣхъ принимаютъ и серьезное, и обиженное, и недоумѣвающее выраженіе.

Инспекторъ настроенъ довольно благодушно. Резолюція—милостивая для бунтовщиковъ, но все-таки непріятная для Семенова: „насильно милъ не будешь“, и... эрата передается другому. Торжество полное. Инспекторъ на вышелъ еще изъ класса, какъ всѣ четверо показываютъ Семенову длиннѣйшій носъ...

— „Что записать?“ спрашиваетъ авдиторъ-либералъ, не симпатизирующій эратѣ и пользующійся большими симпатіями эратныхъ.

— Scit.

— „А тебѣ?“

— Errabat...

Записи дѣлаются безъ спрашиванія. И—странное дѣло!—такія именно записи всегда и оказывались наиболѣе вѣрными...

Выдѣлялись авдиторы, попасть къ которымъ не одинъ бурсакъ считалъ за большое счастье. Это своего рода идеалисты. Для такого авдитора написать „nsc“ или „er“—сущее наказаніе, и онъ уже наканунѣ торгуется съ эратными, часто, и даже въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не понимавшими чудака-авдитора.

— „Что-жъ ты не учишь?“

— Выучу!

Библиотека "Руниверс"

— „Знаемъ мы—выучу. Давай вмѣстѣ учить.“

— Давай.

И учатъ вмѣстѣ, хотя самъ авдиторъ давно уже выучилъ.

— „Чудакъ!“ судятъ эратные.

— Чудакъ, а молодчина!

— „И что ему нужно? Похвалы?“

— И не думалъ: добрый.

— „Какъ же! Открывай ротъ...

— А то что?

— „Подлизаться.“

— Врешь!

Отъ спора недалеко и до потасовки, иногда довольно солидной, отвѣчающей важности причинъ и повода, обнаруживающей благородство одного и свинство другого.

„Сговоры“ противъ авдиторовъ, „ошибки“ послѣднихъ, какъ отмѣчавшихъ безъ спрашиванія, нерѣдко даже просьбы освободить отъ авдиторства,—все это были слабые, правда, протесты противъ неудачнаго способа контроля, но протесты, которые въ связи съ взглядами иныхъ учителей и въ виду грядущей реформы не могли не повести къ окончательному уничтоженію эратъ. Остались одни воспоминанія, часто веселыя, но нерѣдко заставляющія бурсака съ омерзѣніемъ вспоминать и того, кто назначалъ ему авдитора, и того, кто былъ его авдиторомъ...

III.

Гоненіе на „кулачки“.

А строгое и явное преслѣдованіе участія бурсаковъ въ кулачныхъ битвахъ, по-просту въ „кулачкахъ“, развѣ это преслѣдованіе не признакъ все той же ожидаемой реформы? Да какой еще! Не вчера ли сами учителя не только любовались кулачками издали, не только, видя участіе бурсаковъ, не „гонили“, а даже еще одобряли; сегодня—на тебѣ: не смѣть и—баста!

Библиотека "Руниверс"

Въ сущности участіе бурсаковъ въ кулачныхъ бояхъ, послѣ перевода изъ П. семинаріи, было ничтожно и сохранялось больше по традиціи. Кулачки—дѣло „шкурниковъ“, иначе—кожевниковъ; но, живя на квартирахъ у тѣхъ же „шкурниковъ“, могли ли они не обнаружить нѣкоторой общности интересовъ, а тѣмъ болѣе, когда дѣло касается поддержанія чести бурсы, хранившей преданія столь недавняго прошлаго? Между тѣмъ, самая организація кулачекъ уже вела къ тому, что не только „силачи“ бурсы, но даже и мелюзга—фара, и та оказывалась пригодной и не безполезной.

Уже осенью, съ наступленіемъ первыхъ холодныхъ дней, открывался сезонъ кулачекъ. Послѣ ранняго праздничнаго обѣда, на громадномъ валу, раздѣляющемъ городъ на двѣ части и составляющемъ его, кажется, необслѣдованный историческій памятникъ, начинали собираться: дѣти, подростки, юноши, взрослые и даже старики. Таковъ былъ нормальный порядокъ сбора. Взрослые и старики еще отдыхали, юноши норовили пристать къ старшимъ, и собирались раньше всѣхъ дѣти да подростки. На обязанности ихъ лежало „зарывать“, иначе—подзадоривать, начинать бой, вовлекать въ него, быть застрѣльщиками. Бой—не бой безъ надлежащей постепенности. Нельзя же явиться старшимъ и ни съ того ни съ сего начать тузить другъ друга! На городской сторонѣ, по сю сторону вала, среди дѣтей и подростковъ были уже и бурсаки. Въ подбитыхъ вѣтромъ пальтишкахъ, рваныхъ шапченкахъ изъ фиктивнаго барашка, заплатанныхъ сапоженкахъ, бѣгали они по валу и, купно съ товарищами по улицѣ, кричали они задорное: «Давай, давай, давай!» Получалось согласіе въ видѣ такого же приглашенія; бойцы—пигмеи сходились, награждали другъ друга тумаками, разбѣгались, снова сходились. Если схватка принимала сколько-нибудь серьезный характеръ, подростки оставляли свои мѣста зрителей, спѣшили на помощь «своимъ», и одна изъ сторонъ или сдавалась (садились—«сидячихъ не бьютъ», убѣгали), или побѣждала. Смотря, однако, по количеству собравшихся силъ, на подмогу налетали юноши, а если дальнѣшій ходъ дѣла того

Библиотека "Руниверс"

требовалъ, то одинъ за однимъ выскакивали «изъ засады», обязательной для обѣихъ сторонъ, и взрослые, извѣданные бойцы, но выскакивали, строго соблюдая постепенность силы и ловкости, иногда включительно до «перваго силача». Такъ постепенно образовывался какой-то снѣжный комъ, непрерывно увеличивавшійся бойцами все посильнѣе и посильнѣе, пока, наконецъ, уже въ сумеркахъ, не вылетѣлъ изъ засады тотъ, о комъ не говорили даже «силачъ», но чьего имени страшилась даже противная сторона... Онъ рѣшалъ дѣло безъ боя: своимъ неожиданнымъ появленіемъ вызывалъ панику, слабые противники показывали тылъ, въ который безцеремонно и влетали подзатыльники, какъ послѣдній даръ побѣдителей. Зимой, когда рѣка,—историческая рѣка, видѣвшая смерть Бориса и Глѣба,—замерзала; когда дѣйствіе переносилось на ледъ, и схватки происходили уже между городомъ и Зарѣчьемъ; когда страшныхъ именемъ имѣли обѣ стороны, появленіе этихъ богатырей обозначало наступленіе момента страшнаго, кроваваго боя, за которымъ, конечно, слѣдовало то же бѣгство, побѣда, торжество, пораженіе, позоръ. Прозрачный ледъ рѣки долго хранилъ слѣды побоища и не знающій, въ чемъ дѣло, могъ бы подумать, что на льду недавно шелъ убой скота...

Предреформенная низшая бурса представляла блѣдную, конечно, копію старой бурсы съ семинаріей, но все же копію. Въ ней еще оставалась и прежняя организація кулачекъ. Были и «зарывавшіе», и «кулачники», и даже два—три силача, о которыхъ съ пренебреженіемъ говорили богатыри шкурники, рѣшавшіе битвы, но которые славились среди заурядныхъ бойцовъ и въ интимной бесѣдѣ между собой допускали несбыточныя мечты когда-нибудь соединенными, не ослабленными раньше силами дать отпоръ и самому богатырю противной стороны... Увы! Мечты такъ и оставались мечтами... Несчастный П-въ разъ навсегда лишился силачей большой бурсы, и ни для кого не было тайной, что маленькіе сравнительно силачи маленькой бурсы олицетворяютъ собою предсмертный вздохъ и этой предсмертной хранительницы традицій.

Библиотека "Руниверс"

На квартирахъ, особенно на одной, у самаго вала, съ садикомъ, чрезвычайно удобнымъ для «засады», уже во время обѣда шли оживленные разговоры бурсаковъ: будутъ кулачки. Мало-по-малу сюда являются и изъ другихъ квартиръ, сосѣднихъ и отдаленныхъ. Затѣвается что-то недоброе, и старая Варочка, хозяйка, не шутя тревожится!

— «Ой, смотрите... наживу я съ вами горя!»

Опасенія понятны. Сами же бурсаки двемъ и ночью толкуютъ о реформѣ, сами же такіе страхи разсказываютъ про нее, что упаси, Боже: ну не ровенъ часъ... непремѣнно лишатъ квартиры...

— «О! Уже опять тащутся... И чего? Сидѣли бъ себѣ дома да уроки учили... Вотъ, ей Богу, возьму да и скажу инспектору... Что это такое за новости?!

Конечно, не Варочка сказала инспектору,—скорѣе всего—самъ онъ узналъ,—только на валу поставлены дежурные, которымъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность не допускать туда учениковъ, а буде кто прорвется, одинъ изъ дежурныхъ долженъ безъ оглядки бѣжать къ инспектору... Мыслимое ли однако дѣло, чтобы подобный приказъ былъ исполненъ? Въ крайности, сами же дежурные докажутъ, что шкурники ворвались въ садъ, и что ученики только вынуждены были ихъ гнать...

Сезонъ кулачекъ уже не тотъ, когда выступаетъ «вся сила», но народу собралось довольно. «Зарывавшіе»—фары и младшіе грамматики сдѣлали свое дѣло и стушевались: ихъ скромная, но вмѣстѣ и почетная роль теперь—хранить верхнее платье синтактиковъ, которые рѣшили во чтобы то ни стало сегодня кому-то «накласть». Крикъ, шумъ, схватка за схваткой... Еще минута, и—все слилось въ одну безпорядочную группу. Всякихъ размѣровъ кулаки усердно гуляютъ по головамъ. Уже и послѣдніе силачи бурсы оставили свои „засады“... Чья возьметъ? вопросъ если не жизни, то во всякомъ случаѣ чести...

„Учителя!!!“

— Го-го-го!... Ха-ха-ха!... Давай, давай!... Тю-тю-ю-у-у!

Библиотека "Руниверс"

Что произошло—передать трудно. Вдали на одномъ изъ холмовъ вала стояла группа: инспекторъ съ своей палкой-клюкой, учитель одинъ, учитель другой, кто-то неизвѣстный, еще кто-то.—Бурсаки бросились назадъ. Ослабѣвшіе сторонники ихъ сѣли. Противники съ крикомъ, хохотомъ и гикомъ погнались за убѣгавшими. Но бурсаковъ уже и слѣдъ простылъ, точно сметены они были однимъ порывомъ вѣтра, точно вдругъ всѣ провалились сквозь землю... На валу остались только дежурные, предвкушавшіе удовольствіе похмелья въ чужомъ пиру...

Въ чаяніи немедленнаго посѣщенія квартиръ и строжайшаго слѣдствія, явно провинившіеся бурсаки разбѣжались по квартирамъ и... чинно усѣлись за книги... Не одна хозяйка встрѣтила ихъ укоризненнымъ возгласомъ: „А что? Нарвались? Говорила я...“ Но слушать „нотацій“ хозяекъ было некогда. Если прійдетъ инспекторъ или кто-либо изъ учителей, квартирная хозяйка должна божиться и клясться, что изъ ея „паничей“ никто и не думалъ уходить изъ дому, что отъ обѣда и до сихъ поръ всѣ сидятъ за книгами, что даже лампы и свѣчи потребовали раньше, что чужіе еще съ обѣда тутъ—пришли вмѣстѣ учить уроки,—словомъ: должна была показывать вполнѣ согласно съ тѣмъ, какъ будутъ показывать и бурсаки. Бѣдные воины не соображали, что далеко не нужно было обладать дарованіями Лекока, чтобы всѣхъ уличить во лжи: разгорѣвшіяся отъ холода лица, взъерошенные волосы, у иного—даже свѣжіе синячки, вовсе не на урокахъ съ точнымъ „отсюда до сюда“ раскрытыя книги, присутствіе и такихъ чужихъ, которымъ совсѣмъ было не мѣсто,—все такъ ясно говорило о томъ, что не ясно было только для испуганныхъ бурсаковъ... Посѣщенія, однако, не было, а слѣдствіе произвели на другой день. Виноваты были всѣ, пострадали да и то не сильно—одни дежурные. Хотѣли, правда, жестоко наказать двухъ силачей, особенно, когда на физіономіи одного открыли черезъ-чуръ явные слѣды вчерашней битвы въ видѣ кровоподтековъ, а у другого нанковый сюртукъ оказался невозможно изорваннымъ, но... и того не сдѣлали: во-первыхъ, не такое время, чтобы затѣвать исторіи

Библиотека "Руниверс"

которыя гораздо полезнѣе тушить;—во-вторыхъ, и мальчику извѣстно, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ;—въ-третьихъ,—наконецъ, для каждаго изъ этихъ немногихъ могиканъ такъ близка семинарія, что грѣшно губить карьеру... Все это такъ, тѣмъ не менѣе рѣшено, твердо и безповоротно рѣшено, „въ сурьезъ“, положить предѣлъ кулачкамъ. И его положили, положили путемъ простой бдительности, которая если еще и обходила иногда силачей, то развѣ только силачей...

— „Слава Богу!“ облегченно вздохнула не одна квартирохозяйка, особенно, конечно, изъ сосѣднихъ къ валу, а наипаче— Варочка: „Та то-жъ, Господы, дошлы до ка-зна чого... Чи ихъ же то дило?“

IV.

Ревизоръ.

Смутно представляя себѣ реформу, олицетворяя ее въ какомъ-то сказочномъ образѣ, улавливая нѣкоторые признаки ея наступленія и не будучи въ состояніи, на основаніи этихъ признаковъ, нарисовать себѣ нѣчто цѣльное и болѣе или менѣе опредѣленное, бурсаки узнали одно: появится предтеча реформы—ревизоръ, и за нимъ уже, не медля, вступитъ во всѣ свои права и реформа. Удивительно ли, что вниманіе всѣхъ было сосредоточено на ожиданіи резизора? Страхъ ревизора не поддается рѣшительно никакому описанію... Его боялись прежде всего учителя, за учителями дрожали и ученики; о немъ не безъ смущенія проговаривался иногда ректоръ, при его имени что-то непостижимое творилось и съ инспекторомъ; даже сторожъ, наэлектризованный разговорами всѣхъ о ревизорѣ, начиналъ глупо суетиться, какъ бы готовясь къ пріему. Всѣ эти страхи имѣли, конечно, большое основаніе. Низшая бурса тогда не знала, какъ теперь, учителей съ высшимъ образованіемъ: должности ихъ занимали прошедшіе только курсъ семинаріи. Ректоръ, положимъ, былъ академистъ, Мазница тоже, говорятъ, учился нѣсколько лѣтъ въ академіи; но, во-первыхъ, это не

Библиотека "Руниверс"

было общее явленіе, а во-вторыхъ, потому же ректоръ и не стѣснялся аттестовать всѣхъ учителей „бурсачвой“ и даже „дрянью“. Ревизоръ, между тѣмъ, долженъ былъ быть никто иной, какъ „профессоръ семинаріи“. Многолѣтняя служба въ глухомъ городишкѣ, безконтрольное веденіе дѣла приводило къ тому, что учителя черезъ-чуръ уже отставали въ своей несложной наукѣ. По познаніямъ, они стояли, конечно, выше даже синтактиковъ, но „профессоръ семинаріи“, будь онъ какой угодно спеціальности, могъ легко „срѣзать“ каждаго. Вотъ этого-то и боялись учителя, боялись не на шутку... Среди бурсаковъ ходило не мало анекдотовъ о ревизорахъ. Анекдоты эти распространялись семинаристами, бывшими воспитанниками того-же училища и въ письмахъ своихъ вравшими немилосердно... Теперь они пророчили пріѣздъ то одного, то другого „профессора“, приписывали каждому черты Юпитера, безбожно запугивая не только учениковъ, но и учителей, которые часто переписывались съ семинаристами же. Все сводилось къ одному: дока и гроза! Объ одномъ писали, что когда онъ читаетъ „лекціи“ (непремѣнно—„лекціи“, ибо уроки—въ училищѣ...), то никто ничего не понимаетъ,—высшая похвала и наиболѣе устрашающій отзывъ! Другаго аттестовали геніемъ, отъ котораго ничто не укроется, какъ отъ какого-то ясновидящаго,—похвала администратору. Третій—сила: и не боится и самаго архіерея, съ которымъ на экзаменѣ вступаетъ въ споръ. Словомъ: который бы ни пріѣхалъ, все-равно, держи ухо востро. Оставалось вздыхать, говорить и ждать пріѣзда барина.

Раннее зимнее утро. Чуть свѣтаетъ. Въ квартирѣ не спитъ только хозяйка, занятая варкой галушекъ, обычнаго завтрака бурсаковъ *). Въ наружную дверь кто-то немилосердно стучитъ. Слышится въ сѣняхъ вопросъ хозяйки, желающей знать, въ чемъ дѣло. Утренній вѣстникъ полноправно врывается въ квартиру и выкрикиваетъ, еле переводя духъ, страшное слово, которое у

*) Конечно, кромѣ субботы съ ея традиціонными блинами.

Библиотека "Руниверс"

меня, по крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ: „Ревизоръ!“

Выстрѣломъ изъ пушки не удалось-бы поднять такъ вдругъ на ноги всѣхъ бурсаковъ... Не минута, не пол-минуты, прошла буквально секунда—и десятокъ синтактиковъ, грамматиковъ и фаръ, въ однѣхъ рубахахъ и босыхъ, окружили вѣстника, уже готоваго бѣжать дальше.

«Что—о—о? Какъ? Куда? Постой-же!..»

Вѣстникъ не въ силахъ выговорить ничего больше. Онъ едва успѣваетъ показать нѣсколькимъ счастливцамъ манускриптъ самого ректора, начинающійся словами: «Пріѣхалъ ревизоръ О-въ...» Этотъ манускриптъ онъ долженъ показать учителямъ, наскоро сообщить содержаніе его по всѣмъ квартирамъ и принести обратно ректору,—понятно опасеніе, чтобы бурсаки не проглотили столь важнаго клочка бумажки. Вѣстникъ свое дѣло сдѣлалъ и исчезъ, ошеломивъ бурсаковъ...

Одѣться, помолиться Богу, собрать книжки, было дѣломъ не многихъ минутъ, молчаливыхъ, но полныхъ суетливаго страха. Недоварившіяся галушки остались въ полное распоряженіе хозяйки; некогда,—надо спѣшить въ классъ... Почему спѣшить? Для чего? Что дѣлать тамъ? Объ этомъ никто не думалъ и думать не могъ: если бы извѣстіе о пріѣздѣ ревизора получилось и среди ночи, навѣрное не стали бы ждать утра... Понималъ это и сторожъ. Сдѣлавъ необычно тщательную приборку классовъ ночью, онъ оставилъ ихъ отпертыми,—кстати, красть въ нихъ нечего было,—а когда ввалила толпа бурсаковъ, онъ только замѣтилъ серьезно и многозначительно:

— „Не шумѣть же!“

Можно было подумать, что ревизоръ уже въ какомъ-нибудь классѣ. Предостереженіе сторожа было совершенно лишнее: бурсаки не только не расположены были «шумѣть», но каждый былъ больше, чѣмъ когда-либо, озабоченъ и серьезенъ; казалось, самый пріѣздъ ревизора каждый бурсакъ понималъ не иначе, какъ состоявшимся исключительно для него одного... Въ полутемныхъ еще классахъ всѣ чинно усѣлись за парты и, тре-

Библиотека "Руниверс"

вожно поглядывая въ окна, принялись зубрить и пройденное, и на сегодня заданное. Разговоровъ почти не слышно.

— „Охъ... Что-то будетъ?!“

— Не мѣшай!..

И сосѣдъ долженъ замолчать, хотя и чувствовалъ непреоборимое желаніе поговорить, высказаться.

— „Господа!“ обращается кто-то въ пол-голоса къ классу: „скажемъ, что этого еще не учили... собьетъ“...

— Чш—ш...!

У всѣхъ ёкнуло сердце. Оказалось, что явился еще только предвѣстникъ—Мазница. Ускореннымъ шагомъ обошелъ онъ классы и всюду далъ одно и тоже наставленіе:

— „Эратъ подавать не нужно. Пока не скажутъ, не садиться. На всѣ вопросы отвѣчать стоя. Не забывать кланяться. Не сорить. На перемѣнахъ ходить смирно. Молитву читать не спѣша. Ногами не топать. Рукъ на парты не выставлять“...

— „А въ рукава, господинъ инспекторъ, можно?“ робко и невольно вставляетъ кто-то.

Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, не праздный. Сараи—классы никогда не отапливались. Холодъ всегда былъ нестерпимый. Галошъ никто не имѣлъ. Удивительно-ли, что ноги согрѣвали топаньемъ, а руки держали заложенными въ рукава байковыхъ пальтишекъ?

— „У кого истрепанныя и замаранныя книги, не вынимать. Не перешептываться. Не подсказывать. Смотрѣть на ревизора...“

Если бы, однако, господинъ Мазница и вовсе умолчалъ о направленіи взоровъ учениковъ, послѣдніе не поступили-бы иначе: слишкомъ ново, долгожданно и необычно было появленіе ревизора, чтобы потерять случай навсега запечатлѣть фантастическій образъ того, въ чьихъ рукахъ теперь судьба всей бурсы, а послѣ—судьба каждаго бурсака, непремѣнно мечтающаго быть въ семинаріи.

Ревизоръ не заставилъ себя долго ждать. Да и что было дѣлать въ П-вѣ? Общежитія не было, библіотека помѣщалась

Библиотека "Руниверс"

въ одномъ небольшомъ шкафикѣ въ учительской, канцелярія... но, вопреки мнѣнію о старинной канцеляріи, ея-то именно и не знало почти училище. И ревизору совершенно достаточно было посѣтить уроки да квартиры. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Вошелъ въ классъ маленькій, юркій человѣкъ. Низкимъ поклономъ и привѣтливымъ обращеніемъ онъ сразу же подкупилъ всѣхъ. Отлегло отъ сердца, такъ тревожно бившагося въ ожиданіи чего-то, непремѣнно страшнаго. Онъ сѣлъ за скамью, не смотря на ея крайнія неудобства и на то, что стулъ для него былъ приготовленъ. И это всѣмъ понравилось. Начался урокъ. Учитель географіи велъ его смѣло и увѣренно. Говорили, что въ старшемъ классѣ урокъ его прошелъ хорошо, ревизоръ похвалилъ, слѣдовательно, понятна смѣлость.

— „Холодно вамъ..." не то спросилъ, не то такъ себѣ замѣтилъ, но съ видимымъ участіемъ „профессоръ", обращаясь къ ученикамъ, когда урокъ кончился.

— Нѣтъ, тёпло!... тёпло!... вдругъ загалдѣли смѣло голоса.

Ревизоръ разсмѣялся. И было чего: бѣдные бурсаки никакъ, вѣдь, не могли себѣ представить, чтобы можно было иначе отвѣчать и не выручить начальства... Они готовы были для поддержанія чести заведенія конюшню превратить въ баню. Вмѣшался учитель. Онъ пояснилъ, что холодъ въ классахъ очень большое неудобство. Ревизоръ ничего не сказалъ и снова обратился къ ученикамъ съ какимъ-то вопросомъ. Къ этому времени вошелъ Мазница и нашелъ случай доложить, что на предшествующемъ урокѣ онъ занимался въ этомъ классѣ переводомъ съ русскаго на латинскій примѣровъ...

— «Я имъ такъ, безъ книги... наизусть...

— Ну, и вретъ же! подумалъ, конечно, каждый бурсакъ.

Ревизоръ заинтересовался. Спросилъ, какой послѣдній примѣръ переводили. Мазница поспѣшилъ ткнуть пальцемъ въ одного бойкаго ученика.

— «Читай!»

— Читайте, читайте! повторилъ ревизоръ, подчеркивая множественное число.

Библиотека "Руниверс"

Пока ученикъ бойко отчеканивалъ длинный примѣръ, который заучивали цѣлый часъ, и разъяснялъ, почему «non locus et vestis discipulum ornat», а наоборотъ, прочіе съ яв-нымъ злорадствомъ поглядывали на Мазницу, по общему мнѣ-нію, уже сконфуженнаго: обратился на «ты» и—осѣкся,..

На другой день повторилось почти тоже самое, только ревизоръ слушалъ урокъ уже не географіи, а русскаго языка; на третій—Закона Божія,—по три урока въ день въ трехъ классахъ. Никого не «срѣзалъ», если не считать недоразумѣ-нія на урокѣ русскаго языка, когда ученикъ эффектно прочелъ періодъ въ стихахъ, а учитель, вынужденный объяснить слова «ложная мудрость» понесъ такую чепуху, что ревизоръ посовѣ-товалъ «оставить это»; ни на кого не кричалъ, былъ тихъ и деликатенъ; внушилъ къ себѣ необычайное довѣріе учениковъ... *Не того ждали!* Это и было темой разговоровъ за обѣдомъ и на сонъ грядущій во дни ревизіи.. Отличившіеся ученики были, конечно, героями дня...

— «Что же врали семинаристы въ письмахъ про О-ва?»

— Какъ врали?

— «Да такъ: врали и—баста...

— А, можетъ и не врали!

— «Какъ же! Этотъ-то все узнаетъ? Ожидай...»

— А можетъ и узнаетъ?

— «Да что онъ узнаетъ? Посидитъ, посидитъ на урокахъ и кончитъ ревизію...»

Скоро, однако, и скептики должны были признать, что О-въ дѣйствительно много узналъ. Перемѣна взгляда произошла главнымъ образомъ послѣ того, когда онъ на четвертый день посѣтилъ квартиры. Во-первыхъ, умудрился посѣтить чуть-ли не всѣ въ одно время, очень искусно лишивъ возможности заранѣе узнать суть его осмотра. Во-вторыхъ, на квартирахъ въ 5—10 минутъ успѣлъ заглянуть въ такія норы, что не одна хозяйка только руками всплеснула. Наконецъ, внушен-нымъ ученикамъ довѣріемъ воспользовался такъ ловко, что иные учителя и даже нѣкоторые ученики послѣ отъѣзда ревизора должны были почувствовать себя прескверно.

Библиотека "Руниверс"

Какъ это могло случиться? Ларчикъ открывался довольно просто.

Ревизоръ, очевидно, уже прибылъ со значительной подготовкой: услужили вовсе даже неумышленно семинаристы, недавніе питомцы П-ой бурсы... Осмотрѣвъ извѣстную квартиру, онъ бралъ одного ученика, который долженъ былъ проводить его до воротъ слѣдующей, названной ревизоромъ. Во время осмотровъ не только на неосмотрѣнныхъ квартирахъ всѣ ученики оставались дома, но даже изъ посѣщенныхъ никто не рѣшался выйти за ворота: было что-то и сказано, было и повторное, чреватое послѣдствіями, посѣщеніе квартиры... «по ошибкѣ» что-ли. По недлинному пути «проффесоръ» успѣвалъ поставить осчастливленному чичероне нѣсколько вопросовъ съ такой простотой и такъ подъ-часъ незамѣтно, что никакое чувство чести бурсы не могло спасти: и бурсакъ «проговаривался», наивно обнаруживая то, что, при другихъ условіяхъ, имъ же самимъ было бы прикрыто.

— «А вы тоже были въ числѣ тѣхъ, кому инспекторъ «пали корешками" *) давалъ?

— Въ этомъ году никого не били! увѣренно и наивно отвѣчаетъ чичероне.

— «Да, да... а въ прошломъ году и васъ били?

— Разъ... шепчетъ бѣдный, сконфуженный бурсакъ...

— «А кто же бывалъ на урокахъ, когда учителя выѣзжали изъ города?»

Это случалось въ праздничные дни. Чудныя окрестности, гостепріимные сельскіе батюшки и матушки,—какъ не провести праздничный вечеръ гдѣ-нибудь въ деревнѣ на берегу Днѣпра? И на другой день какъ поспѣть на уроки? Да и къ чему? Кто узнаетъ? Спрошенный жмется, не находитъ, что отвѣчать, ревизору и не нужно больше...

---

*) „Пáли" соб. битье линейкой по ладони. Мазница любилъ прежде линейку замѣнять корешками пучка розокъ. Не придумали другого названія, остались „пали" и тутъ.

Библиотека "Руниверс"

И сколько несчастныхъ бурсаковъ, безусловно даже ставившихъ выше всего честь бурсы, попались, какъ куръ во щи, нечаянно сошіонничавъ! Можно себѣ представить и то, какое впечатлѣніе произвели на всѣхъ разсказы объ этихъ бесѣдахъ на улицѣ!... Иные даже съ счастливѣйшей улыбкой передавали разговоры, иные прилагали къ нимъ и лишнее; но... улыбка довольнаго вдругъ смѣнялась гримасой натворившаго бѣдъ, когда выяснились «фокусы» дипломата.

Говорилъ ли ревизоръ что-нибудь учителямъ,—осталось тайной, только училище послѣ отъѣзда ревизора стало во многомъ неузнаваемымъ... Что укрѣпилось «вы»—это конечно вздоръ. Но откуда у учителей явилось столько прыти? Съ чего стали они вдругъ «ужасно» исправными? Почему такъ откровенно присмирѣлъ Мазница? Какія это завелись собранія учителей безъ выпивки и преферанса? О какихъ бумагахъ изъ «Правленія Семинаріи» толкуютъ они? Что такое?

Увы! бѣдные бурсаки, теряющіеся въ догадкахъ, что принесетъ имъ реформа, которую долженъ же былъ привезти съ собой ревизоръ, теперь еще больше растерялись. Когда же 18-лѣтнему верзилѣ, уже второе пятилѣтіе сидѣвшему въ 1 (по счету бурсы—второй) классѣ *) и рѣшительно недоумѣвавшему, какъ выкарабкаться изъ фаръ, было объявлено, что на четверый повторительный курсъ уже нельзя оставаться, онъ выразилъ настроеніе многихъ длительнымъ звукомъ: «фю—ю—ю!...»

П. Боровковскій.

*) Курсъ класса—2 года; былъ одинъ, просидѣвшій 3 или 4 курса, не помню но изъ перваго класса вышедшій прямо „въ жизнь“.

Библиотека "Руниверс"

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе) [1]).

V.

Наиболѣе крупные факты, характеризующіе борьбу между православными и уніатами во время, близкое къ сейму 1638 г.—Инструкція посламъ на этотъ сеймъ со стороны Волынскаго дворянства.—Сеймъ 1638 г. и бурная борьба изъ-за вопросовъ религіозныхъ.—Конституція означеннаго сейма о греческой религіи и занесенные противъ нея протесты латино-уніатовъ.—Отнятіе у православныхъ Люблинской Спасо-Преображенской церкви.—Подготовленія къ сейму 1639 г. со стороны обѣихъ враждующихъ сторонъ: инструкціи посламъ отъ православныхъ и противоположныя требованія уніатовъ.—Отрывочныя свѣдѣнія о сеймѣ 1639 года („сорванномъ"), и проектированная на немъ конституція, благопріятная православнымъ.—Нападеніе въ Кіевѣ на студента Кіево-Могилянской коллегіи и казнь его безъ разслѣдованія дѣла.—Впечатлѣніе, произведенное этою казнью на П. Могилу и С. Коссова.—Подготовленія П. Могилы къ сейму 1640 г.—Рѣчь на означенномъ сеймѣ Оссолинскаго.—Результаты сейма.—Продолжающіяся волненія въ Холмщинѣ вслѣдствіе притѣсненій православныхъ М. Терлецкимъ.

Между тѣмъ пререканія, обоюдныя оскорбленія и судебные процессы среди православныхъ и уніатовъ не прекращались. Отъ этихъ неурядицъ страдали обѣ стороны, не менѣе страдало и само государство, правильное теченіе дѣлъ въ которомъ нерѣдко нарушалось безконечными религіозными распрями. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать исторію борьбы съ латино-уніатами за разсматриваемое время. Для яснаго представленія объ этой борьбѣ

*) См. „Кіевская Старина" 1898 г. мартъ.

Библиотека "Руниверс"

достаточно указать на болѣе крупные факты, ее характеризующіе, и въ общихъ чертахъ изобразить картину религіозныхъ раздоровъ.

Самымъ печальнымъ для православныхъ событіемъ, случившимся вскорѣ послѣ несостоявшагося въ 1637 году сейма, былъ декретъ Петроковскаго трибунала, осудившій на „инфамію“ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и многихъ другихъ православныхъ (большею частію дворянъ) за нападеніе и насильственное отнятіе отъ уніатовъ монастыря св. Спаса“ [1]). Инфамія была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній въ Рѣчи-Посполитой; она подвергала подпадавшихъ ей лицъ лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и покровительства закона. Какъ человѣкъ, лишенный „чести“, Гулевичъ чрезъ то самое утрачивалъ тѣ права, которыя предоставлены были ему, какъ „привилегированному“ (оффиціально признанному правительствомъ) епископу, лишался и тѣхъ бенефицій, которыя пріурочены были къ занимаемой имъ каѳедрѣ. Въ виду этого перемышльскій уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій сталъ хлопотать о возвращеніи ему Спасскаго монастыря и другихъ духовныхъ бенефицій, предоставленныхъ статьями примиренія и королевскою, на основаніи ихъ, привилегіею православной перемышльской каѳедрѣ, и эти притязанія Крупецкаго судебныя мѣста признали подлежащими удовлетворенію. Естественно, что Петроковскій декретъ вызвалъ сильное неудовольствіе и волненіе въ средѣ православныхъ. Появились протесты противъ него и прилагались всевозможныя старанія къ его уничтоженію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ православные были сильны, дворянство въ инструкціяхъ посламъ, отправляемымъ на сеймы (начиная съ приготовленій къ сейму 1638 г.), наказывало имъ ходатайствовать предъ его королевскою милостію и усердныя прилагать старанія предъ чинами Рѣчи-Посполитой, чтобы Гулевичъ и другія, вмѣстѣ съ нимъ невинно осужденныя на инфамію лица были освобождены отъ нея и ихъ честь (honory) была возстановлена. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ и Петръ Могила, какъ представитель православной церкви, интересы которой существенно были затронуты инфаміею Гулевича. Послѣ передачи Крупецкому нѣкоторыхъ «духовныхъ бенефицій», пріуроченныхъ къ перемышльской православной епархіи, Могила послалъ своихъ уполномоченныхъ (духовныхъ лицъ о. о. Антонія и Филоѳея) въ Перемышль, гдѣ по этому поводу учиненъ былъ въ гродскомъ судѣ процессъ. Эти уполномоченныя отъ имени митрополита лица заявляли

[1]) Ind. inscrip. castr. Premisl., въ Львов. Берн. Архивѣ. № кн. 359, л. 435 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

въ судѣ, что передача уніатскому епископу бенефицій, пріуроченныхъ статьями примиренія къ православной перемышльской каѳедрѣ, противорѣчитъ сеймовому постановленію, утвердившему эти статьи, и выданному на основаніи онаго королевскому «диплому», что въ данномъ случаѣ дѣло касается не одного Гулевича, такъ какъ не ему одному принадлежитъ перемышльская епископія, но всего, не находящагося въ уніи, русскаго народа, права и интересъ котораго въ этомъ дѣлѣ подвергаются ущербу и попранію... [1]). Тѣмъ не менѣе, не смотря на энергичные хлопоты разныхъ слоевъ православнаго общества, прискорбное дѣло объ инфаміи Гулевича довольно долго, до сейма 1641 года, не получало благопріятнаго исхода, да и тогда окончено было—какъ увидимъ—не безъ жертвы со стороны православныхъ.

Въ луцкой епископіи отношенія между владыками православнымъ (Пузыною) и уніатскимъ (Почаповскимъ) были тоже не мирныя. Послѣдній былъ недоволенъ тѣмъ, что Пузына при посредствѣ комиссаровъ отобралъ отъ уніатовъ въ Луцкѣ церкви Михайловскую, Рождественскую и Пятницкую и поступилъ въ этомъ случаѣ „мимо конституцію и привилегій его королевской милости“, такъ какъ, по добровольному соглашенію самого Пузыны и волынскихъ обывателей, „владыцтво луцкое“ ему, Почаповскому, предоставлено было пожизненно [2]). Дѣло объ этомъ доходило до трибунала, гдѣ состоялось опредѣленіе—возвратить церкви уніатскому епископу. Но когда судебныя власти хотѣли было привести въ исполненіе это опредѣленіе, то намѣстникъ Пузыны и его слуги „не допустили“ ихъ до этого „именемъ его милости пана и пастыря своего“, при чемъ слугою Типицкимъ, находившимся около Пятницкой церкви, произнесена была такая угроза: „скорѣе его милость отецъ Почаповскій головы своей лишится, нежели эту церковь въ посессію свою возьметъ“... Недоволенъ былъ Почаповскій и тѣмъ, что Пузына грунтъ церковный, на которомъ, якобы еще отъ временъ Витовта, „на святую унію“ церковь во имя Покрова была фундована, насильственно отнялъ и построилъ на немъ новую церковь. Совершая въ ней служеніе (11 октября 1637 г.) Пузына,—какъ значится въ протестаціи противъ него, занесенной отъ имени Почаповскаго,—говорилъ проповѣдь, въ которой „словами непристойными, славѣ доброй и гонорови его милости отца Почаповского, епископа луцкого и острожского, шкодячими, лжилъ, соромотилъ, за якогось

---

[1]) Копія наход. въ библ. греко-ун. Перемышльскаго собора.

[2]) Древн. акты Холм. епархіи. т. I (рукоп.)

Библиотека "Руниверс"

геретика и одщепенца такъ самого его милость епископа, яко и все духовенство въ уніи святой будучее, на здоровье оного одповедаючи, поличилъ“ [1])...

Въ томъ же октябрѣ 1637 года Іеремія Почаповскій скончался. Послѣ его смерти „луцкая епископія со всѣми принадлежащими къ ней имѣніями“ должна была перейти въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа. Поэтому Аѳанасій Пузына тотчасъ же по смерти Почаповскаго вступилъ въ фактическое владѣніе означенною епископіею. Но латино-уніатская партія нашла возможнымъ протестовать и противъ этого на томъ основаніи, что Пузына учинилъ это „безъ вѣдомости короля, какъ верховнаго подавцы всѣхъ добръ и хлѣбовъ духовныхъ“, и, такимъ образомъ, якобы оказалъ неуваженіе верховной власти. И король, подъ давленіемъ латино-уніатской партіи, 28 октября 1637 г. издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ Пузынѣ каѳедру, церкви, помѣстья, вообще все, что имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи Почаповскій, передать назначаемому имъ, королемъ, „администратору епископіи луцкой“, каковымъ, грамотою отъ 30 октября, и былъ назначенъ владимірскій и брестскій уніатскій епископъ Іосифъ Мокосѣй-Баковецкій [2]). Такое постановленіе короля шло въ разрѣзъ съ его прежними грамотами, а потому Пузыною не было исполнено, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ было отмѣнено (во время сейма 1638 г.) и самимъ королемъ, хотя—очевидно—не безъ хлопотъ и издержекъ со стороны православныхъ [3]).

Въ могилевской епархіи продолжалась безконечная тяжба Сильвестра Коссова съ уніатскимъ архіепископомъ Селявою изъ-за въѣзда перваго въ Полоцкъ, обращеніе уніатовъ въ православіе и т. п. [4]). Къ этой тяжбѣ присоединились новые процессы съ уніат-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. VI. № CCXCVI.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн. 2152 л. 1030 об. и слѣд.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. № CCXCIX. Въ луцкихъ гродскихъ книгахъ за декабрь 1637 находится обширное дѣло (Кіев. *Центр. Арх.*, № к. 1004, лл. 1137—1148), изъ коего видно, что Аѳ. Пузына тотчасъ же послѣ смерти Почаповскаго, основываясь на упомянутой нами „ассекураціи“, выданной ему на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г., занялъ „луцкую епископію“, т. е. вступилъ во владѣніе каѳедральною и нѣкоторыми другими церквами, а также церковными владѣніями бывшими дотолѣ въ вѣдѣніи уніатовъ. Если вѣрить протестаціи, занесенной противъ Пузыны владимірскимъ уніатскимъ епископомъ Баковецкимъ, то означенное вступленіе на епископію было ничѣмъ инымъ, какъ наѣздами „черезъ людей арматныхъ“ числомъ до 400 „разныхъ націй и милиціи: езды и пехоты“.

[4]) Витебская Старина. Изд. Сапунова. т V. ч. I. стр. 149 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

скимъ смоленскимъ епископомъ Львомъ Кревзою, рьянымъ уніатомъ, крайне тѣснившимъ православныхъ и обращеніе ихъ къ Сильвестру Коссову за удовлетвореніемъ религіозныхъ потребностей строго преслѣдовавшимъ.

Въ Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ шли пререканія между уніатами и православными по поводу распредѣленія церквей и отказовъ подчиниться рѣшеніямъ по данному вопросу королевскихъ комиссаровъ... [1]). Въ Холмщинѣ православные по прежнему испытывали тяжелый гнетъ Меѳодія Терлецкаго, вслѣдствіе чего проникались все большимъ и большимъ озлобленіемъ противъ него, не всегда скрываемымъ подъ личиною вынужденной покорности [2]).

Не прекращались (едва ли не подъ вліяніемъ католиковъ) и вспышки фанатизма противъ православія, проявлявшіяся въ нападеніяхъ на церковные процессіи православныхъ и принимавшія иногда характеръ буйныхъ побоищъ разнузданной толпы. Такъ—по свидѣтельству современника—въ г. Острогѣ, на пасху 1637 года, во время церковной процессіи, совершаемой православными, на духовенство и прихожанъ („мѣщанъ") католиками слѣлано было нападеніе, сопровождавшееся побоями, истязаніями и, кажется, не обошедшееся даже безъ убійства („zabiano") [3]). Подобному оскорбленію въ томъ же году подвергались даже православные кіевляне при совершеніи обычной церковной процессіи 1-го августа, въ присутствіи самого митрополита Петра Могилы. У несущихъ церковныя хоругви усѣкались руки (ręce usiekano); происходило побоище, стрѣлянье изъ ружей и т. п. Самъ митрополитъ съ духовенствомъ едва успѣлъ скрыться въ алтарь рынковой церкви (Успенія Пресвятой Богородицы, находившейся на рынкѣ), гдѣ, очевидно, совершалъ передъ тѣмъ богослуженіе [4]).

Но 10 марта 1638 года назначенъ былъ общій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Волынское дворянство на предварительномъ, частномъ соймѣ въ Луцкѣ (такъ называемомъ сеймикѣ предсеймо-

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 108.

[2]) Древніе акты холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-археол. музеѣ) кн. № 1.

[3]) Indicium, to iest pokazanie Cerkwie prawdziwey. Полемическое сочиненіе, составленное въ 1638 г. инокомъ Виннцкаго монастыря. Свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи см. у Я. Головацкаго въ брошюрѣ: *Библіографическіе находки во Львовѣ* Въ полномъ видѣ напечатано нами въ *Архивѣ Юго-Зап. Россіи* (имѣющемъ вскорѣ появиться въ свѣтъ).

[4]) Ibid.

Библиотека "Руниверс"

вомъ) въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на Варшавскій сеймъ, на первомъ планѣ поставило охрану интересовъ православной вѣры. „Прежде всего,—говорилось здѣсь,—ихъ милости паны послы наши должны стараться о томъ, чтобы люди греческой религіи, не находящіеся въ уніи, дѣйствительно успокоены были, и то, что поставлено было на елекціи, счастливой коронаціи и бывшемъ послѣ нея шестинедѣльномъ сеймѣ (1635), согласно со статьями примиренія и съ дипломомъ, одобреннымъ сеймомъ, было приведено въ исполненіе, и чтобы епископія луцкая и острожская со всѣмъ ей принадлежащимъ, по случаю смерти Почаповскаго, отдана была отцу Пузынѣ, владыкѣ православному (nieunitowi). И не должны паны послы приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ и не позволять ни на одинъ артикулъ (сеймовой конституціи) до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ означенное успокоеніе. Манифестаціи, послѣ сеймовъ вопреки праву занесенныя, должны быть кассированы, а равнымъ образомъ и процессы относительно дѣлъ религіозныхъ, начатые въ разныхъ городахъ, уничтожены; передача церквей (православныхъ) чрезъ посредство коммиссій имѣютъ быть (сеймомъ) одобрены; привилегіи, которыя выданы отъ королевской милости, пана нашего милостиваго, и до настоящаго времени еще не запечатанныя (т. е. къ которымъ не приложены канцлерами печати), должны быть скрѣплены печатями". Инструкціею посламъ вмѣнялось также въ обязанность ходатайствовать предъ королемъ и Рѣчью Посполитою о „снесеніи баниціи" съ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и другихъ, вмѣстѣ съ нимъ осужденныхъ лицъ за извѣстное намъ дѣло о нападеніи на Спасскій монастырь, такъ какъ это прискорбное дѣло произошло—по заявленію Волынскаго дворянства—вслѣдствіе оказаннаго Крупецкимъ (уніатскимъ епископомъ) сопротивленія опредѣленію Рѣчи Посполитой (предоставлявшему означенный монастырь православнымъ), и произведенный надъ Гулевичемъ и другими дворянами судъ нельзя назвать справедливымъ [1]).

Варшавскій сеймъ 1638 года открылся своевременно. Естественно, что бурная борьба изъ-за вопросовъ религіозныхъ происходила и на немъ. Случайное обстоятельство, не имѣвшее отношенія къ православнымъ,—именно, оскорбленіе студентами Раковской социніанской академіи святыни католической [2]), — усложнило задачу

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. № XXI. стр. 233—234, 242.

[2]) Имѣемъ въ виду весьма громкое въ свое время дѣло (сильно раздутое латино-уніатами) о разбитіи студентами Раковской академіи стоявшаго за городомъ католическаго креста съ изображеніемъ распятія,—дѣло, возбудившее бурю на

Библиотека "Руниверс"

православныхъ депутатовъ при защитѣ правъ своей церкви, такъ какъ озлобленіе „добрыхъ католиковъ“ противъ всего „не католическаго“ нашло новую пищу для трактацій о вредѣ, наносимомъ государству диссидентами (къ которымъ причислялись и „схизматики“, т. е. православные). Но въ числѣ православныхъ депутатовъ на сеймѣ опять находились извѣстные намъ ревнители православія—Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и другіе, которые съ свойственною имъ энергіею, дѣловитостію и краснорѣчіемъ (особенно Кисель) отстаивали интересы православія. Ими заявлено было, что постановленія предшествующихъ сеймовъ относительно православной религіи не всецѣло приведены въ исполненіе и нѣкоторыя церкви, предназначенныя православнымъ, имъ доселѣ еще не переданы; мало того, латино-уніатами занесены протестаціи противъ сеймовыхъ постановленій и дѣла по вопросамъ религіознымъ направляются ими въ трибуналы, которые—вопреки сеймовымъ постановленіямъ—рѣшаютъ эти дѣла не въ пользу православныхъ и даже воспрещаютъ свободу вѣроисповѣданія, вслѣдствіе чего дарованныя православной церкви права нарушаются и православные незаконно подвергаются тяжкимъ испытаніямъ и преслѣдованіямъ. Выставляя на видъ все это, депутаты настаивали, чтобы начатые противъ православныхъ процессы были уничтожены, состоявшееся опредѣленіе о перемышльскомъ епископѣ С. Гулевичѣ и осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ на банницію дворянахъ было кассировано, а главное, чтобы на будущее время—и это должно быть узаконено—дѣла по вопросамъ религіознымъ, относительно коихъ состоялось сеймовое постановленіе, были (если возбудится какое-либо недоразумѣніе) обсуждаемы на сеймахъ, и трибуналы по этимъ дѣламъ, урегулированнымъ „статьями примиренія“, никого ни привлекали къ своему суду. Въ обстоятельной рѣчи по этому вопросу, Адамъ Кисель—по заявленію автора сеймоваго дневника 1638 г.—справедливыя и многочисленныя доказательства приводилъ, что „Pacta“, которыя устанавливаются всею Рѣчью Посполитою, не имѣютъ никакого значенія, коль скоро трибуналы ихъ ниспровергаютъ (psuią). Требованія православныхъ встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны латино-уніатской партіи, особенно по вопросу о снесеніи банниціи съ осужденныхъ на нее три-

---

сеймѣ 1638 г., вызвавшее назначеніе спеціальной комиссіи для обслѣдованія происшествія на мѣстѣ, едва не стоившее жизни владѣльцу Ракова, „аріанину“ Якову Сѣненскому, и закончившееся декретомъ (приведеннымъ въ исполненіе) о закрытіи *на вѣчныя* времена Раковской Академіи и окончательномъ уничтоженіи ея зданій („сравнены съ землею“).—Pamiętniki Radziwiłła. I. 370, 371, 374.

Библиотека "Руниверс"

буналомъ лицъ. Пререканія между обѣими сторонами доходили до грубостей. Такъ, по поводу заявленія Киселя объ оскорбленіяхъ, испытываемыхъ православными отъ католическаго духовенства, подкоморій краковскій воскликнулъ: „ и какого чорта вы хотите? Насъ, католиковъ, ксендзы терзаютъ и утруждаютъ (szarpią у trudnią), а вы желали бы избѣжать этого!“ Вообще дѣло принимало обычно острый при разсужденіяхъ о религіозныхъ вопросахъ характеръ. Зашла было рѣчь, чтобы, на основаніи прежнихъ примѣровъ, прибѣгнуть къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе по данному вопросу. Но католики не позволяли и на это (не дозволялъ подкоморій перемышльскій—главный противникъ „снесенія инфаміи“ съ Гулевича) и настаивали, чтобы въ виду краткости остававшагося для сеймовыхъ разсужденій времени вопросы религіозные были оставлены и приступлено было къ совѣщаніямъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Но православные заявили, что для нихъ ничего драгоцѣннѣйшаго религіи быть не можетъ, а потому они не приступятъ къ совѣщаніямъ о другихъ дѣлахъ, если она не будетъ окончательно, сообразно съ ихъ требованіями, „успокоена“.—„Мое дѣло (о религіи)—говорилъ Кисель—затрудняетъ сеймъ и производитъ замѣшательство между вашими милостями (сеймовыми депутатами). Хорошо, я съ своими дѣлами отклоняюсь: разсуждайте о своихъ; но я заявляю и въ этомъ смыслѣ вношу протестацію, что все, что бы ни было вами постановлено, не будетъ имѣть значенія, если мой артикулъ (объ успокоеніи греческой религіи) не будетъ утвержденъ сеймомъ“, Словомъ, Кисель угрожалъ сорвать сеймъ [1]).

Настойчивость православныхъ увѣнчалась значительнымъ успѣхомъ. Въ сеймовую конституцію 1638 г., кромѣ подтвержденія постановленій о греческой религіи, состоявшихся на сеймѣ 1635 г., внесено было добавленіе, чтобы „на будущее время декреты, которые имѣютъ силу закона, не были предметомъ судебныхъ обсужденій на трибуналахъ“ [2]). Выхлопотана была въ это время православными грамота и Аѳанасію Пузынѣ, представлявшая ему (согласно со „статьями успокоенія“ и съ письменнымъ удостовѣреніемъ короля) „духовныя бенефиціи“ луцкой епископіи, издавна къ ней принадлежащія и временно, до кончины уніатскаго луцкаго епископа Почаповскаго, находившіяся въ пользованіи послѣдняго [3]). Но

[1]) Діаріушъ сейма 1638 г. находящійся въ библ. Краковскаго Университета по каталогу рукописей № 2285.

[2]) См. сеймовую конституцію означеннаго года.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. 1. т. VI. № CCXCIX,

Библиотека "Руниверс"

снести инфамію съ Гулевича и другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ православныхъ, на этомъ сеймѣ не удалось.

Непосредственно послѣ сейма латино-уніатами занесено было въ Варшавскія гродскія книги двѣ дословно сходныя между собою протестаціи по поводу сеймоваго опредѣленія о греческой религіи: одна отъ имени представителей католической и уніатской церквей, другая —отъ имени нѣкоторыхъ, бывшихъ на сеймѣ пословъ. Въ протестаціяхъ говорилось, что какъ прежде, во время самаго чтенія конституціи о греческой религіи, они, протестующіе, не соглашались на нее, дабы не отягощать своей совѣсти и руководствуясь выясненнымъ по сему вопросу мнѣніемъ сѣдалища Апостольскаго, такъ и въ настоящее время не позволяютъ на эту, противную ихъ совѣсти, конституцію, не принимаютъ оной и во всемъ ей противорѣчатъ [1]).

Подобные протесты, свидѣтельствуя о крайнемъ возбужденіи ультра-католической партіи и объ ея нежеланіи добровольно подчиняться сеймовымъ постановленіямъ, не предвѣщали ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что самъ король, подъ давленіемъ означенной партіи, обвинявшей его „въ недостойномъ добраго католика сочувствіи къ схизматикамъ“ (о чемъ были донесенія и въ Римъ), все чаще и чаще сталъ обнаруживать тѣ прискорбныя колебанія по отношенію къ православнымъ, послѣдствіемъ которыхъ появлялись съ его стороны распоряженія, находившіяся въ противорѣчіи съ прежде выданными имъ привилегіями. Мы знаемъ, что во время коронаціоннаго сейма Владиславъ IV, между прочимъ, выдалъ Люблинскому православному братству привилегію, которою оно *на вѣчныя времена* освобождалось отъ юрисдикціи холмскаго уніатскаго владыки и отдавалось „въ дозоръ и послушаніе“ православному („въ уніи не будучему“) митрополиту кіевскому и его преемникамъ. Самъ Меѳодій Терлецкій (уніатскій холмскій епископъ) на первыхъ порахъ мало дорожилъ Люблиномъ, такъ какъ, по его словамъ, въ этомъ городѣ „схизма издавна свила гнѣздо“, и уніатовъ здѣсь не было. Но съ теченіемъ времени, ободренный успѣшною борьбою съ православными въ Холмѣ и другихъ городахъ, ускользая (благодаря поддержкѣ латино-уніатскихъ властей) отъ наказанія за свои противозаконныя дѣйствія при насильственномъ отобраніи отъ православныхъ церквей,—Терлецкій рѣшился наложить свою руку и на Люблинское братство. Въ концѣ 1638 года онъ успѣлъ выхло-

[1]) Тогоременный печатный экзем. протестаціи 1638 г. находится въ музеѣ Чарторыжскихъ въ Краковѣ.

Библиотека "Руниверс"

потать изъ королевской канцеляріи грамоту, гдѣ подъ предлогомъ, „чтобы божественная служба и всѣ религіозные обряды совершались въ церкви Люблинскаго братства надлежащимъ образомъ и не такъ безпорядочно, какъ они совершаются нынѣ часто смѣняющимися бродячими попами, чуждающимися святой уніи“,—Люблинская Спасо-Преображенская церковь „со всѣми ея доходами, пожитками, землями, слугами и людьми церковными, издавна ей принадлежащими,“ отдавалась „превелебному епископу Меѳодію Терлецкому до его смерти, или же добровольнаго отреченія, въ полное его распоряженіе“ [1]). Терлецкій не замедлилъ воспользоваться королевскою грамотою и, при помощи католиковъ, насильственно отнялъ у Люблинскаго братства его церковь. Такъ какъ этому беззаконному дѣлу приданъ былъ видъ до извѣстной степени легальный (Терлецкій опирался на королевскую грамоту), то естественно, что православные посмотрѣли на него, какъ на „возмутительное поруганіе сеймовыхъ постановленій и торжественной присяги короля“. Люблинское братство поспѣшило занести въ гродскія луцкія книги данную ему Владиславомъ IV привилегію и начало судебный противъ Терлецкаго процессъ [2]). Въ виду печальныхъ послѣдствій, которыми угрожала „Люблинская трагедія“ правовому положенію всей православной церкви (ибо открывалась латино-уніатамъ перспектива получить изъ королевской канцеляріи грамоты, ниспровергавшія прежнія королевскія привилегіи), поступокъ Терлецкаго произвелъ необычайное движеніе во всемъ православномъ обществѣ [3]). Вообще это дѣло—

---

[1]) Акты гродск. Любл. oBl. кн. 68, стр. 20 (цитата по статьѣ г. Логгинова: „Древнѣйшій православный храмъ въ Люблинѣ и существовавшее въ немъ братство“,—помѣщенной въ Холмско-Варшавскомъ Вѣст. 1883 г. № 3, стр. 50).

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) кн. 1.

[3]) Весьма энергичная боевая рѣчь пана *Василія Литинскаго* (депутата) по поводу отнятія у православныхъ Люблинской церкви помѣщена у *Грондскаго* въ его сочиненіи: Historia belli Cosaccо-polonici, изд. въ 1789 году (см. стр. 13—14). Невѣрно г. Логгиновъ („Холмско-Варшав. Вѣстникъ“ 1883 г. № 2) и другіе, имъ указываемые изслѣдователи, относятъ означенную рѣчь ко времени царствованія Сигизмунда III. Заявленіе Грондскаго: „r e g n a v i t a v t e m (во время произнесенія рѣчи) V l a d i s l a v u s IV“, вполнѣ согласуется съ самымъ содержаніемъ рѣчи („modernum feliciter regnantem“) и со всѣми другими историческими данными относительно Люблинской церкви.—Въ сочиненіи уніата *Пахомія Войны Оранскаго*, епископа пинскаго и туровскаго, изд. въ 1645 году въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: „Zwierciadło albo zasłona... Perspektywie przez x. Kassiana, złożonego archimandritę Dubieńskiego, zebraney y napisaney, et caet“.,—по поводу отнятія

Библиотека "Руниверс"

объ отнятіи у Люблинскаго братства церкви—было въ разсматриваемое время дѣломъ весьма громкимъ и, по мнѣнію польскихъ писателей, должно быть поставлено въ ряду не маловажныхъ причинъ, подготовившихъ козацкое возстаніе.

На 31 октября 1639 года назначенъ былъ общій сеймъ въ Варшавѣ. Въ виду не прекращавшихся пререканій между православными по поводу распредѣленія между ними церквей и происходившихъ вслѣдствіе этого враждебныхъ столкновеній, въ особенности въ виду „люблинской трагедіи“,—обѣ враждующія стороны подготовлялись къ нему весьма дѣятельно. Волынское дворянство въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, вмѣняло имъ въ обязанность ходатайствовать, чтобы постановленія предшествующихъ сеймовъ объ успокоеніи православной религіи всецѣло приведены были въ исполненіе, чтобы „церкви братскія, въ уніи не находящіяся, какъ въ Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, были апробованы конституціею согласно съ пунктами, составленными во время избирательнаго сейма, и немедленно со всѣмъ, имъ принадлежащимъ, возвращены были православнымъ, особенно въ Люблинѣ, Красномъ-Ставѣ, Сокалѣ, Бельзѣ и другихъ городахъ, откуда воспослѣдуютъ на сеймъ жалобы“; а такъ какъ церкви въ означенныхъ городахъ въ недавнее время насильственно отняты были холмскимъ (уніатскимъ) епископомъ, то чтобы такія лица, нарушающія законъ и общее спокойствіе, подвергались самымъ тяжкимъ наказаніямъ, такъ какъ ихъ дѣйствія направлены къ ниспроверженію правъ, скрѣпленныхъ королевскою присягою, пунктовъ, постановленныхъ во время избирательнаго сейма, и привилегій, одобренныхъ сеймовою конституціею. Вслѣдствіе правонарушеній (говорится въ инструкціи), которыя учинилъ холмскій епископъ, основываясь—по его словамъ—на выпрошенной у короля привилегіи, онъ до крайности стѣснилъ православныхъ: отнявши церкви, заключаетъ въ тюрьмы поповъ и мучаетъ ихъ, вслѣдствіе чего, а также запе-

---

у православныхъ Люблинской церкви читаемъ: Decreta ich mciow p. p. deputatow Lubielskich, pełne miłości y sprawedliwości świętey, za ktorą od Pana Boga wieczney zapłaty czekaią, a od ludzi nie tylko unitow, ale też ritus romani powinni mieć pochwałę y podziękowanie,—te, mowę, decreta, ktoremi iest cerkiew Lubelska unitom przysądzona, za nic poczyta (Кассіанъ Саковичъ), samych ichm. p. p. deputatow za oyce turbaciey y hałasow mianuie“.—Очевидно, въ данномъ случаѣ, Оранскій имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто въ Perspectiw'ѣ Саковича: „Dla iedney cerkwi Lubelskiey seymy do rozerwania przychodzą, y cerkiew za to nie stoi, co turbacyi na seymikach y na seymach przynosi y przynosić będzie, iesli dlaunitow nie uspokoią“ (предисловіе „do czytelnika religiey Graecoruskiey“, стр. 13—14).

Библиотека "Руниверс"

чатыванія имъ церквей, взрослые умираютъ безъ исповѣди и напутствія св. тайнами, дѣти—безъ крещенія, и хоронятся на поляхъ безъ обычныхъ обрядовъ. Волынское дворянство требовало также, чтобы комиссіи, назначенныя для распредѣленія между православными и уніатами церквей, возобновили свою дѣятельность и довели порученное имъ дѣло до конца; протестаціи, занесенныя латино-уніатами противъ статей успокоенія, были-бы уничтожены, а привилегіи, выданныя православнымъ, снабжены требуемыми закономъ печатями. Занесена была въ инструкцію также жалоба на уніатскаго владимірскаго епископа Баковецкаго, который, въ виду предстоявшей передачи луцкой каѳедральной церкви православному епископу Пузынѣ, забралъ изъ нея находившіяся здѣсь святыни: древо св. креста, частицу мощей св. Пантелеймона, а также старинные кресты, чаши и другія церковныя принадлежности, и доселѣ удерживаетъ ихъ у себя, несмотря на приказаніе короля о возвращеніи незаконно забраннаго. Не забытъ былъ Волынскимъ дворянствомъ и перемышльскій епископъ Сильвестръ Гулевичъ, о возстановленіи котораго въ гражданскихъ правахъ (а равно о возстановленіи „чести“ и другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ) оно вторично поручало посламъ ходатайствовать передъ королемъ и сеймомъ [1]).

Воспослѣдовали на сеймъ просьбы отъ православныхъ и изъ другихъ западно-русскихъ городовъ по поводу обидъ и притѣсненій, испытываемыхъ ими со стороны латино-уніатовъ. Такъ Виленскіе братчики ходатайствовали о предоставленіи православнымъ Вильны церквей, присужденныхъ имъ правительственною властію, но доселѣ находившихся „въ посессіи“ уніатовъ; [2]) могилевскій епископъ Сильвестръ Коссовъ—объ уничтоженіи судебныхъ приговоровъ, возникшихъ по поводу извѣстной его поѣздки въ г. Полоцкъ; [3]) граждане Полоцка—объ отмѣнѣ впервые состоявшагося при Сигизмундѣ III постановленія, по которому въ магистратѣ имѣли право засѣдать только католики и уніаты, и т. п. [4])

Не бездѣйствовала въ это время и латино-уніатская партія. Не имѣя у себя подъ ногами юридической почвы и предвидя, что православные на сеймѣ будутъ при защитѣ своей церкви ссылаться на существующія узаконенія, на вошедшія въ силу законныя (сей-

[1]) Архивъ Юго-Зап, Рос. ч. II. т. 1, № XXII, стр. 254—255.

[2]) Древніе акты Холмской епархіи.

[3]) Архивъ греко-ун. митр. св. № 36.

[4]) Radziwiłł, Pamiętniki, 1. 433.

Библиотека "Руниверс"

мовныя) постановленія по дѣламъ религіознымъ,—латино-уніаты возлагали свои надежды на „добрыхъ католиковъ,“ на фанатическое отношеніе послѣднихъ къ схизмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на расшатанность правовыхъ устоевъ Рѣчи Посполитой. До нашего времени дошло любопытное наставленіе (informatia) уніатовъ депутатамъ своего лагеря, отправлявшимся на сеймъ 1638 года. Это наставленіе прекрасно иллюстрируетъ тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ латино-уніатская партія стремилась затормозить (и нерѣдко дѣйствительно тормозила) приведеніе въ исполненіе основанныхъ на „статьяхъ примиренія“ правительственныхъ распоряженій и отстаивала допускаемыя его правонарушенія по отношенію къ православнымъ. Наставленіе состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ.

1) „Его милость панъ Кисель—предвидятъ латино-уніаты—будетъ домогаться, чтобы дизунитамъ немедленно возвращена была Люблинская церковь“.—На это требованіе депутаты должны отвѣчать на сеймѣ, что уніаты заняли означенную церковь „не безъ опредѣленнаго права; поэтому пусть дизуниты посредствомъ права (т. е. судебнымъ порядкомъ) и заботятся объ ея возвращеніи“. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что люблинскіе послы, которымъ естественнѣе всего было бы вести рѣчь объ означенной церкви, требованія о возвращеніи ея дизунитамъ не предъявляютъ.

2) „Панъ Кисель будетъ хлопотать“, чтобы нѣкоторыя виленскія церкви, находящіяся въ настоящее время во владѣніи уніатовъ, отданы были дизунитамъ“.—Противъ этого домогательства депутаты должны выставить слѣдующее: а) дизуниты въ Вильнѣ на одномъ погостѣ имѣютъ уже три церкви, изъ которыхъ если-бы и одна наполнялась народомъ, достаточно бы для нихъ было; б) по какому праву дизуниты могутъ отчуждать отъ уніатовъ церкви?—И если они претендуютъ на такое право, то пусть, согласно оному, и вчиняютъ процессы объ означенныхъ церквахъ; в) если дизуниты домогаются тѣхъ церквей, основываясь на статьяхъ примиренія, составленныхъ на избирательномъ сеймѣ, то относительно этихъ устарѣвшихъ (ulegowanych) статей занесены многочисленныя протестаціи на сеймахъ, особенно же протестовало Великое Княжество Литовское, которые не требовало и не потребуетъ комиссаровъ (для распредѣленія церквей), потому что ему извѣстны ихъ дѣянія на Волыни,—дѣянія, сопровождавшіяся пролитіемъ крови и бунтами, чего слѣдуетъ остерегаться на будущее время; г) намѣреніе дизунитовъ состоитъ въ томъ, чтобы, отобравши отъ уніатовъ церкви, истребить св. унію, но дозволить этого не допускаетъ совѣсть католическая, въ виду извѣстныхъ мнѣній по сему предмету римскаго престола (ссылка на буллу Caenae Domini).

Библиотека "Руниверс"

3) Панъ Кисель будетъ стараться, „чтобы постановлена была конституція, которою бы прежнія конституціи о греческой религіи были подтверждены.“ — На это требованіе долженъ быть данъ такой отвѣтъ: противъ всѣхъ прежнихъ конституцій, подъ угрозою насилій постановленныхъ, занесены протесты отъ всѣхъ чиновъ, посему онѣ не имѣютъ силы закона, а отсюда и дизуниты никакого права.

Наставленіе заканчивается покорною просьбою къ посламъ, чтобы они послѣ того, какъ на прошлыхъ сеймахъ своими протестами обезсилили права дизунитовъ, новою конституціею не укрѣпляли оныя [1]).

Мы выше замѣтили, что протестаціи противъ сеймовыхъ конституцій не могли имѣть юридическаго значенія, какъ направленныя противъ постановленій, сдѣлавшихся общеобязательнымъ закономъ; но онѣ, при расшатанности коренныхъ устоевъ правительственной власти, побуждали лицъ, не сочувствовавшихъ тѣмъ или инымъ узаконеніямъ, неуважительно относиться къ нимъ и тормозить приведеніе ихъ въ исполненіе. Указанное нами наставленіе — одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ справедливости сказаннаго, „Статьи примиренія“, въ виду занесенныхъ противъ нихъ протестовъ, уніаты считаютъ уже устарѣлыми и силы закона не имѣющими, хотя имъ, разумѣется, хорошо было извѣстно, что конституціи, коль скоро онѣ не отмѣнены общимъ сеймомъ, не перестаютъ имѣть значеніе, для всѣхъ общеобязательное (какъ lex publica)... Характеренъ и совѣтъ, даваемый уніатами православнымъ — возстановить нарушенныя права своей церкви посредствомъ обычныхъ судебныхъ процессовъ, не перенося дѣлъ объ этомъ на сеймъ. Совѣтъ этотъ показываетъ (что подтверждается и многими судебными процессами того времени), какъ трудно было разсчитывать православнымъ на законную защиту своихъ правъ по дѣламъ религіознымъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Зависѣло это не столько отъ царившаго здѣсь взяточничества (православные не скупы были на подарки), сколько отъ того, что судебныя мѣста наполнены были большею частію католиками и уніатами, и въ числѣ ихъ немало было лицъ, до фанатизма нерасположенныхъ къ православію и искренно думав-

---

[1]) Древніе акты Холмской епархіи. Въ инструкціи посламъ, избраннымъ на Бѣльскомъ сеймикѣ (1639 г.) занесена, между прочимъ, слѣдующая петиція: „Także za iego mścią x. Krupieckim (уніатскимъ перемышльскимъ епископомъ) przyczynią się (посл), żeby w krzywdzeniu iego wielkim, ktore ponosi od xiędza Ulewicza (православнаго перемышльскаго епископа), był uspokoiony. (Рукоп. библіот. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 1196, л. 66).

Библиотека "Руниверс"

шихъ, что они, потворствуя незаконнымъ притязаніямъ приверженцевъ папизма при ихъ распряхъ съ православными, оказываютъ услугу отечеству и уготовляютъ себѣ вѣнецъ на небѣ. Такія мысли благовременно и безвременно старалось внушить имъ латино-уніатское духовенство. При погребеніи Яна Колонды († 1636), воеводича виленскаго, занимавшаго должность трибунальскаго земскаго писаря, „старшій“ виленскаго уніатскаго монастыря Алексѣй Дубовичъ (лицо вліятельное въ уніатскомъ мірѣ) осыпаетъ въ „погребовомъ казаніи“ умершаго похвалами, между прочимъ, за то, что онъ оказалъ незабвенныя услуги уніатамъ во время борьбы ихъ съ православными. „Прежде,—говорилъ Дубовичъ,—когда засѣдали въ виленскомъ судѣ противники вѣры (przeciwnicy wiary), возможны были и суровые декреты даже противъ высокопоставленныхъ духовныхъ особъ. Теперь же,—продолжалъ проповѣдникъ, обращаясь къ умершему,—любовь свою къ св. уніи ты доказалъ своимъ перомъ, ибо ты, великій писарь, не разъ писалъ декреты противъ гордой схизмы, какъ-бы противъ второго Валтасара; и въ этотъ послѣдній годъ твоей жизни ты написалъ не одинъ декретъ противъ крокодиловаго плача, противъ адскаго крика, противъ хитрыхъ старцевъ, посягавшихъ на честь невинной Сусанны (т. е. уніатской церкви)“ [1]).

Сеймъ 1639 года отличался особенно бурнымъ характеромъ, и въ концѣ концовъ былъ „сорванъ“. Обстоятельныхъ свѣдѣній о борьбѣ на этомъ сеймѣ между православными и уніатами мы не имѣемъ; но изъ отрывочныхъ сохранившихся свѣдѣній можно заключить, что пререканія между тѣми и другими были, по обычаю, упорныя, доходившія до обоюдныхъ оскорбленій. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ (давая окраску событіямъ, какъ подобало „доброму католику“) пишетъ, что 17 ноября нѣкоторые послы, подговоренные еретиками, пришли къ королю съ просьбою, чтобы холмскій епископъ (Меѳодій Терлецкій) былъ осужденъ (był zganiony) за то, что ревностно возсталъ противъ еретиковъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что Радзивиллъ въ данномъ случаѣ говоритъ о жалобахъ на Терлецкаго за его незаконныя притѣсненія православныхъ и въ особенности за насильственное отнятіе у нихъ Люблинской церкви,—что тогда составляло одну изъ главныхъ злобъ дня. По

[1]) Pioro lekkie, ciężki swiąt noszące, na pogrebie i. m. p. Iana Kollendy, woiewodicza Wileńskiego, trybunalskiego, ziemskiego pisarza, w Wilnie, w cerkwi S Troycіy oycow Bazyliianow w iednośći s. będących, roku 1636, dnia 18 miesiąca dec. wystawione przez o. Alexego Dubowicza, starszego mon. Wileńskiego. Wilno 1637.

Библиотека "Руниверс"

свидѣтельству Радзивилла, при этомъ находился и самъ Терлецкій (вѣроятно, призванный королемъ), который „wolneyszym głosem“ отозвался на жалобы православныхъ. Каковы были эти „свободныя рѣчи“ холмскаго епископа, Радзивилломъ опущенныя, можно отчасти заключить изъ приведенныхъ въ дневникѣ заключительныхъ словъ Терлецкаго; „пусть,—говорилъ онъ,—обратятся (православные) въ католицизмъ; и тогда навѣрное не будутъ оскорбляться моими словами [1]). Очевидно, „апостолъ уніи“ разразился обычными въ его устахъ „поносными словами“ по адресу православной церкви, мало стѣсняясь даже и присутствіемъ короля.

Но сочувствіе послѣдняго, повидимому, и на этотъ разъ было на сторонѣ православныхъ. Это видно изъ разсказа Радзивилла, съ прискорбіемъ имъ передаваемаго, „о справѣ Полоцкой“. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Полоцкіе уніаты во время коронаціи Владислава IV выхлопотали подтвержденіе грамоты Сигизмунда III, которою присутствіе въ магистратѣ (т. е. избраніе на магистратскія должности) предоставлялось только католикамъ и уніатамъ. Православные обвиняли въ этомъ своего мѣстнаго посла на сеймъ (очевидно, католика), который учинилъ „измѣну“ противъ данной ему инструкціи, и такъ какъ „означенный артикулъ“ помѣщенъ въ королевской грамотѣ вопреки давнѣйшихъ привилегій г. Полоцку, просили объ его уничтоженіи. Дѣло объ этомъ перешло на такъ называемый реляціонный судъ (бывшій во время сейма), гдѣ обыкновенно предсѣдательствовалъ самъ король. Присутствовалъ на судѣ въ качествѣ сенатора и Радзивиллъ. Послѣдній сильно стоялъ за уніатовъ, говоря, что помянутая грамота „славной и святой памяти Сигизмунда, отца настоящаго короля, можетъ быть признаваема за декретъ, а поэтому, вслѣдствіе сыновней любви, король обязанъ не отмѣнять столь святого отеческаго декрета“. Но Радзивиллъ увидѣлъ „гнѣвливое королевское лицо“ и ничего не могъ достигнуть „у предубѣжденнаго короля, желавшаго кассировать тотъ декретъ, и едва упросилъ время на размышленіе до будущаго судебнаго засѣданія“.—До какой степени королю, окруженному сановниками въ родѣ Радзивилла, трудно было стоять на высотѣ своего положенія и осуществлять мѣропріятія, направленныя къ религіозному умиротворенію своихъ подданныхъ,—видно изъ дальнѣйшаго разсказа Радзивилла, который и приводимъ здѣсь въ полномъ видѣ. „Вечеромъ,—пишетъ въ дневникѣ Радзивиллъ,—я пошелъ къ королевѣ и обратился къ ней съ просьбою, чтобы она отклоняла

[1]) Pamiętniki Radziwiłła. I, 421—422.

Библиотека "Руниверс"

короля отъ склонности и пріязни къ еретикамъ и схизматикамъ, потому что онъ обнаруживаетъ явное пристрастіе къ нимъ, какъ въ дѣлѣ полоцкомъ, такъ и въ дѣлѣ о безпорядкахъ въ Вильнѣ. Иначе (если король не оставитъ своихъ намѣреній) должно опасаться, какъ бы Всевышній Богъ, вслѣдствіе пренебреженія его славою, не предалъ королевскій домъ превратностямъ. Послѣ этихъ словъ тяжко и жалостно вздохнула королева и сказала: „не по людскому разсудку поступаетъ такъ король: я опасаюсь, *не ослѣпленъ ли онъ чарами отъ еретиковъ*; однако буду стараться при благопріятномъ случаѣ вселять въ него большее расположеніе къ католикамъ.“ [1])

Есть въ дневникѣ Радзивилла извѣстіе и о томъ, что въ посольскомъ колѣ поднялись было голоса о лишеніи Киселя депутатскихъ полномочій. [2]) Такое заявленіе дѣлаемо было и на сеймѣ 1638 г. [3]) Въ обоихъ случаяхъ предлогомъ къ устраненію Киселя отъ участія въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ выставлялись юридическія основанія. Но, вѣроятнѣе всего, коренная причина означенной попытки, исходящей изъ латино-уніатскаго лагеря, заключалась въ желаніи лишить православныхъ самаго виднаго и энергичнаго защитника ихъ интересовъ. Ясный намекъ на это дѣлаетъ самъ Радзивиллъ, когда называетъ Киселя (при разсказѣ объ означенномъ случаѣ) „нарушителемъ покоя и совѣщаній“ (turbatorem pokoiu i obrad), безъ сомнѣнія, имѣя въ виду рѣшительные его протесты не приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ на сеймѣ прежде, чѣмъ не удовлетворены будутъ требованія православныхъ. Означенныя попытки ультра-католической партіи „избавиться отъ нарушителя покоя“ успѣха не имѣли (въ противномъ случаѣ православные, разумѣется, немедленно „сорвали бы сеймъ“). Дѣло православныхъ, по свидѣтельству бывшаго на сеймѣ мстиславскаго епископа С. Коссова, приняли было благопріятный оборотъ и уже проектирована была конституція, которою подтверждались статьи примиренія и привилегіи, данныя православнымъ на основаніи конституціи 1635 г., кассировались процессы, начатые по дѣламъ религіознымъ, а главное, „церкви, которыя были во владѣніи православныхъ и потомъ отъ нихъ отобраны, вновь возвращались имъ,“ и на будущее время дѣла о правонарушеніяхъ по дѣламъ религіознымъ (о чемъ сильно хлопотали православные) должны были непосредственно восходить на

---

[1]) Ibid. I. 433.

[2]) Ibid. I. 425.

[3]) Діаріушъ сейма 1638 г.

Библиотека "Руниверс"

обсужденіе сейма.— [1]). „Но врагъ душевный—писалъ С. Коссовъ къ Петру Могилѣ, очевидно, по какимъ-то обстоятельствамъ на этотъ разъ не бывшему на сеймѣ—врагъ душевный, который привыкъ вредить, если что наиполезнѣйшее дѣлается для святой церкви, постарался объ этомъ и теперь, когда уже на семъ сеймѣ намѣчена была весьма благопріятная для насъ конституція.“ [2]). Очевидно, въ данномъ случаѣ Коссовъ имѣетъ въ виду неблагополучный исходъ сейма, который—какъ мы сказали—былъ при окончаніи его сорванъ. Такимъ образомъ и означенная конституція оставалась мертвою буквою.

Слѣдующій общій сеймъ созванъ былъ въ самомъ скоромъ времени послѣ неудавшагося сейма 1639 года, въ виду неотложной необходимости, именно—„небезпеченства отъ поганъ“ (турокъ), уже опустошавшихъ южныя окраины государства. На этомъ сеймѣ былъ и Петръ Могила. Кромѣ общихъ нуждъ церкви, побуждавшихъ митрополита лично присутствовать почти на всѣхъ предшествовавшихъ сеймахъ, въ данное время были и особыя обстоятельства, требовавшія личнаго его присутствія на сеймѣ предстоявшемъ. Въ самомъ Кіевѣ,—городѣ наиболѣе огражденномъ отъ посягательства латиноуніатской партіи,—произошелъ крайне прискорбный для православныхъ случай. „Въ первый понедѣльникъ великаго поста,—читаемъ въ письмѣ Петра Могилы къ могилевскимъ братчикамъ,—когда студентъ Ѳедоръ Гоголевскій шелъ черезъ рынокъ, его схватили и повлекли въ замокъ. Когда спрашивали, почему такъ поступлено, намѣстникъ (кіевскаго воеводы) выставилъ своего слугу, сыщика, который, на основаніи незначительной ссоры съ кѣмъ-то въ корчмѣ, доказывалъ, будто бы проходившіе ночью студенты сдѣлали нападеніе на домъ (корчму) и кого-то ранили. Намѣстникъ, не произведши никакого разслѣдованія и даже несмотря на то, что не было никого и раненаго (битаго), тотчасъ приказалъ обезглавить студента“.—Все это случилось въ отсутствіе митрополита изъ Кіева. Петръ Могила былъ чрезвычайно огорченъ и возмущенъ означеннымъ поступкомъ гражданской власти. Дѣло касалось любимаго его дѣтища—кіевской коллегіи, и самыя дѣйствія намѣстника, явно враждебныя по отношенію къ коллегіи, а главное противозаконныя (безъ разслѣдованія дѣла), вызывая естественныя опасенія, что подобные случаи могутъ повторяться и на будущее время, могли произвести панику въ средѣ учащейся молодежи. Митрополитъ такъ и посмотрѣлъ на это дѣло.

[1]) Рукоп. сборникъ библ. Кіево-Печер. лавры; № 20 л. 21 об.

[2]) Ibid. л. 16 об.

Библиотека "Руниверс"

Въ упомянутомъ письмѣ онъ означенный поступокъ намѣстника объясняетъ кознями кіевскаго воеводы (Тышкевича) и вообще враговъ православія, которые, досадуя, что въ кіево-могилянской коллегіи обучается великая „громада“ молодежи, и предвидя, что, обучившись, она *ясно можетъ показать всему свѣту правду и могущественно будетъ оборонять православную церковь*, рѣшили взвести клевету на какого-либо студента означенной коллегіи, обвинивъ его въ криминальномъ преступленіи. Намѣстникъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по приказанію воеводы; быстрою казнью Гоголевскаго—безъ суда и слѣдствія—имѣлось въ виду устрашить остальныхъ студентовъ, „чтобы они разбѣглись по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде обучались [1]).—Такъ же горячо принято было къ сердцу печальное извѣстіе о казни Гоголевскаго и другими лицами, близко стоявшими къ коллегіи. Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ отвѣтѣ на письмо П. Могилы съ извѣстіемъ объ означенномъ событіи, горько оплакиваетъ *„разбойничье дѣянье“* кіевскаго воеводы и даетъ совѣтъ всѣми силами стараться, чтобы на будущее время противъ подобныхъ дерзкихъ поступковъ установлены были Рѣчью Посполитою соотвѣтствующія кары. „Я самъ—пишетъ Коссовъ—не полѣнился бы отправиться на сеймъ, еслибы тому не препятствовали мое крайнее убожество и бремя лежащихъ на мнѣ долговъ, возложенное на меня лжебратіями (уніатами)“ [2]).

Не богатъ былъ деньгами въ это время и Петръ Могила. Отправляясь на сеймъ съ жалобою на кіевскаго воеводу и его клевретовъ, а также съ ходатайствами по обще-церковнымъ дѣламъ, „готовый для цѣлости церкви правдивой и здоровье свое кончити,“—онъ обращался къ могилевскому братству (и, вѣроятно, къ другимъ) съ просьбою оказать ему денежное вспомоществованіе, потому что неоднократныя поѣздки его на сеймы, необходимыя въ интересахъ православія, совершенно истощили его денежныя средства. „Продковъ моихъ, господаровъ, скарбци на то пошли; клейнотовъ, злота, сребра ничого ми отчистого не зостало.“ Между тѣмъ безъ денегъ на сеймахъ трудно достигнуть успѣха: „таковые рѣчи безъ швайцы (шило) золотое зшитися не могутъ“. [3])

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 112, стр. 223 и слѣд.

[2]) Рукоп. сборн. библ. Кіево-Печ. лавры; № 20, л. 17.

[3]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 112, стр. 226.

Библиотека "Руниверс"

Сеймъ 1640 года созванъ былъ исключительно въ виду угрожавшей государству опасности отъ татаръ. Всякія разсужденія о другихъ предметахъ при сеймовыхъ совѣщаніяхъ не должны были имѣть мѣста. Но при той жгучести религіозныхъ вопросовъ, которая присуща была тому времени, и эти вопросы не разъ поднимаемы были на сеймѣ. Первый починъ къ волненіямъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ произвело лицо, отъ котораго, повидимому, всего менѣе слѣдовало бы ожидать этого,—канцлеръ Оссолинскій. Когда, предъ началомъ сеймовыхъ совѣщаній, больной король на ложѣ внесенъ былъ въ палату сената и начаты были рѣчи о жалованьѣ войскамъ и средствахъ для борьбы съ турками и татарами, Оссолинскій обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „О чемъ другомъ я могу напомнить тебѣ, найяснѣйшій король, какъ не о томъ, отъ чего должно начинать всѣ наши дѣла и совѣщанія, т. е. о славѣ Божіей и цѣлости святой церкви? А такъ какъ въ настоящее время обѣ онѣ безбожно нарушены, то необходимо пристойнымъ образомъ снять съ себя это прегрѣшеніе, въ противномъ случаѣ всѣ наши проекты и бесѣды, весь государственный строй, всѣ опредѣленія и распоряженія обратятся въ дымъ, а отчизна и мы сами въ пепелъ. Когда ваше королевское величество намѣреваешься поднять святой крестъ на непріятелей, когда хочешь церкви и наслѣдіе Божіе исторгнуть изъ рукъ язычниковъ,—нужно предварительно столь благочестивому государю въ своемъ государствѣ на то обратить вниманіе, чтобы самого Бога освободить отъ поношенія и поруганія. Тогда не только тотъ внѣшній непріятель, хотя и сильный, но и самъ адъ и весь міръ, хотя бы и на части разсыпался, не будутъ намъ страшны. Знаетъ Богъ, какъ малою горстію людей охранять свою славу. Кто желаетъ видѣть примѣры этого, пусть обратится къ библіи и богословамъ; мнѣ, человѣку свѣтскому, достаточно только напомнить о томъ, чего требуетъ обязанность христіанская и католическая по отношенію къ Богу и святой вѣрѣ, которую, когда ваше королевское величество, согласно лежащему на тебѣ долгу, не допустишь до попранія, Господь Богъ воздвигнетъ упадшее твое здоровье и силы на побѣды и тріумфы!“ [1]).

Поводомъ къ произнесенію такой рѣчи послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Вильнѣ, во время свадебнаго пира у одного протестантскаго пастора, перепившіеся кальвинисты стали стрѣлять изъ лука въ находившійся противъ пасторскаго дома католическій костелъ.

[1]) Kibal. Jerzy Ossolinski. l. 220 (на основаніи рукоп. библ. Dzieduszyckich).

Библиотека "Руниверс"

Когда разнеслась объ этомъ вѣсть, католическое простонародіе кинулось на кальвинистскую кирху и ограбило рядомъ стоящій съ нею домъ. Начался процессъ. Кальвинисты съ запальчивостью обвиняли въ происшедшемъ возмущеніи католиковъ, а послѣдніе съ неменьшею страстностью возлагали всю вину на кальвинистовъ [1]).

Подобныя происшествія въ Польшѣ, при тогдашнемъ разгарѣ религіозныхъ страстей, не были рѣдкостью, и нужно замѣтить, что почины къ такимъ „бунтамъ“ большею частію дѣлаемы были іезуитскими студентами, зачастую оскорблявшими святыни другихъ вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ происшествіе не выходило изъ ряда обычныхъ,—и во всякомъ случаѣ на сеймѣ, созванномъ исключительно для обороны государства отъ наступившаго врага, не естественно было министру короля заявлять, что опасность отъ означеннаго врага гораздо меньше, чѣмъ отъ нѣсколькихъ напившихся кальвинистовъ. Чтобы понять поступокъ Оссолинскаго, нужно имѣть въ виду, что въ разсматриваемое время значеніе его при дворѣ пошатнулось, съ сенаторами установились отношенія натянутыя, попытки сблизиться съ „коломъ посольскимъ“ успѣхомъ не увѣнчались. Онъ началъ терять почву подъ ногами и, какъ человѣкъ крайне честолюбивый, желая возвратить утрачиваемое положеніе государственнаго дѣятеля, рѣшился примкнуть къ сильной поддержкою изъ Рима ультра-католической партіи. Интересамъ означенной партіи съ этого времени онъ и начинаетъ служить, осыпаемый похвалами отъ „апостольскаго сѣдалища“.

Если Оссолинскій нашелъ небезвременнымъ въ личныхъ своихъ интересахъ выдвинуть на сеймѣ 1640 г. вопросы религіозные, тѣмъ съ большимъ основаніемъ могли сдѣлать это православные въ виду указанныхъ нами правонарушеній со стороны латино-уніатовъ. Главнымъ предметомъ горячихъ преній со стороны православныхъ служило нарушеніе „статей примиренія,“ выразившееся, между прочимъ, въ незаконномъ отнятіи у нихъ Люблинской церкви. А. Радзивиллъ, присутствовавшій и на этомъ сеймѣ, подъ 5-мъ числомъ мая пишетъ: „Религія греческая причиняла много безпокойствъ посламъ; ибо владыка холмскій отнялъ церковь въ Люблинѣ у схизматиковъ, которые старались объ ея возвращеніи. Когда всѣ совѣтовали имъ домогаться этого обычнымъ судебнымъ порядкомъ, посолъ Кисель, схизматикъ, возсталъ противъ сего, утверждая, что чрезъ такой поступокъ pacta conventa нарушены, и права православныхъ должны

[1]) Pamiętniki Radziwiłła, t. II, str. 2, 14, 21, 23.

Библиотека "Руниверс"

быть возстановлены сеймомъ.“ Подъ 13-мъ числомъ мая у того же Радзивилла читаемъ: „Трудное Люблинское дѣло относительно отнятія у схизматиковъ церкви поручено было депутатамъ отъ сената и рыцарства. Тѣ донесли королю, что фундація означенной церкви была безъ обычнаго разрѣшенія властей, а потому не принадлежитъ ни схизматикамъ, ни уніатамъ; такимъ образомъ, все это дѣло скорѣе было бы окончено, еслибы, отказавши обѣимъ сторонамъ, присудить церковь католикамъ. Но въ это время одинъ изъ бискуповъ, *къ соблазну всѣхъ католиковъ, началъ говорить въ пользу схизматиковъ*, и дѣло на сеймѣ такъ и не кончилось“ [1]).

Безъ сомнѣнія, достигавшіе до Варшавы слухи о все болѣе и болѣе увеличивавшейся опасности отъ татаръ побудили православныхъ депутатовъ, склоняемыхъ къ тому просьбами короля, отложить свои петиціи по жгучимъ религіознымъ вопросамъ до будущаго сейма и не препятствовать разсужденіямъ о неотложномъ дѣлѣ—„охранѣ государства.“ Дѣйствительно, сеймовая конституція 1640 года посвящена исключительно подробному изложенію мѣропріятій, относящихся къ означенной охранѣ. [2])

Во время сейма 1640 года православными, по ихъ просьбамъ, получено было только нѣсколько частныхъ грамотъ, выдача которыхъ зависѣла отъ короля. Такъ, напр., Петромъ Могилою исходатайствована была въ это время грамота Владислава IV, жалующая Кіево-Братскому монастырю двѣ церкви въ Кіевѣ — Трехсвятительскую и Воздвиженія Честнаго Креста со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями [3]). Надо полагать, въ это же время испрошенъ былъ имъ „листъ“ и къ кіевскому воеводѣ съ наказомъ не чинить такихъ безправій, какія обнаружены были въ дѣлѣ студента Гоголевскаго. По крайней мѣрѣ съ этого времени до самой кончины Петра Могилы свѣдѣній о какихъ-либо притѣсненіяхъ со стороны гражданской власти по отношенію къ кіевской коллегіи и вообще относительно православныхъ кіевлянъ, мы не встрѣчаемъ.

Но въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ во главѣ латино-уніатской партіи стояли лица, привыкшія игнорировать распоряженія короля, клонившіяся къ умиротворенію „людей, разрозненныхъ въ вѣрѣ“,— православные продолжали терпѣть опрессіи. Въ особенности, какъ

---

[1]) Ibid. II, 12—13.

[2]) См. сеймовую конституцію означеннаго года.

[3]) Памятники Кіев. комм. т. II, ч. 1, стр. 144.

Библиотека "Руниверс"

и въ предшествующее время, имъ приходилось много испытывать притѣсненій въ городахъ, входившихъ въ составъ холмской (уніатской) епархіи. Здѣсь отношенія между православными и уніатами были крайне обострены, и чаша долготерпѣнія первыхъ, гонимыхъ Терлецкимъ, нерѣдко переполнялась, слѣдствіемъ чего были открытыя возмущенія православныхъ противъ означеннаго „апостола уніи“ и его клевретовъ. Считая попытки православныхъ отобрать отъ уніатовъ отчужденныя отъ нихъ королевскими коммиссіями церкви бунтами и придавая этимъ попыткамъ характеръ противо-государственныхъ и уголовныхъ преступленій, Терлецкій вчинилъ цѣлый рядъ исковъ противъ ревнителей православія и, находя себѣ поддержку въ судебныхъ учрежденіяхъ, наполненныхъ папистами, почти всегда выигрывалъ дѣло. Православные подвергались штрафамъ, тюремнымъ заключеніямъ, а иногда даже (когда обвинялись въ оскорбленіи латино-уніатской святыни) изрекаемы были противъ нихъ и смертные приговоры. Мы уже сказали выше, что казовыя послѣдствія этой борьбы Терлецкаго съ православными были для него благопріятны: во избѣжаніе наказаній обвиняемые признавали надъ собою власть холмскаго уніатскаго епископа, и его словесное стадо численно значительно увеличивалось. Но стадо это, загнанное въ овчарню „новаго Зороавеля“ бичами и скорпіонами, не было стадомъ послушнымъ: оно ненавидѣло унію, и при первой возможности накипѣвшая въ сердцахъ злоба противъ „гонителя благочестія“ (православія) ярко выступала наружу. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать борьбу православныхъ съ этимъ епископомъ-фанатикомъ. Но для характеристики этой борьбы и въ особенности отношеній православныхъ къ Терлецкому считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько фактовъ, случившихся около разсматриваемаго нами времени «Простонародье (plebs) г. Тышковицъ—читаемъ въ протестаціи. Терлецкаго—учинили заговоры и произвели возмущеніе съ цѣлью возстановленія здѣсь схизмы: напали на церковь, выгнали изъ нея поповъ, въ святой уніи находящихся, заграбили всю церковную утварь и, разнесши ее по домамъ, понадѣлали изъ нея домашнихъ вещей» [1]). Словесное стадо Терлецкаго въ г. Парчевѣ позывалось къ суду за то, что отказалось приносить новопоставленнымъ отъ него уніатскимъ попамъ добровольныя приношенія, не приглашало ихъ для требоисправленій, оскорбляло словами и дѣйствіями, рас-

[1]) Древніе акты Холмс. епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) т. 1. Выдержки изъ докум. см. въ статьѣ о. Стефана Семеновича („Холмско-Варшавскій епарх. Вѣстникъ“, 1881 г. № 24, стр. 398).

Библиотека "Руниверс"

таскало и присвоило себѣ церковныя вещи [1]).—Въ Сокалѣ запечатанныя Терлецкимъ церкви были распечатаны и церковная утварь изъ нихъ „схизматиками“ унесена и скрыта; а „сакраментъ“, освященный уніатскимъ священникомъ, будто-бы выброшенъ былъ in aedibus abiectis [2]). Въ особенности весьма интересны судебныя показанія семнадцати свидѣтелей о сопротивленіи, оказанномъ жителями г. Бельза Меѳодію Терлецкому при попыткѣ его подчинить ихъ своей власти. Приведемъ первое изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній въ полномъ видѣ.

Во-первыхъ, „славетный“ Петръ Грушевскій, гражданинъ и бывшій бургомистръ Белзскій, по приведеніи къ присягѣ, показалъ слѣдующее: „Мнѣ хорошо извѣстно, что когда въ прошлую пятницу вечеромъ пріѣхалъ въ здѣшній городъ (Бельзъ) превелебный отецъ владыка холмскій и белзскій, въ тотъ же день пріѣхалъ сюда же, не знаю откуда, Симеонъ Казаникъ и далъ знать попамъ церквей Никольской, Пятницкой и Свято-Духовской, что холмскій владыка прибудетъ въ пятницу, а также извѣстилъ объ этомъ и прихожанъ означенныхъ церквей, которые тотчасъ же, подущаемые къ тому Дацкомъ Панчукомъ, Сенькою Туржикомъ, а также Пархицкимъ, прихожанами Свято-Духовской церкви,—собравшись ночью съ пятницы на субботу, позакладали бревнами двери двухъ церквей, Свято-Духовской и Пятницкой, и ходили изъ дома въ домъ, упрашивая, чтобы каждый прихожанинъ съ бронею и оружіемъ, кто какое имѣетъ, выходили къ тѣмъ церквамъ на стражу; тогда и меня самого Сихничекъ съ Войтовской улицы просилъ, обратившись съ слѣдующими словами: „Ратуй (защити) насъ отъ того поганина, уніата!“ Потомъ утромъ, въ воскресенье, когда владыка послалъ своихъ отцовъ (священниковъ) къ церкви, имѣя въ виду совершить въ ней богослуженіе, прихожане означенныхъ трехъ церквей подняли тревогу и во множествѣ собрались около каждой церкви, мужчины и женщины, съ палками, кочергами, кольями, которыхъ наготовили не мало. Когда приблизились сюда упомянутые отцы, прихожане означенныхъ церквей бросились на нихъ (отцевъ), толкая и ругая: „дай Богъ, чтобы несчастье напало на того уніата злодѣя! Не достоинъ онъ отворить наши церкви и не допустимъ его до этого, хотя бы насъ казнили, поотрубивши головы, потому что онъ

[1]) Ibidem.

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ холм. церковно-арх. музеѣ) т. I.

Библиотека "Руниверс"

намъ не пастырь.“ Слышалъ я также набатъ при Пятницкой церкви, произведенный съ цѣлью, чтобы другіе обѣгались къ ней“ [1]).

Показанія остальныхъ свидѣтелей въ существенныхъ чертахъ сходны между собою и отличаются одно отъ другого только нѣкоторыми незначительными подробностями. Несмотря на то, что большинство этихъ показаній дано было католиками, въ ихъ справедливости сомнѣваться нельзя. Въ глазахъ православныхъ Терлецкій дѣйствительно былъ *злодѣемъ*, *поганиномъ*, *псомъ*, *собакою*,— и, доведенные его поступками до крайняго раздраженія, они, не обинуясь, во всеуслышаніе и надѣляли его подобными эпитетами.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

Письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

1866 годъ.

Письмо 1. [1]).

Видно, въ тяжелый день я выѣхалъ въ Варшаву, что, воротившись оттуда, до сихъ поръ не соберусь написать вамъ. Все отчеты, да разныя текущія дѣла, а недавно въ Люблинъ ѣздилъ, также по дѣламъ.

Въ Варшаву, какъ я писалъ уже, Витте звалъ по случаю пріѣзда Милютина [2]). Видѣлъ же я сего великаго дѣятеля по дѣламъ Польши, — сперва въ его квартирѣ, въ Брюлевскомъ дворцѣ, куда возилъ меня Витте, потомъ на обѣдѣ у Витте, потомъ у Черкасскаго и, наконецъ, на балѣ у Намѣстника, куда и азъ многогрѣшный затесался. Прехорошій человѣкъ, чрезвычайно ласковый и привѣтливый. Много распрашивалъ онъ меня о галичанахъ, и много добраго успѣлъ я сдѣлать для нихъ чрезъ него. Милютинъ, по моему представленію, согласился снабжать чрезъ меня галичанъ русскими книгами на счетъ правительства,—предоставить имъ стипендіи въ университетахъ, допускать въ Холмскую гимназію и на педагогическіе курсы и даже въ гражданскую службу. Завязать такую связь необходимо, о чемъ когда-нибудь на досугѣ буду писать пространнѣе. Жаль, что Черкасскій подозрительно смотритъ на галичанъ и всѣ славянскіе народы называетъ мошенниками, попрошайками. Впрочемъ, предъ

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 3.

[2]) Николай Алексѣевичъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго.

Библиотека "Руниверс"

Милютинымъ и онъ склоняется. Недавно, говорятъ, вышла въ Варшавѣ слѣд. картина, произведеніе какого-то русскаго чиновника: летитъ борзый конь, копытами мечетъ во всѣ стороны, топчетъ всѣхъ попадающихъ подъ ноги, бьетъ и по сторонамъ. Бергъ стоитъ въ сторонѣ въ испугѣ, Треповъ держится рукою за окровавленную свою щеку и хватаетъ за поводья, Витте отскочилъ вбокъ, закрывшись рукою и почти припавъ къ землѣ; прочіе, кто куда попалъ; конь съ головою Черкасскаго, а на конѣ сидитъ Милютинъ и съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силится удержать поводьями и мундштукомъ.

Удалось кое-что и для гимназіи сдѣлать чрезъ Милютина. Разрѣшено дать деньги на медицинскія пособія; число и размѣръ стипендій предоставлены моему усмотрѣнію, съ тѣмъ, что деньги будутъ давать по моимъ представленіямъ.

Черкасскій отдалъ флигеля піарскіе, о которыхъ безуспѣшно хлопоталъ я и Витте цѣлыхъ 8-мъ мѣсяцевъ. Согласился онъ также на перепечатаніе Слова къ народу каѳолическому или Народовѣщанія, оставленнаго мною во Львовѣ, и деньги обѣщалъ. Обѣщалъ также деньги на изданіе матеріаловъ и свѣдѣній о Холмщинѣ, что, мимоходомъ замѣчу, возможно было бы только съ переселеніемъ сюда В. Б. Антоновича. Впрочемъ, давняя клевета уніатовъ оставила свои послѣдствія. Такъ, онъ возставалъ противъ моей рѣчи, похваленной въ Варшавѣ всѣми и даже Милютинымъ, по разсказу Бѣлозерскаго и Кулиша. Такъ, мнѣ лично высказалъ такое мнѣніе, будто бы я стараюсь обращать въ православіе, на что я ему отвѣчалъ, что оставилъ безъ дѣйствія даже нарочитыя просьбы по этому предмету двухъ или трехъ учениковъ. Ефиму М. замѣтилъ, будто я отмежевалъ себѣ огромную квартиру — комнатъ 100, на чемъ и Ефимъ М. его опровергъ. Главная причина его недовѣрія и нѣкотораго неудовольствія заключается, кажется, въ Сидорскомъ.... Дѣло въ томъ, что Черкасскій еще въ самомъ началѣ поставилъ намъ какъ бы въ обязанность вести переписку съ Сидорскимъ. Я писалъ очень рѣдко, Ефимъ М. очень часто, въ результатѣ вышло одно и то же мнѣніе о Сидорскомъ; но Сидорскому не по вкусу

Библиотека "Руниверс"

пришлось мое отношеніе къ нему—далекое. Проигралъ-ли я отъ этого, сказать не могу. По крайней мѣрѣ и Ефимъ М. далъ себѣ слово не писать къ Сидорскому.

Витте по прежнему добръ и ласковъ ко мнѣ, и дай Богъ, чтобъ такъ было и на будущее время. Представили насъ къ орденамъ на шею, да доселѣ не выходятъ. Вѣрно, и не выйдутъ уже. Вилуевъ недавно писалъ мнѣ: ждемъ на дняхъ, или отложатъ до Пасхи; скорѣе, впрочемъ, надо ожидать послѣдняго.... Вилуевъ представленъ въ д. с. совѣтники. О томъ, что Витте и Михневичъ получили Станистава 1-й ст. еще лѣтомъ, вы, конечно, знаете. Мы съ Ефимомъ М. еще въ ноябрѣ утверждены въ должностяхъ директоровъ, а то были pełniącymi obowiązki (исправляющими должность).

Былъ я однажды у преосвящ. Іоанникія и не засталъ его дома, а въ другой разъ совершенно некогда было. На выѣздѣ, когда я почти садился на почтовую телѣжку, онъ прислалъ мнѣ образъ Божіей Матери въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ и просфору. Идти къ нему невозможно было; пришлось ограничиться благодарственнымъ письмомъ изъ Холма.

Хочу, впрочемъ, утѣшить его *братствомъ*, которое онъ, побуждаемый Св. Синодомъ, очень хотѣлъ бы видѣть въ Холмѣ. Жаль, что все некогда приняться за это и мнѣ желательное дѣло.

Вспомнимъ кстати: познакомился я въ Варшавѣ съ извѣстнымъ Сушковымъ, который пріѣзжалъ туда по порученію Св. Синода для устройства тамъ правосл. семинаріи, братства и вообще по дѣламъ православія. Синодъ хотѣлъ бы немедленно обращать уніатовъ въ православіе. Черкасскій поэтому страшно сердился и о Сушковѣ говорилъ мнѣ, что если пріѣдетъ въ Холмъ, то просто не пускайте. Въ этомъ случаѣ Черкасскій болѣе правъ, чѣмъ преосвящ. Іоанникій и Сушковъ. И Рѣпнинъ писалъ когда-то, что „дѣла вѣры весьма суть деликатны“, а тутъ хотѣли бы просто за горло брать. Іоанникій довѣрчивъ до наивности. Въ Сѣдлецкой дирекціи жандармы и козаки, по распоряженію военныхъ начальниковъ, выгоняли народъ на встрѣчу

Библиотека "Руниверс"

его; а онъ принялъ это за наличную монету. Мнѣ лично разсказывалъ пренабожный жандармскій полковникъ, какъ въ деревнѣ Люховѣ, за отсутствіемъ православныхъ, „*подпустили* маленько“ поляковъ, чтобы церковь не была пуста во время архіерейскаго служенія. Тутъ вотъ никакъ не добьются проповѣди на русскомъ языкѣ. Недавно военные участковые начальники созывали ксендзовъ уніатскихъ для увѣщанія. Что же вышло? Тѣ упорно отказывались... Заговоривъ о мѣстныхъ событіяхъ, буду и продолжать. Недавно умеръ ректоръ Холмской семинаріи Шокальскій. Посадили бы на его мѣсто Криницкаго, доктора богословія, прибывшаго въ праздникъ изъ Галиціи чрезъ Варшаву и опредѣленнаго пока законоучителемъ гимназіи; но Калинскій при первомъ его появленіи запротестовалъ и формально требовалъ отъ меня, чтобы не допустить его къ чтенію уроковъ по той причинѣ, что онъ не имѣетъ отпуска отъ Львовскаго митрополита и никакихъ доказательствъ своего священства. Не знаю, что скажетъ Черкасскій.

Въ праздникъ Крещенія святили мы торжественно воду съ ружейной пальбой, а потомъ окроплена была гимназія. Когда мы расположились закусывать въ моей новой квартирѣ, внезапно ворвался уніатскій ксендзъ и съ яростію сталъ кропить во всѣ углы. Я принялъ его съ подобающею честью, чтобы избѣжать скандала.—Вообще ксендзы сильно возбуждены, особенно на Подлясьѣ. Это, впрочемъ, не помѣшало въ Бялѣ снять запрестольную картину убіенія Кунцевича, которая гоститъ теперь въ кабинетѣ Черкасскаго [1])... Благодарю васъ за ваши хлопоты по моимъ дѣламъ, а также за присылку брошюры И. Игн. Малышевскаго [2]) о придорожныхъ крестахъ; очень понравилась, хотя

---

[1]) Впослѣдствіи эта икона передана въ Румянцевскій музей въ Москвѣ, гдѣ и теперь хранится.

[2]) Извѣстный ученый, профессоръ кіевск. духов. академіи. Брошюра эта написана по поводу распоряженія гражданск. начальства о снятіи придорожныхъ крестовъ, ставленныхъ будто изъ подражанія римск. католикамъ. Г. Малышевскій въ этой брошюрѣ показалъ, что придорожные кресты древняго правосл. происхожденія у насъ появились еще при в. кн. Ольгѣ, и первый крестъ водрузилъ еще апостолъ Андрей на горахъ кіевскихъ.

Библиотека "Руниверс"

слѣдовало бы еще прямѣе. Похилевича, о которомъ вы писали, теперь могу назначить и на 300 руб. Дѣло въ томъ, что, будучи въ Варшавѣ, я таки добился этой прибавки изъ 2000 р., которые на этотъ годъ даются въ мои руки на пособіе бѣднѣйшимъ школамъ. Завтра высылаю представленіе о прогонахъ Похилевичу, а въ воскресенье вышлю ему назначеніе. Штаты нашихъ канцелярій увеличены до 5-ти человѣкъ. Нѣтъ ли такого человѣка, который при хорошемъ почеркѣ пѣлъ бы басомъ? Басовъ очень скудно, а хочется хоръ смастерить. Жалованье письмоводителю 300 р. с.

Что было писано въ Голосѣ о протестѣ поляковъ противъ моего пріѣзда въ Львовъ, то справедливо, а писалъ К—ій, бывшій, кажется, учителемъ въ Полтавской гимназіи.

Галичане крѣпко просили меня о высылкѣ иконъ изъ Кіева на коммисію. Нельзя-ли устроить это дѣло съ Лаврою? Потрудитесь поговорить съ намѣстникомъ, да и митрополиту написать, если нужно. Я самъ хочу писать объ этомъ митрополиту. Во Львовѣ ужасающія латинствомъ и безобразіемъ иконы. Директоръ ставропигіи говорилъ мнѣ, что кіевскія иконы тамъ весьма желательны и были бы полезны; онъ же слезно просилъ о высылкѣ ихъ. Можетъ быть, Лавра что-нибудь и подарила бы.

Виленскій попечитель Корниловъ вызываетъ также учителей филологіи изъ Галиціи. Не захочетъ-ли и князь Ширинскій? Тамъ ихъ безъ счету.

27 Генваря—8 Февраля, 1866 г.

Письмо 2.

10—22 Марта 1866 г.—Г. Холмъ.

Начавшіяся перестройки, а главное—поѣздки въ Люблинъ и по дирекціи, помѣшали мнѣ отвѣтить вамъ своевременно. Тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ за новое письмо и поздравленіе съ днемъ ангела моего. Воспоминаніе о моемъ рожденіи и крещеніи, о старичкѣ, крестившемъ меня, и блаженной памяти ро-

Библиотека "Руниверс"

дителяхъ нашихъ подѣйствовало на меня на этотъ разъ какъ-то особенно грустно. Богъ знаетъ, почему съ нѣкотораго времени мнѣ слишкомъ часто приходитъ на мысль, что осталось жить гораздо меньше, чѣмъ прожилъ, а приближеніе новаго года моей жизни—39 еще неотвязнѣе стало наводить на эту мысль. Дай то Господи еще и еще пожить намъ въ добромъ здоровьѣ. Теперь только и жить, благодаря Бога за неисчислимыя Его милости.

Работа растетъ съ каждымъ днемъ, козни не уменьшаются, но ни на минуту я не чувствовалъ еще ни утомленія, ни тѣмъ болѣе охлажденія; напротивъ, съ каждой новой работой прибываетъ охота дѣлать и дѣлать. Поразила меня какъ-то вычитанная фраза: кто въ настоящее время не старался изобразить изъ себя полезнаго дѣятеля? И побоялся сего изреченія и молю Бога, чтобы трудъ мой не былъ безплоденъ.

Многое предстоитъ впереди. Вотъ гимназіи никакъ не укомплектуемъ. Странныя все случайности выходятъ: то Чепурковскій и соглашается, и отказывается по нѣскольку разъ, то за Гнипова отказывается Виленскій попечитель, не давая ему знать, а за Будкевича попечитель Кіевскій... А тутъ еще Витте по секрету пишетъ, что онъ вошелъ уже съ представленіемъ о преобразованіи Сѣдлецкой гимназіи и Грубешовскаго училища въ русскія заведенія; между тѣмъ и для женской гимназіи потребуются и классныя дамы и учители. Гдѣ взять людей, когда такъ много требуется ихъ разомъ, а [illegible]ъ насильно не пускаютъ? На математику назначенъ какъ-то [illegible]чень скоро Малиновскій, учитель Полтавской семинаріи. Только духовенствомъ и пробавляемся, да уніатами. Пишете: не увлекаюсь ли я галичанами? Да тутъ и татарами увлекся бы! Впрочемъ, я самъ убѣжденъ, что скопленіе галичанъ (ихъ будетъ до 6-ти) въ Холмѣ не можетъ быть полезно и заблаговременно просилъ Витте разсортировать ихъ съ преобразованіемъ Грубешовскаго училища, Бѣльской прогимназіи и Сѣдлецкой гимназіи. Что Витте на это согласится, я не сомнѣваюсь; но не пишите о семъ Ефиму М., такъ какъ онъ не терпитъ галичанъ, а ему придется накинуть хоть одного.

Библиотека "Руниверс"

Сегодня полученъ новый штатъ гимназіи и педагогическихъ курсовъ съ увеличеннымъ штатомъ. Грушевскій и Аристовъ будутъ получать по 1500 руб., а Леушинскій съ жалованьемъ помощника инспектора 1860 р. Пясецкій утвержденъ штатнымъ учителемъ педагог. курсовъ съ жалованьемъ въ 1200 р. Совѣстно мнѣ, что Соломоновскій съ такими же правами будетъ получать всего 500 р., а доселѣ былъ на 225 р. Учитель чистописанія изъ Прилукъ будетъ назначенъ къ намъ, а жалованья по новому штату 800 р. Сергіенко, я думаю, раскается.

На дняхъ я получилъ письмо отъ Милютина. Онъ пишетъ, что данную ему Витте выписку изъ моихъ писемъ о поѣздкѣ въ Галицію онъ, по важности содержащихся тамъ извѣстій, счелъ долгомъ повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе, и что Его Величество, удостоивъ прочтенія сію выписку, соизволилъ собственноручно написать на ней: *Весьма любопытно*; причемъ прибавляетъ, что ему особенно пріятно сообщить мнѣ объ этомъ, а также порадовать извѣстіемъ, что всѣ мои представленія объ установленіи связи съ Галиціею и о снабженіи ея книгами увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. О послѣднемъ онъ заповѣдуетъ секретъ величайшій и проситъ писать ему не по почтѣ, а по окказіи... Галиція засыпаетъ меня письмами. Все просятся въ учители. Сейчасъ получилъ письмо отъ почтеннѣйшаго Головацкаго съ присылкою книгъ для раздачи по школамъ... Калинскій цѣлый годъ не получаетъ жалованья [1]). Теперь онъ продаетъ все имущество, ибо въ буквальномъ смыслѣ ѣсть нечего.

Письмо 3.

6—18 Мая 1866 г. – Г. Холмъ.

Поѣздка по дирекціи, хотя и непродолжительная, а главное — домашняя суета по поводу начавшихся работъ помѣшали мнѣ

---

[1]) Жалованье Калинскому — номинату было прекращено за противодѣйствіе мѣрамъ правительства.

Библиотека "Руниверс"

отвѣтить во время, такъ что я дождался, наконецъ, и второго письма вашего. Правда, и то сказать нужно, что теперь, когда высохло болото между Луцкомъ и Рациборовицемъ, письма ходятъ несравненно скорѣе.

Благодарю сердечно за поздравленіе съ орденомъ. Чувствуется особенное удовольствіе, когда подумаешь, что на прежней службѣ и до конца жизни этакой штуки не дождался бы. Правда, въ Польшѣ ордена раздаются направо и налѣво, особенно по Учредительному Комитету. Здѣсь штабсъ-капитаны-комиссары по крестьян. дѣлу и люди безчиновные получаютъ сразу на шею Анны, какъ это случилось и теперь; но я не смотрю на другихъ, а сужу по своему положенію. Совѣстно было ходить между ними съ голою шеею, или выставлять медаль въ память минувшей войны. По Учр. Комитету другое дѣло: тамъ изъ губ. секретарей и жалуютъ прямо въ надворные совѣтники, а изъ титулярныхъ въ статскіе.

Благодарю и за хлопоты ваши по высылкѣ учителей Похилевича и Тетеруковскаго. Разумѣется, что этого послѣдняго я опредѣлю теперь же и пошлю на мѣсто Смирницкаго... Когда то вы писали, что у меня дѣла идутъ медленно. Что дѣлать? Порядокъ такой. Школы открываются постепенно и слишкомъ медленно. Проходитъ часто полгода и болѣе въ перепискѣ. Вотъ я и держу давно переданныя мнѣ прошенія Кіевскихъ и другихъ семинаристовъ. Откроется школа, я назначаю и посылаю представленіе въ Комиссію о выдачѣ прогоновъ, а Комиссія въ Совѣтъ Управленія, а тотъ держитъ мѣсяца два, пока разрѣшитъ, да опять въ Комиссію, а Комиссія въ Губ. Правленіе, а то въ Губ. Казначейство, а это въ уѣздное, а уѣздное ко мнѣ и т. д. Теперь у меня изъ 120 прошеній осталось не болѣе 40. Вологжанамъ, Усть-сысольцамъ, Костромлянамъ и прочимъ подобнымъ я давно отказалъ, но земляковъ придержать необходимо, иначе придется *паркà парить*, такъ какъ мѣстный, негоднѣйшій запасъ давно истощился, а изъ Галиціи дозволено взять только 10—15.

Хлопоталъ я, какъ вамъ извѣстно, о зачисленіи всѣхъ вызываемыхъ семинаристовъ въ Варшавскую епархію безъ увольн-

Библиотека "Руниверс"

ненія изъ духов. званія. Просьба моя исполнена, но за то мнѣ навязали два раза въ годъ доставлять архіерею свѣдѣнія объ ихъ успѣхахъ и поведеніи.

Одновременно съ этимъ вышло нѣчто въ забавномъ видѣ. Въ крѣпости Замостьѣ гарнизонными офицерами въ 1864 году учреждена русская школа. Православные ученики были большею частью незаконнорожденные, то нижнихъ чиновъ, то самихъ офицеровъ. Было немножко уніатовъ, попадались и католики. Въ прошломъ году, съ упраздненіемъ крѣпости, школа имѣла рухнуть за недостаткомъ денегъ и помѣщенія. Я исхлопоталъ 200 руб. ежегодно на содержаніе отъ правительства, выпросилъ временное помѣщеніе и каменный домъ крѣпостной навсегда, назначилъ учителя, священника опредѣлилъ законоучителемъ и блюстителемъ и выхлопоталъ ему жалованье. Не смотря на то, существующая тамъ издавна школа польская много мѣшала дѣлу русскому, и я рѣшился закрыть ее, но такъ, чтобы придать этому вполнѣ законный видъ и не возбудить ропота поляковъ. Такъ какъ этихъ послѣднихъ очень мало, и сами они безъ жидовъ, которыхъ до 4000, не въ состояніи были бы содержать школы, то я убѣдилъ жидовъ присоединиться къ русской школѣ и преобразовалъ ее въ двухклассную. Школа польская рушилась, но, кажется, что и русской грозитъ то же. Архіепископъ Іоанникій ни съ сего, ни съ того объявилъ, что эта школа церковно-приходская и должна находиться подъ вѣдѣніемъ консисторіи, а не дирекціи, которой онъ изъявляетъ только свою архипастырскую признательность за благотворное содѣйствіе. Коммисія утвердила постановленіе консисторіи по этому предмету и меня, по желанію Іоанникія, обязываетъ сообщать свои наблюденія два раза въ годъ и даже чаще. Слуга покорный! Какъ ни оскорбительно для меня это несправедливое дѣло, но я охотно отказался бы отъ замостьской школы, если бы она могла существовать подъ управленіемъ консисторіи. Но именно теперь ей грозитъ погибель. Жиды откажутся и пристанутъ снова къ школѣ польской, а между тѣмъ въ русской школѣ собственно русскихъ учениковъ очень мало, за окончательнымъ

Библиотека "Руниверс"

выступленіемъ гарнизона. Пробовалъ я частно довести объ этомъ до свѣдѣнія Витте и Іоанникія, такъ они руками и ногами. Я рѣшился молчать...

Кстати о дѣлахъ уніатскихъ. Статью Антонія [1]) въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ напечатали не даромъ. Только что получено распоряженіе о введеніи въ уніатскія церкви богослужебныхъ книгъ московскаго изданія. Предварительно военнымъ начальникамъ поручено переговорить объ этомъ съ уніатскими священниками. Надо ожидать страшной бури. Судя по тому, какъ принято ими предложеніе о проповѣди на русскомъ языкѣ, за которую и деньги давали, можно крѣпко сомнѣваться въ успѣхѣ этого новаго распоряженія. Калинскаго переводятъ въ Красноставъ, гдѣ пока ни одной души уніатской не осталось. Кажется, это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы посадить въ Холмѣ суффрагана съ саномъ епископа, разумѣется, человѣка сговорчиваго, а Калинскаго почетнымъ образомъ удалить отъ дѣлъ. Политика Черкасскаго въ этомъ отношеніи неразгадана, да онъ ее никому и не открываетъ.

Строительныя работы давно начались, а съ ними безконечная суета. Разрѣшена пристройка къ реформатскому зданію, гдѣ имѣетъ быть женская гимназія. Когда откроютъ гимназію, неизвѣстно.. Уставъ не утвержденъ и, кажется, еще не посланъ на утвержденіе. Черкасскій страшно обрѣзалъ штатъ. Инспектору жалованья 150 р., а въ польскихъ гимназіяхъ 450 руб. Классныя дамы по 300 р., а въ Варшавѣ по 500 р. и даже въ польскихъ 360 руб. Я весьма радъ, что назначеніе классныхъ дамъ не предоставлено мнѣ, а главному директору. Гдѣ найти вообще классныхъ дамъ и при томъ на 300 руб. въ Польшу? Пусть себѣ ищутъ и назначаютъ.

Штаты нашихъ канцелярій, наконецъ, увеличили: дѣлопроизводитель 900 руб., бухгалтеръ 500 р., архиваріусъ 360 р.,

---

[1]) Бывш. Минскаго архіепископа, сотрудника митрополита Іосифа Сѣмашки въ воссоединеніи литовскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Библиотека "Руниверс"

писецъ высшаго разряда 300 р., писецъ низшаго 250 р., Станиславу[1]) 120 руб. Новыхъ чиновниковъ наберу изъ учителей элементарныхъ школъ, въ виду того, что вызываемымъ на службу по канцеляріямъ на переѣздъ не даютъ ничего... Дахновичъ просился въ Сѣдлецкую гимназію: Черкасскій, чтобы удержать его здѣсь, прибавляетъ жалованья 500 руб. ad personam, и заграницу на лѣченіе на казенный счетъ посылаетъ.

Теперь позвольте безпокоить васъ нѣкоторыми порученіями: во 1-хъ, прошу отыскать хорошаго регента для педагогическихъ курсовъ. Жалованье 500 руб., служба въ X классѣ; на дорогу должны дать рублей 100. Хорошо, если бы онъ и голосъ имѣлъ, а главное — чтобы на скрипкѣ игралъ. Требуется, кромѣ того, знаніе церковныхъ напѣвовъ, а не одного партеснаго пѣнія. Если будетъ хорошъ, современемъ и въ гимназіи можетъ занять уроки, гдѣ также 500 руб. жалованья. Тамъ пока учитъ пѣнію учитель латинскаго языка Позняковъ[2]), бывшій академическій регентъ.—Во 2-хъ, вышлите мнѣ 50 экз. книжицы *Кіев. пещеры и кіево-печерская лавра* — Сементовскаго, но поторгуйтесь съ нимъ, не можетъ-ли уступить по 4 или по 5 злотыхъ за штуку. Рубль цѣна высокая, при томъ это съ пересылкою, а на пересылку онъ кладетъ вѣрно не менѣе 25 копѣекъ. сереб. Книжки эти я хочу раздать въ награду лучшимъ ученикамъ элементарныхъ школъ и потому прошу выслать поскорѣе. Деньги вышлю тотчасъ по полученіи книгъ. — Въ 3-хъ, вышлите мнѣ одинъ экземпляръ печатаемаго Каллистратовымъ ирмолоя съ означеніемъ цѣны, чтобы я могъ сообразить, сколько экземпляровъ купить.

Сейчасъ пріѣхали Тетеруковскій и Похилевичъ. Съ іюня по сентябрь я вызываю въ Холмъ всѣхъ учителей уніатскихъ школъ, какъ мѣстныхъ, такъ галичанъ и нашихъ. Предстоитъ новая возня, но подучить необходимо.

---

[1]) Разсыльному при канцеляріи.

[2]) В. Позняковъ по окончаніи курса въ Кіев. Духов. Академіи былъ назначенъ учителемъ латин. языка въ Холмскую гимназію.

Библиотека "Руниверс"

Что же, не поѣдете вы съ Галаганомъ во Львовъ, а оттуда чрезъ Краковъ и Варшаву въ Холмъ? Очень жаль, если это не случится. Подобные вояжи даютъ много. Въ одной Польшѣ стоитъ побывать. Не найдете-ли вы возможнымъ по крайней мѣрѣ въ Холмъ проѣхать? Павелъ Ѳедоровичъ, м. б., компанію составилъ бы, а мы душевно рады были бы такимъ гостямъ.

Кулишъ предлагалъ мнѣ купно съ нимъ собрать и издать томъ актовъ, а потомъ археографическую Коммисію образовать. Я отвѣчалъ, что положительно некогда. Правду вы говорили, что надо чего-нибудь одного смотрѣть.

Письмо 4.

26 Мая—7 Іюня 1866 г. Г. Холмъ.

Весьма благодаренъ вамъ за обстоятельный и скорый отвѣтъ. По возможности, спѣшу и самъ съ отвѣтомъ. Собственно же для насъ нуженъ знатокъ церковнаго пѣнія. Итакъ пригласите Петрашня. Пусть присылаетъ прошеніе на мое имя; я его и опредѣлю, а въ Коммисію донесу и буду просить о назначеніи денегъ на проѣздъ.

Что же еще привезъ Безакъ? Меня интересуетъ, увеличено-ли содержаніе Коммисіи. Витте недавно писалъ мнѣ о томъ, что Безсоновъ, предсѣдатель виленской археографической Коммисіи, другой разъ проситъ его изыскать средства для разработки актовъ люблинскаго архива и архивовъ холмскихъ. Спрашивая моего объ этомъ мнѣнія, онъ упоминалъ объ Антоновичѣ и выражалъ желаніе видѣть его даже учителемъ латинскаго или греческаго языка въ Холмѣ. Я отвѣчалъ, что нужно подождать, чѣмъ кончится дѣло объ увеличеніи штата Коммисіи... Въ Львовъ я напишу, чтобы списывались съ лаврою по поводу иконъ и книгъ. Знаю, что будутъ рады.

Прислалъ мнѣ, наконецъ, книги Ламанскій. Обѣщаетъ и еще. Проситъ и въ Буковину выслать. Съ недѣли отправляю съ жидомъ.

Библиотека "Руниверс"

Милютинъ исхлопоталъ, наконецъ, 20 стипендій. Государь ассигновалъ на это собственныя деньги, поручивъ избрать благонадежнаго человѣка для выбора молодыхъ людей. Витте подавалъ по этому поводу записку Милютину, а тотъ Государю. Въ запискѣ благонадежнымъ человѣкомъ наименовали меня.

Въ прошломъ письмѣ я по ошибкѣ написалъ, что присланы богослужебныя книги для уніатовъ. Ошибся военный начальникъ: на самомъ дѣлѣ это проповѣди галиційскія. Ни одинъ однако ксендзъ не взялъ, кромѣ Войцицкаго. Одинъ даже спрашивалъ: *co to iest книга*?

Дѣти мои выучились у кого-то подражать католич. процессіямъ: забравши въ руки палки, либо книжки, ходятъ по комнатамъ и дерутъ во все горло. Алеша положительно утверждаетъ, что въ костелѣ не хорошо,—кричатъ и барабанятъ, а что нѣтъ лучше, какъ русская православная церковь.

Письмо 5.

Безъ даты. Май 1866 г.

Сегодня посылается къ вамъ оффиціальное письмо о семинаристахъ. Чтобъ не показалось вамъ страннымъ, считаю нужнымъ пояснить, что собственно такое письмо пришлось посылать о. Думитрашкову[1]) въ Полтаву, а вамъ сказалъ написать для выигрыша времени. Кого забракуете, тѣмъ всѣмъ вышлю отказъ. У насъ ничего особенно новаго. Въ Варшавѣ ждутъ Государя; но къ какому времени, и сами не знаютъ. Говорятъ, что онъ намѣренъ прожить недѣли двѣ въ Скерневицахъ. Женская гимназія врядъ-ли поспѣетъ къ августу. Проектъ устава еще не прошелъ чрезъ Учр. Комитетъ, какъ писалъ мнѣ Кулишъ. Кстати: Кулишъ назначенъ директоромъ отдѣленія исповѣданій при Коммисіи Внутрен. и Духов. дѣлъ. По этому слу-

[1]) Законоучитель Полтавской гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

чаю онъ писалъ мнѣ: „да утѣшится тѣнь вашего Мелхиседека [1]), жезломъ бо желѣзнымъ упасу б—овъ". Не помню, писалъ-ли я вамъ, что уніатовъ, перешедшихъ въ латинство, возвращаютъ и паки, а за совращеніе кара на ксендзовъ по 100 руб. на латинскаго и уніатскаго.

Письмо 6.

Посланное вами съ уніатомъ Мазановскимъ письмо получено мною только вчера. Я радъ, что оно разсѣяло мои недоумѣнія, по поводу тревожныхъ слуховъ о холерѣ, отъ которой да сохранитъ насъ Господь.

Проектъ устава женской гимназіи посланъ уже на Высочайшее утвержденіе. О преобразованіи въ русскую прогимназію Грубешовскаго училища и открытіи русской прогимназіи въ Замостьѣ также представлено. Потребуются учители; но гдѣ ихъ взять? Я далъ Черкунову порученіе искать учителей, но его не то занимаетъ. Онъ взялъ изъ Холма двухъ учениковъ—уніата и католика, чтобы показать имъ кіевскую святыню... И то однако жъ сказать нужно, что кіевскій учебный округъ ставитъ сильныя преграды къ переходу въ Холмъ охотниковъ. Придется изъ Галиціи брать: оттуда и доселѣ просятся.

Кромѣ учительскихъ должностей, есть другія мѣста, на которыя также требуются кандидаты. Вотъ, напр., должность экономa въ женской гимназіи и письмоводителя тамъ же, первая съ жалованьемъ въ 600 руб., вторая—въ 500 руб.

У насъ теперь страшная работа. Съ одной стороны постройки и обзаведеніе гимназіи женской, на что дано мнѣ 10000 р., съ другой — съѣхались 50 учителей на обученіе, а тутъ бы и по школамъ нужно бы поѣхать, гдѣ также построекъ много, болѣе, чѣмъ на 10000 руб. Учители всѣ ходятъ въ православную церковь; хоръ богатѣйшій.

---

[1]) Разумѣется архимандритъ Матроницк. монастыря половины 18 вѣка, дѣятельность котораго и старанія въ борьбѣ съ уніатами на Украинѣ описаны авторомъ писемъ въ особой брошюрѣ.

Библиотека "Руниверс"

Витте уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда, кажется, въ Ригу поѣдетъ къ семьѣ своей, которую прежде туда отправилъ.

10—22 Іюля 1866 г. Г. Холмъ.

Вчера прибылъ одинъ учитель галичанинъ. Въ Австріи страшная паника[1]). Только отъ Россіи чаютъ спасенія и нѣмцы, и даже поляки. Сердятся даже, что Россія не вступается. Галичане спятъ и видятъ себя подъ Россіей. Такое въ народѣ зародилось убѣжденіе.

P. S. (На отдѣльномъ листѣ) Я уже запечаталъ письмо и марку наклеилъ, какъ приходитъ ко мнѣ нашъ уніатскій законоучитель, галичанинъ, докторъ богословія Криницкій съ просьбою ходатайствовать предъ Кіевскимъ митрополитомъ о принятіи въ Кіевскую епархію и въ число православныхъ іереевъ одного галиційскаго уніатскаго священника *Антонія Могильницкаго*, съ назначеніемъ, конечно, и прихода. Могильницкій не молодъ, лѣтъ за 40, окончилъ курсъ въ Львовскомъ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ, попписывалъ статейки въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ. Въ 1848 году онъ одинъ изъ первыхъ сталъ за возстановленіе русинской народности и восточнаго обряда. Энергическій и прямой, онъ нажилъ этимъ себѣ враговъ въ епархіальной духовной администраціи, которые тѣснили всячески. Будучи человѣкомъ многосемейнымъ (у него 6 сыновей и 4 дочери), онъ обѣднѣлъ сильно отъ постоянныхъ въ теченіе 6-ти или 10-ти лѣтъ отлучекъ отъ прихода и хозяйства, по званію депутата на сеймъ областной и въ рейхсратъ. На послѣднемъ сеймѣ онъ, подобно другимъ, возсталъ противъ Литвиновича[2]) за его то равнодушіе, то колебаніе въ русской справѣ, или борьбѣ противъ поляковъ. Теперь Литвиновичъ сталъ его тѣснить и далъ приходъ бѣднѣйшій гдѣ-то въ Карпатскихъ горахъ. Подавленный семьею и бѣдностію, онъ

---

[1]) Въ это время велась Австро-германская война и австрійцы потерпѣли сильное пораженіе подъ Садовой.

[2]) Уніатскій Галицкій митрополитъ въ г. Львовѣ.

Библиотека "Руниверс"

рѣшился принять православіе, отъ котораго всегда не далекъ былъ болѣе другихъ своихъ собратій.

Конечно, въ настоящемъ его поступкѣ руководитъ разсчетъ на поправленіе своихъ обстоятельствъ; но это не можетъ служить ему укоромъ, если по своимъ убѣжденіямъ онъ и прежде принадлежалъ болѣе православію, чѣмъ уніи. Я лично познакомился съ нимъ во Львовѣ, и онъ мнѣ показался очень хорошимъ и умнымъ человѣкомъ, въ томъ же смыслѣ говорили о немъ и другіе, а Криницкій, давно его знающій, положительно его хвалитъ.

Устройте, ими же вѣсте судьбами, судьбу сего гонимаго. Говоритъ онъ по-малорусски отлично, а пишетъ отчасти по великорусски, т. е. близко къ литературному языку. Спасая его, вы спасете 10 душъ уніатскихъ, не считая его и жены.

Отвѣтьте о немъ до отъѣзда изъ Кіева ибо онъ проситъ скораго отвѣта. Если митрополитъ Арсеній будетъ согласенъ, то онъ пришлетъ ему свое прошеніе и грамоту.

Штука эта была бы очень хорошая. Въ Галиціи много такихъ, что и сегодня перешли бы въ православіе. Пріѣхавшій къ намъ учителемъ греческаго языка священникъ Дячанъ [1]) хотѣлъ перейти въ Виленскую гимназію съ принятіемъ православія, а онъ былъ въ чести и ласкѣ у Литвиновича и получалъ 1375 гульденовъ.

Письмо 7.

14—26 Іюля 1866 г.—Г. Холмъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я обѣщалъ вамъ писать съ слѣдующею почтою непремѣнно.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ бытность мою во Львовѣ, какъ я уже давно писалъ вамъ, у меня перебывало болѣе 200 молодыхъ людей изъ галичанъ. Просились во всевозможныя мѣста;

[1]) Нынѣ протоіерей и ординарный профессоръ греч. языка въ Варшавск. университетѣ.

Библиотека "Руниверс"

между прочимъ въ университеты и академіи русскія. Государевы стипендіи удовлетворяютъ уже ищущихъ образованія свѣтскаго, алчущіе же духовнаго образованія въ Россіи остаются пока безъ удовлетворенія. Прошу заявить о семъ митрополиту (Арсенію), не можетъ ли онъ исходатайствовать у св. Синода, хотя пять или десять стипендій въ Кіевской Академіи для галичанъ.—Дѣло это, само по себѣ малое, можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія, и мнѣ кажется, что именно на св. Синодѣ лежитъ священнѣйшій долгъ устроить это дѣло. Своими ушами и очами убѣдился я, какъ не далеки галицкіе уніаты отъ православія. На нашей опекѣ Холмскіе уніаты, сущіе враги православія и ревнители латинства, но они смотрятъ на галичанъ, и намъ нужно воздѣйствовать и на Галицію, чтобы когда либо разсчитывать на успѣхъ въ Холмщинѣ. Душею и тѣломъ преданные Россіи молодые галичане, получивъ духовное образованіе въ колыбели православія, пронесли бы съ собою по Галиціи вѣрныя свѣдѣнія о православіи и симпатію къ нему. Остальное по волѣ Божіей, а это нашъ долгъ. О сербахъ, болгарахъ и проч., т. е. о принятіи ихъ въ Кіевскую Академію, пишутъ обыкновенно ихъ митрополиты въ Синодъ; но отъ Литвиновича сего ждать нельзя. Это не то однако жъ значитъ, чтобы Литвиновичъ сталъ противодѣйствовать такому дѣлу; въ душѣ онъ и самъ былъ бы радъ ему, только бы оно состоялось безъ его участія и вѣдома. Такая его политика среди партій правительственной, общественной нѣмецкой, польской и народной Галицкой. Если бы митрополитъ устроилъ это дѣло, я берусь доставить столько кандидатовъ, сколько потребуется. Нѣкоторые у меня записаны. Это молодые люди, окончившіе полный гимназическій курсъ и слушающіе богословіе въ университетѣ Львовскомъ.

Штаты Холмскаго духовенства утверждены, наконецъ,—скоро будутъ введены. Замѣтки по поводу ихъ и вообще о Холмской уніи я надѣюсь прислать въ Еп. Вѣдомости. Съ введеніемъ новыхъ штатовъ, кажется, и епископа новаго добудемъ. Вы знаете, что еще въ 1864 г. Черкасскій хотѣлъ добыть изъ Львова

Библиотека "Руниверс"

и епископа, и священниковъ. Дѣло не сладилось за тѣмъ, что народная партія (Дѣдицкій, Головацкій, Петрушевичъ и проч.) рекомендовала однихъ людей, а Литвиновичъ другихъ. Черкасскій хотѣлъ кандидатовъ народ. партіи, между прочимъ Гинилевича на епископство, а Литвиновичъ не пустилъ ихъ. Оказалось, что Литвиновичъ былъ правъ, ибо Гинилевичъ человѣкъ вялый и замѣшанъ во многихъ скандальныхъ исторіяхъ. Кандидатъ Литвиновича, Южичинскій гораздо лучше Гинилевича и безукоризненнѣе, какъ сознается и самая народная партія теперь. Литвиновичъ, сойдясь съ этою партіею, обратился самъ къ Черкасскому, и теперь идутъ дѣятельные переговоры. Просятъ и моего ходатайства, и я завтра пишу къ Кулишу, который вступаетъ уже въ должность директора отдѣленія исповѣданій.

Позавчера получилъ письма отъ С. И. Гуляевой съ извѣстіемъ о смерти кума; вѣчная ему память! Я все боюсь, не имѣлъ ли отказъ въ перемѣщеніи въ Холмъ вліянія на его болѣзнь, которая привела его къ холерѣ и смерти. Это былъ единственный вѣрно преданный мнѣ человѣкъ и много заботился обо мнѣ... У насъ цѣлый мѣсяцъ холера и дожди. Холера весьма слабая...

Письмо 8.

11—23 сентября. Г. Холмъ.

Вчера вечеромъ я воротился, наконецъ, изъ Варшавы, послѣ трехнедѣльнаго отсутствія. Сегодня весь день ходили ко мнѣ, пока я не заперъ двери, чтобы пообѣдать, перечитать великое множество писемъ и написать вамъ.

Начну съ того, что въ сегодняшнюю ночь, съ 10 на 11 число, ровно въ 12 часовъ ночи, пріѣхалъ Сидорскій, жандармскій полковникъ и военный начальникъ съ братіею. Черезъ часъ Калинскій катилъ уже по дорогѣ въ Варшаву, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Ему назначено жить въ Вяткѣ; туда и

Библиотека "Руниверс"

повезутъ безостановочно. Самъ онъ выслушалъ это рѣшеніе довольно спокойно, но дочери страшно кричали и сыпали проклятіями на всѣхъ. Имъ выдали по 100 руб. единовременно, а отцу оставлено жалованье въ 1500 руб. Холмскіе уніаты сильно взволнованы и огорчены, даже и тѣ, которые были противъ него. Теперь-то открылись истинныя ихъ чувства. Войцицкій принимаетъ епархію, а Сидорскій сдаетъ. Послушаемъ, что скажетъ епархія. Выходитъ точь въ точь Богуславская Консисторія[1])... Дѣло о епископѣ снова отложено.

Междуцарствіе открываетъ возможность для многихъ реформъ; Криницкаго уже назначили ректоромъ уніатской семинаріи; пойдутъ дальше. Введутъ галичанъ, благо Черкасскій потерялъ вѣру въ мѣстныхъ уніатовъ, отъ чего и мнѣ полегчало.

Теперь о своихъ ближайшихъ дѣлахъ. Открытіе женской гимназіи послѣдуетъ между 15 и 20 октября. Мнѣ предложили, по прибытіи на мѣсто, самому назначить срокъ, совѣтуя впрочемъ не спѣшить. Теперь нужно людей набирать. Ивана Максимовича В. я назначилъ сегодня и сегодня же посылаю номинацію и предложеніе прибыть въ Холмъ. Прочитавъ ваше письмо, я тотчасъ же распорядился написать и въ Кіевск. Консисторію о неимѣніи препятствій. Прошу выслать Ивана М., какъ можно скорѣе. Мнѣ онъ чрезвычайно нуженъ, хоть бы сегодня даже. Если ему понадобятся деньги, ссудите подъ его отвѣтственность, ибо я не увѣренъ вполнѣ, дадутъ ли ему на проѣздъ, такъ какъ дается однимъ лишь учителямъ. Соню Б. я также назначилъ сегодня классною дамою и номинацію посылаю. Нужны еще двѣ классныя дамы. Соня Б. рекомендуетъ подругу свою *Болотинову*, получившую серебряную медаль въ Фундуклеевской Гимназіи, въ коммисіи жъ дали мнѣ прошеніе какой-то *Суворовой* Александры, дочери полковника, окончившей курсъ въ Кіевскомъ Институтѣ въ 1859 г. О той и другой прошу собрать

---

[1]) Учрежденная на Украинѣ польск. правительствомъ для вѣдыванія православными церквами, по случаю ареста и взятія въ Варшаву въ 1789 г. православнаго епископа Садковскаго.

Библиотека "Руниверс"

свѣдѣнія. Болотинова явится къ вамъ сама, а Суворова, кажется, извѣстна вамъ прежде... Одну хотѣлось мнѣ имѣть посолиднѣе, чтобы могла принять участіе въ хозяйственномъ Комитетѣ и быть помощницею начальницы, за что ей прибавляется жалованья еще 150 руб. къ 360, при казенной квартирѣ и столѣ. Нѣтъ ли также учительницы рукодѣлій съ жалованьемъ въ 400 р.? Нѣтъ ли затѣмъ учителей? Требуются два на русскій языкъ въ Холмскую женскую гимназію. Жалованье обоимъ по 1200 р., но одинъ можетъ получать добавочнаго 365 руб. по должности члена хозяйственнаго комитета. Нѣтъ-ли на латинскій языкъ въ Грубешовское училище (жал. 1200 р.)? Нѣтъ ли очень хорошаго человѣка для должности инспектора въ томъ же училищѣ, съ жалованьемъ въ 1400+200=1600 руб., при казенной квартирѣ? Прибавляю: очень хорошаго, ибо за неимѣніемъ таковаго я представлю кого нибудь изъ учителей Холмскихъ. Прошу отвѣта на сіе въ скорѣйшемъ времени.

Витте пробудетъ заграницей не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Онъ очень истощалъ.

Реформы Царства Польскаго продолжаются; дѣло идетъ къ совершенному его уничтоженію, о чемъ говорятъ довольно. Въ Варшавѣ довольно сильная холера; но меня Господь сохранилъ. Испыталъ я разныя хлопоты съ закупками и заготовленіями. Начальница гимназіи ни въ чемъ не помогла ни на волосъ. Это молодая барыня, сильная знакомствомъ съ Черкасскимъ и другими важными лицами. Витте говорилъ, что о назначеніи ея просили 20 генераловъ. Когда я пріѣхалъ, Витте предлагалъ послать за нею, чтобы она явилась ко мнѣ, то я отклонилъ это и самъ поѣхалъ къ ней, а она и пошла потомъ посылать за мною,—разъ, два, три. Вилуевъ страшно взволновался этимъ, Витте, тоже, Михневичъ тоже. Я молчалъ, пока ей не сказали въ Коммисіи, что де есть начальникъ, что вы де обязаны то и то..., явиться и помочь, и проч. Она побывала, не застала и опять прислала за мною, но я уѣхалъ. Это начало болѣзней. Въ хозяйствѣ и въ зубъ толкнуть не умѣетъ.

Библиотека "Руниверс"

Михаилу Ал. мое глубочайшее почтеніе. Я храню о немъ самую свѣтлую память.

Отъ галичанъ никого нѣтъ. Я засталъ 15 писемъ.

Письмо 9.

18—30 сентября 1866 г.—Г. Холмъ.

Посылаю вмѣстѣ съ симъ прошеніе священника Могильницкаго. Прошу довершить начатое дѣло. Свезите прошеніе къ митрополиту и попросите отвѣта и разрѣшенія. Употребите при томъ содѣйствіе ваше, чтобы проситель былъ помѣщенъ въ Кіевскую епархію.

Могильницкій прислалъ прошеніе на нѣмецкомъ языкѣ вчернѣ и притомъ бланкъ съ своею подписью. Переводилъ новый ректоръ семинаріи Криницкій, а я подправилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выходило темно, но оставилъ много галиційскаго. Переписывалъ Ильяшевичъ.

Отвѣтъ и разрѣшеніе прошу прислать ко мнѣ, а я отправлю при случаѣ, чтобы не попала бумага въ руки австрійскихъ властей и не надѣлала хлопоть бабчскому приходнику, т. е. о. Могильницкому.

Заранѣе прошу пріютить сего пастыря и оказать содѣйствіе въ устроеніи судьбы дѣтей его, ищущихъ науки. Событію этому я придаю много значенія, не потому что обращается Могильницкій, но потому что къ намъ идетъ галицкій уніатъ. Два, три, нѣсколько такихъ фактовъ, и мысль о православіи съ большею и большею силою пойдетъ кружить въ Галиціи. Кажется, я писалъ вамъ, что Іоанникій просилъ меня добыть галичанина для православной церкви въ Тарногродѣ. Я обѣщалъ и держу слово безъ труда.

Сегодня пріѣхалъ Петрашень. Онъ очень пріятный человѣкъ; постараюсь и въ женскую гимназію опредѣлить его же пѣвцомъ. Благодарю васъ за книжечки. Я далъ ихъ великому нашему греку Дячану, который также написалъ „Методичну Грамматику“.

Библиотека "Руниверс"

Вышелъ ли Ирмологій Вишневскаго, изданіе Каллистратова? Я хотѣлъ бы закупить, пока не раскупили. Митрополиту поклонъ мой земной и благословенія попросите. Скажите, что у насъ въ Холмѣ совершенное православіе. Подъ Успеніе пѣли совершенно, какъ въ Лаврѣ, всѣ свѣтильны и сѣдальны на подобенъ, равно канонъ весь: „Преукрашенная“. Пѣли 50 учителей, и я въ числѣ ихъ. Поемъ и теперь лаврскія: „Иже херувимы“, „Господи помилуй“ и пр. Уніаты и даже поляки толпами къ намъ валятъ, а галичане не знаютъ другой церкви, кромѣ православной по сему случаю.

Для Сементовскаго деньги сегодня посылаю. Пусть извинитъ, что поздно. Это случилось за поѣздками моими, сперва по дирекціи, а потомъ въ Варшаву.

Вицеректора семинаріи Гарасовскаго сегодня ночью отправляютъ въ Варшаву. Это за то, что сказалъ, будто ихъ въ схизму Государь превращаетъ и требуетъ, чтобы его за папу признавали. Сегодня на обѣднѣ профессоръ Зиневичъ (священникъ) помянулъ Калинскаго; и его туда же, и кажется, также въ нынѣшнюю ночь. Вообще теперь не церемонятся болѣе съ уніатами.

Сегодня Криницкій давалъ обѣдъ. Войцицкій [1]) смотритъ настоящимъ архіереемъ.

Увѣдомьте, какъ думаетъ митрополитъ устроить пріемъ молодыхъ галичанъ въ академію, и скоро ли это можетъ быть? Многіе просятся. Нельзя ли въ семинарію принять одного—двухъ? Одинъ пріѣзжалъ съ этою цѣлью, но я не рѣшился отправить его въ Кіевъ. Чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ крайне неудобно. Гораздо лучше, если бы этимъ распорядился самъ оберъ-прокуроръ или же митрополитъ. Запомогу на дорогу также нужно хотя бы рублей 75, а пожалуй и 100. Можетъ быть Св. Синодъ дастъ это. Дѣло стоитъ и весьма даже.

---

[1]) Уніатскій архипресвитеръ, которому въ это время поручено управленіе Холмскою епархіей, за устраненіемъ номинала Калинскаго отъ дѣлъ епархіи.

Библиотека "Руниверс"

Письма 10.

28 Сентября 1866 г.—Г. Холмъ.

Премного благодаренъ вамъ за наборъ въ такомъ обиліи и столь хорошихъ кандидатовъ и кандидатокъ. Приступимъ теперь къ опредѣленію и распредѣленію:

Открытіе женской гимназіи назначено 27 октября стараго стиля; это потому, что Черкасскій раньше не можетъ ѣхать въ Холмъ. Михневичъ раздумываетъ ѣхать собственно потому, что ѣдетъ Черкасскій...

Дѣло о *Могильницкомъ* придержите и прекратите, а свидѣтельства его вышлите мнѣ. Къ счастію, во время я получилъ несомнѣнное свѣдѣніе, что онъ и до сегодне подверженъ налогу запоя, періодически возобновляющагося. Боже избави! Но не говорите сего митрополиту. Оказалось, что Криницкій зналъ Могильницкаго только въ лучшіе часы его жизни, зналъ лично и по тѣмъ блистательнымъ рѣчамъ, которыя онъ произносилъ въ рейхсратѣ. Я уже сказалъ Криницкому написать Могильницкому, что дѣло его по разнымъ причинамъ не можетъ состояться. Жаль, а человѣкъ, говорятъ, просто геніальный и образованнѣйшій.

Сидорскій доселѣ у насъ и съ нимъ жандармскій полковникъ Дроздовъ, бывшій регентъ пензенскаго архіерея, сынъ о. дьякона. Вицеректора и Зиневича доселѣ держатъ въ Люблинѣ... Уніаты наши страшно перепуганы и не только молчатъ, но даже лазаря поютъ. Они на все теперь готовы. Такъ бы и давно слѣдовало сдѣлать. Русская проповѣдь, русское дѣлопроизводство уже производятся, но до русскаго духа, конечно, далеко.

Михневичъ пишетъ мнѣ, что былъ въ Варшавѣ Говорскій [1]) и хлопоталъ у него и у Черкасскаго о введеніи въ польскія и русскія учеб. заведенія и даже сельскія школы, изданной имъ исторіи русской Кулжинскаго. Михневичъ спрашиваетъ моего мнѣнія.

---

[1]) Извѣстный издатель „Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи".

Библиотека "Руниверс"

Холера кругомъ насъ. Сохрани, Боже! Сегодня отъ Ефима М. письмо получилъ; и тамъ холера.

Письмо 11.

8—20 октября 1866 г.—Г. Холмъ.

Сегодня случайно нашлось ваше письмо о Худзынскомъ [1]), и я сейчасъ послалъ формальное представленіе о назначеніи его въ Грубешовъ, а Васильева [2]) въ педагогическіе курсы. Такую перемѣну я рѣшился сдѣлать и по первому отзыву вашему, что Васильевъ былъ бы болѣе пригоденъ для педагогическихъ курсовъ, и вслѣдствіе письма Михневича, которымъ онъ спрашиваетъ, не молодъ ли Васильевъ для Грубешова. Я такъ твердо писалъ объ нихъ, что никакъ не жду отказа или перемѣны. Боюсь одного, чтобы попечитель не задержалъ, какъ въ прошломъ году Борткевича. Попросите ихъ, чтобы они заблаговременно переговорили съ попечителемъ и упросили его не препятствовать ихъ перемѣщенію. Изъ Коммисіи скоро долженъ быть запросъ объ нихъ.

Семеновичь и Смородиновъ назначены въ Варшаву. Не поѣдетъ ли Орда на 1565 р. въ женскую гимназію, т. е. 1200 р. учительскаго жалованья и 365 руб. по должности члена хозяйственнаго Комитета? Впрочемъ духовныхъ кандидатовъ у меня довольно.

Грушевскаго не удалось провести.

Подали-ли прошеніе Турчинскій, Линниченко и Волошановичь? О Турчинскомъ Михневичъ спрашивалъ, не старь ли онъ для латинскаго языка, а я отвѣчалъ, что латынь именно въ его лѣтахъ съ удовольствіемъ читается.

Какъ жаль, что доселѣ нѣтъ Вакуловскаго. Безъ него, какъ безъ рукъ. Поторопите его. Какъ бы и Троцкій поскорѣе прошеніе присылалъ.

---

[1]) Б. учитель 2-й кіевск. гимназіи, былъ назначенъ инспекторомъ Грубешовской прогимназіи; впослѣдствіи былъ начальникомъ Плоцкой дирекціи.

[2]) Б. учитель той же гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

У насъ ничего новаго, кромѣ суеты. Проговорили было, что на мѣсто Берга назначенъ Барановъ, а на мѣсто Витте—Гильфердингъ; но Михневичъ ничего не пишетъ. Витте Государь пожаловалъ 2000 руб. на лѣченіе. Къ 1 декабря онъ возвратится.

Голуховскій началъ расправу съ русинами. Трое самыхъ важныхъ лишены мѣстъ. Головацкій [1]) пишетъ, что и его ждетъ то же, и проситъ сдѣлать для него что нибудь. Двухъ дочерей его я принимаю въ гимназію, а 3-ю, старшую, учительницею музыки, но ему не придумаю мѣста, да и трудно. Вотъ бы въ Кіевъ, а православіе принялъ бы. Вѣдь это европейская ученая знаменитость. Во всей Европѣ едва ли кто лучше его знаетъ славянскую литературу; говоритъ онъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, по-русски совершенно, кромѣ того по нѣмецки, по французски и проч. Жаль только, что священникъ, а то въ университетъ легко попалъ бы.

Прошу поторговаться съ Каллистратовымъ, не уступитъ ли онъ на нотахъ съ 1 руб. 20 коп. до 75 коп. Въ такомъ случаѣ я готовъ взять у него 75 экземпляровъ, за которые и деньги вышлю немедленно.

Читалъ я гдѣ-то, что въ Лаврѣ дѣлаются недорогія иконы на деревѣ или холстѣ посредствомъ хромолитографіи. Прошу узнать цѣну и сообщить, и если бы не дороже рубля штука, я купилъ бы штукъ 100.

Семинаристы Холмскіе взбунтовались и объявили, что готовы и въ солдаты идти, если только не станутъ имъ читать богословія на лат. языкѣ, ибо мы де католики, а католики всѣ слушаютъ на латинскомъ языкѣ [2]).

---

[1]) Профессоръ русской литературы въ Львовскомъ университетѣ; по удаленіи отъ этой должности и прибытіи въ Россіи д. ст. совѣтникъ, предсѣдатель Виленск. Археографической Коммиссіи.

[2]) Въ такомъ смыслѣ семинаристы сдѣлали заявленіе ректору Криницкому и перестали посѣщать лекціи богословія, которыя читались въ этотъ учеб. годъ на рус языкѣ, вмѣсто латинскаго. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Холмъ кн. Чер-

Библиотека "Руниверс"

Сейчасъ былъ первый разъ въ новоустроенной моими заботами банѣ. Пріятно, особенно потому, что, такъ сказать, „плоды трудовъ твоихъ снѣси".

Письмо 12.

10—22 ноября 1866 г.—Г. Холмъ.

Открытіе женской гимназіи съ приготовленіями и проводами отвлекли меня отъ корреспонденціи, такъ что даже вамъ я не собрался написать доселѣ. Дней 7 или 8, при непрерывной суетѣ, составлялъ я описаніе бывшей у насъ церемоніи, которое теперь только могу послать вамъ. Жаль, что Черкасскій и Михневичъ не изложили рѣчей своихъ на бумагѣ, впрочемъ онѣ должны появиться въ Варшавскомъ Дневникѣ, вмѣстѣ съ моею рѣчью и описаніемъ, по крайней мѣрѣ рѣчь Михневича. Посылая вамъ описаніе для печати, прибавлю кое-что еще, не идущее къ печати.

Вамъ извѣстно, что Черкасскій былъ настроенъ противъ меня, хотя, быть можетъ, больше говорили, чѣмъ на самомъ дѣлѣ было. Тѣмъ съ большимъ смущеніемъ я ждалъ его, да и не одинъ, но и всѣ живущіе здѣсь. Пріѣхалъ наканунѣ часу въ 1-мъ пополудни, а за нимъ вслѣдъ почти и Михневичъ съ дочерью. Черкасскій сильно безпокоился, по словамъ Сидорскаго, о томъ, будетъ ли у насъ все прилично для его пріема. Дѣйствительно, онъ держитъ себя вельможей и даже въ Холмъ

касскій на открытіе женской гимназіи; онъ лично произвелъ очень основательный экзаменъ семинаристамъ по латинскому языку и убѣдился самъ, и показалъ всей учащей и учащейся корпораціи семинарской, что семинаристы совсѣмъ не знаютъ латинскаго языка и лекцій на этомъ языкѣ понимать не могутъ и что заявленіе ихъ неосновательно и основано на желаніи ихъ противодѣйствовать распоряженіямъ начальства, желаніи,—возбужденномъ въ нихъ ревнителями католичества, имѣющими въ виду окатоличеніе уніантовъ. Поэтому поводу семинарской корпораціи сдѣлано было княземъ строгое внушеніе, а 12 семинаристовъ, главныхъ виновниковъ бывшаго волненія между ними, исключены изъ семинаріи и тотчасъ были вывезены изъ Холма въ дома родителей ихъ подъ надзоръ полиціи.

Библиотека "Руниверс"

прислалъ своего повара и своихъ лакеевъ съ припасами, и въ день пріѣзда заказалъ обѣдъ душъ на 20, на который пригласилъ меня и Михневича. Обѣдали еще знатнѣйшіе уніаты, да губернаторъ съ уѣздными начальниками и жандармеріею. Лично меня онъ принялъ ласково, а когда по его желанію, я прочелъ церемоніалъ, сталъ еще ласковѣе. На другой день все было по писанію. Въ церкви православной онъ былъ пріятнѣйшимъ образомъ пораженъ пѣніемъ нашего хора и замѣтилъ Михневичу, что хотя онъ и много слыхалъ объ этомъ хорѣ, но этакой штуки не ожидалъ. Вмѣсто концерта мы пѣли—что бы вы думали?—*О всепѣтая Мати*, положенное съ голоса моего на ноты, точь въ точь какъ въ Зеленой. Михневичь просто въ восторгъ пришелъ. Рѣчь Войцицкаго написана, кажется, Сидорскимъ, а произносилъ онъ ее, точно комедію разыгрывалъ: трясется, падаетъ, плачетъ, на галичанина Лавровскаго опирается и проч. Все это, разумѣется, штуки были. Войцицкій можетъ плакать и смѣяться по заказу. Князь впрочемъ доволенъ былъ и этимъ, ибо это увеличивало церемонію, нужно для виду. Самъ говорилъ гораздо проще и рѣзче, чѣмъ передается въ описаніи, что де я пріѣхалъ сюда, чтобы поддержать..., возстановить и проч.. Проповѣдь Ливчака принадлежитъ мнѣ по мысли и развитію оной, а то выходило что то нескладное, такъ что даже и Сидорскій отвернулся отъ нея. Ливчакъ теперь уѣхалъ въ Краковъ за женою, потому и проповѣди его послать не могу, да притомъ она на половину по русски, на половину по малороссійски изложена, и самое изложеніе не блестяще. Весь день, особенно во время обѣдни, была страшная буря, такъ что за самую церковь можно было опасаться. Когда пришли въ зданіе женской гимназіи, то у всѣхъ головы были взъерошены. Михневичъ говорилъ, по обыкновенію, просто и очень ужъ не спѣша. Черкасскій усердно молился, а Войцицкій осрамился неумѣньемъ читать по славянски. Моя рѣчь не была въ церемоніалѣ, такъ какъ я вовсе не хотѣлъ говорить и только ночью да поутру дописалъ, по убѣжденію Михневича. Вмѣсто меня хотѣла говорить Нолле, но потомъ отказалась. Не хотѣлъ я говорить изъ-за Черкасскаго,

Библиотека "Руниверс"

который, если вѣрить слухамъ, одинъ изъ всѣхъ варшавянъ въ прошломъ году не похвалялъ моей рѣчи. Теперь онъ благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и только шутя замѣтилъ на обѣдѣ, что, пожалуй, австрійское правительство изъ-за вея ноту пришлетъ. Въ своемъ спичѣ за обѣдомъ онъ упомянулъ объ ней и сказалъ, что ему только остается сослаться на меня. Михневичъ еще болѣе былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ, какъ Черкасскій всѣмъ вполнѣ доволенъ. Вообще Черкасскій никогда не былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, какъ тогда, что и Сидорскій засвидѣтельствовалъ. Предубѣжденіе его окончательно разсѣялось на другой день при посѣщеніи нашихъ школъ. Въ день открытія я просилъ его къ себѣ на обѣдъ на другой день, но онъ сказалъ, что самъ пригласилъ другихъ къ себѣ и пожелалъ быть вечеромъ того же дня. Къ сожалѣнію, за болѣзнію жены моей, нельзя было вполнѣ хорошо устроить пріема. Впрочемъ Черкасскій былъ очень любезенъ, жалѣлъ о болѣзни моей жены и сказалъ было Михневичу, что навѣститъ больную на другой день. Во все время пребыванія онъ пользовался моими лошадьми и давалъ кучеру по 3 и 5 руб. Кучеръ такъ было чуть свѣтъ и спрашиваетъ: не ѣхать-ли къ князю. Въ семинаріи Черкасскій задалъ всѣмъ страху; дѣлалъ между прочимъ экстренный экзаменъ и, просидѣвъ 7 часовъ сряду, самъ убѣдился и другимъ далъ убѣдиться, что семинаристы положительно ничего не знаютъ. Этого я добивался полтора года, и только теперь сбылось мое задушевное желаніе. За бунтъ, о которомъ я упоминалъ въ прежнемъ письмѣ, Черкасскій выгналъ 12 семинаристовъ. Профессорамъ сильную нотацію прочиталъ и даже всѣхъ хотѣлъ разогнать и взять на мѣсто ихъ галичанъ, да русскихъ изъ имперіи. Войцицкаго онъ возвышаетъ и сажаетъ на диванъ, но въ то же время даетъ такой видъ: смотри, молъ, я тебя возвышаю, умѣй же держать себя хорошо, а не то по шапкѣ. Войцицкій дѣйствительно иной политики и не стоитъ. На чаѣ у Черкасскаго, когда и всѣ учителя были, мнѣ удалось, пользуясь его благодушіемъ, провести нѣсколько добрыхъ предположеній, какъ то, объ устройствѣ постояннаго

Библиотека "Руниверс"

сообщенія посредствомъ делижансовъ между Холмомъ и Люблиномъ, откуда давно уже подобный путь до Варшавы, объ обращеніи пореформатскаго костела въ домовую церковь для женской гимназіи, объ учрежденіи клуба, также братства или учено-литературнаго общества, и проч. На клубъ намъ, можетъ быть, дадутъ даже денегъ тысячи полторы или двѣ. На учрежденіе братства Черкасскій не соглашается относительно формы и совѣтуетъ лучше учено-литературное общество, а мнѣ все таки въ братствѣ больше толку видится. Кажется, что и на изданіе газеты могутъ денегъ дать, но князь совѣтывалъ не газету, а ученый сборникъ и въ концѣ сошелъ на епархіальныя вѣдомости. Какъ видите, у насъ дѣло загорается, но много, и сразу побороть всего нельзя. Помаленьку будемъ двигаться.

Сидорскій и жандармскій полковникъ Дроздовъ оставались еще дней 10, и на отъѣздѣ дали балъ для всего Холмскаго общества. За тостомъ въ честь Государя людіе въ паѳосъ неописанный пришли и даже поляки со всеусердіемъ (volens-nolens) тянули: Боже, Царя храни! Я ушелъ тотчасъ послѣ ужина, но тамъ происходили еще не передаваемыя сцены, когда расчувствовались галичане и въ особенности три, прибывшіе для пріисканія мѣстъ, священники: о. Василій Ѳедоровичъ Ясинскій, Решетиловичъ и Лысякъ. Одинъ трунилъ надъ реверендою[1]), другой надъ уніею вообще, третій спрашивалъ, чи хороши парафіи за Бугомъ... И не думайте, чтобы тутъ бахусъ игралъ или легкомысліе; нѣтъ, такъ сложился этотъ великолѣпный народъ, и таковы его душевныя убѣжденія. На другой день всѣ эти три отца были у меня на прощанье. Разговоръ скоро сталъ патетическимъ, слезы блистали на глазахъ у этихъ мучениковъ, когда рѣчь шла о дѣйствіяхъ Голуховскаго и подлой шляхты. Що намъ робити, що намъ почати? Одна надія на Білого Царя. Старикъ Ясинскій разсказывалъ слѣд. случай изъ своего прихода. Есть у него глубокій старикъ, простой селянинъ, имѣю-

[1]) Верхняя одежда уніатскихъ священниковъ, какую и теперь носятъ католическіе ксендзы.

Библиотека "Руниверс"

щій внуковъ и правнуковъ. Его спросилъ кто то: доки ты, старче Божій, будешь свитомъ нудыть? Пора бъ и на спокій!—Не вмру, отвѣчалъ старецъ, и хоця жъ важко жить, але мушу жити, ажъ поки не прийде Білый Царь и не візьме насъ одъ ляхівъ до своей родыны. Тогда тильки дви хвилиночки проживу, та й скажу до Бога: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!... Разговоръ продолжался. Я говорилъ между прочимъ: исторія наша, якъ на долони; весь свѣтъ це знае, що все то було колысь одинъ духъ, одно тіло, а тымъ часомъ лихі люди розирвали тее тіло на шматки, та пороскидали собакамъ, и грызуть вони—грызуть, де-де вже кистки тильки позостались, отъ-отъ догрызуть... Отцы зарыдали. „Да не догрызуть, возгласилъ одинъ; мы вси йдемо въ православіе“... „Я першій, прошу... воскликнулъ о. Василій и вскочилъ съ мѣста. „И я“, восторженно говорилъ Лысякъ. „Мене десять чоловікъ просили объ тімъ у вашого благородія“, продолжалъ Решетиловичъ; я вамъ списокъ пришлю. И мене візмить. Куды хочете, пишить; що хочьте робіть зъ нами, бо на васъ теперь надія. Вся Галичина васъ знае и Бога за васъ благае. Вы намъ другій Яхимовичь! Вы одкрыли намъ кордонъ [1]), и вся Галичана піде до васъ!“ Я прервалъ эту незаслуженною мною хвалу и сквозь слезы далъ обѣщаніе обо всемъ писать, куда можно. И вотъ первѣе всего пишу вамъ; повѣдайте о своемъ владыкѣ. Да будетъ святая воля Господня, предъ которою я повергаюсь въ слезахъ благодаренія за то, что Господь сподобилъ меня быть свидѣтелемъ во очію совершающагося, его Божественнымъ Промысломъ устроеннаго толикаго движенія! Сила вещей несокрушима, и если Господь указываетъ намъ путь, грѣхъ намъ будетъ, когда мы уклонимся отъ него. Моя мысль впрочемъ такая: не надо намъ спѣшить, но „все по малу-малу“, какъ писалъ когда-то Гервасій [2]) блаженный, да со всевозможною тишиною и безъ малѣйшей огласки. Что говорилось между мною и отцами, то знаемъ въ Холмѣ мы

[1]) Кордонъ—граница.

[2]) Разумѣется переяславскій епископъ 1766—1768 г.

Библиотека "Руниверс"

одни. Движеніе массою и неудобно, да, можетъ быть, и невозможно было бы. Голуховскій слишкомъ бдителенъ, и мнѣ пишутъ изъ Галиціи почти буквально то самое, что писалъ Мелхиседекъ Гервасію по вступленіи Воронича въ Смѣлянщину. Но вотъ напр. просится „першій“ Ясинскій—принять его; перейдетъ, тогда другаго, третьяго и т. д. Ясинскій — лѣтъ подъ 50, волосы только подрѣзаны и раздѣлены совершенно по нашему. Реверенду за грѣхъ считаетъ надѣть и ходитъ въ козачкѣ съ снурками. Человѣкъ умный, честный, энергическій, говоритъ прекрасно. Не повторяю того, что всѣ галиційскіе священники галиційскаго образованія. Могильницкаго мнѣ до чрезвычайности жаль. Недавно онъ прислалъ превосходное письмо на латинскомъ языкѣ, гдѣ выражаетъ свое сожалѣніе, что я повѣрилъ слухамъ, благодаритъ за ученіе и проситъ возвратить документы, если его просьба не можетъ быть исполнена. Не знаю, что сказать болѣе. Слухъ о его слабости сообщилъ мнѣ братъ Криницкаго и говорилъ слишкомъ увѣрительно.

Письмо ваше, по поводу бесѣды съ Гогоцкимъ[1]), о Головацкомъ получилъ и тѣмъ болѣе сочувствую сказанному, что еще прежде сего хотѣлъ писать Милютину, какъ и о многомъ другомъ. Втікъ—не втікъ, а побігти можно. А слыхали вы, что галичане посылали адресъ Невѣстѣ Наслѣдника къ дню свадьбы? Не знаю какъ это принято у насъ и въ Галиціи—нѣмцами и поляками. Какъ далеко пошли теперь галичане, усмотрите между прочимъ изъ брошюрки Дѣдицкаго, которой 19 экземпляровъ посылаю вамъ. Дайте одну брошюру Юзефовичу и одну Гогоцкому. Она много ихъ утѣшитъ!...

Что касается Геевскаго[2]), то, если онъ естественникъ, пусть пришлетъ прошеніе. Дѣло въ томъ, что учитель естеств. исторіи въ Холмской гимназіи Черкуновъ хочетъ въ Кіевъ пере-

---

[1]) Б. профессоръ философіи въ университетѣ св. Владиміра.

[2]) Антонъ Геевскій, бывшій преподаватель въ Каменецъ-Подольской гимназіи, былъ переведенъ въ Люблинскую гимназію; теперь (1896 г.) состоитъ начальникомъ Ломжинской учебной дирекціи.

Библиотека "Руниверс"

браться, по настоянію матери, и подаетъ о семъ прошеніе. На его то мѣсто и можно опредѣлить Геевскаго съ жалованьемъ въ 1200 руб. Черкуновъ прекрасный юноша и учитель, но говоритъ слишкомъ тихо. Турчинскаго Михневичъ рѣшительно не хочетъ, и я уже проектирую перемѣстить сюда Ивана Левитскаго [1]), сына о. Симеона. Вообще съ замѣщеніями и перемѣщеніями превеликая морока.

За благословенную для женской гимназіи икону премного благодаренъ я и женская гимназія, собственно т. е. Нолле. По поводу сей иконы прошу заказать для насъ слѣд. иконы: 1) икону святыхъ, празднуемыхъ 4 апрѣля, по образцу, присланному Каллистратовымъ, но на деревѣ или желѣзной бляхѣ, длины 1 аршинъ и 6 вершковъ, а ширины 1 аршинъ; 2) три иконы для классовъ въ мужскую гимназію, 6-вершковыхъ такъ называемыхъ—св. Владиміра, св. Ольги, преп. Антонія и Ѳеодосія; 3) для женской гимназіи—также 6-вершковыхъ двѣ иконы: св. ап. Андрея Первозваннаго и св. мучен. Бориса и Глѣба, и еще три хромолитографіи Распятія такія точно, какъ вы прислали на благословеніе. На первую икону у насъ есть рублей сто изъ складки, сдѣланной по поводу 4 апрѣля; потому прошу и раму золоченную заказать, но и на пересылку разсчитать. На три слѣдующія иконы можно израсходовать 75 руб., по 25 р. на каждую, пожалуй, съ рамами. Для женской гимназіи, насколько можно имѣть приличной иконописи, но безъ рамъ. Изображенія можете и измѣнить, если вамъ что иное представится.

Витте выздоровѣлъ и до 1 декабря ѣдетъ въ Швейцарію. Мы рѣшительно приступаемъ къ учрежденію клуба. Говорятъ, что намъ и денегъ дадутъ.

Головацкій писалъ, что объ увольненіи его изготовленъ уже докладъ министру, но что дочерей онъ привезетъ лишь на слѣд. годъ. Литвиновичъ отказался дать ему даже въ селѣ, приходъ.

---

[1]) И. С. Левитскій былъ не долго учителемъ Сѣдлецкой женской гимназіи, потомъ перешелъ въ Кишиневскую гимназію. Извѣстенъ въ малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ Нечуя.

Библиотека "Руниверс"

Когда бы мнѣ удосужиться, я выдалъ бы здѣсь ирмологій почище Каллистратова. Кое-что у насъ записано. Теперь заѣдаютъ отчеты въ суммѣ болѣе на 100,000 руб. сер.

Письмо 13.

24 ноября—6 декабря 1866—Г. Холмъ.

Въ Галиціи или собственно въ Вѣнѣ какой то поворотъ въ политикѣ. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Головацкаго. Пишетъ, что Белькреди не рѣшается утвердить его отставку. Говорили и прежде, что въ Вѣнѣ побаиваются Россіи, и Бейстъ настаивалъ будто бы на увольненіи Голуховскаго.

Впрочемъ, пока Голуховскій успѣетъ что нибудь, у насъ не дремлютъ. Въ Варшавѣ на счетъ Учредительнаго Комитета напечатано уже нѣсколько учебниковъ для сельскихъ школъ на польскомъ языкѣ, но русскими буквами. Работа продолжается и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время для объявленія русскаго алфавита обязательнымъ. Дѣйствительно, отличная штука: читая этакую книжку, видишь, что это точно славянское нарѣчіе, и понимать гораздо легче. Жаль, что нѣтъ у меня подъ рукой этакой штуки,—послалъ бы вамъ.

Въ Замостьѣ у военныхъ я отвоевалъ зданіе, въ которомъ помѣщалась академія Замойскихъ. Это будетъ великолѣпнѣйшее помѣщеніе для прогимназіи, какого нѣтъ ни въ одной гимназіи Царства. По залѣ серьезно конемъ нужно ѣхать, а квартиръ безъ счету. Прибавьте къ этому баню и прачешную въ отдѣльныхъ зданіяхъ и еще большую армянскую церковь, временный складъ полевой артиллеріи. Но содержать этакую громаду трудно, и потому я думаю выступить съ проектомъ объ открытіи тамъ же женской русской прогимназіи...

Въ воскресенье будетъ объявленіе Высочайшаго благоволенія по поводу телеграммы въ день открытія женской гимназіи. Государь повелѣлъ объявить при этомъ жителямъ Холмскаго края увѣренность Его, что „они непоколебимо сохранятъ

Библиотека "Руниверс"

тѣ чувства преданности Престолу и *общему* отечеству, которыми всегда отличались сыны Русской земли".

Витте на этой недѣлѣ возвращается въ Варшаву.

Письмо 14.

13—25 декабря 1866 г.—Г. Холмъ.

Самая важная у насъ новость, которой мы не знаемъ еще въ опредѣленныхъ чертахъ, — это оставленіе Польши княземъ Черкасскимъ. Я вамъ писалъ въ свое время объ арестѣ 4 уніатскихъ священниковъ, демонстрировавшихъ по поводу вывоза Калинскаго. Доселѣ они безнадежно сидѣли въ Варшавской крѣпости. На прошлой недѣлѣ неожиданно дано было по телеграфу предписаніе освободить ихъ и отправить на мѣста. Воротившіеся такимъ способомъ вицеректоръ Гарасовскій и профессоръ Зиневичъ привезли положительное извѣстіе, что Черкасскій не возвратится въ Варшаву, и что жена его выѣзжаетъ уже оттуда. Извѣстіе это вполнѣ подтверждается всѣми соприкосновенными обстоятельствами. Но вотъ вопросъ: куда же дѣвается Черкасскій? Выходитъ ли онъ въ отставку или попадаетъ въ канцелярію Государя, либо въ Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ этомъ весь интересъ новости. Милютинъ, опора русской партіи въ Варшавѣ, сраженъ параличемъ, а Бергъ въ Петербургѣ. Не одолѣла ли нѣмецкая партія? Это весьма вѣроятно, и въ Варшавѣ Брауншвейга прочатъ на мѣсто Черкасскаго... Бѣда, если не только Милютинъ, но и онъ станутъ въ сторонѣ отъ польскаго вопроса. Бергъ весьма склоненъ къ примирительной политикѣ; тогда, какъ говорится, пропало, що й писали.

Недавно я послалъ вамъ 200 руб. на иконы и ноты. Кажется, будетъ слѣдовать за иконы еще не меньше ста рублей, и я высылаю таковые при семъ случаѣ. Если бы что осталось отъ иконъ, то попрошу передать Ивану Игнатьевичу за брошюры, высланныя имъ въ количествѣ 75. Потрудитесь спросить его, какая цѣна этимъ брошюрамъ, а безъ этого я не знаю, какъ съ нимъ разсчитаться.

Библиотека "Руниверс"

Что же Юзефовичъ и Гогоцкій доселѣ не выслали книгъ для Львова? Неужто они отправили на Броды? Плохо, если такъ: и галичанъ доведутъ до непріятностей и хлопотъ, и книги, пожалуй, не попадутъ къ нимъ, а если и попадутъ, то не раньше, какъ чрезъ полгода. Галичане боятся письма изъ Россіи получать, не то что книги московскія. Отъ меня идущія книги переправляются по ночамъ, да и то таможенными чиновниками при посредствѣ жидовъ.

Кстати, возьмите у Самчевскаго экземпляра два моихъ актовъ и передайте чрезъ Пясецкаго, а если деньги потребуютъ, выплатите изъ посылаемыхъ теперь денегъ по такой цѣнѣ, по какой они продаютъ Литову, т. е. за половину. У меня ни одного экземпляра не осталось, а хотѣлось и въ гимназію подарить; у нихъ же этого добра много должно быть.

Не добились ли вы чего новаго отъ митрополита на счетъ галичанъ? Что успѣли Селинъ и Гогоцкій на счетъ Головацкаго? На исходатайствованіе субсидій, о которыхъ вы писали, я утратилъ надежду: только что собрался писать Милютину, какъ прочиталъ печальное извѣстіе о его болѣзни.

О клубѣ подаемъ прошеніе, а почтовое сообщеніе съ Люблиномъ начнется чрезъ 6 дней. Часть иконъ, какія готовы будутъ, прошу чрезъ Пясецкаго передать. Нѣтъ ли кандидатовъ на учительство въ сельскія школы? Прошу рекомендовать. Мѣстъ много.

Письмо 15.

19—31 декабря 1866 г.—Г. Холмъ.

Экстренное.

Пишу по особому случаю. Сейчасъ пріѣхалъ изъ Львова о. Ясинскій, о которомъ я уже писалъ вамъ, и привезъ оттуда самыя горестныя вѣсти. Всѣ впрочемъ самыя безбожныя продѣлки и поляковъ и правительства стали вещью обыкновенною. Одно только обстоятельство способно поразить кого угодно своею

Библиотека "Руниверс"

чрезвычайностью,—это невѣроятная нищета ораторовъ пословъ, которымъ рукоплещетъ вся Европа. Вотъ что передалъ онъ мнѣ о Наумовичѣ: Европа въ долони плескала іого мови, а чи знае Европа, що той ораторъ смілый не мае наветь штановъ полотняныхъ?! Истинно такъ. „Въ день въ сойми сижу, сказалъ ему Наумовичъ, а въ почи латы латаю: що маю робити".— Ужасно, но именно такъ. Пожаръ испепелилъ все его имущество, жена и дѣти гдѣ то въ деревнѣ безъ крова и безъ хлѣба, а онъ въ сеймѣ рѣчи говоритъ... Не забудьте, что онъ простой сельскій священникъ и получаетъ жалованья всего 80 гульденовъ австрійской валюты. Дѣти подросли, такъ не за что было въ школу отдать еще до пожара, а теперь босые и голые.

Христа Господа ради, сжальтесь надъ знаменитымъ бѣднякомъ и устройте въ Кіевѣ подписку въ пользу его, да что соберете, присылайте ко мнѣ, а я въ Львовъ отошлю при оказіи. Мы въ пять минутъ собрали и завтра посылаемъ до 200 руб. Дали бы и больше, да уже совсѣмъ истощились, ибо въ этомъ году шестой разъ уже жертвуемъ, и мнѣ одному пришлось до 200 р. положить. На казенную субсидію погибла надежда съ тѣхъ поръ, какъ Милютинъ сраженъ. Набоковъ—это тотъ, что былъ при Константинѣ Николаевичѣ въ Варшавѣ. Говорятъ, что Черкасскій просилъ отставки, но Государь говорилъ съ нимъ три часа и убѣдилъ остаться. Что больше,—темна вода.

Библиотека "Руниверс"

ПОЧАДѢВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(*Новѣйшее произведеніе древле-волынской письменности*).

Читатели нашего журнала, вѣроятно, не забыли, что эту курьезную лѣтопись явилъ изумленному міру житомирскій протоіерей Н. Трипольскій. Первые отрывки изъ нея появились на страницахъ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей“ еще въ іюнѣ и сентябрѣ 1896 года и одновременно въ I вып. „Волынскаго Историко-Археологич. Сборника“. „Кіев. Старина“ тогда же достойно привѣтствовала эту диковинку [1]), а въ одной изъ столичныхъ газетъ былъ помѣщенъ о ней далеко не почтительный отзывъ [2]). Послѣ этого Почадѣвская лѣтопись въ теченіе цѣлаго года перестала украшать страницы волынскаго епархіальнаго органа; но съ конца декабря 1897 г. печатаніе ея возобновилось и грозитъ затянуться въ безконечность. Всего по настоящее время напечатано около 150 страницъ лѣтописныхъ и другихъ отрывковъ, относящихся якобы къ XIII, XIV и XV столѣтіямъ. Полагаемъ, что этого матеріала болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы можно было высказать рѣшительный приговоръ объ этомъ мнимомъ памятникѣ древности.

---

[1]) См. „Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія“ (К. Старина, 1896 г., октябрь),

[2]) „Новое Время“ 1896 г. № 7466 (корреспонденція изъ Житомира).

Библиотека "Руниверс"

Слѣдуя традиціонному плану академическихъ изслѣдованій, мы ставимъ прежде всего вопросъ о происхожденіи Почадѣвской лѣтописи и о личности ея составителя. Вполнѣ точными свѣдѣніями по этому вопросу обладаетъ пока одинъ о. Трипольскій; онъ самъ таинственно сообщаетъ, что публикуемые имъ отрывки къ нему поступаютъ „отъ одного *намъ извѣстнаго* лица". Конечно, со стороны издателя крайне не великодушно хранить въ секретѣ отъ ученаго міра свѣдѣнія по предмету такой первостепенной важности; но на это его добрая воля. Къ счастью, всякій литературный памятникъ обладаетъ предательскимъ свойствомъ выдавать если не имя, то во всякомъ случаѣ личность автора—часто противъ его желанія. Ex ungue leonem! Ужъ на что былъ скрытенъ знаменитый авторъ „Слова о полку Игоревѣ", а теперь, небось, любой гимназистъ съ мѣста сообщитъ о немъ всю подноготную—и гдѣ жилъ, и кого или что любилъ, и какъ вѣровалъ,—только на счетъ имени и отчества запнется; но, какъ справедливо замѣчаетъ поэтъ: „что имя? звукъ пустой"! То же случилось и съ новой интересной маской—авторомъ Почадѣвской лѣтописи. Не дождавшись отъ издателя разъясненій по интересующему насъ вопросу, мы подвергли всевозможному анализу самую лѣтопись, и вотъ что выдала она относительно своего происхожденія и личности ея составителя.

Одному мечтательному волынскому патріоту, одаренному пылкимъ воображеніемъ, но не острымъ умомъ, снился престранный сонъ: будто его прекрасная родина представляетъ своеобразное теократическое государство, по своему строю непохожее ни на одно изъ царствъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ. Въ каждомъ селеніи этого государства существуетъ по одному, а въ городахъ по два, по пяти и болѣе монастырей, владѣющихъ обширными землями, многолюдными хуторами, и надѣленныхъ всякими богатствами. Но всѣ эти безчисленные монастыри представляютъ не болѣе, какъ филіальныя отдѣленія центральнаго монастыря, носящаго нѣсколько странное названіе „*Почa-Дѣва*". Ни царей, ни королей нѣтъ въ этомъ государствѣ, ибо въ Почадѣвѣ пребываетъ сама Пресвятая Дѣва и непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственно внушаетъ игумену свои божественныя велѣнія, а онъ передаетъ ихъ игуменамъ остальныхъ монастырей. Не нужны здѣсь также ни арміи, ни флоты, такъ какъ всѣ христіанскіе народы неизмѣнно питаютъ къ Почадѣву чувства благоговѣйнаго почитанія, а невѣрные цари хотя ежегодно почти вторгаются съ своими ордами въ предѣлы Почадѣвскаго государства и производятъ губительныя опустошенія, но имъ никогда не удается овладѣть самимъ Почадѣвомъ, такъ какъ здѣсь всегда посрамляетъ ихъ сила небесная. Впрочемъ, всѣ подобныя бѣдствія быстро излѣчиваются при благосклонномъ содѣйствіи иноковъ: владѣя громадными матеріальными средствами, монастыри строятъ на своихъ земляхъ дома для разоренныхъ и обездоленныхъ жителей, снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, скотомъ и деньгами, устраиваютъ для нихъ больницы и школы. Вообще, благодаря монастырямъ, просвѣщеніе и промышленность стоятъ въ Почадѣвскомъ государствѣ на высокой степени процвѣтанія: каждая обитель содержитъ по одному высшему училищу и по нѣскольку низшихъ; при каждой устроены фабрики и заводы всевозможныхъ издѣлій, отъ выдѣлки „кухлей“ до производства дорогихъ „кришталей“. При такомъ благополучіи, долговѣчность здѣшнихъ обывателей достигаетъ невѣроятныхъ предѣловъ, а смертность вообще незначительна, ибо монахи чудеснымъ образомъ излѣчиваютъ всѣ болѣзни. Вообще чудеса и знаменія составляютъ въ Почадѣвскомъ царствѣ самыя обыденныя, ежедневныя явленія. Не удивительно, что слава о святости и благоденствіи Почадѣва распространяется по всему свѣту и къ нему тяготѣютъ всѣ концы вселенной. Сюда безпрестанно стекаются на поклоненіе не только христіанскіе короли, но также магометанскіе султаны и языческіе ханы, и каждый изъ нихъ, уѣзжая, оставляетъ здѣсь крупные дары на память или молитвенное поминовеніе; сюда же часто являются иновѣрные бискупы и аббаты, благоговѣйно поклоняются православной святынѣ, отрекаются отъ прежнихъ заблужденій и нерѣдко навсегда остаются здѣсь въ числѣ братіи или принимаютъ на себя обязанности преподавателей иностранныхъ языковъ въ монастырскихъ училищахъ..

Библиотека "Руниверс"

Проснулся нашъ мечтатель—и горько стало ему при мысли, что дѣйствительность такъ мало похожа на сонъ. И такъ какъ онъ обладалъ буйнымъ воображеніемъ и въ семинаріи не былъ достаточно ознакомленъ съ исторіею Волыни, то ему захотѣлось убѣдить себя, что, если не теперь, то, по крайней мѣрѣ, въ давнопрошедшія времена его родина представляла что-либо похожее на то, что грезилось ему. И сталъ онъ усердно изучать исторію Волыни. Но онъ ни отъ кого не слыхалъ, что существуетъ спеціально волынская древняя лѣтопись и другія вполнѣ достовѣрныя пособія, и потому обложилъ себя единственно „Волынскими Епархіальн. Вѣдомостями“ за всѣ тридцать лѣтъ ихъ существованія. А нужно знать, что въ этомъ почтенномъ органѣ древняя исторія Волыни, по большей части, представлена въ такомъ свѣтѣ, что природный волынецъ поневолѣ воспылаетъ чувствомъ „народной гордости“: что ни урочище, то и преданіе о монастырѣ, построенномъ св. Владиміромъ; что ни старинная икона, то и благодатный образъ, писанный св. евангелистомъ Лукою, или, по меньшей мѣрѣ, тотъ самый образъ, коимъ греческіе императоры Василій и Константинъ благословили сестру свою Анну на бракъ съ княземъ Владиміромъ. Почти всѣ волынскія поселенія, конечно, оказываются ужасно древними, и эта древность чрезвычайно легко опредѣляется не свидѣтельствами лѣтописей или археологическими раскопками, а простѣйшимъ филологическимъ методомъ, спеціально на Волыни изобрѣтеннымъ, въ помощь которому является непремѣнно и народное преданіе; напримѣръ, м. Клевань, какъ видно по его имени, возникло въ то время, когда здѣсь (вѣроятно, въ эпоху великаго переселенія народовъ) прогоняли много скота и явилась потребность построить для него *хлѣвъ*, что подтверждается будто бы и мѣстнымъ преданіемъ; г. Ровно обязанъ своимъ происхожденіемъ такому случаю, что у князей Острожскихъ было уже на Волыни 99 городовъ и лишь одного не доставало до сотни, почему они основали этотъ городъ и сказали: „теперь у насъ *ровно* сто городовъ!“ На мѣстѣ с. Тихомля когда-то мельница *тихо молола*, на мѣстѣ с. Перемиля она *пе-*

Библиотека "Руниверс"

ремалывала, а на мѣстѣ с. Буремля—какъ *боръ* (или *буря*) *молола*, и т. под. — Проникшись такими воззрѣніями на родную старину и въ совершенствѣ усвоивъ этотъ своеобразный филологическій методъ, нашъ мечтатель съ особеннымъ усердіемъ принялся изучать исторію главной святыни края, Почаевскаго монастыря, и съ недоумѣніемъ узналъ, что документальная исторія этой обители начинается всего лишь съ 1597 года, а чудотворная икона Почаевской Б. Матери принесена на Волынь лишь въ 1559 году. Здѣсь „народная гордость“ волынскаго патріота была рѣшительно оскорблена: какъ можно допустить, чтобы волынская лавра уступала въ древности не только кіевской, но и московской!. И прежніе волынскіе историки не хотѣли съ этимъ мириться; они также склонны были вѣрить, что Почаевская обитель получила начало едва-ли не на зарѣ христіанства въ краѣ Волынскомъ, и въ подтвержденіе ссылались обыкновенно на уніатскую книгу, изданную въ 1772 г., подъ названіемъ „Гора Почаевская“, въ которой въ числѣ другихъ чудесъ, бывшихъ въ Почаевѣ, приводится извѣстное сказаніе о явленіи Б. Матери на скалѣ и это чудесное событіе относится къ 1240 году. Сверхъ того, въ дѣлахъ лаврскаго архива есть глухое указаніе, что тамъ существовала нѣкогда рукописная книга подъ названіемъ „Памятникъ монастыря Почаевскаго“. Что это за книга? — Конечно,— рѣшилъ нашъ фантазеръ—это была древняя лѣтопись Почаевская, и въ ней, навѣрное, заключалось то самое, что грезилось ему въ сонномъ видѣніи. Говорятъ, она безслѣдно исчезла — ее будто бы истребили уніаты. Такъ нельзя ли *возсоздать* ее, если не всю, то хотя въ отрывкахъ? Вѣдь вотъ же чехи возсоздали Краледворскую рукопись и долго весь свѣтъ морочили! Наши волынцы куда простоватѣе чеховъ, а въ патріотизмѣ имъ не уступятъ. Давай-ка попробую! смѣлости у меня хватитъ. Только вотъ бѣда въ чемъ: какимъ языкомъ писали въ тѣ времена на Волыни? „Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ!“ Должно быть такъ: вмѣсто „желѣзо“ писали *желѣзіе*, вмѣсто „вода“ — *водіе*, вмѣсто „княжество“— *князіе*, вмѣсто безуміе“—*мрачіе ума*. А ну, Господи благослови!

Библиотека "Руниверс"

И вотъ новый лѣтописецъ, вырвавъ изъ старыхъ дѣлъ бывшаго духовнаго правленія нѣсколько пачекъ чистыхъ листовъ плотной, синей бумаги, зажегъ свою лампаду и давай выводить, поддѣлываясь подъ уставный почеркъ: «Року ѵѯкд, мартобря 35». Сначала работа шла туго, и много листовъ было испорчено, а потомъ пошло легче. Черезъ недѣлю дерзость новаго Нестора дошла до такихъ предѣловъ, что онъ бросилъ презрѣнную прозу и принялся кропать вирши якобы XIII вѣка.

Когда было изготовлено такимъ способомъ значительное количество листовъ, нео-лѣтописецъ таинственно показалъ ихъ о. Трипольскому и, должно быть, сочинилъ при этомъ какую-нибудь необыкновенную легенду относительно ихъ пріобрѣтенія. Иначе трудно понять, какимъ образомъ почтенный протоіерей, безъ сомнѣнія, читавшій на своемъ вѣку древнія лѣтописи, могъ впасть въ такое невѣроятное ослѣпленіе, что принялъ за подлинную древность самую грубую, бездарную и невѣжественную фальсификацію. Онъ даже не потребовалъ у своего таинственнаго знакомца передачи всѣхъ якобы новооткрытыхъ отрывковъ древней лѣтописи, чтобы разомъ ознакомиться съ ними и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ; нѣтъ, онъ скромно довольствовался тѣмъ, что ему время отъ времени, по листочку, вручалось, и съ восхищеніемъ предавалъ эти крупицы тисненію. А таинственный знакомецъ словно издѣвался надъ его довѣрчивостью: сегодня совалъ ему листокъ съ отрывкомъ лѣтописи будто бы 1240 года, а черезъ недѣлю—1382 г., а далѣе 1441, а потомъ 1226 и затѣмъ снова 1240 г. и т. д. И такое издѣвательство продолжается до сего времени. А ослѣпленный издатель словно и не замѣчаетъ, что, не смотря на разницу вѣковъ, языкъ, письмо и синяя бумага отрывковъ остаются неизмѣнными.

Нужно ли знакомить читателей съ содержаніемъ, изложеніемъ и языкомъ этого непристойнаго фальсификата? Признаемся, мы охотно уклонились бы отъ такой неблагодарной задачи, тѣмъ болѣе, что въ помѣщенной полтора года назадъ на страницахъ нашего же журнала статьѣ достаточно ярко и полно

Библиотека "Руниверс"

очерчены существенныя прелести этой псевдо-лѣтописи, достойной быть сюжетомъ для веселаго фельетона, но никакъ не предметомъ серьезной критики. Но изъ опасенія, какъ бы нашъ жесткій приговоръ не показался кому-либо голословнымъ, провѣрить же его не всякому удобно, такъ какъ Почадѣвская лѣтопись печатается въ мало доступномъ органѣ, — мы скрѣпя сердце станемъ знакомить читателя съ Почадѣвскою лѣтописью.

Повидимому, отправнымъ пунктомъ для нашего лѣтописца послужило такого рода соображеніе: если Клевань, Ровно, Тихомль, Перемиль и многія другія волынскія поселенія обладаютъ столь многозначительными названіями, то имя главной мѣстной святыни—Почаева, безъ сомнѣнія, должно скрывать въ себѣ еще болѣе знаменательный смыслъ, таинственно прообразующій будущую славную судьбу его. Конечно, современная звуковая форма этого имени испорчена; возстановить первоначальную форму не особенно трудно, пользуясь своеобразнымъ филологическимъ пріемомъ, съ помощью котораго прежніе волынскіе историки сдѣлали уже столько великихъ открытій. И вотъ въ 15—17 №№ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» 1896 г. печатается доселѣ никому невѣдомая и неизвѣстно, гдѣ и кѣмъ разысканная, польская рукопись, составленная якобы въ 1732 г. почаевскимъ провинціаломъ, «имя и фамилію котораго, по неразборчивости подписи, прочесть не возможно». Въ ней разсказывается о томъ, какъ 25 ноября 1197 года на Почаевскую гору, тогда еще совершенно пустынную, съѣхались для охоты человѣкъ 30 помѣщиковъ (sic) изъ Львова, Кракова, Будня (венгерскаго г. Будина) и другихъ мѣстъ и какія видѣли они тамъ чудесныя знаменія. Эти знаменія повторились и 17 апрѣля слѣдующаго 1198 года, когда тѣ же помѣщики-охотники прибыли сюда вторично, въ ознаменованіе чего ими была построена тамъ же, на скалѣ, часовня. А скоро послѣ того пришелъ сюда изъ Греціи и поселился близъ часовни инокъ Меѳодій и въ 1219 г. заложилъ монастырь-скитъ, а самое мѣсто прозвалъ *Почадъемъ*,

Библиотека "Руниверс"

потому что здѣсь *почѧ* (т. е. начала) *Дѣва* являть свои чудеса. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе новопостроеннаго монастыря и исторія управленія имъ Меѳодіемъ, умершимъ въ 1228 г.

Это сомнительное сказаніе понадобилось автору въ качествѣ прелюдіи, или пролога, къ появившимся вслѣдъ за нимъ отрывкамъ Почадѣвской лѣтописи. Въ нихъ изображается почти изо дня въ день самая разносторонняя дѣятельность Меѳодія. Подъ 1213 годомъ приводится якобы подлинная дарственная запись одного изъ вышепомянутыхъ помѣщиковъ-охотниковъ, пана Центера, Почадѣвскому монастырю на десять волокъ земли съ лѣсомъ и «хотаръ» (хуторъ) Комнату. Въ этомъ актѣ, изложенномъ тарабарскимъ нарѣчіемъ и озаглавленномъ почему-то «*дыпломатъ*», даритель такъ себя титулуетъ: «Михаилъ Центеръ, воевода Божіею милостію, господаръ земли владсной на горѣ чуда пресвятой Дѣвы Маріи Почадѣва». Столь же страненъ титулъ игумена: Центеръ пишетъ, что дѣлаетъ даръ «съ нашимъ благимъ хотеніемъ и благословеніемъ *святителемъ* нашимъ Меѳодіемъ». Въ другихъ мѣстахъ лѣтописи онъ именуется „патріархомъ", „преподобнымъ" и даже „святымъ".

Въ 1224 году этотъ Меѳодій даетъ убѣжище на монастырскихъ земляхъ населенію цѣлыхъ двѣнадцати „градовъ" Кіевской земли, дотла сожженныхъ и подвергшихся „разграбу и мечу" со стороны „душегубинара Татарина", который, по мнѣнію почадѣвскаго лѣтописца, вторгся въ южную Русь задолго до Батыева нашествія. Въ томъ же году Меѳодій въ своемъ монастырѣ „избудовавъ для законниковъ *училину главну* (т. е. высшее училище) на сто учениковъ", а черезъ три года „выстроилъ въ збудованѣмъ домѣ законниковъ *виблію* монастыру на св. горѣ Пресвятои Дѣвы Маріи Почадѣва в ни Библютеку за трома одѣла, а одѣлъ іесмъ перьвое главна тоя монастиръ; завѣдоша тѣмъ іеромонахъ Ѳеоѳаній". Насколько можно понять эту тарабарщину, въ ней рѣчь идетъ о постройкѣ помѣщенія для библіотеки съ тремя отдѣлами и о назначеніи „завѣдующаго", т. е. библіотекаря.

Въ томъ же 1224 году, 10 января, „пребыша Поча-Дѣву монастыру господари владей Моледева (по толкованію о. Три-

Библиотека "Руниверс"

польскаго—„владѣній Молдавскихъ“) и привезоша свои дроговизни (драгоцѣнности), жебы здѣ оухована въ монастыру, іако невѣрный татаринъ починае іавлятися на земли си грабити“... Можно подумать, что татары въ 1224 году двигались на Русь съ запада, а не съ востока. „Того же дня пребуди жени и дѣти господарей 123 раховиѣмъ (счетомъ) всѣхъ“. По этому случаю 13 января „препод. Меходый молвилъ копати печари для оухрони мнозѣй народи“. Въ тотъ же день „господари пошли противко невѣрнаго въ свою страну“, а на память о своемъ посѣщеніи подарили монастырю кругленькую сумму 600000 „злотей“.

Въ это же время, именно 10 января, „пребуди въ монастыръ Поча-Дѣва Мистиславъ Оудалій“ просить небесной помощи противъ татаръ и, помолившись, „того же дня уйдя изъ монастыря противо невѣрнаго“. Здѣсь невѣжество лѣтописца сказалось въ томъ, что онъ князя Мстислава величаетъ (согласно съ учебниками по русской исторіи) *Удалымъ*, не подозрѣвая, что этотъ эпитетъ есть не болѣе, какъ неудачный переводъ древнерусскаго *удатный*, приданнаго князю Мстиславу составителемъ древней волынской лѣтописи.

Въ томъ же 1224 г. были и другіе гости въ Почадѣвѣ: пришли 5 человѣкъ „изъ Морави, исповѣданя римско-католицего обрадіа, ктерые повѣдали, іако творисіа поругане множицею надъ вѣрою греческаго обрадіа духовницами римско-католическими, а тако заводя власни обради“; потомъ чудеснымъ образомъ были перенесены сюда „трое законницевъ изъ монастыра св. Андрея, ктерый іесть въ земли греческаго владія“; затѣмъ пришли „духовницы“ изъ какого-то „града Кренчуга Хотомща-Дрегала и Веруга, ктерые принесоша всѣ жеци (вещи) святыни, жебы оухронити отъ невѣрнаго, ктерый возмутися грабити страни хрестьянски“; наконецъ „протекоша народи раховаиѣмъ 23 изъ страней Магометіа (?!), ктерые повѣдали тоіе, яко мнози народи пріяше законы вѣри того признаніа, отъ чесо среди народей смути почали и тако заблуди[1]) велицы“. Выслу-

[1]) По толкованію о. Трипольскаго, „заблуди“ — заблужденія, погрѣшности, ошибки.

Библиотека "Руниверс"

шавъ послѣднюю новость, Меѳодій тотчасъ же „презначилъ трое законницовъ въ страну Магометіа гласити іевангеліо Іс: Хр:". Жаль, что о. Трипольскій не истолковалъ, что нужно разумѣть подъ „страной Магометіа": Аравію или Месопотамію?

Среди этихъ многотрудныхъ заботъ Меѳодій находилъ время неустанно заниматься еще науками и искусствами. Онъ былъ живописцемъ, каждый день писалъ иконы, разсылалъ ихъ по другимъ монастырямъ, и почти каждая изъ нихъ оказывалась чудотворною. Сверхъ того, онъ составилъ обширное евангельское толкованіе, отрывокъ изъ котораго приводится въ лѣтописи; но мы его цитировать не станемъ, ибо со стороны языка это сплошная нелѣпость. Трудъ этотъ Меѳодій будто бы послалъ своему пріятелю Генриху Гольстаху, ректору католическаго монастыря св. Павла на горѣ Юра, во Львовѣ, и получилъ отъ него въ 1224 году благодарственное письмо, начинающееся такою безсмыслицею: „Зевсемъ не сомнуся и гагуся, же среди вельбителями евангелія толковія знайдешъ панъ достойный и во вакихъ ктури вызнаетъ религію Ѳрейтари хоче заместити"... и проч. Меѳодій сдѣлалъ видъ, будто уразумѣлъ эту галиматью, и накрутилъ пріятелю еще болѣе мудреный отвѣтъ: „Ничесо блаже быти мнозіе не може іако послане листу отъ тя ктерымъ мя ты оулучилъ іако блажіе тое есть мего труду"... и проч. и въ концѣ расписался такъ: „Маю зоставатися съ жившую оуважимою честею духовника Генрыха слуга чудесной Матки Божей въ Почадѣва монастыру Меѳодый".—Конечно, еслибы Почадѣвскій лѣтописецъ справился, хотя бы по элементарному учебнику, что г. Львовъ основанъ не раньше половины XIII ст. (въ первый разъ упоминается въ Ипатской лѣтописи лишь подъ 1259 годомъ) и что въ 1224 г. тамъ не могло быть никакого католическаго монастыря, то онъ, можетъ быть, устыдился бы такъ явно издѣваться и надъ исторіей, и надъ здравымъ смысломъ, и надъ своимъ издателемъ.

Тотъ же Меѳодій составилъ „поученіе братіи" всѣхъ монастырей, имъ основанныхъ на Волыни, и произнесъ его на соборѣ въ Почадѣвѣ, бывшемъ будто бы въ 1226 году. Начало

Библиотека "Руниверс"

его неподражаемо: „Въ недлугій часъ братіи выреку, чесо маю увинтіемъ въ помяти, [1]) жебъ тоіе оутвердіемъ принятнемъ стало среди глубоцей помяти вашія, а тако же гласіе народіямъ, ктери въ монастыріяхъ вашихъ обретохся... Іегда противицею человѣца съ звѣріемъ толкнишися въ іефіопіи чесо маю за оужитіе, іегда оумиряеши не возбудися".. и т. под.

Въ такомъ же родѣ и вирши, которыя будто бы писывалъ Меѳодій. Вотъ ихъ образчикъ:

Першемъ до мя ничесо не оутворія,
Іено тылько ктерое іесть вѣчніемъ,
И тако іа въ сущіи іесть въ вѣцы бъзъко(неч)нія.

Послѣ смерти Меѳодія, при его преемникахъ, Почадѣвскій монастырь все болѣе становится какимъ-то центральнымъ прибѣжищемъ, къ которому тяготѣютъ едва-ли не всѣ концы вселенной. Въ 1240 году пришли сюда 40 рыцарей, „ктерые не могоша молвити іазыцемъ, іако законники". Эти безъязычные пришельцы „воздаша великое оуклоніе Матки Божей", подарили монастырю „ваги монети злата", и по этимъ монетамъ лѣтописецъ догадывается, что рыцари приходили изъ „страней за Гальціи", т. е., по изъясненію о. Трипольскаго, „изъ-за альпійскихъ странъ". Въ томъ-же году прибылъ „владыца от гуртіа татарина Манмудъ-Тохма", принялъ крещеніе и постриженіе и былъ навначенъ преподавателемъ восточныхъ нарѣчій въ Почадѣвскомъ „старшемъ оучилинѣ". Онъ оказался такимъ мастеромъ своего дѣла, что уже въ томъ году „почели законницы молвити іазыцемъ татарина". Въ 1310 г. прибыло 15 человѣкъ изъ Чехіи, Моравіи и Венгріи съ жалобами, что папа сталъ ломать вѣру, жечь непокорныхъ и грабить вѣрныхъ католиковъ; съ ними былъ и Пражскій бискупъ Береговичъ, принесшій въ даръ монастырю 75,000 „злотій" и оставшійся здѣсь преподавателемъ „іазыца латинаго" въ почадѣвской академіи. Въ 1384 г. пришли въ Почадѣвъ монахи „изъ монастыра св: Троицы, ктерый іесть въ

[1]) По толкованію о. Трипольскаго, „увинтіемъ въ помяти" значитъ „закрѣпленнымъ въ памяти", т. е. имѣется въ виду слово „винтъ", но отъ этого смыслъ рѣчи не становится яснѣе.

Библиотека "Руниверс"

окрести града Москви". Ихъ, какъ малограмотныхъ, немедленно опредѣлили „въ оучилину старшаго оученія", и когда они немного научились почадѣвскому нарѣчію, то стали разсказывать ужасную околесицу о томъ, какъ въ 1380 г. „іавися пролите крови журицами (ручьями) при рѣцѣхъ Доннія и Непрадьви на кулика (sic) съ владіемъ татарина Мамая и велицымъ князіемъ Димитріемъ русскемъ". Въ слѣдующемъ году прибыло 53 человѣка съ береговъ „Даравія" (Дравы), гдѣ яко-бы произвели разоренія татары въ союзѣ съ „поливцами" (половцами?); а черезъ полгода сюда же явились цѣлыя толпы „изъ страней Касога", которымъ князь Ольгердъ велѣлъ селиться на рч. Виліи, близъ „града Куна", но переселенцы просили позволенія навсегда остаться въ Почадѣвѣ. Въ 1441 году пріѣзжала въ Почаевъ мать московскаго великаго князя Василія Васильевича, княгиня Софья Витовтовна, и нелѣпымъ языкомъ повѣдала игумену нескладную повѣсть о ссорѣ князей, приключившейся на свадьбѣ ея сына изъ-за украденнаго и опознаннаго на Василіи Косомъ драгоцѣннаго пояса. Наконецъ, въ 1449 г. послѣдовалъ еще менѣе вѣроятный визитъ: въ Почадѣвъ прибылъ съ своей матерью „краль поляцій Казиміръ IV Іагелончицъ" и оставилъ монахамъ на молитвы 600,000 „злотей", да „мати его Зофія 40,000 злотей". Если вспомнимъ, что такую же сумму подарили когда-то Почадѣвскимъ инокамъ бѣдные Молдавскіе господари, то королю подобало-бы быть болѣе щедрымъ.

Подъ 1382 годомъ въ лѣтописи приводится тенденціозный разсказъ о Ченстоховскомъ чудотворномъ образѣ Б. Матери, писанномъ якобы евангелистомъ Лукой на доскѣ того самаго „сыпрысоваго" (кипариснаго) стола, „при ктеромъ пресвятая Дѣва Марія Бога за родъ народный благально" молила, „пренимая іастіе и трудяся трудами на ніемъ власнеми руцеми". Этотъ образъ „чудесно былъ оуцеленъ до часу святой Іелени", матери Константина В., которая отыскала его въ Іерусалимѣ и принесла въ Царьградъ. Въ 803 году византійскій императоръ Никифоръ подарилъ будто-бы эту икону Карлу Великому въ благодарность за примиреніе его съ сарацинами, а послѣдній

Библиотека "Руниверс"

неизвѣстно за какія услуги подарилъ ее „Льву, князю рускому“, который „тое даяніе отъ Карла Великаго, то есть иконъ, іако драгоцѣніе великое, изложилъ въ замку Велскимъ“ (т. е. Белзскомъ). Здѣсь эта икона оставалась „въ захованю роковъ 572, до пребытя тамъ князя Опольскаго Владиміра року 1349“, который, овладѣвъ Белзомъ, захватилъ чудотвор. икону и впослѣдствіи передалъ ее въ Ченстоховъ. Въ примѣчаніи къ этому баснословію издатель о Трипольскій побѣдоносно заявляетъ: „Вышеприведенное лѣтописное сказаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что чудотворная икона Б. Матери, именуемая нынѣ Ченстоховскою, истари—православная и только лишь въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ присвоенная римскими католиками.“ Но прежде, чѣмъ предъявлять католикамъ искъ о возвращеніи яко-бы незаконно присвоенной ими святыни, почтенному издателю и коментатору Почадѣвской лѣтописи слѣдовало-бы взять на себя трудъ распутать хотя-бы слѣдующую несообразность въ столь понравившемся ему сказаніи: что это за „рускій князь Левъ“, получавшій отъ Карла Великаго дружескіе подарки? Въ древнерусской исторіи извѣстенъ одинъ лишь Левъ—сынъ Даніила, князь Галицкій; но онъ княжилъ въ концѣ XIII ст. и никакъ не могъ быть пріятелемъ Карла Великаго, умершаго въ 814 году. Самъ лѣтописецъ говоритъ, что образъ находился въ Белзѣ въ теченіе 572-хъ лѣтъ, до захвата его въ 1349 г. княземъ Опольскимъ, слѣдовательно князь Левъ могъ получить его отъ Карла В. не раньше 777-го года. Но вѣдь это въ полномъ смыслѣ эпоха царя Гороха, и если лѣтописцу она доподлинно извѣстна, то какъ же онъ не пояснилъ: въ какихъ именно родственныхъ отношеніяхъ къ этому славному царю находился поименованный имъ „рускій князь Левъ“?

Въ чемъ другомъ—а въ хронологіи нашъ лѣтописецъ спотыкается на каждомъ шагу. Онъ, напримѣръ, заставляетъ „жену“ (не вдову?) князя Даніила Романовича Анну отправиться въ 1301 году на богомолье въ Почадѣвъ, да еще съ малолѣтними дѣтьми 11-ти и 9-ти лѣтъ. Можно представить, какая это была древняя старуха, если она выходила замужъ еще въ 1213-мъ году! Еще

Библиотека "Руниверс"

удивительнѣе, какъ она могла въ то время имѣть малолѣтнихъ дѣтей, когда ея супругъ, князь Даніилъ, скончался въ 1264 году. О „плевелахъ проклятой оуніи“ (Флорентійской), яко-бы разсѣянныхъ на Волыни, лѣтописецъ суесловитъ подъ 1414-мъ годомъ, забывая, что эта унія состоялась лишь въ 1439 году. Великій литовскій князь Ольгердъ вноситъ въ Почадѣвскій монастырь денежный даръ въ 20,000 „злотей“ и велитъ на его счетъ позолотить иконостасъ въ 1382 году, а умираетъ (документально) въ 1377 году. По лѣтописи, въ 1449 г. въ Кіевѣ княжилъ „Симеонъ Олековичъ, сынъ (какого-то) Александра Олековича“,—но это сугубый вздоръ: на самомъ дѣлѣ въ это время (1440—1455 г.) здѣсь княжилъ Олелько (т. е. Александръ) Владиміровичъ, а его сынъ Симеонъ Олельковичъ занялъ отцовскій удѣлъ лишь съ 1455-го года.

Но всѣ эти (и многіе другіе) промахи—невинныя обмолвки, если сопоставить ихъ съ нижеслѣдующимъ проваломъ, постигшимъ невѣжественнаго лѣтописца. Правду говоря, виновниками этого скандальнаго провала были отчасти польскіе помѣщики, злобствующіе на лѣтописца, надо полагать, за то, что онъ сманилъ въ Почадѣвъ чуть не всѣхъ бискуповъ и аббатовъ. Дѣло было такъ. Усердно насаждая древніе монастыри рѣшительно по всѣмъ ему извѣстнымъ (и даже неизвѣстнымъ) городамъ и весямъ, лѣтописецъ единственно руководствовался современною картою Волынской губ., въ полной увѣренности, что всѣ нынѣшнія поселенія существовали еще при царѣ Горохѣ, а не то что въ XIII—XIV ст. По изслѣдованіямъ волынскихъ историковъ, оно такъ и было на самомъ дѣлѣ; но нашъ малосвѣдущій лѣтописецъ не зналъ, что польскіе помѣщики, уже въ новѣйшія времена, завели было обычай—переименовывать села и мѣстечки въ честь своихъ женъ и дочерей, и многія изъ такихъ новыхъ прозвищъ навсегда замѣнили прежнія названія. Это обстоятельство и ввело легкомысленнаго лѣтописца въ жесточайшій просакъ. Подъ 1305 годомъ онъ беззаботно суесловитъ, что „въ семъ року, 15 августа, претекоша множіе народей изъ страней по рѣци Днипрію и благали оу монастыра Поча-Дѣва, жебъ презначити

Библиотека "Руниверс"

имъ седалища (поселенія), іако не имаютъ седалинъ—татариномъ разгромиша безъ слѣди". Почадѣвъ исполнилъ ихъ „благаніе" и разселилъ ихъ на земляхъ („владіяхъ") разныхъ монастырей, между прочими и „въ *Катербурескомъ*". Къ этому мѣсту издатель поспѣшилъ сдѣлать поясненіе: „гдѣ нынѣ м. *Катербургъ*, Кременецк. у." Дѣйствительно, такое мѣстечко существуетъ и, судя по контексту, лѣтописецъ именно его и разумѣлъ. Но онъ, бѣдный, не подозрѣвалъ, что это названіе мѣстечка весьма недавняго происхожденія: прежде здѣсь было село Вержбицы, но въ началѣ текущаго столѣтія его владѣлецъ, графъ Іосифъ Плятеръ, преобразовалъ его въ мѣстечко и переименовалъ въ *Катеринбургъ*, въ честь своей супруги *Катерины*, урожд. Сосновской. Какимъ же образомъ здѣсь могъ существовать въ началѣ XIV ст. „*Катербурескій*" монастырь?

Другой lapsus въ томъ же родѣ. „Року 1305" почадѣвскіе монахи будто бы „отбудовали грады и тако разіемъ (т. е. разомъ) въ нихъ храмины (т. е. церкви): Шумцевъ, Дерденъ (?), Брыковъ-градъ, *Аннов-градъ*" и др. О. Трипольскій спѣшитъ пояснить послѣднее имя: „нынѣ м. Аннополь, Острожскаго у." Увы, напрасная поспѣшность! Лучше бы ему, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ, раскрыть II томъ „Историко-статистич. Описанія церквей и приходовъ Вол. епархіи", и тамъ, на 681 стр., они узнали бы, что м. Аннополь издавна было селомъ и называлось *Глинники*, а въ 1761 г. князь Антоній Яблоновскій, женатый на княжнѣ *Аннѣ* Сангушко, исходатайствовалъ королевскую грамоту на преобразованіе его въ мѣстечко съ переименованіемъ въ честь сіятельной супруги въ *Аннополь*.—Точно такъ же подъ 1278 годомъ лѣтопись разсказываетъ, какъ „въ семъ року татаринъ разгроми безъ слѣдія" (безъ слѣда) Овруцкіе монастыри и въ числѣ ихъ „монастыръ *Ксаверовъ*." Невѣжественному лѣтописцу, очевидно, не извѣстно, что существующее въ Овруцкомъ у. мѣст. *Ксаверовъ* основано „на сыромъ корени" лишь въ 1634 г. ксендзомъ-іезуитомъ Игнатіемъ Ельцемъ для созданной имъ іезуитской коллегіи и названо такъ въ честь іезуитскаго патрона св. Ксаверія. Вотъ какъ новые волынскіе лѣтописцы и

Библиотека "Руниверс"

ихъ ученые коментаторы плохо знаютъ исторію своей родной страны!

Столь же худо вѣдаютъ они и ея историческую топографію. Подъ 1399 годомъ въ лѣтописи повѣтствуется, будто «въ семъ року Жити-мирно (т. е. Житомиръ), градъ велицый и славимій, іако *першій князія Волыніа* (т. е. главный городъ княжества Волынскаго), разгроми татаринъ безъ слѣдія». Конечно, кто же не знаетъ того, что Житимирно (въ которомъ, вѣроятно, проживаетъ и самъ лѣтописецъ) есть нынѣ «першій градъ губернія Волынія»; но такъ ли это было и въ то время, когда существовало «князіе Волыніе»? Увы, какъ на зло невѣжественному лѣтописцу, г. Житомиръ никогда не входилъ ни въ составъ древняго Волынскаго княжества, ни въ составъ позднѣйшаго Волынскаго воеводства, а принадлежалъ въ древности княжеству Кіевскому, а потомъ былъ повѣтовымъ городомъ Кіевскаго воеводства, и только въ концѣ прошлаго вѣка, при учрежденіи въ югозападномъ краѣ губерній, отошолъ къ Волынской губ. То же относится и ко всѣмъ поселеніямъ нынѣшнаго Житомирскаго, Овруцкаго и восточныхъ частей Новоградволынскаго и Ровенскаго уѣздовъ, упоминаемымъ въ лѣтописи въ качествѣ волынскихъ поселеній.

Въ заключеніе предложимъ читателю забавныя свѣдѣнія изъ лѣтописи о фабричной и заводской промышленности, якобы насажденной монастырями на Волыни въ XIII—XIV вѣкахъ. Тамъ были „заводи майданія" (смологонные), „будовли дѣлати кухли" (гончарные), „будовли толкучіе сукнія" (сукновальни) и „ткація" (ткацкія фабрики), „заводи дѣлати свѣци" (свѣчные), а въ 1382 году въ Почадѣвѣ были „выбудованіи заводи дѣлати *бумаги*". Можетъ быть, это черезчуръ рано. Хотя первая писчебумажная фабрика въ Европѣ заведена была (въ Разенсбургѣ) въ 1290 г., но если принять во вниманіе, что въ Бельгіи и Голландіи подобныя фабрики возникли только во второй половинѣ XVII ст. (почти одновременно съ московскими), а въ нѣкоторыхъ странахъ лишь въ началѣ XVIII в., то существованіе въ Почадѣвѣ бумажной фабрики въ 1382 г. становится

Библиотека "Руниверс"

черевчуръ смѣлымъ измышленіемъ волынскаго патріотизма. Впрочемъ, лѣтопись именуетъ тамъ еще болѣе диковинныя производства: въ 1399 г. въ „Краснополіи градѣ“ были будто-бы „заводи дроги кристала“ (хрустальные?), въ „Грицовѣ градѣ“ какіе-то „борщарія“ (?), а „въ градѣ Соколевѣ заводи желѣзія, крешталія и *дурія*“ (sic). Что это было за странное производство—этого не берется истолковать даже ученый коментаторъ Почадѣвской лѣтописи, о. протоіерей Трипольскій.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія Почадѣвской лѣтописи, но извлекли изъ нея все существенное, характерное представили въ многочисленныхъ выдержкахъ образцы языка и изложенія, и думаемъ, что послѣ всего этого нашъ приговоръ о ней, какъ о грубомъ, невѣжественномъ фальсификатѣ, не можетъ возбудить въ читателяхъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Отказываемся угадывать тѣ недостойныя побужденія, какими могъ руководствоваться ея составитель, но должны отдать ему должную справедливость, что онъ какъ-бы сознательно принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы его грубая поддѣлка никого не ввела въ обманъ. Конечно, сколько-нибудь искусная поддѣлка древняго памятника—дѣло не легкое, требующее большого таланта и огромной эрудиціи; но нашъ фальсификаторъ упрямо пренебрегъ самыми элементарными въ этомъ дѣлѣ техническими требованіями. Вѣдь, если онъ задумалъ поддѣлать волынскую лѣтопись XIII—XV вв., то ему прежде всего нужно было подражать языку и изложенію Ипатской лѣтописи и придерживаться хотя-бы элементарнаго руководства по русской исторіи, чтобы избѣжать анахронизмовъ и другихъ грубыхъ промаховъ. Но почадѣвскій лѣтописецъ какъ-бы намѣренно старается, чтобы его рѣчь не имѣла никакого сходства съ подлинною древнерусскою рѣчью, видимо напрягаетъ свой умъ надъ придумываніемъ нарочито уродливыхъ словъ и выраженій, не имѣющихъ аналогіи ни въ одномъ изъ періодовъ старинной волынской письменности, и словно по заказу нагромождаетъ одну нелѣ-

Библиотека "Руниверс"

пость на другую. Однако-жъ, несмотря на все это, нашелся почтенный, образованный, даже ученый человѣкъ, впавшій въ такое непостижимое ослѣпленіе, что съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, взялся за изданіе и коментированіе этого невѣжественнаго фальсификата и своимъ именемъ какъ-бы санкціонировалъ его въ глазахъ простодушныхъ читателей „Вол. Епарх. Вѣдомостей". Но какъ же рѣшилась принять эту вопіющую ложь на страницы своего изданія почтенная редакція названнаго органа, продолжающая и понынѣ печатать ее подъ заманчивымъ названіемъ „документовъ(?), относящихся къ древней исторіи православнаго Почаевскаго монастыря на Волыни"? Неужели и въ ея глазахъ это серьезный, „документальный" памятникъ древности? Но почему же она не сочла приличнымъ хотя бы одинъ разъ сослаться на этотъ памятникъ въ рядѣ статей, ею напечатанныхъ, по случаю праздновавшагося осенью прошлаго 1897 года трехсотлѣтняго юбилея Почаевскаго монастыря? Къ тому времени значительная часть Почадѣвской псевдо-лѣтописи уже была издана, и мы съ живѣйшимъ интересомъ и опасеніемъ прислушивались къ рѣчамъ и адресамъ, во множествѣ читаннымъ на юбилейномъ торжествѣ,—не будутъ ли пущены въ оборотъ данныя, извлеченныя изъ новоявленной лѣтописи. Но, къ чести волынскаго духовенства и другихъ участниковъ торжества, мы можемъ съ отраднымъ успокоеніемъ констатировать тотъ фактъ, что о Почадѣвской лѣтописи тамъ не было и упоминанія: ясно, что эта грубая поддѣлка не пріобрѣла ни въ комъ довѣрія. Видимо, не вѣритъ ей и сама редакція „Вол. Епарх. Вѣдомостей", чтб очевидно хотя бы изъ слѣдующаго факта. Въ послѣднихъ номерахъ этого журнала помѣщенъ историческій очеркъ Тригорскаго монастыря, о которомъ Почадѣвская лѣтопись предлагаетъ цѣлый коробъ занимательнѣйшихъ подробностей якобы изъ исторіи XIII—XIV ст. И что же! въ названномъ очеркѣ эти свѣдѣнія совершенно игнорируются, и исторія монастыря ведется, согласно съ документальными данными, всего лишь съ 1613 года.

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же продолжается печатаніе этой грубой поддѣлки, которой, видимо, стыдится сама редакція

Библиотека "Руниверс"

органа, ее издающаго? Кому и для чего нужно вносить смуту въ умы простодушныхъ людей, среди которыхъ и безъ того господствуютъ весьма сбивчивыя понятія объ исторіи ихъ родного края? Неужели кто-либо мнитъ этимъ бездарнымъ фальсификатомъ сугубо доказать исконное господство православія на Волыни? Но оно имѣетъ за себя такую массу неопровержимыхъ свидѣтельствъ, что никакой фальсификатъ, хотя-бы самый талантливый, не прибавитъ къ нимъ ничего, а скорѣе убавитъ, ибо всякій подлогъ, употребленный какъ доказательство, можетъ дискредитировать самое безспорное положеніе. Или, можетъ быть, думаютъ, будто чтеніе Почадѣвской лѣтописи можетъ въ комъ-либо питать или укрѣплять религіозное чувство? Эту мысль какъ-будто имѣлъ въ виду и составитель лѣтописи, наводнившій ее безчисленными сказаніями о чудесахъ и знаменіяхъ, явленныхъ будто-бы въ XIII—XV вв. „чудотворнымъ икономъ Пресвятой Дѣвы Маріи на горѣ Почa-Дѣва“. Но что это за икона? Конечно, это не нынѣшняя чудотворная Почаевская икона Б. Матери, принесеніе которой изъ Греціи на Волынь, по единодушному свидѣтельству всѣхъ ея историковъ, совершилось лишь въ 1559 году, а какая-то другая, неизвѣстно откуда взявшаяся и куда дѣвавшаяся, т. е. такой же миѳъ, какъ и все содержаніе Почадѣвской лѣтописи. Тогда какую же религіозно-воспитательную цѣну могутъ имѣть завѣдомо вымышленныя сказанія о ея чудесахъ?

Въ знаменитомъ „Духовномъ Регламентѣ“, не потерявшемъ, сколько намъ извѣстно, и доселѣ руководственнаго значенія церковнаго закона, на стр. 23 и 136, опредѣлительно предписывается властямъ церковнымъ: „смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти, и таковыя повѣсти обличить и запрещенію предать, со объявленіемъ лжи во оныхъ обрѣтаемой; понеже таковымъ ложныхъ чудесъ употребленіемъ не точію какое-либо иное чинится безстрашіе, но и заповѣдь Божія (не пріемли имени Господа Бога твоего всуе) дерзостно разоряется: ибо въ тѣхъ вымышленныхъ чуде-

Библиотека "Руниверс"

сахъ Божіе воспоминается имя, которое тѣми, яко лжею, не прославляется, но яко всуе пріемлется, а на благочестіе происходитъ отъ инославныхъ порицаніе, чего ради такое законопреступное и благочестію вредительное дѣйство весма пресѣцать надлежитъ". А по указу императора Петра I, огласителямъ „для своего интересу или суетной ради славы" вымышленныхъ чудесъ положено было „наказаніе и вѣчная ссылка на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей".

Чувство человѣколюбія побуждаетъ насъ радоваться за почадѣвскаго лѣтописца, что онъ живетъ въ нашъ гуманный вѣкъ, а не въ суровую эпоху Петра Великаго.

Волынецъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ.

1855—1858.

Печатаемыя здѣсь письма писаны къ Василію Васильевичу Тарновскому-отцу, умершему въ 1866 году. Это былъ, по отзыву однихъ, „лучшій изъ гражданъ Малороссіи“, а по отзыву другихъ — „одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей“. Одинъ изъ ближайшихъ друзей В. В. Тарновскаго говоритъ о немъ, что, когда по семейнымъ обстоятельствамъ В. В. долженъ былъ оставить службу, чтобы заняться хозяйствомъ въ небольшомъ своемъ имѣніи, то ставъ въ непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ, „онъ вблизи увидѣлъ всю тягость, всю ненормальность крѣпостнаго права, которое съ тѣхъ поръ, сдѣлалось ему, въ полномъ смыслѣ слова ненавистнымъ *). Любимою мечтою В. В. Т-го стало освобожденіе крестьянъ и, какъ бы предчувствуя готовившуюся ему въ будущемъ дѣятельность, онъ часто говаривалъ: „если бы мнѣ дожить до того счастливаго времени, когда освобожденіе крестьянъ вызоветъ дѣятельность людей, преданныхъ этому дѣлу!

*) В. В. Т-ій, сначала очень небогатый помѣщикъ, впослѣдствіи получилъ милліонное послѣ дяди наслѣдство, но и послѣ этого остался прежнимъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ.

Библиотека "Руниверс"

я, можетъ быть, буду въ числѣ ихъ“ *). В. В. Т-ому удалось не только дожить до этого „счастливаго времени“, но и сдѣлаться однимъ изъ замѣтныхъ въ немъ дѣятелей. Слѣдуетъ надѣяться, что рано или поздно будетъ написана обстоятельная біографія этого „лучшаго изъ гражданъ Малороссіи“ и тамъ будутъ представлены подробности дѣятельности В. В. Т-го въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Тотъ-же ближайшій другъ В. В. Т-го, въ своемъ о немъ некрологѣ, говоритъ: „я помню, съ какимъ юношескимъ воодушевленіемъ онъ открылъ мнѣ, какъ близкому по родству и единомыслію, тайну первыхъ своихъ сношеній съ самымъ центромъ возникавшаго у насъ тогда движенія по этому вопросу и, потомъ, сообщилъ извѣстіе *о вызовѣ его къ дѣятельному содѣйствію реформѣ; какъ онъ поскакалъ за границу для личнаго свиданія съ главнѣйшими тогдашними подвижниками царской мысли;* какимъ счастливцемъ онъ возвратился оттуда, уже увѣренный, что реформа будетъ...“ Къ этимъ недоговореннымъ фразамъ мы можемъ дать нѣкоторое поясненіе на основаніи личнаго разсказа В. В. Т-го. Мы знали В-лія В-ча въ послѣдній годъ его жизни, когда въ 1865 году онъ поступилъ на службу въ новосозданное тогда земство—членомъ черниговской губернской земской управы. Преданность идеѣ, положенной въ основу земскихъ учрежденій, у В. В. была такъ велика, что онъ согласился даже на второстепенную должность въ губернскомъ земствѣ—члена управы, въ то время, когда общественное мнѣніе думало и желало видѣть его на первомъ здѣсь мѣстѣ... Прослужилъ В. В. въ земствѣ всего одинъ годъ и въ декабрѣ 1866 г. внезапно скончался. Главной причиною этой неожиданной смерти были тѣ немалыя волненія, которыя пришлось ему испытывать вслѣдствіе разныхъ теченій, явившихся въ начальной дѣятельности губернскаго земскаго органа. Энергическій и прямой В. В. Т-ій не вынесъ тѣхъ дрязгъ, которыя мѣшали *дѣлу* и—погибъ... Вотъ въ это время

*) *Памяти Вас. Вас. Тарновскаго. М. Юзефовича. Кіевъ. 1867.* В. В. Т-ій былъ женатъ на сестрѣ М. В. Юзефовича.

Библиотека "Руниверс"

черниговской жизни В. В. Т-го намъ и приходилось слушать его разсказы о разныхъ эпизодахъ изъ его дѣятельности въ крестьянскомъ вопросѣ. Разсказывалъ онъ намъ между прочимъ и о томъ эпизодѣ, какъ онъ приглашенъ былъ вел. княгинею Еленою Павловною заграницу, въ какой то незначительный германскій городъ, гдѣ, сопровождая вел. княгиню въ ея прогулкахъ, онъ бесѣдовалъ съ нею о разныхъ начинаніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, которыя потомъ мало-по-малу и осуществились...

Настоящія письма Кулиша переданы въ редакцію В. В. Тарновскимъ-сыномъ, извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины. Къ сожалѣнію, редакція лишена возможности напечатать всѣ эти письма разомъ, вслѣдствіе чего часть ихъ должна въ печати явиться позже... А. Л.

1.

О Василій Васильевичъ!

Если-бы Вы вовсе не были добродѣтельны, то я Васъ таковымъ сдѣлаю. И первою Вашею добродѣтелью да будетъ терпѣніе. Опять жалуется исторіографъ на несносную боль и на опухоль ноги. Пришлите или привезите завтра доктора, да не лишится Малороссія одного изъ своихъ изслѣдователей!

Женѣ моей гораздо лучше и я надѣюсь, что она скоро будетъ въ состояніи бесѣдовать съ Вами.

Скажите Эмиліи Васильевнѣ, что Александра Михайловна давно знаетъ ее по слухамъ и считаетъ своею знакомою, то есть *какъ-бы* знакомою. Сегодня она меня обрадовала, сказавши, что когда оправится совершенно, то первый выѣздъ ея будетъ къ Эмиліи Васильевнѣ. Я знаю, что Ваши должны быть расположены ко мнѣ, и потому передаю это извѣстіе съ такимъ чувствомъ, которое всего лучше поймутъ женщины.

Вашъ П. Кулишъ.

1855, дек. 14 *).

*) Изъ Кіева, какъ и слѣдующія два.

Библиотека "Руниверс"

Не безпокойтесь, Василій Васильевичъ, привозить къ намъ доктора: Николаю Михайловичу сдѣлалось лучше. Мнѣ досадно, что я не знаю, гдѣ грань между эгоизмомъ и великодушіемъ. Отъ этого я часто страдаю. Мнѣ не слѣдовало бы обращать на малодушно жалующагося мальчика никакого вниманія, а я тотъ-часъ вообразилъ себѣ антоновъ огонь и готовъ былъ поднять на ноги всѣхъ своихъ друзей. Все это отъ боязни быть эгоистомъ, равнодушнымъ къ положенію ближняго. И такъ вѣчно. Если Вы не будете сегодня цѣлый день озабочены, то заѣзжайте ко мнѣ и побесѣдуйте немножко со мною. Я очень нуждаюсь въ дружеской бесѣдѣ. Потомъ свезите меня къ Дебальмену. Со мной такіе происходятъ ужасы, что я могу заболѣть или сойти съ ума.

Вашъ П. К.

1855, дек. 15.

Вѣроятно, у Васъ есть не протекающая ванна. Будьте такъ добры, пришлите ее намъ на нѣкоторое время, если можно сейчасъ.

Женѣ моей все хуже. Мерингъ обѣщалъ быть и вечеромъ.

П. К.

2.

1856, января 1.

Прекрасный другъ мой

Василій Васильевичъ!

Пріятно было-бы мнѣ сидѣть подлѣ Васъ (это мѣсто оставьте на всегда за мною) посреди друзей Вашихъ, за имянинным Вашимъ обѣдомъ; Вы должны знать, какъ это было-бы мнѣ пріятно. Но знаете ли, почему я лишаю себя и Васъ этого удовольствія? Иной сгорѣлъ бы отъ стыда, дѣлая въ томъ признаніе, а я съ гордостью скажу, что у меня всего на-все одна только пара платья, именно сюртучная. Я рѣшился не шить себѣ не только фрака до послѣдней необходимости, но и другого сюртука не сошью до тѣхъ поръ, пока этотъ не изно-

Библиотека "Руниверс"

сится и не поступить въ должность домашняго. Въ сюртукѣ я не могу явиться въ общество людей фраконосныхъ, не желая показаться ни гордецомъ, ни неучтивымъ. Я знаю, что въ Вашихъ глазахъ я не былъ-бы ни тѣмъ, ни другимъ, но я уважаю и гостей Вашихъ, со всѣми ихъ предразсудками.

Посылаю Вамъ имянинный подарокъ—рукопись романа, о которомъ я Вамъ говорилъ третьяго дня. Если Вамъ захочется прочитать ее, то имѣйте въ виду, что это писано было затворникомъ, не видавшимъ года три ровно никого, кромѣ своей жены и еще одного семейства, составлявшаго, въ послѣдній годъ тульской ссылки, отраду нашей жизни. Я-бы ни за что не согласился теперь напечатать этого романа и читать не хочу никому, кромѣ собственно Вашей особы. Но идея этого романа—моя задушевная мечта, и, можетъ быть, я найду формы для ея художественнаго выраженія. Мнѣ нужно такъ-же подкрѣпить себя изученіемъ людей и ихъ разнообразнаго домашняго быта. Тогда это выйдетъ совсѣмъ иначе. Я напишу вновь романъ на туже самую тему, удержавъ изъ этой рукописи только кое-что въ неизмѣнномъ видѣ. Рукопись же эта пускай хранится у Васъ памятникомъ того времени, когда мнѣ всего труднѣе было бороться съ жизнью за свое человѣческое достоинство. Какъ ни маловажна она въ художественномъ отношеніи, но это трофей, вынесенный мною изъ самой опасной битвы.

Пани моя поздравляетъ Васъ съ днемъ ангела и желаетъ Вамъ счастья въ дѣтяхъ Вашихъ.

Обнимаю Васъ отъ всей души.

Поблагодарите Надежду Васильевну за рецепты.

Во время Вашего торжества, я буду работать изо всѣхъ силъ надъ вторымъ томомъ *). Это должно Васъ утѣшить. Я буду трудиться во имя Вашего ангела.

Еще: Старикъ Аксаковъ проситъ прислать ему русскую Черную Раду немедленно. Я говорилъ съ нимъ давно объ этомъ и для того приготовленъ чистый экземпляръ, кот. теперь нах. у

*) Записокъ о Южной Руси.

Библиотека "Руниверс"

Мих. Влад. **) Усерднѣйше прошу Васъ взять его и завтра-же отправить въ Москву по слѣдующему адресу: *Константину Сергѣевичу Аксакову, въ Москву, въ Денежномъ переулкѣ, у Покрова, въ Левшинѣ, въ домѣ Пфеллера.* Они гуртомъ проведутъ рукопись къ Государю, и русская Черная Рада, будучи напечатана *въ Русской Бесѣдѣ* (журналъ Хомякова и другихъ), проложитъ вѣрный путь малороссійской. Повредить же она не можетъ. Вѣдь это не переводъ, а какъ-бы самостоятельное произведеніе.

Вашъ П. Кулишъ.

Предъявитель сего, Н. М. Бѣлозерскій, имѣлъ отъ меня порученіе попросить у Васъ Этнограф. Записки; но какъ онъ могъ не застать Васъ дома, то прошу Васъ прислать сію рукопись къ Гр. П. Галагану, гдѣ я сегодня буду обѣдать, а послѣ обѣда читать. Не осуждайте въ душѣ Н. М-ча за нескорое посѣщеніе Васъ. Онъ въ тотъ день не дозвонился, а потомъ не могъ быть у Васъ до сегодня по глупымъ, но уважительнымъ причинамъ.

А вѣдь воспоминанія Аксакова—прелесть! это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благодарнаго. Это такъ-же параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительнѣе всякихъ диссертацій. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только я читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю! но слезы, мѣшавшія мнѣ читать его воспоминанія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія. Я очень доволенъ, что разошелся съ Вами хоть въ чемъ нибудь.

Вашъ П. Кулишъ.

---

*) Юзефовича.

Библиотека "Руниверс"

3.

26 февраля, 1856. Москва.

Да возвеселится сердце Ваше, мой безцѣнный другъ Василій Васильевичъ: „Этнографическія Записки“ *) пропущены. Высылайте деньги въ Петербургъ на имя *Матвѣя Терентьевича Симонова, служащаго въ Государственномъ Контролѣ*, а сколько—это рѣшите сами. Я думаю, что надобно издать книгу съ рисунками пѣвцовъ и баевъ и четырмя хромолитографированными типами парубка и дивчины, дида и бабы, съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсень. Это проведетъ книгу къ панамъ, которые не купятъ ее для одного чтенія, и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нѣчто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердитъ ихъ въ этомъ мнѣніи. Собственно за панами я не гонюсь: они почти всѣ глупы, какъ дѣти, но они предводительствуютъ модою, а мода на хорошее принесетъ обществу пользу. По вычисленію Аксаковыхъ, надобно затратить на такое изданіе 1000 цѣлковыхъ, которую и прошу Васъ выслать.

„Русская Бесѣда“ позволена, но неизвѣстно, будутъ-ли пропущены статьи, которыми издатели непремѣнно хотятъ начать журналъ свой. „Русскій Вѣстникъ“ имѣетъ уже до 3000 подписчиковъ, но издатели приходятъ въ отчаяніе отъ своей неурядицы. Сегодня я только еще первый день въ Москвѣ и потому мало съ кѣмъ видѣлся (и Вашего сына не успѣлъ еще отыскать). Сомнѣваются въ Москвѣ, чтобы на слѣдующій годъ подписчики „Русскаго Вѣстника“ не уменьшились. Москвичи не довольны ни его критикою, ни учеными статьями, ни повѣстями, тѣмъ болѣе, что все это раздроблено на крошечныя статейки.

Прочитайте во 2 № „Современника“ пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать! И между тѣмъ положительнаго облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то

*) Т. е. „Записки о Южной Руси“.

Библиотека "Руниверс"

ободрилась, да и всѣ шуматъ, точно нерусскіе. На юбилеѣ Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ. Сегодня Кокоревъ на обѣдѣ, данномъ купцами севастопольскимъ героямъ, говорилъ о томъ, что горе спасительно для русскаго человѣка, что самъ народъ говоритъ въ пѣснѣ: „Выноси ты меня, мое горе“! что отъ горя и крѣпкой кручины русской человѣкъ переходитъ къ непоколебимой энергіи, и наконецъ предложилъ тостъ *за русское горе*! Собраніе обезумѣло отъ энтузіазма, а офицеры черноморскаго флота разбили объ полъ свои бокалы. Дошли до того, что одинъ ораторъ хотѣлъ произнести рѣчь о сословіяхъ, неучаствующихъ въ общественныхъ праздникахъ, и предложить тостъ за соединеніе крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и дворянъ въ одинъ великій русскій народъ; но Хомяковъ, боясь, чтобъ эта рѣчь не имѣла вреднаго вліянія на разрѣшеніе славянофильскихъ статей для Русской Бесѣды, удержалъ оратора. Общественное мнѣніе дѣлаетъ въ Москвѣ успѣхи. Громко говорятъ противъ чиновныхъ низостей; пишутъ исполненныя благороднаго негодованія письма; противъ мира возстаютъ всѣ сословія, даже и купцы. Здѣшній извощикъ и ремесленникъ слѣдитъ за политическими вѣстями съ трепетомъ патріота и выражаетъ свое сужденіе въ харчевняхъ и на рынкахъ, какъ у себя дома. Москва была и есть сердце Россіи; нельзя не восхищаться ею и вчужѣ. Но всего не пересказать. Я же при томъ чувствую усталость послѣ дороги и очень озабоченъ разными разностями. Обнимаю Васъ; низко кланяюсь Вашимъ дамамъ и прошу ихъ... впрочемъ онѣ и сами это сдѣлаютъ, если только съумѣютъ.

Весь Вашъ П. К.

Библиотека "Руниверс"

4.

Марта 7. СПб.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Видѣлъ я Вашего возлюбленнаго сына у доктора Шеффера, но, какъ онъ былъ окруженъ студентами, нестудентами, дѣвицами и дѣтьми, то я могу Вамъ сказать о немъ только то, что онъ очень блѣденъ и не по лѣтамъ солиденъ...

Что Вамъ сказать о Москвѣ? Москва даетъ обѣдъ за обѣдомъ героямъ нынѣшней войны, и отъ излишняго стремленія къ національности не можетъ усидѣть на мѣстѣ и заняться дѣломъ. Отъ этого въ ней два журнала, въ которыхъ нечего печатать. Неурядица Русскаго Вѣстника ничего не значитъ, въ сравненіи съ неурядицей Русской Бесѣды. Сегодня говорятъ мнѣ, что не станемъ издавать, если не разрѣшатъ такихъ-то статей, а завтра Кошелевъ, не спросясь другихъ, печатаетъ объявленіе, которое, вѣроятно, Вы уже получили. Волею судебъ, и я очутился въ сей честной компаніи добродушныхъ крикуновъ, будучи молчаливѣйшимъ изъ грамотѣевъ. Я далъ имъ повѣсть и обѣщалъ напечатать у нихъ переводъ Черной Рады, если будетъ изданъ подлинникъ. А вѣдь есть надежда, что онъ будетъ изданъ! О Москвѣ не распространяюсь, потому что у Васъ теперь передъ глазами Чижовъ, который, по всей вѣроятности, будетъ редакторомъ Русской Бесѣды, по неспособности нынѣшнихъ собесѣдниковъ. Онъ Вамъ разскажетъ обо всемъ лучше, нежели я съумѣю написать. Въ Петербургѣ же я ни съ кѣмъ не видался еще и весь занятъ типографскими дѣлами. Когда все налажу, удосужусь и осмотрюсь кругомъ, то вѣроятно увижу что-нибудь и для Васъ интересное. Здѣсь рѣшительно не знаютъ, миръ или война. Государь собирается осматривать Финляндію, что полагаютъ вѣрнымъ признакомъ войны, т. е. если онъ поѣдетъ въ сію Гиперборейскую страну. Народъ чиновный и всякой иной сдѣлался теперь здѣсь большимъ резонеромъ и не затрудняется ни о чемъ разсуждать публично. Государь пользуется большою популярностью и отъ него чаютъ всего хорошаго. Надъ Клейнмихелемъ производится слѣдствіе, по которому за нимъ чис-

Библиотека "Руниверс"

лится 19000000 р. сер. Поговариваютъ, что Плетневъ будетъ здѣсь попечителемъ, а Мусинъ-Пушкинъ *) низвергнется во адъ, сирѣчь удалится во мракъ частной жизни, которая для него будетъ истиннымъ адомъ.—Поклоны и благодарности Вашимъ дамамъ.

Весь Вашъ П. Кулишъ.

(*Съ боку приписка*).

Если мнѣ дадутъ право общей цензуры, то я не уѣду отсюда, не напечатавши Черной Рады по малороссійски. Да и во всякомъ случаѣ загаюсь до 1-го іюня. Очень жалѣю, что не взялъ съ собой А—ы М—ны. Теперь ей надобно дожидаться открытія ходьбы мальпостовъ. Обнимаю Васъ.

А вѣдь Этнографич. Записки до сихъ поръ не подписаны цензоромъ, хотя онъ говорилъ и говоритъ, что пропускаетъ ихъ. На дняхъ я долженъ получить ихъ отъ Аксакова, который имѣетъ на цензора большое вліяніе. Въ запискахъ о жизни Гоголя цензоръ не зачеркнулъ почти ни слова! Теперь-то самое время для печатанія Черной Рады, которое пожалуй опять измѣнится.

5.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Съ этой почтой посылаю Вамъ страховымъ письмомъ статью мою: „О духовномъ соединеніи Южной Руси съ Сѣверною. Предисловіе къ Черной Радѣ". Прочитайте ее сперва въ семействѣ, а потомъ на вечерѣ у себя, у Галагана или Юзефовича, не обращая вниманіе на то, какіе тутъ случатся люди и будутъ ли, или нѣтъ у нихъ стриженные волосы. Потомъ не полѣнитесь сообщить мнѣ, безъ всякой утайки, что будутъ говорить о ней ученые мужи и простые смертные. Если-бы даже всѣ сказали въ одинъ голосъ, что это вздоръ, то такъ прямо и напишите мнѣ, прибавивъ и свое собственное мнѣніе, каково-бы оно

*) П. А. Плетневъ тогдашній ректоръ С.-Петербургскаго университета, а М. Н. Мусинъ-Пушкинъ — попечитель.

Библиотека "Руниверс"

ни было. Частныя замѣчанія такъ же нужны мнѣ. Еще не знаю, скоро ли будетъ, и будетъ ли, напечатана эта статья, но она можетъ быть во многомъ исправлена, сообразно сужденіямъ кіевскаго ареопага. Кіевскіе отзывы для меня, въ этомъ случаѣ, всего важнѣе, ибо здѣсь вся раздробленная литературная дѣятельность Южной Руси приведена къ сознанію и указанъ ей путь, по которому она должна идти отнынѣ. Если моя статья не окажется чепухою, то сперва будетъ напечатана въ „Русской Бесѣдѣ", въ видѣ объявленія объ изданіи подлинника „Черной Рады", а потомъ—при самой „Черной Радѣ", въ видѣ предисловія.

Желающимъ списать сію прозву—со стороны автора не возбраняется. Но сперва пошлите для прочтенія моей паніи, а еще лучше—еслибъ сами къ ней заѣхали да и прочитали. А она Вамъ сообщитъ разные мелочи изъ повседневной моей жизни.

Обнимаю Васъ и Вашего земляка Васю крѣпко.

Отъ всей души вашъ П. Кулишъ.

1856, марта 27. С.-Петербургъ.

NB. Вручите пожалуйста изъ моихъ денегъ 50 р. сер. Александрѣ Михайловнѣ.

Хотя я и писалъ, что, не напечатавши Черной Рады, не уѣду съ сѣвера. но, еслибы и разрушились всѣ препятствія къ печати, то цензоръ Крузе, единственный человѣкъ, которому можно ввѣрить это сочиненіе, такъ заваленъ работами, что только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ могъ бы прочитать Черную Раду. При томъ же мнѣ жаль Александры Михайловны, которая скучаетъ въ Кіевѣ. Я буду къ 23 апрѣля, а Черной Радѣ не будетъ поздно выдти и осенью.

P. S. Когда ужъ это письмо было готово къ отправкѣ, получено отъ Васъ 1000 р. сер. У меня въ рукахъ еще только объявленіе, и потому не отвѣчаю на письмо, которое, вѣроятно, сопровождаетъ ассигнаціи. Зѣло доброе дѣло Вы дѣлаете, помогая мнѣ трудиться. Есть у меня предчувствіе, что мы съ Вами

Библиотека "Руниверс"

оставимъ по себѣ хорошую память. Рано или поздно, а скажутъ намъ спасибо!

6.

30 марта, 1856. С.-Петербургъ.

Вы совершенно правы, мой прекрасный другъ Василій Васильевичъ, что высокая цѣна книги помѣшала бы ея распространенію. Но я напечатаю половину на веленевой бумагѣ, съ картинками, для столицъ и богатыхъ людей, а половину на самой простой и безъ картинокъ для Малороссіи и людей небогатыхъ. Тѣ и другіе экземпляры пустимъ въ продажу разомъ и посмотримъ, которые пойдутъ быстрѣе. Этотъ опытъ послужитъ намъ въ пользу и на будущее время. Книга во всякомъ случаѣ окупится и, еслибы не было никакой прибыли, то здѣсь рискую я, а не Вы. Впрочемъ я знаю, что Вы хлопочете о моей выгодѣ, а не о чемъ другомъ. *Де наше не пропадало?* утѣшительный, истинно малороссійскій девизъ!...

А вотъ на счетъ войны Вы, мнѣ кажется, не совсѣмъ правы, и Ваши сарказмы хороши только въ относительномъ смыслѣ. Много добра сдѣлала Россіи нынѣшняя война. Это говорятъ не одни тѣ, „которые никогда не видѣли, какъ ломаются кости и бьются черепы“. Что касается до „тѣхъ, которые упоенные философскими, политическими и парнасскими фантазіями, никогда (будто бы) не видѣли, какъ страдаютъ бѣдные мужики вслѣдствіе войны“, то многіе изъ этихъ людей, потерявъ одного сына, посылали на его мѣсто другого, а нѣкоторые единственно потому не стали въ ряды воиновъ, что мѣсто ихъ въ обществѣ не-боевыхъ гражданъ, ни кѣмъ не могло бы быть замѣнено. Какъ практическій дѣятель въ улучшеніи благосостоянія мужиковъ, Вы должны желать мира: Вамъ естественно хочется исполнить великодушные свои планы. Но это Васъ не уполномачиваетъ осуждать тѣхъ, которые уважаютъ силу вещей и выражаютъ свой восторгъ, что человѣчество двинулось впередъ замѣтнымъ образомъ. Имъ такъ-же, какъ и Вамъ, естественно желать, что-

Библиотека "Руниверс"

бы продлился тотъ процессъ движенія, лучше котораго міръ покамѣстъ не выдумалъ. Еслибы задача очеловѣченья Россіи могла быть рѣшена инымъ путемъ, напримѣръ, постояннымъ миромъ, который бы способствовалъ къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія мужиковъ, то сила вещей привела бы насъ къ нему, не смотря на всѣ возгласы тѣхъ, которыхъ Вы такъ рѣшительно осудили. Но Вы испытали, мимо философскихъ, политическихъ и парнасскихъ фантазій, кого обогащалъ 30-лѣтній миръ! Пожалуй, еслибы всѣ помѣщики заботились такъ о своихъ крестьянахъ, какъ Вы и Галаганъ! Но посмотрите вокругъ себя: не былъ ли миръ гарантіею вѣчной, повседневной войны хищнаго племени, живущаго чужими трудами? Теперь по крайней мѣрѣ заговорило все благородное въ Россіи, какъ бы устроить благосостояніе наибольшаго числа людей въ государствѣ, а до войны много ли умовъ занималось этимъ вопросомъ? О Василій Васильевичъ! дѣлайте свое дѣло и предоставьте другимъ, столь-же благороднымъ существамъ, дѣлать свое, а вышнія судьбы, которыя не даютъ извѣстись человѣчеству, уравномѣрятъ всѣ слишкомъ пылкія стремленія противодѣйствіемъ другихъ силъ, и человѣчество никогда не потеряетъ благородства своей природы. Не даромъ оно волнуется и страдаетъ. Видно иначе ему существовать невозможно.

Весь Вашъ П. К.

7.

Спѣшу сообщить Вамъ, безцѣнный другъ Василій Васильевичъ, пріятную для Васъ новость: мнѣ, наконецъ разрѣшено, печатать мои сочиненія по разсмотрѣніи оныхъ въ „обыкновенной цензурѣ“. Это даетъ мнѣ надежду воротиться въ Малороссію съ хорошимъ гостинцемъ. Сегодня же посылаю въ Москву „Черную Раду“ и надѣюсь, что Аксаковы упросятъ цензора бросить для нея все. Этнографическія Записки пропущены безъ малѣйшей помарки, такъ что я самъ ужъ кое-что зачеркнулъ изъ благоразумной умѣренности и осторожности.

Библиотека "Руниверс"

Недавно въ здѣшнемъ университетѣ одинъ ботаникъ держалъ экзаменъ на доктора. Когда объявленъ былъ ему искомый санъ, раздался единодушный громъ рукоплесканій. Это случилось впервые отъ основанія университета. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ не выразилъ ни неудовольствія, ни смущенія.

Объ освобожденіи крестьянъ начинаютъ говорить первые сановники въ государствѣ. Мало того: собираютъ вокругъ себя молодыхъ людей, предполагаемыхъ преемниковъ своихъ въ управленіи Россіею, читаютъ имъ свои проэкты и просятъ письменныхъ возраженій и замѣчаній. Еще замѣчательнѣе, что они обращаются съ подобными предложеніями къ молодымъ людямъ, которыхъ сами называютъ, по образу мыслей, демократами. Остановка только за тѣмъ, что не знаютъ, какъ поступить въ столь важномъ и опасномъ предпріятіи, но необходимость его признается самыми строгими консерваторами.

„Записки о жизни Гоголя", покойнаго *Николая М.**) кончены: два тома убористой печати, заключающіе въ себѣ 650 страницъ. Когда будетъ полученъ билетъ отъ цензора на выпускъ книги изъ типографіи, тотъ-часъ пришлю Вамъ экземпляръ. А съ Этнографическими Записками много еще будетъ возни. Вѣроятно, моя пани уже выѣхала изъ Кіева. Благодарю Васъ и все Ваше семейство за дружеское къ ней вниманіе.

Весь Вашъ П. Кулишъ.

1856. апрѣля 6. С.-Петербургъ.

---

8. (II)

Потрудитесь, безцѣнный другъ Василій Васильевичъ, передать мою просьбу благому юношѣ, чтобы онъ выслалъ мнѣ изъ принадлежащаго ему альбома лирника Погорѣлаго и разскащика Ивана Бурдула, на имя Николая Яковлевича Макарова

---

*) Подъ именемъ *Николая М**. разумѣлся недавно умершій Николай Яковл. Макаровъ. Почему онъ называется покойнымъ—не извѣстно; мож. б., потому что въ этотъ моментъ Кулишъ могъ уже печаться подъ своимъ именемъ.

Библиотека "Руниверс"

(близъ Почтамта, въ домѣ Лонгинова). Они возвратятся ему въ цѣлости.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, іюня 4. 1-я Стрѣлецкая Колонія.

9.

1856, сент. 28. Москва.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Цензора наши находятся въ осадномъ положеніи: ихъ бомбандируютъ столоначальники и разные чиновники министерства погашенія талантовъ, отъ имени министра и его достойнаго товарища. Тѣ человѣческія мысли, которыя Вы читаете иногда въ Русскомъ Вѣстникѣ, суть смѣлыя вылазки осажденныхъ. Но они едва держатся на своихъ мѣстахъ. Поэтому и *Черная Рада* до сихъ поръ не пропущена: фонъ Крузе не смѣетъ пропустить ее. Надобно дождаться перемѣны нѣсколькихъ лицъ, пугающихъ правительство Малороссіею; тогда только *Черная Рада* можетъ быть напечатана безопасно для цензора и для автора. Много прекрасныхъ вещей теперь не пропускается; два цензора, у которыхъ я былъ, въ совершенномъ унынiи: боятся, чтобъ дѣла не пришли въ старый порядокъ. Прошлое царствованіе образовало такую массу безчувственныхъ формалистовъ, что усилія изъ сколькихъ разумныхъ дѣятелей производятъ едва замѣтное вліяніе на дѣла правленія. Его преемникъ найдетъ готовую машину, которую перестроить онъ не съумѣетъ, а сломать не сможетъ. Отъ этого и поставленіе прекрасныхъ людей на высшія мѣста остается безплоднымъ. Напримѣръ, оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода сдѣланъ графъ А-ръ Петр. Толстой. Самъ по себѣ, онъ готовъ бы сдѣлать для Русской церкви, но его задавятъ кипами бумагъ и собьютъ съ толку наслѣдственно обрабатываемыми плутнями. Московскіе умные люди въ унынiи, и то, что я Вамъ пишу, есть повтореніе ихъ словъ. У меня тоже заболѣло сердце за нашу Малороссію. Что за бѣдная страна! Она могла бы быть покрыта

Библиотека "Руниверс"

розами, а ростутъ въ ней одни репейники. Какъ обновить изъ упадка ея нравственныя силы, когда не позволяютъ существовать ни одному писателю? Шевченко погибаетъ по прежнему въ ссылкѣ; я долженъ бросить великія предпріятія, пріостановить свои ни съ кѣмъ нераздѣляемыя изученія и сдѣлаться журнальнымъ поденщикомъ... — — —

Впрочемъ посмотримъ, кто сильнѣе: цензура или духъ человѣческій. Грустно, а все таки увѣренность въ своемъ [illegible] не поколеблена. Будемъ трудиться, какъ мученики первыхъ вѣковъ христіанства... Благодарю всѣхъ Васъ за нѣсколько пріятныхъ часовъ, проведенныхъ между Вами: никогда ихъ не забуду!

10.

Вотъ я и въ Петербургѣ. Что же тутъ хорошаго?—Хорошаго то, что въ царскомъ семействѣ сильно хлопочутъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Пишутъ и говорятъ объ этомъ всѣ, кому охота. Есть слухъ, что намѣрены составить комитетъ изъ помѣщиковъ для рѣшительнаго окончанія этого важного вопроса. Для этого лучшихъ, по общественному мнѣнію, людей пригласятъ въ Петербургъ. Комитетъ будетъ состоять подъ покровительствомъ Государя и подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ государственнаго совѣта. Это порадовало мою бѣдную душу. Пріятно было такъ-же мнѣ узнать, что Ростовцевъ палъ съ высоты своего могущества. Говорятъ, его мѣсто предложено уже Игнатьеву, при которомъ служитъ нашъ Василій Михайловичъ. Пироговъ назначенъ одесскимъ попечителемъ. Статья его въ Морскомъ Сборникѣ (№ 9) *Вопросы жизни* произвела здѣсь фуроръ. Цензура въ Петербургѣ смѣлѣе, потому что ее поддерживаетъ царская фамилія, которая, какъ видно, желаетъ стоять впереди либеральнаго движенія. А либеральное движеніе дѣлаетъ успѣхи неимовѣрные. Въ присутственныхъ мѣстахъ разглагольствуютъ такъ свободно, какъ у себя дома. А все таки Шевченко не освобожденъ, и я даже не знаю почему. Но вотъ я сдѣлаю два—три визита и обо всемъ распрошу. До сихъ

Библиотека "Руниверс"

поръ я еще не выходилъ изъ квартиры. Ко мнѣ пришли пріятели и нанесли новостей, которыя и Вамъ сообщаю.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

Въ Прилуку отправлена изъ Петербурга посылка, которая пришла сюда на мое имя. Макаровъ думалъ, что это для меня шинель изъ Кіева, и не посмотрѣвши даже, что именно такое отправилъ къ Вамъ. Но то была вовсе не шинель, ибо шинели не заблагоразсудитъ мой пріятель Сенчило для меня сдѣлать и выслать. Можетъ быть, это какія нибудь книги или рукописи. Потщитесь забрать справки, раскупорьте и, буде вещь окажется того достойною, пришлите въ Петербургъ, чѣмъ истинно меня обяжете.

Прошу такъ-же переслать мнѣ всѣ письма, которыя получатся на Ваше имя для передачи мнѣ.

4 окт. 1858 С.-Петербургъ.

11.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Посланы Вамъ, на имя Каменецкаго, Записки о Южной Руси. Въ ящикъ вложены экземпляры и для нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ пріятно было для меня выразить этимъ подаркомъ, что я цѣню ихъ заслуги въ наукѣ и дорожу ихъ знакомствомъ, хотя очень мало имъ воспользовался во время моего пребыванія въ Кіевѣ. Я разумѣю Журавскаго, Бунге, Шульгина и Павлова. Что касается до *десяти* экземпляровъ, о которыхъ Вы упоминали, то это дѣло Ваше, а не мое. Вы можете потребовать отъ Каменецкаго сколько Вамъ нужно, что и на будущее время пускай разумѣется. Посылать по почтѣ крайне не выгодно: приходится платить треть стоимости книги, и потому я всѣ экземпляры послалъ черезъ транспортную контору. Но экземпляръ проповѣдей Вы получите черезъ почту, равно какъ и всякой другой, совершенно новой для Васъ книги. Къ первому тому картинки не приложены по скудности моей

Библиотека "Руниверс"

казны, которая обратилась на покупку бумаги для проповѣдей, которыхъ печатается 2400 экземпляровъ, и для второго тома Записокъ, которыя тоже печатаются въ числѣ 2400 экз.

О *Черной Радѣ* идетъ дѣло съ главнымъ правленіемъ цензуры. Очень обнадеживаютъ. Земляки, прочитавши ее, пришли въ неописанный восторгъ, т. е. тѣ земляки, которые прикосновенны къ сему правленію; а предисловіе повторяютъ тирадами наизусть. Не давайте Вашего списка никому: въ немъ многое сказано не такъ, какъ слѣдуетъ.

Послалъ я въ Московскую цензуру книгу подъ заглавіемъ: Повѣсть о *Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Написалъ для дѣтей старшаго возраста* П. Кулишъ. Съ Харьковомъ списываюсь объ Квиткѣ и о прочемъ. Проповѣди пишу, оставивши рѣшительно Гречулевича и даже Иннокентія. Вы увидите проповѣди, обращенныя къ такой паствѣ, въ которой могутъ быть паны и гетманы. Теперь помышляю о новомъ трудѣ для народа: о переводѣ Евангелія, сведеннаго по порядку событій, съ приличными замѣчаніями. Цензоръ говоритъ, что это можно сдѣлать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю первой тетради Вашей книги. Пишите, ради Бога, не оставляйте меня одного на невоздѣланной степи!

Дамамъ Вашимъ отъ меня и отъ моей жены усерднѣйшіе поклоны.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856 окт. 24 Спб.

12.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Что день, то новыя событія съ Черною Радою. Послѣднія двѣ недѣли я почти каждый день бывалъ у кого нибудь изъ цензоровъ и цензурныхъ чиновниковъ, или у сильныхъ земли, каковы князь Вяземскій, князь Щербатовъ, графъ Толстой, князь Оболенскій, то съ визитомъ, то съ запискою, то съ просьбою, то съ жалобою, то съ косвеннымъ внушеніемъ; а тутъ

Библиотека "Руниверс"

разразилась въ цензурномъ мірѣ одна и другая буря, и все это какъ будто для того, чтобъ не дать явиться на свѣтъ моему бѣдному произведенію. Возсталъ противъ провинціальныхъ очеркахъ Салтыкова графъ Панинъ, и былъ уничтоженъ рѣшеніемъ Государя: „читалъ съ удовольствіемъ". Возсталъ противъ стихотвореній Некрасова князь Долгорукій и чуть не низвергъ Современника и цензора Бекетова съ высоты ихъ величія. Въ эту бурю я долженъ былъ безъ устали направлять свой парусъ, сообразно съ дующими въ него вѣтрами. Наконецъ въ пользу Черной Рады образовалась сильная партія и рѣшилась пасть или побѣдить. Чуть-ли не дойдетъ дѣло и до высокаго порога; но, кажется,—безъ того обойдется. А между тѣмъ денегъ у меня нѣтъ. Записки о Южной Руси идутъ покамѣстъ очень туго. Второй томъ печатается въ долгъ, и, если не получу отъ Васъ подкрѣпленія, то буду въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Теперь уже безъ сорома казка: пришлите мнѣ денегъ, да не оскудѣетъ крѣпость моя.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, ноября 20. С.-Петербургъ.

13.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Да не смущается сердце Ваше: *Черная Рада* пропущена, и въ то время, когда Вы будете читать эти строки, станки Якобсона будутъ дѣйствовать со всевозможною для нихъ поспѣшностью. Я образовалъ здѣсь малороссійскую типографію, изъ которой сперва наборщики бѣжали, говоря, что набирать эту тарабарщину—все равно, что набирать по гречески, но теперь такъ искусились, что, послѣ второй корректуры, можно подписывать: *печатать*.

Посылаю Вамъ нѣсколько экземпляровъ проповѣдей, пока придутъ ящики съ ними. Читайте первую проповѣдь и тотчасъ переходите къ 100-й страницѣ, т. е. къ тѣмъ проповѣдямъ, которыя писаны мною по возвращеніи изъ Малороссіи. Въ нихъ

Библиотека "Руниверс"

выразилась вся душа моя. Напишите мнѣ, которыя проповѣди Вамъ больше понравятся, и что будутъ говорить міряне.

Всего больше обязанъ я оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода за Черную Раду. Онъ не усумнился поручиться своею репутаціею за чистоту моихъ намѣреній. Цензоромъ моимъ былъ Лажечниковъ, что для меня очень пріятно. Русскій романистъ подалъ руку малороссійскому! Обнимаю Васъ крѣпко. Наши усерднѣйшіе поклоны всему Вашему семейству. Благодарим за пакетъ съ письмами.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, ноября 26.

---

14. (23)

Ничего вѣрнаго не могу сказать Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, о мѣстѣ и времени нашего свиданія. Я жду съ каждой почтой извѣствій, которыя могутъ быть такого рода, что мнѣ надобно будетъ поспѣшить въ Петербургъ. У Каменецкаго умеръ жившій съ нимъ братъ; самъ Каменецкій очень расположенъ къ хандрѣ, и меня пугаетъ долгое его молчаніе—не на смертномъ ли онъ одрѣ. Недавно уѣхалъ отсюда Вас. Мих. Бѣлозерскій. Отъ него я ожидаю разрѣшенія этой задачи, а отъ Каменецкаго уже и ждать перестал.

Въ Черниговѣ совѣтую Вамъ освѣдомиться о нѣкоторомъ Горошковскомъ, собирателѣ малороссійскимъ рукописей и древностей. Мнѣ очень интересно познакомиться съ нимъ, и можетъ быть я успѣю еще, взявъ подорожную послѣ завтра, т. е. въ понедѣльникъ, захватить Васъ въ Черниговѣ. Такъ какъ Вы лицо очень важное и Ваша квартира будетъ всегда полна властями, съ которыми я не имѣю никакой охоты знакомиться, то позвольте ужъ не являться къ Вамъ, а только прислать Вамъ адресъ моей квартиры съ означеніемъ времени, въ которое я буду дома.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1858, іюля 4 Мотроновка.

Библиотека "Руниверс"

15. (24)

Почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ!

Не вникнувъ въ смыслъ Вашей борзенской записки, которая гласитъ, что Вы *тотчасъ* уѣзжаете въ Черниговъ, я написалъ Вамъ коротенькій отвѣтъ, въ которомъ выразилъ намѣреніе побывать въ одно время съ Вами въ Черниговѣ для знакомства съ новооткрытымъ малороссійскимъ антикваріемъ Горошковскимъ. Но на другой день получилъ изъ Петербурга извѣстія о гоненіи, воздвигнутымъ Васильчиковымъ на Грамматку, и о другихъ обстоятельствахъ, что заставило меня немедленно выѣхать въ Петербургъ. Доѣхавъ однакожъ до Батурина, я воротился вспять. Мнѣ жаль стало оставлять болѣющую почти постоянно жену мою изза литературнаго геройства. Кромѣ того, у меня было на ходу одно изъ тѣхъ двухъ сочиненій, о которыхъ еще неясную мысль я высказалъ Вамъ во время послѣдняго свиданія нашего въ Кіевѣ. Что изъ него выйдетъ, я еще не знаю, но, можетъ быть, оно стóитъ того, что бы махнуть на все остальное рукою. Итакъ, я предоставилъ свои дѣла нѣсколькимъ пріятелямъ, на преданность которыхъ могу вполнѣ положиться, а самъ остаюсь въ Малороссіи на неопредѣленное время. Въ Качановку пріѣхать я покамѣсть не могу потому, что долженъ бы былъ пріѣхать одинъ. Принимая же Ваше обѣщаніе даже въ буквальномъ смыслѣ, не могу вызывать Васъ въ борзенскія окрестности, ибо занятъ сборами къ переѣзду въ небольшой, принадлежащій мнѣ, хуторъ за Лубнами, а сборы эти сопряжены съ разъѣздами за покупкою и изготовленіемъ разнаго рода вещей, о которыхъ вы, хозяева большой руки, никогда и не вспомните. Когда же переѣду въ свой хуторъ, то опять не могу ни къ Вамъ ѣхать, ни Васъ пригласить къ себѣ, такъ какъ два года мы тамъ не были и намъ трудно на первый разъ устроиться такимъ-образомъ, чтобы гость нашъ, его люди и кони, не терпѣли ни въ чемъ недостатка. Домъ нашъ тамъ—простая мазанка, а скоро ли устрою себѣ сколько нибудь удобное жилище, не могу сказать. Итакъ, намъ суждено не видѣться еще долго. Впрочемъ я думаю, что у Васъ къ этому

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ болѣе важныхъ побужденій, кромѣ дружескаго желанія провести вмѣстѣ нѣсколько часовъ. На это взаимное для насъ удовольствіе я могу разсчитывать только къ зимѣ. Тогда мы переѣдемъ на нѣкоторое время въ Борзенскій уѣздъ, откуда я могу сдѣлать экскурсію въ Качановку. Можетъ быть, къ тому времени и литературная моя работа подвинется до такой степени, что ее не совѣстно будетъ показать Вамъ и вашему милому семейному кружку. Я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось занять Васъ въ зимніе вечера нѣсколькими часами свѣжаго, оживляющаго чтенія. А Вашимъ судомъ я очень дорожу. У Васъ большое знаніе жизни и изящный вкусъ, чего въ совокупности и въ столицѣ не встрѣтишь. До свиданья же! Передайте наши усерднѣйшіе поклоны Вашимъ домашнимъ. Если бы Вамъ пришла особенная охота писать, что я знаю, какъ для васъ трудно, то адресуйте на мое имя въ Лубны.

Вашъ всею душою П. Кулишъ.

1858, Іюля 7. Мотроновка.

16.

Лубны 1858, августа 25.

Въ хуторѣ Мотроновкѣ оставался я до 22 августа, не желая прервать работу, которая шла хорошо. Одробившись трохи, я могъ бы завернуть къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, однакожъ не завернулъ, и вотъ тому причины: во-первыхъ, въ Лубнахъ ожидали меня письма, на которыя надобно было дать отвѣты; во-вторыхъ, у Васъ теперь наступаетъ хлопотливое время по сахарному производству; въ третьихъ, еще не готово у меня то, что я желаю Вамъ прочесть. Ѣду въ свой хуторокъ, а оттуда въ Полтаву и къ матери Гоголя, а оттуда въ Екатеринославскую губернію, къ нѣкоторому ученому мужу, у него-же систематически собрана обширная библіотека *). На возвратномъ же пути всенепремѣннѣйше

*) Н. Д. Милеко.

Библиотека "Руниверс"

буду въ Качановкѣ. Чтеніе мое о Малороссіи будетъ на русскомъ языкѣ, и когда Вы его выслушаете и возьмете во вниманіе разныя обстоятельства, то скажете: дда!...

Всѣмъ Вашимъ усерднѣйшій поклонъ.

Всею душою преданный П. Кулишъ.

Два адреса: до половины сентября на имя Маріи Ив. Гоголь, въ Полтаву, а съ половины сентября—на имя Николая Дм. Мизко, въ Новомосковскъ, Екатеринославской губерніи.

17.

Почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ!

Настоящій періодъ моей жизни есть періодъ самыхъ странныхъ обо мнѣ толковъ, которыхъ отголоски, отъ времени до времени, касаются и моего слуха. Никто лучше меня не знаетъ, что эти толки и самые нелѣпѣйшіе изъ нихъ—очень естественны при тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ свѣту неправильная, сама на себя непохожая жизнь моя; но тѣмъ не менѣе мнѣ больно видѣть имя мое игралищемъ людей, непроникающихъ глубже кажущагося. Что же сказать, если къ числу такихъ людей начинаютъ присоединяться и тѣ, которымъ, кажется, дано разумѣть тайны видимыхъ явленій? Это я говорю о Васъ. Зачѣмъ Вы гдѣ-то выразили какое-то неудовольствіе на меня? Вамъ-бы слѣдовало больше, нежели кому либо, щадить меня, потому что Вы больше нежели кто-либо дали мнѣ вѣры и засвидѣтельствовали это не одними словами. Что жъ Вы такъ рано усомнились въ чистотѣ моихъ душевныхъ движеній? Еще мы живемъ; еще будущаго передъ нами много. Обождите по крайней мѣрѣ конца настоящаго акта нашей драмы, и тогда выражайте свое неудовольствіе. Я на все сдѣланное мною до сихъ поръ смотрю только какъ на начало чего-то. Обѣщаетъ ли оно достойное продолженіе или нѣтъ,—не мое дѣло объ этомъ судить; но за чистоту своихъ стремленій я могу сказать слово, обращаясь къ такому другу, какъ Вы,—и это слово бу-

Библиотека "Руниверс"

детъ: обождите, не торопитесь выражать Ваше неудовольствіе, дайте горячимъ моимъ порицателямъ унестись впередъ. Вы непроиграете, оставшись позади. Я уже не прошу у людей помощи, никакого содѣйствія, никакого заступничества. Я имѣю друзей, но и у нихъ прошу одного—терпѣнія. Сила воли, разумѣется, великое дѣло, а увѣренность въ себѣ еще большее; но тяжело идти къ своей цѣли, вдвойнѣ тяжело подъ градомъ бросаемыхъ впопадъ и невпопадъ порицаній. Вотъ почему я умоляю Васъ: сохраните хоть Вы ненарушимое обо мнѣ молчаніе. Вы будете еще имѣть время и никогда не лишитесь права высказывать свои неудовольствія,—но тогда Ваше слово будетъ непогрѣшительно. Изъ всѣхъ людей, которымъ угодно было сблизиться со мной въ послѣднее время, Вы—лицо исключительное. Какъ же не больно мнѣ видѣть Васъ въ сонмѣ людей, только казавшихся друзьями? Если Вы мною недовольны, то пишите ко мнѣ и упрекайте меня подружески, имѣя на то право любви и преданности, или говорите мнѣ въ глаза самыя рѣзкія вещи, когда я буду у Васъ. Можетъ быть Ваше открытое слово принесетъ мнѣ пользу. Но рѣчь, на которую нельзя отвѣчать, причиняетъ человѣку одинъ вредъ, лишая его душевнаго спокойствія.

Теперь я гощу у матери Гоголя; отсюда хочу проѣхать въ Екатеринославъ, а оттуда черезъ свой хуторокъ—въ Качановку. Если-бы Вамъ нужно было меня о чемъ нибудь извѣстить (напримѣръ, что Васъ не будетъ дома), то прошу адресовать въ Лубны, на мое имя.

Всею душою преданный П. Кулишъ.

1858, сент. 13. Васильевка.

18.

Трудно мнѣ разсказать Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, почему я не былъ у Васъ. Вы не должны требовать отъ меня подробной автобіографіи для объясненія Вашего вполнѣ законнаго недоумѣнія. Довольно сказать Вамъ,

Библиотека "Руниверс"

что у меня было въ головѣ очень важное дѣло, требовавшее совѣщаній и переговоровъ съ Вами, а именно—*журналъ* съ малороссійскимъ направленіемъ,—и при всемъ томъ я не былъ у Васъ! Да, я предпринимаю журналъ, подъ заглавіемъ „Хата“, который будетъ выходить книжками въ 20 печатныхъ листовъ въ январѣ, февралѣ, мартѣ,—октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Цѣна 6 р. Теперь я занятъ хлопотами о позволеніи напечатать программу. Это будетъ журналъ словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства для малороссіянъ. Произведеніямъ на малороссійскомъ языкѣ дается здѣсь почетное мѣсто, но ученыя статьи (а также и большія повѣсти) будутъ печататься на языкѣ общерусскомъ.

Шесть книжекъ—первый опытъ, послѣ котораго можно будетъ издавать и 12. Возлагаю на Васъ великую надежду по части хозяйственныхъ и ученыхъ статей, мѣстныхъ замѣтокъ объ обществѣ, сужденій о крестьянскомъ вопросѣ и пр. и пр. Теперь для Вашего зоркаго ума открылось широкое поприще и протяните же съ него намъ дружескую руку.

Сегодня выпускаю въ свѣтъ Повісті Квітки. Малороссійскаго моего предисловія не пропустила цензура. Можно-бы похлопотать, но теперь мнѣ не слѣдуетъ высовываться съ какою бы то ни было смѣлою статьею. Итакъ, Вы получите экземпляръ безъ предисловія.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашего отвѣта.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1858, октября 18. С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(*По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

(*Продолженіе* [1]).

II. Мазепа гетманъ.

Переходимъ къ центральной части книги г. Уманца, къ главѣ „*Быть или не быть*“. Въ ней сосредоточена главная задача автора—„выдѣлить свѣтлыя точки политической и частной жизни Мазепы“.

Разсуждая о будущей измѣнѣ Мазепы, г. Уманецъ говоритъ, что „еще Хмельницкій понималъ, что для государственной самостоятельности въ Малороссіи нѣтъ базиса, могъ ли чрезъ тридцать лѣтъ не понимать этого Мазепа? Имѣя, въ случаѣ измѣны, для себя только участь Брюховецкаго, для Малороссіи только новую „Руину“, могъ ли по убѣжденію не быть „вѣрнымъ“ Мазепа? Такимъ образомъ не только личный разсчетъ гетмана, но и польза Малороссіи требовала отъ него тѣснаго союза съ Москвой... Итакъ, скептицизмъ и самосохраненіе обезпечивали Москвѣ вѣрность гетмана. Прогрессивное движеніе, охватившее всѣ среды московской жизни, давало этому тяготѣнію къ Москвѣ болѣе широкое основаніе...„Затѣмъ, разсказавъ, какъ „въ исторіи Малороссіи и ея гетмана было введено новое лицо—семнадцатилѣтній Петръ“, г. Уманецъ говоритъ, что „въ Малороссіи видѣли, какъ послѣ утренней зари правленія Софьи и Федора, въ лицѣ Петра надъ Москвой взошло яркое солнце прогресса. Здѣсь поняли, что въ Москвѣ—привык-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 3.

Библиотека "Руниверс"

шей давать камень, когда Малороссія просила хлѣба—неожиданно явился идеальный царь... Въ свою очередь Мазепа въ высшей степени раздѣляетъ общее настроеніе»... Разсказывая послѣ этого исторію Петрика, г. Уманецъ полагаетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ настоящемъ случаѣ подозрѣвать участіе Мазепы въ измѣнѣ... Возстаніе Петрика, въ извѣстномъ смыслѣ, было пробнымъ камнемъ для Мазепы. Надо отдать ему справедливость—изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа не держалъ въ умѣ мысли, объ отдѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполнѣ стоитъ за Петра и его политику... Большинство упрекаетъ Мазепу въ измѣнѣ родному краю. Но онъ слишкомъ хорошо знаетъ Малороссію, чтобы вѣрить въ „рѣчь посполитую Украинскую“, и слишкомъ практикъ, *чтобы не замѣтить, какъ поднимая Москву на степень цивилизованнаго государства, Петръ тѣмъ же движеніемъ поднимаетъ Малороссію*... Вотъ почему отъ представленія Петру въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, до той минуты въ жизни, *которую намъ остается еще угадать*, Мазепа болѣе поклонникъ Петра, болѣе входитъ въ его планы и рѣшительнѣй идетъ на встрѣчу его желаніямъ, чѣмъ всѣ родные царя, всѣ московскіе бояре... *Теперь мы понимаемъ, почему въ первые годы гетманства между строкъ оффиціальной переписки, въ подкладкѣ всѣхъ распоряженій Мазепы, какъ правителя края, видна искра расположенія не только къ дѣлу Петра, но и къ самому Петру. Въ лицѣ Петра Мазепа предвидитъ будущее Россіи. И юноша Петръ покорилъ стараго Мазепу*“... За этою тирадою, въ которой больше сказано, чѣмъ то позволяютъ историческіе матеріалы, слѣдуютъ страницы, на которыхъ г. Уманецъ старается „угадать минуту“, когда старый Мазепа задумалъ измѣну... Искру ея г. Уманецъ ищетъ вблизи московскихъ событій, наступившихъ послѣ возвращенія Петра изъ за-границы, около 1698—99 года (стр. 162). Первую мысль объ измѣнѣ г. Уманецъ старается уловить въ приписываемой Мазепѣ „думѣ“ („Вси покою щире прагнутъ“), а затѣмъ останавливается надъ тѣмъ, какъ Мазепа принялъ, въ мартѣ 1701 г., послѣ нарвскаго пораженія, дьяка Михайлова, посланнаго къ

Библиотека "Руниверс"

гетману Петромъ В. за совѣтомъ. При этомъ Мазепа особенно торжественно благодарилъ царя („кланялся до земли трижды"), что „изволилъ такими государскими велики дѣлами его увѣдомить"... Это утрированная благодарность и эти земные поклоны такъ неестественны!... Зная, что Мазепа ничего не дѣлаетъ наобумъ, приходитъ на мысль: „это не спроста"; Мазепа кому то заблаговременно „отводитъ глаза"... Намъ кажется, что основанную на этомъ случаѣ догадку слѣдовало бы подкрѣпить указаніемъ на другіе случаи противнаго характера... Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тягостей, вызванныхъ шведской войною... Пораженія и неудачи развили энергію Петра. Козаковъ тотчасъ потребовали на сѣверъ. Идутъ полки за полками. На смѣну однихъ, являются другіе. Какъ и прежде, козакъ содержится на свой счетъ; но теперь онъ идетъ на край свѣта, въ незнакомую страну, по дѣлу совершенно чуждому мѣстнымъ интересамъ. Теперь онъ не видитъ ни конца войны, ни пользы отъ этой войны... Гетманъ начинаетъ жаловаться на тѣ или на другія обиды малороссіянъ.—Является „странное отношеніе Петра къ Польшѣ и его несправедливости къ Малороссіи". Вдругъ Петра одолѣваетъ фантазія: цѣною Малороссіи купить содѣйствіе поляковъ въ борьбѣ съ Швеціей... Мысль оставить полякамъ правый берегъ Днѣпра, въ разныхъ видахъ, не покидаетъ Петра до самой Полтавской побѣды... „Упорно пріобрѣтая на сѣверѣ, Петръ отдаетъ коренныя русскія земли на югѣ... Положимъ, уступка праваго берега Днѣпра полякамъ дѣлалась не серьезно... Въ своей малороссійской политикѣ, какъ и во многомъ другомъ, Петръ слѣдуетъ узкимъ традиціямъ Москвы. Опасенія усилить малороссійскій элементъ въ Московскомъ государствѣ играетъ здѣсь главную роль... Пока Петръ заискиваетъ у поляковъ на счетъ Малороссіи, гетманъ является болѣе русскимъ, чѣмъ сама Москва. Его занимаетъ грандіозный планъ возвратить Малороссіи правый берегъ, т. е. на три четверти вѣка ранѣе исправить ошибку Андрусовскаго договора*).

*) Какъ далекъ былъ Петръ В. отъ мысли отдать правый берегъ Польшѣ— это указываетъ его письмо къ Мазепѣ, писанное 20 сентября 1707 г. и найденное недавно Н. В. Молчановскимъ въ шведск. госуд. архивѣ въ Стокгольмѣ. Вотъ сокращеніе этого письма. „Не могу уступить Украины полякамъ по тремъ причинамъ:

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ хуже для Мазепы. Тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ ошибку московской политики и несчастіе племени, къ которому принадлежалъ и края, въ которомъ провелъ молодость... Мазепа, конечно, понималъ, что человѣкъ уничтожившій патріаршество, не могъ рано или поздно, не уничтожить гетманство. Остановка только за удобной минутой, когда это можно будетъ сдѣлать не опасаясь народнаго раздраженія"... Является на сцену Меншиковъ и слѣдуютъ отъ него гетману обиды, одна за другою (стр. 195—197). Въ тоже время, ближайшая къ гетману старшина твердитъ ему: „яко мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига ляцкого свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ зоставишъ". Наконецъ, разсказывается эпизодъ, происшедшій лѣтомъ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, когда Меншиковъ будто бы сказалъ послѣднему: „пора приниматься за враговъ", разумѣя подъ ними старшину.

Въ такомъ видѣ нарисовалъ г. Уманецъ картину постепеннаго развитія у Мазепы идеи объ измѣнѣ. Засимъ перечисляются „измѣнники", т. е. сторонники Мазепинаго замысла; тутъ видимъ почти всю высшую старшину (стр. 212), къ сожалѣнію безъ какихъ либо хотя черточекъ ихъ индивидуальности... Этотъ списокъ указываетъ, что вопросъ объ измѣнѣ является какъ-бы общимъ, но Мазепа, повидимому, дѣйствуетъ одинъ:—„спуститеся на мою совѣсть и на мой подлый разумишко, на которомъ вы не ошибаетесь," говоритъ Мазепа старшинѣ и—дѣйствуетъ... Дѣйствія эти даютъ г. Уманцу полное основаніе сказать: „Правда и ложь въ его рукахъ до того дѣлаются одинаково

1) если уступлю, то потеряю возможность сношеній съ вѣрнѣйшими друзьями, курьеровъ нельзя посылать, поляки народъ легкомысленный и непостоянный; 2) По окончаніи войны съ Швеціей, думаю воевать съ Турціей,—Украина мнѣ необходима для свободнаго движенія войскъ; 3) если уступлю Украину полякамъ, они мнѣ всячески будутъ вредить въ сношеніяхъ съ Турціей и Крымомъ.—Постарайся сплавить польскихъ пословъ, если представятъ мое письмо". (Получено отъ Н. В. Молчановскаго, которому и приносимъ здѣсь глубокую нашу благодарность).

Библиотека "Руниверс"

неузнаваемыми, что, наконецъ, дѣлается невозможнымъ отличить укрывательство отъ правды и даже теперь трудно разобрать, гдѣ кончается истина и гдѣ начинается маска, надѣтая имъ по собственному желанію или вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ. Отъ этого даже теперь многое, что надо толковать въ похвалу Мазепѣ, ставится ему въ укоръ" (стр. 234). При этомъ г. Уманецъ старается уяснить, напр., мотивъ Мазепиной непріязни къ Палѣю. Защищая Палѣя,—послѣ приказа Петра В. вызвать послѣдняго изъ Бѣлой Церкви и арестовать,—Мазепа могъ де „возбудить у Петра подозрѣніе въ потворствѣ идеѣ малороссійскаго обособленія..." Не лучше ли послушаться Петра и, отдѣлавшись отъ Палѣя, сохранить за собою всю арену и полную свободу" (стр. 238). Другой примѣръ мазепиной хитрости г. Уманецъ видитъ въ отношеніяхъ послѣдняго къ стародубскому полковнику Миклашевскому. „Еще въ 1703 г. Мазепа доносилъ царю о томъ, что Миклашевскій ведетъ тайную переписку съ злонамѣренными поляками. Миклашевскій былъ даже лишенъ полка"... Для объясненія этого факта г. Уманецъ ссылается на Костомарова, видѣвшаго въ Миклашевскомъ—можетъ быть, подобіе Выговскаго... Мазепа для спасенія идеи могъ не жалѣть „своихъ", говоритъ г. Уманецъ и продолжаетъ: „теперь въ поведеніи Мазепы, съ чувствомъ похожимъ на ужасъ, узнается человѣкъ, который съ психологической цѣлью, чтобы заглушить всѣ сомнѣнія въ душѣ Петра, не только покупалъ имѣнія въ Великороссіи, бранилъ свой народъ, сообщалъ царю и Головкину всѣ слухи о себѣ, безъ остатка, говорилъ правду и, какъ природный украинецъ, защищалъ Малороссію, но не остановился передъ притворствомъ и кощунствомъ фальшиваго причастія. Только теперь можно измѣрить всю глубину несчастія этого человѣка, всю бездну униженія этого таланта, который, по собственному желанію или въ силу рокового стеченія обстоятельствъ, задавшись невозможной, противной историческому теченію цѣлью, поставленъ въ необходимость прибѣгать къ такимъ средствамъ и расходоваться на эту достойную изумленія, но недостойную игру... Стынетъ кровь подъ гнетомъ этой строгой артистической игры, передъ холодно выдержанной

Библиотека "Руниверс"

ролью... Онъ ставитъ на карту все, даже свое человѣческое достоинство. Это великій актеръ, очаровывающій зрителя и оставляющій въ недоумѣніи потомство, но, вмѣстѣ, это хищный звѣрь, искусно путающій слѣдъ, чтобы сбить съ толку охотника... Это измѣна артистической отдѣлки... Спѣшимъ закрыть эту главу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ непривычный зритель спѣшитъ оставить анатомическій театръ и залу вивисекцій." Такъ заключаетъ г. Уманецъ главу—*Быть или не быть.*

Мы нарочно сдѣлали большія изъ нея выписки, чтобы показать—какъ выполнилъ г. Уманецъ свою задачу относительно „выдѣленія свѣтлыхъ точекъ политической жизни" Мазепы. (О частной жизни будетъ говорено дальше). Читатель видитъ, что нельзя сказать, чтобы положенныя г. Уманцемъ краски на Мазепу-политика были особенно свѣтлы... „Нѣтъ обмана, жестокости и преступленія, предъ которыми онъ остановится", рѣшившись на измѣну (стр. 242). Послѣ такой характеристики Мазепы, рождается вопросъ: кто же былъ Мазепа—авантюристъ или „патріотъ"? Вопросъ этотъ г. Уманецъ посильно рѣшаетъ въ главѣ—„*Шведская инкурсія*". Тамъ и мы скажемъ объ этомъ вопросѣ, а относительно главы „*Быть или не быть*" слѣдуетъ сказать, что едва ли авторъ ея угадалъ „ту минуту въ жизни Мазепы", въ которую послѣдній рѣшился на „измѣну". По крайней мѣрѣ, догадки его не убѣдительны... Быть можетъ, расположеніе къ „измѣнѣ" у Мазепы, какъ человѣка выросшаго среди правобережныхъ шляхетскихъ тенденцій, было, такъ сказать, въ крови у него... А поэтому—тѣмъ труднѣе историку угадать искомую „минуту". Затрудненіе это еще болѣе увеличивается отъ побочныхъ обстоятельствъ: война Петра В. съ Карломъ XII, слава послѣдняго и такіе успѣхи, послѣдняго какъ нарвское пораженіе,—являлись для Мазепы большимъ соблазномъ къ проявленію таившейся „измѣны"... Является сильное подозрѣніе, что надежда на благопріятный исходъ шведской войны для Карла—могла оказать сильный толчокъ въ области думъ и мечтаній Мазепы объ „измѣнѣ".

Библиотека "Руниверс"

Въ главѣ „*Крестьянское дѣло при Мазепѣ*“ [1]) послѣдній оцѣнивается какъ *правитель* въ „гражданской его дѣятельности“. Глава эта важна въ томъ отношеніи, что здѣсь авторъ долженъ намъ представить *дѣла* Мазепы въ фактахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, а характеръ этихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ, долженъ помочь для уясненія личности Мазепы.

Главу о „*крестьянскомъ дѣлѣ*“ г. Уманецъ начинаетъ очеркомъ соціальнаго положенія Малороссіи до 1687 года, при чемъ, прежде всего, дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе сословій. Желая уяснить отношенія „товарищества“ къ „посполь-ству“, т. е. козаковъ къ крестьянамъ, г. Уманецъ говоритъ, что при Хмельницкомъ „козаки и посполитые ежедневно мѣнялись ролями“, такъ какъ само „положеніе дѣла (нужда въ народномъ ополченіи) не позволило при немъ выдѣлить козачество изъ массы населенія“... Страницей ниже (244) самъ г. Уманецъ говоритъ о данныхъ Хмельницкимъ монастырямъ универсалахъ, въ которыхъ гетманъ обѣщаетъ не позволять монастырскимъ крестьянамъ переписываться въ козаки... Наконецъ, если существовали термины для обозначенія сословій („товарищество“ и „посполъство“), то значитъ, что не только существовали самыя эти группы сословій, но при этомъ группы эти были уже и обособлены [2]). Можно сказать только, что переходъ изъ одной группы въ другую, не былъ затрудненъ, но эта легкость перехода существовала во все продолженіе XVII в., и даже позже, такъ что время Хмельницкаго здѣсь особенно не выдѣлялось. На раннее обособленіе двухъ сельскихъ группъ указываетъ самъ г. Уманецъ, говоря о запрещеніяхъ перехода крестьянъ въ козаки. Здѣсь авторъ, между прочимъ, полагаетъ, что запрещеніе крестьянамъ переписываться въ козаки происходило не потому, что старшина не желала „дѣлить на мелкія части

[1]) Глава эта, по ошибкѣ, нами пропущена въ ихъ перечнѣ, сдѣланномъ въ началѣ „Замѣтокъ“.

[2]) Самъ народъ понималъ это обособленіе двухъ *юридическихъ* группъ; старожилы одного стародубскаго села въ 1729 г. говорили: „по изгнаніи ляховъ, якъ осѣли люде (въ этомъ селѣ), то можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ“. Опис. Ст. Малор., I, 381.

Библиотека "Руниверс"

кусокъ общественнаго пирога, падающій на долю козаковъ", а потому, что „лучшіе люди той эпохи старались удержать стремленіе массы мѣнять плугъ на мечъ" (стр. 253). Такимъ образомъ, г. Уманецъ какъ будто предполагаетъ, что крестьянинъ, переписавшись въ козаки, бросалъ плугъ, замѣняя его мечомъ... Но развѣ козакъ бросалъ плугъ? Развѣ онъ не былъ такимъ же *земледѣльцемъ*, какъ и крестьянинъ?—Старшина не могла бояться, что „поля останутся непаханными", но боялась, что принадлежавшей ей земли некому будетъ пахать... Преслѣдуя переходъ крестьянъ въ козаки въ своихъ маетностяхъ, старшина мало препятствовала такому переходу въ селахъ монастырскихъ и еще менѣе въ селахъ *ратушныхъ*. Московскій воевода естественно интересовался этимъ вопросомъ при Брюховецкомъ (стр. 253), потому что податью въ пользу государя облагалось одно поспольство. Впрочемъ, самъ-же авторъ опровергаетъ высказанное имъ мнѣніе. На стр. 255-й, онъ указываетъ на приказъ Многогрѣшнаго любецкому сотнику: „не привлащать любецкихъ мѣщанъ подъ региментъ", чтобы тѣмъ не причинить убытка черниговскому войту, которому гетманъ позволилъ владѣть любецкими мѣщанами. Отсюда видно, что не боязнь замѣны плуга мечемъ тутъ была причиною. Еще менѣе можно видѣть въ этомъ распоряженіи тенденцію Многогрѣшнаго—„поддержать обособленіе мѣщанъ, т. е. ремесленнаго, торговаго и рабочаго класса" (стр. 256) или—„создать въ мѣщанахъ противовѣсъ бурной, все забирающей въ свои руки демократіи козачества" (стр. 258). Распоряженіе Многогрѣшнаго объ отдачѣ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому войту обозначало, что гетманъ отдавалъ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату, котораго расходы на разныя общественныя нужды требовали средствъ; вотъ для пополненія ихъ черниговскій магистратъ и получилъ отъ Многогрѣшнаго право на послушенство любецкихъ мѣщанъ, т. е. на ихъ трудъ. Любецкіе мѣщане являлись здѣсь—тѣми же *крестьянами*. Никакой мысли объ „особленіи мѣщанъ" тутъ быть не могло, потому что до такихъ цѣлей гетманы XVII в. дорости не могли...

Библиотека "Руниверс"

А между тѣмъ г. Уманецъ идетъ далѣе и приписываетъ Многогрѣшному „учрежденіе настоящихъ сословій," прибавляя при этомъ, что учрежденіе это послѣдовало „прежде, чѣмъ естественный ходъ жизни выдвинулъ вопросъ о сословіяхъ"... Думается, что приведенный фактъ отдачи любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату не можетъ давать матеріала для такого широкаго заключенія... Притомъ же, Многогрѣшный ужъ никакъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ правителей, которые могли преслѣдовать тѣ или другія соціальныя цѣли... Всѣдъ за такимъ заключеніемъ о дѣятельности Многогрѣшнаго, г. Уманецъ говоритъ, что „первые гетманы старались только о томъ, чтобы не всѣ шли въ козаки. Они вовсе не хотѣли сдѣлать козаковъ панами и только думали, какъ удержать возможно бо́льшее количество населенія при производительныхъ занятіяхъ. Событія повели общество далѣе, чѣмъ гетманы желали. Козакъ именно становится паномъ. Не только козаки дѣлаются малочисленнымъ классомъ, но получаютъ значеніе привиллегированнаго сословія. Съ этого времени (послѣ Многогрѣшнаго) ясно выдѣляются два направленія: въ силу перваго, козаки получаютъ значеніе дворянскаго сословія, въ силу второго—посполитые все болѣе и болѣе приближаются къ будущему крѣпостному праву"... Тутъ авторъ несомнѣнно сильно упреждаетъ событія *)... Далѣе читаемъ: „Итакъ, къ началу 80-хъ годовъ XVII в., въ теоріи уже проводится рѣзкая грань между козаками и посполитыми: козаки освобождаются отъ послушенства, но обязываются личной военной службой на своемъ содержаніи" и т. д. (стр. 262). Да когда же козаки не были свободны отъ послушенства? Если мы возьмемъ и время Хмельницкаго, то и тогда уже званіе козака указываетъ на обязанность нести военную службу на своемъ содержаніи, при чемъ о какомъ либо послушенствѣ (т. е. о личномъ трудѣ въ пользу того или другого державца) не могло быть и рѣчи.

*) О томъ, какъ зарождалось въ Малороссіи „дворянское сословіе", можемъ сослаться на монографію г. Миллера — „О превращеніи старшинъ въ дворянство". (Кіевск. Стар. 1897 г.) и на наши „Замѣчанія" на эту работу. (Харьковъ. 1898).

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь же кстати замѣтимъ, что „Войско“ никогда не пользовалось тѣмъ „послушенствомъ“ (конечно, крестьянъ?), о которомъ говоритъ г. Уманецъ, указывая на водяныя мельницы (стр. 249). Указывая на послѣдствія, какъ на источникъ для заплаты жалованья охотницкимъ полкамъ, г. Уманецъ говоритъ: „случалось, что одно колесо или просто часть дохода съ мельницы принадлежала „Войску“, а другая составляла частную собственность“ и при этомъ приводитъ въ примѣръ универсалъ Брюховецкаго войск. товар. Годуну, которымъ гетманъ жалуетъ послѣднему „двѣ мѣрочки млиновыя, приподающія на насъ“, „т. е. въ войсковую казну“, добавляетъ г. Уманецъ. Но дѣло въ томъ, что вся эта мельница, цѣликомъ, принадлежала Годуну; но такъ какъ водяныя мельницы представляли собою вообще одинъ изъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба“ (войсковой казны), причемъ на „Войско“ шло двѣ трети ихъ мельницкаго барыша (двѣ мѣрочки изъ трехъ), то гетманы очень часто жаловали владѣльцевъ водяныхъ мельницъ *войсковою частью дохода.* Такъ было и въ даиномъ случаѣ. Брюховецкій жалуетъ в. тов. Годуну тѣ „двѣ мѣрочки“ изъ получаемаго хозяиномъ мельницы дохода, которыя передъ тѣмъ отбирались въ „скарбъ“. Слѣдовательно, мельницы, съ которыхъ собиралась часть помола въ пользу войсковаго скарба, *никогда во владѣніи „Войска“ не находились*, а принадлежали всецѣло тому или другому собственнику, который, какъ всецѣлый хозяинъ, заботился самъ и о ремонтѣ мельницы. Ни о какомъ участіи „Войска“ въ веденіи мельничнаго хозяйства и рѣчи не могло быть.

Переходя къ характеристикѣ управленія гетманщиною Мазепы, г. Уманецъ говоритъ о его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ вопросу объ „арендахъ“, какъ источникѣ пополненія „войскового скарба“, и наконецъ—о заботахъ Мазепы относительно церковно-строительства, которое, по мнѣнію автора, „имѣло столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе“. Очерку „гражданской дѣятельности“ Мазепы предшествуетъ нѣкоторая характеристика личныхъ отношеній новаго гетмана къ своимъ сотрудникамъ. „Съ из-

Библиотека "Руниверс"

браніемъ Мазепы — перемѣнилось обращеніе въ гетманскомъ дворцѣ. Солдатская грубость Многогрѣшнаго и мелкое высокомѣріе Самойловича замѣняется *внушительной обходительностью*. Мазепѣ ли не умѣть заискать? Пиры оглашаютъ батуринскій замокъ. Старикъ пускаетъ въ ходъ свое *обворожительное краснорѣчіе, умѣнье съ каждымъ говорить на его языкѣ*,—гдѣ надо затронуть личные интересы, корыстолюбіе или патріотизмъ"... „Мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о „грубости" Многогрѣшнаго и о „высокомѣріи" Самойловича, но о „внушительной обходительности" Мазепы, о „его обворожительномъ краснорѣчіи" развѣ слѣдуетъ лишь догадываться.... Впрочемъ, быть можетъ, для заключенія о Мазепиномъ краснорѣчіи автору служатъ письма гетмана къ Кочубеевнѣ, о „силѣ выраженія" въ которыхъ г. Уманецъ такого высокаго мнѣнія (стр. 231). Другихъ историческихъ данныхъ объ указанныхъ выше личныхъ качествахъ Мазепы—нѣтъ.

Обозрѣвая затѣмъ „гражданскую дѣятельность" Мазепы и не находя въ ней какихъ-нибудь замѣтныхъ *дѣлъ*, г. Уманецъ полагаетъ, что причина этого заключается въ томъ, что Мазепа „не могъ удѣлять много времени гражданскому устройству Малороссіи", *будучи занятъ походами*, такъ какъ онъ совершилъ въ первыя двѣнадцать лѣтъ своего гетманства—одинадцать лѣтнихъ и двѣнадцать зимнихъ походовъ, и имѣя во вторую его половину, благодаря шведской войнѣ, одинъ сплошной походъ" [1]). Не ужели же въ 23 года своего гетманства Мазепа занятъ былъ одними походами?—Несомнѣнно, что Мазепа имѣлъ много времени, чтобы „удѣлять часть его и на гражданское устройство Малороссіи", но повидимому, этотъ вопросъ его нисколько не заботилъ безъ внѣшнихъ воздѣйствій.

---

[1]) Здѣсь г. Уманецъ дѣлаетъ ссылку на донесеніе Мазепы въ Москву (1699 г.) о народномъ бѣдствіи вслѣдствіе голода, причемъ Мазепа указываетъ, что тяжкое положеніе народа увеличивается отъ военныхъ походовъ „отправующихся лѣто и зиму чрезъ кильконадцять лѣтъ...." (Костомар., Мазепа, 161) О *личной* тяготѣ Мазепѣ—тутъ нѣтъ ни слова.

Библиотека "Руниверс"

Ссылаясь на извѣстный универсалъ Мазепы 1691 г. (Кіев Стар., 1891, янв., 3), въ которомъ гетманъ приказывалъ державцамъ „власть свою при владѣніи маетностями выражать мѣрно, не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей", а также на предстательство Мазепы предъ Петромъ В. за посполитыхъ въ двухъ-трехъ случаяхъ, когда царь требовалъ ихъ на разныя военныя надобности, г. Уманецъ говоритъ, что „приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть въ защитѣ посполитыхъ Мазепой не случайность, *а систему*" (стр. 287). Кажется, что такое заключеніе сдѣлано поспѣшно, такъ какъ никакой системы у Мазепы по этому вопросу не видно. Думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что исторію именно этого универсала разсказываетъ самъ Мазепа въ своемъ донесеніи въ Москву, относящемся къ октябрю 1692 г. Изъ этого замѣчательнаго донесенія (Матер., Бант.-Кам., II, 5—7) видно, что Мазепа въ сентябрѣ 1692 года получилъ изъ Москвы указаніе на происходящія „межъ народомъ вопль и прекаканіе" по поводу арендъ и неправильной раздачи маетностей, причемъ добавлялось, что эти народныя жалобы даютъ поводъ и запорожцамъ „произносить голосы къ шатости склонные". Московское правительство поручило гетману „помыслить и посовѣтывать"—нельзя ли сдѣлать необходимыхъ облегченій. Въ отвѣтъ на это распоряженіе, Мазепа отвѣчалъ подробнымъ донесеніемъ о томъ, что дѣйствительно народъ жалуется на аренды, а запорожцы пишутъ къ нему объ отягощеніи народа — „что многіе села розданы разнымъ особамъ въ подданство"; „*предваряя* (пишетъ онъ далѣе), *чтобы отъ особъ, селами владѣющихъ, какъ старшинъ генеральныхъ, такъ и полковниковъ и товарищества войскового, люди посполитые, въ подданствѣ ихъ будучіе, отяченія и бременъ неудобь носимыхъ не терпѣли, розослали есмы давно наши универсалы во всѣ полки и городы, разголошая такой нашъ приказъ, дабы никто изъ тѣхъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и поборами вымышленными людей въ селахъ, собѣ данныхъ, обрѣтающихся, отягощати и ни малой въ земляхъ, поляхъ, лѣсахъ, сѣножатехъ и всякихъ угодьяхъ чинити имъ обиды*

Библиотека "Руниверс"

и насилія и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничего вновь и выше мѣры не налагая...."

Думаемъ, что изъ исторіи универсала 1691 года ясно видно, что онъ былъ результатомъ случайности (запорожскихъ „нареканій", которыя порождали въ народѣ „шатость"), но никакъ не системы.

Едва ли вѣрно заключеніе г. Уманца и о предполагаемой имъ попыткѣ Мазепы возстановить значеніе ранговыхъ имѣній. Указывая на трудность таковой попытки, г. Уманецъ говоритъ, что однакожъ Мазепою она была сдѣлана, причемъ приведенъ слѣдующій примѣръ. „Генеральный обозный Петръ Забѣла передалъ с. Клишки по завѣщанію одному изъ своихъ сыновей; Мазепа отдалъ Клишки другому и, не смотря на всѣ ходатайства, даже царскій указъ (т. е. грамоту), не возвратилъ. Послѣ паденія Мазепы многіе объясняли неутвержденіе распоряженія прежняго владѣльца взяткой, будто бы данной гетману. Но во 1-хъ, тогда все можно было говорить о Мазепѣ; во 2-хъ, если сохраненіе Клишекъ для „Войска" было злоупотребленіемъ, то чѣмъ объяснить всѣ распоряженія Мазепы въ видахъ сохраненія ранговыхъ имѣній? *Отобраніе Клишекъ неизбѣжно при желаніи спасти ихъ, какъ ранговое имѣніе (?), и противодѣйствовать безусловно незаконному дѣйствію покойнаго вліятельнаго чиновника*". Приводимый здѣсь случай, послужившій г. Уманцу основаніемъ для такого широкаго обобщенія, заимствованъ имъ изъ бумагъ, нами напечатанныхъ (Кіевск. Стар. 1883 г., іюль) и тѣмъ яснѣе для насъ, что дѣло было не такъ. Генер. обозный Петръ Забѣла получилъ по царской грамотѣ въ 1656 году пять селъ, въ томъ числѣ и Клишки (Опис. Стар. Малор., II, 136). Умирая, Забѣла распредѣлилъ свои маетности такъ: три села (въ томъ числѣ и Клишки) отдалъ младшему сыну Ивану, а два села—сыновьямъ Степану и Василію. Умеръ П. Забѣла въ 1689 г., т. е. въ тотъ годъ, когда Мазепа ѣздилъ въ Москву послѣ неудачнаго похода кн. Голицына въ Крымъ. Мазепа ѣздилъ въ Москву въ сопровожденіи чуть ли не всей первостепенной старшины и множества меньшей [1]). Въ это время въ

[1]) Перечисленіе старшины у Костомарова, „Мазепа", 32 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Москвѣ произошелъ тотъ переворотъ, послѣдствіемъ котораго было удаленіе Софіи и вступленіе въ дѣйствительную власть Петра. Какъ извѣстно, въ этотъ моментъ Мазепа съумѣлъ понравиться Петру и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, повыпрашивалъ царскія грамоты на маетности, раньше розданныя старшинѣ и, кромѣ того, понадавалъ послѣдней еще и новыя. Повидимому, въ этотъ моментъ Мазепа старался закрѣпить за собою пріязнь вліятельной старшины и ея родичей, чтобы тѣмъ самымъ пріобрѣсти надъ нею большее вліяніе. Надѣляя маетностями старшину, Мазепа нашелъ нужнымъ надѣлить и нѣжинскаго полковника Степана Забѣлу. Послѣдній уже раньше получилъ отъ Мазепы с. Конашевку (подъ Борзною), да по отцовскому завѣщанію владѣлъ онъ с. Лушниками. Пользуясь случаемъ, Степанъ Забѣла самъ распорядился отобрать отъ младшаго брата одно изъ завѣщанныхъ послѣднему селъ—Клишки („село Клишки отъ мене подъ свою власть отобралъ"), а въ Москвѣ обратился къ Мазепѣ съ просьбою узаконить его самоволіе и дать ему свой универсалъ на отнятую у брата маетность. Просьба была удовлетворена и Клишки утверждены были за Степаномъ Забѣлою гетманскимъ универсаломъ. Что же, значитъ, Мазепа дѣлалъ при этомъ? — Онъ отобралъ у одного изъ братьевъ наслѣдственную его маетность (которою наслѣдодатель владѣлъ по грамотѣ) и отдалъ другому брату потому, что этотъ другой братъ занималъ важный урядъ нѣжинскаго полковника, а тотъ братъ, отъ котораго отбиралась маетность, былъ человѣкъ малаго ранга и кромѣ того былъ зятемъ генеральнаго обознаго Борковскаго, котораго Мазепа всегда не любилъ [1]). Здѣсь и

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г. Вотъ относительно Борковскаго Мазепа дѣйствительно поступилъ такъ, какъ говоритъ г. Уманецъ о случаѣ съ Забѣлами. Не успѣлъ Борковскій умереть, какъ Мазепа отобралъ у его вдовы м. Орловку, надлежащее „на урядъ обозничества", причемъ впрочемъ мѣстечко было повернуто—„на гетманскій дворъ". Но здѣсь Мазепа проявилъ актъ пристрастія и нелюбви къ покойному Борковскому, на что и указываетъ Кочубей. (Матер., Бант.-Кам., II, 109). Тутъ же разсказанный Кочубеемъ случай съ наслѣдствомъ кіевск. полковника Солонины былъ того же характера. Въ обоихъ случаяхъ причиною отобранія маетностей была нелюбовь Мазепы.

Библиотека "Руниверс"

рѣчи не было о какомъ либо „сохраненіи ранговыхъ маетностей“, а было лишь *одно насиліе, одна несправедливость* по отношенію къ Ивану Забѣлѣ, младшему брату Степана Забѣлы [1]). Вѣдь не отобралъ же Мазепа Клишекъ послѣ смерти Степана Забѣлы, какъ ранговую маетность, а оставилъ ее у сына послѣдняго, незначительнаго войскового товарища (Опис. Ст. Малор., II, 360). Мы остановились на этомъ фактѣ, какъ на примѣрѣ рѣзкаго, несоотвѣтствія между фактомъ и заключеніемъ автора, который затѣмъ продолжаетъ: „Изъ всего этого видна неосновательность предположенія объ исключительномъ сочувствіи Мазепы къ панамъ и будущему дворянству... Напротивъ, если всѣ брались за ближайшія средства, то Мазепа въ сословномъ вопросѣ заботился о справедливости“. Такую „справедливость“ можетъ указывать одинъ только универсалъ Мазепы 1691 года, но и онъ былъ вынужденною мѣрою для успокоенія „воплей и преканій“ полтавскаго поспольства, жившаго въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и потому менѣе смирнаго, чѣмъ поспольство, находившееся вдали отъ Запорожья...

Говоритъ г. Уманецъ и объ „арендахъ“. Это былъ откупъ на торговлю виномъ, табакомъ и дегтемъ. Народъ былъ противъ этихъ откуповъ, но они составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба“, а доходами послѣдняго оплачивалось жалованье „охотницкимъ“ полкамъ. Мы уже видѣли, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Мазепы-гетмана была отмѣна „аренды на горѣлку“ и на другіе напитки (Самовид., 79); но затѣмъ, какъ видно изъ полученнаго въ сентябрѣ 1692 г. указанія изъ Москвы, аренды эти были возстановлены. Заботясь объ устраненіи народнаго недовольства, на которое указывалось даже изъ Москвы, гетманъ, послѣ многихъ совѣщаній, повидимому, не нашелъ возможности отмѣнить „аренды“, пока не будетъ найденъ другой источникъ на „собраніе денегъ“.

---

[1]) Самъ Мазепа признавалъ за Иваномъ Забѣлою право на Клишки и долго водилъ его обѣщаніями возвратить ему маетность. Кіевск. Стар. 1884 г., іюль, 521—522.

Библиотека "Руниверс"

При этомъ, сдѣланы были, впрочемъ, нѣкоторыя облегченія, „чтобъ при покупкѣ водки на родины и на свадьбы досады людемъ не дѣлалось“. Изъ этихъ фактовъ, и только изъ этихъ, едва ли можно дѣлать общія заключенія, что „Мазепа, неожиданно, сдѣлавшись гетманомъ, высказывается противъ арендъ“ и что, „стремясь уничтожить аренды, Мазепа встрѣтилъ нѣмое сопротивленіе пановъ (?) и старшины“... И еще менѣе можно видѣть въ обложеніи шинковъ и винокуренъ попытку Мазепы перейти къ акцизной системѣ.... Аренды были необходимы въ Малороссіи потому, что тогдашній складъ жизни не давалъ возможности найти болѣе удобный, по способу взиманія, источникъ на заплату наемному войску жалованья.

Разсказывая о построеніи Мазепою многихъ церквей и объ украшеніи ихъ, г. Уманецъ говоритъ, что постройка церквей Мазепою „равносильна учрежденію имъ *цѣлой системы маленькихъ шпиталей и школъ*... Постройка церквей Мазепою и другими жертвователями того времени имѣетъ столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе.... Тогдашній *шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ и коллегіи*“... И здѣсь, по нашему мнѣнію, нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія фактовъ... Дѣйствительно, Мазепа не скупился на постройки церквей и ихъ украшеніе въ большихъ городахъ и монастыряхъ (причемъ былъ выстроенъ имъ и новый корпусъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ); но этотъ фактъ не былъ какимъ-нибудь исключеніемъ относительно Мазепы. Такъ же точно строилъ церкви и помогалъ ихъ украшенію и Самойловичъ [1]). Стародубскій полковникъ Миклашевскій строитъ церкви въ Глуховѣ и въ Выдубицкомъ монастырѣ; въ послѣднемъ имъ была выстроена каменная церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменная трапеза съ церковью Преображенія Господня [2]). Набожное усердіе одушевляло тогда всѣхъ

[1]) См., напр., Отрывки изъ лѣтописи Мгарск. м—ря, въ Кіевск. Стар. 1889 г. Успенская каменная церковь въ Глуховѣ начата постройкою (въ 1686 г.) Самойловичемъ. Опис. Стар. Малор. II, 430.

[2]) Тамъ же, 430. Соч. Максимовича, II, 251.

Библиотека "Руниверс"

имущихъ людей, что лучше всего видно изъ монастырскихъ земельныхъ актовъ того времени, изъ которыхъ почти каждый свидѣтельствуетъ о „жертвѣ“ [1]). Мазепа, какъ представитель страны, не могъ отставать въ этомъ дѣлѣ отъ другихъ. Поэтому едва-ли можно говорить, что „старшина, богатые паны, городскія и сельскія общества самостоятельно и *изъ подражанія* дѣлали то же, что и гетманъ“ (стр. 303). „Старшина и богатые паны“ строили церкви очень усердно, безъ всякаго подражанія, въ своихъ *слободахъ* потому, что Божій храмъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ для привлеченія новыхъ слобожанъ, любившихъ садиться тамъ, гдѣ уже таковой имѣлся. Что же касается до постройки сельскихъ церквей Мазепою, на что указываетъ г. Уманецъ (стр. 302), то здѣсь имъ приводятся случаи постройки церквей лишь на основаніи „церковныхъ лѣтописей“, какъ извѣстно, наполняемыхъ преданіями не всегда осторожно; притомъ же, м.м. Яполъ и Марчихина-Буда, гдѣ Мазепа, по преданію, построилъ церкви, принадлежали къ числу гетманскихъ маетностей (Опис. Стар. Малор., II, 486 и 500), слѣдовательно, здѣсь церкви строить Мазепѣ было выгодно....

Здѣсь же нельзя не замѣтить, что указаніе г. Уманца, будто бы тогдашній шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ“—невѣрно. Г. Уманецъ ссылается при этомъ на универсалъ, „упрекающій Петрика въ томъ, что его воспиталъ полтавскій шпиталь“; но обращаясь къ этому универсалу (Величко, III, 114), мы читаемъ: „всѣ мы знаемъ, же батько твой (Петрика) *жебракъ* (нищій) есть, въ городѣ нашемъ Полтавѣ въ *шпиталѣ* мешкалъ; а ты *въ школѣ*, межи нищими валялся, и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками выкормился“... Изъ этого отрывка мы видимъ, что отецъ Петрика, будучи *нищимъ*, жилъ въ *шпиталѣ*, т. е. въ богадѣльнѣ, а сынъ его жилъ *въ школѣ*, *но не въ шпиталѣ*, причемъ универсалъ добавляетъ, что Петрикъ, и въ школѣ будучи, „валялся межъ

---

[1]) См. цѣлую коллекцію этихъ актовъ, переданныхъ изъ Черниг. казенной палаты въ Кіевск. центр. архивъ.

Библиотека "Руниверс"

нищими", т. е. былъ тѣмъ же нищимъ... Кто жилъ въ шпиталяхъ—это видно изъ описанія въ Румянцовской описи тогдашнихъ церквей и необходимыхъ ихъ принадлежностей—„шпиталей" и „школъ" [1]). Въ шпиталяхъ жили только „старцы", т. е. нищіе и калѣки, а школяры жили вмѣстѣ съ „дьячками" и „пономарями", въ особыхъ домахъ, называвшихся „школами". Въ спискахъ обитателей „школъ" такъ постоянно и значится, что живутъ въ ней „молодики" и „школьники" такіе-то (имя рекъ), при чемъ возрастъ тѣхъ и другихъ колеблется между 10 и 35 годами.

Обращаясь, послѣ этихъ частныхъ замѣчаній, къ общему заключенію о „гражданской дѣятельности" Мазепы, въ предѣлахъ разсказа г. Уманца, мы полагаемъ, что положительной стороны этихъ дѣлъ—не видно. Но тутъ же нужно еще сказать, что „гражданская дѣятельность" Мазепы въ книгѣ г. Уманца далеко не исчерпана. Отведя особую главу *крестьянскому дѣлу при Мазепѣ*, г. Уманецъ вовсе не коснулся вопроса относительно раздачи имъ маетностей, а между тѣмъ мы видѣли, что именно эта раздача порождала въ народѣ „вопль и пререканія". Правда, печатный матеріалъ по этому вопросу не великъ, но все же кое-что есть. Изъ одного только печатнаго матеріала можно сдѣлать несомнѣнное заключеніе, что для нѣкоторыхъ лицъ изъ своей старшины Мазепа былъ очень щедръ, а для другихъ—скупъ. Видимо, у Мазепы были любимцы и нелюбимцы. Укажемъ на прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, которому Мазепа съ 1694 г. по 1706 г.—далъ пять селъ, а въ 1707 г. далъ село и сыну его, въ то время только знатному войск. товарищу" [2]). Преемникъ по уряду Дмитрія Горленка, Иванъ Носъ оставилъ намъ любопытную характеристику отношеній своего

---

[1]) Для примѣра укажемъ опись прилуцкихъ церквей въ 1765 году. *Архивн. Отрывки для исторіи Полтавской епархіи* (Полтава. 1887), вып. I, стр. 57—64.

[2]) Русск. Арх. 1875 г., II, 244.

Библиотека "Руниверс"

предшественника къ Мазепѣ. Указавъ на захватъ Горленкомъ множества полковыхъ земель, Носъ говоритъ, что Горленко „много могущимъ будучи властелиномъ, все, что хотѣлъ, то и забиралъ, имѣя протектора своего и отца[1]) въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который, „не видя обиды людской", выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунта и маетности, *но выдалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну" и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ*, если бы онъ, Горленко, попросилъ о такомъ универсалѣ"[2])! Черниговскому полковнику Павлу Полуботку за три года его полковничества при Мазепѣ, послѣдній не далъ ни одной маетности[3]). Затѣмъ, въ практикѣ Мазепы при пожалованіи маетностей мы встрѣчаемъ *первый случай* отдачи населенной маетности *мѣщанину*, будущему стародубскому войту Спиридону Шираю: по универсалу 26 мая 1688 г., „обывателю стародубскому Спиридонови, съ певныхъ респектовъ и причинъ, надано въ завѣдываніе и уживанье, до ласки войсковой, селце Сининъ"[4]). Ширай велъ обширную заграничную торговлю пенькою и поэтому былъ очень богатъ; Шираево богатство и было, повидимому, причиною „певныхъ къ нему респектовъ". Такое же покровительство Мазепою было оказано и другому *мѣщанину*, „обывателю кіево-печерскому п. Максиму" (родоначальнику Максимовичей), то же „съ певныхъ респектовъ и для частой въ войсковыхъ потребахъ дознанной выгоды", исходившей изъ богатства „п. Максима", у котораго,

---

[1]) Костомаровъ говоритъ („Мазепа", 7), что жена Мазепы (рожд. Половецъ) была родственницей прилуцкому полковнику Горленку. Хотя источникъ этого свѣдѣнія и не указанъ, но несомнѣнно, что оно взято изъ „Родословной книги" кн. Лобанова-Ростовскаго, куда свѣдѣніе о родствѣ Мазепы съ Горленками попало, какъ догадываемся, изъ бумагъ „историка" Н. А. Маркевича. Никакого родства тутъ не было и не могло быть уже по одному различію тѣхъ мѣстностей Малороссіи и слоевъ общества, изъ которыхъ происходили жена Мазепы и Горленки. Носъ называетъ Дм. Г—ка „подуфалымъ сыномъ" Мазепы иронически за чрезмѣрное пристрастіе къ нему гетмана.

[2]) Русск. Арх. 1875 г., II, 246.

[3]) Тамъ же, 1880 г., I, 139—140.

[4]) Перечень универсаловъ на маетности, рукоп. нашей б—ки.

Библиотека "Руниверс"

значитъ, не было еще и настоящаго прозвища. Здѣсь покровительство богатому мѣщанину выразилось въ томъ, что сыновья его поступили въ войсковую службу и надѣлены были всякими милостями, а въ томъ числѣ и маетностями [1]).

Не познакомилъ читателя г. Уманецъ въ своемъ изслѣдованіи и съ ближайшими совѣтниками или сотрудниками Мазепы. Здѣсь мы бы увидѣли, что Мазепа, будучи правобережнымъ человѣкомъ, повидимому, предпочиталъ своихъ земляковъ лѣвобережникамъ, можетъ быть по недостаточной еще при немъ культурѣ послѣднихъ. Изъ правобережниковъ Мазепу окружали: Ломиковскій, Зеленскій, Чечель и Мазепины родичи: Обидовскій, Мокіевскій, Трощинскій. Въ числѣ наперсниковъ Мазепы были и чужеземцы: Орликъ [2]), Кенигсекъ, Згура (грекъ). Изъ лѣвобережниковъ въ числѣ Мазепиныхъ присныхъ можно назвать только четырехъ: Дм. Горленка, Дм. Максимовича, Чуйкевича Ант. и Гамалѣю [3]). Данило Апостолъ, хотя и былъ единомышленникомъ въ измѣнѣ, но Петръ В. называлъ его, конечно не безъ основаній, „великимъ непріятелемъ Мазепы“ [4]). Такой составъ Мазепиныхъ наперстниковъ можетъ указывать, по нашему мнѣнію, что Мазепа болѣе чѣмъ въ двадцатилѣтнее свое гетманство оставался достаточно стороннимъ человѣкомъ въ лѣвобережной Малороссіи.

Не можемъ не вспомнить тутъ и того пункта изъ доноса Кочубея, гдѣ говорится о „гнебной симоніи“ Мазепы за полковничьи мѣста и о его вообще стяжательности.... Изъ этихъ коротенькихъ указаній можно видѣть, что въ „гражданской дѣятельности“ Мазепы были и отрицательныя стороны...

Но здѣсь же нужно сказать, что, обѣляя Мазепу въ гражданской его дѣятельности, г. Уманецъ едва ли не напрасно на-

---

[1]) Опис. Стар. Малор., II, 28.

[2]) Орликъ родомъ былъ чехъ, какъ видно изъ документовъ Стокгольмскаго госуд. архива. (Сообщено Н. В. Молчановскимъ).

[3]) Впрочемъ, Максимовичъ и Гамалѣя были сиповьими правобережниковъ.

[4]) Изъ письма Петра В. къ Меньшикову отъ 27 окт. 1708 г. („буде полковникъ миргородскій гдѣ въ близости, то прикажите его прислать... и. ч. онъ *великій непріятель былъ Мазепѣ*“). Дополн. къ дѣян. Петра В. (М. 1792) т. VIII, стр. 139.

Библиотека "Руниверс"

брасываетъ ужъ черезчуръ темныя тѣни на его политику, до ея сравненія—съ вивисекціей... Можетъ быть нѣсколько темна исторія Мазепы съ Палѣемъ. Хотя и здѣсь можно думать, что Мазепа самолично желалъ устранить съ арены дѣйствія слишкомъ замѣтнаго и при томъ богатаго человѣка, затѣнявшаго Мазепу въ родной ему Бѣлоцерковщинѣ...

Напрасно не вспомнилъ г. Уманецъ, говоря объ отношеніяхъ Мазепы къ Палѣю, народныхъ легендъ, въ родѣ хотя бы, напр., той, гдѣ говорится, что „Мазепа за те хотивъ стратить Палѣя, що народъ звавъ его козацькимъ батькомъ", и проч. [1]). Мотивомъ Мазепиной непріязни къ Палѣю народъ называетъ зависть и, какъ кажется, не ошибается...

Другой указываемый г. Уманцемъ примѣръ „вивисекціи"—Миклашевскій, по нашему мнѣнію, выбранъ совсѣмъ неудачно. Называть Миклашевскаго человѣкомъ того направленія, „*во главѣ котораго стоялъ гетманъ*" (т. е. тенденціи къ „измѣнѣ") значитъ—называть вещи не ихъ именами... Стародубскій полковникъ Миклашевскій былъ типическій лѣвобережникъ конца XVII в.—неграмотный козакъ и великій практикъ въ стяжаніи, умѣвшій нажить даже при Мазепѣ огромныя имѣнія. Судя по началу его дѣятельности (Опис. Стар. Малор. I, 28), это былъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ пронырливый человѣкъ, умѣвшій подлаживаться къ своимъ патронамъ. Мазепа сразу оцѣнилъ Миклашевскаго: въ 1687 г. онъ далъ ему с. Кочерги, въ 1688 г.—с. Волокитинъ, а въ 1690 г. *поставилъ* полковникомъ въ *чужомъ* для Миклашевскаго полку, гдѣ онъ за пятнадцать лѣтъ своего управленія пріобрѣлъ много маетностей, отчасти по универсаламъ, а отчасти и безъ нихъ... Въ 1704 году Миклашевскій вдругъ былъ отставленъ Мазепою отъ уряда, причемъ кромѣ того, гетманъ написалъ царю, что Миклашевскій ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками. Костомаромъ по этому случаю говоритъ, что „надобно принимать во вниманіе, что мало-

---

[1]) См. обстоятельный пересмотръ этихъ легендъ—*Палѣй и Мазепа въ народной поэзіи*, В. В. Каллаша, во 2-й кн. *Этнографическаго Обозрѣнія* (1889 г.).

Библиотека "Руниверс"

россійскихъ старшинъ соблазняла не совсѣмъ еще забытая, хотя и неудавшаяся, попытка Выговскаго образовать изъ Украины автономное политическое тѣло" и проч. Эту догадку Костомарова г. Уманецъ приводитъ въ своей книгѣ безъ какого-либо возраженія, а слѣдовательно, какъ будто, раздѣляетъ приведенное мнѣніе. Но дѣло въ томъ, что такіе некультурные стяжатели, какимъ былъ Миклашевскій, ни въ какую „политику" не мѣшались; она имъ была совершенно чужда уже по одному отсутствію у нихъ какого-либо образованія. „Тайная переписка" Миклашевскаго съ „литовскимъ паномъ" Коцѣломъ касалась несомнѣнно хозяйскихъ дѣлъ; съ Коцѣломъ, какъ и съ другими сосѣдями Стародубщины, поляками и русскими, Миклашевскій могъ переписываться о своихъ дѣлахъ торговыхъ, о поташѣ, о пенькѣ, но ужъ никакъ не о присоединеніи Малороссіи къ Польшѣ, какъ предполагалъ Костомаровъ... Вѣрнѣе всего, что Мазепа удалилъ Миклашевскаго отъ полковничества по тому же мотиву, по которому онъ низвелъ съ арены дѣйствія и Палія; только тамъ на первомъ планѣ была Паліева популярность, а потомъ уже его богатство, а здѣсь—одно богатство Миклашевскаго... Могло случиться, что, кромѣ того, и стародубское полковничество въ это время потребовалось для кого нибудь изъ присныхъ Мазепы; вѣдь въ томъ же 1704 г. племянникъ гетмана Трощинскій посаженъ былъ на гадяцкое полковничество. Впрочемъ, дѣло съ Миклашевскимъ кончилось благополучно: въ слѣдующемъ 1705 г. стародубское полковничество ему было возвращено. Можно догадываться только, что временная отставка Миклашевскаго стоила послѣднему недешево (см. ниже). Повторяемъ, Миклашевскій не могъ быть „человѣкомъ того направленія, во главѣ котораго стоялъ гетманъ". Напротивъ это былъ несомнѣнный антагонистъ этого направленія...

Подводя итоги „гражданской дѣятельности" Мазепы, можно сказать, что ничѣмъ *особеннымъ* она не отличалась и почти во всемъ была похожа на ту же „дѣятельность" его предшествен-

Библиотека "Руниверс"

ника.. А между тѣмъ у г. Уманца читаемъ: „не имѣя всѣхъ деталей (изъ гражданской дѣятельности), по найденнымъ образцамъ можно угадать *всю широту Мазепиныхъ плановъ*. Позволительно думать, что *будь у Мазены болѣе свободнаго времени и свободы дѣйствій, мы имѣли бы въ его лицѣ одного изъ замѣчательныхъ мастеровъ государственнаго дѣла*“ (стр. 304).

Историки бываютъ иногда пристрастны къ своимъ героямъ...

Главу о „гражданской дѣятельности“ Мазепы (иначе — „крестьянское дѣло“) г. Уманецъ заканчиваетъ отвѣтомъ на тутъ же предложенный вопросъ: „какъ велики (были) богатства Мазепы?“ По этому поводу, говорится, между прочимъ, что изъ предшественниковъ Мазепы крупныя суммы видны только у Богдана Хмельницкаго и Самойловича, при чемъ замѣчается, что послѣдній „одержимъ исключительной стяжательностью“.— Хотя Мазепа лично вѣдалъ „войсковой скарбъ“, но „это еще не значитъ, чтобы онъ собралъ большіе капиталы на гетманскомъ урядѣ“. — Если бы въ Батуринѣ, при его истребленіи 2 ноября 1708 года, „было много золота и серебра, принадлежавшаго Мазепѣ, его нашли бы расплавленнымъ или зарытымъ подъ пепломъ батуринскаго замка. Не случилось ни того, ни другого“.—Оказывается, „что послѣ двадцати лѣтъ гетманства и безконтрольнаго распоряженія войсковой казной, послѣ того, какъ Мазепа много лѣтъ готовился къ государственному перевороту, требующему большихъ денегъ, въ самую критическую минуту, когда надлежитъ двинуть всѣ ресурсы, въ его казнѣ (она же „войсковая“) оказывается не много болѣе тѣхъ 240000 талеровъ, которые Мазепа далъ взаймы Карлу XII“. А Орликъ свидѣтельствуетъ, какъ самъ Мазепа говорилъ ему, что онъ настолько „богатъ“ что можетъ и „Москву“ подкупить... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа въ этомъ случаѣ хвасталъ.... (стр. 313). Трудно считать деньги въ чужомъ карманѣ, говоритъ пословица и легко говорить о большихъ суммахъ Самойловича, когда все имущество послѣдняго было подсчитано и описано [1]). Но и Мазепа былъ богатъ; такъ слѣдуетъ предполагать

[1]) См. Русск. Историч. Библіотека, изд. Археогр. Ком., т. VIII, стр. 989—1204.

Библиотека "Руниверс"

потому, что онъ былъ стяжателемъ, а въ его положеніи для стяжаній было широкое поле. Главнымъ свидѣтелемъ о стяжаніяхъ Мазепы является Кочубей; въ его доносѣ мы читаемъ: „прежнихъ лѣтъ... полковниковъ по любви вольными голосами обирано, а симоніи грамотной и ганебной не чувати было; а теперь за полковницкіе уряды (Мазепа) великіе беретъ взятки; хочь бы незнать якъ которій заслужоный товарищъ былъ годенъ того уряду, а не будетъ ли мѣти достатку денегъ, то оного воспріяти не сподобится, а сподобятся тіи, которіи зъ дябелъ маютъ грошей и есть що дати въ руки его по достатку". (Источн., Бант.-Кам., II, 109). Конечно, это свидѣтельство *доносчика*, но читая внимательно *донось* Кочубея, въ немъ не находимъ ни одного факта, видимо ложнаго... Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщаетъ нѣкоторые факты, но перечень послѣднихъ представляется правдивымъ... Г. Уманецъ, критикуя этотъ доносъ, говоритъ, что въ немъ „важное смѣшано съ мелочами" и что онъ „въ практическомъ отношеніи обработанъ чрезвычайно плохо". Да, можетъ быть, это обстоятельство и доказываетъ достовѣрность доноса или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе въ немъ „ложныхъ сплетеній", говоря о которыхъ, Орликъ однакожъ не указываетъ примѣровъ. Какъ бы то ни было, но о продажѣ полковничьихъ мѣстъ Мазепою свѣдѣнія есть. Напримѣръ. Вдова гадяцкаго полковника Бороховича, разсказывая, *въ своемъ духовномъ завѣщаніи*, о семейныхъ своихъ дѣлахъ и объ оставляемомъ имѣніи, между прочимъ говоритъ, что по смерти ея мужа, одинъ изъ ея сыновей, „стараючися о полковничество гадяцкое у Мазепы, просилъ меня, дабымъ позычила ему зъ общого нашого скарбу недѣленого—тысячу червоныхъ и сколько сотъ талеровъ битыхъ"; деньги были даны, „но онъ не добился полковничества, а деньги потратилъ, да еще и обманулъ меня: поѣхавши къ Мазепѣ, *выпросилъ универсалъ на мои маетности*" [1]... Едва ли можно подозрѣвать въ этомъ свидѣтельствѣ какую-нибудь неправду. Если Мазепа и не взялъ этихъ денегъ, то въ обществѣ существовала увѣ-

[1]) Русск. Арх., 1875 г., I, 314.

Библиотека "Руниверс"

ренность, что онъ ихъ беретъ. При томъ же въ данномъ случаѣ гадяцкаго полковничества Мазепа не могъ дать Федору Бороховичу потому, что на это мѣсто садилъ своего племянника Трощинскаго, а Федору Бороховичу оказалъ видимое благоволеніе, давши ему одному универсалъ на отцовскія маетности при наличности матери-вдовы и двухъ братьевъ [1]). Что Мазепа вообще былъ склоненъ къ стяжанію, на это указываетъ, напр., тотъ фактъ, что лишенный полковничьяго уряда Миклашевскій, выпрашивая универсалъ на свои маетности, долженъ былъ поднести гетману подарокъ: походную палатку („наметъ“) и сто талеровъ. Объ этомъ разсказывала вдова Миклашевскаго, при чемъ „наметъ“ былъ подаркомъ, конечно, всѣми видѣннымъ. Та же вдова разсказываетъ, что когда по смерти мужа, она поѣхала съ своими пасынками къ Мазепѣ просить подтвердительнаго универсала на маетности, то поднесла гетману на „поклонъ“ „кредексъ срѣбній“ (сервизъ) въ тысячу талеровъ [2]). Источниковъ для стяжаній было много...

Предложеніе Кочубеевнѣ 10000 червонцевъ (въ видѣ ли „вѣна“ или — обыкновеннаго обольщенія) не можетъ не указывать на обиліе у Мазепы капиталовъ. А замѣчаніе г. Уманца, что при разореніи Меншиковымъ Батурина не найдено де ни золота, ни сребра, принадлежавшаго Мазепѣ, опровергается свидѣтельствомъ военнаго дневника Петра В., гдѣ говорится: „и тотъ городъ (Батуринъ) совсѣмъ сожгли и разорили до основанія, гдѣ *зѣло много измѣнника Мазепы богатства взяли*“... [3])

Свѣдѣнія о богатствахъ Мазепы можемъ дополнить еще и слѣдующимъ новымъ извѣстіемъ, которое г. Уманцу не могло быть извѣстно. Въ шведскомъ государственномъ архивѣ, въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій нашелъ (въ нач. этого года) донесеніе шведскаго чиновника, которому, по просьбѣ Мазепы, было поручено принять въ охрану богатства послѣдняго, на случай его смерти. Въ этомъ донесеніи значится, что послѣ смерти

---

[1]) См. тамъ же родословную.

[2]) Опис. Стар. Малор., I, 31—32.

[3]) Журналъ или поденная записка Петра В. (Спб. 1770.) ч. I, стр. 195.

Библиотека "Руниверс"

Мазепы у него, между прочимъ, оказалось: два „сѣдельныхъ“ мѣшка (мѣшки, которые привязывались къ сѣдламъ?), одинъ съ драгоцѣнностями, а другой съ золотыми „медалями“, и два „четвертныхъ“ (viertel-tonnen) боченка съ червонцами [1]).

Поздняя любовь. Разсказывая романъ Мазепы съ Кочубеевной, г. Уманецъ рисуетъ сначала портретъ отца ея, какъ и должно быть, человѣкомъ недалекимъ. Относительно біографіи Кочубея г. Уманецъ дѣлаетъ замѣтную ошибку, говоря, что на урядъ генер. писаря онъ былъ назначенъ Самойловичемъ; при Самойловичѣ Кочубей, повидимому, былъ только „реентомъ“ гетманской канцеляріи (на доносѣ 7 іюля 1687 г. подпись Кочубея значится безъ обозначенія чина, но генер. писаремъ въ это время былъ Прокоповичъ), а генер. писаремъ онъ назначенъ на „радѣ“ 24 іюля, когда чины были розданы Голицынымъ *по соглашенію съ Мазепою*. Отсюда видно, что Мазепа самъ выбралъ Кочубея на писарство, а онъ его не могъ не знать, находясь такъ давно вмѣстѣ на службѣ у Самойловича. „Кочубей не принадлежалъ къ лучшимъ генер. писарямъ Малороссіи“, говоритъ г. Уманецъ. Однакожъ, пробыть 13 лѣтъ генер. писаремъ при Мазепѣ—что нибудь да значило. Несомнѣнно, что Мазепа цѣнилъ Кочубея, какъ усерднаго работника и безличнаго человѣка, а на такихъ мѣстахъ, какое занималъ Кочубей, безличіе есть достоинство, въ глазахъ патроновъ, такіе секретари, какъ Кочубей, не критикуютъ ихъ дѣйствій и охотно имъ льстятъ... Разбирая доносъ Кочубея на Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что доносъ „обработанъ плохо въ литературномъ и практическомъ отношеніи“. „Самъ Кочубей, написалъ бы лучше (примѣръ—его „прекрасное“ письмо къ митрополиту Варлааму). Читая доносъ, кажется, что стоящая за нимъ жена настойчиво подсказываетъ: пиши царю вотъ о чемъ... этого не забудь... Почтенный судья слу-

[1]) Всѣ эти богатства потомъ были переданы Войнаровскому, какъ видно изъ тѣхъ же шведскихъ свѣдѣній.

Библиотека "Руниверс"

шаетъ жену... Условія тогдашней жизни создали небывалую самостоятельность женщины... на каждомъ шагу встрѣчаются сильные женскіе характеры и факты, указывающіе на ихъ общественное значеніе.*)". Такимъ сильнымъ характеромъ обладала и жена Кочубея. Она то и „замѣтила въ душѣ дочери нѣчто болѣе обыкновеннаго расположенія къ крестному отцу". Въ тоже время Мазепа полюбилъ свою крестницу и „просилъ ее руки". „Кромѣ неравенства лѣтъ, бракъ этотъ претилъ Кочубеямъ, потому что между женихомъ и невѣстой было духовное родство... Мазепѣ отказали... Невѣста упорствовала и ночью—ушла въ гетманскій дворецъ... *Въ замкѣ гетмана Матрена Кочубей была самое короткое время. Это фактъ чрезвычайно важный* и его надо установить прежде всего. Будь иначе, оставайся она здѣсь, напр., день или недѣлю, враги гетмана, желавшіе сдѣлать его во что бы то ни стало отвѣтственнымъ, въ своемъ обвиненіи такъ и сказали бы... Все это: бѣгство, набатъ, возвращеніе—*было дѣломъ одного, много—двухъ часовъ*". Затѣмъ подвергая разбору всѣ извѣстные факты изъ отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „отношеніе Мазепы къ его крестницѣ до конца остается корректнымъ... Давно пора болѣе трезво свотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратить ей обыкновенную гражданскую честность." На цѣлыхъ десяти страницахъ (стр. 329—348) г. Уманецъ старается доказать „корректность" отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ и невозможность подозрѣнія въ соблазнѣ. Но всѣ доводы автора о „корректности" этихъ отношеній, на нашъ взглядъ,

*) Приведены примѣры, причемъ прежде всего указываются „ворожки"; указывается мать Мазепы, заслужившая, по преданію, названіе „чаровницы". Другіе примѣры столь-же *неясные* и *темные* (напр. о разсылкѣ женою полковн. Солонины „универсаловъ", ср. Соловьевъ, Ш, 420). Относительно Анны Хмельницкой и Ѳедосьи „Палѣевой" въ исторіи сохранилось по *одному* факту, указывающему на ихъ „общественное значеніе". Дневникъ Як. Марковича и Н. Ханенка заключаютъ въ себѣ подробное описаніе общественнаго быта Малороссіи почти за весь XVIII-й вѣкъ, но женщинъ съ общественнымъ значеніемъ тутъ вовсе не видится. Изъ историческихъ памятниковъ XVII и XVIII вв. (преимущественно изъ „тестаментовъ") можно сдѣлать одно заключеніе о тогдашней малорусской женщинѣ, что въ семьѣ она занимала почетное положеніе, какъ *домоправительница*.

Библиотека "Руниверс"

не убѣдительны. Откуда, напр., авторъ беретъ свое заключеніе, что бѣгство Кочубеевны изъ отцовскаго дома къ Мазепѣ, набатъ и возвращеніе—все это продолжалось *не болѣе двухъ часовъ*?—Вѣдь источникъ для исторіи этого бѣгства одинъ—письмо Кочубея къ Петру В.—„Нощи же единыя, яко волкъ овцу огради, тако онъ (Мазепа) *дщерь мою похити тайно*“—говоритъ Кочубей и далѣе прибавляетъ: не зная что дѣлать, онъ приказалъ „ударить въ колоколъ“, „да всякъ видитъ бѣдство мое!“ И стало въ домѣ Кочубея „рыданіе *о похищеніи и сокрушеніи дщере*“.—„Увидавъ же (Мазепа) каковъ въ дому моемъ содѣяся плачъ и рыданіе, и вопль многъ... возврати мнѣ дщерь“ при посредствѣ Анненкова, который при этомъ сказалъ такъ: не токмо дщерь вашу силенъ есть гетманъ взяти, но и жену отняти отъ тебе можетъ *)... Хотя это письмо Кочубей писалъ черезъ три года слишкомъ послѣ событія, но онъ его описываетъ только въ главныхъ чертахъ, которыхъ, какъ отецъ, никогда не могъ забыть... Не смотря на краткость описанія, передъ нами рисуется цѣлая семейная драма... Для ея поясненія нужно представить нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія. Извѣстно, что Мазепа жилъ не въ самомъ Батуринѣ, а верстахъ въ двухъ отъ его центра, въ предмѣстьи Гончаровкѣ, гдѣ дворецъ его помѣщался среди особаго „городка“, существующаго и теперь **). А Кочубей жилъ въ самомъ Батуринѣ, въ своемъ домѣ, который, будучи пощаженъ при истребленіи Батурина Меншиковымъ, существуетъ (конечно въ измѣненномъ видѣ) и теперь. Около этого дома находилась домовая церковь Кочубея, о которой говоритъ монахъ Никаноръ („ходили они къ заутрени въ церковь, что у ево Васильева двора“). Вотъ изъ этого отцовскаго двора и бѣжала „единыя нощи“ Кочубеевна. Повидимому, родители сразу догадались, что бѣжала она къ Мазепѣ, на Гончаровку. Какъ видно, бѣгство это не скрылось и отъ сосѣдей, такъ какъ отецъ и мать въ ужасъ пришли

*) Источн., Бант.-Кам., II, 127.

**) См. Опис. Стар. Малор., II, 260.

Библиотека "Руниверс"

отъ того позора, который долженъ былъ слѣдовать за этимъ бѣгствомъ... И чтоже дѣлаютъ обезумѣвшіе отъ горя родители?—Броситься въ Гончаровку, какъ видно, представлялось имъ безполезнымъ: разъ гетманъ согласился принять бѣжавшую къ нему дѣвушку, въ рукѣ которой ему отказано, конечно нельзя было разсчитывать, чтобы Кочубеевъ пустили да еще ночью въ гетманскій дворецъ... И вотъ Кочубей (а вѣрнѣе—Кочубеи) рѣшается на крайнее средство: онъ велитъ „ударить въ колоколъ, да всякъ видитъ бѣдство его". Что же это значило?—Это значило, что Кочубей приказалъ тогда же ночью, ударить на своей колокольнѣ набатъ („на гвалтъ"), какъ это дѣлалось въ моментъ какого нибудь бѣдствія, напр., въ пожаръ, когда гудѣвшій звонъ сзывалъ людей на помощь. Извѣстно то впечатлѣніе, которое производитъ ночью въ деревнѣ набатный звонъ во время пожара... Такое же впечатлѣніе произвелъ конечно и раздавшійся съ Кочубеевой церкви ночной набатъ... Сбѣжался народъ, и Кочубеи ему объявили о своемъ „бѣдствѣ"... Очень можетъ быть, что это средство придумано было не отцомъ, а матерью, энергическою Кочубеихою, потому что средство было настолько сильное, что не могло остаться безъ послѣдствій. Раздавшійся въ Батуринѣ набатъ не могъ не быть услышанъ и въ Гончаровкѣ... А Мазепѣ, конечно, донесли, что „звонъ на гвалтъ" призываетъ людей не на пожаръ, а на помощь противъ ужаснаго насилія его, гетмана, принявшаго въ свой дворецъ бѣжавшую отъ родителей дѣвушку, неравнодушіе къ которой его, гетмана, для батуринцевъ тайною не было. Что же оставалось дѣлать Мазепѣ?—Если онъ не обратилъ бы особаго вниманія на ужасъ семьи Кочубеевъ, то не могъ онъ не беречь своего гетманскаго достоинства... Гудѣвшій въ Батуринѣ колоколъ вызывалъ его на судъ народный, и Мазепа это хорошо понималъ!—Такъ или иначе, а приходилось дочь вернуть семьѣ... Отвѣчая на всенародную жалобу Кочубееву, Мазепа и вернулъ ихъ дочь. Несмотря, однакожъ на общую тревогу, „прощаніе стараго съ молодою" было, повидимому, очень нѣжное: уходящей былъ данъ перстень діаментовій („надъ которій найлѣпшого и найдо-

Библиотека "Руниверс"

рогшого у Мазепы не было) и было условлено: „хоть сякъ, хоть такъ будетъ, а любовь межъ нами не одмѣнится“. Но понимая, какъ встрѣчена будетъ дома бѣжавшая дочь, Мазепа далъ ей въ проводники царскаго чиновника Анненкова. По своему авторитетному положенію, послѣдній являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелемъ „корректныхъ“ отношеній бѣглянки къ гетману. Участіе въ возвращеніи Кочубеевны Анненкова должно было защитить Мазепу отъ явныхъ нареканій на мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать извѣстную огласку „случаю“ въ Москвѣ, когда пожаловался бы туда Кочубей.—Такъ мы объясняемъ себѣ фактъ, почему Мазепа выбралъ въ проводники Кочубеевнѣ не кого либо изъ своихъ, а царскаго чиновника... Видно, что этотъ чиновникъ, не смотря на его особое положеніе, былъ очень близокъ къ Мазепѣ. Если вѣрить Кочубею,—а не вѣрить изложенію жалобы скромнаго Кочубея нѣтъ основаній,—то Анненковъ, возвращая дочь отцу, не удержался, чтобы не сдѣлать ему еще и нотаціи за причиненное безпокойство высокому патрону.—„Что, молъ, ты поднялъ такой шумъ изъ-за того, что дочь твоя ушла?—Вѣдь ушла то она къ гетману, который и самъ бы могъ ее взять да не только, что дочь, а и жену твою можетъ у тебя отнять!“ Могъ, разсердившись, царскій чиновникъ такъ пригрозить Кочубею, особенно зная его приниженность предъ гетманомъ.

И вотъ бѣжавшая дочь возвращена была подъ кровъ отца. Г. Уманецъ настаиваетъ, что въ отсутствіи она пробыла „не болѣе двухъ часовъ“, почему и слѣдуетъ де полагать, что „корректность“ отношеній была соблюдена... А намъ кажется, что тутъ важно не количество часовъ, проведенныхъ Кочубеевною въ гетманскомъ дворцѣ, а тайный ея уходъ ночью къ Мазепѣ, который не задолго передъ тѣмъ ее сваталъ и—публичное ея затѣмъ возвращеніе, ночью-же, подъ охраною царскаго чиновника... Вся обстановка этого случая должна была сразу помрачить дѣвичью честь Кочубеевны въ тогдашнемъ общественномъ мнѣніи, у котораго вслѣдъ за тѣмъ явилось полное основаніе шушукать, что *Кочубеевна «ночевала» у гетмана*... Это шу-

Библиотека "Руниверс"

шуканье тѣмъ большее клало пятно на честь дѣвушки, что Мазепа и въ старости слылъ среди батуринцевъ—ловеласомъ *).

Изъ писемъ Мазепы къ Кочубеевнѣ („по силѣ выраженія, ихъ можно сравнить, говоритъ г. Уманецъ, только съ любовными письмами Пушкина") видно, что Кочубеевна была недовольна за отсылку ея изъ гетманскаго дворца къ отцу. Мазепа оправдывается, что ничего добраго не вышло бы, если бъ она осталась у него („мусѣли-би-смо изъ собою жити такъ якъ малженство кажетъ"), но тѣмъ не менѣе романъ свой Мазепа продолжаетъ: проситъ свиданія, напоминая объ обѣщаніяхъ любить... Г. Уманецъ полагаетъ, что съ возвращеніемъ бѣглянки въ отчій домъ, ея любовь кончилась. „Горячія письма, подарки, мольбы о свиданіи и подсылки чрезъ прислугу получаютъ надоѣдливый и нѣсколько пошлый характеръ"... Бываетъ и такъ, какъ думаетъ г. Уманецъ, но бываетъ и иначе. Мазепа пишетъ къ Кочубеевнѣ: „уже ты меня изсушила краснымъ своимъ личкомъ и *своими обытницами*... Прошу *не откладай своей обытници*..." Повидимому, „обѣтницы" не исполняются потому, что дома ее „мучили и катовали". Далѣе въ письмахъ читаемъ: „чого по мнѣ потребуешъ, скажи все сій дѣвцѣ", „коли они, проклятіи твои, тебе цураются, иди въ монастырь". „Тяжко зафрасовалемся почувши, же тая катувка (мать) не перестаетъ в. м. мучити, яко и вчора тое учинила". Какъ видно, сначала сношенія дѣятельно поддерживаются *съ обѣихъ* сторонъ. Но затѣмъ дѣйствительно у Кочубеевны является какъ будто сомнѣніе въ дальнѣйшей судьбѣ романа.—„Вижу, же в. м. во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнію ку минѣ," пишетъ ей гетманъ.—„Бодай того Богъ зъ душею розлучивъ, хто насъ розлучаетъ".—„Впередъ смерти на-себе сподѣвався, нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова... же мене, *хочъ будешъ за мною, хочъ не будешъ*, до смерти любити обѣцала." Эти напоминанія Мазепы указываютъ, что то чувство, которое несомнѣнно было у Кочубеевны, стало мерк-

*) Опис. Стар. Малороссіи, II, 248.

Библиотека "Руниверс"

нуть... „Убійственное сомнѣніе запало въ душу“; „уязвлено самолюбіе; разсѣялась иллюзія; парализовано чувство“... Такъ говоритъ г. Уманецъ, и очень вѣроятно, что разочарованіе это поразило Мазепу до того, что онъ замѣтивъ въ дѣвушкѣ угасаніе чувства, совсѣмъ потерялъ голову и сталъ обольщать ее деньгами... Кочубей разсказываетъ, что гетманъ, прославъ ему 4 декабря 1704 г., изъ Бахмача (здѣсь у Мазепы былъ загородный хуторъ—Поросючка) свѣжей рыбы, поручилъ тому же посланцу Демьяну повидатися съ его дочерью,—и выпросить у нея свиданіе съ Мазепою, обѣщая 3000 червонцевъ... А когда дѣвушка отвѣчала молчаніемъ, то Мазепа, вернувшись въ тотъ же день изъ Поросючки въ Батуринъ, снова прислалъ къ Кочубеевнѣ Демьяна, обѣщаетъ уже не 3 т., а 10 т. червонцевъ *). „абы только такъ учинила“... Полагать слѣдуетъ, что Мазепа настаиваетъ на свиданіи. А когда Кочубеевна „отговоровалася,“ то посланецъ именемъ „пана“ проситъ у дѣвушки локонъ ея волосъ... Черезъ два дня, въ день св. Николая, Мазепа снова шлетъ посланца, умоляя о свиданіи и добавляя, что гдѣ-то въ оградѣ Кочубеевой усадьбы „проломана дирка“, „до которой дирки абы конечне вечеромъ пришла для якогось разговору“... „Частократне“ присылалъ Мазепа къ своей возлюбленной, при чемъ просилъ то „сорочку еи *зъ тѣла*, то намисто *зъ шіи*...“ И посылала ему это намисто бѣдная дѣвушка, по словамъ Кочубея.

Эти частыя посылки гетманскихъ слугъ къ Кочубеевнѣ, какъ видно, ни для кого уже не оставались тайною, потому что по словамъ Кочубея, „крайнія ему учинились обелга (оскорбленіе) и поруганіе, и *смертельное безчестіе*“. Видимо, что,

*) Г. Уманецъ полагаетъ, что такая значительная сумма предлагалась въ видѣ „вѣна“, т. е. того обезпеченія, которое по литовск. статуту, полагается отъ мужа для обезпеченія жены, причемъ и Мазепа обѣщалъ де такую сумму Кочубеевнѣ на случай ея вдовства послѣ брака съ нимъ... Намъ кажется, что Кочубеевна не могла обладать такимъ практицизмомъ, чтобы съ нею можно было говорить о „вѣнѣ“ (о немъ говорятъ съ родителями)... Скорѣе можно предполагать, что Мазепа предлагалъ дѣвушкѣ большую сумму денегъ просто какъ „деньги“, съ которыми жить на свѣтѣ легче, чѣмъ безъ нихъ...

Библиотека "Руниверс"

„слава“ дѣвушки окончательно помрачалась, а настойчивое продолженіе романа со стороны гетмана все большимъ и бо́льшимъ гнетомъ ложилось на сердца отца и матери. Не смотря на свою скромность, Кочубей рѣшается писать Мазепѣ, что нѣтъ болѣе у него силъ имѣть какіе бы то ни было сношенія съ гетманомъ... „Омрачися очей моихъ свѣтъ, обишолъ ми мерзеный студъ, не могу право зрѣти на лица людскія и передъ власными близкими и домовниками моими *окриваетъ мя горкій срамъ и поношеніе*“. Сохранился и отвѣтъ Мазепы на этотъ горькій вопль отца о поруганной „славѣ“ дочери, въ которой онъ видѣлъ „будущую свою утѣху“. Гетманъ отвѣчаетъ, что не на него, гетмана, слѣдуетъ жаловаться, а не жену Кочубееву. „Она то, а не кто иншій печали твоей, пишетъ Мазепа, причиною...“ И затѣмъ, разумѣя бѣгство Матрены изъ отцовскаго дома, сравниваетъ ее съ св. Варварой, убѣгавшей отъ отца своего Діоскора... „А що взменкуешъ въ томъ же своемъ пасквилномъ писмѣ о якомсь *блудѣ, того я не знаю и не розумѣю* *)“.

Вотъ тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ исторія для суда надъ Мазепою за его романъ съ дѣвушкой, близкой ему и по отношеніямъ къ ея отцу, и по „духу“, какъ своею крестницей. „Все дѣло, ясное само по себѣ, въ устахъ молвы и поэтовъ получило такой видъ, какъ будто Мазепа соблазнилъ свою крестницу,“ говоритъ г. Уманецъ и пытается доказать, что если Мазепа предлагалъ Кочубеевнѣ 10 тыс. червонцевъ, то тутъ вовсе нѣтъ вопроса о „соблазнѣ“—„Искать мимолетной любви въ то время, когда дѣвушка отказала въ рукѣ!“—восклицаетъ г. Уманецъ и прибавляетъ, что предложеніе денегъ черезъ Демьяна говоритъ не о соблазнѣ, а о легкомысліи Мазепы.“ И далѣе г. Уманецъ продолжаетъ настаивать на „легальныхъ отношеніяхъ Мазепы къ невѣстѣ.“ Сохранилось показа-

*) Эта фраза можетъ указывать, что Мазепа отвѣчаетъ не на предыдущее письмо Кочубея, въ которомъ нѣтъ рѣчи „о блудѣ“, но можетъ быть, что укоръ за блудъ—Мазепа самъ подразумѣвалъ въ словахъ Кочубея „о горькомъ срамѣ и поношеніи“.

Библиотека "Руниверс"

ніе монаха Никанора о томъ, что ему говорили Кочубеи, мужъ и жена, о „соблазнѣ“ („гетманъ ихъ дочь, зазвавъ къ себѣ въ гости, изнасиловалъ блудомъ“), но г. Уманецъ этому показанію не даетъ вѣры и заключаетъ свое изслѣдованіе романа съ Кочубеевной словами, что давно пора болѣе трезво смотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратить ей обыкновенную гражданскую честность,“ тѣмъ болѣе, что „бывшая его невѣста вышла замужъ за Чуйкевича“ (стр. 346).

Намъ же представляется эта „любовь Мазепы“—послѣ всего разсказаннаго—совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Какъ увлекъ Мазепа дочь своего стараго помощника—не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ будучи 65-тилѣтнимъ (по крайней мѣрѣ) старикомъ, увлекъ эту дѣвушку. Увлекъ, можетъ быть, обѣщаніемъ брака, можетъ быть блескомъ общественнаго своего положенія, или своею стариковскою красотою—этого мы не знаемъ, но увлекъ онъ ее до того, что когда мысль о бракѣ оказалась неосуществимою, то дѣвушка бѣжала къ нему, укрываясь отъ надзора ночнымъ временемъ. Мазепа не образумилъ дѣвушки, *а оставилъ ее у себя*... Только родительское горе могло изобрѣсти такое чрезвычайное и своеобразное средство, какъ ночной набатъ, чтобы вырвать изъ рукъ Мазепы эту дѣвушку... Сколько часовъ пробыла въ домѣ у гетмана эта дѣвушка—это вопросъ не важный, такъ какъ толпа, на глазахъ которой произошелъ этотъ случай, объ этомъ количествѣ часовъ не справлялась, но видѣла, что дочь генер. судьи бѣжитъ ночью къ отвергнутому но желанному жениху и *остается у него* до тѣхъ поръ, пока набатъ, т. е. сила внѣшняя, принудилъ Мазепу отослать дѣвушку домой. Самый набатъ уже показывалъ, какъ Кочубеи смотрѣли на бѣгство своей дочери и чего боялись... Это не было бѣгство дочери хотя бы отъ злой матери къ крестному отцу, а это было бѣгство влюбленной дѣвушки къ своему возлюбленному и въ тоже время властелину страны... „Да не подумаетъ читатель, говоритъ г. Уманецъ, что Мазепа принадлежитъ къ числу людей, созданныхъ для мелкихъ эротическихъ похожденій. Такое заключеніе было бы нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

поспѣшнымъ“ (стр. 357). А батуринцы, живя годы вблизи гетмана, говорили между собою, что Мазепа не чуждъ былъ именно „мелкихъ эротическихъ похожденій“ *). Если всѣ эти обстоятельства взять вмѣстѣ, то намъ станетъ вполнѣ понятенъ ужасъ Кочубеевъ, когда они узнали о бѣгствѣ дочери. Ужасъ явился отъ мысли о связанномъ съ бѣгствомъ поруганіи чести дочери-дѣвушки... Возвращенная затѣмъ къ отцу дочь уже лишилась въ глазахъ толпы того ореола дѣвичьей чистоты, который принадлежалъ ей наканунѣ, при чемъ толпа не справлялась—была-ли дѣвушка «соблазнена». *Возможность* соблазна была налицо... „Гражданскую честность“ Мазепа, впрочемъ, могъ еще сохранить, объяснивъ бѣгство къ нему дѣвушки порывомъ натерпѣвшейся отъ материнскихъ укоровъ дочери... Но Мазепа—эгоистъ. Стариковская страсть превозмогаетъ надъ „гражданской честностью“: начинается пересылка писемъ, посылка „Мелашекъ“ и „Демьянковъ“, требованіе отъ дѣвушки присылки ея сорочекъ съ тѣла, коралловъ съ шеи, волосъ... При приглашеніяхъ на свиданіе, дѣлается предупрежденіе, что мѣстомъ свиданія назначается нарочно сдѣланная для того дыра въ оградѣ Кочубеевой усадьбы. Слѣдовательно и послѣ возвращенія Кочубеевны, Мазепа продолжаетъ съ ней сношенія и объ этихъ сношеніяхъ, конечно, знаетъ весь Батуринъ, а съ нимъ и вся Украина... **). Однимъ словомъ, 65-ти лѣтній Мазепа сдѣлалъ все, чтобы окончательно *обезславить* несчастную дѣвушку, и—должно быть,—изъ-за однихъ лишь „эротическихъ“ побужденій. Обезславленная дѣвушка должна была погибнуть и—погибла. О замужествѣ ея—не могло быть и рѣчи. Г. Уманецъ повторяетъ разсказъ о выходѣ Матрены К—ны замужъ за Семена Чуйкевича, но послѣдній былъ женатъ на Катеринѣ Кочубей, какъ самъ онъ говоритъ въ оффиціальной бумагѣ (Оп. Стар. Малор., II, 32), слѣдовательно

*) См. примѣч. на стр. 162.

**) Нужно имѣть въ виду, что хотя Мазепа къ Кочубеевнѣ *писалъ* письма, но отвѣты ея должны были быть *устные*, т. ч. Кочубеевна писать не умѣла, какъ не умѣли писать и всѣ лѣвобережныя малороссіянки, до полов. XVIII в. за весьма рѣдкими, *быть можетъ*, исключеніями.

Библиотека "Руниверс"

этотъ фактъ къ „вороху преданій“ не имѣетъ отношенія. Къ преданію слѣдуетъ обратиться, разыскивая, что̀ сталось затѣмъ съ несчастной дѣвушкой. Мѣстное, полтавское преданіе говоритъ, что Матрена К—на кончила жизнь въ Пушкаровскомъ монастырѣ (недалеко отъ Полтавы), и это преданіе наиболѣе вѣроятное *). О ея замужествѣ *нигдѣ указаній нѣтъ*. Да и кто-бы ее взялъ въ тогдашней Малороссіи съ ея поруганною «славою». Матрена Кочубеевна погибла, какъ жертва эгоизма и легкомыслія Мазепы... Мы нарочно такъ подробно разсказали всѣ сохранившіеся факты изъ „поздней любви“, чтобы на сколько можно выяснить то положеніе, которое при этомъ занималъ Мазепа.—

Думается, что безпристрастный судья, выслушавъ точный разсказъ о романѣ Мазепы съ Кочубеевною, ничего въ немъ не найдетъ кромѣ эгоизма и легкомыслія со стороны этого самаго Мазепы.

Ал. Лазаревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Объ этомъ преданіи см. Записки о Полтавск. губ., Н. Аранджаренка, III, 85.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ прошлаго полтавской епархіи. *(Бытовыя картинки).* Лѣтъ пять тому назадъ, по счастливой случайности, намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько «указныхъ книгъ», хранившихся до того въ одной изъ церквей нынѣшней Полтавской епархіи. Книги эти обнимаютъ собою періодъ времени съ 1724 по 1759 годъ. Въ нихъ вписаны указы, какъ высочайшіе, присылавшіеся въ Кіевскую и Переяславскую дикастеріи, такъ и указы современныхъ Кіевскихъ и Переяславскихъ архіереевъ. При разсмотрѣніи этихъ книгъ, оказалось, что онѣ заключаютъ въ себѣ богатый историческій матеріалъ для характеристики церковной жизни нѣкоторой части нынѣшней Полтавской епархіи въ прошломъ столѣтіи. Но на ряду съ указами чисто церковнаго характера и относящимися къ епархіальному управленію, въ этихъ «указныхъ книгахъ» нашли мы и нѣсколько указовъ, заключающихъ въ себѣ довольно цѣнныя указанія на своеобразныя бытовыя черты малороссовъ въ прошломъ столѣтіи. Съ такими особенностями, чисто бытоваго характера, мы и считаемъ не безъинтереснымъ познакомить читателей.

I. **Отпѣваніе безъ покойниковъ.** Въ 1784 г., 17 мая, изъ Переяславской духовной консисторіи въ Хорольское духовное правленіе послѣдовалъ указъ такого содержанія.

«Въ Духовной Консисторіи слушали дѣло, представленное Духовнымъ Золотоношской протопопіи Правленіемъ, о отправленіи тоя протопопіи села Богушковой-Слободки священникомъ Василіемъ Канѣвецкимъ и діакономъ тамошнимъ Тимоѳеемъ Черняховскимъ, съ просьбы значкового товарища Ивана Суховка и козака Михаила Хо-

Библиотека "Руниверс"

руженка въ церкви своей приходской, покрывъ одни токмо пустые мары обыкновеннымъ для умершихъ сукномъ, похорона за умершихъ въ Новороссійской губерніи отъ заразительной болѣзни онаго Суховка человѣка и Хоруженка сыновей. Понеже самъ священникъ Василій Канѣветскій не потаился, что за бывшихъ въ отлучкѣ съ домовъ и тамъ умершихъ—Суховковаго свойственнина и Хоруженкового сына, отправлялъ въ церкви своей надъ пустыми, однимъ погребальнымъ сукномъ покрытыми марами, похоронъ, во всемъ по чиноположенію требника, токмо разрѣшительной молитвы не читалъ, по окончаніи же похорона допустилъ бывшій народъ и къ сукну прикладываться, примѣрно, какъ къ умершему тѣлу за долгъ христіанскій прикладываются, съ тѣмъ, наконецъ, признаніемъ, *что онъ сіе отважился учинить потому*, яко-де съ бывшими его половинными Богушковскими священниками Василіемъ Черняховскимъ и Павломъ Навроцкимъ, кои уже померли, доводилось ему не единажды таковое погребеніе пѣть. Всѣ же обряды, къ долгу священника относящіеся, положены въ книгѣ требникѣ, съ точнымъ узаконеніемъ, какимъ что порядкомъ въ благопотребное и нужное время дѣйствовать; но чтобъ погребеніе, надъ тѣломъ мертвеца пѣваемое, во мѣсто того надъ пустыми, по вышеписанному, марами дозволено въ какое ни есть время отправлять, сего вовсе не значится, и когда въ требникѣ, кой святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ аппробованъ, во всѣхъ его чиноположеніяхъ таковаго дозволенія не имѣется, по самопроизвольному чьему-либо поступку въ томъ подражать всячески не должно, паче же собственной своей выдумкѣ, какова отъ упомянутыхъ Богушковскихъ священниковъ произошла и священникъ Василій слѣпо оной подражалъ, выступая съ порядка церковныхъ уставовъ и народъ соблазняя; а діаконъ Тимоѳей Черняховскій, хотя въ допросѣ своемъ потаился, яко-бы на такомъ похоронѣ не былъ, а пришелъ уже наконецъ онаго, и будто, сумняся о дѣйствіи священника, спрашивалъ онаго: можно-ли надъ пустыми марами пѣть похоронъ? но такъ какъ причетники, при томъ бывшіе, два дьячка и пономарь, показали, что дѣйствительно на всемъ похоронѣ онъ былъ и совмѣстно съ священникомъ отправлялъ, по отправленіи же и покрывало, одному ему надлежащее, получилъ, съ чего всего явствуетъ, что оба безъ дольшаго разсудка и осторожности такую въ церкви неприличную и предосудительную церемонію совершали, почему оба являются виновными и подлежатъ немпнуемому наказанію; для того

Библиотека "Руниверс"

приговорили и преосвященнымъ господиномъ Иларіономъ, епископомъ Переяславскимъ и Бориспольскимъ, архипастыремъ нашимъ, конфѣрмовано: священника Василія Канѣвецкаго и діакона Черняховскаго, суще подъ интересомъ корыстолюбія своего, похоронъ надъ пустыми марами, съ обманомъ простаго народа, отправлявшихъ, оштрафовать денежнымъ штрафомъ,—съ священника 20, а съ діакона 5 рублей взять на консисторію (и взяты), обязавъ обоихъ строжайшими подписками, впредь того не дѣлать, но во всѣхъ по долгу ихъ обрядахъ наблюдать чиноположеній церковныхъ. Во отвращеніе же таковыхъ и подобныхъ симъ могущихъ быть непорядочествъ, предложить во всѣ духовныя Правленія указами, съ предписаніемъ неослабное въ томъ имѣть за священствомъ наблюденіе. 1784 года, мая 17 дня. Ректоръ, Игуменъ Варлаамъ. Экономъ, іеромонахъ Аполоній. Протоіерей Іоаннъ Савѣнскій».

Сообщилъ Ив. П—чъ Ян—скій.

Аэролиты, упавшіе въ Овруцкомъ и Васильковскомъ уѣздахъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Около ста лѣтъ назадъ польскій натуралистъ Кароль Кортумъ составилъ изслѣдованіе объ аэролитахъ, напечатанное въ періодическомъ изданіи того времени: Nowy Pamiętnik Warszawski, dziennik historyczny, polityczny, tudzież nauk i umiejętności, t. XVIII, rok 1805. Описавъ всѣ извѣстные ему аэролиты, хранившіеся въ западно-европейскихъ музеяхъ, Кортумъ хотѣлъ собрать какія-нибудь свѣдѣнія объ аэролитахъ, падавшихъ въ Польшѣ. Такихъ свѣдѣній ему не удалось отыскать; но его ученый «коллега» Тадеушъ Чацкій прислалъ ему слѣдующія сообщенія о двухъ украинскихъ аэролитахъ, которыя въ подлинникѣ и приведены въ названномъ изданіи.

«Мнѣ извѣстны (писалъ Чацкій) два случая паденія аэролитовъ на Украинѣ: одинъ въ с. *Олешковцахъ*, въ двухъ миляхъ отъ Овруча, а другой въ с. Блощинцахъ, близъ Бѣлой-Церкви. Зимой 1770-го года въ Олешковцахъ упала жидкая масса, которая по прошествіи нѣкотораго времени окаменѣла. Лица, ее видѣвшія, утверждаютъ, что камень былъ мелко-зернистый и совершенно походилъ на камень,

Библиотека "Руниверс"

упавшій подъ Бѣлой-Церковью. Одна часть этого камня была отправлена въ Житомиръ, въ катедру (католическую) и тамъ погибла безслѣдно, а другая осталась при костелѣ въ с. Веледникахъ (Овручскаго уѣзда), но впослѣдствіи, при перестройкѣ костела, тоже куда-то затерялась. Всѣ старанія мои отыскать хотя бы ничтожный обломокъ этого камня остались безуспѣшными: нерадивость и небреженіе допустили исчезнуть этому интересному памятнику. Спрошенные при дознаніи лица показали, что простолюдины имѣли обыкновеніе обмывать этотъ камень въ водѣ и затѣмъ пили эту воду, какъ лѣкарство противъ лихорадки. Обыватели и давніе владѣльцы Веледниковъ сообщили то же самое».

«Въ 1797 году, 8-го января, въ с. Блощинцахъ, въ разстояніи одной мили отъ Бѣлой-Церкви, во время сильнаго мороза упала изъ облака (z chmury) близъ экономическихъ построекъ каменистая масса, вѣсомъ до полупуда. Въ сосѣдней деревнѣ было замѣчено, что въ тотъ самый моментъ что-то сверкнуло въ томъ облакѣ. Имѣла-ли упавшая масса сѣрный или иной запахъ—нельзя было добыть свѣдѣній; говорятъ только, что въ снѣгу она явственно издавала шипѣніе, такъ что мѣстный управитель, священникъ и другіе присутствовавшіе опасались приблизиться къ ней. Одинъ изъ крестьянъ, осмѣлившійся подойти къ ней, нашелъ ее сильно раскаленной, дымящейся и такой мягкой, что ударомъ лома (drąga) онъ легко раздробилъ ее на два большихъ и множество малыхъ кусковъ. Прибывшіе затѣмъ русскіе чиновники, собравъ подробныя свѣдѣнія, подъ присягой, отъ разныхъ лицъ, видѣвшихъ этотъ камень или что либо о немъ слышавшихъ, записали все это въ протоколъ и отправили его, вмѣстѣ съ кускомъ аэролита, въ Петербургъ».

Одинъ изъ кусочковъ этого аэролита былъ доставленъ Кортуму, и въ дальнѣйшей части цитируемой статьи приводятся результаты произведеннаго надъ нимъ химическаго изслѣдованія.

О. Л.

Библиотека "Руниверс"

Отношеніе роменцевъ къ ремесленному образованію 90 лѣтъ тому назадъ. 14 ноября 1807 года Малороссійскій ген.-губернаторъ кн. Куракинъ прислалъ роменской городской думѣ предложеніе—оповѣстить «подвѣдомыхъ ей гражданъ»: не пожелаетъ ли кто-нибудь отдать мальчиковъ 10—12 лѣтъ въ черниговское ремесленное училище «для обученія по сродности которому-либо изъ ремеслъ—слѣсарному, столярному, серебренному, рѣзному и сапожничьему»? Думѣ предписывалось «употребить особенное внушеніе» гражданамъ, что это послужитъ не только къ ихъ собственной и общественной пользѣ, но и «къ славѣ и отличію цѣлаго города».

По повѣсткамъ думы, собрались роменцы 28 декабря на совѣщаніе. Съ первыхъ же моментовъ совѣщанія обнаружилось абсолютно отрицательное отношеніе къ предложенію ген.-губернатора. По просьбѣ собравшихся, думской писарь слѣдующимъ образомъ редактировалъ отказъ «гражданъ»: «изъявили на семъ несогласіе наше отдавать мальчиковъ въ оное училище по причинѣ отдаленности отъ Ромна губернскаго города Чернигова, въ которомъ оное училище существуетъ, и не мало потребной издержки на содержаніе тѣхъ мальчиковъ, дондеже обучатся прописанныхъ ремеслъ, а согласны по прежнему на мѣстѣ, въ своемъ городѣ, по вольности, всѣхъ тѣхъ ремеслъ мальчиковъ, по сродности ихъ и по возможности всякаго хозяена, обучать, въ чемъ на семъ и подписались».

Должно быть главный мотивъ отказа роменцевъ «не мало потребная издержка на содержаніе тѣхъ мальчиковъ»—повторялся въ большинствѣ отзывовъ ремесленнаго люда Малороссійскихъ городовъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году черниговскій приказъ обществ. призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго было ремесленное училище, чрезъ полтавское губернское правленіе разослалъ думамъ разъясненіе, что «буди согласны они отдать имѣющихся у нихъ мальчиковъ въ черниговское ремесленное училище, то содержаніе тѣхъ мальчиковъ будетъ зависить не отъ нихъ, а отъ казны».

Опять роменская дума разослала 3 іюля 1808 г. повѣстки «подвѣдомымъ ей гражданамъ», но отвѣтъ опять получился отрицательный: «изъявляемъ нынѣ на семъ, такъ какъ и до сего изъявляли, наше желаніе, что мы имѣющихся у насъ мальчиковъ отдавать въ Черниговское ремесленное училище не желаемъ; *а имѣемъ здѣсь по волности и возможности нашей таковыхъ мальчиковъ, по сродности ихъ, ремесламъ обучать, въ чемъ на семъ и подписались*».

Библиотека "Руниверс"

Прошло 5 лѣтъ. Черниговское ремесленное училище не могло видно похвалиться многолюдствомъ, ибо Полтав. губ. правленіе опять разсылаетъ думамъ предписанія по тому же дѣлу. На этотъ разъ оно старается выставить предложеніе возможно заманчивѣе. Пусть—дескать дума объяснитъ гражданамъ, пишетъ оно 7 іюля 1813 года, «къ лучшему въ семъ разѣ успѣху», что «мальчики тѣ сверхъ того, что приняты будутъ на весь казенный щетъ, и безъ малѣйшаго за наученіе ихъ платежа, но по истеченіи шести лѣтъ, бывъ изучены ремесла, паки обратятся въ домы свои, и послѣдніе три года пребыванія въ училищѣ должны участвовать въ половинѣ вырабатываемыхъ ими прибыльныхъ денегъ, кои при выпускѣ ихъ составя капиталъ, дадутъ способъ не только основать каждому свое мастерство, но и обратить ихъ въ собственную и общественную пользу».

Опять собрались роменцы въ думу 25 августа 1813 года. Но и на этотъ разъ дѣло не подвинулось; роменцевъ не соблазнила даже открывавшаяся ихъ дѣтямъ перспектива—«изъ прибыльныхъ денегъ составить при выпускѣ капиталъ» для основанія «каждому своего мастерства». Отвѣтъ все-таки данъ былъ прежній: «изъявили на семъ несогласіе наше, такъ какъ и до сего изъявляли прошлого 1807 года декабря 28 числа въ заключенномъ письменномъ приговорѣ, по притчинѣ, въ оном изъясненной, *а имѣемъ здѣсь по волности и по возможности нашей таковыхъ малчиковъ, по сродности ихъ, ремеслямъ обучать, въ чемъ и подписались*».

Черезъ годъ послѣ этого, 22 сентября 1814 года, въ четвертый разъ пишетъ о томъ же роменской думѣ мѣстный полиціймейстеръ Рѣдкинъ (по приказанію губ. правленія), прибавляя, что если и на этотъ разъ не окажется желающихъ, то чтобъ дума указала для отправки въ училище сиротъ изъ мѣщанъ. На этотъ разъ призывъ остался вовсе безъ отвѣта.

Изъ указовъ губ. правленія видно, что въ ремесленное училище приглашались дѣти не только мѣщанъ, но и козаковъ и казенныхъ обществъ,—какъ въ городахъ, такъ и по волостямъ. Не смотря на такую обширную сферу дѣйствія начальственныхъ предписаній, почему то роменскіе мѣщане безуспѣшно бомбардируются предложеніями на счетъ «малчиковъ» въ теченіе семи лѣтъ. Должно быть этотъ непобѣдимый скептицизмъ къ ремесленному училищу присущъ былъ не однимъ роменцамъ.

(Изъ архива ромен. гор. думы, по описи № «дѣла» 351, 1807—1814 гг.). Сообщ. Ѳ. Н.

Библиотека "Руниверс"

Кресты гетмана Сагайдачнаго. Въ статейкѣ подъ названіемъ «Реликвіи перваго кадетскаго корпуса», напечатанной въ № 41 Русск. Инвал. за 1898 г., при перечисленіи этихъ «реликвій», между прочимъ названы: 1) *Два креста литаго серебра, поднесенные гетману Петру Конашевичу-Сагайдачному* и 2) *Евангеліе* (*Евангеліонъ*), *напечатанное въ Львовѣ 1644 г.* Относительно послѣдняго авторъ статейки г. Ал. С. говоритъ: «Здѣсь нельзя не указать, что 1644 г былъ годомъ рожденія гетмана Мазепы. На первыхъ страницахъ Евангелія, внизу, написаны слова, смыслъ которыхъ тотъ, что «завладѣвшій этимъ Евангеліемъ будетъ преданъ анафемѣ». Предсказаніе это сбылось: Мазепа, по занятіи имъ Батурина (имѣніе кн. Вишневецкаго), овладѣлъ этимъ Евангеліемъ, принадлежавшимъ кн. Вишневецкому».

При чтеніи этой замѣтки рождаются два вопроса: 1) изъ чего видно, что указанные кресты были поднесены Сагайдачному, а затѣмъ—кѣмъ поднесены и когда, и откуда кресты эти поступили въ церковь кадетскаго корпуса? 2) Откуда взято свѣдѣніе о рожденіи Мазепы въ 1644 г.?—Личное ли это свѣдѣніе автора, одинаковаго характера, какъ и свѣдѣніе его о томъ, что Мазепа завоевалъ Батуринъ, принадлежавшій де передъ тѣмъ Вишневецкому, или же указанный годъ рожденія Мазепы значится на имѣющейся въ Евангеліи надписи?

Интересно было бы получить отвѣты на эти вопросы отъ любителей южнорусской старины, находящихся въ Петербургѣ.

А. Л.

Поминки по Шевченку въ Петербургѣ. День 26-го февраля помнится здѣсь весьма многими. Для старожиловъ Петербурга, особенно знавшихъ Шевченка, естественно помнить день своего поэта; но особенно отрадно почитаніе его памяти людьми молодыми, располагающими весьма малымъ свободнымъ временемъ отъ занятій, всецѣло ихъ поглощающихъ.

Панихида, какъ и всегда, была въ Казанскомъ соборѣ. Сѣверный притворъ и вся средняя часть помѣстительнѣйшаго храма была полна молящимися самыхъ разнообразнѣйшихъ возрастовъ, состояній.

Библиотека "Руниверс"

Того-же дня въ Сѣверной гостиницѣ былъ обѣдъ человѣкъ на 60. Собравшіеся представляли собою цвѣтъ мысли, науки...

Тутъ стало извѣстнымъ, что 11-го марта будетъ вечеръ въ память Шевченка. Для этого выбранъ залъ Павловой, вмѣщающій около 600 человѣкъ. Давно замѣчено, что желающихъ бывать на этихъ вечерахъ чрезвычайно много. Нѣкоторымъ изъ распорядителей предлагавшимъ помѣщеніе Дворянскаго Собранія, какъ болѣе помѣстительное, пришлось много огорчаться: продажа билетовъ начата была 8 марта, а 9-го ихъ уже не было. Надо принять во вниманіе, что билеты выдавались только именные, людямъ знакомымъ, кто изъ послѣднихъ передавалъ билетъ другому, то былъ для него поручителемъ. Многимъ, заблаговременно не запасшимся билетами, пришлось помѣститься за кулисами. Въ проходахъ, подъ стѣнами зала, расположилась молодежь, стоя. Публика по состоянію, одеждѣ представляла большое разнообразіе; многіе были въ національныхъ костюмахъ. Изъ почетныхъ гостей мы замѣтили гг. Герарда, Пыпина, Калмыкова, Немировича-Данченко...

Въ окнахъ зала размѣщены были рисунки Шевченка, какъ его собственные, такъ и другихъ художниковъ на сюжетъ изъ Кобзаря. На эстрадѣ, слѣва отъ зрителей, въ лѣсу тропическихъ растеній утопалъ бюстъ Шевченка; бюстъ бѣлый—выглядывалъ изъ глубины зеленой ниши, какъ ангелъ чистоты, какъ свѣтъ истины, надежды.

Программы вечера не было; въ общемъ онъ имѣлъ характеръ семейнаго малороссійскаго собранія.

Въ 8 час. вечера Д. Л. Мордовецъ открылъ собраніе длинной рѣчью на малороссійскомъ языкѣ.

Послѣ пѣнія смѣшаннаго хора г. Лесевичъ прочиталъ нѣсколько стихотвореній Шевченка. Выразительность чтенія, интонація исполнителя, почтенная личность его самого производили необычайное впечатлѣніе на слушателей. Въ овиціяхъ участвовали безусловно всѣ и старые, и малые, мужчины и женщины.

Затѣмъ пѣли соло изъ произведеній Шевченка, музыка Лисенка, артисты императорскихъ театровъ — пѣвицы Селюкъ, Забѣла и Варзеръ, Шаляпинъ, Ждановъ, Морской. Послѣдній исполненіемъ «Думы мои, думы мои» приводилъ публику въ экстазъ. Другихъ артистовъ надолго прерывали аплодисментами *среди исполненія*.

Библиотека "Руниверс"

Музыкальную часть закончилъ хоръ классическимъ произведеніемъ Нищинскаго—«Закувала та сыва зозуля».

Въ промежуткѣ показана была въ *живой картинѣ* сцена изъ Гайдамакъ: Оксана въ монастырѣ разговариваетъ съ *черницею*, а въ заключеніе такая-же картина изъ «Невольника»: Ярына узнаетъ слѣпого Степана. Рисунки къ живымъ картинамъ въ натуральную величину на полотнѣ исполнены въ мастерской Рѣпина. Картины довершили иллюзію совершавшагося.

Литературно-вокальная часть закончилась около часу ночи; залъ приготовили для танцевъ. Послѣдніе, въ началѣ общіе, смѣнились скоро гопакомъ и метелыцею. Однако, многіе были крайне не довольны ими, какъ несоотвѣтствующими характеру *вечера*.

За ужиномъ, заказывавшимся каждымъ въ отдѣльности, по желанію, говорились рѣчи, и между прочими С. Н. Кулябка развивалъ ту мысль, что малороссы, при всемъ столь великомъ прошломъ своей интеллигенціи, не вселяютъ своимъ дѣтямъ любви къ родному языку, въ противоположность тому, что замѣчается у всѣхъ народовъ, а особенно у южныхъ славянъ. Д-ръ Г.

Крашанки въ старину. Въ «Очеркахъ Малорос. Фамилій» А. М. Лазаревскаго (Русск. Архивъ 1875 г., книга 1-я, стр. 444), въ разсказѣ о ссорѣ Осипа Гамалѣи съ свящ. Кантаровскимъ, приводятся, между прочимъ, слѣдующія слова Гамалѣи: «а на воскресенскихъ праздникахъ—яйцами вареными рядки били и тѣ жъ рядки вмѣстѣ ѣли». Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ Гамалѣи приводится такое объясненіе Кантаровскаго: «на воскресенскихъ праздникахъ рядковъ съ нимъ не билъ, а билъ яйца красныя». Авторъ «Очерковъ» тутъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Битье *рядковъ яицъ*, вѣроятно, составлялъ какой нибудь обычай, о которомъ теперь мы ничего не знаемъ».

Можетъ быть авторъ въ послѣдствіи, или кто другой, выяснилъ дѣло объ этихъ *рядкахъ*; во всякомъ случаѣ, не считаю, на всякій случай, лишнимъ сообщить о томъ, какъ въ Зарожскихъ палести-

Библиотека "Руниверс"

нахъ *), во время моего дѣтства (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ) *бавились* на *Велыкдень* (главнымъ образомъ, на первый день) яйцами.

Яйца на Велыкдень являлись въ обиходѣ: *крашанкй* (окрашенныя въ *кйрку*—красныя, въ *бразолію*—темно-синія съ особымъ оттѣнкомъ и въ *жовтйло*—желтыя); наиболѣе было красныхъ, потомъ бразолійныхъ и наименѣе всего желтыхъ. Крашанкй не всегда варились очень *круто*, а *бѣлыя*, очень круто сваренныя, всегда. Бавились въ яйца двоякимъ образомъ: 1) *навбйтки* (и теперь еще не вышедшими изъ употребленія) исключительно крашенными яйцами, а по преимуществу красными, и 2) *въ котючки* (теперь мало уже въ употребленіи) крашанками (но круто сваренными) и бѣлыми (отъ продолжительной игры яйца становятся мягкими, какъ мячики). На гладкомъ мѣстѣ, напр., на протоптанной тропѣ, одинъ ставитъ свое яйцо, а другой, съ извѣстнаго разстоянія, быстро покатитъ свое, и если задѣнетъ яйцо противника—беретъ послѣднее себѣ, а не то свое проигралъ... Если рядки Кантаровскаго тоже, что и котючки, то при Кантаровскомъ рядкѣ была что-то въ родѣ *кóна*; но въ котючкахъ я *кóна* не помню: кажется, въ котючкѣ всегда играли одинъ на одинъ.

М. Номисъ.

Легенды, относящіяся къ берегамъ Буга около Винницы. Обогнувъ Винницу, Бугъ течетъ къ югу; потомъ, послѣ того какъ онъ принялъ въ себя маленькую рѣчку Винню, онъ поворачиваетъ на югъ, пока не встрѣтитъ горъ около мѣстечка Сабарова, которыя поэтому тамъ на мѣстѣ и называются Сабаровскими; тутъ рѣка снова поворачиваетъ и дѣлаетъ большую излучину, которая поразительно красива. Горы круто спускаются къ рѣкѣ, составляя мѣстами почти отвѣсную стѣну изъ гранита, красная поверхность котораго покрыта зеленью кустарника и плюща; скалы опускаются въ воду прямо, не оставляя никакого откоса. Въ одномъ мѣстѣ такая скала очень странно опустилась въ воду: она не спускается въ нее непосредственно, а упирается въ другую, которая торчитъ изъ воды и поддерживаетъ ее. Кажется, что она катилась съ горы и, докатывавшись до берега,

---

*) Говорится о хуторѣ Зарожскомъ, лубенск. уѣзда, мѣстѣ рожденія автора сей замѣтки. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

почему то остановилась. Можетъ быть, въ какое то стародавнее время оно такъ и было, что она упала съ горы. Много разъ, катаясь на челнокѣ, я любовался ея красивымъ и страннымъ положеніемъ. Однажды, когда я проходилъ по берегу въ этомъ мѣстѣ и обходилъ по тропинкѣ эту скалу сзади, со мной шелъ старикъ крестьянинъ изъ села Тютьки, направлявшійся домой. На мое замѣчаніе, какъ камень чудно лежитъ, онъ мнѣ разсказалъ преданіе, которымъ объясняется присутствіе этого камня въ данномъ мѣстѣ.

«Это было давно, говорилъ онъ, когда еще только люди стали селиться въ Сабаровѣ; они стали строить церковь. Вотъ, какъ только черти увидѣли это, они захотѣли имъ помѣшать и рѣшили скатить съ горы эту скалу, перебросить ее на тотъ берегъ и завалить ею церковь. Вотъ стали они катить, докатили до берега, а тутъ пѣтухи закричали, надо было въ пекло возвращаться, такъ они эту скалу и бросили, и съ тѣхъ поръ она тутъ и лежитъ».

Это не единственное преданіе, связанное съ берегами Буга подъ Винницей. Ближе къ городу, на правомъ берегу, немного ниже такъ называемой «скалы», на хуторѣ принадлежавшемъ прежде Гродецкому, а теперь принадлежащемъ Дювре, недалеко отъ воды выступаетъ изъ-подъ земли большая скала, представляющая площадь около двухъ саженей квадратныхъ; на этой скалѣ видны два углубленія, имѣющія сходство со слѣдами лошадиныхъ копытъ: какъ будто лошадь сильно уперлась задними ногами; немного далѣе видны двѣ ямки, какъ будто отъ какого нибудь остраго орудія, воткнутаго въ камень, а еще немного дальше на камнѣ видѣнъ странный потекъ, очень похожій на слѣдъ чего-то пролитаго. По поводу этого камня, какъ утверждаетъ одинъ изъ старожиловъ Винницы, г. Постоловскій, существовала такая легенда. Въ то время, какъ люди начинали тутъ селиться, ихъ очень обижали вѣдьмы тѣмъ, что выдаивали ихъ коровъ; Георгій Побѣдоносецъ рѣшился заступиться за людей; однажды онъ погнался за одной вѣдьмой, которая несла горшокъ молока; она пустилась бѣжать отъ него съ горы; но когда сбѣжала съ нея на этотъ камень, то упала. Георгій Побѣдоносецъ поразилъ ее своимъ копьемъ, которое вонзилось въ камень, молоко разлилось и оставило слѣдъ на камнѣ, тутъ же видны и слѣды копытъ коня св. Георгія. Самъ я не слыхалъ ни отъ кого этого преданія; объясняю это тѣмъ, что люди, живущіе по близости, въ сущности недавно поселились тутъ; но самый камень я нашелъ по

Библиотека "Руниверс"

описанію, прочитанному мною въ книжечкѣ г. Постоловскаго, въ которой онъ описываетъ свое дѣтство и свои воспоминанія о Винницѣ. Онъ передаетъ этотъ разсказъ, какъ ходячее преданіе, которое ему приходилось слышать въ дѣтствѣ.

Г. Аѳанасьевъ.

Кіевъ, 25 февр. 1898 г.

Находки римскихъ монетъ. «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крестьянами селъ Келеберды и Лѣпляваго, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра сдѣлана находка римскихъ монетъ. Монеты довольно хорошей сохранности и относятся къ временамъ императора Марка Аврелія, т. е. ко II столѣтію по Р. Х. Одна изъ нихъ имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе головы императора въ лавровомъ вѣнкѣ; вокругъ находится такая надпись: M. Antoninus Arm. (enicus) Parth. (icus). На оборотной сторонѣ находится изображеніе богини, а вокругъ стоитъ надпись: IMP III COS III TR P XX. Возлѣ мѣстечка Лѣпляваго найдены двѣ монеты, изъ которыхъ одна императора Антонина Пія, а другая—Марка Аврелія. На лицевой сторонѣ первой, вокругъ изображенія головы императора, находится надпись: Divus Antoninus, т. е. божественный Антонинъ; а на оборотной—изображеніе четырехъ-яруснаго, постепенно съуживающагося кверху, на подобіе пирамиды, костра, на которомъ было сожжено тѣло императора. Вокругъ надпись CONSECKRATIO. Это—погребальный динарій, выбитый по случаю похоронъ Антонина Пія. На другой монетѣ, вокругъ выпуклаго изображенія головы Марка Аврелія (лицо въ бородѣ), находится слѣдующая надпись: Imp. M. Aurel. Antoninus Aug. На оборотной сторонѣ—изображеніе стоящей женщины, обращенной лицемъ налѣво и держащей въ рукѣ рогъ изобилія, а вокругъ монеты надпись: PROVID Deor. R. T. P. XVI COS III. Въ 1894 г. въ с. Ковтунахъ, Золотоношскаго уѣзда, найдено 104 римскихъ серебряныхъ монеты временъ Траяна, Комода и Септимія Севера. Недавно возлѣ мѣстечка Прохоровки, того же уѣзда, было найдено нѣсколько римскихъ серебряныхъ монетъ, изъ которыхъ одна временъ Антонина Пія и вполнѣ

Библиотека "Руниверс"

тождественна, какъ по надписи, такъ и по изображенію лица императора, съ описаннымъ выше погребальнымъ динаріемъ, а другая—Септимія Севера, голова котораго изображена въ вѣнкѣ; вокругъ монеты надпись: Imp. CAEL, Sep. Sev. PART. AVG. На оборотной сторонѣ монеты находится изображеніе знамени между двухъ значковъ и вокругъ надпись: M. A. C.; внизу—TR. P. COS. Въ м. Семиполкахъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., найдена платиновая монета Элія Вера. Въ м. Б. Крупольѣ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ., на старомъ городищѣ, на валахъ была вырыта изъ земли серебряная римская монета Марка Аврелія. Наконецъ, въ Роменскомъ уѣздѣ, Полт. губерніи, у с. Медвѣжьяго найдено значительное количество римскихъ серебряныхъ монетъ. Кромѣ того въ селѣ Волковцахъ, Роменскаго уѣзда, недавно отысканъ кладъ, состоявшій изъ 250 золотыхъ и серебряныхъ римскихъ монетъ, но къ какому времени онѣ относятся, рѣшить пока трудно». (Полтавск. Губ. Вѣд. 1898 г., № 57).

Городецкій музей Волынской губерніи. На дняхъ отпечатана въ Варшавѣ книжка подъ такимъ заглавіемъ: *Отчетъ Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ф. Р. Штейнгеля, за первый годъ съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г. Составилъ Н. Бѣляшевскій.* (60 стр. и «рисунокъ—внутренній видъ части Городецкаго музея»). Извлекаемъ изъ этой любопытной книжки, а также и изъ статьи, напечатанной 11 марта въ газетѣ «Волынь» (1898 г., № 68) слѣдующія свѣдѣнія.

Городецкій музей Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгеля помѣщается въ с. Городкѣ, ровенскаго уѣзда. Въ ноябрѣ 1896 года, баронъ Ф. Штейнгель началъ приводить въ исполненіе давно задуманный имъ планъ учрежденія областнаго музея волынской губерніи, т. е. такого учрежденія, въ которомъ были-бы собраны разнообразные матеріалы, касающіеся Волыни, такъ или иначе характеризующіе различныя стороны жизни края. Для общаго руководства этимъ учрежденіемъ барономъ Штейнгелемъ приглашенъ молодой археологъ Н. Ф. Бѣляшевскій, уже извѣстный въ литературѣ нѣкоторыми своими работами.

Библиотека "Руниверс"

«При детальномъ обсужденіи программы музея, говорится въ первомъ отчетѣ музея, было рѣшено поставить ее возможно шире, что откроетъ большій просторъ для дѣятельности; вести дѣло не торопясь, но вести систематически, обращая главное вниманіе на то, что можетъ служить для общей характеристики края, исключая все, что является случайнымъ, что носитъ названіе «раритетовъ» и чѣмъ зачастую бываютъ заполнены частныя и общественныя собранія. Районъ, который охватываетъ музей,—теперешняя волынская губернія. Хотя границы губерніи и не соотвѣтствуютъ границамъ древней Волынской земли, но въ виду того, что расширеніе этихъ рамокъ завело бы слишкомъ далеко, рѣшено ограничиться территоріей волынской губерніи, и такъ достаточно обширной».

Городецкій музей имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:

Естественный, географическій, антропологическій, археологическій и этнографическій. Кромѣ того, есть еще отдѣлъ—библіотека музея, которая раздѣляется на три части: рукописи, старопечатныя книги и книги позднѣйшаго времени.

Въ коллекціи музея помѣщаются только такіе предметы, происхожденіе которыхъ точно извѣстно. Что касается внѣшняго порядка, принятаго въ музеѣ, то для записи предметовъ заведенъ «инвентарь», для записи расходовъ—расходная книга, и, кромѣ того, заведена «лѣтопись Городецкаго музея», куда заносятся замѣтки о дѣятельности музея и мнѣнія по различнымъ вопросамъ лицъ, принимающихъ участіе въ устройствѣ музея или посѣщающихъ его.

Подводя итогъ дѣятельности музея за минувшій годъ, отчетъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что успѣхъ дѣла зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что въ немъ приняли живое участіе нѣкоторыя лица, сочувствующія дѣлу. Такъ, при посредствѣ В. А. Мошкова, для этнографическаго отдѣла было получено много разнообразныхъ предметовъ, касающихся народнаго быта; имъ же было снято для музея болѣе сотни фотографій, записывались народныя произведенія, составлялись замѣтки о различныхъ мѣстностяхъ и т. п. А. А. Матвѣевъ, совершая поѣздки по Волыни, снабдилъ музей массой очень цѣнныхъ фотографій съ различныхъ памятниковъ старины. Благодаря помощи С. П. Яремича, для музея было пріобрѣтено много книгъ, брошюръ, фотографій. Кромѣ того, многія другія лица содѣйствовали развитію музея, жертвуя различные предметы и книги, помогая совѣтами и

Библиотека "Руниверс"

указаніями. Всего въ теченіи отчетнаго года въ музей поступило 950 номеровъ, которые по отдѣламъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ географическомъ отдѣлѣ	354 №№
» антропологическомъ	16
» археологическомъ	103
» этнографическомъ	252
» библіотекѣ	179
Предметовъ, не вошедшихъ въ вышеупомененованные отдѣлы	46.

Для пополненія антропологическаго и археологическаго отдѣловъ, въ іюлѣ и августѣ 1897 года, Н. Ф. Бѣляшевскимъ и барономъ Ф. Р. Штейнгелемъ были произведены раскопки кургановъ въ 4-хъ могильникахъ, расположенныхъ въ ровенскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегъ рѣки Устья. Могильники эти языческіе, славянскіе; время ихъ можно опредѣлить VII—IX вв. по Р. Х.; скелеты, обнаруженные въ курганахъ, разной сохранности, большей частью плохой. Кромѣ того, въ отчетномъ году былъ изслѣдованъ, у с. Большого Олексина, ровенскаго у., склепъ, разрытый раньше, заключавшій въ себѣ, повидимому, социніанское погребеніе (XVI в.) и принадлежащій, по всей вѣроятности, одному изъ Чапличей, прежнихъ владѣльцевъ Шпаново,—находящагося близъ склепа. Поступившіе предметы распредѣляются по группамъ слѣдующимъ образомъ: доисторическаго времени—каменнаго вѣка 12 №№, языческаго славянскаго вѣка—28; историческаго времени—13; архитектурныхъ памятниковъ—28 №№, монетъ—28, медаль—1. Предметы доисторическаго времени (каменнаго вѣка) большею частью составляютъ—діоритовые топоры-молоты съ отверстіемъ (шлифован. и безъ слѣдовъ шлифовки). Кремневый топорикъ-клинъ, отбивной и кремневый наконечникъ стрѣлы со стержнемъ для древка и безъ онаго. Изъ предметовъ, относящихся къ языческому славянскому вѣку, большею частью встрѣчаются—глиняныя кубышки разной величины, куски дубовыхъ досокъ отъ гробовъ, желѣзные гвозди и бронзовыя кольца. Всѣ подобнаго рода предметы, имѣющіеся въ Городецкомъ музеѣ, добыты при раскопкѣ кургановъ (могильниковъ) въ ровенскомъ уѣздѣ. Среди предметовъ

Библиотека "Руниверс"

историческаго времени имѣется портретъ дѣвушки въ малорусскомъ костюмѣ XVIII вѣка. Портретъ писанъ масляными красками, изображеніе погрудное; длина портрета 41 стм.; ширина 31 стм.; дѣвушка одѣта въ «корсетку», на шеѣ три ряда коралловъ и дукачъ, голова убрана тремя разноцвѣтными лентами, концы которыхъ спадаютъ на спину. Въ рапортѣ, отъ 31 января 1856 г., владимірскаго земскаго исправника, нашедшаго этотъ портретъ, значится, что по преданіямъ это портретъ Бондаривны, любовницы Потоцкаго, старосты Каневскаго, Особенно богатъ этнографическій отдѣлъ музея. Интересенъ также найденный въ м. Славутѣ: «Вертепъ»—деревянный ящикъ для представленія народной пьесы того-же названія. Предметъ къ представленію народной пьесы «Царь Иродъ». Текстъ и музыка къ «Вертепу», записанные В. А. Мошковымъ. Полная коллекція мѣстной с. Городка крестьянской одежды. Принадлежности мужского крестьянскаго костюма: сырага, сорочка, ярмулка, кацавейка, бархандова сорочка, кашкетъ, чоботы, постолы, поясъ и т. д. Принадлежности женскаго крестьянскаго костюма; сорочка, сорочка перкалева, сподница, нагрудникъ, хвартухъ, каптуръ, тканка (кольцо, на которое навертываются волосы), хустка, намысто, куцань и намитець (головная повязка, почти совсѣмъ вышла изъ употребленія). Имѣется, кромѣ того, много образцовъ вышивокъ и матерій. Кромѣ того, въ музей поступили также различныя произведенія народной словесности; эти послѣднія распредѣлены по сборникамъ историко-географическихъ матеріаловъ, а также вошли частью въ отдѣленіе рукописей.

Въ отчетномъ году въ библіотеку музея поступило: рукописей 5, книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій—168, афишъ и объявленій 6 №№. Болѣе замѣчательныя рукописи: Записная книга процессовъ церкви въ с. Караевичахъ, ровенскаго у., съ 1779 по 1795 г., на польскомъ языкѣ. 2) Бумаги Я. Я. Волошинскаго; главное содержаніе бумагъ—дневники раскопокъ, произведенныхъ покойнымъ ученымъ въ 50-хъ годахъ въ кіев. губ.; но есть также среди бумагъ тетрадь, заключающая различныя преданія, записанныя въ овручскомъ уѣздѣ въ концѣ 40-хъ годовъ однимъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. 3) Пѣсни, записанныя В. А. Мошковымъ въ 1891 г. отъ солдатъ варшавскаго гарнизона, уроженцевъ волынской губерніи; пѣсни съ мотивами.

Библиотека "Руниверс"

Книги въ музеѣ есть по естествовѣдѣнію, географіи (топографія, статистика, путешествія, этнографія), исторіи (исторія, археологія, біографія), обществовѣдѣнію и народному образованію.

Кромѣ, того имѣются справочныя книги, программы, афиши и объявленія.

Нельзя не пожелать учрежденію барона Ф. Р. Штейнгеля полнаго преуспѣянія, а также нельзя не указать на это учрежденіе многимъ и многимъ городамъ Юго-Западнаго края, въ которыхъ о мѣстныхъ музеяхъ нѣтъ и рѣчи... А между тѣмъ находимые тутъ предметы мѣстной старины, тщательно собираемые различными «агентами», систематически вывозятся заграницу и навсегда гибнутъ для нашего края...

А. Л.

Карта Подольской епархіи. Подольскою духовною консисторіею издана карта Подольской епархіи. Отпечатана она въ типолитографіи С. Кульженка въ Кіевѣ; масштабъ—въ одномъ англійскомъ дюймѣ 10 верстъ. На картѣ нанесены всѣ поселенія губерніи съ особымъ обозначеніемъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, имѣющихъ церковь и причтъ, селъ съ церковью, но безъ причта (приписныхъ), и деревень (безъ церкви и причта). Кромѣ того, цвѣтными линіями подъ названіями поселеній отмѣчены церковно-приходскія школы и школы грамоты, а также министерскія народныя училища; обозначены также особыми знаками мѣстоположенія православныхъ монастырей и католическихъ костеловъ. Составлена карта учителемъ Каменецкаго духовнаго училища С. Беднаровскимъ.

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета. Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ

Библиотека "Руниверс"

достиженія возможной полноты изданій, обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Томы: XVIII (1897, кн. IV. Стр. 192), XIX (1897, кн. V. Стр. 194), XX (1897, кн. VI. Стр. 194) и XXI (1898, кн. I. Стр. 184* [1]).

Въ настоящемъ году исполнится 25 лѣтъ существованія львовскаго общества имени Шевченка (съ 1893 г.—научнаго общ. того-же имени). Въ прежнихъ отчетахъ «Кіев. Стар». указаны были главныя цѣли, преслѣдуемыя этимъ симпатичнымъ и полезнымъ учрежденіемъ: создать средоточіе научной работы на родномъ языкѣ, объединить научныя силы на пользу родной литературы въ широкомъ смыслѣ слова и такимъ путемъ дать толчекъ дальнѣйшему возрожденію и укрѣпленію этой литературы сообразно съ потребностями и идеальными запросами обширнаго народа, чтобы поставить его въ рядъ съ другими культурными національностями Европы. Ближайшею практическою задачею общества было основаніе во Львовѣ академіи наукъ.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ общество съ неутомимой и заслуживающей удивленія энергіей продолжало свою полезную дѣятельность, несмотря на различныя затрудненія и обычный недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Въ Галичинѣ общество Шевченка не имѣетъ прочной опоры въ народной высшей школѣ; матеріальныя условія галицко-русской интеллигенціи таковы, что научная работа на родномъ языкѣ является актомъ патріотическаго самопожертвованія, какъ то признаютъ и сами галичане (т. XXI, записка для

[1]) Обзоръ содержанія прежнихъ 17 тт. „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г., №№ 11 и 12; 1896 г., 2, 5 и 10 и 1897 г., 1, 5, 7—8.

Библиотека "Руниверс"

загального збору 1898 р.); условія для созвучной научной работы въ одноплеменной южной Россіи слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться здѣсь. Такимъ образомъ, общество Шевченка, не имѣя серьезной научной поддержки и съ этой стороны, должно было сосредоточить свои пока немногочисленныя силы почти исключительно на почвѣ галицкихъ отношеній. Между тѣмъ тяжелая національная борьба въ предѣлахъ Галичины требуетъ много силъ, отвлекая ихъ отъ научной работы. Въ концѣ 1896 г., въ виду текущихъ политическихъ интересовъ, общество Шевченка пережило тяжелый кризисъ и самое существованіе его было поставлено на карту, но общество вышло изъ этого кризиса съ честью, доказавъ жизненность свой идеи и необходимость продолженія своей дѣятельности для развитія народнаго самосознанія и обезпеченія народу лучшей будущности.

Научная работа общества въ 1896 и 1897 г.г. развивалась безостановочно. Въ секціяхъ общества было 26 засѣданій въ 1896 г. и 25 въ 1897 г. Число референтовъ дошло до 44, рефератовъ—до 89. Явились новыя научныя силы и самостоятельныя научныя работы, обязанныя своимъ происхожденіемъ той же объединяющей и организующей дѣятельности общества Шевченка. По мѣрѣ возможности, общество оказывало матеріальную помощь молодымъ работникамъ на полѣ науки путемъ стипендій, субсидій для поѣздокъ съ ученою цѣлью и т. п. Заботами общества учреждена библіотека по всѣмъ отраслямъ наукъ, служащая могущественнымъ подспорьемъ для мѣстныхъ работниковъ. По мѣрѣ увеличенія круга послѣднихъ «Записки» общества стали нынѣ выходить регулярно шесть разъ въ годъ, при чемъ для юридическихъ наукъ издается особо «Часопись правнича», для естественныхъ — «Збірник математично — природописно—лікарської секциі» (вышли двѣ книги). Редакція «Записокъ» предполагаетъ ввести въ своемъ изданіи особый отдѣлъ научной хроники, которая должна держать читателей въ курсѣ современной науки, особенно по отношенію къ Украинѣ. Секція филологическая издала въ текущемъ году первый томъ своего «Сборника». Археографическая коммиссія выпустила томъ памятниковъ украинскаго языка и литературы (ветхозавѣтные апокрифы подъ редакціей д-ра Франка, 29 печ. листовъ), второй томъ источниковъ для исторіи Украины—Руси (люстраціи перемышльскія и саноцкія, ред. проф. М. Грушевскаго, 23 печ. листа), печатается четвертый томъ источниковъ (акты

Библиотека "Руниверс"

временъ Хмельниччины), подготовляется изданіе дальнѣйшихъ люстрацій и сборника драматической литературы 17 и 18 столѣтій. Начатый въ 1895 г. этнографическій сборникъ вышелъ уже въ двухъ томахъ (26 печ. листовъ), третій томъ долженъ появится на дняхъ (матеріалы, собранные В. Гнатюкомъ въ Угорской Руси). Собрано много этнографическаго матеріала для дальнѣйшихъ изданій; для разработки этихъ матеріаловъ являются молодыя силы благодаря научному импульсу общества. Изданіе общества «Руська історична бібліотека» продолжалось—вышли 18 и 19 томы (19 печ. листовъ—окончаніе перевода «Мазепы» Костомарова, В. Б. Антоновича о послѣднихъ временахъ козачества на правомъ берегу Днѣпра и пр. Въ XX томѣ будетъ помѣщенъ переводъ монографіи Я. Н. Шультина о коліївщинѣ). Принадлежащій обществу литературно-научный журналъ «Зоря» преобразованъ въ «Литературно-науковый Вістник», выходящій въ 12 книгахъ по 12 печ. листовъ.—Общество Шевченка поддерживаетъ правильный обмѣнъ изданіями съ 50 учеными учрежденіями въ другихъ странахъ, особенно въ Россіи и Чехіи.

Уже изъ этихъ главныхъ данныхъ можно видѣть, что общество Шевченка во Львовѣ встрѣчаетъ свой первый юбилейный годъ въ полномъ разгарѣ дѣятельности на пользу родного языка и литературы и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія можетъ оглянуться на пройденный нелегкій путь, не унывая предъ трудностями еще предстоящими. Милостивъ Богъ! Въ планы природы, очевидно, не входитъ погибель живыхъ народныхъ организмовъ, способныхъ къ самостоятельному и оригинальному развитію.

Въ «Запискахъ», издаваемыхъ подъ редакціей профессора львовскаго университета М. Грушевскаго, продолжаютъ печататься менѣе обширные по объему труды членовъ общества Шевченка, не вошедшіе въ составъ перечисленныхъ выше сборниковъ и спеціальныхъ изданій. Отмѣчу прежде всего статьи самого редактора въ настоящихъ четырехъ томахъ. Въ «Описи перемышльскаго староста 1494—7 г.г.» (т. XIX, 1—24) авторъ сообщаетъ съ объясненіями два неизвѣстныхъ еще документа изъ архива варшавской казенной палаты. Акты эти интересны по богатству данныхъ о податяхъ и пашщинахъ мѣщанъ и крестьянъ въ концѣ 15 вѣка и представляютъ цѣнный вкладъ для характеристики разницы экономическихъ порядковъ въ селахъ на русскомъ и нѣмецкомъ правѣ. Изъ того же архива почерпнутъ авторомъ

Библиотека "Руниверс"

актъ 1456 г. о выкупѣ Каменецкаго староства (т. XX, отд. miscellanea). Въ статьѣ «Галицкое боярство XII—XIII в.» (т. XX, 1—20) г. Грушевскій даетъ живой и интересный очеркъ вопроса, не разъ затронутаго въ нашей исторической литературѣ, но далеко еще не освѣщеннаго со всей той полнотой, какой онъ безспорно заслуживаетъ. Всѣ существенныя данныя по этому вопросу сведены авторомъ въ цѣльную картину, и если чего не достаетъ въ послѣдней, такъ это сравненія галицкаго боярства съ соотвѣтственными общественными слоями и теченіями въ сосѣднихъ западныхъ земляхъ той эпохи. По этому вопросу имѣетъ появиться въ «Запискахъ» спеціальная работа одного изъ сотрудниковъ. Въ XXI томѣ (1—16) г. Грушевскій помѣстилъ отрывокъ изъ подготовленнаго имъ обширнаго труда по исторіи древней Руси, посвященный вопросу объ антахъ. Критически сводя имѣющіяся извѣстія объ этомъ народѣ, авторъ приходитъ къ положительному заключенію, что анты были предками сѣверянъ, уличей и тиверцевъ и такимъ образомъ составляли южную вѣтвь славянства въ предѣлахъ древнѣйшей Руси.—Много мѣста въ своихъ работахъ удѣляетъ г. Грушевскій подробнымъ критическимъ отчетамъ о важнѣйшихъ трудахъ въ области русской исторіи. Не говоря о многочисленныхъ его рецензіяхъ, отмѣчу обстоятельные и цѣнные его отчеты о сочиненіяхъ Самоквасова (Изслѣд. по ист. рус. права), Сергѣевича (Рус. юр. древности), Равиты—Гавронскаго (Госуд.-обществ. строй Руси въ XI и XII в.), Голубовскаго (Смолен. земля), Даниловича (Полоцкая земля) и даже Филевича (яко бы о древней Руси).

Въ томахъ XVIII и XX закончена печатаніемъ обширная и цѣнная монографія д-ра Франка о литературной исторіи духовнаго романа «Варлаамъ и Іоасафъ». Авторъ критически изслѣдуетъ вопросъ объ авторѣ романа, усвоеніе его въ европейскихъ литературахъ, происхожденіе романа въ первоначальной обработкѣ и восточные элементы въ его составѣ и подробно излагаетъ разнообразныя теоріи, предложенныя по этимъ вопросамъ западно-европейскими и русскими учеными. Не подлежитъ сомнѣнію, что работа г. Франка займетъ видное мѣсто въ ряду сравнительно-историческихъ изученій по этому предмету.

Перу г. Стеф. Томашивскаго принадлежитъ обстоятельная и съ большимъ знаніемъ дѣла написанная статья въ XIX томѣ (стр. 1—70). «Податкові ухвали за Казиміра Ягайловича в Польщі». Въ

Библиотека "Руниверс"

первой части статьи авторъ излагаетъ податную исторію Польши на протяженіи всего XV в., во второй изслѣдуетъ формы податного обложенія, обложеніе отдѣльныхъ сословій и финансовую технику эпохи. Прекрасная метода работы, хорошее знакомство съ источниками и осторожность выводовъ заставляютъ указать на изслѣдованіе г. Томашивскаго, какъ на явленіе выдающееся въ историко-экономической литературѣ.

Г. Евг. Барвинскій снабдилъ предисловіемъ и напечаталъ in extenso 22 неизданныхъ документа изъ XXIII тома рукописнаго сборника Acta Tomiciana, хранящагося въ музеѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Всѣ эти акты относятся къ малоизвѣстному нападенію козаковъ на турецкій Очаковъ въ 1545 г. и представляютъ не лишенный значенія вкладъ для ранней исторіи козачества и отношеній послѣдняго къ Польшѣ (т. XVIII, 1—32).

Въ XXI томѣ «Записокъ» помѣщена статья г. Ал. Лотоцкаго: «Общественное положеніе бѣлаго духовенства въ Украйнѣ и Россіи въ XVIII в. (стр. 1—46). На основаніи изданныхъ источниковъ и обработокъ, авторъ послѣдовательно разсматриваетъ отношенія къ духовенству русскаго правительства, духовнаго управленія и различныхъ классовъ общества и обрисовываетъ причины и признаки приниженнаго положенія духовнаго сословія въ эту эпоху, выдѣляя при этомъ нѣкоторыя особенности въ отношеніяхъ духовенства къ обществу на Украйнѣ. Статья читается съ живѣйшимъ интересомъ.

Въ приложеніи къ XXI тому напечатана прекрасно составленная сводка г. Вяч. Будзиновскаго оффиціальныхъ данныхъ объ урожаяхъ въ Галичинѣ и Буковинѣ въ 1896 и 1897 гг. (стр. 1—36).

Во всѣхъ 4-хъ томахъ «Записокъ» помѣщенъ рядъ небольшихъ статей и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ (гг. Франка, Гнатюка, А. Маркевича, Н. Княжевича, Охримовича, Томашивскаго и др.).

Отдѣлъ библіографіи отличается обычною обстоятельностью и добросовѣстностью отзывовъ, часто очень подробныхъ и цѣнныхъ въ смыслѣ критики. Въ разсматриваемыхъ томахъ даны отчеты и отзывы о 57 періодическихъ изданіяхъ и 118 книгахъ и статьяхъ, касающихся Галичины и южной Россіи.

Н. М.

Библиотека "Руниверс"

Архивъ Государственнаго Совѣта. *Т. IV. Ч. 3. СПБ. 1897.*

Какъ видно изъ помѣщеннаго въ началѣ настоящаго тома «Архива» краткаго предисловія, «вошедшіе» въ составъ его «журналы департамента гражданскихъ и церковныхъ дѣлъ, съ 1810 г. по 1825 г.», описаны въ той-же системѣ, какая была принята въ предшествующей второй части того-же тома [1]). Всѣ журналы сгруппированы по предметамъ и затѣмъ, въ каждомъ отдѣлѣ, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми подъ строкой поясненіями, съ указаніемъ №№ Полн. Собр. Зак., подъ которыми помѣщены упоминаемыя въ журналахъ правительственныя распоряженія. Въ особомъ приложеніи помѣщены указатели: 1) именъ личныхъ, 2) географическій и 3) предметный. Настоящій томъ изданъ подъ прежней редакціей члена археографической комиссіи Г. Ф. Штендмана.

Всѣ матеріалы, отпечатанные въ настоящемъ томѣ «Архива», расгруппированы, подъ общимъ заглавіемъ — «Законы гражданскіе» и частнымъ «О правахъ имущественныхъ», на три отдѣла: а) о духовныхъ завѣщаніяхъ, б) объ учрежденіи фидеикомиссовъ и в) объ наслѣдствѣ по закону. Такъ какъ подобнаго рода актовъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта имѣется, по всей вѣроятности, много, то нельзя не пожалѣть, что редакція не поясняетъ, чѣмъ руководствовались составители при выборѣ напечатанныхъ, сравнительной ли ихъ важностью или тѣмъ, что они попались прежде всего подъ руку.

Къ южнорусской территоріи относятся слѣдующіе акты:

1) 8 сентября 1810 г.—По дѣлу о духовномъ завѣщаніи генерала-отъ-инфантеріи Тимоѳея Тутолмина относительно пожалованнаго ему по службѣ имѣнія при м. Рашковѣ и с. Белочѣ Балтскаго уѣзда Подольской губерніи.

2) 16 декабря 1812 г.— По дѣлу подполковника Ивана Васильевича Кондратьева и поручицы Прасковіи Яковлевны Лесевицкой съ женою тайнаго совѣтника Анной Андреевной Комбурлей о недвижимомъ имѣніи въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 23 февраля 1814 г.—По дѣлу поручика Дублянскаго съ подпоручицей Васильковской о землѣ, принадлежавшей умершему бригадиру Занковскому.

---

[1]) Кіевская Старина 1897 г., январь.

Библиотека "Руниверс"

4) 26 февраля 1814 г.—По дѣлу объ имѣніи, оставшемся послѣ бунчуковаго товарища Осипа Стефановича.

5) 3 ноября 1821 г.—По дѣлу графини Констанціи Дульской и княгини Эмиліи Радзивиллъ о духовномъ завѣщаніи отца ихъ, графа Ворцеля, по которому графъ завѣщалъ с. Юшковцы Кіевской губерніи въ пожизненное пользованіе дѣвицѣ Крушевской, а послѣ ея смерти въ потомственное владѣніе воспитывавшемуся у графа Станиславу Сироткѣ, «если сей послѣдній», по всеподданнѣйшему прошенію завѣщателя, удостоится получить дворянское достоинство и фамилію фонъ-Теммерштейнъ.

6) 15 ноября 1822 г.—По дѣлу жены коллеж. рег. Медвѣдовской о духовномъ завѣщаніи отставн. прапорщика Ничка на домъ въ г. Харьковѣ.

7) 15 іюня 1825 г.—По дѣлу о раздѣлѣ между губерн. секр. Игнатіемъ и губерн. регистр. Иваномъ Худобріями имѣнія при с. Команѣ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда и при с. Погребнахъ, Кролевецкаго уѣзда

Н. С.

О. Кониський. *Тарас Шевченко-Грушівський. Хроника його життя. Т. І. У Львові, 1898 (Збірник фільольогічної секції наукового товариства імени Шевченка. Т. І. Ювилейне виданне товариства).* Стр. 252.

Матеріалы для біографіи знаменитаго малорусскаго поэта значительно увеличились въ послѣднее время. Большею частью они появлялись въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и уследить за ними—уже теперь трудъ не легкій. Кромѣ разбросанности данныхъ, изслѣдователь неизбѣжно наталкивается на массу противорѣчій, произвольныхъ или невѣрныхъ догадокъ и просто вымысловъ. Въ этой грудѣ извѣстій самыхъ разнокалиберныхъ и разноцѣнныхъ давно уже необходимо разобраться, чтобы возстановить полный образъ человѣка и поэта. Безъ такой предварительной работы критическое изученіе творчества Шевченка не можетъ быть поставлено на твердую почву и не удовлетворитъ современнымъ научнымъ требованіямъ.

Исполнить этотъ нелегкій трудъ систематической сводки имѣющихся матеріаловъ—такова задача г. Конискаго, скромно назвавшаго

Библиотека "Руниверс"

свою книгу хроникою жизни поэта. Авторъ располагаетъ свой матеріалъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, преслѣдуя главную цѣль—дать читателю возможность ясно судить, что за человѣкъ былъ Ш., какъ относился онъ къ современникамъ, что вліяло на его развитіе и творчество, подъ какими впечатлѣніями онъ писалъ и что влекло къ нему сердца. Исторіи творчества Ш., критическаго изученія его поэзіи авторъ не обѣщаетъ, полагая, что для нея еще не собрано достаточно данныхъ.

Работа г. Конискаго первоначально печаталась отдѣльными очерками въ «Запискахъ» львовскаго ученаго общества имени Шевченка (съ 1892 года). При обзорѣ «Записокъ» въ «Кіев. Старинѣ» своевременно указаны были положительныя достоинства этихъ очерковъ и сдѣланы замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ неровностей изложенія и спорныхъ пунктовъ. Изданный нынѣ къ 25-лѣтнему юбилею общества первый томъ біографіи обнимаетъ періодъ жизни поэта до ссылки въ Орскъ въ іюнѣ 1847 года. Второй томъ вѣроятно появится въ этомъ же году.

Книга разбита на шесть главъ: дѣтство поэта (1814—19 г.), юношество до выкупа изъ крѣпостнаго состоянія (1829—39 г.), отъ выкупа до перваго изданія «Кобзаря» (1839—40 г.), отъ выхода «Кобзаря» до окончанія академіи художествъ (1840—45 г.), пребываніе поэта на Украйнѣ (1845—47 г.), арестъ (17 апрѣля—23 іюня 1847 г.).

При сравненіи настоящаго тома съ первоначальными очерками г. Конискаго въ «Запискахъ» оказывается, что авторъ, не измѣняя общаго плана и метода работы, значительно дополнилъ и частью переработалъ нѣкоторыя главы, въ особенности послѣднюю. Дѣло въ томъ, что за послѣдніе два—три года появились въ печати и поступили въ распоряженіе біографа новые матеріалы, нѣсколько измѣнившіе взглядъ его на тѣ или другія подробности трагической судьбы поэта и полнѣе характеризующіе роль людей, съ которыми Шевченко встрѣчался въ эту пору. Самое изложеніе также переработано, устраненъ по возможности полемическій элементъ, безъ нужды нарушавшій цѣльность впечатлѣнія, разсказу придано больше ровности. Въ результатѣ мы имѣемъ книгу строго продуманную, хорошо написанную и очень цѣнную по обилію сведенныхъ въ ней, какъ извѣстныхъ раньше, такъ, частью, еще неизвѣстныхъ матеріаловъ, критически провѣренныхъ и систематизированныхъ. Какъ видно, неутомимому автору пришлось немало поработать надъ новымъ изданіемъ не только въ

Библиотека "Руниверс"

отношенія стиля и изложенія, но и путемъ собиранія новыхъ литературныхъ указаній и данныхъ, еще неопубликованныхъ, получать отдѣльныя свѣдѣнія посредствомъ частной переписки и усиленныхъ поисковъ. Невольно приходится пожалѣть, что эти добросовѣстные усилія и труды не могутъ обращаться на пользу также и нашей письменности, такъ какъ галицкія изданія по какимъ то непостижимымъ причинамъ недоступны нашей читающей публикѣ.

Книга г. Конискаго написана хорошимъ языкомъ и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, несмотря на суровый критицизмъ автора и стремленіе его внести въ изложеніе даже мельчайшія черты жизни поэта. Это отсутствіе слащавой идеализаціи, ясное разумѣніе реальнаго хода отношеній, хорошее знаніе людей вѣка и обстановки дѣйствія свидѣтельствуютъ объ умственной зрѣлости общества, для котораго книга предназначена. При всемъ увлеченіи своимъ предметомъ, авторъ рѣдко сходитъ съ почвы фактической; среди тысячи подробностей мелкихъ и повидимому второстепенныхъ, онъ не забываетъ своей задачи—дать изображеніе дѣйствительнаго, а не фантастическаго Шевченка. И по мѣрѣ чтенія образъ поэта вырисовывается ярко, во всей присущей ему нравственной красотѣ и оригинальности, въ обстановкѣ убійственно тяжкой и безпросвѣтной. И если малорусскому поэту суждено дождаться полной біографіи и всесторонней научной оцѣнки, то настоящій опытъ г. Конискаго безъ сомнѣнія сослужитъ хорошую службу будущимъ изслѣдователямъ.

Отдавая должное достоинствамъ настоящей книги, не могу не указать на одно утвержденіе автора, на мой взглядъ, недостаточно обоснованное. Какъ извѣстно, гр. Орловъ въ извѣстной своей докладной запискѣ имп. Николаю I заявилъ, что общество кіевскихъ славянистовъ существовало три мѣсяца въ умахъ трехъ ученыхъ мечтателей—Костомарова, Гулака и В. Бѣлозерскаго. Г. Конискій полагаетъ, что гр. Орловъ добросовѣстно ошибался, что въ дѣйствительности общество было широко распространено, обнимало чуть-ли не сотню лицъ. На основаніи данныхъ, приводимыхъ самимъ же авторомъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ данномъ случаѣ было лишь покушеніе на образованіе тайнаго панславянскаго общества и что участники послѣдняго понесли кару исключительно за свои идеи, случайно попавшія на бумагу, но не за организованную дѣятельность, предполагаемую обществомъ фактически существующимъ. Можно согласиться съ догадкой автора, что Шевченко зналъ объ этомъ покушеніи и сочувствовалъ его отдаленнымъ

Библиотека "Руниверс"

цѣлямъ, насколько послѣднія обнимали реальное интересы его родины (уничтоженіе крѣпостнаго права, развитіе просвѣщенія въ простомъ народѣ), но затѣмъ характеристика покушенія, оффиціально представленная начальникомъ III отдѣленія, должна быть признана фактически вѣрной и вполнѣ соотвѣтствующей общему ходу умственныхъ теченій въ тогдашнемъ Кіевѣ. Что касается до Шевченка, то, мнѣ кажется, не слѣдуетъ въ частности оттѣнять его увлеченія т. наз. славянофальскими идеями: въ жизни его идеи эти не играли никакой дѣятельной роли, отраженіе ихъ въ поэмахъ Шевченка—чисто искусственное, внѣшнее. Отношеніе его къ этимъ идеямъ лучше всего характеризуется извѣстнымъ выраженіемъ поэта: «я ничого не хочу тилько хочу, щобъ люды свого не забувалы».

Въ книгѣ г. Конискаго помѣщены недурно исполненные портреты Шевченка, Гребенки, А. Лизогуба, Кухаренка, Кулиша, Костомарова, В. Бѣлозерскаго, Н. Гулака, Пильчикова и рисунокъ хаты въ с. Кириловкѣ.

Н. М.

Professor Alexander Barwiński. *Das Volksleben der Ruthenen (Народная жизнь русинъ). Wien, 1898. (Стр. 65. in-4. Съ 22 иллюстраціями въ текстѣ).*

Новая работа извѣстнаго галицкаго писателя г. Ал. Барвинскаго напечатана въ XVIII т. прекраснаго нѣмецкаго изданія «Die österreichisch—ungarische Monarchie in Wort und Bild» (стр. 376—440). Статья г. Барвинскаго, какъ предназначенная для популярнаго иллюстрированнаго изданія, не задается учеными цѣлями, но извѣстно хорошо, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать популярно. Издатели описанія австро-венгерской монархіи обратились къ галицкому ученому, близко знакомому съ бытомъ и исторіей своей родины, и тѣмъ дали полезный урокъ нашимъ издателямъ, книги которыхъ часто страдаютъ неудовлетворительностью текста при блестящей и иногда даже роскошной внѣшности.

Въ живыхъ и интересныхъ очеркахъ авторъ знакомитъ читателя съ общей характеристикой населяющаго Галичину южно-рус-

Библиотека "Руниверс"

скаго племени и съ его внѣшнимъ бытомъ, костюмомъ, постройками. Переходя къ народнымъ обычаямъ, авторъ подробно описываетъ крестины, свадьбу, погребеніе, праздничныя игры и увеселенія, болѣе употребительные танцы и т. п. Статья оканчивается характеристикой народной поэзіи и пѣсеннаго творчества. Положенія свои авторъ подтверждаетъ удачно подобранными выдержками изъ пѣсенъ и думъ (въ нѣмецкомъ переводѣ или подражаніяхъ, напр., Боденштедта). Изложеніе простое, ясное и свидѣтельствующее о хорошемъ знакомствѣ автора съ предметомъ. Поэтому статью можно рекомендовать интересующимся, какъ поучительное чтеніе.

По поводу нѣкоторыхъ подробностей описанія можно возражать. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что по лѣвому берегу Сана живутъ бужане, въ галицкой Подоліи—подоляне и ополяне, далѣе упоминаются волыняне и побережцы (будто-бы жители побережные, Uferbewohner), пистровяне (стр. 380). По поводу такой терминологіи желательны были-бы нѣсколько болѣе подробныя поясненія. Тоже относится и солнечному мифу, какъ основѣ галицкихъ сказаній и преданій (стр. 432).

Статья снабжена прекрасно исполненными и удачно подобранными иллюстраціями. Кромѣ рисунковъ, изображающихъ народные типы и костюмы, можно указать въ особенности на снимокъ скородинецкой православной церкви (стр. 407), Скленовой улицы въ Чортковѣ (419), гуцульскаго свадебнаго поѣзда (423), крестьянскихъ похоронъ у Коломыи (427), освященія пасхальныхъ яицъ въ Хмеліовой (433) и народнаго обычая «церковки» въ Тышковцахъ (427).

Желательно было-бы, чтобы авторъ съ такимъ же успѣхомъ продолжалъ свою работу, такъ какъ матеріалъ для описанія еще далеко не исчерпанъ [1]).

И. М.

---

[1]) Слѣдуетъ назвать при этомъ другую подобную работу, имѣющую въ виду ту же Галичину и принадлежащую Владисл. Завадскому (Tygodn. Illustrow. 1864 г., №№ 223—231). Кромѣ обстоятельнаго текста, тамъ помѣщено болѣе 20-ти рисунковъ (сцены изъ народной жизни), принадлежащихъ извѣстному польскому художнику Юлію Коссаку.

Библиотека "Руниверс"

X. Wacław, *kapucyn. O cudownym obrazie Najśw. Maryi P. Berdyczowskiej. Wiadomość historyczna. Kraków, 1897.* (Стр. 33).

Брошюра о. Вацлава представляетъ нѣкоторый интересъ потому, что въ ней сведены главныя данныя о дѣятельности босыхъ кармелитовъ въ Бердичевѣ. Обитель заложена въ 1634 г. иждивеніемъ кіевскаго воеводы Тышкевича, вызвавшаго въ Бердичевъ кармелитанскихъ монаховъ. Образъ Богородицы, подаренный монастырю Тышкевичемъ, представляетъ копію съ римской иконы въ храмѣ Матери Божіей Majoris (рисунокъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, работы св. евангелиста Луки) Въ 1648 г. кармелиты вынуждены были удалиться съ иконой во Львовъ, возвратились въ 1663 г., но черезъ годъ были изгнаны уже наслѣдниками Тышкевича и возвратились только въ 1717 г. Собственники Бердичева не благоволили къ кармелитамъ, стремясь завладѣть фундушемъ. Тѣмъ не менѣе въ 1721 г. образъ Богоматери былъ перевезенъ въ Бердичевъ. Въ 1732 г. онъ былъ увезенъ въ Люблинъ, возвращенъ въ 1736 г. Черезъ три года началась постройка новаго костела при монастырѣ, оконченная только въ 1654 г. По исчисленіямъ самихъ кармелитовъ, до 1756 года зарегистровано 263 чуда при образѣ, въ томъ числѣ 14 воскрешеній мертвыхъ. Образъ былъ коронованъ установленнымъ порядкомъ въ 1756 году. Авторъ подробно описываетъ этотъ торжественный обрядъ на совершеніе котораго истрачено 83.665 злотыхъ, пожертвованныхъ 24 лицами. При взятіи Бердичева Кречетниковымъ кармелитанскій монастырь остался нетронутымъ. Въ 1820 г. костельныя драгоцѣнности и короны для образа, присланныя папой Венедиктомъ XIV украдены, но короны отыскались. Въ 1831 г. короны вновь украдены и уже не отысканы. Въ 1866 г. убитъ днемъ въ своей кельѣ послѣдній пріоръ монастыря, о. Салезій, послѣ чего монастырь закрытъ по распоряженію Безака. Костелъ оставленъ.

Уже въ 1758 г. Бердичевскіе кармелиты устроили у себя типографію, просуществовавшую до 1844 г. По исчисленію г. Руликовскаго, изъ нея вышло до 650 изданій, въ томъ числѣ нѣсколько капитальныхъ. Типографія доставляла кармелитамъ большой доходъ [1]).

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о бердичевской типографіи см. въ статьѣ покойнаго Ролле—„Drukarnia i sztycharnia w Berdyczowie“, напечатанной въ сборникѣ Rocznik dla archeologów, numismatów i bibliogr. polsk. Rok 1871. Wyd St. Krzyżanowski. (Kraków, 1874), стр. 14—26.

Библиотека "Руниверс"

Въ свое время пользовались большою извѣстностію бердичевскіе календари, издаваемые кармелитами. Послѣдніе завели также бумажную фабрику, библіотеку и школы, число учениковъ которыхъ доходило до тысячи. Школы закрыты въ 1832 г.

Изложеніе о. Вацлава не отличается критичностью. Къ извѣстіямъ своихъ источниковъ онъ относится съ излишнею довѣрчивостью не только по вопросамъ спеціально-духовнаго характера, но и при разсказѣ о суровыхъ фактахъ внѣшняго міра. Поэтому выставленныя въ заголовкѣ слова: «историческое извѣстіе» было-бы правильнѣе выпустить.

Н. М.

П. Л. Юдинъ. *Къ біографіи Т. Г. Шевченка.* („*Русскій Архивъ*" *П. Бартенева. 1898 г., вып. 3, стр. 463—476).*

Цѣль настоящей замѣтки г. Юдина—исправить нѣкоторыя неточности въ сообщеніяхъ гг. Гаршина и Матова («Истор. Вѣст.» 1886, янв. и «Камско-Волж. край» 1897 г. №№ 306, 313 и 318) о пребываніи Шевченка въ ссылкѣ. Полемическій тонъ г. Юдина нѣсколько рѣзокъ. Приведу лишь фактическія указанія его, основанныя на дѣлахъ штаба 23 пѣхотной дивизіи № 372—1848 г. и № 779—1849 г. и представляющія интересъ для установленія нѣкоторыхъ хронологическихъ и біографическихъ подробностей.

Шевченко былъ доставленъ въ Оренбургъ 9 іюня въ 11 часовъ ночи и зачисленъ въ батальонъ № 5 въ Орскѣ; 14 іюня отправленъ этапнымъ порядкомъ въ Орскъ, куда прибылъ 22 іюня; 23 числа онъ зачисленъ въ списки батальона и опредѣленъ въ роту.

Въ началѣ 1848 года сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ въ Раимское укрѣпленіе транспорта изъ крѣпости Илецкая Защита, подъ прикрытіемъ 4-го линейнаго батальона. Для укомплектованія послѣдняго вызывались охотники изъ 5-го батальона, но желающихъ не оказалось. Въ маѣ составленъ списокъ 200 чиновъ, назначенныхъ для этого укомплектованія, и въ числѣ ихъ находился Шевченко. Въ походъ выступили 11 мая, 16-го дошли до Оренбурга и въ ночь на 20-е число мая, въ 2 часа, транспортъ вышелъ въ степь подъ

Библиотека "Руниверс"

прикрытіемъ укомплектованнаго 4-го батальона и подъ командою подполковника Маркова (а не Шрейбера, какъ полагаетъ г. Гаршинъ). Такимъ образомъ уже съ 1 мая 1848 г. Шевченко числился въ 4-мъ батальонѣ.

Одновременно съ транспортомъ выступила и извѣстная аральская экспидиція подъ начальствомъ Бутакова, въ которой принялъ участіе Шевченко. Возвратившись изъ этой экспедиціи вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ѳомой Вернеромъ въ Оренбургъ (а не въ Орскъ) 12-го ноября 1849 г., Шевченко былъ прикомандированъ къ № 2 линейному батальону. 22 января 1850 г. корпусный командиръ Обручевъ распорядился «препроводить нижнихъ чиновъ Ѳому Вернера и Тараса Шевченку въ Гурьевъ городокъ, ко времени открытія по Каспійскому морю навагаціи, для отправленія ихъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе для (из)слѣдованія каменнаго угля». 8 февраля Шевченко и Вернеръ высланы изъ Оренбурга въ Гурьевъ-городокъ, но почему то не могли отправиться въ Ново-Петровское съ открытіемъ навигаціи. Въ началѣ мая они возвращены въ Оренбургъ, а 12 мая Шевченко препровожденъ къ командиру бригады для отправленія въ крѣпость Орскую, въ № 5 батальонъ, и лишь въ октябрѣ 1850 г. высланъ изъ Орска на Мангашлыкъ и 17 числа записанъ во 2-й полубатальонъ № 1-го оренбурскаго линейнаго батальона, квартировавшій въ Ново-Потровскомъ, гдѣ поэтъ и пробылъ до 1 августа 1857 г. Разсказы о связи высылки поэта въ Ново-Петровское съ романтическимъ приключеніемъ г-жи Г-ной, мужъ которой служилъ адъютантомъ у Обручева, не заслуживаютъ, по мнѣнію г. Юдина, довѣрія: если бы это было такъ, то въ бумагѣ 22 января 1850 г. не было бы надобности упоминать, это онъ отправляется туда «для изслѣдованія каменнаго угля».

Въ Оренбургѣ Шевченко велъ собя тихо, скромно. По разсказамъ автору старушки Кутиной, поэтъ ходилъ по городу всегда въ солдатской шинели и «только подъ низомъ ея» надѣвалъ синія широкія шаровары и бѣлую, вышитую на груди и по рукавамъ, малороссійскую рубаху. Былъ у него одинъ пріятель, офицеръ—малороссъ, квартировавшій у Кутиной. Шевченко чуть не каждый день навѣщалъ его. Вдвоемъ они коротали длинные зимніе вечера за чайкомъ и водочкой. «Придетъ бывало онъ къ намъ (говорила старушка), сейчасъ шинель долой, повѣситъ ее въ передней на гвоздикъ, расправитъ свои длинные черные усы, и первый его вопросъ

Библиотека "Руниверс"

въ шутливомъ тонѣ: «Ой чы живы, чы здоровы вси родычи гарбузови?» Когда пріятеля нѣтъ дома, онъ, въ ожиданіи его, ходитъ изъ угла въ уголъ по всѣмъ комнатамъ. Потомъ придетъ на мою половину, а я тѣмъ временемъ водочки приготовлю и закусочку смастерю.— А що, хозяюшка, кысленька капустка е?—всегда спрашивалъ онъ.— Есть, батюшка, есть.—Оце добре!—До смерти онъ любилъ эту кислую шинкованную капусту. Никакихъ другихъ угощеній ему не надо. Придетъ хозяинъ, сядутъ они за столъ, и пойдутъ у нихъ разговоры, иногда далеко за полночь; но всегда тихо, скромно, безъ шума».

Разсказамъ о недоброжелательствѣ къ Шевченку гр. Перовскаго г. Юдинъ не придаетъ никакого значенія, такъ какъ графъ никогда не видалъ Щевченка и не бывалъ въ Ново-Петровскомъ.

Въ заключеніе авторъ жестоко подсмѣивается надъ довѣрчивостью г. Матова, передавшаго (въ № 318 «Кам.-Волж. Края») легенду о посылкѣ Шевченку изъ Малороссіи въ Ново-Петровское писемъ, посылокъ и «шпиковъ изъ свиного сала, кусковъ, величиною въ кубическую четверть».

Было-бы весьма желательно, чтобы г. Юдинъ опубликовалъ точныя выдержки изъ дѣлъ оренбургскихъ корпуснаго и центральнаго архивовъ, касающіяся нашего поэта, судьба котораго такъ живо интересуетъ автора настоящей замѣтки въ «Русскомъ Архивѣ».

Н. М.

Отчетъ Комитета по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. *Харьковъ, 1898. 8 д. л. 99 стр.*

Исторія этихъ премій въ отчетѣ изложена слѣдующимъ образомъ: «Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ среди акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка возникла мысль ознаменовать истекавшее тогда 25-лѣтіе царствованія Царя-Освободителя какимъ либо полезнымъ дѣломъ. Первоначально предполагалось осуществить это намѣреніе учрежденіемъ при мѣстномъ Харьковскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ премій, съ цѣлью содѣйствовать изученію экономическаго

Библиотека "Руниверс"

состоянія губерній, входящихъ въ раіонъ дѣятельности Харьковскаго Земельнаго Банка. Составленная для обсужденія этого предмета комиссія изъ представителей правленія Харьковскаго Земельнаго Банка, предсѣдателя Харьковскаго сельско-хозяйственнаго общества проф. В. А. Кочетова, профессоровъ А. Е. Зайкевича и А. П. Шимкова пришла однако къ заключенію, что болѣе цѣлесообразно было бы учредить названныя преміи при главномъ просвѣтительномъ учрежденіи въ краѣ, т. е. при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Мысль эта была одобрена общимъ собраніемъ акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка, которое 19 марта 1880 года постановило пожертвовать десять тысячъ рублей на учрежденіе премій при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Капиталъ этотъ въ 1889 году былъ увеличенъ до 20,000 рублей и вслѣдъ затѣмъ комиссіей, составленной изъ представителей Харьковскаго Земельнаго Банка А. Г. Шиманова, А. Л. Пестржецкаго и профессоровъ университета М. М. Алексѣенка, К. К. Гаттенбергера, А. Е. Зайкевича и Г. М. Цѣхановецкаго—былъ выработанъ проектъ положенія о преміяхъ, который и утвержденъ былъ 19 марта 1889 года общимъ собраніемъ акціонеровъ Банка. Переданный затѣмъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ Харьковскому Университету 17 мая 1889 года капиталъ на учрежденіе премій, 20,000 рублей, возросъ къ 2 іюня 1893 года, вслѣдствіе приращенія процентовъ, до суммы 26,700 рублей. Въ виду такого значительнаго увеличенія капитала, предназначеннаго для учрежденія премій, а также пониженія процентовъ, вслѣдствіе конверсіи 6% облигацій Харьковскаго Земельнаго Банка, въ которыхъ первоначально былъ помѣщенъ пожертвованный на преміи капиталъ, Правленіе Императорскаго Харьковскаго Университета по соглашенію съ правленіемъ Харьковскаго Земельнаго Банка должно было сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ первоначальномъ проектѣ положенія о преміяхъ и въ такомъ видѣ, это положеніе было, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го мая 1894 года утверждено 13-го мая 1894 года, г. Министромъ народнаго просвѣщенія».

Затѣмъ образованъ былъ Комитетъ по присужденію премій, который открылъ свою дѣятельность въ октябрѣ 1894 года, «По открытіи дѣйствіи Комитета, первое присужденіе премій должно было состояться черезъ три года. Но такъ какъ первое трехлѣтіе оканчивалось 15 октября 1897 года, а по положенію о преміяхъ присужденіе премій назначается черезъ три года, считая отъ 19 февраля

Библиотека "Руниверс"

1895 года, слѣдующаго за утвержденіемъ этого положенія, то поэтому первый періодъ до присужденія премій продлился нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ. Въ послѣдующіе годы присужденіе премій должно будетъ происходить точно по трехлѣтнимъ періодамъ».

«Комитетъ началъ свою дѣятельность съ того, что принялъ мѣры для возможно широкой публикаціи о предстоявшемъ 19 февраля 1898 года присужденіи премій. Кромѣ объявленій въ мѣстныхъ изданіяхъ и въ столичной прессѣ, Комитетъ отпечаталъ извѣщенія объ учрежденіи премій, разославъ въ столичныя и провинціальныя изданія съ просьбой помѣстить ихъ въ текущей хроникѣ. Всѣ изданія, въ количествѣ болѣе ста, къ которымъ обращался Комитетъ, любезно исполнили его просьбу. Тѣ же печатныя извѣщенія были разосланы во всѣ городскія думы губернскихъ городовъ Юга Россіи, а также въ сельско-хозяйственныя общества и во всѣ губернскія и нѣкоторыя уѣздныя земскія управы южныхъ губерній. Кромѣ того такія-же печатныя извѣщенія были разосланы во всѣ отдѣленія и агентуры Харьковскаго Земельнаго Банка черезъ посредство правленія послѣдняго и во всѣ среднія учебныя заведенія Харьковскаго Учебнаго Округа черезъ посредство Управленія Округа».

«Послѣ этихъ публикацій, повторенныхъ въ болѣе узкихъ предѣлахъ къ 19 февраля 1897 года въ Комитетъ стали поступать просьбы о присылкѣ подлиннаго положенія о преміяхъ. Такихъ просьбъ было прислано и удовлетворено въ количествѣ двадцати трехъ, а до 19 февраля 1897 года, т. е. до предѣльнаго срока для представленія сочиненій на соисканіе премій, въ Комитетъ поступило пять сочиненій. Изъ нихъ одно, посвященное общимъ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи, какъ неотвѣчающіе требованіямъ положенія о преміяхъ, было по постановленію Комитета возвращено обратно автору, а остальныя четыре сочиненія поступили на разсмотрѣніе комитета. Для спеціальной оцѣнки этихъ сочиненій Комитетъ избралъ четырехъ рецензентовъ, по одному на каждое сочиненіе. При назначеніи рецензентовъ комитетъ, руководствуясь цѣлями учрежденія премій и желая привлечь возможно большее вниманіе къ изслѣдованію общественнаго и экономическаго быта части Россіи, входящей въ раіонъ дѣятельности Харьковскаго земельнаго банка, не ограничился кругомъ членовъ Комитета, но рѣшилъ обратиться и къ другимъ лицамъ извѣстнымъ своими изслѣдованіями мѣстнаго раіона. Такимъ образомъ составленіе рецензій на представленныя для соисканія премій сочиненія было поручено членамъ комитета проф. А.

Библиотека "Руниверс"

Е. Зайкевичу, проф. И. П. Скворцову, кромѣ того, члену Кіевской Судебной Палаты, А. М. Лазаревскому и земскому статистику, завѣдывающему губернскимъ Статистическимъ Бюро Черниговскаго Земства А. А. Русову».

«Въ засѣданіяхъ 10 ноября и 27 ноября 1897 года Комитетъ, выслушавъ представленныя ему рецензіи о двухъ сочиненіяхъ, а также ту оцѣнку, которая была сдѣлана въ сужденіяхъ объ этихъ сочиненіяхъ нѣкоторыми членами Комитета, единогласно призналъ невозможнымъ удостоить ихъ премій. Комитету оставалось еще высказать свои сужденія относительно двухъ другихъ сочиненій, о которыхъ поступили одобрительныя рецензіи А. М. Лазаревскаго и А. А. Русова. Въ засѣданіи 31 января 1898 года Комитетъ, основываясь на рецензіи А. М. Лазаревскаго о сужденіяхъ, высказанныхъ его членами, въ томъ числѣ спеціалистомъ по исторіи Южной Россіи Д. И. Багалѣемъ, единогласно присудилъ большую премію въ 1000 рублей Д. П. Миллеру за его сочиненіе «Очерки изъ исторіи быта старой Малороссіи» въ 2-хъ частяхъ. I) Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, и II) Превращеніе казацкой старшины въ дворянство. Въ томъ же засѣданіи Комитетъ единогласно присудилъ половинную премію въ 500 руб. г. санитарному врачу Херсонскаго земства Н. И. Тезякову за его изслѣдованіе «Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи», рецензированное проф. И. П. Скворцовымъ, при чемъ и рецензентъ, и члены Комитета отмѣтили благотворную дѣятельность Херсонскаго земства въ дѣлѣ постановки статистическаго изслѣдованія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и организаціи санитарнаго надзора надъ пришлыми рабочими».

Въ приложеніи къ отчету напечатаны и самыя рецензіи проф И. П. Скворцова и А. М. Лазаревскаго. Послѣдняя раздѣляется на двѣ части: «О малорусскомъ дворянствѣ» и «О статутовыхъ судахъ.» Первая часть рецензіи имѣетъ въ виду, такимъ образомъ, монографію Д. П. Миллера, напечатанную на страницахъ нашего журнала прошлаго года. Вторую часть рецензіи А. М. Лазаревскаго на монографію, напечатанную въ 8-мъ томѣ Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества, мы предполагаемъ перепечатать въ нашемъ журналѣ, въ виду новыхъ данныхъ, имѣющихся въ этой рецензіи относительно судопроизводства въ старой Малороссіи и—по малораспространенности харьковскаго отчета».

Библиотека "Руниверс"

1898 годъ. 2 годъ изданія.

Продолжается подписка

НА

„ЛИБАВСКІЯ НОВОСТИ"

И

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

въ 1898 году.

«Либавскія Новости и Торгово-Промышленная Газета» выходятъ ежедневно утромъ за исключеніемъ дней послѣ воскресныхъ и высокоторжественныхъ дней. **«Либавскія Новости и Т. Пр. Г».**, единственная утренняя газета въ Либавѣ, сообщаетъ мѣстныя новости, биржевыя и торговыя свѣдѣнія, телеграммы и т. п. д.—Въ фельетонѣ печатаются романы, повѣсти, занимательныя сочиненія, разсказы, бесѣды и т. д.

Подписная цѣна составляетъ:

безъ доставки:	съ доставкою на домъ:	съ перес. по почтѣ:
На годъ 3 р. — к.	4 р. — к.	4 р. 50 к.
» 1/2 г. 1 р. 50 к.	2 р. — к.	2 р. 35 к.
» 1/4 г.— р. 80 к.	1 р. 10 к.	1 р. 25 к.
» 1 м. — р. 30 к.	— р. 40 к.	— р. 50 к.

Пробные номера высылаются безплатно и франко.

Плата за объявленія по 3 коп., на первой стр. 6 коп. заграничн. 6 и 12 коп. съ мѣста, заним. одностолбц. строку мелкаго шрифта.— Отдѣльн. номера по 3 коп.

Подписку просятъ направлять въ эксп. „Либ. Нов. и Торг. Пр. Г.", книжный магазинъ М. Петерсона по Юліанинск. улицѣ № 40, въ Либавѣ.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

МАЙ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА Ѳ. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА КЪ БРАТУ ВЪ КІЕВЪ 1866 годъ. (*Окончаніе*). . . . . 169—190
II. МАЛОРОССІЙСКІЙ САРДАНАПАЛЪ. **А. Полницкаго** . . 191—201
III. ЗАПАДНО-РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ МИТР. ПЕТРѢ МОГИЛѢ. (1633—1646). *Глава V.* **С. Голубева**. . . . . 202—221
IV. ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ. 1857-65 гг. 222—244
V. СВАДЕБНЫЕ И ДРУГІЕ НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ ВЪ ЧЕРВОНОЙ-РУСИ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ . . . . . 245—253
VI. РОДЫНЫ И ХРЕСТЫНЫ. (Матеріалъ собранъ въ м. Мринѣ, Нѣжин. уѣзда). **А. Малинки** . . . . . 354—286
VII. ПЕРВЫЯ ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВѢ. **Л. Струниной**. 287—307

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Покинутая жена. **О. Л.** б) Изъ прошлаго полтавской епархіи. (Бытовыя картинки). Сообщ. **Ив. П-чъ Ян—скій**. в) Мысли М. А. Максимовича о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г. г) Изъ недавней исторіи малорусскаго козачества. Сообщилъ **А. Танковъ**. д) Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. **А. Л.** 37—52
II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Живописная Россія. Малороссія и Новороссія. **Н. Ш.** б) М. Чернявський (Донецьки сонеты) **И. Стешенка.** в) Номоканонъ при большомъ требникѣ. **А. Л.** г) Русская политика въ восточномъ вопросѣ. **А. Л.** д) Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи І. Ф. Карпова. **А. Л.** е) Десятилѣтіе Харьковской общественной библіотеки. **Н. М.** Малорусскія изданія послѣднихъ мѣсяцевъ. **М. С. Кононенко.** 53—75
ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 апрѣля 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

Отъ состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вслѣдствіе неурожая 1897 г. обнаружилась крайняя нужда сельскаго населенія въ продовольствіи и въ поддержаніи хозяйства; въ особенности пострадали губерніи: Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Симбирская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Калужская, Нижегородская, Самарская, Оренбурская, Ставропольская, Донская и Кубанская области, а также многіе уѣзды другихъ губерній, при чемъ съ каждымъ днемъ получаются новыя извѣстія, что здѣсь и тамъ наступилъ голодъ и распространился тифъ.

Императорское Вольное Экономическое Общество не могло не отозваться на это народное бѣдствіе. Нѣсколько собраній было посвящено выясненію продовольственнаго вопроса, а 26 марта избранъ Комитетъ, изъ членовъ Общества, для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Съ первыхъ шаговъ Комитетъ встрѣтилъ поддержку представителей разныхъ слоевъ общества и петербургской учащейся молодежи. Стали поступать пожертвованія, которыя и разсылаются въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности, преимущественно на устройство столовыхъ: уже въ первое засѣданіе Комитета разосланы 800 руб. въ 5 губерній. Помощь эта крайне невелика, но, разсчитывая и на дальнѣйшее сочувствіе отзывчивыхъ людей, *Комитетъ проситъ поддержать его дѣятельность какъ денежными пожертвованіями, такъ и указаніями, гдѣ испытывается наибольшая нужда.*

Всякая помощь, какъ бы незначительно не былъ ея размѣръ, будетъ принята съ благодарностью.

Посылки по почтѣ адресуются въ СПБ., Императорское Вольное Экономическое Общество въ Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая (Забалканскій пр., 33).

Въ С.-Петербургѣ пожертвованія принимаются: въ канцеляріи Вольнаго Экономическаго Общества, у Предс. Комитета Б. Э. Кетрица (Баскова ул., 14) и казначея Комитета К. А. Окунева (Кавалергардская 2).

Печатая это обращеніе Комитета, редакція нашего журнала проситъ жертвователей направлять, свои взносы и по адресу редакціи *(Кіевъ, Кузнечная, 14).*

Библиотека "Руниверс"

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Юдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго **ку**ецкаго сына **Михайла Юдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Юдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ **издателю** къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь **изъ** нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы **мнѣ** можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Библиотека "Руниверс"

Письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

1867 годъ[1]).

Письмо 1.

7 генваря 1867 г.—г. Холмъ.

На дняхъ уѣзжаю въ Варшаву по разнымъ служебнымъ дѣламъ, преимущественно для проведенія денежныхъ смѣтъ на многія пристройки и перестройки. Хочется при этомъ провѣдать и о новомъ положеніи дѣлъ, хотя кое-что и теперь уже извѣстно.

То, что вы писали со словъ m-me Галаганъ, было для насъ новостью, которой я не рѣшался нѣкоторое время пускать въ ходъ. Теперь видимое дѣло, что наступилъ finis Poloniae, котораго, конечно, не станутъ объявлять на бумагѣ, но только будутъ на дѣлѣ приводить въ исполненіе. Возвратившійся на другой день Новаго года изъ Варшавы помощникъ инспектора нашей гимназіи привезъ слѣд. извѣстія: Витте сказалъ ему прямо, что онъ не будетъ уже управлять въ качествѣ Главнаго Директора, что взамѣнъ Коммиссіи будетъ попечительство, подчиненное Министру Н. Просвѣщенія, и что это состоится вскорѣ. О своемъ дальнѣйшемъ назначеніи онъ, конечно, не могъ говорить, да и въ Варшавѣ никто еще ничего на этотъ счетъ не знаетъ.

Отъ Коммисіи Вн. и Д. Дѣлъ дѣла духовныя отдѣляются, и идетъ, говорятъ, споръ между Толстымъ и Валуевымъ, кому

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 4.

Библиотека "Руниверс"

изъ нихъ уніатовъ подчинить. Вслѣдъ затѣмъ и Коммисія Вн. Дѣлъ перестанетъ существовать и станетъ чѣмъ-то вродѣ департамента или просто войдетъ въ канцелярію будущаго генералъ-губернатора. Еще прежде говорили, что для обсужденія, какимъ порядкомъ вѣдать дѣла духовенства католическаго и уніатскаго, учреждается особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Черкасскаго.

Намѣстникъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, выразился вообще, что привезъ такія реформы, какихъ и самъ не ждалъ. Противъ присоединенія онъ возставалъ и назвалъ, говорятъ, это милютинскою политикою, на что будто Государь отвѣчалъ ему такъ: „это не милютинская, а моя политика, — мое давнишнее желаніе, которое мѣшали мнѣ привести въ исполненіе". Прибавляютъ впрочемъ, что Бергъ остается пожизненно намѣстникомъ, да не знаю, какъ это примирятъ съ присоединеніемъ.

Присоединеніе, какъ извѣстно, случилось въ день увольненія Черкасскаго. Бергъ и другіе ставили при этомъ въ вину Черкасскому заключеніе моей рѣчи, въ его присутствіи произнесенной, которое нѣмецкія и польскія газеты разбирали на разные лады, видя въ немъ посягательство на Галицію; но Государь будто бы выразился, что онъ самъ сочувствуетъ Галичанамъ и въ такомъ заявленіи, какое было въ Холмѣ, не видитъ ничего худого. Не знаю, можно ли вѣрить сему извѣстію, хотя это дошло изъ устъ весьма важнаго въ Варшавѣ лица и хотя дѣйствительно нѣмецкія газеты много шумѣли по поводу моего благожеланія. Помню, Черкасскій самъ говорилъ мнѣ: „пожалуй, австрійское правительство ноту намъ пришлетъ".

Поляки львовскіе взъѣлись на меня. Голуховскій отдалъ секретный приказъ, чтобы никакихъ писемъ ко мнѣ изъ Галиціи не пускать, а мои ловить и распечатывать. У Головацкаго недавно произвели полицейскій обыскъ, причемъ забрали всю заграничную его корреспонденцію. Въ моихъ письмахъ ничего впрочемъ не найдутъ, кромѣ глухого извѣстія о книгахъ, о стипендіатахъ, да еще слѣд. слова о полякахъ: „Суди имъ,

Библиотека "Руниверс"

Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ; по множеству нечестія ихъ, низрини, яко преогорчиша тя, Господи!"

Отъ Головацкаго позавчера получилъ письмо. Пишетъ, что хотя въ его корреспонденціи ничего компрометирующаго не найдено, но вообще озлобленіе противъ него такъ велико, что скоро онъ ждетъ себѣ вѣрной отставки, а потому съ удовольствіемъ готовъ принять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ кіевскомъ университетѣ или въ академіи. Спросите теперь Гогоцкаго и Селина, что они думаютъ съ своимъ проектомъ. Вѣдь я ихъ только слова передалъ и не думаю, чтобы они на словахъ только остановились. Головацкій ждетъ отвѣта и проситъ увѣдомить его: неужели-жъ я долженъ написать, что это такъ только пошутили, чтобы позабавить васъ? Чтобы выйти съ честью, Гогоцкій и Селинъ должны по крайней мѣрѣ внести въ Совѣтъ свое предложеніе, а что скажетъ совѣтъ, это другое дѣло.

Учитель Хомина, ѣздившій въ Львовъ, разсказывалъ, что съ Головацкаго послѣ обыска снимали допросъ по пунктамъ, и что на вопросъ, зачѣмъ содѣйствовалъ переходу священниковъ и учителей въ Холмъ, Головацкій отвѣчалъ, что объ этомъ была рѣчь между Александромъ II и Францомъ-Іосифомъ въ Штутгардтѣ, и что послѣдній согласился на это.

При закрытіи сейма поляки площадно ругались съ русскими; Потоцкій и Сангушко просто говорили: скурвіи сыны и еще похуже,—въ рускомъ духѣ... Хомина водили въ полицію и допрашивали, не за учителями ли пріѣхалъ. Учителя Бачинскаго, ѣздившаго съ собакой, частно спрашивали поляки же, не тотъ ли это козацкій песъ, что повстанцевъ ловилъ. „Слово" хотѣли запретить по поводу моей рѣчи. Учителямъ и священникамъ не даютъ паспортовъ. Тѣхъ, которые приглашены были Ефимомъ Михайловичемъ, равно Попеля, немедленно уволили и вотъ третій мѣсяцъ безъ жалованья держатъ и паспортовъ не даютъ. Ухитрились деньги за воспитаніе требовать, съ кого 1000, съ кого полторы и болѣе гульденовъ. Коммисія объявила, что заплатитъ всѣ гульдены. Народъ истощается въ своемъ терпѣніи, и тогда какъ интеллигенція (русская же) высылаетъ де-

Библиотека "Руниверс"

путацію въ Вѣну, собственно рискуетъ отправить ходоковъ къ Бѣлому Царю, чтобы наказать ляховъ. Мнѣ разсказывали много фактовъ, въ родѣ того, какъ напр. солдатъ изъ русиновъ всенародно топталъ ногами австрійскій орденъ и говорилъ, что не хочу служить цисарю, что есть у него свой царь-билый и проч.

Перейду къ холмскимъ дѣламъ. — Войцицкій былъ и есть двоедушенъ, прочіе тоже. Одна надежда на галичанъ. Хоминъ привезъ мнѣ отъ протоіерея Малиновскаго пункты, писанные имъ съ Литвиновичемъ, на счетъ того, какъ устроить дѣла Холмскія. Видно, что Литвиновичу хочется всунуть сюда свой носъ, и что-то, говорятъ, писалъ онъ въ Петербургъ.

Благодарю за хлопоты по устройству подписки. Честь и слава Галагану.

Милютинъ, кажется, поздоровѣлъ. Такъ заключаю изъ сегодняшняго письма Витте о стипендіатѣ изъ галичанъ, котораго Милютинъ поручаетъ мнѣ отыскать и пригласить.

Письмо 2.

Безъ даты—февраль 1867 года.

Дня четыре назадъ сему воротился я изъ Варшавы. Много слышалъ тамъ новаго, но на старую тему объ увольненіи Черкасскаго и о преобразованіяхъ въ Царствѣ, вслѣдствіе принятаго рѣшенія о втѣленіи Польши въ Россію. Бергъ, не ждавшій такой развязки, выразился, говорятъ, что Милютинъ и Черкасскій медлили..., сравнительно, конечно, съ тѣмъ, что теперь сдѣлано. И въ Варшавѣ прибавилось теперь прыти на русскій тонъ, а въ Петербургѣ, говорятъ, еще болѣе. Государь сказалъ, что система не измѣняется; вслѣдствіе того всякій какъ бы старается доказать это и усиливаетъ систему, насколько отъ него зависитъ. Набоковъ, по выраженію Милютина (военнаго), къ общему удивленію, дѣйствуетъ иногда хорошо, хотя вообще, говорятъ, онъ весьма не блестящъ.

Библиотека "Руниверс"

Витте уѣхалъ 21 генв. на совѣщаніе съ Толстымъ объ уничтоженіи Коммисіи. Онъ противъ уничтоженія дирекцій; но не ручается, чтобы наше жалованье цѣликомъ было зачтено въ пенсію. Ему завтра пишу кое-что о нашихъ дѣлахъ и галицкихъ. Головацкій уже переѣзжаетъ въ Петербургъ, на что дано ему 1000 руб. Его прочатъ въ Главную Школу въ Варшаву, а пока пристроили къ археографической Коммисіи. Витте находитъ, что всего лучше было бы помѣстить его въ Москвѣ. Тамъ и въ Петербургѣ огромное сочувствіе къ галичанамъ въ обществѣ и сферѣ правительственной. Субсидіи, о которыхъ и вы писали, уже даются и еще дадутся, какъ изъ казеннаго, такъ и общественнаго кашшука. Холмъ избираютъ передаточнымъ пунктомъ, къ чему удобно послужитъ формируемое мною братство, уставъ котораго Іоанникій обѣщалъ провести чрезъ Толстаго.

Самая важная у насъ новость — новые штаты для православнаго духовенства въ Царствѣ. Іоанникій сильно досадуетъ на то, что наличное духовенство большею частью недостойно этихъ штатовъ, равно какъ и своего поста. Много говорилъ онъ со мною объ этомъ и, наконецъ, просилъ меня пріискать: 1) законоучителя для варшавской русской гимназіи съ жалованьемъ въ 1500 руб., 2) четырехъ священниковъ для православныхъ приходовъ въ м. Тарногродѣ и въ д. Бабицахъ, Потокѣ и Люховѣ. Какъ на первое, такъ и на остальныя мѣста онъ желалъ бы имѣть не только что окончившихъ, но уже послужившихъ нѣсколько и опытныхъ людей. Законоучитель для Варшавы въ Кіевѣ, я думаю, найдется. Что касается священниковъ для означенныхъ выше приходовъ, то это дѣло кажется мнѣ гораздо труднѣе. Іоанникій, правда, вовсе не желаетъ туда академиковъ, а только добрыхъ семинаристовъ. Жалованье 1200 руб. съ 200 руб. квартирныхъ, доходами и землею весьма привлекательно; но во 1-хъ—даль, во 2-хъ—и это главное—только въ Тарногродѣ мѣсто свободное, священниковъ же трехъ остальныхъ приходовъ нужно обмѣнять. Не подумайте, чтобы они были пьяницы или съ другими особенными недостатками. Нѣтъ,

Библиотека "Руниверс"

это самые обыкновенные іереи, и вся бѣда ихъ въ томъ, что они не имѣютъ миссіонерскаго таланта. Я видѣлъ ихъ лично и позналъ довольно. Іоанникій хотѣлъ уже самъ писать къ митрополиту, но потомъ поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы подготовили это дѣло; когда-жъ увѣдомите, что возможно, тогда и самъ онъ будетъ писать. И такъ прошу устроить и меня извѣстить. Іоанникій, по моему предложенію, хочетъ учредить въ Тарногродѣ благочиніе на 4 церкви.... Спросите прежде митрополита вообще, соизволитъ ли онъ для пользы православія обмѣнять трехъ сельскихъ священниковъ и дать четвертаго въ придачу безъ промѣна. Тарногродъ — операціонный базисъ для миссіонерства.

Письмо 3.

16 Марта 1867 г.—Г. Холмъ.

Сегодня я получилъ отъ Іоанникія любезное письмо и патентъ на званіе не только старосты, но и попечителя церкви. Извѣщаетъ между тѣмъ, что вполнѣ согласенъ опредѣлить о. Григорія Ѳед. Ковальскаго въ Тарногродъ и жалѣетъ, что митрополитъ не согласился на мѣну, хотя и ждалъ того. Кажется, что онъ хочетъ просить на такую мѣну соизволенія Св. Синода. Только по полученіи вашего письма я сообразилъ, какъ неловкимъ могло показаться митрополиту Арсенію предложеніе о мѣнѣ (ибо священники, на обмѣнъ предложенные, именно имъ назначены—изъ пѣвчихъ), а прежде и не догадывался о томъ. Не найдете ли однакожъ возможнымъ закинуть хотя объ одномъ? Григорію Ковальскому сегодня же самъ пишу; но и васъ прошу написать ему, чтобы не отказывался. Іоанникій ждетъ его прошенія, я же надѣюсь провести его современемъ въ законоучители и всего ближе въ Грубешовъ, гдѣ съ лѣта и церковь будутъ строить. Вамъ, „своему старинному доброму знакомому“, Іоанникій посылаетъ свой поклонъ и „благодарность усерднѣйшую за содѣйствіе къ удовлетворенію вопіющей нужды Варшавской епархіи“.

Библиотека "Руниверс"

Іоанникій же увѣдомляетъ, что дѣло о назначеніи вновь двухъ присланныхъ законоучителей въ Холмъ пошло въ ходъ и съ удовольствіемъ принято Витте и Михневичемъ; онъ же самъ вполнѣ раздѣляетъ мои по сему убѣжденія и хлопочетъ въ свою очередь. Прошу рекомендовать кандидатовъ.

Рамы отъ Худзинскаго получены. Скоро ли будутъ остальныя иконы? Намъ очень нужна къ 4 апрѣля икона на сей день. Поторопите, если можно. И у насъ вѣдь будетъ крестный ходъ и молебенъ на площади. Когда все будетъ готово, сведите, прошу васъ, счетъ расходамъ и высланнымъ отъ меня деньгамъ. По почтѣ я послалъ 200 руб., потомъ чрезъ Пясецкаго 100 р. Изъ этого иконы, ноты и Малышевскому. Неужели Каллистратовъ и одного обола не рѣшился уступить? Остающіяся деньги попрошу уплатить редакціи „Друга Народа“, когда получу свѣдѣніе, сколько остается.

Деньги ваши на галичанъ получены, и былъ случай выслать ихъ; но наши галичане разошлись во мнѣніяхъ о назначеніи, какое дать этимъ деньгамъ. Одни предлагали послать на бурсы: львовскую, перемышльскую и коломыйскую, другіе—нѣкоторымъ священникамъ и учителямъ, а еще иные совѣтовали удержать въ Холмѣ для выдачи тѣмъ изъ галиційскихъ юношей, которые будутъ прибывать сюда въ гимназію и на педагогическіе курсы, какъ необходимое пособіе на первыхъ порахъ, пока стипендія будетъ назначена. Пока представится новая оказія, прошу извѣстить, на который проектъ болѣе пристанетъ Кіевская братія. Читалъ я въ газетахъ, что въ Кіевѣ недавно собрано 4000 руб. съ лишнимъ и послано въ редакцію Москов. Вѣдомостей. Жаль, что послали туда. Вѣдь все равно пришлютъ сюда. Такъ ужъ условлено между нами и Москвою. Значитъ, за пересылку только даромъ заплатили. Въ Люблинѣ также идетъ подписка.

Наканунѣ моихъ именинъ, отпразднованныхъ съ большимъ торжествомъ, пріѣхалъ къ намъ Ефимъ Михайловичъ, и наговорились досыта. Думаетъ лѣтомъ въ Самару ѣхать—на кумысъ. Дай Богъ, чтобы дожила Наденька, но надежды мало.

Библиотека "Руниверс"

Преобразованіе Коммисіи въ попечительство послѣдуетъ въ апрѣлѣ, и къ тому времени Толстой пріѣдетъ въ Варшаву и Холмъ. Такъ пишетъ Іоанникій, а Ефимъ М. разсказывалъ, будто Вилуевъ [1]) будетъ 2-мъ помощникомъ, а Теодоровичъ на его мѣсто, а люблинскую дирекцію разсѣкутъ *полма* между Ефимомъ М. и мною.

Худзинскимъ я очень доволенъ, равно и Васильевымъ, хотя послѣдній очень уже кротокъ. При открытіи груб. прогимназіи, на которое и я ѣздилъ, молебенъ служилъ мѣстный уніатскій священникъ, а ученики-католики пѣли по нашему молебнику.

Подлясское уніатское духовенство съ мѣсяцъ тому назадъ подало Намѣстнику нѣсколько адресовъ (по благочиніямъ), въ которыхъ протестовало противъ нынѣшняго порядка управленія холмскою епархіею и требовало епископа, папою признаннаго. Многихъ арестовали; производится строжайшее слѣдствіе. Государь внимательно слѣдитъ за этимъ дѣломъ. Теперь наше духовенство подаетъ Государю благодарственный за всѣ благодѣянія адресъ. Собираются подписи не только здѣсь, но и на Подлясьи, и не отъ одного духовенства, но и отъ народа. Адресъ редактированъ мною. Выпущенъ на дняхъ, по моему между прочимъ настоянію, циркуляръ консисторіи о проповѣдяхъ на русскомъ языкѣ, равно объ отмѣнѣ годзинокъ, рожанцевъ [2]) и органовъ. Циркуляръ—моей редакціи; одинъ экземпляръ посылаю. Начали съ Богомъ.

Письмо 4.

2 апрѣля 1867 г.—Г. Холмъ.

Пусть не удивляетъ васъ, что галичане наши пришли было къ такому заключенію о пожертвованныхъ Кіевомъ деньгахъ, и

---

[1]) Вилуевъ—начальникъ Варшавской учебной дирекціи, а прежде—директоръ 2-й Кіевской гимназіи.

[2]) Годзинки и рожанцы—священныя пѣсни, которыя распѣваютъ католики въ своихъ храмахъ передъ Богослуженіемъ утреннимъ и вечернимъ; эти пѣсни на польскомъ языкѣ распѣвали и уніаты въ своихъ церквахъ.

Библиотека "Руниверс"

я не то что послушалъ ихъ, но рѣшилъ послать вамъ вопросъ о назначеніи денегъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ о Наумовичѣ, его и нѣкоторыхъ другихъ положеніе нѣсколько заратовано. Дѣдицкій получилъ 3 или 6 тысячъ, правда на изданіе; Головацкій—тысячу, хотя и на переѣздъ, а Наумовичъ, сверхъ нашихъ 186 руб., еще 150 руб. изъ Петербурга, хотя еще не присланныхъ, но скоро нами ожидаемыхъ. Есть правда много другихъ бѣдствующихъ между послами и не послами, священниковъ, учителей, чиновниковъ; но и бурсы, какъ говорили, въ отчаянномъ положеніи. На нихъ никѣмъ и ни изъ какого источника не отпускается никакого содержанія, хотя бы такого малаго, какъ у насъ въ старину. Онѣ содержатся въ собственномъ смыслѣ подаяніемъ: сегодня привезетъ кто нибудь изъ священниковъ муки, предварительно по гарнцу собранной у крестьянъ; чрезъ мѣсяцъ другой доставитъ крупъ, сала и проч., и рѣдко-рѣдко попадаетъ какой либо гульденъ. Что получится, то и идетъ сейчасъ въ расходъ, а нечего дать ѣсть, такъ и не даютъ—не взыщите дескать. Ко мнѣ самому въ Львовѣ приходили голодные бурсаки и просили просто на хлѣбъ. Вотъ почему я поколебался было и рѣшился спросить васъ. Впрочемъ, это сдѣлано было только по первому впечатлѣнію, а затѣмъ и я подумалъ, что воля жертвователей, такъ сказать, священна, и потому дней чрезъ пять послѣ отправки письма къ вамъ передалъ деньги чрезъ священника Синькевича на руки г. Дѣдицкаго, прописавъ, что такова есть воля жертвователей. Дѣдицкаго я просилъ, чтобы деньги распредѣлили по общему совѣту и меня при оказіи увѣдомили. Сегодня посылаю притвержденіе не прямо, но чрезъ Дячана на имя одного знакомаго его, такъ какъ мнѣ давно не вольно писать по почтѣ, особливо по такому дѣлу.

Съ четырмя тысячами презабавная однакожъ исторія. Ай да Москва! А бѣдные галичане куда куда какъ возрадовались, ибо за кандіотами имъ ходу нѣтъ, какъ и въ Москвѣ жалуются.

Циркуляръ вамъ показался непрямымъ и слабымъ? Но и въ такомъ видѣ Войцицкій согласился выпустить только по моему убѣжденію. И я не виню его. Чтобы выдавать рѣшитель-

Библиотека "Руниверс"

ное требованіе, нужно имѣть достаточную силу заставить исполнить оное, а ея то и нѣтъ. Холмская консисторія не кіевская, которой трепещутъ благочинные и даже протоіереи. У васъ, не исполнилъ священникъ, его долой или въ худшее мѣсто, а здѣсь право несмѣняемости, да и замѣнить некѣмъ. Тутъ Войцицкій предпишетъ священнику явиться въ консисторію, а онъ отвѣчаетъ ему: ieżeli ksiądz Wojcicky zą̨da rozmówić się ze mną̨, niech do mnie przyiedzie [1]). Это дѣйствительный случай. Потому, какъ ни справедливъ вашъ взглядъ о судѣ надъ подлясскими священниками, но и надежды нѣтъ на что либо подобное, когда одинъ изъ священниковъ, выплативъ штрафа 100 руб., измученный тюрьмою и угрожаемый ссылкою, твердитъ одно,—что Войцицкому повиноваться не будетъ.

За разсчетъ денежный и хлопоты премного благодарю. Къ остающимся деньгамъ въ среду я дошлю еще и буду просить 100 р. уплатить Андріяшеву за „Друга“, а на решту выслать учителя элементарнаго хоть одного.

Витте въ восторгѣ, что Толстой согласенъ съ его взглядами и благоволитъ къ нему. На Ѳоминой, какъ и писалъ я, оба они непремѣнно ѣдутъ къ намъ. Къ Святой будетъ объявлена реформа Коммисіи, но дирекціи останутся на прежнемъ положеніи, Помощникъ попечителя одинъ, а не два, и именно Михневичъ.

Выдачу паспортовъ на Холмъ Голуховскій взялъ въ свои руки. Наши поляки поднимаютъ носы; говорятъ, что ихъ уже 40000 войска. Должна быть рухавка *для освѣженія чувствъ*, какъ говорилъ Бисмаркъ.

Черкасскаго Государь приглашаетъ, говорятъ, на мѣсто Набокова. Повѣствуютъ, что дѣла у сего послѣдняго въ сильномъ запущеніи.

---

[1]) Если О. Войцицкому угодно переговорить со мной, то пусть онъ пріѣдетъ ко мнѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Львовѣ идетъ открытая вербовка въ повстанье. Русскіе вечеромъ не выходятъ на улицу. Эмигрантовъ въ Львовѣ—тьма тьмущая.

Письмо 5.

4 мая 1867 г.—Г. Холмъ.

Я получилъ росписки, за которыя весьма благодаренъ. Ждалъ письма и—всуе. Не затерялось ли? Самъ не писалъ, бо проболѣлъ недѣли три ревматизмомъ въ головѣ.

Чрезъ часъ или два ѣду въ Варшаву, такъ какъ докторъ воспретилъ мнѣ занятія. Пишу теперь вкратцѣ, чтобы только подать вѣсть о себѣ да послать письмо Дѣдицкаго, какъ документъ въ полученіи денегъ и ихъ распредѣленіи.

Толстого ждутъ въ Варшаву къ 18 мая, а къ намъ послѣ.

Дѣло уніатское идетъ нѣсколько на попятный дворъ. Если Толстой не поправитъ, плохо будетъ; но онъ не взялъ этого дѣла въ свои руки.

Письмо 6.

12 мая 1867 г.—Г. Холмъ.

Пишу вкратцѣ, собственно о дѣлѣ Андрея Г.—Будучи у Іоанникія три раза, я договорился съ нимъ до того, что предложилъ Андрея Г.[1]) на мѣсто священника въ новоформируемый приходъ въ Грубешовѣ къ непостроенной еще, но уже разрѣшенной къ постройкѣ церкви, и должность законоучителя сверхштатнаго въ груб. прогимназію. Іоанникій съ удовольствіемъ согласился. Теперь дѣло за Андреемъ, которому вмѣстѣ съ симъ подробно пишу. Я представляю слѣд. разсчеты: 1) жалованья 1300 руб., квартирныхъ 200 руб., съ каникулъ 350 руб., а при большемъ числѣ учениковъ прав. полный штатный окладъ 600 р., 2) онъ такимъ образомъ получитъ большее, болѣе прочное и

---

[1]) Родного брата.

Библиотека "Руниверс"

болѣе приличное содержаніе, 3) болѣе высокій и благородный кругъ дѣятельности и общества, 4) избавится отъ тягостнаго сельскаго хозяйства и огромныхъ трудовъ по приходу и безмездныхъ по школамъ и благочинію, 5) сына можетъ воспитывать при себѣ—въ прогимназіи, дочерей въ холмскомъ училищѣ (одну можно на каз. счетъ). Жизнь въ Грубешовѣ очень дешева, квартиру можно и за 100 руб. нанять, пока построенъ или купленъ будетъ готовый домъ, на что есть спеціальная сумма, ежегодно пополняемая отпускомъ 2500 р. На переѣздъ епарх. варш. вѣдомство можетъ дать не менѣе 200 р., а я попрошу у Коммисіи, какъ законоучителю, рублей 200. Продажа сельскохоз. вещей, лошадей, повозокъ, двухъ флигельковъ и разной ненужной рухляди можетъ еще болѣе облегчить въ сборахъ на новое хозяйство.

Если вы одобрите мой проектъ, то прошу и отъ себя написать совѣтъ Андрею.

Варшаву я оставилъ съ тяжелымъ чувствомъ. Всеобщій упадокъ въ духѣ. Нѣтъ прежняго куражу, энергіи на счетъ русскаго, а тѣмъ паче уніатскаго дѣла. Нужно ждать, пока всплыветъ опять Черкасскій, котораго уже два раза по волѣ Государя приглашали въ Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго.

Относительно Толстого при мнѣ Витте получилъ письмо отъ Делянова, который извѣщалъ, что графа многія важныя дѣла въ Госуд. Совѣтѣ задерживаютъ, хотя онъ очень желаетъ проѣхать въ Холмъ (sic), а отсюда въ Кіевъ. О преобразованіи Коммисіи онъ же писалъ, что послѣдуетъ въ скоромъ времени; но само собою разумѣется, что Толстой раньше этого ѣхать не можетъ.

Письмо 7.

23 іюня 1867 г.—Г. Холмъ.

Я не отвѣчалъ вамъ на два письма. Извините, суета невыносимая.

Библиотека "Руниверс"

Прежде всего объ Андреѣ Г. Я получилъ, наконецъ, и отъ него письмо съ увѣдомленіемъ о его согласіи; но онъ какъ-то холодно и какъ бы неохотно соглашается. Боюсь, какъ бы онъ не нарекалъ на меня въ душѣ, хотя по моему неизмѣнному убѣжденію это лучшее, что могло представиться теперь, будущее же Богъ вѣсть. Такъ какъ дѣло уже начато, то и надо продолжать. Вчера, письмомъ преосв. Іоанникію по другимъ дѣламъ, я напомнизъ и объ Андреѣ Г. Цѣль этого напоминанія въ томъ между прочимъ заключалась, чтобы подвинуть дѣло о самомъ открытіи прихода, т. е. ассигнованіи жалованья. Ассигновки вообще идутъ у насъ очень медленно, а тутъ Іоанникію нужно сдѣлать переводъ суммы за первое полугодіе съ тарногродскаго прихода на грубешовскій, такъ какъ послѣдній не вошелъ въ смѣту нынѣшняго года. Какъ скоро можетъ быть назначеніе, отгадать не берусь, пока не получу какого либо отвѣта отъ Іоанникія или отъ кого-либо изъ Варшавы. Въ этомъ однакожъ невѣдѣніи есть своего рода затрудненіе.

Сейчасъ получилъ ваше третье письмо. По свѣжему впечатлѣнію буду писать по поводу его. Балинскаго и Кухарскаго съ удовольствіемъ готовъ принять. Пусть присылаютъ прошенія и аттестаты на мое имя, а то Коммисія пошлетъ ихъ въ другія мѣста, какъ подобные случаи бывали уже не разъ, мнѣ же придется опять искать. О Балинскомъ и Кухарскомъ я спрашивалъ Васильева: послѣдняго онъ очень хвалитъ. Я впрочемъ измѣнилъ бы своему только въ томъ случаѣ, когда бы вы сами измѣнили вашу рекомендацію. Какое каждый изъ нихъ получитъ мѣсто, это я могу сказать лишь немного спустя. Въ женской гимназіи у меня два мѣста; но впереди много другихъ комбинацій. Люблинскую дирекцію скоро должны раздѣлить между мною и Ефимомъ Михайловичемъ, изъ Люблина между тѣмъ выбываетъ инспекторъ, въ Замостье понадобится другой, да хотѣлось изъ Грубешова вывести одного математика и замѣнить филологомъ. Все это въ близкомъ будущемъ, но только тогда и можно сообразить, кого куда лучше и удобнѣе. Я желалъ бы знать поэтому и то, можетъ ли Кухарскій читать ла-

Библиотека "Руниверс"

тину. Хочется также и Словицкому мѣсто дать. Онъ писалъ ко мнѣ, а я доселѣ не отвѣтилъ ему. Если онъ въ Кіевѣ, передайте и ему, чтобы прислалъ прошеніе. Съ замѣщеніемъ инспекторскихъ мѣстъ, если до того дойдетъ дѣло, думаю обойтись мѣстными средствами, чтобы дать ходъ уже послужившимъ здѣсь, хотя, признаюсь, очень, трудно дѣлать выборъ.

Съ открытіемъ прогимназіи въ Замостьѣ мнѣ сущая бѣда. Военное вѣдомство до сихъ поръ не отдаетъ зданія, а Коммисія не можетъ по этому случаю объявить объ открытіи и сдѣлать необходимыя распоряженія. Изъ за этого бьюсь почти цѣлый годъ и все безъ успѣха. Съ недѣли жду рѣшительнаго отвѣта изъ Варшавы.

Сегодня въ Моск. Вѣдомостяхъ прочелъ о слухахъ на счетъ конгрессувки, распускаемыхъ въ Вильнѣ, Петербургѣ и Москвѣ. То же говорятъ въ Варшавѣ, Холмѣ и Грубешовѣ. Сейчасъ отъ Худзинскаго получилъ письмо: пишетъ, что тамъ цѣлыя толпы собираются около почты въ ожиданіи указа о возстановленіи крулевства. Въ Холмѣ произведено нѣсколько арестовъ за эти и другіе слухи, что будто бы снова крестьянство утверждается. Конечно, все это вздоръ, но волненіе посѣяно и посѣвается. Что за всѣмъ этимъ вздоромъ скрывается, рѣшить мудрено. Гораздо хуже упадокъ энергіи на счетъ русскаго здѣсь дѣла въ главныхъ нашихъ командирахъ, о чемъ я уже писалъ вамъ. Уніатскій вопросъ, повидимому, совершенно преданъ забвенію. О галичанахъ также забыли, а тамъ Голуховскій чудеса дѣлаетъ, паспортовъ никому, школы русскія подъ zarząd польскій отдалъ, до 70 учителей русскихъ въ конскрипцію всѣми неправдами тянетъ. Я впрочемъ не отступаю ни на шагъ и даже впередъ иду, подражая великому моему сосѣду—Голуховскому: закрываю польскія школы, гдѣ хоть одна душа уніатская есть, преобразовываю ихъ въ русскія; гдѣ закрыть неудобно, посылаю русскихъ учителей въ польскія школы, ввожу русскій языкъ въ нихъ—вездѣ, какъ обязательный предметъ, а индѣ и какъ языкъ преподаванія.

Библиотека "Руниверс"

Нашъ Холмъ разъѣхался [1]). Позавчера три фуры вывезено въ Кіевъ; завтра жена моя съ дѣтьми уѣзжаетъ. На досугѣ займусь составленіемъ устава давно задуманнаго мною холмскаго братства, котораго необходимость съ каждымъ днемъ сказывается все сильнѣе. Если рѣшатъ скоро дѣло о Замостьской прогимназіи, о перестройкѣ Грубешовской, о починкѣ нашей церкви, о перестройкѣ жидовской бани въ русскую 2-клас. школу для холмскихъ евреевъ и поляковъ и о присоединеніи части люблинской дирекціи, то пріѣду и самъ въ Кіевъ, да не самъ только, а съ двумя галичанами — Попелемъ [2]) и Лавровскимъ.

Троцкаго доселѣ я не могъ назначить. Дѣло въ томъ, что въ Грубешовѣ нѣтъ пока квартиры, и я рѣшился посадить его въ Замостье, а тамъ, какъ выше писано, дѣло затянулось. Вотъ я и жду.

Посылаю вамъ холмскій календарь, холмскую епархію [3]) и портреты галицкихъ депутатовъ на сеймѣ. Вторая книга написана, кажется, вслѣдствіе моего разговора съ Петрушевичемъ. Это лѣтопись, неполная, но добросовѣстная и весьма любопытная.

Что Коммисіи кіевской возвысили окладъ, этому во всякомъ случаѣ я радъ; но за что Юзефовичъ положилъ себѣ жалованье? Иванишевъ говорилъ объ этомъ въ 1863 году съ злою ироніею, а Юзефовичъ принялъ вѣроятно, за чистую монету. Что при мнѣ не было описи, это клевета. Она два раза составлялась. Описи дѣламъ послѣднихъ двухъ годовъ отдѣльно не было сдѣлано за недавностью и весьма малымъ ихъ числомъ, но они всѣ сложены были въ порядкѣ, а если ихъ послѣ, можетъ быть, разбросали, то не моя вина. Кромѣ того, при мнѣ началось и мною два раза изготовлено дѣло объ усиленіи средствъ Комми-

---

[1]) Разумѣются служащіе въ Холмѣ русскіе педагоги.

[2]) Попель—священникъ—былъ въ это время уніатскимъ законоучителемъ въ Холмской гимназіи, Лавровскій священникъ—вицеректоръ Холмской уніатской семинаріи.

[3]) Изданіе Львовскаго уніатскаго протоіерея Петрушевича подъ заглавіемъ: „Холмская епархія и святители ея“.

Библиотека "Руниверс"

сіи, что и получили наконецъ. При мнѣ же приведены въ извѣстность и большею частью истребованы разные долги Коммисіи.

Войцицкій нашъ сталъ чѣмъ то вродѣ Варкохава. Онъ то и дѣло предвѣщаетъ какую либо бѣду, теперь — страшные пожары для Холма. У него есть ряса съ широкими рукавами, совершенно наша, но съ капишономъ. Онъ говоритъ, что въ послѣднее время такія рясы составляли форменную одежду протоіереевъ.

Не уцѣлѣли-ль у васъ двѣ программы, писанныя мною по поводу задуманнаго было нами преобразованія Кіев. Еп. Вѣдомостей? Большое было бы для меня одолженіе, если бы вы отыскали ихъ и прислали ко мнѣ. Я во многомъ примѣнилъ бы одну изъ нихъ къ затѣваемому мною здѣсь изданію, которое я располагаю привязать къ братству. При неимѣніи досужаго времени это большое облегченіе. Поищите и пришлите. Программу я представилъ бы вмѣстѣ съ уставомъ братства. Можно ли при церкви открыть продажу книгъ безъ торговаго на то свидѣтельства? Мнѣ хотѣлось бы и сіе сотворить.

Если я пріѣду съ Попелемъ и Лавровскимъ, то гдѣ бы удобнѣе ихъ помѣстить? Въ Лаврѣ и Михайловскомъ ихъ не примутъ съ сигарами, а такъ, въ гостинницѣ—можетъ соблазнять тѣхъ изъ монаховъ, которые познакомятся съ ними, хотя сами они даже въ Холмѣ обѣдали въ цукернѣ. Не найдется ли что среднее?

Письмо 8.

16 іюля 1867 г.—Г. Холмъ.

Я только что изъ Замостья, гдѣ принялъ знаменитую академію Замойскихъ, т. е. зданіе, въ которомъ она помѣщалась. Тамъ же я получилъ разрѣшеніе представлять кандидатовъ на учительскія и другія должности и представить свое мнѣніе о времени открытія прогимназіи въ Замостьѣ.

Библиотека "Руниверс"

И хочется и нужно открыть эту прогимназію какъ можно скорѣе; но у меня мало очень учителей, и нѣтъ, или почти нѣтъ, инспектора. Пособите сему горю какъ можно скорѣе. Отыщите двухъ филологовъ, одного на латинскій языкъ, на исторію гражд. съ географіею или 4 уроками греческаго языка. Да нѣтъ ли дѣльнаго инспектора изъ учителей гимназіи—въ Замостье или Грубешовъ? Худзинскій очень хорошъ, но потому именно я хотѣлъ бы перевести его въ Замостье, на что и онъ соизволяетъ. Жалованье инспектору 1400 р. и 200 р. за уроки. Учителямъ, какихъ пріищите, одному 1200 р., а другому 1000 р.; обоимъ казенныя квартиры. Въ Замостьѣ есть клубъ и даже театръ. Помѣщеніе такое громадное, что за отводомъ квартиръ всѣмъ служащимъ, еще много комнатъ остается пустыхъ. Современемъ я думаю добиться открытія тамъ женской прогимназіи.

Нѣтъ ли также учителя чистописанія и учителя пѣнія или регента, первому 600 руб., второму 350 р.?

Отъ Словицкаго сегодня получилъ и завтра представлю. Жаль, что Балинскій и Кухарскій медлятъ. Не раздумали-ль они? Если такъ, то и на мѣсто ихъ отыщите, ибо они въ счетѣ у меня. Кому нужны будутъ деньги, вышлю изъ своихъ по 100 руб.

Инспектора прошу не изъ духовныхъ, ибо объ нихъ продолжительна переписка.

Господь посѣтилъ насъ великимъ несчастіемъ. Съ 22 іюля жена слегла въ постель и перенесла страшныя мученія. Теперь наступило ослабленіе болѣзни и возвратъ къ сознанію, которое, впрочемъ, не было потеряно вовсе.

Совѣтъ докторовъ опредѣлилъ, какъ только больная станетъ на ноги, немедленно везти ее въ Кіевъ—на родину, въ родной климатъ, въ кругъ родныхъ и знакомыхъ. Дѣло въ томъ, что болѣзнь физическая отразилась на душѣ: явилась тоска въ самой высокой степени, на которую надо дѣйствовать и физически, и морально, посредствомъ развлеченій и беззаботной

Библиотека "Руниверс"

жизни. Какъ ближайшій наблюдатель болѣзни жены, я не могъ не замѣтить, какъ гибельно дѣйствовали на нее хозяйственныя заботы и огорченія, особенно же эта пустота жизни, которая такъ ощутительна въ Холмѣ для людей, незанятыхъ службою и не въѣвшихся въ т. наз. уніатскій вопросъ. Неудавшаяся поѣздка въ Кіевъ, кажется, окончательно срѣзала жену.

Балинскій назначенъ, и представленіе о подъемныхъ сдѣлано. Прошу поторопить его, да дать ему 100 руб. въ счетъ подъема, а я возвращу Вамъ въ Кіевѣ лично. Для Кухарскаго еще нѣтъ назначенія, но если выйдетъ, поступите такъ-же. О Словицкомъ переписка, я думаю, продлится. Любопытно, потребуютъ ли съ него за воспитаніе. Съ нетерпѣніемъ жду кандидата въ инспекторы — въ Грубешовъ или пед. курсы, равно классной дамы. Ріищите также учителя русскаго языка въ Холм. гимназію, такъ какъ Грушевскаго я располагаю представить въ пед. курсы или въ Грубешовъ на инспекторство.

Грушевскій передалъ мнѣ благословеніе митрополита, за которое прошу поблагодарить. Митрополитъ, по его словамъ, очень радъ тому, что я принялъ на себя заботу о церкви и радъ бы у себя подобное устроить. Попечительство дѣйствительно полезная вещь. Я устроилъ доходъ церковный, ввелъ экономію въ расходы, выхлопоталъ 1500 руб. на починку церкви, оттягалъ костелъ на приписную церковь и жду денегъ на передѣлку; захвачу, если Богъ поможетъ, домъ убогихъ и устрою больницу, оттягалъ баню у жидовъ и ссуду имъ выхлопоталъ; имѣю надежду земли морговъ 100 выпросить для церкви, забралъ отъ города три плаца подъ усадьбы причта и въ 3 мѣсяца выстроилъ для него каменный двухэтажный, съ балкономъ, подъ желѣзною крышею, домъ, безъ копѣйки, ибо деньги отпущены, когда крышу стали ставить. У Лидерса [1]) выпросилъ дерева тысячи на полторы рублей и на эту сумму предприму что либо въ пользу церкви. Даже на замощеніе улицы предъ домомъ вы-

[1]) Генералъ Лидерсъ былъ маіоратнымъ владѣльцемъ обширныхъ земель и лѣсовъ возлѣ самаго г. Холма.

Библиотека "Руниверс"

хлопоталъ у Коммисіи до трехсотъ рублей. И все это во имя попечительства, которое даетъ право ходатайствовать предъ всякими властями, будь онѣ какія угодно высокія. Присоединеніе царства къ Имперіи имѣетъ свои невыгоды: когда всѣ власти были здѣсь, можно было гораздо болѣе сдѣлать. Тороплюсь изо всѣхъ силъ. Идетъ почта. Будьте здоровы.

Письмо 10.

Г. Холмъ.—19 октября 1867 г.

Вотъ уже три недѣли, какъ я борюсь съ своимъ тяжелымъ горемъ, но не поборю никакъ и нисколько. Все тоже почти, какъ и въ первый день, только грудь давитъ немилосердно, да кашель притомъ. Вѣрую, какъ Господь повелѣлъ, да силы вѣры нѣтъ,—все горе побораетъ. Молюсь, да теплоты нѣтъ. Безконечно текутъ слезы, но все это слезы скорби, разъѣдающей тоски, и болѣе ничего. Дѣти великое утѣшеніе; но довольно мнѣ увидѣть ихъ, чтобы затрястись всѣмъ тѣломъ. Они же утѣшаютъ меня: не плачь, папа, не плачь папа! Но это утѣшеніе пуще ножа остраго, и я умолкаю, какъ только они поднимутъ вопль. Я не малодушествую, стою прямо лицемъ къ горю, отдаюсь ему вполнѣ; но Господь надѣлилъ меня особенною чувствительностью, и потому, вполнѣ понимая, что мнѣ приходится платить лишь обычную дань, не могу не ставить вопроса о томъ, кто кого поборетъ: я ли свое горе, или оно меня. Страшный вопросъ, и Господь одинъ вѣдаетъ, какъ онъ разрѣшится. Понимаю при томъ и мою тяжелую обязанность—быть вмѣстѣ отцемъ и матерью для дѣтей, по мѣрѣ силъ и исполняю ее, начавъ съ того, что для нихъ отказался отъ поѣздки въ Кіевъ; но съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе вижу, что не дамъ имъ рады, и это одинъ изъ мучительнѣйшихъ мотивовъ моей теперешней жизни.

Хотѣлъ бы говорить много о послѣднихъ дняхъ жизни Юлиньки, о ея мученическихъ страданіяхъ, о ея дивной, непре-

Библиотека "Руниверс"

рывной почти молитвѣ къ Богу, прощаньѣ со всѣми, ходѣ и средствѣ лѣченія, смерти и погребеніи; но все это невыносимо рѣжетъ по душѣ.

Въ самые страшные для меня дни, предсмертные и посмертные, великимъ утѣшеніемъ и помощью были Ефимъ М., и въ особенности Стефанъ Павловичъ Коршунъ съ его кроткою душею. Видѣлъ я глубокое, неподдѣльное сочувствіе и вездѣ вокругъ, особенно отъ галичанъ. О пресловутой литургіи и парастасѣ вамъ, конечно, говорили. Бѣдная Юлинька! думала ли она, что ея имя возгласятъ рядомъ съ Піемъ IX, а на парастасѣ станутъ поминать по отчеству. Вообще, если въ обстановкѣ погребенія есть что-либо имѣющее значеніе для умершаго и погребающихъ, то на этотъ разъ я имѣлъ горькое утѣшеніе видѣть все это: и молитву, и почесть, и любовь, и скорбь, и плачъ—всеобщіе. Мнѣ удалось даже похоронить Юлинку близъ церкви, что польскій законъ положительно воспрещаетъ. Дѣло было трудное: Іоанникій по телеграфу отвѣтилъ, что согласенъ, *„если гражданское начальство согласится“*. Между тѣмъ начальникъ уѣзда формально запротестовалъ. Я отвѣтилъ ссылкой на телеграмму, не объявивъ условія, а спустя недѣлю написалъ письмо къ Брауншвейгу, и тотъ былъ такъ добръ, что по одному частному письму на другой день испросилъ разрѣшеніе намѣстника и увѣдомилъ меня, равно далъ знать консисторіи и губернатору. Слава Богу и добрымъ людямъ!

Іоанникій потомъ писалъ нарочитое утѣшеніе, поразившее меня теплотою его глубокаго сочувствія. Михневичъ также поспѣшилъ письмомъ, въ которомъ вылилась его кроткая, любящая душа. Воздай имъ Господи за сіе сторицею! Витте предъ отъѣздомъ заграницу прислалъ глубоко-трогательное письмо съ цѣлью утѣшить меня въ тяжкой болѣзни Юлиньки.

Какъ устроить мнѣ свою жизнь, пока не могу рѣшить. Съ хозяйствомъ устроился; но въ жизни дѣтей слишкомъ замѣтная пустота. Необходимо какъ можно скорѣе приставить кого-либо къ нимъ, особенно къ Алешѣ, который обнаруживаетъ большую пытливость и видимо тяготится играми и сказками. Я просилъ

Библиотека "Руниверс"

Коршуна общимъ совѣтомъ пріискать мнѣ надежную особу въ родѣ Людмилы Егоровны, что Ефимъ М. взялъ; но разумѣется, что многія личности попадаются случайно, какъ рѣдкость, а нарочито, притомъ скоро, трудно отыскать.

Письмо 11.

Г. Холмъ—5 ноября 1867 г.

Я только что возвратился изъ Варшавы и спѣшу написать нѣсколько строкъ.

Письмо я вамъ послалъ давно. Какого именно числа, не помню; но это было за недѣлю до отъѣзда моего въ Варшаву, а выѣхалъ 23 числа. Хотѣлъ было предъ отъѣздомъ написать; но меня, что называется, нагло схватили. Дѣло въ томъ, что Витте, пользуясь неожиданнымъ пріѣздомъ министра Толстаго, пригласилъ меня пріѣхать въ Варшаву, самое же письмо его получено 22 числа. Я едва успѣлъ собраться и распорядиться съ дѣтьми и прислугой, да хозяйствомъ.

Вызывая меня, Витте имѣлъ въ виду болѣе оторвать меня отъ моего нескончаемаго горя, но у меня накопилось много дѣла въ Варшавѣ, и потому я поѣхалъ охотно и располагалъ пробыть тамъ дней 10.—Министръ оставилъ насъ съ Ефимомъ М. послѣ общаго представленія и бесѣдовалъ съ нами болѣе часу; но разговоръ вышелъ какъ то неудаченъ, т. е. не пришлось сказать многаго изъ того, что хотѣлъ я сказать. Рѣчь шла больше объ уніатскихъ дѣлахъ, которыя Толстой хочетъ взять въ свои руки, вырвавъ ихъ изъ рукъ Берга и не допуская Валуева, которые изо всѣхъ силъ бьются, чтобы оставить за собой. Іоанникію онъ горько жаловался на недостатокъ на высшихъ постахъ людей, которые поддерживали бы интересы православія и русской народности. Сидорскому говорилъ, что для уніатскихъ дѣлъ можетъ быть учреждено 5 отдѣленіе собств. Его Величества Канцеляріи, подъ завѣдываніемъ его—Толстаго. Намъ сказалъ, что епископа мудрено посвятить для уніатовъ, но что

Библиотека "Руниверс"

Войцицкаго смѣнить надо. Толстой вообще человѣкъ серьезный, какъ видно, и, конечно, умный, а главное, онъ того мнѣнія, что за уніатовъ пора приняться рѣшительно, чтобы постепенно вести ихъ къ православію, и что церковныя ихъ дѣла необходимо связать съ народнымъ у нихъ образованіемъ въ одномъ главномъ управленіи (послѣдняя мысль была высказана мною, и онъ назвалъ ее своею). Потому можно надѣяться, что и наше дѣло и вообще дѣло уніи пойдетъ успѣшнѣе, если этимъ послѣднимъ станетъ заправлять Толстой. На весну онъ собирается къ намъ мѣсяца на два, т. е. не только въ Холмъ, но вообще въ Польшу. Надо готовиться помаленьку.

На клубъ въ Холмѣ мнѣ удалось таки получить 3000 р. За неимѣніемъ денегъ, представляли о семъ Государю, и Государь разрѣшилъ изъ какихъ-то суммъ. Слава Богу! Дѣломъ этимъ я обязанъ Брауншвейгу, который (спасибо ему) весьма благосклоненъ къ моимъ просьбамъ. Нужно теперь позаботиться и о братствѣ; но у меня голова еще слишкомъ слаба. Занимаюсь меньшимъ: передѣлкою костела св. Духа въ прав. церковь, костела реформатскаго въ уніатскую, прошу земли для церкви морговъ 300, которую Маркусъ на словахъ уже обѣщалъ; прошу одинъ изъ уступовъ горы холмской подъ кладбище для православныхъ, хлопочу и о перенесеніи знаменитой здѣсь ленченской ярмарки изъ Ленчно въ Холмъ. Если удастся завладѣть горою, будетъ великолѣпное кладбище,—совершенный образъ и подобіе Щекавики [1]).

[1]) Нѣкоторыя изъ писемъ, какъ не заключающія въ себѣ интересныхъ свѣдѣній, нами опущены. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

НОВОРОССІЙСКІЙ САРДАНАПАЛЪ.

I.

Та часть Новороссійскаго края, которая лежитъ между Нижней Синюхой и Днѣпромъ, даже въ первой половинѣ настоящаго вѣка была мало населена; но крѣпостное право господствовало здѣсь въ столь-же сильной степени, какъ и въ Малороссіи. Новые насельники-державцы на новой землѣ сѣяли старыя сѣмена.

Однимъ изъ такихъ сѣятелей былъ Гервасій Котъ.

Отъ гряды казенныхъ лѣсовъ до іудейскаго владѣнія тянется пологая черноземная полоса. Потомственный дворянинъ и коллежскій регистраторъ Гервасій Котъ, владѣлецъ этого большого пространства, началъ хозяйничать здѣсь въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ и силъ. Вскорѣ онъ женился на вдовушкѣ,—это было въ 20-тыхъ годахъ настоящаго вѣка.

Вдовушка отъ перваго мужа имѣла сына Виссаріона и обладала *родовымъ* достояніемъ въ количествѣ 1900 десятинъ земли. Она была женщина очень добрая и вѣроятно робкая, такъ-какъ не могла устранить того, что дѣлалось съ сыномъ ея Виссаріономъ: онъ не былъ допускаемъ въ барскія палаты, а по приказанію Кота обрѣтался въ кухнѣ. Здѣсь, въ обществѣ поваровъ, кухарокъ, конюховъ и дворовыхъ мальчишекъ, Виссаріонъ провелъ свое дѣтство. Обстановка, подъ вліяніемъ которой слагались физическія и моральныя силы мальчика, была,

Библиотека "Руниверс"

такимъ образомъ, неправильна; а когда Виссаріону пошелъ 15-ый годъ, Котъ далъ ему унизительную работу: чтобы не даромъ хлѣбъ ѣлъ, онъ сдѣлалъ его *конюхомъ*, т. е. повелѣлъ ему завѣдывать чисткой конюшенъ, надзирать за лошадьми, за кормовымъ зерномъ, соломою, сѣномъ, половою, экипажами и сбруей. Постоянное пребываніе въ конюшняхъ, невозможность отлучиться отсюда даже во время праздничныхъ дней, строгія взысканія за малѣйшій недосмотръ побудили Виссаріона бросить эту каторжную работу. Онъ убѣжалъ въ Полтавскую губернію къ своимъ родственникамъ и здѣсь провелъ всю свою юность.

Гервасій Котъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Виссаріонъ ускользнулъ отъ него: жестокою работой ему хотѣлось довести пасынка до тяжкой болѣзни и до смерти. Но вскорѣ Котъ утѣшился: онъ пріобрѣлъ иныхъ особъ для того, чтобы повергать ихъ въ страдальческое положеніе.

У жены Гервасія Кота была сестра, а у той сестры были дѣти и земля. Гервасій уговорилъ сестру переѣхать къ нему на жительство, а онъ будетъ хозяйничать въ имѣніи ея и будетъ доставлять ей изъ этого имѣнія прекрасные доходы. Бушева (сестра жены) повѣрила сладкимъ рѣчамъ свояка и поселилась у него. Сначала свояк благородно обходился съ Бушевой: помѣстилъ ее въ барскихъ своихъ палатахъ и сносную пищу давалъ ей; но вскорѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, она съ дѣтьми своими переведена была въ полуразвалившуюся избу,—и уже отсюда не удалось ей вырваться. Сырость и холодъ въ этой развалинѣ были ужасны. Сколько ни плакала Бушева, сколько ни просила дать ей лучшее помѣщеніе, Котъ остался непреклоненъ, не внималъ ни слезамъ, ни просьбамъ. Онъ постарался еще болѣе отравить жизнь этой семьи: онъ кормилъ Бушевыхъ скудными остатками изъ людской кухни; зачастую же по цѣлымъ днямъ они не получали и этихъ жалкихъ объѣдковъ. Котъ морилъ ихъ голодомъ и холодомъ, чтобы они *поумирали*, а тогда онъ завладѣетъ землею ихъ. Дѣти вынесли нѣсколько жестокихъ болѣзней—и остались живы; мать ихъ отъ мучительной жизни потеряла зрѣніе и надежды

Библиотека "Руниверс"

на скорую смерть не подавала. Все-таки Гервасій Котъ отчасти достигъ цѣли: 100 десятинъ земли онъ выморочилъ у несчастной семьи, попавшей въ капканъ его.

Гервасіемъ Котомъ придуманъ былъ еще одинъ способъ для пріобрѣтенія земель. Этотъ соособъ примѣнялся къ особамъ, не состоящимъ въ родствѣ съ нимъ.

Вблизи панскаго двора красовалась громаднѣйшая вѣтряная мельница. Она сдѣлана была такъ, что, казалось, при малѣйшемъ вѣтрѣ должна была рухнуть.

Однажды Котъ пригласилъ къ себѣ на угощеніе особу, у которой желательно было пріобрѣсти землю за самую ничтожную плату; а на эту плату особа та рѣшительно не соглашалась. Пріемъ—радушный и пышный: прелестные завтраки и обѣды, охота, верховая ѣзда, женщины и другія удовольствія. Потомъ веселаго гостя во время сильнѣйшаго вѣтра ведутъ въ мельницу осмотрѣть диковинное устройство ея. По разсмотрѣніи устройства, мельничная дверь моментально захлопывается—и гость остается тамъ, внутри чудовищнаго вѣтряка. По мановенію невидимой руки, мельница начинаетъ работать, что называется, на всѣхъ парусахъ и на пустыхъ камняхъ. Она трещитъ, дрожитъ, вотъ-вотъ, кажется, разсыпится въ дребезги. Грохотъ и лязгъ въ ней ужасны; изъ камней міріады искръ сыпятся во всѣ стороны, зловѣще освѣщая темное пространство. При такой обстановкѣ гость благимъ матомъ кричитъ, вопитъ о спасеніи. Въ отвѣтъ на эти вопли въ щель просовывается купчая, перо и чернильница; предлагается жертвѣ подписать эту купчую, въ противномъ случаѣ Котъ грозитъ не выпустить плѣнника изъ ужаснаго вмѣстилища.

Плѣнникъ отвергъ предложеніе. Мельница снова и съ бо́льшимъ трескомъ начала работать,—и работала до тѣхъ поръ, пока плѣнникъ не подписалъ купчей, просунутой въ туже щель.

Такимъ манеромъ совершено было два земельныхъ пріобрѣтенія—Чорнышъ и Вара.

Библиотека "Руниверс"

Посредствомъ этой инквизиціонной мельницы *куплена была и жена* у отставного поручика Вара. Поручикъ, заключенный въ эту страшную пасть, при необычайномъ грохотѣ и чудовищныхъ искрахъ, подписалъ просунутый въ щель актъ отреченія отъ своей жены. По выходѣ изъ пыточнаго вмѣстилища, Варъ получилъ денежную плату, а его жена Агафоклія поступила къ Гервасію Коту въ вѣчное и потомственное владѣніе. Потомъ мужу, вынужденному продать свою Агафоклію, оказано было удовольствіе: онъ былъ принятъ Котомъ на прокормленіе; но не смѣлъ прикасаться къ бывшей своей сожительницѣ, а долженъ былъ довольствоваться лицезрѣніемъ ея.

По отношенію къ евреямъ практиковались иного рода пыточные способы. Одинъ изъ этихъ способовъ былъ болѣе ужасенъ, чѣмъ вѣтряная мельница, а другой былъ весьма унизительнаго и отвратительнаго свойства.

Гервасій Котъ всегда имѣлъ у себя медвѣдей—одного или двоихъ, которыхъ покупалъ у цыганъ. Былъ у Кота человѣкъ, крестьянинъ Чернобольный, умѣвшій ухаживать за медвѣдями; а баринъ забавлялся ими: они предъ нимъ плясали, на заднихъ лапахъ ходили и другія штуки продѣлывали.

Котъ усмотрѣлъ, что евреи могутъ быть для него порядочнымъ источникомъ дохода. Вблизи своей усадьбы онъ построилъ нѣсколько десятковъ хатъ; а въ тѣхъ хатахъ поселились евреи, которые здѣсь, какъ и вездѣ, стали быстро размножаться. За хаты и дворы они обязаны были вносить владѣльцу установленную плату—чиншъ. Случалось, что нѣкоторые неисправно давали чиншъ, а другіе уклонялись отъ него. Тогда къ таковымъ посылался медвѣдь. Чернобольный вводилъ страшнаго гостя въ жидовскую хату. Мишенька здѣсь ревѣлъ и ходилъ на заднихъ лапахъ, намѣреваясь схватить въ свои объятія кого-либо изъ обитателей хаты. Послѣ такой визитаціи немедленно же приносили барину чиншъ. Въ противномъ случаѣ медвѣдь снова явился бы.

Если чиншевикъ или посторонній жидъ и жидовка оказывали Коту малѣйшее сопротивленіе, какую-нибудь даже незначительную непріятность, то были ввергаемы въ *свинюшникъ*.

Библиотека "Руниверс"

Инквизиціонный свинюшникъ былъ очень обширенъ и совершенно темный; стѣны изъ дикаго камня изумительно высокія. Сухія мѣста въ этомъ громадномъ пространствѣ чередовались съ лужами, издававшими зловоніе ужасное. Еврей или еврейка, заключенные въ это чистилище, когда ступали на сухое мѣсто, то были облѣпливаемы блохами съ ногъ до головы. Уязвляемые этими паразитами, они пускались бѣжать—и попадали по уши въ вонючую и полужидкую массу. Выбравшись отсюда, плѣнникъ становился добычею блохъ. Иные мучились здѣсь по цѣлымъ суткамъ и шабашовали тамъ-же.

Свинюшникъ предназначался только для наказанія іудеевъ; а медвѣдь иногда устрашалъ и русскихъ благородныхъ особъ.

Гервасій Котъ имѣлъ множество тяжбъ. По одному тяжебному дѣлу, самому непріятному для Кота, долженъ былъ вотъ-вотъ пріѣхать къ нему становой приставъ. Передъ пріѣздомъ этого гостя введенъ былъ въ комнату медвѣдь и поставленъ въ углу. Этого медвѣдя часто вводили въ комнату. Сюда вступалъ Котъ съ хлѣбомъ, а медвѣдь подступалъ къ Коту и получалъ отъ него лакомство. Какъ только приставъ отворилъ двери, предъ нимъ въ полумракѣ появилось косматое чудовище и протянуло свои громадныя лапы для полученія подачки. Приставъ тутъ-же на дверяхъ, грохнулся навзничь; и послѣ обморока больной, поспѣшилъ восвояси.

Одинъ бѣдный дворянинъ не соглашался уступить Коту одну красивую дѣвушку; на требованія настойчивыя и назойливыя отвѣтилъ, наконецъ, солиднымъ отпоромъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Котъ при встрѣчахъ съ этимъ бѣднымъ дворяниномъ былъ весьма любезенъ и показывалъ видъ, что совершенно забылъ о хорошенькой дѣвушкѣ и рѣшительномъ отказѣ получить ее. Убѣдившись, что господинъ довѣрчиво относится къ этимъ любезностямъ, Котъ пригласилъ его къ себѣ для пріятнаго препровожденія времени. Между прочимъ гость былъ приглашенъ въ садъ для испитія пунша. Здѣсь онъ моментально былъ схваченъ и привязанъ къ дубу. Скоро привели къ тому дубу двухъ медвѣдей и привязали ихъ такъ, что они

Библиотека "Руниверс"

могли простирать къ нему свои морды и лапы очень близко. Въ сообществѣ съ такими пріятелями гость находился нѣсколько часовъ, долженъ былъ лицезрѣть косолапыхъ, чувствовать ихъ дыханіе, слушать ихъ ревъ.

II.

Изъ всего ранѣе сказаннаго можно себѣ представить, какъ Гервасій Котъ относился къ своимъ крѣпостнымъ людямъ,—если онъ такъ жестоко обращался съ особами, равными ему по происхожденію, и былъ тороватъ на злостныя продѣлки съ ними.

Мало того, что крѣпостные работали Коту неустанно изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ,—имъ не было отдыха въ воскресные и праздничные дни.

Въ воскресные и праздничные дни устраивалась *охота* на медвѣдя. Всѣ крѣпостные люди мужскаго пола, сколько ихъ было, даже старъ и малъ, выступали съ дрекольями изъ своихъ жилищъ. На выгонѣ они составляли громадный и плотный кругъ. Сюда, въ средину людского круга былъ впускаемъ медвѣдь; и вотъ, люди должны были гонять медвѣдя до тѣхъ поръ, пока онъ не утомится, а когда утомится, взять его руками и принести въ надлежащее мѣсто.

Для большей потѣхи и барскаго наслажденія загоняли иногда медвѣдя въ прудъ. Многіе пускались за косолапымъ вплавь и гоняли его здѣсь по всевозможнымъ направленіямъ. Еще для большей потѣхи и искуса пускали медвѣдя въ поле по направленію къ лѣсу. Медвѣдь пускался сюда во всю прыть, надо было отрѣзать ему вступленіе въ лѣсную чащу. Крѣпостные массой напрягали всѣ усилія, неслись взапуски во всю мочь,—и медвѣдь всегда былъ опережаемъ и недопускаемъ до лѣса.

При этихъ лиходѣйствіяхъ всегда присутствовалъ Котъ. Гарцуя на лихомъ конѣ, онъ слѣдилъ за дѣйствіями толпы и руководилъ ею.

Гервасій Котъ былъ страстный любитель женскаго пола.

Библиотека "Руниверс"

Всякій крестьянинъ сейчасъ послѣ вѣнчанія долженъ былъ представить Коту свою новобрачную жену.

— Оце, мылостывый барынъ, я тилько що обвинчався зъ нею! Подывиться! снявъ шапку и низенько кланяясь, говорилъ крестьянинъ.

Котъ взиралъ на приведенную *молодыцю*. Если отъ этого поверхностнаго *обзора* получалось пріятное впечатлѣніе, то издаваемъ былъ приказъ: завтра *выгнать* эту *молодыцю* на барщину. Изъ барщины приводили ее въ барскія комнаты *прясть*. Во время пряденія Котъ надлежаще уже осматривалъ новобрачную. Послѣ осмотра, *молодыця*, смотря по качествамъ, или оставалась въ прядильницахъ, или поступала въ *гаремныя*.

Получившая должность прядильницы пользовалась нѣкоторою свободою: она по временамъ ходила въ деревню барина и имѣла общеніе съ мужемъ.

Гаремная становилась полною и неотъемлемою собственностію Кота, дальше барскаго двора она не совершала ни единаго шага. Гаремная должна была отрѣшить себя отъ міра и знать только господина своего—Кота. На избранницъ барина крѣпостные люди даже смотрѣть не смѣли.

Гервасій Котъ имѣлъ своего рода евнуховъ, которые зорко и неустанно оберегали женскій питомникъ отъ посторонихъ поползновеній. Были устроены особые способы для наказанія тѣхъ, которые проявляли симпатію къ гаремной; наказанію подвергались и тѣ, которые случайно—мимоходомъ заигрывали съ гаремной, соблазнившись красотой ея.

Такими способами были *инквизиціонные столбы и набатный колоколъ*.

Набатный колоколъ висѣлъ у барскаго крыльца, а веревка отъ него была протянута въ кабинетъ. Столбы высились въ разныхъ мѣстахъ двора; одни изъ нихъ были видны изъ кабинета, а другіе—изъ прочихъ комнатъ.

— Панасъ грався зъ Анюткою! докладывалъ барину евнухъ.

— Григорій балакавъ зъ Степанидою у саду, такъ заглядавъ ій у вичи та обнимався зъ нею,—доводилось до свѣдѣнія Кота.

Библиотека "Руниверс"

Котъ хватался за свору—и раздавался звонъ колокола. Опрометью бѣжалъ въ кабинетъ атаманъ Александръ—самое довѣренное лицо Кота. Немедленно же возлѣ столбовъ появлялись фигуры: то были Панасъ и Григорій. Того и другого полуобнаженныхъ вздергивали на столбы и оставляли ихъ въ висячемъ положеніи или прикрѣпляли къ столбамъ, смотря по изволенію барина. Случалось, что Панасы и Григоріи томились на столбахъ по нѣсколько сутокъ.

Вздергиванію на столбъ подвергались люди и за прикосновеніе къ прядильницамъ, къ горничнымъ и другимъ дворовымъ женщинамъ, вступавшимъ въ кабинетъ Кота. Такого женскаго персонала было очень много въ барскомъ дворѣ. Тутъ же были лакеи, конюхи, повара, садовники, псари. Весь этотъ людъ, по большей части молодой и холостой, не могъ не соблазняться красавицами; а красавицы очень охотно отдавались своему брату и льнули къ нему. Столбы рѣдко, очень рѣдко были свободны отъ жертвъ.

Гервасій Котъ прилагалъ неусыпныя старанія для благосостоянія своего гарема. Одалискъ своихъ содержалъ онъ въ особо устроенныхъ великолѣпныхъ покояхъ, прекрасно одѣвалъ ихъ, кормилъ ихъ изысканными кушаньями и разными сластями, придумывалъ для нихъ интересныя забавы. Одалискамъ пріятно жилось у Кота. Въ число ихъ охотно поступали постороннія особы, а крѣпостныя поневолѣ попадали въ гаремъ.

Барскій гаремъ ежегодно и даже ежемѣсячно обновлялся: однѣ выбывали изъ него за негодностію или болѣзнію, другія вступали въ составъ его; многія были выдаваемы замужъ; случалось, что нѣкоторыя и умирали въ гаремѣ.

Гаремъ составлялся не только изъ крѣпостныхъ дѣвокъ и бабъ; очень часто въ числѣ гаремницъ фигурировали благородныя особы. Одну такую особу, Агафоклію, жену поручика Вара, мы знаемъ. Въ палаты Кота попадала всякая женщина, какою соблазнялось око его. Не одна сотня женщинъ испробовала гаремной жизни.

Библиотека "Руниверс"

Къ замѣчательнымъ явленіямъ гаремной жизни у Кота относится также и *крещеніе* евреекъ.

У Гервасія Кота были агенты, которые доставляли ему только-что созрѣвшихъ красотокъ іудейскаго племени. Зачастую во время поѣздокъ въ разныя мѣста Котъ самъ подмѣчалъ красивыхъ евреекъ и уже непремѣнно привлекалъ ихъ къ себѣ. Собственная колонія тоже снабжала его свѣжими плодами.

Всякая еврейка, вступившая въ сераль Кота, черезъ нѣкоторое время была обращаема въ Христіанскую вѣру. Если случалось, что отецъ и мать или родичи выкрестки оказывали барину Коту непріятности, то были ввергаемы въ *свинюшникъ* или устрашаемы медвѣдями, при безуспѣшности первой мѣры.

Всякая серальная еврейка была удаляема изъ барскаго обиталища, когда нѣсколько отцвѣтала.

Удаленіе евреекъ-конкубинъ совершалось съ пріятными для нихъ церемоніями. Онѣ *были выдаваемы замужъ* за отставныхъ поручиковъ, капитановъ, за безчиновныхъ бѣдныхъ дворянъ и даже за унтеръ-офицеровъ, смотря по индивидуальнымъ способностямъ каждой изъ нихъ.

Послѣдній гаремный *выпускъ* тоже состоялъ изъ выкрещенныхъ евреекъ.

Вотъ Гервасію Коту пошелъ уже седмой десятокъ, а гаремъ у него процвѣтаетъ, и онъ тѣшится имъ, какъ и въ пору своей молодости! Только, когда стукнуло ему за 75 лѣтъ, гаремъ видимо началъ клониться къ упадку.

У Гервасія Кота были только сынъ и дочь отъ законной жены. Когда Котъ очень уже одряхлѣлъ, то сынъ не преминулъ воспринять гаремную сокровищницу отца; онъ обновилъ—увеличилъ ее.

III.

Когда умерла жена Кота, то онъ вознамѣрился похоронить ее въ гробѣ, который былъ обтянутъ коленкоромъ черным. Памва (сынъ Кота законный) воспротивился такому намѣренію

Библиотека "Руниверс"

и потребовалъ для этого гроба бархатной оббивки. Послѣдовалъ *бой* отца съ сыномъ—Гервасія съ Памвою. Въ этомъ бою отецъ не устоялъ: былъ схваченъ за шиворотъ и изрядно побитъ Гробъ былъ оббитъ бархатомъ.

Вторичный бой Гервасія съ Памвою совершился послѣ похоронъ, по поводу вопроса о раздѣлѣ наслѣдства умершей жены Гервасія и матери Памвы.

Жена Кота, какъ извѣстно, имѣла 1900 десятинъ собственной земли. По смерти ея явился къ Коту Виссаріонъ, уже возмужалый, чтобы получить свою часть. Землю эту надо было раздѣлить между двумя сыновьями умершей и замужнею дочерью. Отецъ, Гервасій Котъ, не желалъ раздѣла; онъ хотѣлъ продолжать обладаніе этою землею, не давая ее никому изъ наслѣдниковъ. Памва настаивалъ на раздѣлѣ материнской земли, желая получить себѣ львиную часть. Отецъ воспротивился настояніямъ Памвы. Послѣдовалъ рядъ бурныхъ сценъ—и наконецъ произошла рукопашная потасовка между отцомъ и сыномъ. И въ этой схваткѣ Памва одержалъ побѣду: онъ опрокинулъ родителя на столъ и *придушилъ его*; родитель сдался на капитуляцію и началъ съ этой поры плясать подъ дудку побѣдителя. Сестрѣ отведено было земли на половину противъ того, сколько слѣдовало; и притомъ, эта доля была крайне неудобная: въ сухомъ безводномъ яру и вдали отъ всякихъ проѣздовъ,—для пользованія ею предлагалось прибѣгать къ воздухоплаванію на опасномъ аэростатѣ. Замужняя сестра, имѣвшая дѣтей, вынуждена была, конечно, продать эту долю—и продать за безцѣнокъ, предложенный Памвою: по 50 рублей за десятину. Такъ обижена была родная семейная сестра! Съ Виссаріономъ также точно было поступлено: ему тоже отведено было въ половину меньше, чѣмъ слѣдовало по закону, только 150 десятинъ; эта земля была настолько же неудобна, какъ и земля сестры. Онъ принужденъ былъ продать Памвѣ эту часть по той же самой низкой цѣнѣ.

Управившись такимъ образомъ съ наслѣдниками, обезпечивъ себя всѣмъ достояніемъ материнскимъ, получивъ потомъ

Библиотека "Руниверс"

отъ отца громадное количество земли, Памва началъ хозяйничать вполнѣ самостоятельно и по примѣру отца своего.

Вотъ каковъ былъ баринъ Гервасій Котъ, до конца дней своихъ пребывавшій въ чинѣ „коллежскаго регистратора“. Во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ онъ именовалъ себя такъ: „Потомственный дворянинъ, владѣтель громаднаго мѣстечка, записанный въ шестую часть дворянской книги, *отставной старшій канцелярист*ъ Духовной Консисторіи, прослужившій въ оной должности 8 лѣтъ, 3 мѣсяца и 5 дней, и по милости Божіей и Монаршескому соизволенію получившій чинъ 14-го класса Коллежскаго регистратора и въ семъ чинѣ до сего дня пребывающій“.

КОНЕЦЪ.

Библиотека "Руниверс"

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе [1]).

VI.

Подготовленія со стороны православныхъ къ сейму 1641 г.— Конституція сего сейма о религіи греческой и возстановленіи правъ еп. С. Гулевича.—Тяжелыя жертвы, принесенныя православными для достиженія успѣха въ дѣлѣ Гулевича. – Запоздалый протестъ латино-уніатовъ противъ означенныхъ постановленій помянутаго сейма.—Краткое упоминаніе о событіяхъ послѣдующаго времени, свидѣтельствующихъ о взаимномъ раздраженіи православныхъ и уніатовъ.—Брестскій игуменъ Аѳанасій Филипповичъ, какъ борецъ за православную вѣру; характеристическія черты, выдѣляющія его изъ ряда другихъ борцовъ, и его дѣятельность въ указанномъ направленіи.

На 20 августа 1641 г. назначенъ былъ общій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Среди православныхъ и уніатовъ началось обычное движеніе и шли подготовленія къ обоюдной борьбѣ. Волынское дворянство въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, поручая первѣе всего стараться о томъ, чтобы „пункты примиренія“ всецѣло приведены были въ исполненіе (о чемъ неоднократно говорилось въ предшествовавшихъ инструкціяхъ), особенно настаивало, чтобы исправленъ былъ вредъ, нанесенный православной церкви чрезъ инфамію перемышльскаго епископа Гулевича. „Послѣ прошлаго сейма—говорили они въ своей инструкціи—возникло но-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 4.

Библиотека "Руниверс"

вое дѣло: церковныя бенефиціи (dobra), назначенныя „дипломомъ“ для резиденціи перемышльскаго владыки неунита, вслѣдствіе нѣкоего несчастія, по волѣ судебъ, чрезъ его милость пана подскарбія короннаго отняты отъ отца Гулевича, теперешняго перемышльскаго владыки неунита; посему паны послы усердно должны настаивать, чтобы означенная епископія, какъ уже вакующая, въ началѣ сейма отдана была неуниту“. Просило Волынское дворянство также о томъ, чтобы церкви въ Люблинѣ, въ Красномъ-Ставѣ, въ Бельзѣ и Сокалѣ, силою (per vim) отнятыя отъ уніатовъ, возвращены были имъ. Находится въ инструкціи просьба и о кіевскихъ школахъ, фундованныхъ митрополитомъ (Петромъ Могилою), чтобы права ихъ были подтверждены [1]).

На сеймъ 1641. года прибыли многіе изъ духовныхъ православныхъ лицъ: кромѣ митрополита Петра Могилы, мы видимъ здѣсь мстиславскаго епископа С. Косова, луцкаго—А. Пузыну, перемышльскаго (не пользовавшагося гражданскими правами) С. Гулевича и значительное количество настоятелей разныхъ монастырей. О ходѣ сеймовыхъ преній по вопросу объ „успокоеніи православныхъ“ мы свѣдѣній не имѣемъ. Но, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что они—какъ и на предшествовавшихъ сеймахъ—были бурныя, даже можно предполагать наиболѣе бурныя, такъ какъ здѣсь подняты были самые жгучіе религіозные вопросы: 1) о томъ, чтобы разбирательства о правонарушеніяхъ относительно статей примиренія были перенесены на сеймы, 2) дѣло объ отнятіи Люблинской православной церкви уніатскимъ епископомъ Терлецкимъ и, въ особенности, 3) о возстановленіи правъ православной перемышльской епископіи. О результатахъ этихъ преній свидѣтельствуютъ слѣдующія два постановленія, занесенныя въ сеймовую конституцію 1641 года.

1) *О религіи греческой*: „Свободное исповѣданіе греческой религіи для лицъ, не находящихся въ уніи, обезпечено пактами счастливой нашей коронаціи. Тѣми же пактами, коммиссіями и привилегіями распредѣлены между уніатами епископства, братства и церкви. Но такъ какъ установленное между ними спокойствіе нарушено начавшимися процессами, а свобода исповѣданія нарушена отнятіемъ церквей, то постановляемъ: процессы по религіознымъ дѣламъ (исключая возникшихъ вслѣдствіе учиненныхъ насилій) между духовными и свѣтскими лицами всякаго званія и состоянія, въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, начатые тою или другою стороною, въ какой-бы судебной инстанціи эти процессы ни находились, а

1) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. XXIII. стр. 270, 276.

Библиотека "Руниверс"

также декреты, банниціи, секвестры, суспенсы, пріостанавливаемъ до другого шестинедѣльнаго сейма, на которомъ обо всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, намъ доложенныхъ, учинимъ разбирательство. А чтобы на будущее время такія дѣла болѣе не затрудняли Рѣчи Посполитой, опредѣляемъ: по всѣмъ уголовнымъ процессамъ между свѣтскими и духовными лицами разбирательство будетъ происходить по спеціальному реестру уголовныхъ дѣлъ или на сеймѣ, если будутъ позваны дизуниты (православные) въ Коронѣ, или въ „великомъ колѣ“, если они будутъ позваны въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ. А если будутъ позваны уніаты, разбирательство всегда (какъ позванныхъ въ Коронѣ, такъ и въ Литвѣ) будетъ производиться на назначенномъ сеймѣ. По дѣламъ же объ отнятіи церквей и церковныхъ имуществъ,—какъ таковымъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ значенія привилегій,—разбирательство имѣетъ быть на нашихъ реляційныхъ судахъ; но предварительное разслѣдованіе—въ мѣстномъ гродѣ или земствѣ, которые, сдѣлавъ означенное разслѣдованіе и не постановляя по нему никакого рѣшенія, дѣло со всѣми добытыми судомъ данными должны отсылать въ нашъ реляційный судъ, для чего опредѣляется срокъ шестинедѣльный. А мы по такимъ дѣламъ немедленно, согласно коституціи 1635 г., постановимъ приговоръ, и свое рѣшеніе для окончательнаго приведенія его въ исполненіе будемъ отсылать въ надлежащее судебное мѣсто“.

2) *„Возстановленіе правъ благороднаго Сильвестра Гулевича.* Вслѣдствіе просьбы земскихъ пословъ и съ согласія всѣхъ чиновъ, авторитетомъ настоящаго сейма уничтожаемъ декретъ инфаміи съ благороднаго Сильвестра Гулевича, владыки перемышльскаго, неунита, и съ его сообщниковъ, и возстановляемъ его въ прежнемъ достоинствѣ—подъ такимъ однако условіемъ, чтобы епископство перемышльское съ монастыремъ св. Спаса и принадлежащими къ нему имѣніями на вѣчныя времена оставалось за уніатами. Монастырь же св. Спаса съ селеніемъ Нечуткою, монастырь Лавра съ селеніемъ Лавровымъ, монастырь Смолница имѣютъ навсегда de facto находиться во владѣніи неунитовъ, относительно чего имъ предоставляется свободная „реляція“. А по смерти теперешняго владыки унита, имъ имѣетъ быть еще придано селеніе Сегмо. Въ остальномъ изложенное въ пактахъ, составленныхъ на счастливой нашей елекціи, остается ненарушимымъ. Но по смерти Гулевича, теперешняго владыки неунита, для тѣхъ монастырей имѣетъ быть назначаемъ архимандритъ, а владыкою будетъ оставаться унитъ“ [1]).

[1]) Prawa, Konstytucie y Przyw. Krol. Polskiego, изд. 1735 г. въ Варшавѣ, т. IV, стр. 6—7.

Библиотека "Руниверс"

Первое сеймовое постановленіе, касающееся успокоенія греческой религіи вообще, должно быть признано благопріятнымъ для православныхъ, такъ какъ стремилось уврачевать самыя больныя мѣста въ судебной практикѣ того времени, отъ которыхъ наиболѣе всѣхъ страдали православные. Судебные процессы по дѣламъ религіознымъ и, въ частности, объ отнятіи церквей, начинаемые въ судахъ гродскихъ и земскихъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ засѣдали латино-уніаты, зачастую принимали неблагопріятное для православныхъ направленіе или (въ ущербъ интересамъ православія) намѣренно затягивались, главнымъ образомъ, вслѣдствіе предвзятыхъ ультра-католическихъ воззрѣній на „схизму“ большинства судей, безъ сомнѣнія, нерѣдко диктовавшихъ свои приговоры подъ вліяніемъ своихъ „духовныхъ отцевъ“. Поэтому устраненіе означенныхъ судовъ отъ составленія приговоровъ по упомянутымъ дѣламъ и отсылка послѣднихъ для рѣшеній по нимъ въ реляційный королевскій судъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ король, притомъ чуждый фанатизма, было весьма желательно для православныхъ, и состоявшееся сеймовое постановленіе по сему предмету они вправѣ были считать немаловажнымъ успѣхомъ, достигнутымъ ими при борьбѣ съ латино-уніатами на почвѣ юридической.

Что касается другого приведеннаго нами постановленія сейма, состоявшагося по настоянію православныхъ, именно—„возстановленія“ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича въ его прежнемъ достоинствѣ,—то въ данномъ случаѣ успѣхъ ихъ былъ относительный: онъ пріобрѣтенъ былъ тяжелыми уступками. Православные согласились на измѣненіе „статей примиренія“ относительно перемышльской епархіи,—притомъ измѣненіе весьма существенное. Во-первыхъ, они на вѣчныя времена уступали уніатамъ монастырь св. Спаса, а во-вторыхъ, и это главное, утрачивали перемышльскую епископію, которая оставалась за ними только временно, до смерти Сильвестра Гулевича. Эта уступка вызывала укоры со стороны особенно ревностныхъ борцевъ за православную вѣру. Разумѣется, та постановка вопроса о перемышльской епископіи, которая сдѣлана была волынскими православными дворянами въ инструкціи ихъ посламъ на сеймъ 1641 года, была, въ интересахъ православной церкви, самая лучшая. Въ инструкціи проводилась (и проводилась, надо полагать, по внушенію П. Могилы) такая мысль: всѣ наши просьбы о снесеніи инфаміи съ Гулевича остаются тщетными, и онъ считается лишеннымъ гражданскихъ правъ. Пусть будетъ такъ. Но въ такомъ случаѣ перемышльская епископія должна считаться вакантною. Мы, основываясь на статьяхъ примиренія, требуемъ назна-

Библиотека "Руниверс"

ченія на нее другого епископа, который имѣетъ быть избранъ православными". Такая постановка дѣла, съ юридической стороны вполнѣ законная и не могшая встрѣтить при своемъ осуществленіи серьезныхъ препятствій, по всей вѣроятности, и была главною причиною того, что латино-уніатская партія не препятствовала снесенію инфаміи съ Гулевича: она желала только извлечь (и извлекла) изъ этого дѣла наибольшія для себя выгоды. Что касается православныхъ, то они вынуждены были согласиться на означенныя уступки не только въ виду заслугъ для церкви С. Гулевича и его фамиліи, но и потому, что съ дѣломъ перемышльскаго епископа тѣсно связаны были интересы многочисленныхъ (во всякомъ случаѣ не менѣе 130—140) дворянъ, тоже осужденныхъ на инфамію. Возстановленіе въ прежнемъ достоинствѣ Гулевича неразрывно связано было съ возстановленіемъ въ ономъ и его, какъ сказано въ конституціи, сообщниковъ. Притомъ, православные могли ласкать себя надеждою, что въ будущемъ дѣло о перемышльской епископіи можетъ быть поправлено, о чемъ дѣйствительно впослѣдствіи и старались.

Въ высшей степени замѣчательно, что сеймовая конституція о греческой религіи на первыхъ порахъ не вызвала письменныхъ протестовъ со стороны латино-уніатовъ и только спустя около пяти мѣсяцевъ по обнародованіи ея означенные протесты заносятся въ подлежащія судебныя учрежденія отъ имени представителей католической и уніатской церквей. Такихъ протестовъ извѣстно три: 1) папскаго нунція Филонарда, 2) гнѣзненскаго архіепископа съ четырьмя бискупами и двумя свѣтскими сановниками (Станиславомъ Радзивилломъ и Казимиромъ Сапѣгою) и 3) уніатскаго митрополита Антонія Селявы. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднія двѣ протестаціи составлены были по настоянію нунція. Это ясно видно изъ протестаціи Селявы, который заявляетъ, что онъ опоздалъ съ своею манифестаціею потому-де, что трудно было ему, бывшему на сеймѣ, достать копію съ конституціи, которая едва получена имъ теперь, вслѣдствіе чего онъ съ опозданіемъ заноситъ свой протестъ противъ состоявшихся на сеймѣ 1641 г. постановленій относительно греческой религіи, повинуясь въ данномъ случаѣ заявленію и приказаніямъ св. апостольскаго престола (declarationi et mandatis s. saedis apostolicae). Что касается молчанія папскаго нунція при обнародованіи сеймовой конституціи 1641 года, то оно можетъ быть объясняемо выжидательною политикою со стороны Рима въ виду неоднократно дѣлаемыхъ Владиславомъ IV обѣщаній привлечь православныхъ къ подножію папскаго престола путемъ мирнымъ (о чемъ скажемъ ниже). Невыполненіе королемъ этихъ обѣщаній и предъявленіе къ

Библиотека "Руниверс"

нему въ это время со стороны папы требованій, которыя Владиславомъ IV ни въ какомъ случаѣ не могли быть удовлетворены, какъ идущія въ разрѣзъ съ его политикою по дѣламъ религіознымъ (папа требовалъ уничтоженія привилегій, выданныхъ православнымъ), и побудили нунція, руководившагося въ данномъ случаѣ инструкціями изъ Рима, занести упомянутый протестъ 26-го февраля 1642 года [1]).

Въ теченіе остальныхъ пяти лѣтъ жизни митрополита Петра Могилы (1642—1646 гг.) общіе сеймы въ Польской Коронѣ назначаемы были и собирались четыре раза: въ 1642, 1643, 1645 и 1646 годахъ. Въ сохранившихся инструкціяхъ посламъ на нѣкоторые изъ этихъ сеймовъ мы опять слышимъ горькія жалобы со стороны православныхъ на притѣсненія, испытываемыя ими отъ латино-уніатовъ, и настойчивыя просьбы о возстановленіи правъ православной церкви соотвѣтственно съ сеймовыми конституціями „объ успокоеніи греческой религіи“ и выданными на основаніи ихъ привилегіями. Въ инструкціяхъ волынскаго дворянства посламъ, отправляемымъ на сеймы 1645 и 1646 гг., православные заявляютъ, что „греческая религія—древняя, распространенная, упривилегированная, апробованная пактами конвентами и королевскою присягою—такое претерпѣваетъ насиліе въ христіанскомъ католическомъ государствѣ и свободной, независимой Рѣчи Посполитой, какого не испытываютъ даже христіане-греки, находящіеся въ рабствѣ у безбожниковъ („поганъ“). Отняты церкви, монастыри и каѳедры, возбраняется свободное отправленіе богослуженія; убогіе христіане умираютъ безъ напутствія св. тайнами и не могутъ открыто совершать богослуженіе; въ Люблинѣ, вслѣдствіе отнятія у православныхъ церкви, а также въ Сокалѣ, Бельзѣ и другихъ городахъ, они должны хоронить своихъ покойниковъ тайно въ своихъ погребахъ и домахъ [2]). Дѣйствительно, хотя конституціею 1641 года свобода вѣроисповѣданія вновь обезпечена была православнымъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ районѣ Холмской уніатской епархіи, было крайне стѣснительное. Меѳодій Терлецкій, посредствомъ указанныхъ нами насильственныхъ дѣйствій и угрозъ загнавши въ свою „овчарню“ многихъ православныхъ, крѣпко держалъ ихъ въ ней, ибо переходъ въ унію подлежавшихъ штрафамъ и смертной казни православныхъ мѣщанъ

[1]) Theiner, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. III. № CCCLXIX, pag. 420—423.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. № XXV и XXVI.

Библиотека "Руниверс"

разныхъ городовъ, но за покорность и согласіе признать власть холмскаго уніатскаго епископа прощенныхъ, обставленъ былъ имъ въ случаѣ несоблюденія условій (т. е. возвращенія въ православіе) такими тяжелыми юридическими обязательствами (конфискація имуществъ, приведеніе въ исполненіе задержанныхъ приговоровъ по декретамъ), что вырваться изъ означенной овчарни было дѣломъ весьма рискованнымъ. Поэтому „убогимъ христіанамъ“ поневолѣ приходилось, тая въ душѣ ненависть къ уніи, наружно слѣдовать ей и скрытно, съ большими предосторожностями (у Терлецкаго были шпіоны) исполнять религіозныя обязанности по обряду церкви православной. Сеймовое постановленіе объ отсылкѣ на рѣшеніе королевскаго суда процессовъ по дѣламъ церковнымъ, хотя должно было значительно сдерживать (и сдерживало) порывы латино-уніатовъ къ захвату церквей и „духовныхъ бенефицій“, принадлежавшихъ православнымъ, но по отношенію къ церквамъ и бенефиціямъ, уже передъ тѣмъ захваченнымъ у православныхъ,—значительныхъ, благопріятныхъ для послѣднихъ результатовъ не имѣло, благодаря настойчивости и упорству наиболѣе рьяныхъ представителей латино-уніатской церкви, поддерживаемыхъ въ данномъ случаѣ нѣкоторыми вліятельными лицами изъ ультра-католической партіи, находившимися у кормила правленія. Такъ, напр., Люблинская церковь, несмотря на благопріятное для православныхъ рѣшеніе короля и его неоднократные и рѣшительные приказы люблинскому старостѣ отобрать ее отъ уніатовъ и передать въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа А. Пузыны [1]), по прежнему пребывала подъ властью Терлецкаго, а многочисленные протесты православныхъ и ихъ громовыя рѣчи по этому поводу на сеймахъ и въ судахъ оставались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Изъ инструкціи дворянъ посламъ на сеймъ 1645 года мы видимъ, что нѣкоторыя церковныя бенефиціи, пріуроченныя къ перемышльской православной епископіи, еще и въ то время не были переданы С. Гулевичу, хотя—какъ мы видѣли—онъ уже давно былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Не были приведены въ исполненіе и нѣкоторыя другія правительственныя распоряженія о передачѣ православнымъ церквей въ Холмщинѣ [2]).

Разумѣется, все это не могло способствовать успокоенію „разрозненныхъ въ вѣрѣ людей“ и въ свою очередь вызывало со стороны православныхъ поступки, при правильномъ теченіи государ-

---

[1]) Рукоп. сборникъ, наход. въ библ. графа Дзѣдушицкаго во Львовѣ, Miscelanea, № 134, стр. 900—901.

[2]) Древніе акты Холмс. епархіи (въ Холм. ц. арх. музеѣ), к. I.

Библиотека "Руниверс"

ственныхъ дѣлъ невозможные. Такъ, напр., не видя никакихъ результатовъ по своимъ жалобамъ о возвращеніи отнятыхъ уніатами церквей, сокальскіе мѣщане „дизуниты“ (православные), а также „собранные изъ разныхъ селъ хлопы“, 13 января 1646 года сдѣлали нападеніе на уніатскую церковь въ Сокалѣ, причемъ уніатскихъ „духовныхъ“ избили и изувѣчили, „сакраментъ“ (св. дары) растоптали ногами и кощунствовали надъ находившимся въ то время въ церкви тѣломъ умершаго „духовнаго лица“ (сорвали съ него одежды) [1]).

О взаимномъ раздраженіи между православными и латино-уніатами можно также заключить изъ той массы вчиненныхъ тою и другою стороною процессовъ (по поводу личныхъ оскорбленій, насилій и т. п., иногда даже убійствъ), которыми переполнены судебныя книги того времени. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на этихъ процессахъ, такъ какъ ознакомленіе съ ними не много намъ прибавитъ характерныхъ чертъ для той картины взаимныхъ отношеній между враждующими сторонами, которая — думаемъ — съ достаточною яркостью красокъ нарисована нами выше. Но эта картина не была бы вполнѣ закончена, еслибы мы не коснулись еще дѣятельности одного изъ борцовъ за православную вѣру, стоящаго какъ бы особнякомъ въ ряду другихъ борцовъ за оную, и въ большинствѣ случаевъ, значительно отличающагося отъ послѣднихъ по пріемамъ и характеру своихъ дѣйствій. Мы говоримъ о брестскомъ игуменѣ Аѳанасіи Филипповичѣ.

Благодаря изданному Археографическою коммиссіею „Діаріушу“ Филипповича [2]), личность этого борца за православіе достаточно извѣстна въ нашей исторической литературѣ. [3]) Мы коснемся его жизни и дѣятельности настолько, насколько это требуется задачею настоящаго очерка.

Аѳанасій Филипповичъ, сынъ православныхъ родителей, по всей вѣроятности, принадлежавшихъ къ бѣдному шляхетству, получилъ образованіе въ церковно-русскихъ школахъ, послѣ чего („по наукахъ церковно-русскихъ“), слѣдуя общему между мелкою шлях-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т VI. № CCCXXI.

[2]) Русс. Историческая Библіотека, изд. Археогр. Коммиссіею, т. IV, столбцы 49—156.

[3]) На основаніи Діаріуша объ А. Филипповичѣ писали: *Н. И. Костомаровъ* (Историч. Монографіи т. XIV, стр. 1—42). *О. И. Левицкій* (Универс. Извѣстія 1878 г., № 5) и *Арсеній Маркевичъ* (Холмско-Варшав. Вѣст. за 1879 г. №№ 22, 24 и 1880 г).

Библиотека "Руниверс"

тою того времени обычаю, проходилъ службу при разныхъ панскихъ дворахъ, и наконецъ при дворѣ великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги. Здѣсь онъ пробылъ семь лѣтъ, состоя „инспекторомъ“ Яна Фавстина Лубы, которому—какъ извѣстно—поляками съ дѣтскихъ лѣтъ внушена была увѣренность, что онъ—московскій царевичъ (сынъ Марины Мнишекъ). Убѣдившись въ грѣховности міра сего, Филипповичъ отошелъ отъ Сапѣги и въ 1627 году принялъ монашество въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, откуда посланъ былъ на „послушаніе“ въ монастыри, сначала Кутеинскій подъ Оршею, а потомъ Межигорскій около Кіева, въ коихъ „презъ часъ не малый учился воли Божской и законнаго житія.“—Вызванный изъ временнаго своего пребыванія въ Межигорской обители на послушаніе въ Виленскій монастырь, Аѳанасій, при прощаніи своемъ съ межигорскимъ игуменомъ Комментаріемъ, получилъ отъ послѣдняго слѣдующее наставленіе: „Брате Аѳанасій! Сохрани по меньшей мѣрѣ три правила, необходимыя для инока: первое—быть въ послушаніи у старшихъ; второе—строго хранить уставы церковные; третье—остерегаться бесѣдъ женскихъ. Если все это, при помощи Божіей, сохранишь, то спасешься и потребенъ будешь на службу церкви Христовой.“ На пути въ Вильну Аѳанасій встрѣтилъ какого-то весьма больного человѣка, поднялъ его и немалое время несъ на себѣ. Этотъ человѣкъ послѣ продолжительной бесѣды съ Аѳанасіемъ о чудесныхъ дѣлахъ и тайнахъ Божіихъ, далъ ему, выражаясь словами діаріуша, „имя наисладшее Іисусъ Христосъ на сердце и указалъ, якъ тое заховати (сохранить)“. Съ этого времени для Аѳанасія открылся міръ таинственныхъ видѣній и чудесъ, которыми изобилуетъ вся его послѣдующая жизнь. Такъ, получивши въ Вильнѣ посвященіе въ санъ іеромонаха и назначенный послѣ того намѣстникомъ въ Дубойскій монастырь, онъ здѣсь въ теченіе треҳъ лѣтъ „бѣдствовалъ“ отъ нападеній со стороны враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Къ числу видимыхъ враговъ принадлежалъ канцлеръ Литовскій, князь Станиславъ Радзивиллъ, который въ 1636 году отобралъ Дубойскій монастырь для поселившихся въ Пинскѣ іезуитовъ. Въ это время—говоритъ Филипповичъ—(т. е. при отобраніи „монастыря“) барзо страшніи видоки на неби и на земли (не презъ сонъ, але въ день и на явѣ, толко якъ въ захвиценю якомъ будучи) видилемъ: на небѣ—хмуры барзо гнѣвливые зъ войсками ушиковаными (выстроенными къ битвѣ), на каране готовыми. и на земли—седмъ огнювъ пекелныхъ, на седмъ грѣховъ смертелныхъ зготованыхъ; зъ тыхъ огнювъ, въ пятомъ жаристомъ огнѣ трохъ особъ выразне видилемъ: нунціуша легата, въ коронѣ папеж-

Библиотека "Руниверс"

ской, Жигмунта кроля и Сапегу, гетмана, за преслѣдованіе церкви восточной барзо смутно сядячихъ. Которое видѣне, гдымъ другимъ указовалъ, видити не могли. Толко одинъ святобливый мужъ Иларіонъ Денисовичъ, игуменъ Купятицкій и Пинскій, тые справы Божскіе видѣлъ и дивовалея“.—Послѣ отобранія отъ православныхъ Дубойской обители, Аѳанасій перешелъ въ Купятицкій монастырь, гдѣ первымъ его дѣломъ было составленіе „жалоснаго листа“ по поводу притѣсненій, испытываемыхъ православными отъ латино-уніатовъ, каковой листъ послѣ подписи его многими почтенными („годными“) лицами, онъ „полецилъ (поручилъ) Пречистой Богородицѣ Купятицкой“. Въ это время (въ томъ же 1636 году) въ Купятицкій монастырь присланы были листы Петра Могилы съ просьбою о сборѣ подаяній въ пинскомъ повѣтѣ на возобновленіе митрополитанской каѳедры, Кіево-Софійскаго собора. Просьба митрополита была исполнена, и въ маѣ слѣдующаго (1637-го) года собранныя, по его порученію, деньги были ему чрезъ о Макарія Токаревскаго доставлены. Узнавши отъ послѣдняго, что въ Купятичахъ церковь весьма уже стара, П. Могила сказалъ: „хорошо бы собранныя вами деньги употребить на возобновленіе Купятицкой церкви; но такъ какъ онѣ привезены уже въ Кіевъ, и надобность въ нихъ у меня большая, то пусть здѣсь и остаются; но я дамъ вамъ универсальный листъ: старайтесь посредствомъ ялмужны (милостыни) святой реставрировать свою церковь“.—Послушаніе собирать „святую ялмужну на збудованіе Купятицкой церкви“ возложено было игуменомъ на Аѳанасія Филипповича, состоявшаго уже въ то время намѣстникомъ Купятицкаго монастыря. Во время пламенной молитвы, вызванной предстоящимъ ему труднымъ подвигомъ, Аѳанасій услышалъ голосъ самой Владычицы небесной: „царь московскій построитъ Мнѣ церковь; иди до него“,—и, отправляясь въ дорогу, сообщилъ о слышанномъ своему игумену. Тотъ сказалъ Аѳанасію; „брате милый, гдѣ тебѣ всемогущій Богъ и Пречистая Богородица укажетъ путь, туда и иди; а я здѣсь съ братіею буду молиться о твоемъ благополучномъ возвращеніи. А о чемъ ты говоришь, не знаю, что изъ этого выйдетъ, потому что и королевской грамоты (на проѣздъ въ Москву) ты не имѣешь“. Простившись съ братіею и уже находясь въ притворѣ церковномъ, Аѳанасій еще разъ, смотря черезъ окно на чудотворный образъ Божіей Матери, обратился къ ней съ мольбою, воскликнувъ: „о Пречистая Богородице, будь со мною!“ Тогда изъ церкви отъ означеннаго образа послышался явственный голосъ: „иду и Я съ тобою!“ Вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ стоящаго на лѣвомъ крылосѣ (скончавшагося послѣ благочестивой жизни въ мо-

Библиотека "Руниверс"

лодыхъ лѣтахъ) діакона Неемію, который изрекъ: „иду и я при своей Госпожѣ!“—Сборъ пожертвованій въ Бѣлоруссіи шелъ весьма туго и не безъ огорченій для Аѳанасія. Въ Слуцкѣ архимандритъ Шицикъ, намѣстникъ митрополита, весьма разгнѣвался на купятицкаго игумена за то, что тотъ не извѣстилъ его, архимандрита, о посылкѣ за сборомъ подаяній Аѳанасія, и отобралъ отъ послѣдняго данные ему „листы“, и только спустя немалое время, „пристрашоный презъ сонъ видѣньомъ якимсь“, возвратилъ ихъ, сказавъ Аѳанасію и его спутнику: „дѣлаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите съ Богомъ куда хотите“. Въ Кутеинскомъ монастырѣ подъ Оршею Аѳанасій былъ принятъ ласковѣе: тамошній игуменъ Іоиль Трупевичъ сочувственно отнесся къ миссіи купятицкаго намѣстника и хотя не далъ ему просимаго „свѣдоцтва до Москвы“, снабдилъ однако рекомендательными письмами къ протопопамъ и православнымъ братствамъ. Съ этими письмами Аѳанасій былъ въ Копысѣ, Шкловѣ, Могилевѣ, Головчинѣ; но здѣсь не получилъ „ялмужны“: „выбирано ее пилно (старательно) епископови своему Сильвестрови Коссови на справу съ Селявою, владыкою полоцкимъ уніатомъ.“ Вторично прибывши въ Кутеинскій монастырь, Аѳанасій сообщилъ игумену о своей неудачѣ и хотѣлъ было возвращаться въ свою обитель со скудною милостынею; но намѣстникъ кутеинскій посовѣтовалъ ему попытаться проникнуть въ Московское государство чрезъ пограничный городъ Трубчевскъ. Игуменъ Іоиль Трупевичъ благословилъ Аѳанасія и далъ ему рекомендательное письмо къ князю Петру Трубецкому. Но Трубецкой принялъ Аѳанасія крайне неласково и подъ угрозою „великаго наказанія“ приказывалъ ему возвратиться назадъ, какъ не имѣющему надлежащаго документа (паспорта). Аѳанасій вернулся было назадъ, но дорогою ему опять было видѣніе; когда онъ молитвенно взывалъ: „о Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйтесь надо мною; не знаю что дѣлается“,—былъ слышанъ имъ голосъ, произносившій такія слова: „зачѣмъ ты требуешь людской помощи? Иди въ Москву—и Я съ тобою“! Ободренный этимъ голосомъ и другими чудесными видѣніями, Аѳанасій вновь отправился къ границѣ, благополучно перебрался черезъ нее и, встрѣчая по пути ласковые пріемы со стороны народа, приписывавшаго необычайный переходъ Филипповича черезъ границу помощи Пресвятой Богородицы, безпрепятственно достигъ наконецъ главной цѣли своей поѣздки—Москвы. Здѣсь, лично представленный государю Михаилу Ѳеодоровичу, онъ вручилъ ему записку о положеніи православной церкви, угнетаемой латино-уніатами, съ просьбою „народъ православный отъ несноснаго преслѣдованія за-

Библиотека "Руниверс"

щитить,“ —исторію чудотворной иконы Купятицкой Божіей Матери съ ея живописнымъ изображеніемъ для хоругвей военныхъ „въ помноженіе православной вѣры“ и описаніе своего чуднаго путешествія въ Московское государство. Мирно отпущенный изъ Москвы, безъ сомнѣнія, съ обычною милостынею, Аѳанасій 16 іюля 1638 года возвратился въ свой Купятицкій монастырь.—Спустя нѣкоторое время (1640 г.) иноки Брестскаго Симеоновскаго монастыря обратились къ купятицкому игумену съ просьбою прислать къ нимъ въ настоятели либо Макарія Токаревскаго, либо Аѳанасія Филипповича. Но купятицкій игуменъ, по совѣщаніи съ братіею, нашелъ болѣе удобнымъ отправить въ Брестъ священноинока Климента Несвѣцкаго, „а насъ ободвохъ—пишетъ Филипповичъ—охоронялъ на тотъ часъ, якъ бы въ Купятичахъ потребныхъ“. Однако, „посланный братіею Брестскаго монастыря“ не пожелалъ принять о. Климентія. Тогда Купятицкій игуменъ съ братіею рѣшили кинуть жребій между о. о. Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ, кому изъ нихъ ѣхать въ Брестъ. „По волѣ Божіей—говоритъ Филипповичъ—жребій палъ на меня“.

Съ этого времени и начинается та борьба Аѳанасія съ латиноуніатами, которая, поставляя его на ряду съ выдающимися ревнителями православія того времени, однако рѣзко выдѣляетъ его изъ числа большинства ихъ по своей горячности и страстности, не сдерживаемыхъ обычными житейскими соображеніями.—Первымъ дѣломъ Аѳанасія Филипповича по прибытіи въ Брестъ („гдѣ фундаментъ уніи проклятой сталася“) было собрать документы, обезпечивавшіе права и имущество Брестскаго монастыря, и занести ихъ въ гродскія книги. Сдѣлавъ это, онъ „по волѣ Божіей смѣлѣе сталъ дѣйствовать“. Въ церкви и другихъ мѣстахъ онъ открыто началъ заявлять, что „унія съ старымъ Римомъ, не ведлугъ порядку церкви всходней принятая, вечне проклята“,—и мысли объ этомъ подкрѣплялъ многими доказательствами. Подобныя нападки на унію производили „тревогу“ между уніатами въ Брестѣ и во всемъ брестскомъ повѣтѣ. Между тѣмъ приближалось время, на которое назначенъ былъ сеймъ (1641 г.). На него отправился и новый Брестскій игуменъ съ цѣлью исхлопотать у короля новую привилегію своему монастырю. Просимую привилегію король далъ, но для приданія ей законной силы надобно было, чтобы канцлеръ или подканцлеръ приложили къ ней печати. Но ни тотъ, ни другой сдѣлать этого не хотѣли, не смотря на то, что Филипповичъ предлагалъ имъ „за печать“ тридцать талеровъ.—„Будьте уніатами—говорили они Аѳанасію,—тогда мы и даромъ запечатаемъ; знайте, что намъ

Библиотека "Руниверс"

отъ святого отца, папы римскаго, подъ клятвою запрещено, чтобы греческая вѣра въ нашемъ краѣ не множилась". Находившійся въ то время въ покояхъ канцлера князь Клецкій, прочитавъ данную королемъ привилегію, попросилъ было канцлера исполнить желаніе брестскаго игумена—приложить печать,—но тотъ наотрѣзъ отказался отъ этого.—Тогда Филипповичъ обратился за совѣтомъ и помощью къ своимъ „старшимъ", т. е. епископамъ, архимандритамъ и вобще вліятельнымъ духовнымъ лицамъ, пріѣхавшимъ на сеймъ. Но и здѣсь успѣха не имѣлъ: всякъ думаетъ—говоритъ Филипповичъ—только о своихъ личныхъ интересахъ („свою привату угоняетъ"): „господинъ отецъ Коссовъ двухъ тысячей золотыхъ въ каждый рокъ на владыцтво могилевское доходитъ; отецъ Гулевичъ баницію зъ себе зноситъ, владыцтво Премыское пустивши въ вѣчность (якъ въ конституціи написано) на унѣю; отецъ Жолудь цегельню (кирпичный заводъ) только въ Вилню правомъ сталюетъ (упрѣпляетъ); стецъ Шицикъ привиля, оденъ собѣ на архимандрію Овруцкую, а другой Филатею на игуменство Золотоверхого Михаила набываетъ. Единъ господинъ Варлаамъ Дидковскій святобливе въ справахъ церкви Печерской зъ розсудкомъ духовнымъ працовалъ. Иншіе отцове всѣ и законники въ своихъ приватахъ пріѣхали, и мовятъ зъ собою: я маю, маю зъ потребу у себе церквей; якъ собѣ хочетъ, нехай домавляетъ; я не дбаю (я имѣю мною хлопотъ по нуждамъ своихъ церквей; пускай каждый хлопочетъ, какъ знаетъ; это не моя забота)"... Рисуя печальное положеніе многихъ православныхъ, пріѣхавшихъ съ разными просьбами на сеймъ, Аѳанасій Филипповичъ говоритъ, что православная церковь терпитъ въ христіанскомъ государствѣ „бо́льшую неволю", чѣмъ въ Турціи. „Нельзя имѣть вольности уже и за гроши". Бѣдные Оршане за то, что построили въ братствѣ своемъ новую церковь, давали подканцлеру двѣсти червонныхъ золотыхъ, да еще пятьдесятъ коровъ пригнали въ фольваркъ къ одной особѣ—и это только за одно ходатайство („за причину") съ ея стороны. И другіе много тратились, хотя и безуспѣшно.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы Аѳанасію Филипповичу опять было видѣніе. Разстроенный мрачными мыслями о печальномъ положеніи православной церкви и объ упадкѣ ревности въ средѣ ея представителей, онъ горько плакалъ, и когда въ своей квартирѣ сталъ читать акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, то при словахъ: „отъ всѣхъ насъ бѣдъ свободи",—услышалъ весьма явственный голосъ отъ Ея образа: „о Аѳанасій! подавай прошеніе на сеймъ черезъ образъ мой, на крестѣ изображенный, и грози королю

Библиотека "Руниверс"

и Рѣчи—Посполитой праведнымъ гнѣвомъ и страшнымъ судомъ Божіимъ, который постигнетъ ихъ, если не опомнятся и не уничтожатъ проклятой уніи".

Вслѣдствіе такого приказанія Богородицы, Аѳанасій Филиппович ѣхалъ на слѣдующій шестинедѣльный сеймъ (1643 г.)—по его словамъ—какъ игрокъ, имѣющій въ рукахъ хорошую карту, и какъ Илія, ревнующій о вѣрѣ. Онъ взялъ съ собою образъ Купятицкой Божіей Матери „въ седми штукахъ (экземплярахъ) на полотнѣ малёваныхъ", съ „исторіею московскою" (описаніемъ своего путешествія въ Москву) и „надписаніемъ", заключающимъ въ себѣ предостереженія о гнѣвѣ и страшномъ судѣ Божіемъ (за преслѣдованіе православія и неискорененіе уніи). Глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и съ непоколебимою вѣрою въ помощь свыше, Аѳанасій Филиппович, вмѣсто прошенія („суплики") отъ имени восточной церкви, вошелъ въ „сенаторскую избу", а своего діакона отправилъ въ посольскую съ привезенными имъ иконами Купятицкой Божіей Матери и, раздавши ихъ „нѣкоторымъ знатнымъ особамъ", обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „Найяснѣйшій король, панъ мой милостивый! Испытываемъ невыносимую несправедливость. Не хотятъ намъ, людямъ православнымъ, въ благочестивыхъ нашихъ церковныхъ дѣлахъ прикладывать къ привилегіямъ печатей; не хотятъ насъ охранять согласно съ правами, ствержденными присягой вашей королевской милости. Уже пятьдесятъ лѣтъ подъ вами, христіанскими панами, правдивая вѣра и церковь восточная претерпѣваютъ великія преслѣдованія въ угоду проклятой уніи,—и все это дѣлается при содѣйствіи и помощи ненавистныхъ каплановъ римскихъ, а въ особенности іезуитовъ наимудрѣйшихъ. Эти-то іезуиты, посредствомъ красныхъ словъ, суетныхъ наукъ и заманчивыхъ титуловъ, овладѣвши сердцами молодыхъ людей, устроя въ школахъ комедіи, имѣя въ костелахъ каѳедры, книжки перепорченныя и измышленныя сатанинскими кознями, безбожно соблазняютъ простыхъ людей, своихъ потаковниковъ, а правовѣрныхъ христіанъ, сами будучи неправовѣрными, предаютъ позору и преслѣдуютъ". Аѳанасій Филиппович просилъ короля, чтобы вѣра правдивая греческая совершенно успокоена была, „а унія проклятая вынищена и внивечъ обернена (совершенно истреблена)".—„Если—говорилъ онъ—унію проклятую искорените, а восточную истинную церковь успокоите, то будете проводить счастливыя лѣта; если же вѣру правдивую греческую не умиротворите и проклятой уніи не уничтожите, то воистину испытаете на себѣ гнѣвъ Божій... Образъ Пресвятой Богородицы да служитъ вамъ трубою и знакомъ, предупреждающимъ страшный

Библиотека "Руниверс"

судъ Божій, когда благословенные унаслѣдуютъ царство небесное, а проклятые ввержены будутъ въ пекло (адъ) на вѣчныя муки. Я знаю, найдется противящійся такому предостереженію и болѣе невѣрный, чѣмъ съ окаменѣлымъ сердцемъ фараонъ; но надѣюсь, что обрящется и вѣрный Богу, создателю своему, Авраамъ, который всему сему увѣрустъ".

До крайности рѣзкія рѣчи Филипповича, безъ сомнѣнія, должны были поразить короля и сенаторовъ: его сочли человѣкомъ не въ своемъ умѣ, тѣмъ не менѣе тогда не арестовали и даже обнадежили, чтобы онъ по своему дѣлу обратился къ маршалку, пану Опалинскому. Къ послѣднему о. Аѳанасій дѣйствительно на слѣдующій день и явился. Тотъ направилъ его къ познанскому бискупу Андрею Шолдровскому, человѣку — по словамъ Филипповича — весьма разсудительному, о которомъ митрополитъ Петръ Могила отзывался какъ о добромъ своемъ пріятелѣ („добрый то мой пріятель" [1]). Шолдровскій, пріѣхавъ вечеромъ изъ сената, сообщилъ брестскому игумену радостную вѣсть: „король, — сказалъ онъ — панъ нашъ милостивый, приказалъ запечатать привилей, о которомъ вы хлопочете; приходите завтра къ ксендзу подканцлеру, а теперь идите на квартиру."

Но къ подканцлеру Аѳанасій Филипповичъ не былъ допущенъ, — и не былъ допущенъ „отъ своихъ отцевъ старшихъ, которые его вмѣстѣ съ діакономъ Леонтіемъ посадили подъ стражу („въ вязаню держали"), обвиняя въ томъ, что онъ безъ ихъ совѣта и благословенія явился на сеймъ съ прошеніемъ отъ имени всей православной церкви. „Я (пишетъ Аѳанасій) остался поруганнымъ, оплеваннымъ и обвиненнымъ, и все это за то, что не доложилъ имъ (старшимъ) о своей супликѣ. Какъ будто слѣдовало идти съ докладомъ о такихъ „таемницахъ Божскихъ!" О горе! до чего довело ихъ знакомство съ латинскою мудростью! Уже ни мало не заботятся о вѣрѣ и не слушаютъ воли Божіей, но, надѣясь на себя и на свой разумъ, свою волю творятъ, и свои своихъ же угнетаютъ".

Разумѣется, нареканія Филипповича на духовныхъ „старшихъ" были несправедливы. Очевидно, дѣло происходило такъ. Брестскій игуменъ хотя и признанъ человѣкомъ, находившимся не въ своемъ умѣ, и отпущенъ изъ сената, тѣмъ не менѣе рѣчь его должна была вызвать рѣзкія укоризны со стороны католиковъ и уніатовъ, желавшихъ сдѣлать за нее отвѣтственными всѣхъ православныхъ, въ особенности представителей православной церкви. Послѣдніе, естественно, слагали съ себя всякую вину въ этомъ дѣлѣ и, ставъ

[1]) Шолдровскій былъ *кіевскимъ* бискупомъ съ 1633 по 1635 г.

Библиотека "Руниверс"

на точку зрѣнія самихъ католиковъ на Филипповича, какъ человѣка не въ своемъ умѣ, заключили его, вмѣстѣ съ его діакономъ, подъ стражу, гдѣ и предполагали держать ихъ до окончанія сейма, опасаясь какихъ-либо новыхъ оригинальныхъ выходокъ со стороны брестскаго игумена. Но заключеніе, въ которомъ находился А. Филипповичъ, надо полагать, не было особенно строгимъ. Ему удалось ускользнуть изъ него и дальнѣйшимъ образомъ своихъ дѣйствій привести „духовныхъ старшихъ“ еще въ бо́льшее смущеніе. Подражая Христа ради юродивымъ, Филипповичъ выбѣжалъ на улицу совершенно нагимъ, имѣя на себѣ только клобукъ и парамантъ, вывалялся въ первомъ попавшемся болотѣ (въ то время были на улицахъ грязь и лужи) и, колотя себя палкою, побѣжалъ по варшавскимъ улицамъ, громогласно восклицая: „бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! vae maledictis et infidelibus!“. Аѳанасій намѣревался было „въ костелы вбѣгати и волати тые же слова“, но былъ догнанъ владычнею челядью, которая его задержала и препроводила обратно въ заключеніе. Разумѣется, нареканія на православныхъ со стороны латино-уніатовъ еще болѣе увеличились, и духовныя власти вынуждены были поступить съ брестскимъ игуменомъ очень строго: его лишили игуменства и пресвитерства и, по окончаніи сейма, отправили въ Кіевъ на судъ самого митрополита (въ то время на сеймѣ не находившагося), такъ какъ Филипповичъ осужденіе свое въ Варшавѣ признавалъ несправедливымъ. Въ Кіевѣ къ брестскому игумену отнеслись гораздо снисходительнѣе. Митрополитанская консисторія оправдала его, прежнее варшавское опредѣленіе было уничтожено, Петръ Могила возстановилъ Аѳанасія въ священноиноческомъ званіи и весьма часто позволялъ совершать богослуженіе въ лаврскихъ храмахъ, а когда брестское православное братство обратилось къ митрополиту съ просьбою вновь прислать къ нимъ на игуменство о. Аѳанасія, П. Могила исполнилъ и эту просьбу, хотя въ данной по этому поводу грамотѣ братству поставлялъ на видъ, что Аѳанасій своими поступками „всей церкви Россійской нанеслъ былъ великого жалю и трудности“, поэтому онъ—митрополитъ—надѣется, что „по исправленіи“ отъ него, митрополита, брестскій игуменъ „осторожнѣй будетъ себѣ поступовати въ справахъ церковныхъ, а звлаща (особенно же) предъ кролемъ его милостью, паномъ нашимъ милостивымъ, и всѣмъ пресвѣтлымъ его сенатомъ“.

По возвращеніи въ Брестскій монастырь Аѳанасію Филипповичу съ братіею приходилось много претерпѣвать „отъ своевольныхъ іезуитскихъ студентовъ и уніатскихъ поповъ“.

Библиотека "Руниверс"

Были неоднократныя „битя, мордованя, уруганя“; а кобринскій уніатскій архимандритъ Овлочинскій напалъ на „законниковъ“, посланныхъ въ Брестъ къ Аѳанасію изъ Купятицкаго монастыря, и изъ нихъ одному, священнику, урѣзалъ бороду, а другого, діакона, „обнажилъ“ и затѣмъ обоихъ выгналъ, забравши себѣ двухъ коней. Эти притѣсненія, а также дошедшее до Филипповича извѣстіе, что привилей Брестскому монастырю уже запечатанъ, — побудили его отправиться (въ 1644 г.) въ Краковъ и Варшаву. Въ Краковѣ онъ обратился къ новогродскому воеводѣ, пану Сапѣгѣ, на грунтѣ котораго жила брестская братія, съ просьбою ходатайствовать предъ королемъ о „напоминальномъ листѣ“ къ притѣснителямъ означенной братіи. На каждомъ мѣстѣ—говорилъ Филипповичъ—во дворахъ и судахъ ругаются надъ нами и гукаютъ: „гугу, русинъ, люпусъ (lupus), реліа, господи-помилуй, схизматикъ, турко-гречинъ, отщепенецъ, Налевайко“. Но Сапѣга отнесся къ жалобамъ Филипповича совершенно равнодушно. „Попъ съ попомъ побился, говорилъ онъ, а мнѣ какое до этого дѣло? Будьте уніатами—и будете жить покойно. А если не хотите, ищите справедливости черезъ своихъ старшихъ“.—Въ Краковѣ Филипповичъ видѣлся съ московскимъ посломъ, отправившись къ нему, по всей вѣроятности, за милостынею для обители. Посолъ спрашивалъ его о Фавстинѣ Дмитріевичѣ. „Я—говоритъ Аѳанасій—якъ невѣдомый жадной хитрости и не маючи полиценя ни отъ кого въ таемницахъ о немъ, далемъ картку его, до мене зъ господы (квартиры) писаную, зъ подписомъ руки въ тые слова: Янъ Фавстинъ Дмитровичъ“.

Изъ Кракова Филипповичъ поѣхалъ въ Варшаву съ цѣлью выкупить запечатованный привилей. Но юристъ Зычевскій, который хлопоталъ по этому дѣлу, просилъ съ брестскаго игумена большую сумму—6000 злотыхъ, говоря, что онъ достигъ успѣха, благодаря содѣйствію іезуитовъ, и все это стоило большихъ денегъ. Аѳанасій, кромѣ данныхъ ранѣе въ задатокъ 10 червоныхъ золотыхъ, предлагалъ еще 20 червоныхъ; но Зычевскій не соглашался. Такъ привилей Филипповича и не былъ выданъ. Тѣмъ не менѣе, видѣвши привилей запечатаннымъ, онъ въ знакъ побѣды заказалъ въ бернардинскомъ кляшторѣ изобразить красками образъ Купятицкой Божіей Матери со скипетромъ. Въ это время Филипповичу вновь было видѣніе. Когда онъ молился предъ новымъ образомъ, услышалъ исходящій отъ него голосъ: „о Аѳанасій, супликуй еще черезъ Купятицкій мой образъ на ближайшемъ сеймѣ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою объ окончательномъ искорененіи проклятой уніи. Хорошо будетъ, если послушаются и искоренятъ ее: по-

Библиотека "Руниверс"

живутъ еще въ даруемыхъ имъ лѣтахъ щасливо, ибо и планеты указываютъ Меркуріуша для Венеры ласкавость въ тыхъ лѣтахъ". Разумѣется, въ данномъ случаѣ, Аѳанасій, раздѣлявшій со многими людьми своего времени астрологическія суевѣрія (всегда отвергаемыя православною церковію), свои собственныя мысли приписалъ чудесному голосу, исходящему отъ образа.—Этимъ видѣніемъ Филипповичъ былъ престрашенъ и пять дней не принималъ пищи и питія, размышляя, что ему дѣлать?—„Бѣда мнѣ (пишетъ онъ) говорить такія рѣчи въ столь высокомъ мѣстѣ, но бѣда и не говорить о дѣлахъ Божіихъ!". Наконецъ Филипповичъ рѣшилъ, что онъ долженъ говорить, и началъ готовить сочиненіе объ уніи съ цѣлью поднести его, съ образомъ Купятицкой Божіей Матери и своею „московскою исторіею", королю въ костелѣ, во время проповѣди, а также намѣревался широко распространить свое сочиненіе между разными чинами коронными и Великаго Княжества Литовскаго, чужеземными купцами и вообще по разнымъ мѣстамъ. Но тутъ произошло неожиданное для брестскаго игумена злоключеніе. Упомянутое посѣщеніе имъ въ 1644 году московскаго посла и разговоръ о Лубѣ, въ связи съ переданною послу запискою мнимаго царевича, не прошли безслѣдно: „взято мя—пишетъ Филипповичъ—до вязеня одъ короля пана (якъ бы о Дмитровича, царевича Московскаго) до Варшавы, и былемъ въ оковахъ презъ рокъ и болше" [1]).

Находясь въ оковахъ, Филипповичъ не переставалъ писать королю прошенія объ успокоеніи православія и окончательномъ искорененіи уніи. Побужденіемъ къ этому служила непоколебимая увѣренность Аѳанасія въ своемъ призваніи свыше на дѣло Божіе, возложенное на него, какъ „на быдлятко Валаама". Въ этихъ прошеніяхъ яркими чертами изображается бѣдственное положеніе православныхъ и выставляется на видъ необходимость уничтожить унію, корень всѣхъ несчастій для Рѣчи Посполитой и въ будущемъ ея погибель.—„Какъ Каинъ Авеля и Измаилъ Исаака, такъ прокля-

[1]) Н. И. Костомаровъ пишетъ: „не знаемъ, гдѣ и когда именно это случилось: взятъ ли былъ Аѳанасій въ Брестѣ и увезенъ въ Варшаву, или самъ, сообразно своему намѣренію, уѣхалъ въ Варшаву ратовать за интересы православія и по пріѣздѣ туда былъ арестованъ" (Моногр. XIV. 31).—А. Филипповичъ арестованъ былъ *въ Брестѣ въ ноябрѣ 1645 г.* Свѣдѣніе объ этомъ находится въ дневникѣ Радзивилла, гдѣ подъ 20 ноября сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Temi dniami onego pora, ktory przed carem Moskiewskim Lubę udał za cara ze krwi Moskiewskiey, Osinski ekonom Brzeski, złapał, i do Warszawy przysłał, gdzie był natrzymany aż do siesmei (Pamiętniki, II. 153).

Библиотека "Руниверс"

тый унитъ забивалъ и преслѣдовалъ своего родного брата, что́ при помощи похлѣбцевъ, противниковъ правды святой, а временемъ по попущенію Божію, дѣлаетъ и теперь“.... „Во многихъ розныхъ мѣйсцахъ въ панствѣ томъ христіанскомъ непотребные колотнѣ (раздоры) для той проклятой уніи ажъ по сесьчасъ дѣялися. На остатокъ и съ козаками внутрняя война непотребная для тоей уніи проклятой была. Для тоей милость (любовь) не маль во всѣхъ высхла; для тоей похлебства, лакомства, зазрости, зрады, нецноты, а найбарзѣй пыха ся проклятая замножила; для тоей и порядокъ духовный и свѣтскій южъ южъ погинулъ, о которомъ сами южъ волаютъ: нерядомъ стоимо. Отожъ теперь порядокъ, ведлугъ воли Бозской, стаетъ; теперь часъ наступилъ роздѣленья благословенныхъ отъ проклятыхъ, теперъ гнѣвъ справедливый Бозскій и судъ его страшный на лѣвицу пришолъ. Хто маетъ уха до слуханя, нехай слухаетъ, што то голоситъ ведлугъ часу, мѣстца и потребы!“ Одно изъ прошеній Филипповича дошло до рукъ короля: оно, оправленное въ зеленый атласъ, незамѣтно положено было въ его карету. Король, пріѣхавъ въ замокъ, приказалъ вслухъ читать его пану Пацу. Другое прошеніе, тоже оправленное въ атласъ и тоже предназначенное для передачи королю во время его переѣздовъ, имъ не было принято. „Не нужно, не нужно больше нічего – сказалъ онъ—я уже приказалъ его (т. е. Филипповича) выпустить“. Дѣйствительно, въ началѣ ноября 1645 г. Аѳанасій былъ освобожденъ изъ заключенія и съ двумя драгунами препровожденъ въ Кіевъ къ митрополиту Петру Могилѣ, причемъ послѣднему сообщено было желаніе короля, чтобы онъ Филипповича послалъ въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ не могъ производить шума. Могила нашелъ удобнымъ держать Филипповича при себѣ, гдѣ онъ и пребывалъ до самой кончины митрополита. Прибывшій на погребеніе П. Могилы луцкій епископъ Аѳанасій Пузына, при отъѣздѣ изъ Кіева, взялъ съ собою Филипповича, какъ духовное лицо, принадлежавшее его епархіи, и по желанію Брестскаго братства, вновь отправилъ его въ качествѣ игумена въ Брестскій монастырь, гдѣ во время козацкаго возстанія онъ схваченъ былъ поляками и за свою ревность къ православію 5 сентября 1648 г. воспріялъ мученическую кончину.

Выступая на общей картинѣ, изображающей борьбу православныхъ съ латино-уніатами за права своей церкви, какъ человѣкъ съ своеобразными пріемами, обусловливаемыми индивидуальными особенностями міросозерцанія и характера, Аѳанасій Филипповичъ,—какъ мы сказали—дополняетъ эту картину новыми красками,—и нельзя

Библиотека "Руниверс"

не отмѣтить, что, несмотря на своеобразіе означенныхъ пріемовъ, доставлявшихъ немало хлопотъ другимъ ревнителямъ православія, общій взглядъ Филипповича на послѣдствія уніи для Польши былъ глубоко вѣренъ, и нѣкоторыя его рѣчи на эту тему дышатъ пророческимъ вдохновеніемъ.

С. Голубевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ.

1857—1865.

Печатаемыя здѣсь письма писаны къ Данилу Семеновичу Каменецкому, котораго Кулишъ называетъ своимъ „секретаремъ“ (К. Ст. 1898 г., февр., 236). Завѣдывая типографіей Кулиша, Д. С. К—ій велъ большую переписку съ людьми, работавшими по исторіи и этнографіи Малороссіи. Переписка эта отчасти сохранилась и вмѣстѣ съ настоящими письмами принадлежитъ Гр. Ст. Вашкевичу, предоставившему ее въ распоряженіе редакціи. Пользуясь этою перепискою, мы въ другомъ мѣстѣ постараемся представить очеркъ личности Д. С. К—аго, а здѣсь лишь скажемъ, что умеръ онъ лѣтъ 12 назадъ въ Петербургѣ, безломнымъ холостякомъ, и вся его переписка, брошенная послѣ смерти, лишь случайно была спасена отъ гибели.

А. Л.

1.

Сейчасъ только возвратился я въ Москву и скоро явлюсь къ Вамъ. Наймите для меня на мѣсяцъ квартиру съ мебелью и съ прислугою для уборки комнатъ, умыванья и самовара утромъ и вечеромъ. Можно дать 30 р. въ мѣсяцъ. Вамъ извѣстно, что для тишины я долженъ имѣть глухую стѣну съ одной стороны и двѣ лишнія комнаты съ другой. Вотъ почему и нужно

Библиотека "Руниверс"

для меня не меньше 2-хъ комнатъ и третьей передней. Мебель должна быть удобна для лежанья и писанья, а не для одного только сидѣнья. Если хозяйка Ваша Яценкова можетъ отдать мнѣ верхъ за 35 р. и если онъ хорошо меблированъ и не имѣетъ съ ея жилищемъ неудобной связи, то можно нанять у нея до 1-го апрѣля. Впрочемъ, какъ бы Вы ни наняли, одинъ мѣсяцъ не бѣда, хотя бы Вы выбрали квартиру и неудачно: послѣ пріищемъ лучшую. Можно на верху взять и двѣ только комнатки, поелику я пріѣхалъ зимовать одинъ. Во всякомъ случаѣ я явлюсь прямо въ типографію съ желѣзной дороги и займу на одни сутки Вашу комнату, если квартира еще не нанята. Не знаю, завтра ли выѣзжаю, или еще останусь дня на два.

Предложеніе объ изданіи Основаній физ. геогр. и метеорологіи не представляетъ намъ никакихъ выгодъ.

Вашъ П. К.

1857. окт. 18. Москва.

2.

Тула. 4 февр. 1858.

Въ повѣсти: *Отъ Тоби й Скарбъ!* зачеркните сейчасъ примѣчаніе о томъ, какъ ловятъ окуней и напишите просто „кунялы“.

Въ Тулу пріѣхалъ я во вторникъ, часовъ въ 9, и остановился у Гусева, который взялся устроить мнѣ подорожную и разныя разности.

Въ Москвѣ купилъ на станціи кибитку за 10 р. и успѣлъ запастись чаемъ, да для А. М. купилъ шубку изъ бѣлокъ, соотвѣтствующую моей короткой. Эта вещь необходима даже и лѣтомъ, потому что въ квартирахъ заграницею бываетъ холодно.

Прощайте! Да хранятъ Васъ небеса! Живите мирно.

Какъ мнѣ совѣстно, что не простился съ Сергѣемъ Семеновичемъ! Мнѣ представилось, что онъ ушелъ на службу, и только на желѣзной дорогѣ вспомнилъ, что это воскресенье! Извините меня передъ нимъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Тулѣ буду обѣдать, но ночевать не буду.

Вашъ П. Кулишъ.

P. S. Въ Борзнѣ я, по всей вѣроятности, пробуду недѣлю. Пишите, если нужно будетъ, на имя Викт. Мих. Бѣлозерскаго и увѣдомьте о Галаганѣ, еслибъ до того времени увидѣлись. О письмѣ, которое Галаганъ можетъ Вамъ передать, упомяните и послѣ—такъ: *Выписки Галагана спрятаны до Вашего возвр.* [1]) Я не вижу проку въ этой перепискѣ и радъ, что отъѣздъ мой прервetъ ее благовидно. Мудрено заставить людей жить и дѣйствовать такъ, какъ желалъ бы. Мудрено возвести на поэтическую высоту низко ходящихъ по землѣ. Много разъ въ жизни приходилось мнѣ восклицать съ Пушкинымъ:

Мнѣ стыдно идоловъ своихъ!

Но пребываетъ въ душѣ неутомимая жажда искать въ людяхъ высокихъ проявленій чувства и направлять его къ высокимъ цѣлямъ. А между тѣмъ сколько изъ этого выходитъ предположеній, недоразумѣній и проч.! Но довольно.

3.

Пишите къ Тихменеву, чтобы онъ прислалъ деньги Вас. Мих., который-де заплатитъ мнѣ за него. Если же деньги посланы, то истребуйте росписку, а меня увѣдомьте.

Пошлите Чуйкевичу 20 р. для врученія моему крестнику въ самый день Христова Воскресенія, по выходѣ изъ церкви. Жаль, что Чуйкевичъ лѣнивъ и не возьметъ на себя труда сдѣлать это такъ, какъ любятъ описывать романисты, а призоветъ его къ себѣ выспавшись и скажетъ зѣвая: „Вотъ тебѣ деньги присланы“, точно почтмейстеръ.

Перцу объявите, что я написалъ къ матери Гоголя, согласна ли она? а между тѣмъ вывѣдайте посредствомъ Гербеля, что ли, сколько заплатилъ онъ за выборку изъ сочиненій Пуш-

---

[1]) Спросите у Г., на догадъ бурякивъ, нѣтъ ли письма отъ Тарн. и что Вы перешлете. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы *выписки* остались у него въ рукахъ.

Библиотека "Руниверс"

кина, и меня увѣдомьте. Принявъ въ соображеніе то и другое, я назначу плату и напишу изъ Брюсселя. Время терпитъ. Перецъ не долженъ знать о нашихъ справкахъ, т. е. что мы намѣрены забрать справки. Онъ спекулянтъ и, вѣроятно, станетъ хитрить съ нами. Но спросите у него мимоходомъ, за какую плату пріобрѣлъ онъ отъ владѣтелей Пушкина право на выборку. Послѣ Вы увидите, что это за человѣкъ и стоитъ ли имѣть съ нимъ дѣло.

Дамъ я Вамъ полезный совѣтъ. Одѣвайтесь Вы почище, не пренебрегайте бѣльемъ, не жалѣйте маленькмхъ издержекъ на туалетъ. Отъ этого многое будетъ зависѣть въ вашей частной службѣ у журналистовъ въ качествѣ дѣлопроизводителя и проч. Я бы желалъ, чтобъ Ваши доходы возросли до 1000 р., а для этого необходимо *казаться* человѣкомъ порядочнымъ, ибо *быть* только имъ въ Петербургѣ не достаточно.

Біографію Основьяненка пишу. А. М. уѣхала съ братомъ проститься съ крестной матерью. Она такъ здорова и весела, какъ я давно уже не видѣлъ. Разумѣется, что она Васъ помнитъ и цѣнитъ, и кланяется Вамъ очень усердно.

Вашъ П. Кулишъ.

1858. февр. 16. Мотроновка.

4.

1858, Марта 2. въ 7 часовъ вечера. Мотрон.

Пошлите инструкцію о книгахъ Ник. Дан. Бѣлозерскому, на имя студента университета Карпа Ив. Бѣлозерскаго въ Харьковъ. Она еще дойдетъ пока получатся книги.

Письмо Ваше о Перцѣ получено и отвѣчено.

Костомарова я извѣщу, что Ев. отъ Іоанна давно уже мною переведено и находится у Ник. Дан. Бѣлозер.

Возвратите Ив. В. Вернадскому деньги, взятыя съ него излишне противъ Метциха, но съ другими заказчиками всегда говорите о томъ, что чѣмъ совершеннѣе печать и дороже чернилы, тѣмъ и плата должна быть выше: иначе не можетъ быть

Библиотека "Руниверс"

никакого успѣха въ типографскомъ искусствѣ. Я самъ платилъ Якобсону дороже обыкновеннаго—и за то мои Записки о Ю. Р. и Чорна Рада напечатаны лучше другихъ книгъ. Можете отыскать и показывать мои счеты съ Якобсономъ.

300 р. получилъ. Не бойтесь за деньги: деньги будутъ. Смотрите только на дѣло, да не смущайтесь такими пустяками, какъ мѣсто столонач. Это Васъ Богъ спасъ отъ него. Не бойтесь, со мной не пропадете, и даже *послѣ меня* не пропадете.

Отъ изданія Гоголя я и не думаю отказываться, а только біографія мнѣ надоѣла. Но Вы забываете, что чѣмъ больше труда, тѣмъ больше наша природа требуетъ отдыха. А трудъ для біогр. Гоголя я понесъ страшный. Для новаго же изданія я напишу живую статью, которая потечетъ отъ начала до конца, какъ пѣсня. На дняхъ попала мнѣ подъ руку біографія Байрона при его сочиненіяхъ, и я почувствовалъ уже расположеніе написать нѣчто о Гоголѣ. Заграницей я напишу о Гоголѣ непремѣнно, если не увлекусь чѣмъ-нибудь гораздо болѣе. Но во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ пустить свою мысль при сочиненіяхъ Гоголя по всей Россіи. Это еще лучше, чѣмъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. На этотъ счетъ будьте соверш. спокойны.

Буду въ Берлинѣ скоро и посмотрю шрифты, а также и о машинѣ рѣшу словесно.

Побывайте у Галагана отъ моего имени.

Пишу за часъ до выѣзду изъ Мотроновки.

Кланяется Вамъ Александра Мих. и Николай Михайловичъ.

Будьте мужественны и не смущайтесь ни чѣмъ. Это мнѣ всего нужнѣе отъ Васъ. Отъ этого зависитъ вся моя заграничная дѣятельность. Сдѣлайте такъ, чтобъ я нисколько не думалъ: что то дѣлается въ Петерб.! и не рвался въ Россію для веденія своихъ дѣлъ. Великую и приснопамятную службу мнѣ и многимъ другимъ Вы сослужите энергическимъ веденіемъ моихъ дѣлъ съ увѣренностію въ важныхъ результатахъ, которые отъ нихъ получатся. Обнимаю Васъ отъ всей души.

Вашъ П. К.

Библиотека "Руниверс"

5.

Я надѣялся застать отъ Васъ что-нибудь въ Брюсселѣ,—ни одного слова! Пишите же теперь ко мнѣ: Suisse, Genéve, poste restante. Можетъ быть, я тамъ буду и не скоро,—мѣсяца черезъ полтора, но лучше пускай Ваше письмо подождетъ меня, чѣмъ не застать мнѣ ничего.

Мы здоровы. Кланяемся.

П. Кулишъ.

1858, апр. 16 н. ст. Брюссель.

Василію Михайловичу.

Ко мнѣ никто не пишетъ. Естественно и мнѣ молчать. Меня болѣе интересуютъ дѣла русскія, чѣмъ Васъ иностранныя; но ко мнѣ никто ни слова, кромѣ Макарова, который прислалъ съ векселемъ пять строкъ.

Прошу Васъ *настоятельно* потребовать отъ Тихменева 231, кажется, рубль и вручить Макарову для пересылки ко мнѣ въ видѣ векселя, въ Вѣну на имя банкира, котораго имя сообщить мнѣ въ Римъ, poste restante.

Саша и я обоимъ Вамъ кланяемся.

Вашъ П. Кулишъ.

1858, апр. 16 н. ст. Брюссель.

Вы съ Тихменевымъ распорядились очень неудачно. Почемъ онъ знаетъ, *какъ* и куда посылать мнѣ деньги, да притомъ этимъ Вы предоставили ему произволъ. Надо было къ себѣ деньги вытребовать.

6.

1858, апр. 23 н. ст.

Я не получилъ отъ Васъ послѣ Борзны ни строчки. Пишите же теперь по слѣдующему адресу: Suisse. Genève. Poste restante. Доставьте Макарову 500 р. для пересылки ко мнѣ. У меня еще довольно денегъ; но лучше пускай эти 500 р. поле-

Библиотека "Руниверс"

жать у меня, чѣмъ мнѣ опасаться: „а что, если не придутъ деньги“! Иностранцы безчувственны, какъ жиды, къ путешественнику, и на деньги здѣсь смотришь, какъ на талисманъ противъ злыхъ духовъ. Можетъ быть, я больше отъ Васъ и не потребую. Теперь мы въ Литтихѣ, онъ же и Liége. Отсюда въ Кёльнъ, онъ же и Cologne, а оттуда вверхъ по Рейну въ Женеву. Отъ Вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой ранній или поздній возвратъ въ Россію, но зажиться здѣсь покамѣсть я не чувствую большой охоты. Чудесъ много, да негдѣ успокоиться такъ, чтобъ не хотѣлось перемѣнять мѣста: *Куды ни пійду, куды ни полляну, то все чужына*!

Вашъ П. Кулишъ.

7.

Безцѣнный другъ Данило Семеновичъ!

Письма Ваши я получу изъ Брюсселя въ другомъ городѣ. Теперь же пишите ко мнѣ въ Лембергъ, котораго я миновать не могу, какъ бы далеко ни забился въ Европу. (Autriche. Lemberg, poste restante).

Основьяненка выпускайте безъ предисловія, а предисловіе пошлите къ Крузе, давши такое заглавіе: „Грыгорый Квитка и ёго повисти. Слово на новый выходъ Квитчыныхъ повистей“. А на конци: „П. Кулишъ. Хутиръ Мотроновка. Р. Б. 1858, февраля 18“. Сю брошюрку напечатать тѣмъ форматомъ, что и повѣсти и продавать при повѣстяхъ, а отдѣльно не продавать. Все это, разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда Крузе пропуститъ съ небольшими помарками.

Такъ какъ Вы меня увѣдомили, что Вы отвѣчали на вопросъ Тихменева, чтобы онъ выслалъ мнѣ вексель (на что не было съ моей стороны никакого распоряженія), то я и ждалъ отъ него векселя, а отъ Васъ росписки съ почты и увѣдомленія, какъ именно посланы деньги, т. е. по какому адресу. Скажите Вас. Мих., чтобы онъ, вырвавши отъ Тихменева деньги, немедленно вручилъ Вамъ, а Вы ужъ будете знать, что съ ними дѣлать.

Библиотека "Руниверс"

Тоска моя родилась отъ всеобщаго молчанія. Я думалъ, что я совершенно равнодушенъ къ Петербургу и буду радоваться, не видя его передъ глазами; а здѣсь оказалось, что всякое извѣстіе о немъ для меня дорого, и что я не могу существовать, оторвавшись отъ него совершенно.

Состояніе Вашего духа для меня совершенно понятно. Я и опасался, чтобъ Вамъ не опротивѣла жизнь въ лѣтнее время. Мужествуйте, пока можете. Когда же выбьетесь изъ силъ, я займу Ваше мѣсто. Не воображайте меня слишкомъ далекимъ отъ черной работы, въ которую Вы для меня впряглись. То, что Вы дѣлаете, можетъ быть, важнѣе по своимъ послѣдствіямъ того, что́ я дѣлаю. Одна моя забота, чтобъ Вы не проиграли въ матеріальномъ отношеніи, связавшись со мною, и для этого я готовъ трудиться надъ чѣмъ угодно. Смотрите веселѣе впередъ, не смущайтесь несбывшимися ожиданіями. Терпѣніе и воля многое могутъ сдѣлать наперекоръ самымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Съ типографіею поступайте по усмотрѣнію. Можетъ быть, Лей не самъ дѣйствуетъ, а по коварнымъ внушеніямъ управляющаго. Объяснялся ли Ив. Ив. съ нимъ лично? Хорошо бы нанять такую квартиру, въ которой бы и мы могли жить отдѣльно и спокойно. Въ наше отсутствіе можно отдавать помѣсячно холостому барину (дѣти портятъ мебель) со всею мебелью и со всѣми вещами, списавши ихъ и означивъ цѣну на случай порчи, какъ дѣлаютъ иностранцы. Мы явимся въ Петербургъ, по всей вѣроятности къ концу сентября. Здоровье обоихъ насъ очень поправилось. Это одно стоитъ денегъ, не говоря уже о томъ, что человѣкъ не напрасно видитъ иную жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Были мы въ Намюрѣ, Литтихѣ, Ахенѣ, Кельнѣ, Страсбургѣ, Базелѣ, Нейшателѣ и въ разныхъ мелкихъ городахъ. Нельзя того начитать въ книгахъ, что видишь собственными глазами, потому что каждая душа читаетъ исторію природы и человѣка особымъ способомъ. Писать мнѣ, покамѣсть, было невозможно за множествомъ ѣзды и ходьбы, послѣ которыхъ думаешь только о пищѣ и отдыхѣ. Александра Мих. ведетъ дневникъ, который и для меня будетъ напомина-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ изгладившихся впечатлѣній. Вѣроятно также, что и въ остановившихся моихъ сочиненіяхъ рѣчи мои потекутъ, послѣ всего видѣннаго и испытаннаго, шире и глубже. Меня безпокоитъ мысль объ издержкахъ, но я не сомнѣваюсь, что все это воротится потóмъ съ избыткомъ. Мужествуйте же я Вы, и твердо стойте на своемъ постѣ, побѣждая высшими идеями безотчетную тоску, отъ которой нельзя быть совершенно свободнымъ на чужбинѣ. И мы здѣсь, видя вокругъ себя рай, часто то скучаемъ и рвемся, то въ Петорбургъ—къ друзьямъ, то въ Малороссію—къ простому нашему народу, лучше котораго мы ничего не встрѣчаемъ. А всё же покоряется мысли—что душѣ человѣческой необходимо скитанье по чужбинѣ для уразумѣнія самой себя и окружающаго ея міра. Всѣ мы находимся въ школѣ и до конца должны учиться, переходя отъ легкихъ книгъ къ болѣе и болѣе труднымъ. А потомъ уже откроется намъ смыслъ книги живота вѣчнаго. Этого каждый своимъ путемъ добивается, и никто не хочетъ остановиться на томъ, что̀ знаетъ.

Обнимите и поцѣлуйте за меня Тараса. Извѣстіе, что онъ въ Петербургѣ, было для насъ торжествомъ.

Сочиненій моихъ покамѣстъ не печатайте. Вы сами увидите впослѣдствіи, слѣдуетъ ли ихъ печатать. Тогда и дѣлайте по своему усмотрѣнію.

Александра Мих. Вамъ усердно кланяется.

Вашъ душою П. Кулишъ.

Женева. 1858, мая 15 н. ст.

8.

Женева. 1858, мая 26 н. ст.

Получили мы 500 р. отъ Макарова. Теперь возвратимся домой—но не въ Петербургъ, а въ Малороссію. Боюсь оставаться долго заграницей, чтобъ не истратить много денегъ. Какъ ни разсчитываешь своихъ издержекъ, всегда выходитъ больше, и это дѣлается почти сверхъестественнымъ образомъ,—точно какая то невидимая рука перекладываетъ деньги изъ рус-

Библиотека "Руниверс"

скаго кармана въ иностранные кошельки. Сіи 500 рублей употребятся на проѣздъ черезъ Туринъ, Миланъ, Венецію и Вѣну въ Лембергъ, на покупку въ Лембергѣ нетечанки, или чего-нибудь подобнаго, и на возвращеніе въ Мотроновку. Петербурга я избѣгаю, чтобы изъ Сциллы не попасть въ Харибду: тамъ жизнь тоже дорога, а Вы пишете, что присутствіе мое не нужно. Останусь въ Малороссіи дотолѣ, доколѣ Вы сдѣлаете это для меня возможнымъ, заступая мое мѣсто,—хотя бы и цѣлый годъ. Буду писать и посылать для печати въ журналъ. Теперь мнѣ нужна только тихая комната. Но въ тоже время мнѣ нужна и независимость отъ людей, среди которыхъ я буду жить. Сія независимость пріобрѣтется покупкою тройки лошадей, которыя дадутъ мнѣ возможность кой съ кѣмъ видѣться и обновляться размѣномъ мыслей или новыми впечатлѣніями. Если бы нужно было возвратиться въ Петербургъ надолго, лошадей можно продать; убытокъ будетъ небольшой, а пожалуй и совсѣмъ не будетъ, какъ это я знаю по опыту. Все это Вамъ сообщаю для того, чтобы Вы видѣли ясно ходъ моихъ душевныхъ и матеріальныхъ дѣлъ. Думаю, что и Вы найдете выгоднѣйшимъ пребываніе мое въ Малороссіи, если только я примусь за работу, а мнѣ хочется приняться. Я бы расположился работать и здѣсь, но дорогая жизнь меня тревожитъ. Итакъ пришлите въ Борзну, на мое имя, пятьсотъ рублей серебромъ. Если же въ типографской кассѣ у Ив. Ив. нѣтъ къ предполагаемому времени денегъ на машину и у Васъ мало, то пришлите только 400 р. Я, однакожъ, думаю, что Ив. Ив. собралъ уже малую толику денегъ и что типографія начинаетъ Вамъ возвращать забранное изъ Вашей казны. Увѣдомьте меня объ этомъ. Дайте мнѣ краткій, въ пяти строкахъ, отчетъ о состояніи нашихъ финансовъ, ибо я не могу всего содержать въ головѣ. Я только знаю, что мнѣ надобно поуменьшить свои расходы и приняться за работу, что̀ и сдѣлаю всенепремѣннѣйше. А когда увижу, что дѣла идутъ хорошо, тогда только позволю себѣ что-нибудь въ родѣ путешествія. Это самое дорогое изъ удовольствій, а до какой степени здѣсь вознаграждаются издержки, я еще не знаю, осмо-

Библиотека "Руниверс"

трѣвшись и пообдумавши свои дѣла, я испугался дальнѣйшихъ странствованій и рѣшился немедленно возвратиться домой. А видѣлъ я великолѣпныя явленія! Какъ бы только сдѣлать, чтобъ это было не даромъ! Посмотримъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Александра Мих. Вамъ кланяется.

9.

Вотъ я и въ Львовѣ. Отъ Васъ письмо очень грустное. Выѣзжаю. Купилъ экипажъ такой, что, въ случаѣ надобности, у меня его перекупятъ съ лихвою. Денегъ у меня осталось только на переѣздъ до Борзны. Я далъ росписку. Отнесите 500 р. сер. Штиглицу, на Англійской набережной, и попросите послать отъ себя не деньги, или вексель (что дороже), а только наказъ одному изъ Лембергскихъ банкировъ—выдать эту сумму австрійскими ассигн. (а не звонкою монетою, что̀ дороже) въ руки *профессору университета Лемберскаго Якову Головацкому.* Штиглицъ (или его контора) напишетъ въ роспискѣ, какому банкиру пошлется наказъ, а Вы, удержавъ росписку у себя, увѣдомьте о ея содержаніи сего Якова Головацкаго въ Лембергъ немедленно. Сіе прошу исполнить на послѣднія деньги, какія имѣете, или достать можете, потому что за меня поручились люди только по моей физіономіи. Очень обяжете. Пишите въ Борзну. Мы здоровы. Кланяемся.

Вашъ П. Кулишъ.

Чиновникамъ скажите объ Украинскомъ журналѣ, что еслибъ только довольно было денегъ въ запасѣ на рискъ въ теченіе двухъ лѣтъ, то взялся бы я такъ за дѣло, що ажъ ворогамъ було бъ тяжко! Но безъ грошей и не думаю о журналѣ.

Библиотека "Руниверс"

10.

1858, іюня, кажется, 10. Мотроновка.

Здравствуйте, безцѣнный другъ

Данило Семеновичъ!

Возвратились мы въ Мотроновку здравы и невредимы. Здѣсь, къ великому моему удовольствію, застали Вас. Мих., который сообщилъ намъ о Васъ разныя подробности. Жаль мнѣ Васъ крѣпко, но ничего не могу сказать Вамъ въ утѣшеніе, кромѣ: *мужайтеся и да крѣпится сердце Ваше.* Сидя на своемъ мѣстѣ и дѣлая мое присутствіе въ Петербургѣ покамѣсть ненужнымъ, Вы приносите мнѣ столько пользы, что я не въ состояніи достойно вознаградить Васъ. Но мзда Ваша впереди и не отъ меня одного. Это я очень ясно вижу. И такъ мужайтеся. Принимаюсь за работу послѣ дѣятельной праздности. Александра Мих. Вамъ кланяется, находясь въ добромъ здоровьи.

Вашъ душою П. Кулишъ.

Колы Вамъ, панычу, не дуже николы, то могли бъ Вы сотворыты книгу, рекомую: „Словарь для чтенія малороссійскихъ народныхъ и литературныхъ произведеній“. Для сёго взялы бъ Вы вси печатни писни наши, а потимъ и все печатне наше, повыписувалы всяке слово зъ ёго найкращымы фразами да й була бъ книжка, дуже потрибна теперъ товарыству. Словарь народнёго языка—велыка праця, а словарь того, що надруковано—просте и неубыточне дило. Не треба для сего никуды йиздыты и прыслухатысь. Що Вы на се скажете? А мыни здаетця, що безъ такого словаря и журналъ нашъ не такъ то розійдетця.

Касательно дозволенія извѣстному Вамъ лицу составить томикъ выбранныхъ соч. Гоголя, я получилъ отъ матери Гоголя отвѣтъ утвердительный, который и сообщите кому о томъ вѣдать надлежитъ, вспомнивъ мои условія въ прежнемъ письмѣ.

Библиотека "Руниверс"

11.

1858, іюля 7. Мотроновка.

За 300 р. и за выговоръ очень благодаренъ и воспользуюсь тѣмъ и другимъ какъ нельзя лучше. Но не называйте издержанныхъ денегъ *чужими*. Еще есть надежда все пополнить; а еслибы и нельзя было, то можно продать типографію, а еслибы и тогда не хватило, то знайте, во-первыхъ, что у меня есть письма Маріи Ивановны, въ которыхъ она проситъ меня увеличить мою мзду; во вторыхъ, при свиданіи, она неоднократно просила меня пользоваться ея частью капитала, какъ собственными деньгами на путешествія мои. Итакъ я совершенно спокоенъ, тѣмъ болѣе что Трушковскій недавно получилъ огромное наслѣдство. Пребываніе мое въ Петербургѣ обойдется несравненно дороже отсутствія; поэтому я остаюсь здѣсь; а мѣсто мое относительно рѣшенія затрудненій, вопросовъ и хлопотъ по пріисканію работы заступятъ Симоновъ и Бѣлозерскій, которымъ передаю всю мою власть, какъ хозяина. Я теперь пишу и дорожу тѣмъ, что могу здѣсь писать. Послѣ обзора Европы, я влюбленъ въ Малороссію и даже въ ея жизнь. Желалъ бы никогда съ ней не разставаться. Продайте мою мебель съ нѣкоторой уступкой, черезъ Вас. Мих. Каждую штуку могутъ купить отдѣльно, какъ изящное произведеніе. Цѣны: столъ 140 р., шкафъ 75 р., диванъ 75 р., другой столъ 40 р., стулья по 12 р., лампа 30 р. Если же не купятъ, то обратитесь къ Мари въ Пассажѣ, и что онъ дастъ за то и отдайте. Эти деньги вышлите мнѣ немедленно на устройство моего хутора Баивщины, который давно уже отданъ мнѣ Симоновымъ въ пожизненное владѣніе, а если хочу владѣть потомственно, я могу взнести за него 2600 р. сер. (Это секретъ). Другихъ денегъ я больше отъ Васъ не потребую, пока Вы не увѣдомите, что балансъ между книгами и типографіей сведенъ.

Съ Тарасовыми сочиненіями нечего спѣшить. Пускай сперва позволятъ. А когда позволятъ, пускай Тар. отнесется ко мнѣ самъ, а я набиваться съ выправками не хочу, имѣя и у себя много работы.

Библиотека "Руниверс"

Что же до Вовчка, то рука моя къ нему болѣе не прикоснется. Пускай сличаетъ мою печать съ своими оригиналами и выправляетъ по даннымъ мною образцамъ художественной редакціи. Если же въ себѣ сомнѣвается, то пусть ему помогутъ другіе люди со вкусомъ. Я сдѣлалъ для *новаго* писателя такъ много, какъ никто никогда ни для кого новаго и никому невѣдомаго. Этого съ него довольно. Не вѣкъ же мнѣ разрываться изъ великодушія. Печатаніе же новыхъ пьесъ должно опредѣлиться количествомъ проданныхъ экземпляровъ. Писать о перемѣщеніи не буду къ Аѳ. Вас.,*) находясь нынѣ не у дѣлъ. Но полагаю, что для него очень вредно являться впередъ, не имѣя ничего вѣрнаго и безъ средствъ. А впрочемъ, какъ знаете и какъ знаютъ другіе. Я теперь хуторянинъ и въ подобныя дѣла не мѣшаюсь.

Пишите ко мнѣ почаще увѣдомительныя письма. Я ни съ кѣмъ больше не переписываюсь, а мнѣ надобно же кое-что знать о сѣверныхъ дѣлахъ. Распрашивайте и будьте, по мѣрѣ возможности, газетою. Проникните въ судьбу „Граматки“ у министра. Я гоненія на автора не ожидаю.

Вашъ П. Кулишъ.

Александра Мих. Вамъ кланяется.

Мебель же, сдѣланную моими руками, прошу хранить, еле возможно,

Пьесъ, о которыхъ Вы пишете, печатать не надобно по ихъ ничтожеству. Съ Основьяненкомъ я поступаю такъ, какъ будто онъ живой проситъ меня объ этомъ. Я самъ былъ бы доволенъ на томъ свѣтѣ, когда бы опытная и добрая рука распорядилась такъ съ моими сочиненіями. А на прицѣпки щелкоперовъ нечего смотрѣть. У нихъ свой взглядъ на литературу, а у меня свой.

Прошу Васъ не трубить, сколько экземпляровъ Гоголя остается, а выражаться неопредѣленно на вопросы любопытныхъ и упоминать неясно о городахъ, въ которыхъ-де много

*) Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ.

Библиотека "Руниверс"

лежитъ книгъ у коммиссіонеровъ. Я буду у матери Гоголя и объяснюсь съ нею. Вы же никому отчета не давайте, кромѣ меня. Это для того, чтобы не дать вмѣшаться между насъ зятевьямъ Гоголя, которые выразили разныя мнѣнія на счетъ новаго изданія. Я же отвѣчалъ матери Гоголя, что желаю имѣть сношенія съ одною ею, въ противномъ случаѣ, распродавъ настоящее изданіе, отъ новаго отказываюсь. У матери Гоголя я буду видѣться и съ зятемъ, который особенно охотится вмѣшаться въ наши дѣла и скажу, что если Трушковскій, сестра, мать и другой зять Гоголя дадутъ ему письменную довѣренность, тогда я готовъ заключить съ нимъ условіе на бумагѣ, а безъ того ни за что не берусь.

О тихомъ состояніи нашихъ дѣлъ сохраняйте тайну, если даже и не надѣетесь ихъ поправить.—Чтобъ порадовать Васъ чѣмъ-нибудь, скажу, что я пишу далѣе Липовыя Пущи, и вижу, что не напрасно я путешествовалъ.

Прошу Васъ выслать мнѣ по почтѣ въ Лубны, на мое имя: Современникъ, Отечественныя Записки, Русскій Вѣстникъ и Атеней. А потомъ ежемѣсячно высылать эти журналы, четыре въ одной посылкѣ. Я въ Петербургъ на зиму не пріѣду, а можетъ быть и никогда. О своемъ положеніи не безпокойтесь. Если дѣла пойдутъ хорошо, постъ Вашъ высокоблагороденъ, мѣсто въ 5-мъ классѣ по литературѣ; если же худо, то Вы получите единовременное пособіе, которое Васъ на долго обезпечитъ.

Пришлите съ книгами мою печатку и сургучу.

Кто захочетъ войти со мной въ непосредственныя сношенія, пускай пишетъ на мое имя—*въ Лубны, Полтавской губер.*

Прошу Васъ уничтожить полученныя Вами письма отъ извѣстной особы и никогда о нихъ не упоминать. Но исполните это немедленно. При свиданіи, если оно случится, я скажу, что они не получены вовсе и этимъ положу конецъ отношеніямъ страннымъ въ глазахъ другихъ и которыя вовсе не ладятся съ жизнью и ни къ чему не ведутъ путному.

Библиотека "Руниверс"

12.

У меня здѣсь есть кое-что написанное для 3-го тома Замѣтокъ о Южной Руси, который хорошо было бы теперь выдать. Пришлите мнѣ все, что для него есть въ Петербургѣ, да присоедините къ этому пачки пѣсенъ. Подлиннаго сборника Костомарова, подлиннаго сборника Руликовскаго, сказокъ и проч. не надо. Тутъ-же приложите и дорожную книжку съ пѣснями и картинками. Да еще: листа три карты Шуберта—Малороссію. Напечатаемъ 600 экз. Бумагу подобрать поближе, а не заказывать.

Тарасъ можетъ попробовать здѣсь, нельзя-ли ему печатать подъ своимъ именемъ, не говоря ни слова?

Пришлите реестрикъ всѣхъ доставленныхъ матери Гоголя денегъ, съ самаго начала. Все это посылкою въ Лубны, (а реестрикъ въ письмѣ).

Въ Нѣжинъ-же на имя Попова благоволите отправить надежный ящикъ, въ который хорошенько уложите:

1) Шубы наши, присланныя Вамъ изъ Варшавы.

2) Мои книги чисто научнаго значенія и книжки на малороссійскомъ языкѣ. Прочія сложите въ сундукъ, обернувши переплеты.

3) Самоваръ и прочее, присланное Хильчевскимъ.

4) Чернильницу и другія пригодныя для мени мелочи. Портретовъ не надо. Деревянныя ложки и вещицы.

5) Осеннее пальто. Образа. Серебро.

6) Кораблик и подаренныя Вами А—рѣ М—нѣ шитья.

7) Изъ бѣлья и прочаго, что признаете нужнымъ и стоющимъ пересылки. Шелковое одѣяло, и еще что есть тамъ?

Однимъ словомъ — все, что жаль отдать за безцѣнокъ, пришлите въ одномъ или двухъ ящикахъ,—въ томъ числѣ и подушки, и даже пуховикъ, на которомъ хоть и не слѣдуетъ спать образованному человѣку, но изъ котораго выйдутъ головныя подушки для гостей. Все же прочее продайте и очистите себя отъ этого дрязгу, чтобы о немъ больше и не вспоминать.

Библиотека "Руниверс"

Я рѣшительно водворяюсь въ Малороссіи, и только въ случаѣ необходимости навѣдаюсь въ Петербургъ. Пожалуйста все, о чемъ я просилъ и прошу, выполните по-братски и по-дружески, а будущность мою предоставьте Провидѣнію.

Просилъ я Васъ докончить выписки изъ Публичной библіотеки. Онѣ теперь нужны для 3-го тома. О сихъ выпискахъ будетъ написанъ трактатъ. Пѣсни также нужны для 3-го тома. Мы не скоро соберемся издать всѣ вдругъ. Обработаю я сотню и приложу свой взглядъ на пользу такой обработки для юной нашей словесности.

Ахъ да? Креселъ, стола и шкафа моей работы не сбывайте и всячески храните. А великолѣпную мебель продайте безъ милосердія. Если лампу можно уложить въ ящикъ, то уложите.

Прилагаю реестръ проданнымъ въ Харьковѣ книгамъ. Остальныя лежатъ у Гулака-Артемовскаго неподвижно. Если имѣете довѣреннаго и преданнаго человѣка, поручите ему продажу.

Напоминайте Вас. Мих. о Тихменевѣ, чтобъ онъ истребовалъ деньги.

Вашъ П. К.

1858, іюля 12. Мотроновка.

Такъ какъ ящики будутъ и безъ того набиваться, то уложите и лучшія изъ ненаучныхъ книгъ, отбросивъ только разную дареную чепуху, или накопившуюся безъ надобности дрянь.

Портреты передайте для храненія Василію Михайловичу.

Матерію изъ занавѣсокъ, оторвавши отъ дерева, благоволите уложить въ ящикъ. Всякую пригодную мнѣ здѣсь мелочь уложите, кромѣ сущей дряни, которую всегда можно достать или безъ которой можно обойтись.

Уложите въ ящикъ и разныя мои бумаги, которыхъ не нужно сжечь, а то сожгите для порядка, чтобъ никто больше о нихъ не думалъ.

Пришлите черновую рукопись ненапечатанныхъ еще статей. Кажется, о богомольцахъ кіевскихъ есть, да чуть-ли нѣтъ и о святкахъ. А еще лучше: напишите къ Ив. Серг. Аксакову отъ себя письмо, что я поручилъ Вамъ, уѣзжая заграницу, просить

Библиотека "Руниверс"

его возвратить двѣ мои статьи, если онъ не имѣетъ намѣренія ихъ печатать. Адресъ: въ Москву, въ редакцію Русской Бесѣды (на его имя).

У Надежды Александровны Бѣлозерской возьмите вышитую для меня ея швеями сорочку и вложите въ ящикъ.

Вмѣсто Лубенъ адресуйте все въ Борзну *на мое имя*, потому что, пока устроюсь тамъ на зиму, проведу здѣсь большую часть времени частями. А что туда послано, я получу.

13.

Найдите въ бумагахъ Гоголя письма А. А. Иванова, да между неизданными письмами—письма Гоголя къ Иванову и пришлите мнѣ. Я составлю нѣчто объ ихъ сношеніяхъ. У меня тамъ есть связочка: „Для біографіи Гоголя“. Тамъ поищите и въ пакетѣ: „Письма отъ разныхъ лицъ“.

Адресуйте все, о чемъ я просилъ Васъ, не въ Лубны, а въ Борзну, на мое имя. Что же послано въ Лубны, то я получу.

Антикритика противъ Максимовича написана и посылается къ Крузе.

Написана еще статья о разнохарактерности Сѣв. и Ю. Руси—на статью И. Аксакова: „Украинскія Ярмарки“. Но что скажетъ цензура!

Пишется большая статья о Галиціи. Но цензура, цензура! Возьмите у Надежны Александровны вышитую ея швеями для меня сорочку и пришлите.

П. К.

1858, іюля 17. Мотроновка.

Сапоговъ я еще не получилъ. Посылая къ Крузе мои статьи, я пишу къ нему, что если въ Петерб. возможно теперь невозможное къ пропуску въ Москвѣ,—то чтобы онъ отправилъ къ Вамъ. Вы же передайте Н. Я. Макарову и просите его напечатать, въ которомъ угодно журналѣ, на возможно выгодныхъ для автора условіяхъ. Но цензура—на первомъ планѣ, а плата на второмъ.

Библиотека "Руниверс"

14.

Въ послѣднее время написано мною не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ разнообразнаго содержанія, и между прочимъ двѣ статьи: *Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ малороссійской жизни и исторіи*, которыя сегодня и отправлены въ Русскій Вѣстникъ. Вы увидите, что это только начало большого этнографо - критическаго труда. Писательнаго запасу теперь у меня много. Я веду впередъ прежде начатую и началъ новую очень важную вещь, которой объемъ еще мнѣ не извѣстенъ, но которую хочу кончить въ августѣ. Итакъ Вы видите, что я живу здѣсь не даромъ. Петербургъ не могъ бы возвратить мнѣ спокойствія, необходимаго для литературныхъ занятій, а, пожалуй попридержалъ бы меня со стороны физическихъ силъ, которыхъ свѣжесть играетъ важную роль въ умственномъ трудѣ.

Еслибъ у меня былъ капиталъ, то я тратилъ бы его на типографію до послѣдней тысячи; но когда Вы представили такую перспективу, что типографія съѣстъ весь мой заработокъ, да еще угрожаетъ и моей репутаціи, то, разумѣется, я не могу смотрѣть на нее съ нѣжностью и не охладѣть къ ней. Я просилъ Матвѣя Тер. *) помочь Вамъ осмотрѣться, не на краю-ли мы денежной пропасти. Если Вы, онъ и Вас. Мих. рѣшите, что дѣло еще не проиграно, то, разумѣется, вести типографію далѣе и далѣе, а недостатки печатанія по возможности исправлять. Въ противномъ случаѣ, лучше остановится во-время и свести концы съ концами посредствомъ продажи типографіи, напримѣръ, Катенину, который вызывается купить. Если - бы понадобилось мое присутствіе, я готовъ явиться во всякое время года; но, покамѣсть, я думаю, что для меня лучше оставаться въ Малороссіи, читать и писать.

О томъ, что вы берете будто бы даромъ жалованье, не безпокойтесь: дѣлая мое присутствіе ненужнымъ, Вы уже дѣлаете слишкомъ много. Азбука самобытной дѣятельности трудна, но вы ее не бросайте. Не сидите дома, выходите почаще

*) Симонова.

Библиотека "Руниверс"

хоть на короткое время въ люди. Макарову я послалъ статью: *О народной поэзіи.* Читали Вы ее? доволенъ ли ею Тарасъ, которому я просилъ Макарова прочесть?

Скажите Тарасу, что изданіе его сочиненій я приму на себя. Пускай онъ не подвергается зависимости отъ Кушелева. Скажите ему также, что въ разныхъ моихъ статьяхъ, напримѣръ, о Гоголѣ, я подготовляю мысль о разрѣшеніи выписками изъ него и толками о немъ. Грустно мнѣ будетъ отречься отъ печатнаго Шевченка въ пользу рукописнаго, если онъ выйдетъ въ свѣтъ, Богъ знаетъ въ какомъ видѣ. Внушите ему, что теперь онъ находится въ зенитѣ своей славы, и всякій шагъ долженъ дѣлать очень осторожно, а особенно не оставлять безъ вниманія совѣтовъ того, кто такъ горячо принялъ къ сердцу его литературное значеніе. Я для него сдѣлался изъ повѣствователя критикомъ. Пускай же онъ не зневажыть мене необачнымъ діломъ. Между прочимъ покажите ему переписанныхъ мною Гайдамакъ. Тамъ всякая запятая обдумана. Пускай онъ хоть этимъ поруководствуется.

Вовчкомъ заняться мнѣ некогда. Вас. Мих. имѣетъ довольно вкуса. Онъ можетъ сдѣлать исключенія, а это едва-ли не главное въ редакціи. Шевченка можно призвать на совѣтъ. Но, право, было бы страшно пріостановить мнѣ свои работы, чтобы опять вести писателя, которому уже отворены мною настежь двери и показана дорога! Я послалъ Вовчку замѣчанія на его переводъ въ Русск. Вѣстникѣ.

Основяненка не выпускайте, пока не удостовѣритесь, что предисловія нельзя напечатать. Когда напечатается предисловіе, переплетите съ нимъ 1 экз. для А—ры Мих., 1 для Н. Д. Бѣлоз. и, приложивъ еще непереплетенныхъ, вышлите на имя Виктора Мих. Бѣлозерскаго въ Борзну. Да вышлите Николаю Дан. Бѣлоз. по экземпляру печатавшихся у насъ книгъ.

Пишите къ Щепкину и просите выслать вексель [1]), да сейчасъ и отправьте къ матери Гоголя. Посылайте какъ можно

[1]) Вамъ съ нимъ церемониться нечего: Вы—де лицо отвѣтственное.

Библиотека "Руниверс"

чаще ей хоть маленькіе билеты, а мнѣ въ Лубны пришлите реестрикъ всѣхъ высланныхъ ей денегъ, или лучше—прямо въ Полтаву на ея имя, для передачи.

Посовѣтуйтесь съ моими намѣстниками, застраховывать ли, или рискнуть. Теперь типографія у Васъ въ рукахъ больше, чѣмъ у меня. Такъ поступайте, какъ знаете.

Я замедлилъ выѣздомъ въ Баивщину (хуторъ мой) по причинѣ непрерывной работы, которую хотѣлось довести до нѣкотораго предѣла.

Отъ графа Толстого получилъ недавно письмо, изъ котораго вижу, что слухъ о Граматкѣ до него не дошелъ еще.

Съ Ив. Аксаковымъ обождите до удобнаго случая. Макаровъ и Марковичъ къ нимъ вхожи. Сообщите Макарову о предисловіи и о Щепкинѣ. Онъ найдетъ случай для словесныхъ переговоровъ черезъ кого-нибудь изъ его знакомыхъ.

Сапоги и плащъ получены очень кстати. Я ѣду одинъ—на перекладной. Послѣ путешествія на собственныхъ лошадяхъ и на батьковскихъ, это самый лучшій способъ.

Вашъ П. Кулишъ.

1858, авг. 8. Мотроновка.

Жаль мнѣ мебели! Если не дадутъ моей цѣны или близкой къ ней, то подумайте: не лучше ли ее попридержать и потомъ переслать въ Малороссію для украшенія моего хуторскаго кабинета. Я въ нѣсколько дней теперь заработалъ эту мебель. Но если вы признаете, что глупо имѣть такія дорогія вещи, то продавайте и не щадите меня ни мало.

Пишите ко мнѣ дубликаты въ Лубны и въ Полтаву, куда неизвѣстно, скоро-ли подоспѣю.

15.

Лубны. 1858, августа 25.

На почтѣ я не нашелъ на мое имя ничего. Видно, вы пришлете бумаги для 3-го тома въ Борзну, или въ Полтаву. Но въ Борзну слѣдовало Вамъ прислать вмѣстѣ съ письмами Г. и Иванова, а

Библиотека "Руниверс"

если вы намѣрены выслать въ Полтаву, то слѣдовало меня предувѣдомить. И вообще надобно увѣдомлять, когда, гдѣ и въ какомъ видѣ я получу отъ Васъ что-нибудь. Теперь 3-й томъ откладывается единственно потому, что Вы ничего мнѣ не прислали. А я не во всякое время могу имъ заняться. Если бумаги адресованы въ Борзну, то я ихъ вытребую, если же Вы до сихъ поръ не посылали, то вышлите въ Новомосковскъ, на имя Никол. Дм. Мизко.

Поищите въ связкахъ разныхъ бумагъ переписанныя на синей почтовой бумагѣ въ осьмушку „Похороны козака“ и вышлите въ письмѣ на имя Мизко.

Надѣюсь, что Вы хоть на имя матери Гоголя выслали мнѣ счетецъ высланныхъ ей съ самаго начала денегъ.

21 августа отправлена Макарову посылкою рукопись: *Переписка Гоголя съ Ивановымъ*, содержащая въ себѣ не меньше 4-хъ печатныхъ листовъ.

Пожалуйста не опаздывайте письмами, Вы причинили мнѣ много тревоги заграницею, не написавши своевременно въ Брюссель. Теперь та же исторія съ Лубнами, куда Вы должны были послать хоть полстранички.

П. К.

Скажите М. Т. Симонову, что и съ его стороны очень странно не написать ко мнѣ ни строчки въ Лубны.

Скажите Ив. Ивановичу, что не отвѣчать мнѣ на письмо такая грубость и глупость, которой я никогда не могу забыть. Скажите, что я требую отвѣта, а не прошу, и чтобы впередъ онъ ничего подобнаго не позволялъ себѣ, если желаетъ пользоваться моею безпримѣрною довѣренностью.

Какъ я могу въ чемъ-нибудь успѣть, когда люди, повидимому толковые, не понимаютъ своего долга! По неволѣ я долженъ или продать типографію, или сидѣть совою въ Петербургѣ и ничего, кромѣ Петербурга, не видѣть. Разумѣется, на первое я рѣшусь скорѣе, если Вы этакъ будете мнѣ *вторить*.

Библиотека "Руниверс"

16.

У матери Гоголя не нашель я ни отъ Васъ, ни отъ Макарова, ни отъ Вас. Мих. ни строчки. Теперь ужъ я жду отъ Васъ только объясненія Вашей непостижимой для меня медленности или совершеннаго невниманія къ моимъ просьбамъ. Вѣроятно, Вы избрали этотъ этотъ способъ для вызова меня въ Петербургъ. Вы не ошиблись: онъ очень дѣйствителенъ, и еслибъ я не былъ связанъ обѣщаніями, которыя долженъ сперва выполнить, то Вы увидѣли бы меня передъ собой прежде нежели дошло бы до Васъ это письмо. Ѣду завтра въ Новомосковскъ къ Мизко; оттуда долженъ заѣхать, на обратномъ пути къ Тарновскому, а потомъ возвращусь въ Мотроновку для сборовъ въ дорогу.

1858, сент. 13. Полтава.

Если собрались деньги, то вышлите матери Гоголя въ ассигнаціяхъ рублей до 500; а когда 500 нѣтъ, то 200 или 300.

Ко мнѣ пишите въ Борзну. А. М. пишетъ, что письмо М. Т. Симонова получено тамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

СВАДЕБНЫЕ И ДРУГІЕ НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ
въ Червоной-Руси
СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Въ старинномъ польскомъ журналѣ: Nowy Pamiętnik Warszawski, dziennik historyczny, polityczny, tudzież nauk i umieiętnosci, 1805 года (томы XVIII и XIX), была помѣщена этнографическая статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ: Swactwa, wesela, urodziny i zabawy u ludu Ruskiego, na Rusi Czerwoney, przez obywatela tamecznego kraiu opisane. Несмотря на ея незначительный объемъ, статья эта заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полнаго вниманія со стороны современныхъ южнорусскихъ фольклёристовъ. Прежде всего любопытенъ самый фактъ, что сто лѣтъ назадъ среди немногочисленнаго круга польскихъ ученыхъ нашелся изслѣдователь, заинтересовавшійся обычаями крестьянскаго люда и описавшій ихъ хотя далеко не полно, но съ очевиднымъ сознаніемъ, что народные обряды, повѣрья и даже мелкія, повседневныя черты простонароднаго быта могутъ представлять достойный науки интересъ. Вотъ почему авторъ, безъ сомнѣнія польскій шляхтичъ, изображая бытъ чуждой ему среды и народности, умѣлъ до конца выдержать совершенно трезвый и правильный тонъ, одинаково далекій отъ приторности тогдашнихъ нашихъ сентименталистовъ и отъ полупрезрительной снисходительности къ „хлопкамъ“ иныхъ изъ тоговременныхъ польскихъ мемуаристовъ. При такомъ трез-

Библиотека "Руниверс"

венномъ и внимательномъ отношеніи наблюдателя къ явленіямъ народной жизни можно заранѣе поручиться, что какъ бы ни были несовершенны и отрывочны его наблюденія, они будутъ драгоцѣнны уже по одному тому, что сдѣланы безъ малаго сто лѣтъ назадъ и при томъ въ такомъ уголкѣ южнорусскаго міра, гдѣ серьезное народоизученіе возникло лишь въ недавнее время. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ червоно-русскихъ народныхъ обрядовъ, какъ они описаны анонимнымъ польскимъ ученымъ, носятъ черты глубокой старины, теперь давно уже отжившей; въ особенности это можно сказать о крайне оригинальномъ обрядѣ „заручинъ“. Любопытна и другая подробность тогдашняго свадебнаго ритуала — присылка невѣстой жениху (утромъ въ день вѣнчанья) сплетеннаго ею вѣнка и затѣмъ прибытіе жениха въ домъ невѣсты, въ сопровожденіи музыкантовъ, съ этимъ самымъ „вѣнцемъ“, прикрѣпленнымъ къ шапкѣ. Подобный обычай существовалъ на Волыни еще въ XVII ст.; по крайней мѣрѣ въ одномъ, намъ извѣстномъ, документѣ 1638 г. упоминается о томъ, какъ женихъ, сопровождаемый боярами, прибылъ въ домъ невѣсты „зъ вѣнцомъ, яко то обычай есть“ *). Безъ сомнѣнія, спеціалисты этнографы отыщутъ немало любопытныхъ аналогій, объясняющихъ многое, что кажется неяснымъ въ современной народной обрядности. Въ этихъ видахъ мы извлекли изъ статьи польскаго анонима все наиболѣе существенное и предлагаемъ здѣсь въ переводѣ.

О. Л.

Сватовство.

Надо знать, что въ каждомъ почти селѣ существуютъ особыя лица, которыхъ приглашаютъ какъ-бы руководить исполненіемъ установившихся обычаевъ, касающихся сватовства, заручинъ и свадьбы. Тотъ, кто помогаетъ въ этомъ дѣлѣ жениху, принимаетъ титулъ „*старосты браньскаго*“, — очевидно отъ

*) Актовая книга Кіевскаго Центральнаго Архива, 1638 г., № 2473, листъ 836.

Библиотека "Руниверс"

слова „*братъ*“ (въ замужество), а сватъ со стороны невѣсты титулуется „*старостой даньскимъ*“—отъ слова „*дать*“ замужъ.

Паробокъ, высмотрѣвъ себѣ невѣсту, прежде всего идетъ вмѣстѣ съ отцомъ къ „свату“, или къ „старостѣ браньскому“, и оба просятъ его отправиться съ ними къ родителямъ дѣвушки для переговоровъ. Сватъ представляетъ имъ жениха и вмѣстѣ съ его отцемъ проситъ ихъ позволить своей дочери выйти за него замужъ. Когда совершается это предложеніе, женихъ остается безучастнымъ зрителемъ сцены, а дѣвушка, хотя обязана присутствовать въ это время въ комнатѣ, но, какъ-бы изъ скромности, она начинаетъ усердно „пбраться“ возлѣ печи, дѣлая видъ, что очень занята и, заступая мать въ хозяйствѣ, не имѣетъ досуга прислушиваться къ тому, о чемъ говорятъ старшіе.

Родители невѣсты за первымъ разомъ никогда не даютъ рѣшительнаго отвѣта, ограничиваясь заявленіемъ, что сначала имъ нужно посовѣтоваться между собою и поговорить съ дочкой; однако назначаютъ день, когда сватъ, паробокъ и его отецъ имѣютъ вторично прійти къ нимъ, и уже за вторымъ разомъ слѣдуетъ или рѣшительный отвѣтъ, или новая отсрочка. Послѣдняя чаще всего служитъ худымъ предзнаменованіемъ для исхода сватовства; поэтому сватъ, вернувшись въ домъ жениха, тщательно обдумываетъ и обсуживаетъ отвѣтъ, данный родителями невѣсты, и если признаетъ, что надежда на удачный исходъ дѣла не совсѣмъ потеряна, тогда только рѣшается въ третій разъ идти съ женихомъ въ домъ невѣсты, въ противномъ же случаѣ совѣтуетъ ему прекратить дѣло.

Родители невѣсты, прежде чѣмъ дать окончательное согласіе жениху, подробно сообщаютъ, что̀ именно намѣрены дать за нею, и при этомъ напоминаютъ ему, чтобы онъ вовремя обсудилъ, не можетъ ли незначительность „пбсага“ ослабить его привязанность къ ихъ дочери. Женихъ выражаетъ свое согласіе въ формѣ приглашенія родителей невѣсты къ себѣ на обѣдъ или „вечерю“, гдѣ они застаютъ его родственниковъ и близкихъ пріятелей. Этотъ обѣдъ или вечеря имѣютъ значеніе

Библиотека "Руниверс"

какъ-бы предбрачнаго контракта. Здѣсь женихъ и его родня стараются какъ можно лучше угостить и расположить къ себѣ родителей невѣсты; въ благодарность за это послѣдніе увеличиваютъ „пбсагъ“; здѣсь же назначается и день свадьбы.

Заручины.

Канунъ свадьбы обыкновенно бываетъ днемъ заручинъ. Онѣ происходятъ въ домѣ родителей невѣсты, которые приготовляютъ по этому случаю богатую „вечерю“. Музыку нанимаютъ на все свадебное празднество обѣ стороны сообща. Въ этотъ день пекутъ „*короваи*“, т. е. особаго рода хлѣбъ изъ пшеничной муки, наверху украшенные разными подѣлками (rożnemi wyrabianiami), а въ продолговатыя стороны этихъ короваевъ кладутъ два яйца, чтобы потомъ, испеченныя, они служили для угощенія молодыхъ.

Невѣста въ тотъ день, въ сопровожденіи одной или двухъ „дружекъ“, съ распущенной косой ходитъ по селу изъ дома въ домъ и приглашаетъ „на весилье“. Почти въ каждомъ домѣ ей дарятъ кусокъ полотна или другое что-нибудь и выражаютъ ей благожеланія.

Когда наступитъ вечеръ и соберутся родные, пріятели и сосѣди, „*староста даньскій*“ вступаетъ въ роль распорядителя и припрашиваетъ гостей къ забавамъ, танцамъ и угощенію. Невѣста раздаетъ гостямъ короткіе ручники домашняго издѣлія, въ родѣ хустокъ, а жениху должна дать „хустку крамарскую“, т. е. покупную, а онъ тутъ же, въ присутствіи гостей, возвращаетъ ей деньгами стоимость подарка. Пока продолжаются забавы, накрываютъ скатертью столъ, кладутъ небольшой круглый хлѣбъ, женихъ затыкаетъ въ него четыре крейцара, мать невѣсты прикрываетъ этотъ хлѣбъ хусткою, и затѣмъ женихъ, невѣста, ихъ родители и всѣ присутствующіе родственники и гости кладутъ на него руки, одна на другую; тогда священникъ сложенныя такимъ способомъ руки связываетъ епитрахилью, читаетъ молитвы съ призываніемъ Божьяго благословенія,—и этимъ собственно оканчивается обрядъ заручинъ. По

Библиотека "Руниверс"

окончаніи этой церемоніи, „панъ молодой“ даритъ своей своей будущей женѣ „рантухъ“ *), которымъ она должна, ставши замужней, повязывать голову, а она въ свою очередь даритъ ему новую сорочку. Послѣ „вечéри“ и танцевъ, прежде чѣмъ разойдутся гости, „панна-молода“ беретъ непримѣтно шапку жениха и пришиваетъ къ ней сбоку вѣнокъ, сплетенный изъ зелени; онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого, и съ тѣмъ вѣнкомъ уходитъ. Когда вернется домой, мать его дѣлаетъ видъ, будто первая замѣчаетъ вѣнокъ на его шапкѣ, неожиданно срываетъ ее съ головы, отрываетъ вѣнокъ и бросаетъ его въ печь.

Свадьба (весилья).

Въ день свадьбы „панна-молода“ идетъ рано къ сосѣдкамъ и проситъ ихъ прійти къ ней на помощь дѣлать „вѣнки“, или „короны“. Обыкновенно сплетаетъ она два вѣнка, одинъ для себя, другой для жениха; послѣдній долженъ быть такъ великъ, чтобы опоясывалъ собою шапку. Этотъ вѣнокъ она отсылаетъ жениху тремя паробками, въ сопровожденіи музыкантовъ, а сама садится одѣваться. Прежде всѣхъ долженъ расчесать ей волосы „староста даньскій“, потомъ родители, наконецъ каждый изъ присутствующихъ. Идя къ вѣнцу, она въ послѣдній разъ расплетаетъ косу и отправляется въ церковь съ распущенными волосами.

Женихъ, лишь только узнаетъ, что ему несутъ „вѣнецъ“, также садится за уборъ, и „староста браньскій“ первый расчесываетъ ему волосы, потомъ родители; когда онъ одѣнется, ему надѣваютъ шапку съ „вѣнцомъ“ и въ сопровожденіи музыкантовъ отправляютъ въ домъ невѣсты. Тамъ, въ ожиданіи „пана-молодого“, ставятъ столъ на срединѣ избы, покрываютъ скатертью и кладутъ хлѣбъ. На порогѣ жениху заступаютъ дорогу

*) Рантухъ—длинное головное покрывало замужнихъ женщинъ, въ родѣ современной „намитки“. Въ XVI—XVII вв. рантухъ былъ въ употребленіи не въ одномъ простонародномъ, но и въ дворянскомъ быту Волыни и Украины.

Библиотека "Руниверс"

„панна-молода“ съ матерью; онъ беретъ невѣсту за руку, а за другую его руку берутся отецъ и мать молодой и другіе, и въ такой группѣ всѣ обѣгаютъ три раза вокругъ стола. Послѣ этого молодые садятся рядомъ на лавѣ, мать обвиваетъ ихъ шеи „рантухомъ“, велитъ имъ поцѣловаться, и затѣмъ отправляютъ ихъ въ церковь.

Когда молодые возвратятся изъ церкви, мать невѣсты, покрывшись вывороченнымъ кожухомъ, выбѣгаетъ имъ навстрѣчу съ кочергой въ рукѣ, выноситъ хлѣбъ, подаетъ зятю рюмку водки, которой онъ отвѣдавъ, бросаетъ рюмку за голову; тѣмъ временемъ мать обсѣваетъ молодыхъ овсомъ. Это обсѣванье означаетъ пожеланіе изобилія въ хлѣбѣ, а вывороченіе кожуха должно означать пожеланіе, чтобы хлѣбъ родилъ такъ густо, какъ густъ волосъ въ кожухѣ.

Послѣ обѣда пиршество переносится въ домъ родителей жениха. Сначала въѣзжаетъ на дворъ возъ или два, на которые съ тщеславнымъ оказательствомъ складываютъ „по́сагъ“ молодой, т. е. перину, двѣ подушки, скрыню съ бѣльемъ, одежей, и другіе „спряты“; за тѣми возами вся компанія сопровождаетъ молодыхъ. Если женихъ изъ другого села, то онъ долженъ приготовить подводы для всѣхъ гостей. Родители невѣсты, въ видахъ какъ-бы соблюденія своего достоинства, навѣщаютъ зятя лишь на другой или на третій день, послѣ того, какъ онъ пріѣдетъ просить ихъ объ этомъ.

Есть обычай, что невѣстѣ, выходящей замужъ въ другое село, передъ выѣздомъ прячутъ въ волосы головку чесноку. Смыслъ этого обычая тотъ, что какъ чеснокъ прогоняетъ всякую заразу, такъ, думаютъ, онъ будетъ охранять отъ всего дурного молодую женщину, удалившуюся изъ-подъ крова родительскаго.

Молодая, вступая въ домъ родителей своего мужа, разомъ съ нимъ привѣтствуется его матерью обсѣваніемъ овсомъ.

Родители обоихъ молодыхъ дарятъ взаимно другъ друга; такъ мать невѣсты даритъ отцу жениха сорочку, а мать послѣдняго даритъ „рантухъ“ матери молодой.

Библиотека "Руниверс"

Далѣе трудно описать всѣ свадебныя забавы, пѣсни и особенно присказки, не всегда скромныя, которыми старосты обѣихъ сторонъ стараются забавить гостей; однако нужно сказать, что сущность акта отъ этого не перестаетъ быть священной и важной.

Кто изъ поселянъ не въ состояніи отправить „весилья“ со всѣми этими церемоніями, тотъ почитается послѣднимъ бѣднякомъ, и потому каждый тянется изъ послѣднихъ силъ, чтобы справить свадьбу получше, хотя нерѣдко порядочный хозяинъ становится послѣ того убогимъ человѣкомъ.

Родины и крестины.

Какъ только дитя родится, отецъ даетъ знать объ этомъ сосѣдямъ и родственникамъ, а потомъ идетъ просить священника, чтобы онъ въ домѣ окрестилъ новорожденнаго; но церемоніи отлагаются на нѣсколько дней *). Пока мать не въ состояніи сама кормить ребенка, ее временно заступаютъ сосѣдки, конечно, тѣ, которыя сами имѣютъ грудныхъ дѣтей.

День крещенія и связанныхъ съ нимъ церемоній служитъ у Русиновъ вмѣстѣ и днемъ памяти умершихъ, и потому простой человѣкъ старается справить поминальный обѣдъ, какъ только позволяютъ его матеріальныя средства. При этомъ соблюдается слѣдующій обрядъ: варятъ пшеницу (кутью?), наливаютъ въ стаканъ прѣснаго меду, берутъ жареную курицу, небольшой хлѣбъ, восковую свѣчу — и все это относятъ въ церковь и кладутъ предъ алтаремъ. Священникъ, облачившись въ ризы, совершаетъ молитвы надъ этимъ приношеніемъ (ofiarą), правитъ обѣдню (mszą) и затѣмъ отправляется съ пріятелями въ домъ отца новорожденнаго на обѣдъ. Самъ же хозяинъ забираетъ изъ церкви только кутью и, вернувшись домой, ставитъ ее на

---

*) Здѣсь, очевидно, разумѣется не обрядъ крещенія, которое, какъ видно, совершалось тотчасъ, а другія церковныя церемоніи, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Примѣч. переводчика.

Библиотека "Руниверс"

столъ. Всѣ гости берутъ ее горстями и ѣдятъ, а потомъ господарь потчеваетъ ихъ яствами и напитками.

Вдумываясь въ этотъ обычай, можно видѣть въ немъ остатокъ греческой жертвы и вмѣстѣ пережитокъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда нѣкоторые древніе народы, при рожденіи ребенка, вмѣсто проявленія радости, печалились и заранѣе оплакивали несчастную судьбу новорожденнаго.

Забавы и танцы.

Нѣтъ, кажется, на свѣтѣ страны, гдѣ люди послѣ трудовъ не нуждались бы въ отдыхѣ, забавахъ и развлеченіяхъ; только родъ ихъ различенъ, въ зависимости отъ вѣка и общественнаго положенія. Игры и забавы молодежи не нравятся старикамъ; наоборотъ, молодые не любятъ солидныхъ бесѣдъ старыхъ людей; ученый предпочитаетъ уединеніе или находитъ удовольствіе только въ обществѣ ученыхъ же. Люди богатые, утопая въ роскоши и излишествахъ, находятъ удовлетвореніе въ сознаніи, что далеко не каждый можетъ равняться съ ними. И только простой людъ остался при самыхъ невинныхъ, естественныхъ развлеченіяхъ, которыя, при всей ихъ простотѣ, заслуживаютъ полнаго уваженія и признанія ихъ полезности. Общественному спокойствію и благосостоянію они нимало не угрожаютъ, такъ какъ происходятъ въ дни отдыха и при томъ открыто, на глазахъ у всѣхъ.

Бесѣды простолюдиновъ въ корчмѣ всегда громки и крикливы. Собравшіеся покупаютъ напитки по очереди и угощаютъ другъ друга; женщины, прикидываясь скромными, дѣлаютъ видъ, будто пьютъ по принужденію.

Пьяный человѣкъ обычно становится склоннымъ къ ссорамъ и дракѣ. Случается, что взаимно избитые и окровавленные легко мирятся между собою, слагая вину на чрезмѣрное потребленіе напитка. Присутствующіе только тогда бросаются разводить дерущихся, когда одинъ другого повалитъ на землю

Библиотека "Руниверс"

и драка принимаетъ опасный характеръ, въ остальныхъ же случаяхъ остаются спокойными зрителями поединка.

Если во время такого пиршества къ корчмѣ подъѣдетъ проѣзжій, то, кто бы онъ ни былъ, присутствующіе не обратятъ на него никакого вниманія; и когда бы тотъ вздумалъ потребовать, чтобы они ушли изъ корчмы или притихли, то всѣ дерзко вооружатся противъ него. Если же сюда зайдетъ мѣстный управляющій или кто-либо изъ дворовыхъ съ компаніей, всѣ ему рады и усердно станутъ потчевать. Предъ паномъ же своимъ крестьянинъ, какъ бы ни былъ сильно пьянъ, не забудетъ обнажить голову.

Этотъ людъ имѣетъ особую, ему только свойственную музыку: *скрыпки*, большею частью самодѣльныя, *цымбалы* и *басетлю* (bassetla)*), на которой тотъ найлучше умѣетъ играть, кто, ударяя оборотной стороной (tylcem) смычка по струнамъ, издаетъ сильный звукъ. Цымбалистъ также заслуживаетъ похвалу, когда въ состояніи заглушить скрыпку. Эта музыка играетъ танцы польскіе, „козаки“, „мазуры“, пѣсенки, вообще все, что только музыканты усвоили себѣ по слуху.

Разъ начнется танецъ, онъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ играть музыканты. Танцующіе образуютъ кругъ, держась за руки. Танецъ начинаютъ женщины, потомъ къ нимъ пристаютъ „паробки“, и кто изъ послѣднихъ доведетъ свою пару до наибольшаго утомленія, тотъ считается лучшимъ танцоромъ. То плохой танецъ, когда танцующіе не доведутъ себя до обильнаго пота.

*) Въ польскомъ Словарѣ Линде это слово такъ объясняется: Bassetla (нѣм. der Bassetel, die Bassgeige) narzędzie muzyczne, na którym bas graią.—Видимо, это былъ струнный инструментъ, въ родѣ контръ-баса.

Библиотека "Руниверс"

РОДЫНЫ и ХРЕСТЫНЫ.

(Матеріалъ собранъ въ м. Мринь, Нѣжинскаго уѣзда).

I.

Едва молодая женщина почувствуетъ себя беременной и подѣлится своей радостью съ сосѣдками, эти послѣднія спѣшатъ снабдить ее совѣтами, какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы роды сошли благополучно. Совѣты эти сводятся, главнымъ образомъ, къ ознакомленію будущей матери съ разнаго рода примѣтами и обрядами, невѣжество по части которыхъ можетъ повлечь за собой такія печальныя послѣдствія, какихъ не въ силахъ будетъ исправить потомъ и самая опытная повивальная бабка. Забеременѣвъ женщина должна сбросить у себя съ шеи монисто; позволяется носить только крестикъ или образокъ на черномъ шнуркѣ; если же будущая мать—по невѣжеству-ли, или по упрямству—продолжаетъ носить монисто, то у ребенка пуповина замотается вокругъ шеи; кромѣ того, если монисто у матери краснаго цвѣта, то, помимо указанной бѣды, дитя будетъ расти „въ пороку и стыду“, если же монисто черное, ребенокъ „буде заходыця“ во время плача и будетъ страдать дѣтскими припадками. Увидитъ беременная женщина пожаръ и въ ужасѣ готова схватиться руками за голову; опытныя женщины должны удержать ее отъ этого; въ противномъ случаѣ у ребенка на той же части тѣла будетъ красное родимое пятно.

Библиотека "Руниверс"

Родимыя пятна у ребенка объясняются также еще тѣмъ, что мать во время беременности украла что-либо. „Не остереглась якось я, якъ була важка“, передавала одна старуха: „треба було побилыть хату, а крейды у мене не хватыло; отъ я пійшла до сусидки да ныщечкомъ й узяла грудку; дакъ у мого Ивана на нози наче та грудка крейды и означылась“. Указывали и другой случай: беременная женщина стащила у своей сосѣдки „кожушанку“; слѣдствіемъ этого было то, что у родившейся дѣвочки часть лица была покрыта черными волосами. Если беременной женщинѣ отказать въ какой-либо просимой ею вещи, то мыши изгрызутъ этотъ предметъ. Залѣзетъ сосѣдская свинья въ огородъ; не дай Богъ, если беременная хозяйка въ гнѣвѣ толкнетъ ногой эту свинью: въ спинкѣ ребенка будетъ колоть, точно щетиной. „Не годыться“ беременной ходить съ раскрытымъ ртомъ или ѣсть что-либо во время ходьбы: дитя будетъ прожорливымъ и крикливымъ. Если беременной вслѣдъ бросить „печунку“ (кусокъ глины, выпавшей изъ печи), то ребенокъ будетъ страдать запоромъ; если же какой-либо добрый человѣкъ броситъ ей въ слѣдъ кусочекъ хлѣба, то дитя не будетъ болѣть желудкомъ. Чтобы избѣжать трудныхъ родовъ, беременная не должна сидѣть на порогѣ, а то и дитя во время родовъ долго „буде стоять на порози“. Не должна она также переступать черезъ „вой“: волы ходятъ медленно, поэтому и роды будутъ медленными, тяжелыми; черезъ оглоблю, наоборотъ, „годыться“ переступать: какъ лошадь быстро и легко бѣгаетъ, такъ и роды быстро и легко сойдутъ.—

Наступаетъ время родить. Всѣ члены семьи, сосѣди и вообще всѣ, кому это извѣстно, избѣгаютъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, чтобы излишними разговорами „не наклыкать лыха“ на родильницу. Поэтому и будущій отецъ, отправляясь за повивальной бабкой, часто приглашаетъ ее къ своей женѣ одними намеками: „ходимъ до насъ на щось“. Вообще, чѣмъ меньше лицъ знаетъ про наступленіе родовъ, тѣмъ они легче сойдутъ.

Библиотека "Руниверс"

„Бабувать“, т. е. помогать при родахъ, женщины идутъ только послѣ прекращенія у нихъ менструацій, приблизительно послѣ 45 лѣтъ, когда потеряна уже надежда имѣть собственныхъ дѣтей и не придется поэтому самой просить къ себѣ бабку. Рожденіе ребенка у женщины, начавшей „бабувать“, считается верхомъ неприличія; такого ребенка зовутъ въ селѣ „бабынцёмъ“, и это прозвище всегда ужасно конфузитъ его мать. Вслѣдствіе этого, даже послѣ прекращенія менструацій въ первое время женщины не рѣшаются итти въ повитухи.

При выборѣ бабки имѣютъ въ виду слѣдующія два главныхъ ея качества: 1) бабка должна быть честной, „щобъ внучата чесно рослы“, и 2), главное, она должна быть богатой и щедрой, чтобы послѣ родовъ „шановала хороше“ и не скупилась на водку и закуски. Опытность и искусство хорошей бабки измѣряется не столько знаніемъ акушерскаго дѣла,—въ этомъ отношеніи бабка стоитъ ничуть не выше всякой другой женщины, рожавшей нѣсколько разъ,—сколько полнотой свѣдѣній по части всякаго рода необходимыхъ примѣтъ и обрядовъ. Въ этомъ случаѣ опытность бабки пополняетъ невѣжество молодой матери: если женщина во время беременности сдѣлала какой-либо промахъ, который грозитъ отдалить на продолжительное время роды, или сдѣлать ихъ тяжелыми, или можетъ повредить здоровью матери и ребенка, то всѣмъ подобнымъ промахамъ бабка должна своевременно найти надлежащее противоядіе. Если, напримѣръ, беременная натыкалась на случку лошадей, то и ей предстоитъ носить въ утробѣ ребенка столько времени, сколько носитъ кобылица лошенка, т. е. около 11 мѣсяцевъ; чтобы устранить эту бѣду, бабка въ то время, когда по расчету надлежитъ уже рожать, насыпаетъ овса въ запаску своей паціенткѣ, и та даетъ кобылѣ выѣсть этотъ овесъ. Есть и другое средство, ускоряющее наступленіе родовъ: бабка стружитъ серебряную монету или крестикъ и даетъ пить этотъ порошокъ въ водѣ беременной женщинѣ.

Но какъ бы трудны ни были роды, больная никогда не обратится къ помощи доктора или фельдшера: этому мѣшаетъ

Библиотека "Руниверс"

ея стыдливость и, кромѣ того, обычай, чтобы при родахъ, кромѣ замужнихъ женщинъ, никто (а особенно изъ мущинъ) не присутствовалъ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ огромную помощь простому народу окажутъ возникающіе теперь женскіе медицинскіе курсы; съ теченіемъ времени по селамъ появятся женщины-врачи, которые будутъ помогать родильницамъ и практически подучатъ нашихъ самоучекъ-бабокъ болѣе раціональнымъ пріемамъ при родахъ. Теперь же, пока бабки не имѣютъ у кого поучиться повивальному искусству, съ нихъ нельзя много и спрашивать. Намъ, впрочемъ, извѣстна попытка одного земства прійти на помощь въ этомъ отношеніи простому населенію, устроивъ нѣчто вродѣ курсовъ для сельскихъ повитухъ. Но время обученія было слишкомъ коротко, само обученіе велось не практически, а теоретически, по рисункамъ, и потому эта попытка желанныхъ результатовъ не имѣла. Вотъ что разсказывала одна изъ бойкихъ ученицъ про окончательный экзаменъ; докторъ повѣсилъ на доскѣ рисунокъ, изображающій неправильное положеніе ребенка, и обратился къ своимъ слушальницамъ съ вопросомъ: что дѣлать въ подобномъ случаѣ? „Уси бабы наче воды въ ротъ набралы, дывляться та здвыгають плечыма: а хто-жъ ёго знае? А я не втерпила: „а щожъ, кажу, робыть? Богу Мылосердному, кажу, треба молыться“. Дакъ уси, хто тутъ бувъ у комнати, якъ одынъ, уси въ долошки заляскотилы: „отъ, кажуть, молодець бабка!“—Вѣроятно, и другія ученицы, по окончаніи курса, остались при прежнихъ своихъ знаніяхъ и убѣжденіи, что только милосердіе Господа можетъ помочь въ подобныхъ случаяхъ.

Непосредственно передъ родами, или даже во время родовъ, за бабкой отправляется мужъ или какой-либо другой пожилой родственникъ родильницы. Баба сразу не соглашается итти на помощь: „Выбирайте кого луччу; я не дуже-то вмію“. И посолъ, и сама бабка прекрасно понимаютъ, что этотъ отказъ не больше, какъ соблюденіе установленнаго для подобнаго случая этикета, и потому, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ (тянуть ихъ не позволяютъ уже сами обстоятельства дѣла,

Библиотека "Руниверс"

не терпящаго отлагательствъ), бабка, захвативъ все необходимое, спѣшитъ на помощь. Вотъ какъ разсказывается о приглашеніи бабки къ родильницѣ въ пѣсняхъ:

№ 1. У новуй комна́ти кро́вать стояла;
На новуй кровати Ганнуся лежала,
По комна́ти ходыла,
Свого Грыця просыла:
„Ты, Грыцику, муй голубчику,
Бижы жъ скорей по бабусеньку!“
А бабуся догадалася,
Въ одномъ чоботи обувалася,
До онучечки спотыкалася,
Въ одную руци лучыночку,
А въ другуй—простыночку:
Подывимось на дытыночку.

№ 2. Та й за купкамы, та й за гу́ркамы,
Й-а за хыжкамы, й-а за будкамы
Тамъ Ганночка сына вродыла (2)
Та соби на помощъ Андрійка просыла:
„Андрійчыку, муй голубчыку (2),
Бежы-жъ, бежы и скоресенько, и хутесенько,
Бежы-жъ, бежы по бабусеньку!“
А бабусенька догадалася
И сама йде объ однумъ чоботи (2),
Въ однумъ чоботи и безъ пояса,
А у лѣвуй руци и простынь несе.
Ой просты-жъ, помылуй, Боже, ажъ дви душечки:
И старенькую, и маленькую (2),
Що старенькую у подушечкахъ,
А маленькую у пелюшечкахъ!—

Въ первой пѣснѣ сообщается, что бабка, отправляясь къ больной, беретъ съ собой „лучыночку“ и „простыночку“; во второй пѣснѣ упоминается только о простынѣ; но при чтеніи

Библиотека "Руниверс"

этой пѣсни передъ словами: „А у лѣвой руци...“ замѣчается пропускъ: пропущено, что́ несетъ бабка въ правой рукѣ.

Собираясь итти къ паціенткѣ, бабка беретъ съ собою уголекъ (это, вѣроятно, „лучиночка“, о которой упоминается въ первой пѣснѣ), нѣсколько льняныхъ зеренъ и ржаныхъ рожковъ *). Вотъ и все, что должно быть подъ руками у бабки при трудныхъ родахъ. Этотъ уголь, впрочемъ, и льняныя зерна не простыя. Случается иногда, изъ горящей печи выскакиваетъ съ трескомъ уголекъ; бабка собиретъ такіе угли; при трудныхъ родахъ она растираетъ ихъ и даетъ порошокъ въ водѣ пить больной, „щобъ и дытя такъ скоро выскочыло изъ тисного миста, якъ сей уголь изъ гарячои печи“. Есть лѣнъ „лущыкъ“; когда онъ созрѣетъ, то головка его трескается и сѣмена высыпаются; бабы подбираютъ эти сѣмена и даютъ родильницѣ ѣсть съ хлѣбомъ или же пить въ видѣ настоя на горячей водѣ, для того чтобы и дитя, подобно зернамъ, скоро появилось на Божій свѣтъ. Кромѣ того, дается иногда настой ржаныхъ рожковъ,—„Ну, казала кушерка, що ёго безъ умыслу (т. е. безъ знанія, безъ умѣнія) не можна давать; на чарку воды три капли ёго; а румку (т. е. чистаго настоя) якъ выпыть, дакъ самъ дохторъ казавъ, що й не перенесе (т. е. больная)... давать треба ны послидныхъ порахъ; а якъ яка дурна баба, дакъ вона не знае, колы дать, а нужно, шобъ съ умысломъ, а то збросыть...“ Подобное дѣйствіе этихъ рожковъ признаетъ и медицина. Нѣкоторыя бабки даютъ еще и „корычневу воду“,—настой корицы на водкѣ или водѣ.

Придя къ больной, бабка посылаетъ ее перейти три раза дорогу такъ, чтобы никто этого не видѣлъ; затѣмъ, войдя въ хату, больная трижды обходитъ вокругъ стола; передъ нимъ разстилаются штаны ея мужа, и бабка переводитъ черезъ нихъ родильницъ. Если послѣ этого роды все еще тянутся, то бабка приказываетъ развязать въ хатѣ и въ амбарахъ всѣ узлы, гдѣ какіе есть, отпереть всѣ замки. Все это продѣлывается для

*) Спорынья, secale cornutum; Sclerotium Clavus Dec. (слов. Роговича).

Библиотека "Руниверс"

ускоренія и облегченія родовъ. Но если всѣ указанныя средства оказываются недѣйствительными и больная терпитъ страшныя муки, то бабка рѣшается прибѣгнутъ къ послѣднему, очень, впрочемъ, рѣдкому средству: къ священнику снаряжается посолъ съ просьбой растворить въ церкви царскія врата; просьба эта ставитъ священника въ затруднительное положеніе; съ одной стороны, въ число его пастырскихъ обязанностей входитъ—отучать пасомыхъ отъ всякаго рода суевѣрій; но, съ другой стороны, какъ отказать въ этой невинной просьбѣ существу, переносящему страшныя мученія и надѣющемуся, что это средство положитъ конецъ мукамъ?

Бываютъ случаи, когда, не смотря на всѣ средства бабки, роды имѣютъ печальный исходъ: смерть новорожденнаго или самой матери. Слѣдующая пѣсня передаетъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ:

№ 3. Ой пойихавъ королевычъ на погуляньня,
Та й покынувъ Марусыну на гореваньня.
Та-й прыснився королевычу дывнесенькій сонъ:
Съ-пудъ правойи да рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пудъ лѣвойи, съ пудъ билойи брязнувъ колоколъ *).

---

*) Звонъ колокола въ нашей народной поэзіи служитъ предвѣстникомъ чего-то особеннаго и, по большей части, печальнаго, ужаснаго. Но одной, напр., былинѣ царь, разгнѣвавшись на царицу, собирается ее постричь; былина эта начинается такъ:

Ужъ что это у насъ въ Москвѣ пріуныло,
Заунывно въ большой колоколъ звонили?

(Кир. VI, 202)

Былина про смерть Алексѣя Михайловича начинается словами:

У насъ было, братцы,... въ каменной Москвѣ
Заунывные большіе колоколы звонили;
У насъ знать-то въ каменной Москвѣ
Не здорово...

(Кир. VII, 46).

Въ сборникѣ Ричарда Джемса пѣсня о смерти Скопина-Шуйскаго тоже упоминаетъ о звонѣ колокола:

Иво что у насъ въ Москвѣ учинилося?
Съ полуночи у насъ въ колокомъ звонили.

Библиотека "Руниверс"

Побигъ же королевычъ до бабусеньки въ двиръ:
„Бабусеньку, голубонько, одгадай сей сонъ:
Съ-пудъ правойи да рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пудъ лѣвойи, съ-пудъ билойи брязнувъ колоколъ".
— Сидлай, сидлай, королевычу, вороного коня,
Бежы-жъ, бежы, королевычу, и въ день и въ ночи,
Свою мылу Марусыну на скамьи застаючи!
Й-уже жъ твоя Марусына вчора звечора сына родыла,
Й-а сёгодни у досвиту сама померла.—

Якъ осидлавъ королевычъ вороного коня,
Бежыть—бежыть и въ день и въ ночи,
Прыбегае пудъ новы ворота:
„Выйды-выйды, Марусыне, краще золота!"—
Ей не выйшла Марусына, выйшла ёго свисть,
Дай вынесла королевычу смутнесеньку висть:
— Здоровъ, здоронъ, королевычу, чужый зять—не нашъ!
Й-а вжежъ твою Марусыну давно зрадылы:
Й-ай учора Марусына сына вродыла,
А икъ свиту Марусына сама померла.—

Въ былинѣ, передающей о сверженіи съ престола Вас. Шуйскаго, читаемъ:

Ужъ на той-ли на высокой колокольнѣ
Въ большой колоколъ звонили.
Охъ, и братцы, что то у насъ дѣлается,
Ужъ не чудо-ли какое совершается?

(Кир. VII, 17).

Полетъ же сокола служитъ символомъ появленія или удаленія добраго молодца:

1) Соколонько та на вылети,
Козаченько та на выйизди.

(Сборн. Метлинск. 179).

2) Налинувъ соколъ изъ чужихъ сторонъ...
Найихавъ Ивашко изъ чужихъ силъ.

(Тр. Этн. Эксп. IV, 70).

3) Наляцѣли соколы зъ стороны...
Ужо ѣдуць козацинькы со войны.

(Зап. Р. Геогр. Общ. V, 337).

4) Ясёнъ соколъ вонъ вылётывалъ...
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ.

(Кир. VII, 12).

Библиотека "Руниверс"

Якъ й-увыйшовъ королевычъ въ свитлоньку одну,
Ажъ тамъ седять бабки-няньки, дытя колышуть:
— Ой ну люли, мале дытя, ой ну люли спать!
Уже-жъ тоби своей матеры до вику не знать.
Уже жъ тоби своей матеры треба забувать,
А вже жъ тоби, королевычу, тутъ не гостювать.—
Якъ ударыця королевычъ объ нову скамью:
„Ой Боже жъ муй мылостывый, я жъ сёго не перенесу“!
Якъ пойшовъ же королевычъ у другу нову,
Лежыть ёго Марусына на й-усю скамью;
Стоять вже тамъ попы—дяки, „надгробне“ поють,
А вже въ того королевыча дробны слёзы льлють...

Наконецъ, раздается крикъ новорожденнаго. Первымъ долгомъ бабка отрѣзываетъ у него пуповину слѣдующимъ образомъ: взявъ въ руки ленъ—прядиво, она расчесываетъ его гребнемъ; потомъ отмѣриваетъ пуповину пальца на три отъ живота и перевязываетъ ее въ этомъ мѣстѣ льномъ.

„А скульки жъ разъ заматувать?“ спрашиваетъ бабка у матери.—Завьязуйте булшъ, Богъ зъ йимы,—отвѣчаетъ измученная только-что перенесенными болями женщина, твердо вѣря, что, если пуповину перевязать больше трехъ разъ, то уже не придется рожать дѣтей. Отъ перевязаннаго мѣста бабка отмѣриваетъ пуповину еще на три пальца и отрѣзываетъ ее—у мальчика на топорѣ (чтобы изъ мальчика въ будущемъ вышелъ хорошій работникъ), а у дѣвочки на гребнѣ, „шобъ умила добре прясты“. Отрѣзаннымъ концомъ пуповины бабка крестообразно мажетъ ребенка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ при крещеніи помазываетъ муромъ, и при этомъ приговариваетъ: „Шобъ уроковъ не боялось, и всяка болизнь, и нечыстоты, и все зле-лыхе обходыло“.—Когда выйдетъ дѣтское мѣсто, то бабка прикладываетъ его трижды къ темени ребенка „шобъ не було тименого зуба“, т. е. чтобы не опадало нёбо (?).—Послѣ этого она купаетъ ребенка въ теплой водѣ. Въ этой же

Библиотека "Руниверс"

водѣ обмываетъ и дѣтское мѣсто и заворачиваетъ его въ чистую тряпочку; подъ „поломъ“, т. е. помостомъ изъ досокъ, возлѣ лѣвой стѣны отъ входа въ хату, или подъ печью выкапывается ямка; въ нее выливается эта вода и кладется мѣсто, обернутое посолонь пуповиной и обсыпанное тоже посолонь—ржаными зернами; затѣмъ бабка засыпаетъ ямку землею, приговаривая: „Шобъ усе родыло, и породиля ище дитей водыла“. Если же мать не желаетъ имѣть больше дѣтей, то мѣсто „кладеця догоры“, а пуповину заворачиваютъ и обсѣваютъ зернами противъ солнца.—Все это бабка должна продѣлать съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ малѣйшая ошибка при этомъ влечетъ за собою смерть будущихъ дѣтей женщины, у которой она „бабуе“.—Былъ случай, что бабка недостаточно глубоко закопала дѣтское мѣсто; собака отрыла и унесла его; на посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ упреки находчивая бабка отвѣтила, что тó была не собака, а вѣдьма.—Если родившееся дитя умретъ, то откапываютъ это мѣсто и разбрасываютъ его по огороду, чтобы и дѣти такъ росли, какъ растетъ трава въ огородѣ. Если и это средство не помогаетъ и слѣдующія дѣти умираютъ, то вмѣстѣ съ дѣтскимъ мѣстомъ закапываются живыми пѣтухъ и курица или же двѣ куклы изъ тряпокъ—мущина и женщина, своего рода умилостивительная жертва какому-то свирѣпому и кровожадному божеству.

Закопавъ дѣтское мѣсто, бабка наливаетъ въ „зри́зокъ“,—чанъ, покрытый сверху рядномъ, теплой воды и купаетъ въ ней „породи́лю“. Послѣ ванны матери дается водка и закуска—подкрѣпить силы. Вода, въ которой обмывалась родильница, не выливается вонъ, а разливается по „чугунамъ“, котламъ, нагрѣвается въ печи и выливается опять въ „зризокъ“ для новой ванны; такъ устраивается ванна три раза, „шобъ кости у породили роспарылысь и въ жывоти попарылось, шобъ не боливъ жывотъ и вси члены“.—Послѣ этого тройного купанья, бабка перевязываетъ животъ родильницы пенькой и укладываетъ больную въ постель, подъ которую кладется ножъ или кусокъ желѣза и ставится въ мискѣ вода, „шобъ уси уроки и зглазиньне

Библиотека "Руниверс"

на желизо шло, а не на дытя и породилю". Съ той же цѣлью, куда бы ни шла въ первое время послѣ родовъ молодая мать, она должна брать съ собой это желѣзо.

Вода изъ „зризка" выливается на слѣдующій день до восхода солнца гдѣ-либо подъ плетнемъ, гдѣ никто не ходитъ, „нышечкомъ", чтобы никто не видѣлъ и не сглазилъ. „Зризокъ" же, покрытый рядномъ, цѣлый день стоитъ возлѣ „полу", на которомъ лежитъ больная; всѣхъ молодыхъ женщинъ, навѣщающихъ больную, бабка приглашаетъ присѣсть на „зризокъ", „шобъ и тоби Богъ давъ скоро систы у „зризокъ", т. е. разрѣшиться отъ бремени, родить дитя.

Обмывъ и уложивъ въ постель родильницу, бабка съ паляницей, бутылочкой водки-сивухи и мелкой монетой (коп. 2—5) идетъ къ священнику „за молытвой". Священникъ читаетъ молитву, даетъ новорожденному имя, угощаетъ бабку рюмкой принесенной ею водки, поздравляетъ ее съ внукомъ и назначаетъ время крещенія. Бабка береть обратно бутылочку изъ-подъ водки; если же она забудетъ эту бутылочку у священника, то это служитъ примѣтой, что бабѣ скоро снова придется „бабувать" у кого-нибудь.—Имя ребенку обыкновенно дается въ честь того святого, память котораго празднуется въ этотъ день; если имя попадется неудобовыговаримое, то бабка проситъ перемѣнить его: „Ой, батюшко, дайте инше яке, а то сёго и зроду не донесу". И дѣйствительно, такіе случаи, когда баба не въ силахъ „донесты" имени и перевираетъ его до неузнаваемости, не рѣдкость, почему священникамъ и предписано давать болѣе употребительныя среди народа имена.

Пригласивъ къ женѣ бабку, мужъ беременной женщины уходитъ изъ хаты и не присутствуетъ при родахъ: присутствіе въ данномъ случаѣ мущины считается неприличнымъ, это—исключительно бабье дѣло. Существуетъ разсказъ, что бабка, не имѣя возможности оставить больную женщину съ родившимся ребенкомъ, послала къ священнику отца ребенка условиться, когда быть крестинамъ; на вопросъ священника, съ чѣмъ его поздравить—съ сыномъ или дочкой.—счастливый ро-

Библиотека "Руниверс"

дитель махнулъ только рукой: „А ей-Богу, батюшко, не знаю: я въ бабськи дила никóлы не мишаюсь“. Впрочемъ, это только анекдотъ; на самомъ же дѣлѣ, и мать и отецъ интересуются поломъ новорожденнаго, предпочитая въ большинствѣ случаевъ имѣть мальчика:

„За вамы, сыночкы, получатыму подарочки,
Тонки серпаночкы,
А за вамы, донечкы, пролыватыму слёзочкы“,

поетъ мать въ одной пѣснѣ.

П.

Послѣ возвращенія бабки отъ священника, мужъ родильницы (а если онъ въ отсутствіи, то сама бабка) идетъ приглашать кумовъ. Въ кумы приглашаются обыкновенно родственники, пользующіеся въ семьѣ почетомъ. Если же въ этой семьѣ дѣти постоянно мрутъ, то приглашаются „стриньне кумовъе“, т. е. первые встрѣчные мущина и женщина. Во всякомъ случаѣ, отношенія родителей ребенка къ кумамъ и бабкѣ устанавливаются самыя дружественныя.

№ 4. Запрежите коня вороного
Да одвезите кума молодого;
Запрежите кобылу гнидую
Да отвезите куму молодую;
Запрежите корову рябую
Да одвезите бабусю старую *).
Да колы-бъ же я знала, да колы-бъ видáла,
Хто въ мене бабусею буде,
Посадыла-бъ ïи на покути у себе
Да обсадыла-мятою кудрявою.

---

*) Въ этихъ 2 строкахъ не нужно усматривать насмѣшки надъ бабой; здѣсь скорѣе выражается заботливость: волы (вмѣсто которыхъ запрягаютъ коровъ) везутъ медленно, спокойно, что для старухи покойнѣе, чѣмъ ѣзда на быстрыхъ лошадяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Да колы-бъ же я знала, да колы-бъ вида́ла,
Хто въ мене кумомъ буде,
Посадыла-бъ у садочку у себе,
Обсадыла-бъ барвинкомъ хрещатымъ.
Да колы-бъ я знала, да колы-бъ вида́ла.
Хто въ мене кумою буде,
Хто въ мене голубкою буде,
Посадыла-бъ іи коло 'коньця въ себе,
Обсадыла-бъ іи рутою зеленою земчузною.

Кумъ и кума приходятъ съ хлѣбомъ; имъ предлагаютъ закуску. Затѣмъ бабка кладетъ дитя на вывороченный шерстью вверхъ „кожу́хъ“ (символъ богатства); кумъ беретъ ребенка и передаетъ кумѣ. Баба отрѣзываетъ „окра́ець“,—горбушку хлѣба, принесеннаго кумомъ, и даетъ кумѣ за пазуху, а куму—завернутые въ тряпочку уголь и „печунку“; идучи къ священнику, кумъ, не оглядываясь, долженъ бросить назадъ этотъ свертокъ на распутьѣ дорогъ, чтобы отогнать отъ ребенка всякую нечисть. Если родился мальчикъ, то отъ хлѣба кума, а если дѣвочка—то кумы́ отрѣзывается маленькій кусочекъ хлѣба и съ „дробко́мъ“ соли заворачивается въ пеленку. (Пеленкой для мальчика служитъ разрѣзанная рубаха отца, а для дѣвочки—рубаха матери). Этотъ хлѣбъ съ солью дается на другой день матери, чтобъ у нея былъ „по́кормъ“ (молоко].—Ребенка крестить къ священнику несетъ кума, а кумъ несетъ ему въ благодарность хлѣбъ, бутылочку водки и монету, коп. 2—5 *).

Когда кумы уйдутъ къ священнику (а иногда по возвращеніи ихъ домой), устраиваются *„злывки“*. Этотъ обрядъ очищенія родильницы производится слѣдующимъ образомъ. Бабка беретъ „непоча́ту воду“ изъ ведра, изъ котораго не бралъ еще никто воды, наливаетъ ею миску до краевъ (вообще все, что ни наливается, наливается до краевъ, чтобы у родильницы

*) Такое вознагражденіе священнику давалось года полтора назадъ, когда собирался данный матеріалъ; какое дается теперь, не знаю.

Библиотека "Руниверс"

было много „покорму“); въ миску съ водой она кладетъ ягоды калины («шобъ породиля була здорова и красыва») и зерна овса (символъ богатства). На полу, какъ разъ подъ «трáмомъ» (сволокъ на потолкѣ), бабка кладетъ на-крестъ топоръ и косу, или, чаще, топоръ и книгу (если ребенокъ мужскаго пола] и серпъ и гребень (если родилась дѣвочка), приговаривая въ первомъ случаѣ: «Шобъ дрова рубавъ и книжку чытавъ», а во второмъ: „Шобъ хлибъ жала и на сорочку пряла“. Затѣмъ подводятъ родильницу. Правой ногой она становится на лежащіе на землѣ топоръ или гребень; бабка себѣ и „породили“ закатываетъ по локти рукава и становится передъ больной, поднявъ вверхъ миску съ водой, калиной и овсомъ. Родильница правой рукой набираетъ изъ миски воды съ зернами и ягодами и спускаетъ ее себѣ по рукѣ, а лѣвой—подхватываетъ подъ локтемъ текущую воду и пьетъ ее; такъ повторяется три раза. Затѣмъ она трижды набираетъ воду лѣвой рукой, а правой подхватываетъ и пьетъ. Послѣ этого бабка мочитъ свою правую руку въ водѣ и „тыловóй“—обратной стороной руки мажетъ родильницу по лицу, приговаривая: „Омываю (очыщаю) свою руку, а твою душу“. Всѣ женщины, присутствующія при родахъ, моютъ себѣ въ этой водѣ руки. Родильница съ четырехъ краевъ миски (крестообразно) пьетъ три раза воду, а затѣмъ вода съ ягодами льется понемногу за рубаху на спину сперва „породили“, а потомъ всѣмъ находящимся въ хатѣ молодымъ женщинамъ, чтобы и у нихъ рождались дѣти; кому хочется мальчика, той за спину бросаютъ овесъ, а если кто хочетъ имѣть дѣвочку,—то калину.

Послѣ „злывокъ“ баба садится за столъ. Родильница подноситъ ей въ подарокъ 7 паляницъ и ситцу на юбку и угощаетъ водкой со словами: „Благодару вамъ, бабусю, що вы потрудылыся коло мене“. Бабка беретъ рюмку съ водкой и отвѣчаетъ: „Благодару вамъ; шобъ породиля здорова була, и онукъ щаслывый рýсъ, а щобъ уси дождалы ёго женыть и за нымъ подаркы получать“. Угостивъ бабку, родильница ложится въ постель. Свой подарокъ баба ставитъ на „прыпечокъ“; на-

Библиотека "Руниверс"

ходящіяся въ хатѣ женщины проворно крадутъ его: „Ось подывысь, бабо, де твоя юбка? Колы хочъ, выкупáй, а то продамо, або понесемъ—заставымо“. Баба обѣщаетъ дать потомъ выкупъ.—

Тѣмъ временемъ возвращаются кумы съ окрещеннымъ ребенкомъ. Ихъ усаживаютъ за столъ, при чемъ ребенокъ находится на рукахъ у кумы, даютъ закусить—паляницу, сметану, жареную рыбу или курицу, борщъ и кашу. Послѣ закуски кумы подносятъ ребенка къ матери и отдаютъ ей со словами: „У васъ бралы рожденне, а вамъ прынеслы хрыщенне“.

Сейчасъ же послѣ родовъ баба печетъ паляницы и намѣчаетъ первую посаженную въ печь. Эту паляницу бабка кладетъ родильницѣ за пазуху подъ правую руку. Взявъ затѣмъ отъ кумы ребенка, мать кладетъ его къ себѣ головкой на правую руку и начинаетъ кормить правой грудью. До крещенія ребенка не кормятъ. Но прежде, чѣмъ дать ребенку грудь, ему суютъ въ ротъ соску—натертаго бурака, смѣшаннаго съ пескомъ и завернутаго въ тряпочку,—это для того, чтобы дитя было „непрывередлыве“ и не болѣло грыжей.

Узнавъ о возвращеніи отъ священника кумовъ, родственники и сосѣди собираются „на хрестúны“. При этомъ женщины несутъ въ подарокъ родильницѣ гречневые или ржаные вареники—въ скоромные дни съ сыромъ и примазанные сметаною, а въ постъ—съ капустой, намазавъ ихъ постнымъ масломъ, съ сушеными грушами, и тогда такіе вареники обмазываются медомъ.—„Якъ варенык ъ повный, шобъ така була породиля; шо выйшло зъ еи, то́ шобъ наповнылось“. Больная должна обязательно отвѣдать хоть понемногу всего, что ей ни приносятъ гости. А кромѣ варениковъ, ей несутъ еще гречневыхъ блиновъ, паляницы, куски хлѣба, жареную курицу, свѣжую рыбу, сельдь, тарань, чехоню, медъ въ сотахъ или патоку, круто сваренныя яйца, колбасу, сало, крупъ на кашу, фрукты... однимъ словомъ что́ подходящаго найдется въ хозяйствѣ. Съ своей стороны, „породиля частуе“ — угощаетъ приходящихъ водкой, пьетъ сама и закусываетъ вмѣстѣ съ гостями тѣмъ,

Библиотека "Руниверс"

что́ принесено ими. Всю эту снѣдь нужно поѣсть въ теченіе нѣсколькихъ дней, не откладывая ничего сохнуть въ запасъ, чтобы дитя и сама родильница не сохли.

Кумовъ и собравшихся гостей бабка приглашаетъ за столъ. Затѣмъ она подноситъ сперва матери, а потомъ каждому изъ гостей по рюмкѣ водки, настоянной на „калгану“ [1]), “мушты-ковуй голки“ [2]), „кальцыби“ [3], и „семибратнюй крови“ [4]). Выпивъ рюмку этой настойки, мать „дякуе“ бабѣ и кумамъ: „спасыби, шо потрудылысь дытя у Божый законъ увесты“. На столъ подается закуска—сметана, вареныя яйца, картофель, мясо, а въ постное время—соленая и свѣжая рыба. Послѣ закуски бабка подноситъ на тарелкѣ въ рюмкѣ „варену́хи“ (вареная на фруктахъ и меду водка) родильницѣ и гостямъ. Гости, съ своей стороны, кладутъ на тарелку по мелкой монетѣ (1—2 коп.); если у кого не окажется денегъ, тотъ обѣщаетъ зайти когда-либо „поколыха́ть“ дитя. Эти деньги бабка вытряхиваетъ родильницѣ за пазуху. Когда въ первый, послѣ этого, разъ купаютъ дитя, то въ воду для купанья кладутъ обручальныя кольца и эти деньги, чтобы у ребенка не было „жовтяныци“. — Послѣ закуски женщины усаживаютъ бабку въ ночовки, на борону, или просто на хворостъ и съ пѣснями и громкимъ смѣхомъ везутъ ее въ шинокъ „*замочыть конець*“ и дать обѣщанный выкупъ за украденный у нея подарокъ. Баба покупаетъ имъ полъ кварты водки; въ свою очередь, и собравшіяся женщины покупаютъ столько-же. Распивъ водку, онѣ расходятся по домамъ, а бабка возвращается къ родильницѣ ночевать. По дорогѣ въ шинокъ и въ самомъ кабакѣ женщины поютъ пѣсни, по содержанію подходящія сколько-нибудь къ данному случаю; а если такихъ не знаютъ, то поютъ «абы-якихъ». Кромѣ приведенныхъ выше (№ 1—4) пѣсенъ, поютъ, напр., еще такія:

---

[1]) „Калганъ“—radix galangae.

[2]) „Муштыкова голка“—мускатный орѣхъ.

[3]) „Кальцыба“ или „кыльчыба“—чилибуха, nux vomica, semen strychni.

[4]) „Семибр. кровъ“ (sanguis drakonis?) —красноватый камень, порошокъ котораго всыпается въ водку.

Библиотека "Руниверс"

№ 5. Ой задумавъ старый дидъ
Въ середу женыться.
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Въ середу женыться.

Якъ старую жу́нку взять
Не буде робыты;
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Не буде робыты *)
Молодую жу́нку взять,—
Не буде любыты.
«Скажи мини, молода,
Яка въ мене борода»?
—Що у тебе старый дидъ,
Козлиная борода.—
„Скажи мыни молода,
Яка въ мене похода!?“
—Що у тебе, старый дидъ,
Собачая походá.—
«Скажи мини, молода,
Яка у мене йида?»
«Шо у тебе старый дидъ,
Кошачая йида.—
Якъ пойихавъ старый дидъ
У городъ до торгу;
Якъ купывъ старый дидъ
Плетену нагайку;
Якъ прыйихавъ старый дидъ
Изъ торгу додому,
Якъ ударыть молоду
По шырокому зади́:
„Скажи мыни молода,
Яка въ мене борода?“
— Шо у тебе, старый дидъ

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

Библиотека "Руниверс"

Шовковая борода.—
„Скажы мыни, молода,
Яка въ мене похода?“
— Шо у тебе, старый дидъ,
Охвыцерська похода.—
„Скажи мыни, молода,
Якая въ мене йида?“
— Шо у тебе, старый дидъ
Генеральская йида.—

№ 6. (Варіантъ; припѣвъ тотъ же).
Якъ задумавъ старый дидъ
Та въ осень женыться
„А скажы же, молода,
Яка въ дида борода?“
— А въ старого старыка
Козлыная борода, [2]
Медвежая похода, [2]
Совыныйи очи, [2]
Недобри для ночы.—
Якъ пойихавъ старычокъ
Та на ярмалочокъ,
Та й купывъ старычокъ
Та реминный батожокъ.
„А скажы же, молода,
Яка въ дида борода?“
— А въ старого старыка
Шовковая борода, [2]
Паньская похода, [2]
Соловъины очи [2]
Добрыйи для ночы.—
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Добрыйи для ночы.—

Библиотека "Руниверс"

№ 7. Колы-бъ мыни, Господы, недили дождаты,
Сюды-туды, ёнъ куды, недили дождаты *)
То-бъ пошла я до-роду гуляты.
А у мене увесь ру́дъ багатый,
Будутъ мене часто частоваты.
— Частуй мене, му́й роду богатый,
А я буду до дна выпываты.—
Ой пойду я додому хутенько
Пу́дъ нове окошко, що му́й мылый робыть?
Шо свекруха варенычки варыть,
А свекорко дубыночку парыть:
— Ой парься, парься, сыра́я дубына,
Шобъ розсилась у невистки спи́на.—
А мый мылый дытыну колыше,
На дытыну важкимъ духомъ дыше:
— Ой ну, мале дытя мое, спаты!
Нехай въ роду погуляе маты.—

№ 8. И лидъ трещыть, и вода плющыть:
Шо кумъ до кумы судака тащыть,
— И кумко моя, и голубко моя,
Звары мени судака, щобъ и юшка була
И юшечка, и петрушечка.
Кума моя, кума моя, кума душечка!—
Я до тебе, кума мои́, не гулять прышла:
Я до тебе, кума моя, роботать прышла
Изъ дныщечкомъ, зъ гребеныщечкомъ.
Напъемося горилочки соби ныщечкомъ,
Захылывшись у куточокъ,
По симъ чарокъ у роточокъ,
Шобъ и люде не зналы,
Пъяныцямы не звалы.

---

*) Припѣвъ за каждой строкой.

Библиотека "Руниверс"

Хылю—хылю не тече,
Коло сердця пече.

№ 9. Козакъ коня наповавъ
Дивка воду брала;
Козакъ писню заспивавъ
Дивка танцёвала.
И гыдкый, и брыдкый,
И малаго росту;
Ой пойду жъ я утоплюся
Зъ высокаго мосту.
Я не сама пряла,
Кума помогала;
Дала я юй мыску крупъ
Ще й два кускы сала.
И гыдкый и т. д.

№ 10. Саду муй, саду, да зеленый виноградъ!
И-ай въ тому саду да груша стояла;
Саду муй, саду, да зеленый виноградъ! *)
А пудъ грушою кроватка стояла,
А на кровати перына лежала,
И-а на туй перыни продиля сыдила,
Продиля седила, сынки сповывала,
Сынки сповывала, до донечокъ та размовляла:
„За вамы, сыночки, да болять спыночки,
А за вамы донечки, та болиты животочки;
За вамы, сыночки, получатыму подарочки,
Тонки серпаночки,
А за вамы, донечки, пролыватыму слёзочки“.
Саду муй, саду, да зеленый виноградъ.

№ 11. Що нашая да Ганночка крамарка була,
Крамарка була,

*) Припѣвъ этотъ повторяется за каждой строкой

Библиотека "Руниверс"

Та напъяла шатро въ кутку на полу,
Въ кутку на полу, [1])
Посадыла мужа та й торговаты;
Прыйшлы купци да й куповаты;
Дають юй сто коныковъ, вона не ʻддае;
Дають юй сто волыковъ, дакъ не продае;
Дають юй сто рублику́въ, вона не бере:
— Мени зъ вашымы коныками не водыться,
Мени зъ вашыми волыкамы не глядиться,
Мени зъ тымы грошыма не носыться,
А мени му́й мужъ у до́му усегда знадобыться:
И дровець нарубае, [2])
И скипочекъ наскипае,
И засвитымо лучыночку,
Подывымось на дытыночку,
Й-у кого удалося: (2)
Ай чы й-у попа,
Ай чы й-у дяка,
Й-а чы й-у того коломійця, коломійця,
Чы въ нашого Иваночка чорнобрывця, чорнобрывця?

№ 12. Ишовъ кумъ городо́мъ,
Кума й-улыцею;
Тресе кумъ петухомъ,
Кума курецею.

№ 13. Й-а въ городи шарвелокъ [3]),
За городомъ ярмолокъ.
Дидъ бабу продае,—
Нихто грошей не дае.

---

[1]) Повторяется послѣднее полустишіе

[2]) При этихъ словахъ хлопаютъ въ ладоши и приплясываютъ.

[3]) „Гомонъ"

Библиотека "Руниверс"

«Дидусенько, ты сывал борода,
Чомъ ты мене не продавъ,
Якъ я була молода?»
— Бабусенько, ты сирая утко,
Тымъ я тебе не продавъ,
Що пóралась хутко.—
Й-узявъ дидъ бабусеньку
За хорошу вроду,
Да повъювъ бабу пудъ мостокъ,
Та й пыхорнувъ въ воду:
— Отутъ, бабо, кайся,
Отутъ покупайся,
Отутъ вода бегучая,
Отутъ, бабо лаючая,
Отутъ назвычайся!—
Чы бабуся вырне,
То дидъ кіемъ пырне:
— Отутъ, бабо, кайся
Отутъ, покупайся,
Отутъ вода бегучая,
Отутъ, бабо лаючая,
Отутъ назвычайся!—
Поты баба булькотала,
Покы тамъ и пропала.
Иде дидъ изъ бережка
Да въ долошки плеще:
— Якъ дасть Бугъ здоровъячка,
Оженюся йще!—

Если дитя родилось отъ „покрытки“, т. е. не бывшей замужемъ, то поютъ слѣд. еще пѣсни:

№ 14. (По словамъ разскащицы, эта пѣсня длинная, но она помнитъ только начало ея).

Ой нещасны ты подружки,
Що пойилы тыйи грушки;

Библиотека "Руниверс"

Було двое, стало трое.
Шира драла за яромъ!— (при этомъ припѣвѣ танцуютъ)...

№ 15. Було лито, було лито, да й стала зима.
Молодая Марусенька родыла дытя,
А вродывшы и сповывши, на Дунай несла:
„Плывы—плывы, мале дытя, изъ утятамы,
А я пойду погуляю изъ дивчатамы;
Плывы—плывы, мале дытя, изъ окунцямы,
А я пойду погуляю изъ молодцямы;
Плывы—плывы, мале дытя, якъ сызе перо,
А я пойду погуляю, якъ сёго й не було".
Молодыйи рыбалочки рыбу ловылы,
Не поймалы щуки-рыбы, поймалы лына,
Роздывылысь—розсмотрилысь,—ажъ мале дытя.
Ударылы рыбалочки въ большой колоколъ:
— Собырайтеся, дивчаточки, буде переборъ!—
Уси дивки, уси дивки зачесаны йдуть,
На свойихъ же голувочкахъ веночки несуть *).
Молодая Марусенька не зачесана йде,
На своюй же голувоньки венка не несе:
„Ой я вчора извечора пъяная була,
Ой на свою голувоньку венка не звыла.
Ой е въ тебе, моя матюнко, ище й дома пъять,
Не пускай же ихъ, матюнки на вечурки гулять,
Бо чужы батько, чужа маты **) кладуть доли спать
Коло кажнойи дивчыноньки женыхувъ по пъять;
Не 'дхрестытыся, не 'дмолытыся, — треба зъ нымы лягать.

---

*) Вѣнокъ—символъ невинности. Дѣвушки только до замужества, а „покрытки" до рожденія ребенка носятъ косы, а потомъ волоса подбираютъ подъ „очипокъ".

**) Женщина, у которой собираются на вечерницы, назыв. „вечорныча маты'

Було жъ насъ тамъ на вечорныцяхъ усихъ подругъ симъ;
Не дывуйтыся мыни одный,—се буде усимъ!"

Возвратясь изъ шинку къ родильницѣ, бабка отрѣзываетъ „окраець" хлѣба, привязываетъ его къ шнуру и опускаетъ на ночь въ колодецъ, приговаривая при этомъ: „Якъ у колодези вода прыбувае, такъ шобъ покормъ прыбувавъ у грудяхъ". На слѣдующій день больная, если въ силахъ будетъ подняться, идетъ рано къ колодцу, пока еще никто не бралъ изъ него воды; подходя къ нему, она произноситъ: „Добрыдень, колодець Романе, а вода Уляно! прышла я до тебе воды браты, тебе поздоровляты; якъ вода здорова, шобъ и я була такъ здорова; якъ вода прыбувае, такъ шобъ у мене покормъ прыбувавъ". Затѣмъ набираетъ „непочатойи" воды и пьетъ. Если же родильница не можетъ продѣлать сама всего этого, то бабка рано утромъ приноситъ изъ колодца „непочатойи" воды вмѣстѣ съ опущеннымъ наканунѣ кускомъ хлѣба; воду она наливаетъ въ горшочекъ и даетъ пить больной; ту же воду, которая капаетъ съ хлѣба, собираетъ въ миску. Выпивъ воду, родильница закусываетъ хлѣбомъ, вынутымъ изъ колодца, и паляницею, что наканунѣ была у нея подъ рукою, а бабка приговариваетъ при этомъ: „Господы, благословы хлибъ йисты и воду пыты, шобъ здоровой буть; якъ у колодези вода прыбувае, шобъ у тебе въ грудяхъ такъ покормъ прыбувавъ".—Затѣмъ купаютъ дитя. Воду послѣ купанья бабка выноситъ во дворъ и выливаетъ на дубовый колъ: „шобъ здорове росло, якъ колокъ дубовый."—

Бабка навѣщаетъ больную въ теченіе 7 дней и приноситъ ей чего-либо „снидать": паляницу, блиновъ, варениковъ, сметаны... Въ свою очередь, и хозяева „шануютъ" бабу, какъ могутъ лучше.

Первые два дня ребенокъ лежитъ возлѣ матери; только на третій день его кладутъ „у люльку". Эта „люлька", или „ко-

Библиотека "Руниверс"

лыска“ незатѣйлива по своему устройству: четырехугольная деревяная рама переплетается снизу крѣпкой веревочкой; по угламъ привязываются 4 веревки, которыя другимъ своимъ концомъ прикрѣпляются къ деревянному крюку; къ „траму“ привязывается веревочка, за которую и цѣпляется этотъ крюкъ; сбоку колыски привѣшивается веревочка—„почéпка“, при помощи которой и качаютъ ногой люльку.—

Прежде чѣмъ положить въ колыску дитя, баба кладетъ въ нее кота, „шобъ дыття спало, якъ кýтъ“, „на кота гуркóта, а на дытыну дремóта“; покачавши кота, она выбрасываетъ, креститъ колиску, кладетъ въ нее дитя и закачиваетъ его, напѣвая „кота“.

№ 16. Ой ты, коте, коте нашъ!
Чы вмiешъ ты „оченашъ“?
Ой я вмiю краще васъ,
Бо я въ попа ночувавъ.
„Очынашу“ перенявъ.—

Затѣмъ бабку смѣняетъ мать. Сидя на „полу“, она прядетъ, а ногой качаетъ дитя въ колыскѣ. Ребенокъ такъ привыкаетъ къ подобному укачиванію, что, если мать прерветъ качаніе, то онъ просыпается и кричитъ, пока снова не начнутъ его качать. Когда нужно кормить дитя, мать не беретъ его на руки, а наклоняется надъ колыской, а затѣмъ снова усаживается за свою пряжу, напѣвая монотоннымъ голосомъ „кота“:

№ 17. Ты коте, коте нашъ!
Чи вмiешъ ты „оченашъ“?
А я вмiю краще васъ;
Хоть у школи не бувавъ,—
Пýдъ школою полежавъ,
Весь „оченашъ“ перенявъ,
Лыстоньки пысаты,
Малу дытыну колыхаты,
Гарного „котка“ спиваты.—

Библиотека "Руниверс"

№ 18. Ты, коточокъ, не ходы,
Малойи дытыны не збуды;
Мале дытя буде спаты,
А я буду колыхаты,
Щасте-долю посылаты,
Ростоньки въ костоньки,
Здоровъечко въ сердечко,
Добрый розумъ въ голувоньку
На малую дытыноньку,
Щобъ воно спало, не болило,
На голу́воньку здоровило,
Часто спаточки хотило.

№ 19. Ишла вдова долыною
Зъ маленькою дытыною.
Сила вдова оддыхаты;
Колы-жъ иде тры бурлаки.
Одынъ каже: убъемъ вдову!
Другый каже: ще й дытыну;
Трейтій каже: не вбъемъ вдовы,
Маленькойи дытыны;
Ходимо въ лисочокъ,
Зрубаемъ дубочокъ,
Зробымо колысочку,
Положимо дытыночку;
Витеръ повине,—поколыхне;
Ру́ска впаде,—погодуе;
Дощыкъ крапне,—напойить.—

№ 20 (варіантъ № 19)...
Третій каже: не займайте;
Мы пу́йдемо у лисочокъ
И вырубаемъ лыщыночку,

Библиотека "Руниверс"

Зробымо колысочку,
Повисымо на дубочку,
Положимо дытыночку.
Витрыкъ повіе,—поколыше;
Сонечко вгріе,—пожалуе;
Роса впаде,—погодуе;
Дощыкъ зыде,—покупае;
Маты Божа наблюдае.—

№ 21. Ой ну люли, люли!
Налетилы гули;
Посилы на люли,
Сталы думать и гадать,
Чымъ дытынку годовать:
Чы кашкою, чы молочкомъ;
Чы пшенычнымъ пырожкомъ?
Кашкою годоваты,
А молочкомъ наповаты,
Бублычкомъ годоваты.

№ 22. Ой ну люли, коточокъ!
Заховався въ куточокъ
Одъ маленькихъ диточокъ.
Пошла кыця по водыцю,
Впала кыця у крыныцю.
Пошовъ котокъ ратоваты;
Вытягъ кыцю за ушко,
Посадывъ кыцю на сушко:
— Седы, кыця, покы обсохнешъ,
А я пиду на мисто,
Куплю тоби намысто;
Я побежу на села;
Седы, кыцю, весела.—

Библиотека "Руниверс"

№ 23 (Варіантъ № 22)

Пошла кыця по водыцю
Та й-упала у крыныцю.
Пошовъ котокъ ратуваты,
Та взявъ кыцю за ухо
Та й посадывъ на сухо;
Взявъ котокъ за ужыцю
Та й посадывъ на полыцю:
Седы, кыця, весела,
А я пойду на села
Хлиба добуваты,
Дитей годуваты.—

№ 24. Ой ну люли, коте—котынку!
Та выоремъ нывку
Та посіемъ матерынку;
Матерынку будемъ рвать,
Малу дытынку колыхать;
Мала дытынка буде спать.
Заколыхавши та свою дытынку,
Побижу я на часынку;
На часъ, на часъ, на часочокъ
Пошла въ вышневый садочокъ,
Чую своей дытыны голосочокъ.

№ 25. Пошовъ котокъ на торжокъ,
Купывъ соби кожушокъ;
Треба съ котка зняты
Та дытыни даты,
Щобъ тепленько спаты.
Та пошовъ котыкъ по сино,
Тамъ ёго лыхо насило,
А кýшечку трясьця,
А дытыни щастя.

Библиотека "Руниверс"

№ 26. Ой ну люли, коте сирый,
Да не ходы по-задвурью,
Да не ходы коло хаты,
Да не ходы волохатый,
Та не збуды та дытяты;
Мале дытя буде спать;
Ёму не горя, не нужды знать.

№ 27. Ой ну люли, коточокъ
Укравъ у Васи платочокъ,
Побигъ Вася наганять;
Нагнавъ котка у бору.
Прынýсъ ёго до дому,
Посадывъ котка на мосту,
Ставъ котка быты по хвосту,
Посадывъ котка на лавци,
Ставъ котка быты по лапци:
Оце тоби, коточокъ,
За те, що вкравъ у мене платочокъ.

№ 28. Быты котка, быты,
Не на лыхо вчыты,
Щобъ не вчывся гарилочки пыты,
Вчывся дилечка робыты—
Черевычки шыты,
Платьечко попраты,
Постильку послаты,
Дытыну колыхаты,
Гарного „котка“ спиваты.

Библиотека "Руниверс"

№ 29. Ой ну люли да люлечки!
Шовковыйи да верёвочки,
А новая колысочка.
Спыть малая дытыночка.—

№ 30. Ой ну люли, коточокъ;
Не полохай диточокъ;
Малы дитки будутъ спаты,
А я буду колыхаты.—

Тихо, монотонно тянется колыбельная пѣснь одна за другой; спокойно спитъ подъ нее ребенокъ, а мысль матери, ничѣмъ не отрываемая, несется на крыльяхъ впередъ, стараясь сквозь темную завѣсу разсмотрѣть будущее своего «любого Йванка». Припоминаются тутъ молодой матери разныя примѣты, по которымъ пожилыя женщины учили ее узнавать будущую судьбу и характеръ ребенка: если дитя громко кричитъ, то нечего бояться за него: оно выростетъ и будетъ здоровымъ, добрымъ человѣкомъ; плохо вотъ, если дитя тихо, болѣзненно «нявчы́ть»: не долго протянетъ такой хилый ребенокъ, а если и выживетъ, то не на радость ему будетъ жизнь, не въ силахъ будетъ такой человѣкъ справиться съ тяжелой мужицкой работой; если дитя вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ водитъ глазами, оно скоро умретъ; та-же участь грозитъ ребенку, у котораго на нёбѣ не оказалось бугорка (?), или у котораго въ глазахъ возлѣ переносья нѣтъ разрѣза (?) *); если дитя сжимаетъ кулачки, изъ него выйдетъ скупой человѣкъ; если же оно разжимаетъ пальчики, то будетъ щедрымъ и любимымъ всѣми за свою тароватость; если мать желаетъ, чтобы всѣ любили ея ребенка, то она должна почаще цѣловать его... А въ общемъ—по одному шаблону тянется жизнь нашего просто-

*) Послѣднія двѣ примѣты не совсѣмъ понятны; лично мы не могли провѣрить, дѣйствительно-ли даже существуютъ эти непонятныя примѣты.

Библиотека "Руниверс"

людина—селянина. Лѣтъ до 2—3 съ нимъ няньчатся; лѣтъ съ 5 мальчикъ становится пастушкомъ; сперва у себя въ огородѣ осенью и весною пасетъ гусей и телятъ; потомъ гонитъ ихъ въ поле «на стерну»; лѣтъ съ 8 онъ уже верхомъ несется въ лѣсъ «на ночлиги»; затѣмъ—хожденіе въ школу, разныя работы по хозяйству, а тамъ, лѣтъ съ 18, пора и о женитьбѣ и о собственномъ хозяйствѣ думать, если только не грозитъ рекрутчина.—Дѣвочка тоже, едва минетъ ей лѣтъ пять, становится помощницей матери: днемъ на ея руки сдаются всѣ меньшія ребята—ея братья и сестры; серьезно, заботливо сдвинувъ брови, тащитъ эта нянька передъ собою своего братишку-карапузика, суетъ ему соску въ ротъ, чтобы унять его плачъ; наконецъ, надоѣстъ ей возиться съ плаксуномъ; посадитъ она его гдѣ-либо подъ плетнемъ, а сама съ такими же няньками—подругами садится играть «у куклы» либо «въ кремъяхи», не замѣчая, что ввѣренное ея попеченію дитя совершенно мокро и успѣло уже набить себѣ ротъ пескомъ и всякою дрянью. Вечеромъ мать, возвратившись съ полевой работы, укладываетъ ребенка спать, а свою дочь—подростка посылаетъ въ огородъ «нарвать зильля, бо вже незабаромъ и свыни попрыбегаютъ съ пашы, дакъ шобъ було чымъ погодовать ихъ».

Подростетъ дѣвочка, и ее посылаютъ въ школу, если только позволяютъ домашнія обстоятельства, т. е. если есть въ семьѣ кому и безъ нея няньчиться съ ребятами. Потомъ идетъ она въ «наймычки», служыть по людяхъ, зароблять соби на прыданее», а тамъ, глядишь, и заневѣстилась и своей семьей обзавелась.—

Едва окончились „родыны“ и „хрестыны“, пора думать и о подаркахъ родственникамъ мужа: свекру въ подарокъ дается коленкоръ на рубаху, свекрухѣ—темный ситецъ на юбку, а замужнимъ ятровкамъ—ситецъ на „очипки“.—

Въ ближайшее послѣ родовъ воскресенье бабка несетъ ребенка въ церковь пріобщать. Изъ тѣхъ денегъ, что гости надавали на крестинахъ, баба даетъ коп. 2—3 священнику „на часточку“—помолиться о здравіи новорожденнаго.

Библиотека "Руниверс"

По истеченіи 6-недѣльнаго срока, родильница идетъ съ ребенкомъ и бабкой въ церковь „уводыться“, послѣ чего приглашаетъ бабу къ себѣ на обѣдъ.—На Рождественскіе или свѣтлые праздники (смотря по тому какіе ближе) на второй день родильница съ мужемъ и ребенкомъ несетъ бабѣ „пироги“, мужъ несетъ въ „хусткѣ“ 7 паляницъ въ подарокъ бабѣ; баба приглашаетъ къ себѣ своихъ пріятельницъ, и цѣлый день идетъ пированіе. И затѣмъ уже постоянно, изъ года въ годъ, на второй день Рождества и Пасхи родители новорожденнаго ходятъ въ гости къ бабкѣ, нося ей въ подарокъ зимой паляницу и колбасу, а весной—пасху и двѣ крашанки. Бабка отдариваетъ своихъ „унуковъ“ подобнымъ же подаркомъ.

Если дитя умретъ, то его родители каждую поминальную субботу *), идучи въ церковь, заносятъ бабѣ паляницу, а послѣ служенія снова заходятъ къ бабкѣ, и та угощаетъ ихъ; но это угощеніе не имѣетъ уже такого веселаго характера, какъ первое.

„Пироги“ родители ребенка несутъ также куму и кумѣ. Сперва идутъ они къ куму и несутъ ему въ подарокъ 7 паляницъ и шапку, или поясъ, или на жилетъ матеріи. Кумѣ въ подарокъ, кромѣ тѣхъ же 7 паляницъ, даютъ платокъ или матеріи на карсетку. Собственно „пирогамы“ называются 6 паляницъ и подарокъ; все это вмѣстѣ завязывается въ „хустку“; седьмую же паляницу отецъ ребенка несетъ подъ рукой; это—„гостынець“. Придя въ хату, гости ставятъ на столъ и „пироги“, и „гостынець“. Хозяева угощаютъ гостей и, въ свою очередь, даютъ имъ паляницу, когда тѣ уходятъ домой.—

Если въ семьѣ умираютъ постоянно дѣти, то мать, желая спасти отъ смерти новорожденнаго ребенка, „запродуе“ его. Эта продажа производится такъ. Когда ребенокъ заболѣетъ и напуганная уже смертью другихъ дѣтей своихъ мать въ страхѣ плачетъ возлѣ больного, къ ней приходитъ одна изъ ея род-

*) А ихъ въ году 4.

Библиотека "Руниверс"

ственницъ или сосѣдокъ, у которой дѣти всѣ живы, и предлагаетъ: „дай, я его закуплю, щобъ на мое щасте выросло“; мать съ радостью соглашается и обѣщаетъ ей подарокъ, если дитя выздоровѣетъ. Гостья снимаетъ съ себя крестикъ и надѣваетъ на ребенка со словами: „шобъ Богъ давъ, на мое щасте ты вырóсъ, батьку и матеры на утиху, а мыни на хорошу славу“. Когда ребенокъ выздоровѣетъ, она приноситъ крыжмо ребенку на рубаху. Родители этого ребенка считаютъ послѣ этого ее своею кумою и несутъ ей „пироги“.

А. Малинка.

Библиотека "Руниверс"

ПЕРВЫЯ ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВѢ.[1]

Вопросъ о просвѣщеніи народныхъ массъ есть основной вопросъ въ жизни каждой страны и каждой націи. Среди людей всѣхъ партій, всѣхъ сословій и соціальныхъ положеній, какъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и среди частныхъ лицъ, есть иниціаторы и горячіе сторонники народнаго образованія. Одно изъ видныхъ мѣстъ въ этомъ движеніи, знаменующемъ духъ нашего вѣка, принадлежитъ *воскреснымъ* школамъ. Впервые онѣ возникли на западѣ болѣе трехъ столѣтій тому назадъ, но носили конфессіональный, церковный характеръ. Особенно покровительствовалъ такимъ школамъ Лютеръ. Общеобразовательный же характеръ воскресныя школы получили въ Англіи лишь въ концѣ XVIII в. Теперь, по вычисленіямъ Эдварда Лонгооста, секретаря всемірнаго Копенгагенскаго съѣзда представителей воскресныхъ школъ, ихъ въ 1890 году на всемъ земномъ шарѣ насчитывалось около милліона съ 20 мил. учащихся и 2 мил. учащихъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ 100 т. воскресныхъ школъ; въ Финляндіи болѣе 5 т. и, чтобы въ количествѣ подобныхъ школъ не отстать отъ этой страны, Россія должна бы имѣть 200 т. воскресныхъ школъ, но въ удѣлъ нашего народа ихъ

---

[1]) Матеріаломъ для этой статьи служатъ рукописи покойнаго И. И. Слѣпушкина, „Основа“, „Народ. Чтенія“, „К. Телеграфъ“, Соч. Пирогова и нѣкот. др.

Библиотека "Руниверс"

приходится не болѣе 1500. Въ Остзейскомъ краѣ были воскресныя школы съ 20-хъ годовъ нашего вѣка благодаря Библ. Общ. Но эти школы, какъ и частная школа Шпилевской въ Петербургѣ, открытая въ апрѣлѣ 1859 года, по характеру своему существенно отличается отъ нынѣ существующаго типа воскресныхъ школъ.

Первыя въ Россіи воскресныя школы образовательнаго характера возникли въ Кіевѣ 11 окт. 1859 года. Это было время созрѣвавшихъ и совершавшихся реформъ. Всѣ сферы общественной жизни были призваны къ самодѣятельности и готовились къ лучшему будущему. 23 мил. крестьянъ—темнаго крѣпостного люду—ждали воли. Правительство, освобождая ихъ изъ-подъ опеки помѣщичьей власти, признало за ними свободу человѣческой личности и указало широкое поле новой общественной дѣятельности. Крестьянинъ теперь долженъ былъ явиться не только самостоятельною единицею въ государствѣ, но и общественнымъ дѣятелемъ—засѣдать въ волостномъ судѣ въ качествѣ судьи и въ окружномъ—въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, въ земствѣ и на сходѣ рѣшать вопросы о школахъ, больницахъ, дорогахъ, о раскладкѣ налоговъ, о призрѣніи бѣдныхъ, о продовольствіи населенія, въ качествѣ старосты и старшины слѣдить за общественнымъ порядкомъ и творить расправу.

Высшіе классы, стоявшіе на высотѣ европейскаго образованія, сознавали всю глубину пропасти между собою и неграмотнымъ людомъ, пропасти, обусловленной взаимнымъ отчужденіемъ. Прошлое было темно и страшно. Всѣ ждали спасенія въ будущемъ, спѣшили къ новой жизни.

Но, чтобы мѣры правительства не остались только *реформой*, чтобы проникли глубоко и радикально измѣнили направленіе и ходъ русской жизни, надо было сдѣлать народную массу способною воспринять ту великую реформу, которая совершалась въ интересахъ этой массы. Единственный путь была грамотность. Опытъ всей Европы, ея статистическія изслѣдованія показали, что преступленіе, самая крайняя безнравственность и невѣжество всегда идутъ рука объ руку.

Библиотека "Руниверс"

„Кто знаетъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ половина изъ тѣхъ, которые теперь содержатся въ нашихъ тюрьмахъ, могли бы пользоваться свободой; болѣе чѣмъ половина изъ сосланныхъ на каторгу могли бы добросовѣстно служить своей странѣ, еслибъ государство употребило на образованіе ихъ хотя малую долю того, что растратило на преслѣдованіе воровъ"—говоритъ Маколей. И правительство, и общество сознавало, что просвѣщеніе есть единственный двигатель для развитія не только умственныхъ, но и моральныхъ силъ народа.

Однако не всѣ раздѣляли этотъ взглядъ, и приходилось бороться съ апатіей, рутиной и бездушіемъ большинства. Это та, по выраженію Н. И. Пирогова, грозная борьба, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Явились люди, на долю которыхъ выпало быть выразителями лучшихъ сторонъ своего времени. А то, чего не могли сдѣлать люди, предъ чѣмъ безсильны оказались факты, то сдѣлало вѣяніе времени, сокрушающее все, изъ чего отлетѣлъ духъ жизни.

Въ то время попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа состоялъ извѣстный ученый и высоко гуманный человѣкъ—Николай Ивановичъ Пироговъ. По общимъ отзывамъ, это былъ не только „человѣкъ своего времени, но и вождь своихъ современниковъ". Онъ всюду проводилъ общечеловѣческія понятія, заставляющія цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ. Своею педагогической задачей Пироговъ поставилъ сблизить общество съ ученымъ міромъ и вывести наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учрежденій. Другою выдающеюся личностью того времени былъ профессоръ Кіевскаго университета — Платонъ Васильевичъ Павловъ. Нравственныя качества этого человѣка, его общественные идеалы, его служеніе идеѣ вызывали обаяніе среди студентовъ, и Павловъ имѣлъ громадное вліяніе не только на своихъ слушателей, но на всѣ факультеты, на всю учащуюся молодежь. Эти-то два лица и стали во главѣ движенія, создавшаго первыя въ Россіи воскресныя школы.

Библиотека "Руниверс"

Какую же почву для общественной дѣятельности представлялъ въ то время нашъ Кіевъ? Это былъ городъ, насчитывавшій около 60 т. жителей *) Университетъ, двѣ гимназіи, два уѣздныхъ училища (одно изъ нихъ дворянское), только 6 приходскихъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ, институтъ графини Левашовой, 9 частныхъ учебныхъ заведеній, училища военнаго и духовнаго вѣдомствъ и пріюты—вотъ и все, гдѣ можно было получить образованіе. Библіотекъ не было. На весь Кіевъ было только 2 книжныхъ магазина. Не было и газеты, кромѣ оффиціальныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, и только въ 1859 году выразителемъ общественныхъ интересовъ явился ежедневный органъ печати—Кіевскій Телеграфъ. Образованіе было поставлено на чисто оффиціальной почвѣ. Въ школахъ царила рутина съ ея мертвящими формами и педагогика, основанная на принужденіяхъ до розгъ включительно.

А между тѣмъ жизнь не ждала, и государственная реформа призывала къ дѣятельности всѣхъ. Здѣсь то, въ Кіевѣ, и возникла мысль о новой школѣ для народа. 23-го сентября 1859 года въ Кіевскомъ Телеграфѣ появилась замѣтка о проектѣ безплатной воскресной школы, и чрезъ двѣ недѣли, 11 октября, школа была открыта. Ей было предоставлено помѣщеніе уѣзднаго дворянскаго училища на Подолѣ по Константиновской улицѣ—зданіе, въ которомъ впослѣдствіи помѣщалась мужская прогимназія и затѣмъ 3-ья гимназія.

17 студентовъ университета и 1 изъ духовн. академіи изъявили желаніе быть преподавателями. Оффиціальный надзоръ былъ порученъ профессору Павлову и штатному смотрителю уѣзднаго училища И. И. Слѣпушкину.

Но откликнутся ли тѣ, ради кого устраивалась школа? Хочетъ ли народъ того свѣта, который ему предлагаютъ,

*) Географія Ободовскаго изд. 64 года.

Библиотека "Руниверс"

и будетъ ли у него достаточно довѣрія идти къ тѣмъ, кто его зоветъ учиться?

Были разосланы объявленія и письма въ мастерскія. Между прочимъ писалось: „лѣта не будутъ служить препятствіемъ для ученія, слѣдовательно—школу могутъ посѣщать даже взрослые".

Хотя предполагалась мужская школа, но приходилось слышать вопросы: а будетъ ли школа для дѣвочекъ? А можно ли посылать дѣвочекъ?

Въ первое же воскресенье на занятія явилось около 50 душъ, затѣмъ число учащихся возросло до 149.

Вопросъ былъ рѣшенъ. Тѣ, для кого устраивалась школа, откликнулись. Это придало энергіи иниціаторамъ, и черезъ двѣ недѣли, 25 октября, открылась другая воскресная школа на Новомъ Строеніи. Надзоръ за нею былъ порученъ профессору Павлову и штатному смотрителю училища г-ну Проценку. Въ день открытія явилось 34 человѣка, а въ началѣ новаго 60-го года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась колебаніямъ: число посѣтителей не превышало 60-ти.

31 января 1860-го года въ зданіи 2-й гимназіи открыта первая женская воскресная школа. Преподаваніе приняли на себя г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона.

Затѣмъ въ 80-мъ № Кіевскаго Телеграфа появилось интересное сообщеніе: „съ ноября мѣсяца студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ *безплатную будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо". Но объявленій не послѣдовало: школа не была открыта.

Болѣе счастливыми оказались студенты университета, учредившіе въ 1861-мъ году въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ безплатную ежедневную школу въ одной изъ лекторій университета.

Еще въ концѣ октября 1860 года открыта воскресная школа на Печерскѣ и другая въ зданіи 1-ой гимназіи. Сначала,

Библиотека "Руниверс"

какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ гимназической прислугой, а потомъ допущены и посторонніе, такъ что оказалось до 60 учениковъ. Преподавателями были гимназисты.

„Кіевскій Телеграфъ“ выражаетъ мнѣніе, что „при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непремѣнно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая, и для учащихся, и для учащихъ.

6 ноября въ зданіи Фундуклеевской женской гимназіи открыта 2-ая женская воскресная школа. По этому поводу въ „Основѣ“ за іюнь 1861-го года напечатано: „Открыли школу дамы. Предполагалось открыть раньше, и все уже было приготовлено, но учредительницы не рѣшались выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей. Въ то же самое время, тоже дамы—преимущественно изъ купеческаго сословія—задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ, и то же отсутствіе рѣшимости долго мѣшало дѣлу. Наконецъ были открыты обѣ школы“.

Въ отчетѣ, появившемся черезъ 4 мѣсяца послѣ открытія воскресной Фундуклеевской школы, мы читаемъ: „желательно бы имѣть большее число преподавательницъ,—къ сожалѣнію на приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные“.

У преподавателей воскресныхъ школъ является большое сомнѣніе относительно того, какъ женщины поведутъ это дѣло; и только необходимость имѣть для женскихъ школъ учительницъ и увѣренность, что участіе въ школѣ будетъ поступательнымъ шагомъ въ дѣлѣ развитія самой женщины, заставили студентовъ усердно агитировать въ дамскомъ обществѣ. Женщина того времени еще не была подготовлена къ подобной дѣятельности, и если для мужчины это дѣло являлось новымъ, то женщину оно пугало своею необычайностью. Воспитанная въ закрытомъ учебномъ заведеніи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, женщина была далека отъ народа и требованій его трудовой жизни. Только полугодомъ раньше первой воскресной школы, при совершенномъ равнодушіи высшаго общества, открыта была первая въ Кіевѣ женская гимна-

Библиотека "Руниверс"

зія, и много было толковъ о томъ, какъ посылать „свое дитя въ общее заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери простого ремесленника, и дочери знатнаго сановника.

Если таково было общее мнѣніе, то нельзя удивляться, что мало женщинъ пошло въ Воскресныя школы учить бѣдный людъ.

Общая женская участь коснулась не только образованныхъ классовъ: для женщинъ низшаго сословія также оказались преграды. Въ Новостроенской школѣ на лицо было только 18 ученицъ, а въ отчетѣ Фундуклеевской школы читаемъ: „большая часть ученицъ живетъ у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ. Замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлые десятки дѣвушекъ, ученицъ очень мало, всего 4, притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу (несмотря на желаніе посѣщать постоянно), потому— что онѣ бываютъ заняты работой и въ праздничные дни".

Но люди, горячо преданные дѣлу, понимали, что не 18 женщинъ въ Кіевѣ желаютъ учиться грамотѣ, и неуклонно продолжали свое дѣло, твердо вѣря, что у грамотнаго народа прежде всего должна быть грамотная мать.

Матеріальныя средства школъ составлялись изъ пожертвованій. Генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ исхлопоталъ разрѣшеніе у министра Внутреннихъ Дѣлъ на принятіе добровольныхъ приношеній деньгами и книгами. Еще раньше, черезъ двѣ недѣли послѣ открытія первой школы, попечитель округа, даже лично принимавшій участіе въ занятіи съ учениками, снесшись съ мѣстною властью, далъ разрѣшеніе на подписку и надзоръ за кассою поручилъ инспектору 2 гимназіи г-ну Чалому. Жертвователями явились профессора и вообще учительскій персоналъ и купцы. Черезъ газеты, несмотря на объявленія, не поступало ничего: тогда общество еще не привыкло считать печатный органъ выразителемъ своего настроенія; была, впрочемъ и другая причи-

Библиотека "Руниверс"

на: горсть людей, сочувствовавшихъ воскреснымъ школамъ, непосредственно близко стала къ этому дѣлу, ей и незачѣмъ было нести свои пожертвованія въ редакцію. Эти сборы поступали прямо въ кассу школъ. Для усиленія средствъ устраивались концерты, спектакли, живыя картины, въ устройствѣ которыхъ принимала участіе княгиня Васильчикова.

Но кружокъ преподавателей былъ смущенъ мыслью, что собираются деньги отъ публики, разсуждающей, по выраженію профессора Павлова; „отчего не проплясать мазурки, когда страдаетъ меньшій братъ“. Тогда студенты университета учредили музыкальные вечера по субботамъ съ цѣлью доставлять эстетическія удовольствія небогатымъ людямъ (плата 25 и 50 к.) и собрать средства для воскресныхъ школъ, расходы которыхъ состояли главн. образомъ въ пріобрѣтеніи книгъ и учебныхъ пособій. Городъ ежегодно выдавалъ 150 р.

Таблица отчета Подольской и Новостроенской школъ, составленная на 249 душъ, послѣ 29 дней занятій, показываетъ, что преобладающее число учениковъ, какъ и слѣдовало ожидать, остается за жителями Украйны и вообще южно-русскихъ губерній (230). Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ; процентъ другихъ національностей слишкомъ незначителенъ: великороссіянъ 38, нѣмцевъ 4, поляковъ 8, евреевъ 3.

На 249 человѣкъ, посѣщающихъ школу, 185 принадлежитъ къ ремесленному классу, 27 лакеевъ, 3 сидѣльца, и 34, большею частью, малолѣтніе, которыхъ занятія еще не опредѣлились. По сословіямъ: дворянъ 10, купцовъ 6, однодворцевъ 4, козаковъ 3, вольноотпущенныхъ 2, мѣщанъ 58, кантонистовъ 34, казенныхъ крестьянъ 31, крѣпостныхъ крестьянъ 101.

Мѣщане составляютъ туземный городской элементъ, а крѣпостные крестьяне—почти всѣ безъ исключенія тѣ мастеровые, которые отданы помѣщиками въ выучку въ разныя мастерскія. Самая краснорѣчивая цифра въ графѣ сословій принадлежитъ, конечно, крестьянамъ вообще (132 ч.) и крѣпостнымъ въ

Библиотека "Руниверс"

частности (101). Крѣпостные составляютъ почти половину общаго числа учащихся.

Далѣе изъ таблицы отчета мы видимъ, что всего охотнѣе посѣщаютъ школы въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ (118). Отъ 15 до 20—99 чел., отъ 20 до 30—32. Между малолѣтними воскресниками много учениковъ городской школы.

На число учащихся и аккуратность посѣщеній несомнѣнно оказывало вліяніе не всегда покровительственное отношеніе хозяевъ. Нѣкоторые увѣряли своихъ учениковъ, что платятъ за нихъ въ воскресныя школы, и потому воскресники должны работать хозяевамъ лишній годъ. Конечно, подобные слухи были разсѣяны на первыхъ же порахъ.

О педагогической постановкѣ дѣла можно судить по отчету Подольской и Новостроенской школъ.

Основное число постоянно посѣщающихъ и вновь поступающихъ дѣлится на неграмотныхъ и грамотныхъ въ разной степени. Это обстоятельство привело къ раздѣленію школъ на два класса: высшій и низшій. Послѣдній, сверхъ того, раздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ въ одно поступаютъ совершенно неграмотные, а въ другое—кое-какъ разбирающіе буквы, словомъ—до нѣкоторой степени усвоившіе механизмъ чтенія. Такимъ образомъ 2-ое отд. низшаго класса составляетъ какъ бы средній, переходной классъ. Въ высшій принимаются тѣ, которые уже относительно бѣгло читаютъ. Здѣсь они раздѣляются на нѣсколько группъ, соотвѣтственно числу учащихъ, и вообще система обученія, принятая въ этомъ классѣ, существенно отличается отъ той, которая принята въ низшемъ. Ученье происходитъ отъ 11 до 2 ч. пополудни всякій праздничный и воскресный день. Одинъ часъ посвящается вѣроученію, для чего низшій и высшій классы соединяются. Два остальные часа въ низшемъ классѣ занимаются исключительно обученіемъ чтенію и отчасти письму—въ среднемъ отдѣленіи, а въ высшемъ классѣ—чтенію, письму и ариѳметикѣ. Число всѣхъ учащихъ (въ двухъ школахъ) доходитъ до 45 человѣкъ. Участвующіе изъ среды своей избираютъ по одному лицу въ каждой школѣ, над-

Библиотека "Руниверс"

зирающему за внѣшнимъ порядкомъ и правильностію занятій. Ходъ обученія сообразуется съ заранѣе начертанной программой, хотя иногда встрѣчаются отступленія.

Вѣроученіе заключается въ разсказахъ изъ священной исторіи, преимущественно изъ жизни Спасителя, съ выводомъ нравственныхъ уроковъ изъ этихъ разсказовъ, а также въ объясненіи догматической части по Символу Вѣры и въ усвоеніи главныхъ молитвъ. Сверхъ того, преподаватель Подольской школы каждому уроку предпосылаетъ объясненіе Евангелія того праздничнаго дня, когда происходило ученіе. Преподаваніе заключается въ простомъ разсказѣ, по возможности доступномъ толкованіи прочитаннаго въ бесѣдѣ съ учениками.

Въ низшемъ классѣ въ двухъ школахъ считается приблизительно около 70 учениковъ, изъ которыхъ большее число приходилось на среднее отдѣленіе. Въ Подольской школѣ среднее отд. было поручено одному преподавателю. Слѣдовательно, система обученія принята классная. Такъ какъ въ это отдѣленіе поступали такіе учащіеся, которымъ грамота отчасти знакома, то очевидно занятія заключались въ усиленномъ упражненіи въ чтеніи. Пособіемъ служитъ книжка Золотова для взрослыхъ. Но само собою разумѣется, что чтеніе сопровождается въ необходимыхъ случаяхъ объясненіемъ. Вообще преподаватель не упускалъ изъ виду развитія учащихся, что положено въ основаніе всей методы Золотова.

Въ Новостроенской школѣ въ томъ же отдѣленіи обученіе происходитъ по группамъ. Сверхъ того, здѣсь же учатъ нумераціи и письму азбуки на доскѣ и бумагѣ; въ Подольской школѣ этого не проходятъ.

Для неграмотнаго отдѣленія въ обѣихъ школахъ принята классная система. По замѣчанію преподавателей, „гдѣ предстоитъ учить азбукѣ, тамъ *классное* соревнованіе и взаимообученіе имѣютъ за собой несомнѣнное превосходство“.

Въ разсматриваемое нами время въ Россіи повсюду господствовалъ буквослагательный методъ, и воскресныя школы первыя

Библиотека "Руниверс"

примѣнили новый звуковой способъ Золотова, поставившаго въ методикѣ яйцо, подобно Колумбу: заслуга Золотова заключается въ томъ, что онъ первый разрѣзалъ слово на составныя части— буквы и такимъ обр., давши подвижную азбуку, положилъ основаніе аналитико-синтетическому методу, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмысленному обученію грамотѣ. Примѣнялся въ школахъ и методъ одесскаго педагога Горбинскаго, кот. ставилъ краеугольнымъ камнемъ обученія предварительныя упражненія въ анализѣ слова на составные элементы. Все это было новинкой въ педагогической практикѣ.

Главнымъ образомъ пріемы сводились къ двумъ методамъ. Одинъ, всего ближе подходившій къ методу самого Золотова, состоялъ въ томъ, что бралось нѣсколько словъ (изъ складныхъ буквъ), громко произносилось ихъ названіе, и неоднократнымъ спрашиваніемъ каждаго ученика классъ доводился до того, что глаза каждаго учащагося привыкали къ очертанію буквъ, составляющихъ данное слово. Причемъ вначалѣ подбирались такія слова, гдѣ одинъ и тотъ же слогъ повторялся. Когда классъ могъ различать и произносить два, три или 4 слова, уставленныя на доскѣ, они разбивались на слоги и тѣмъ же путемъ узнавались учениками, хотя бы были и во вновь составленныхъ словахъ. Затѣмъ тотъ же пріемъ употреблялся при раздѣленіи слоговъ на буквы, причемъ въ обоихъ случаяхъ все помѣщаемое на доскѣ приводилось въ различныя произвольныя комбинаціи, съ соблюденіемъ извѣстной постепенности. Когда всѣ буквы алфавита становились такимъ путемъ извѣстны, то въ конечномъ результатѣ учащіеся должны были сами составлять данныя слова и затѣмъ переходили къ чтенію по книгѣ. Если этотъ методъ можно назвать аналитическимъ, то другой болѣе отличался синтетическими пріемами, хотя и приводилъ къ одному результату: первоначально знакомили учениковъ съ гласными буквами алфавита, уставляя ихъ на доскѣ, затѣмъ приставлялись къ гласнымъ согласныя, сперва передъ ними, а потомъ послѣ нихъ (прямые и обратные слоги), и ученики доводились до сознанія что нѣтъ буквы *бе,* а есть б и т. д. Ознакомивши съ очерта-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ слога, переходили къ составленію слова. Напр: бралась буква у, приставлялось къ ней *б* (бу—уб), бралась буква *я* и приставлялась къ ней *р* (*ря*—яр), и затѣмъ, соединивъ составленные слоги, заставляли учениковъ, произнося ихъ, произносить и слово *буря*. Такимъ путемъ ознакомливали учащихся со всѣми буквами алфавита, причемъ, употребляя тѣ же разнообразныя комбинаціи и заставляя самихъ учащихся разставлять слова, доходили до чтенія по книгѣ. Было-бы въ высшей степени интересно узнать относительное достоинство обоихъ пріемовъ, какъ оно выразилось на практикѣ, но болѣзнь одного изъ преподавателей и затѣмъ выборъ другого въ должность завѣдующаго школой—сдѣлали то, что обѣ группы примѣняли оба метода, побывавъ у обоихъ изъ этихъ преподавателей.

Наконецъ, не безъ интереса будетъ привести одинъ исключительный случай, при которомъ мальчикъ выучился читать въ три урока. Произошло это слѣд. обр.: учитель объяснилъ на первый разъ буквы и далъ ихъ на домъ. Ученикъ явился черезъ недѣлю, зная всю азбуку. На второмъ и третьемъ урокѣ ему объяснено было, какъ изъ буквъ составляются слоги и слова, и всякій разъ давалась на домъ книга. Теперь, говорится въ отч., мальчикъ читаетъ уже довольно бѣгло. Конечно—это фактъ совершенно случайный и нисколько не можетъ быть отнесенъ къ самой школѣ, но нѣсколько другихъ случаевъ, съ нимъ однородныхъ, привели къ тому убѣжденію, что выдача книгъ на домъ существенно помогаетъ ходу дѣла.

Въ силу подобныхъ соображеній положено было въ обѣихъ школахъ раздавать на домъ въ низшемъ классѣ упражненія и таблицы Золотова, а въ высшемъ „Народное чтеніе“ и нѣкоторыя др. книги. Вообще результаты обученія въ низшемъ классѣ были слѣдующіе: въ высшій кл. пер. 16 ч.; при поступленіи незнавшіе ничего переведены въ среднее отдѣленіе, слѣдовательно они ознакомились съ алфавитомъ и до нѣкоторой степени усвоили уже механизмъ чтенія; 5 человѣкъ стали разбирать слова.

Въ высшемъ классѣ, гдѣ бываетъ среднимъ числомъ въ обѣихъ школахъ до 100 чел., система обученія принята груп-

Библиотека "Руниверс"

повая, по тѣмъ соображеніямъ, что развитіе учениковъ въ этомъ случаѣ выигрываетъ. Въ группѣ отъ 2 до 4 человѣкъ болѣе или менѣе одинаковаго уровня познаній. Учитель, останавливаясь на всякомъ малопонятномъ мѣстѣ, вступаетъ въ объяснительную бесѣду со своими слушателями. Онъ обязанъ вызывать ихъ размышленіе и вообще дѣйствовать на мыслительную способность.

Такимъ образомъ, говорится въ отчетѣ, нечувствительно накопляется фактическій матеріалъ и кругъ понятій незамѣтно становится шире, а воззрѣніе правильнѣе.

Занятія письмомъ заключаются въ перепискѣ прописей, причемъ наставники обращаютъ вниманіе на сообщеніе правильности и твердости въ движеніи руки. Въ Новостроенской школѣ допускаютъ письмо и подъ диктовку. Вообще, повидимому, письмо идетъ тамъ успѣшнѣе.

По ариѳметикѣ программа тогдашнихъ воскресныхъ школъ стоитъ почти на высотѣ теперешнихъ требованій. На первомъ планѣ сообщеніе учащимся быстраго умственнаго навыка въ производствѣ первыхъ 4-хъ дѣйствій надъ цѣлыми и, если возможно, дробными величинами, при чемъ начинаютъ съ самыхъ маленькихъ именованныхъ чиселъ. Тѣхъ, кому это будетъ особенно полезно, предполагалось ознакомить съ правилами тройнымъ, учета векселей, товарищества, смѣшенія, а также со счисленіемъ на счетахъ. Задачи подбирались самаго обыденнаго, житейскаго характера, приноровленныя къ быту учащихся. По нѣкоторомъ навыкѣ въ устномъ счисленіи, наблюдая постепенность, переходили къ дѣйствіямъ на доскахъ большихъ и грифельныхъ и къ счисленію на счетахъ.

По таблицѣ отчета мы видимъ, что изъ 60, поступившихъ въ Подольскую воскресную школу, 11 не умѣли писать цыфръ, 37 писали ихъ плохо, 1 дѣйствіе знали 6, отъ 2 до 4 дѣйств. тоже 6.

Въ Новостроенской школѣ изъ 20—9 не умѣли писать цифръ.

Библиотека "Руниверс"

Открывая школу, учредители поставили себѣ задачею на первыхъ же порахъ устранить всѣ стѣсненія, изгнать всякій формализмъ изъ своего дѣла. Школа была открыта посѣтителямъ. Все, что касалось хода дѣла, обсуждалось и рѣшалось на педагогическихъ совѣтахъ, происходившихъ въ учительской комнатѣ, во время уроковъ Закона Божія. Здѣсь поднимались дебаты по поводу вопросовъ общепедагогическихъ и частныхъ. Такъ напр., возникъ вопросъ о значеніи дисциплины во время занятій, о воспитательномъ вліяніи школы, прочитывались отчеты преподавателей, изыскивались и обсуждались мѣры къ открытію новыхъ воскресныхъ школъ, распредѣлялись пожертвованія, причемъ дѣлежъ производился пропорціонально числу учениковъ.

Понимая, что главная сила и вліяніе воскресной школы заключается въ хорошей книгѣ, педагогическій совѣтъ постоянно имѣлъ въ виду доставить народу возможность читать. Но большинство народныхъ книгъ того времени представляли собою „сѣрыя изданія московской фабрикаціи, безчисленныя произведенія не слишкомъ разборчивыхъ спекулянтовъ“. Выбирать было не изъ чего. Приходилось издавать. Одинъ изъ преподавателей, помѣщикъ Полтавской губ., предложилъ для этой цѣли свои средства. А пока что, составились изъ пожертвованныхъ и отчасти купленныхъ книгъ библіотеки. Самая бо́льшая была при подольской школѣ.

Въ религіозно-нравственномъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ евангеліе, крещеніе Господне, псалмы Давида, исторію церкви ветхаго завѣта, проповѣди на украинскомъ языкѣ, соловецкій монастырь и исторія его бомбардированія и др.

Въ естественно-научномъ:

На нѣм. яз., какъ пособіе для преподавателей: Zonengemälde, Naturgeschichte und Völker, Geologiegeschichte und Physikal Geograpfie in Bildern.

Описаніе земли или географія Григоровича, Природа и люди, Очерки Зауральской степи и внутренней или букеевской

Библиотека "Руниверс"

орды, Печорскій край Щепкина, Русскіе въ Японіи въ 53 и 54 годахъ, Атлантическій океанъ и островъ Мадера, Алжиръ, путешествіе Ливингстона, Сингапуръ, На мысѣ Доброй Надежды. Гонъ-Конгъ, разсказы о животныхъ и растеніяхъ—Разина, журналъ „Сельскій строитель".

Въ историческомъ отдѣлѣ:

Взятіе въ плѣнъ Шамиля, Ермакъ или покореніе Сибири, Убіеніе Дмитрія царевича въ Угличѣ, Иванъ Сусанинъ или смерть за царя. Жизнь и военные подвиги Александра Великаго, царя Македонскаго.

Въ отдѣлѣ изящной словесности:

Стихотворенія Жуковскаго, повѣсти и разсказы Григоровича, басни Ив. Крылова, басни русскихъ баснописцевъ, сказка о купцѣ Остолопѣ, о Рыбакѣ и рыбкѣ, Донъ Кихотъ Ламанчскій, а также такія произведенія какъ „о солдатѣ Яшкѣ-красной рубашкѣ" 30 экз.

Въ библіотекѣ находились книги и на малорусскомъ яз.: Шевченко, Марко Вовчокъ и др.

Для классныхъ занятій употреблялись главнымъ образомъ:

„Книга для взрослыхъ" Золотова и журналъ „Народное чтеніе".

Книга Золотова страдала, такъ сказать, тономъ: по мнѣнію занимавшихся, она была составлена въ сферѣ понятій и привычекъ привилегированныхъ классовъ. „Народное чтеніе" выходило въ годъ 6 книжками отъ 150 до 200 стр. небольшого формата. Программа его была такова: Правительственныя распоряженія, касавшіяся интересовъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій. Изложеніе законовъ гражданскихъ, полицейскихъ и уголовныхъ по тѣмъ отдѣламъ, которые ближе всего касаются крестьянскаго и мѣщанскаго быта. Отечественная исторія и описанія событій чисто-народныхъ. Жизнеописанія замѣчательныхъ по своимъ гражданскимъ доблестямъ и заслугамъ людей, вышедшихъ изъ простолюдія. Литературныя бесѣды и разсказы,

Библиотека "Руниверс"

очерки нравовъ и разныя легенды, сатирическія статьи, соотвѣтственно цѣлямъ изданія. Стихотворенія, какъ чисто народныя, такъ и написанныя въ простонародномъ духѣ. Бесѣды о природѣ вообще и о человѣкѣ въ особенности. Медицинскіе совѣты, которыми крестьяне могутъ пользоваться при своихъ средствахъ. Разныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и прикладныя знанія.

Издавалось „Народное Чтеніе“ Лермонтовымъ и К°; книги составлялись А. Оболенскимъ и Г. Щербачевымъ, подъ редакціей Муратова. Стоилъ журналъ 2 р., при чемъ допускалась разсрочка: при подпискѣ 50 к., а затѣмъ при каждой книжкѣ по 30 к. Въ видѣ преміи высылалось Евангеліе.

При несомнѣнныхъ достоинствахъ и интересѣ, многія статьи этого журнала были доступны только развитымъ ученикамъ, да и то подъ руководствомъ учителя.

Отсутствіе хорошей книги для занятій въ классѣ вызвало среди преподавателей проектъ новой хрестоматіи для воскресныхъ школъ. Была выработана программа, при чемъ выяснилось, что требованія сводятся къ слѣдующему: хрестоматія должна быть дешева, содержаніе интересно, изложеніе доступно.

Въ книгѣ намѣчено два отдѣла: естественный и историческій. Въ первый предполагалось выбрать статьи, „касающіяся физическаго міра, дающія вообще понятіе о природѣ и ея силахъ“. Во второмъ отдѣлѣ должны быть помѣщены статьи историческія—по устройству и развитію человѣческихъ обществъ. Сюда предполагалось внести свѣдѣнія этнографическія, историческія и т. п. Руководною нитью и существеннымъ содержаніемъ этого отдѣла должна быть, впрочемъ, Русская Исторія, которую предполагается составить такъ, чтобы съ возможною подробностью останавливаться на выпуклыхъ и живущихъ въ памяти народа событіяхъ, излагать съ полнотою тѣ царствованія, которыя составляютъ эпохи въ народной жизни, а объ остальныхъ событіяхъ упоминать слегка, для необходимой связи.

Библиотека "Руниверс"

Работая надъ рѣшеніемъ общепедагогическихъ и частныхъ вопросовъ, совѣтъ воскресныхъ школъ *дѣлился* своимъ опытомъ съ лицами, обращавшимися къ нему за указаніями.

По примѣру Кіева, въ губернскихъ городахъ и захолустныхъ селахъ стали быстро открываться воскресныя школы. Втеченіе года въ тридцати пунктахъ Россіи появилось 68 воскресныхъ школъ, а къ половинѣ 62 года ихъ насчитывали около 90. Министерство Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Военное Вѣдомство относились одобрительно и предоставляли школамъ свои помѣщенія. Губернаторы дѣло это поощряли, такъ-что въ нѣкоторыхъ городахъ издавались предписанія въ родѣ слѣдующаго: губернаторъ приказалъ всѣмъ ремесленникамъ посылать своихъ учениковъ въ воскресныя школы чисто и опрятно одѣтыми. Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа писалъ: „долгомъ считаю присовокупить, чтобы къ числу полезныхъ свѣдѣній по части естествознанія, физики, географіи, медицины и проч. прибавлены были объясненія объ отношеніяхъ народа къ власти“.

Но на ряду съ добрыми вѣстями одинъ за другимъ появлялись циркуляры тревожнаго характера, и, наконецъ, 12 іюня 1862 г. издано было Высочайшее повелѣніе впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы. Говорятъ, причиною закрытія послужили недоразумѣнія съ одною изъ Петербургскихъ школъ, обвиняемой въ распространеніи безвѣрія и превратныхъ понятій о правѣ собственности. Воскресныя школы прекратили свое существованіе, и только безплатная ежедневная школа въ лекторіи университета была преобразована помощникомъ попечителя округа М. А. Туловымъ въ подготовительную школу для практическихъ занятій учителей будущихъ народныхъ школъ—новаго, тогда еще только зарождавшагося типа. Школы были закрыты. Время унесло людей, служившихъ имъ. Но, по словамъ Пирогова: „здѣсь, на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть для насъ

Библиотека "Руниверс"

одно ненарушимое—это господство идей." Идея воскресныхъ школъ уцѣлѣла. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ возникли новыя школы, и сѣть ихъ покрыла темные уголки, но уже не студенты, а женщины явились иниціаторами этого дѣла, и преобладающій элементъ учениковъ—взрослые. Постановка въ новыхъ воскресныхъ школахъ сохранилась та же, что и въ первыхъ Кіевскихъ. Общія черты педагогической и общественной физіономіи свидѣтельствуютъ о томъ, что воскресныя школы не случайность, а общественное явленіе, вызванное потребностями самой жизни. Солидарность, интересъ и общеніе школъ между собою—характерная черта тѣхъ, кто боится за свое существованіе и, угнетаемый, видитъ свою силу въ дружескомъ союзѣ.

Что же за типъ учебнаго заведенія представляетъ собою воскресная школа?

Отличіе ея не въ томъ, что ученіе происходитъ по воскресеньямъ, не въ томъ, что между днями занятій недѣльный промежутокъ, а учащіеся—взрослые, въ періодѣ, когда память и способности къ механическому усвоенію притуплены,—это лишь неблагопріятныя условія, которыми школа сумѣла воспользоваться съ успѣхомъ и сдѣлала изъ нихъ опору своихъ принциповъ. Отличіе воскресной школы въ томъ, что она является плодомъ общей самодѣятельности въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, плодомъ сознательнаго отношенія къ жизни и людямъ.

Съ одной стороны, интеллигентные классы сознали необходимость образованія народныхъ массъ и, такъ сказать, свой долгъ по отношенію къ меньшому брату, несущему тяготу жизни и лишенному ея лучшаго утѣшенія: науки и поэзіи; съ другой—народъ созналъ необходимость грамоты и просвѣщенія. „На каждомъ шагу онъ платится за свое незнаніе общественнаго гражданскаго строя нашей жизни, на каждомъ шагу платится за свою нравственную неразвитость, за свою косность и невѣжество *).

*) Феликсовъ „Русская школа 91 г. № 4 стр. 142, ст. „Спеціальныя практическія задачи русской народной школы".

Библиотека "Руниверс"

Возникнувъ плодомъ сознательнаго отношенія къ окружающему, воскресная школа избѣжала всѣхъ тѣхъ ненормальностей и уродливости, которыми страдаютъ другія педагогическія учрежденія, явившіяся осуществленіемъ лучшихъ идей въ рукахъ лицъ, чуждыхъ этимъ идеямъ. Въ воскресныхъ школахъ никто не несетъ дѣла по обязанности, слѣдовательно никто не тяготится, а значитъ—нѣтъ принужденія, мертвенности, рутины и бездушнаго формализма, а если нѣтъ ихъ—значитъ открытъ путь активной работѣ: любознательности—съ одной стороны, и удовлетворенію ея—съ другой. Въ этомъ весь секретъ занятій въ воскресной школѣ, результатъ которыхъ иногда кажется невѣроятнымъ. Не фокусы эти ошеломляющіе по быстротѣ успѣхи воскресниковъ, за три урока выучивающихся читать—это результатъ правильнаго отношенія къ дѣлу по существу.

Являясь по иниціативѣ и плодомъ общаго желанія самихъ преподающихъ, воскресная школа тѣмъ самымъ, въ силу простой послѣдовательности, оказывается общимъ, интереснымъ и дорогимъ дѣломъ для тѣхъ, кто ее ведетъ.—Отсюда это трепетное отношеніе, это любованіе малѣйшимъ проявленіемъ жизни дорогого претерпѣвшаго гоненіе дѣтища, эта высокая степень интереса индивидуальностью каждаго учащагося, и въ этомъ смыслѣ вкладъ воскресныхъ школъ въ сокровищницу народовѣдѣнія.

Оказываясь единственнымъ учрежденіемъ, готовымъ научить грамотѣ темный людъ, эта безплатная добровольная школа—для учащихся свѣтлое и любимое учрежденіе.

На этой почвѣ сходятся интересы учителя и ученика, и воскресная школа даетъ блестящій образчикъ того, какія трудности въ педагогическомъ дѣлѣ преодолимы при такомъ союзѣ. Не только литература воскресныхъ школъ и участники самаго дѣла—краснорѣчивѣе всего говоритъ за себя фактъ: ученики съ любовью посѣщаютъ школы.

Послѣ недѣли труда отъ зари до зари, эти труженики считаютъ большою непріятностью всякій пропущенный день

Библиотека "Руниверс"

занятій, и нѣтъ такой воскресной школы, гдѣ бы учащіеся радовались каникуламъ. Этотъ фактъ лучшее доказательство, что воскресная школа стоитъ на вѣрномъ пути и что силы людей, несущихъ въ нее свой трудъ, не затрачены даромъ.

Воскресная школа имѣетъ и другое значеніе: она пробила брешь въ крѣпкой стѣнѣ, отдѣляющей школу отъ жизни.

Мы привыкли издавна противополагать жизнь школѣ и школу жизни *). Мы привыкли видѣть, что воспитаніе и ученіе идутъ сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сама по себѣ. Мы привыкли думать, что требованія школы не сходятся съ требованіями жизни. И чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединены въ его понятіи школа и жизнь. Воскресная школа, наоборотъ, поставила своею задачею привести весь учебный матеріалъ въ связь съ жизнью, съ потребностями самихъ учащихся. Въ этомъ случаѣ недостатокъ времени, заставляющій дорожить каждою минутой, сдѣлался опорой принципа—не затемнять голову ненужными свѣдѣніями, а сообщать простыя пригодныя въ жизни знанія и, по возможности, давать ясное понятіе о мірѣ. Воскресная школа идетъ къ цѣли *прямою* дорогою и наиболѣе короткимъ путемъ. Эта упрощенность пріемовъ есть лепта воскресныхъ школъ въ общей педагогіи. Но, чтобы достигнуть своей цѣли, школа поставлена въ необходимость чутко прислушиваться къ голосу науки и пользоваться всѣми способами, закрѣпляющими знаніе.

Другое характерное условіе воскресныхъ школъ—возрастъ учащихся—сдѣлался опорой принципа: школа для учениковъ. Здѣсь учащійся является со сложившимся міровоззрѣніемъ, съ болѣе или менѣе опредѣлившимися требованіями отъ жизни, и роль учителя обусловливается лишь преимуществомъ развитого человѣка, вліяніемъ знанія, убѣжденія и достоинствъ самой личности учащаго. Отсюда безпримѣрное рвеніе учащихъ и учащихся, сознательное отношеніе къ каждой выученной буквѣ, а въ результатѣ педагогическій опытъ, что не формен-

*) „Школа и жизнь“ Пирогова.

Библиотека "Руниверс"

ная дисциплина, а отсутствіе ея благотворно вліяетъ на успѣхъ знанія. Такъ, съ большими или меньшими уклоненіями отъ намѣченной цѣли — сообщить первые начатки знанія темному люду, работаютъ воскресныя школы.

Если встрѣчаются трудности и безпорядки, вызываемые вѣчно движущимся составомъ учащихся, если попадаются неумѣлые учителя и тупые ученики, если порою приходитъ скорбная мысль, что школа хотя и не отрываетъ отъ жизни, за то мало имѣетъ силы скрасить и улучшить ея темныя стороны, то все таки несомнѣннымъ остается фактъ, что воскресныя школы—первыя учрежденія частной иниціативы, явившіяся на помощь народу въ его стремленіи къ свѣту, и что эти школы проникліись душою педагогики, оставивъ формализмъ, что это, наконецъ, единственныя школы, совершающія свое дѣло предъ всѣми, доступныя каждому и открывшія свои двери для всякаго контроля. Это—чистый родникъ, изъ глубины общественной жизни несущій свѣжую струю въ наше школьное дѣло.

И если теперь дѣти наши, послѣ долгихъ лѣтъ ученія, переутомленныя, усталыя являются въ жизнь, отъ которой оторвала ихъ школа, то будемъ надѣяться, что хоть новый вѣкъ, на рубежѣ котораго мы стоимъ, воспользуется починомъ воскресныхъ школъ въ освободительномъ движеніи школы отъ мертвенности и рутины, будемъ надѣяться, что и сами воскресныя школы въ новомъ вѣкѣ найдутъ больше простора для своей дѣятельности на радость всѣмъ, кто имъ сочувствуетъ, и особенно русской женщинѣ, отдающей лучшія силы дѣлу народнаго образованія.

Л. Струнина.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Покинутая жена. *(Эпизодъ изъ эпохи войнъ Хмельницкаго)* Въ исходѣ первой половины XVII ст. въ западной Волыни жилъ небогатый шляхтичъ Крыштофъ Сестревитовскій и была у него молодая жена Анна, урожденная Свенцицкая. Неохотно шла она замужъ за него, потому что происходила хотя изъ небогатаго, но «старопольскаго» шляхетнаго рода изъ сосѣдней Холмщины, а ея женихъ былъ простецъ-русинъ, «схизматикъ», едва-ли не самолично ходившій за плугомъ вмѣстѣ съ тремя-четырмя своими подданными; но Сестревитовскій обнаружилъ такое упрямство въ желаніи обладать рукою понравившейся ему «панны», столько заѣздилъ коней, навѣщая ея родителей (будто-бы по пути въ Люблинъ, по дѣламъ въ трибуналъ), что гордая полька снизошла наконецъ къ наивнымъ «залётамъ» простоватаго жениха и, уступая родительскимъ настояніямъ, согласилась стать его женою. Жизнь новобрачныхъ съ первыхъ же дней пошла вкривь и вкось: мужъ вѣчно то на работѣ, то на охотѣ, то на повѣтовыхъ съѣздахъ, а жена, заброшенная въ глушь Волынскаго полѣсья, среди чужихъ людей, помирала съ тоски и безпрестанно ѣздила гостить къ роднымъ. Но черезъ годъ ея родители оставили аренду имѣній въ Холмскомъ краѣ и переѣхали въ Бѣлоруссію; тогда молодая женщина затосковала совсѣмъ и предалась подвигамъ неумѣренной набожности: постилась, молилась и даже втайнѣ подвергала себя бичеваніямъ. Мужъ, конечно, не раздѣлялъ такого крайняго благочестія, совершаемаго къ тому же по чуждому для него обряду; ему все болѣе становилась противной пресная, затхлая, полумонастырская атмосфера его семейнаго очага, и скоро онъ совсѣмъ охладѣлъ къ женѣ—«девоткѣ», перенося свои симпатіи на ея «покоевую» Каську.

Между тѣмъ настало лѣто 1648 года. Всюду разнеслись тревожныя вѣсти, что гдѣ-то тамъ, на Украинѣ, возмутившіеся козаки уничтожили безъ остатка коронное войско и что ихъ гетманъ Хмель въ союзѣ съ ордою идетъ на Варшаву. Скоро появились мно-

Библиотека "Руниверс"

гочисленные бѣглецы изъ Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ и восточной Волыни: ксендзы, евреи и шляхта. Всѣ они разсказывали ужасныя вѣсти о жестокихъ насиліяхъ, грабежахъ и убійствахъ, свирѣпствующихъ повсюду, куда только проникло возстаніе. Въ западной Волыни формировались ополченія, безпрестанно прибывали сюда военные отряды изъ коренной Польши, и потому крестьяне вели себя смирно; тѣмъ не менѣе, болѣе предусмотрительные изъ дворянъ припрятывали цѣнныя вещи и увозили женъ и дѣтей въ Бѣлорусскіе и Польскіе края. Стала и Ганна Сестревитовская приставать къ мужу:

— «Що ты гадаешъ? Чили не видишъ, ижъ всюду почали люде о себѣ радити, а малженки свои до мѣстъ варовныхъ (безопасныхъ) и замковъ увозити? Чомъ про мене не дбаешъ?»

Но мужъ не думалъ проявлять заботливости о ней и только отшучивался, что, молъ, на такое золото, какъ его жена, «и татаринъ не покванится».

Вдругъ въ концѣ сентября разнеслась вѣсть, что польское войско понесло подъ Пилявцами полное пораженіе, что козацкіе загоны вторглись за Горынь и безъ боя овладѣли Ровномъ, Олыкою и Луцкомъ. Наступила ужасная паника; всѣ, кто могъ, изъ шляхтичей, евреевъ и ксендзовъ, уходили «въ забѣги». Крестьяне стали формироваться въ сотни и полки и принялись грабить панское добро. Сестревитовскій бросилъ молотьбу и сталъ поспѣшно снаряжать возы и оружіе, но не объяснялъ женѣ, что́ онъ задумалъ. Лишь на третій день, когда онъ, забравъ лучшихъ лошадей и челядниковъ, уѣхалъ будто бы въ городъ (Владиміръ), бѣдная женщина узнала отъ оставшейся челяди, что мужъ вступилъ въ хоругвь Петра Фалибовскаго, а ее бросилъ на произволъ судьбы.

Что оставалось дѣлать покинутой панѣ? Она собрала болѣе цѣнныя вещи, велѣла запречь простой возъ и ночью направилась въ Холмщину. Но челядникъ довезъ лишь ее до р. Буга, а дальше не захотѣлъ ѣхать. Пѣшкомъ, въ сопровожденіи одной лишь Каськи, Анна Сестревитовская направилась дальше; но на первомъ же ночлегѣ, въ лѣсу, Каська вѣроломно покинула свою госпожу, захвативъ съ собою всѣ ея пожитки. Терпя голодъ и холодъ, одинаково боясь встрѣчи съ людьми и съ дикими звѣрями, бѣдная женщина кое-какъ добралась до с. Бѣлки, въ Холмскомъ повѣтѣ, которое раньше было въ арендѣ у ея родителей. Здѣсь ей встрѣтился въ лѣсу «гаевой» Якубъ Бакулъ, знавшій ее по прежнимъ посѣщеніямъ его Бѣлки. Добродушный «хлопъ» сжалился надъ несчастной изгнанницей и пріютилъ ее въ своей избѣ, гдѣ она и прожила нѣсколько недѣль.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ Хмельницкій, осадивъ Замостье, распустилъ козацкіе «загоны» по всему Люблинскому воеводству. Скоро появились они и въ Бѣлкѣ. Боясь за судьбу своей шляхетной гостьи, Бакулъ посовѣтовалъ ей на время скрыться въ лѣсу, такъ какъ опасался предательства со стороны сосѣдей. Дѣйствительно, козаки узнали, что въ Бѣлкѣ скрывались нѣкоторые шляхтичи, поручили мѣстнымъ крестьянамъ разыскать ихъ и отобрать все, что при нихъ окажется. Хлопы устроили на пановъ облаву, какъ на звѣрей, и многихъ разыскали и убили, но Сестревитовской не нашли.

Черезъ три дня козаки ушли дальше. Тогда Бакулъ самъ отправился отыскивать свою гостью, обошелъ всѣ укромныя мѣста въ лѣсу, окликалъ ее по имени, но ея нигдѣ не было. Наконецъ, совершенно случайно онъ нашелъ ее въ болотѣ, едва живую. Оказалось, что, заслышавъ облаву, несчастная женщина отъ страха забралась въ густую болотную заросль и въ ней, по шею въ водѣ, просидѣла почти трое сутокъ. Это было въ половинѣ ноября, и потому не удивительно, что хотя она и слышала оклики Бакула, но не была въ состояніи ни выйти изъ своего убѣжища, ни даже отозваться на его голосъ. Добрый человѣкъ перенесъ несчастную пани въ избу и, какъ умѣлъ, старался помочь ей; но она черезъ нѣсколько дней «съ перемерзеня срокгого Пану Богу оддала духа»..

Впослѣдствіи эту грустную повѣсть, въ формѣ протестаціи на пана Крыштофа Сестревитовскаго, занесъ въ Луцкія гродскія книги (№ 2491, листъ 123) братъ погибшей, панъ Юрій Свенцицкій, откуда мы ее и заимствовали.

О. Л.

Изъ прошлаго полтавской епархіи. *(Бытовыя картинки* [1]*).* **2. Изъ Варвары Григорій; бракоразводный случай.** Отъ 16 февраля 1778 г. изъ Переяславской духовной Консисторіи въ Духовное Миргородской протопопіи Правленіе послѣдовалъ указъ такого содержанія. «Имѣется въ духовной Консисторіи рѣшеніемъ конченое дѣло о присланныхъ прошлаго 1778 года, марта 27, изъ Духовнаго протопопіи Золотоношской Правленія двоихъ женскаго пола лицъ, съ коихъ одно, именуя себе Григоріемъ Андреевымъ сыномъ Грековымъ, женилось и вѣнчано во образѣ мужа на дочери подданнаго бунчуковаго товарища Димитрія Бѣлухи, жителя села Вознесенскаго Алексѣя Кулика, дѣвицѣ Маріи. Въ самой же вещи оное, именовавшееся Григо-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1898 г. № 4.

Библиотека "Руниверс"

ріемъ, лицо, по освидѣтельствованіи явилось и есть женщина, а о имени своемъ и женитьбѣ, между протчаго показала. Зовутъ де ее Варькою, отецъ ея былъ художествомъ серебренникъ, а по природѣ яко-бы грекъ, православнаго исповѣданія. Проживая по разныхъ мѣстахъ въ Донскихъ станицахъ, по своему художеству, и ее въ малолѣтствѣ за собою водя, передѣлъ въ мужеское одѣяніе и наименовалъ Гришею. А для чего оный сіе сдѣлалъ, яко-бы не сказывалъ и не знаетъ. Почему де и за умертвіемъ онаго она въ мужескомъ одѣяніи хаживала, называясь Григоріемъ. Оттуда, съ Донскихъ станицъ, малороссійскими чумаками въ такомъ видѣ будучи вывезена, за неимѣніемъ о себѣ никакого письменнаго вида, была въ сотенной Полтавской Канцеляріи подъ карауломъ и подъ разсмотрѣніемъ о ея породѣ и о протчемъ, съ той Канцеляріи взята помянутаго бунчуковаго товарища сынами—маіоромъ Андреемъ и капитаномъ Михаиломъ, при которыхъ, какъ тамъ, въ Полтавѣ, такъ и въ Сѣвскомъ пѣхотномъ полку и въ бывшей съ Портою Оттоманскою арміи по службѣ ихъ, находилась въ услуженіи, обыкновенно какъ малой. Между чѣмъ, будучи съ тѣми же Бѣлушенками въ прописанномъ ихъ селѣ Вознесенскомъ, соглашена дворовыми служителями пойти въ домъ до тамошняго обывателя Алексѣя Кулика, куда собирались разные тамошнихъ жителей дѣвки и молодики, по званію простолюдиновъ, на досвѣтки. Здѣсь, будучи до нѣсколько разовъ и по примѣру другихъ производя съ дѣвками разныя шутки и шалости, зозналась съ вышеупомянутою Куликовою дочерью Маріею, съ коею и ночуя до нѣсколько разъ тамо, склонила оную къ плотскому беззаконію, равно тамо женилась на ней обыкновенно, по порядку, то есть, вѣнчалась въ церкви, при бытности своихъ господъ и народа, тамошнимъ священникомъ Стефаномъ Ивановымъ и свадьбу отправляла по надлежащему. По свадьбѣ таки была съ господами своими въ арміи, а за возвращеніемъ, проживая въ томъ селѣ Вознесенскомъ особымъ своимъ дворомъ, дѣлала съ оною Маріею Куликовою плотское совокупленіе нѣкоторымъ фальшивымъ образомъ и растлила ее, какъ о томъ обстоятельно по допросамъ обѣихъ ихъ значится. Изъ допросовъ сихъ явствуетъ, что хотя изъ нихъ показанная Варвара извиняется, яко-бы она не съ какимъ-либо умысломъ и не сама собою такой на себя видъ приняла, но еще въ малолѣтствѣ отцемъ своимъ Андреемъ Грековымъ въ мужское переодѣта одѣяніе и Григоріемъ переименована, однакъ никакого вѣроятія и уваженія

Библиотека "Руниверс"

недостойна, когда не только маленькою, но и въ совершенныхъ лѣтахъ, по умертвіи отца, въ разныхъ мѣстахъ обращаясь, нигдѣ сего не открыла и въ сотенной полтавской канцеляріи содержана будучи подъ карауломъ, въ допросѣ своемъ потаила и вездѣ представляла себе свѣту такъ обманно. А въ правилѣ 11-мъ собора помѣстнаго, иже въ Гангрѣ, въ книгѣ Кормчей на листѣ 56-мъ, положено: «Аще которая жена, мнящися воздержанія ради, перемѣнитъ одѣяніе и въ обычнаго мѣсто женамъ одѣянія въ мужскую одежду облечется, да будетъ проклята». Кольми паче на такой случай, какъ сія въ самомъ дѣлѣ сумазбродная тварь, будучи,—какъ и сама сознаетъ,—христіанка, въ такомъ обманномъ видѣ во всю жизнь свою къ таинствамъ святымъ покаянія и евхаристіи приступать дерзала многажды и супружества тайну обезчестить отважилась съ явнымъ закона Божія и преданій церковныхъ презрѣніемъ, обругавъ при томъ чинъ супружескаго сожитія запрещеннымъ сожитіемъ прежде женитьбы, зазнавсь съ дѣвкою, кою послѣ вмѣсто жены своей имѣла, Маріею, растлила ее несвойственнымъ и чрезъестественнымъ образомъ и по обвѣнчаніи тѣмъ же ругалась съ нея, послѣ же дозволила и съ другими блудодѣйствовать, чѣмъ оная Марія и дитя прижила. А по докладнымъ изъ Святѣйшаго Синода въ 1721-мъ году съ резолюціями его императорскаго величества государя императора Петра Перваго, по протчемъ, велѣно дѣламъ, о любодѣйствѣ быть свѣтскаго суда. Въ Морскомъ же Уставѣ, въ главѣ 18-й, въ пунктѣ 137-мъ, положено: «Ежели кто съ умыслу ложное имя или прозвище себѣ пріимметъ и нѣкоторый учинитъ вредъ, оный за безчестнаго объявленъ и по обстоятельству преступленій наказанъ быть имѣетъ». Для того, въ силу св. отецъ правилъ и высочайшихъ указовъ, приговорили: 1-е Женщину оную Варвару, ложно именовавшуюся Григоріемъ, снявъ съ нее мужеское и одѣвъ во все женское одѣяніе, отправить въ полковую полтавскую канцелярію за крѣпкимъ карауломъ, отъ мѣста до мѣста съ провожатыми, при промеморіи, для докончанія тамо о сумнительствѣ паспорта о породѣ ея въ сотенной полтавской канцеляріи начатаго дѣла,—не явится-ли при томъ и другого какого за нею важнаго преступленія, съ требованіемъ, чтобы, по окончаніи прежнихъ дѣлъ и за прописанныя ея противъ закона и преданій церковныхъ дерзновенія, поступая, учинено во всемъ по строгости закономъ, и что учинено будетъ, духовную Консисторію увѣдомлено-бъ. 2-е Женщину Марію, которая со-

Библиотека "Руниверс"

гласилась прежде обвѣнчанія къ блудодѣйству съ оною обманщицею, а по обвѣнчаніи въ сожительствѣ нѣсколько разъ, какъ и сама показала, примѣчала обманствомъ съ нею совокупленій, но не представляла заразъ и по совѣту обманщицы согласилась къ блудодѣйству съ другими, чѣмъ и дитя прижила, по правилу 58-му Василія Великаго, на листѣ 252-мъ въ той-же книгѣ Кормчей положенному, отлучить отъ сообщенія св. таинъ на семь лѣтъ, кромѣ смертнаго случая, и отправить (и отправлена) въ дѣвичій Золотоношскій монастырь въ черную работу, за окончаніемъ которой и о вступленіи ея въ сущій бракъ учинено имѣетъ быть разсмотрѣніе. 3-е Священника Вознесенскаго Стефана Иванова, таковый неправильный бракъ вѣнчавшаго, хотя въ невѣдѣніи обманства онаго, однако, что не по надлежащему испытанію, какъ винится, въ книгѣ Кормчей на листѣхъ 251, 522, 523 и 524 положенному, поелику онъ только предъ обвѣнчаніемъ, какъ и самъ признается, огласилъ и по одному на словахъ отъ помѣщика того села бунчуковаго товарища Бѣлухи сыновъ сказанному нѣкоторому объявленію обвѣнчалъ, а письменнаго ни у кого о ея породѣ не потребовалъ засвидѣтельствованія, при чемъ можетъ быть и открылось-бы обманство оное, оштрафовать (и оштрафованъ) ссылкою на мѣсяцъ въ заграничный православный, до епархіи переяславской принадлежащій, преображенскій Иржищевскій монастырь въ ежедневное священнослуженіе, дабы онъ впредь и другіе въ своей должности осторожнѣйшіе были. 4-е. Понеже начало сего беззаконія, по показанію самихъ, является изъ распутныхъ молодиковъ и дѣвицъ обращеній, кои, по вечерамъ собираясь вмѣстѣ, производятъ непристойные и вредные честности разговоры и шалости, то дабы того по приходамъ вездѣ было наблюдаемо и приходскіе священники наставляли старыхъ къ благонравному дѣтей воспитанію, а молодиковъ увѣщевали отъ такихъ вредительныхъ поступковъ и непристойностей, которые наводятъ грѣхъ на душу и въ жизни отъемлется Божіе благословеніе, а въ противномъ случаѣ непослушанія и по мірской командѣ къ розоренію сходьбищъ представляли-бы, послать во всѣ Духовныя Правленія указы, съ прописаніемъ таковаго непристойнаго къ обвѣнчанію явившагося случая, дабы въ томъ на основаніи чину и правилъ поступано неотмѣнно, остерегаясь отъ таковыхъ и подобныхъ худыхъ случаевъ. А потому, за докладомъ преосвященному господину Иларіону, епископу Переяславскому и Бориспольскому, архипастыреви нашему, опредѣленіемъ

Библиотека "Руниверс"

приписано: Быть по оному приговору. Для отправки же въ полтавскую канцелярію препроводить оную колодницу въ полковую переяславскую канцелярію (и препровождена) при промеморіи въ женскомъ одѣяніи, съ требованіемъ, дабы вездѣ въ подсудственныя мѣста даны были притвержденія о упраздненіи вечериночныхъ сходьбищъ. И по указу ея императорскаго величества къ непремѣнному члену о всемъ прописанномъ исполненію вамъ симъ предлагается. И Духовному Протопопію Миргородской Правленію вѣдати и чинить по сему ея императорскаго величества указу, а въ протчія мѣста таковые-жъ указы и въ полковую переяславскую канцелярію промеморія посланы. 1778 года, февраля 16 дня. На подлѣнномъ тако: протоіерей Іоаннъ Стеблѣнскій. Въ должности писаря Степанъ Симоновичъ. Переяславской консисторіи канцеляристъ Иванъ Гошкевичъ».

Изъ приведеннаго указа видно, что переяславская консисторія осудила всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ довольно строго, руководствуясь дѣйствовавшими въ то время узаконеніями. Но при этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ: насколько было виновно во всей этой исторіи главное дѣйствующее лицо, Варвара Грекова? Что она могла носить мужское платье, привыкнувъ къ этому съ дѣтства, это понятно. Но какая у нея могла быть цѣль, выдавая себя за мужчину, жениться и вступать въ законный бракъ? Неужели она сдѣлала это только потому, что была «безразсудною тварью», какъ выражается указъ? Не имѣемъ ли мы дѣла съ такъ называемымъ случаемъ гермафродитизма? Такіе случаи не рѣдки и въ настоящее время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ г. Полтавѣ умеръ домовладѣлецъ г. М—въ. Въ дѣтствѣ онъ считался принадлежащимъ къ женскому полу и былъ помѣщенъ для воспитанія въ мѣстный Институтъ для благородныхъ дѣвицъ, но въ 15 лѣтъ онъ былъ взятъ оттуда, такъ какъ оказалось, что мѣсто его не въ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, а скорѣе въ мужской гимназіи. О другомъ случаѣ передаемъ со словъ вполнѣ добросовѣстнаго и заслуживающаго довѣрія лица.— «Намъ съ твоимъ дѣдушкой, о. протоіереемъ Нав—кимъ, случилась однажды непріятная исторія»,—разсказывалъ мнѣ почтенный старикъ—діаконъ о. К—тъ Зел—скій». Просто—Божье попущеніе!... На Лиманскихъ хуторахъ, какъ тебѣ извѣстно, живетъ К—нъ Г—вичъ Г—ко. Отецъ этого Г—ко былъ большой пріятель твоего дѣдушки и дѣдушка частенько бывалъ у него. Да и то сказать,— у покойнаго старика Г—ко были такія наливки и настойки, что

Библиотека "Руниверс"

подъ стать хоть и самому богатому пану. Домъ у старика Г—ко былъ полная чаша. Были у него и дѣти, но, къ крайнему прискорбію, все дочери. Однажды, какъ теперь помню, на Константина и Елены, явились къ твоему дѣдушкѣ «кумы» крестить младенца. Дѣдушка спросилъ,—«отъ кого»? и узнавши, что дитя отъ Г—ко, пригласилъ кумовьевъ закусить, такъ какъ это были «знатные прихожане». Послѣ закуски дѣдушка окрестилъ новорожденнаго и, сообразно съ поломъ, далъ ему имя Елены. Закусили еще, и кумовья уѣхали. Прошло послѣ того лѣтъ семь. Однажды старикъ Г—ко пригласилъ твоего дѣдушку послѣ Спаса отвѣдать медку,—пасѣка у него была знатная. Дѣдушка взялъ и меня съ собою. Пріѣхали мы къ Г—ко, выпили и закусили изрядно, отвѣдали и медку. Наконецъ Г—ко, какъ человѣкъ «благочестивый», попросилъ у дѣдушки позволенія привести свою семью для благословенія. Дѣдушка началъ давать благословеніе членамъ его семьи и вдругъ какъ-бы усумнился. «Вѣдь, у тебя, кажется, были все дочери,—сказалъ онъ Г—ко,—откуда же этотъ взялся въ штанахъ»?—Какъ же, о. протоіерей, это сынъ Константинъ, вы же и крестили его». Дѣдушка ничего не сказалъ и вечеромъ, получивши отъ Г—ко «всякую благостыню», мы отправились домой. На другой день утромъ призываетъ меня дѣдушка и приказываетъ принесть изъ церкви метрическія книги. Я принесъ. Начали мы ихъ пересматривать и скоро нашли запись: «Такого-то года и числа у козака Г—ко и законной жены его родилась дочь Елена». Запись была сдѣлана моею рукою. «Не напуталъ-ли ты, отче діаконъ»?—обратился ко мнѣ дѣдушка.—«Нѣтъ о. протоіерей, я списалъ слово-въ-слово изъ вашей тетради». Нашелъ дѣдушка записную тетрадь, тамъ тоже значилось: «родилась дочь Елена». Задумался дѣдушка и на другой день поѣхали мы къ Г—ко. Разсказалъ дѣдушка объ этой исторіи Г—ко и велѣлъ позвать кумовьевъ (жили они не далеко). Кумовья явились и на вопросъ дѣдушки, какое дано было имя новорожденному, воспринятому ими у Г—ко, отвѣтили «запамятованіемъ», такъ какъ были тогда «немного выпивши». Тогда дѣдушка позвалъ Г—ко, меня и кумовьевъ въ особую комнату, туда же велѣлъ привести и сына Г—ко. Раздѣли мы Константина и начали осматривать его; оказалось, что онъ не то Константинъ, не то Елена, ни то, ни се, а скорѣе—Богъ знаетъ что. Тогда о. протоіерей строго сказалъ старику Г—ко: «Объ этой исторіи доносить я не буду,—много будетъ хлопотъ; въ метрическихъ

Библиотека "Руниверс"

книгахъ мы перемѣнимъ Елену на Константина, но ты долженъ дать клятву, что когда сынъ твой достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, ты не позволишь ему вступать въ бракъ, такъ какъ такимъ лицамъ, какъ твой сынъ, брачное сожитіе закономъ воспрещено». Старикъ поклялся. «Отъ-того-то»,—закончилъ свой разсказъ почтенный о. діаконъ,—К—ъ Г—вичъ и остался неженатымъ!... Замѣтимъ кстати, что онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, холостякомъ, въ глубокой старости, оставивъ все свое довольно значительное состояніе своимъ племянникамъ, дѣтямъ родной сестры.— Не было-ли чего-нибудь подобнаго разсказанному нами и съ Варварой Грековой? Въ дѣтствѣ она могла быть признаваема за Варвару, а въ лѣтахъ зрѣлыхъ изъ Варвары могъ явиться Григорій, или, скорѣе, «ни то, ни се»...

Сообщ. **Ив. П—чъ Ян—скій.**

Мысли М. А. Максимовича о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г.[1]) Максимовичъ сообщилъ мнѣ свѣдѣніе о Репнинѣ, Николаѣ Григорьевичѣ, котораго я доселѣ не зналъ; свѣдѣніе, для меня весьма интересное, но впрочемъ, тоже оставившее чрезвычайно грустное впечатлѣніе. Репнинъ былъ вице-королемъ Саксоніи (безъ сомнѣнія, во время войны союзниковъ). Потомъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ полтавскимъ, черниговскимъ и харьковскимъ. Максимовичъ говоритъ, что сначала князь давнулъ-было Малороссію, а потомъ самъ полюбилъ ее, увлекся. Человѣкъ былъ весьма образованный, и вообще личность великолѣпная. Одна глава въ исторіи Бантышъ-Каменскаго принадлежитъ даже его перу. Двѣ въ особенности замѣчательныя вещи сообщилъ мнѣ Максимовичъ: первое о тяжбѣ Репнина съ Гурьевымъ, объ этой, какъ сказалъ М., «исторической тяжбѣ». Гурьевъ хотѣлъ козаковъ присвоить казнѣ; а Репнинъ разъяснилъ ему исторически несправедливость нарушенія самыхъ святыхъ правъ.—И Репнинъ одолѣлъ? спросилъ я.—Какъ же не одолѣть! отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, говоритъ,—теперь обратили же козаковъ въ государственныхъ крестьянъ, козаковъ, почти то-же, что дворянъ.

---

[1]) Изъ дневника П. И. Гилярова-Платонова (Русск. Обозр. 1898 г. № 1, стр. 131).

Библиотека "Руниверс"

«Вторая замѣчательность: это—ополченіе 1835 года. Репнинъ чрезвычайно одушевилъ козаковъ, и на свой, т. е. ихній счетъ, вооружилъ десять полковъ. Энтузіазмъ, говоритъ, былъ чрезвычайный. М. разсказывалъ это къ тому, что, говоритъ, хотѣлъ было напечатать рѣчь Репнина козакамъ-ополченцамъ, которую онъ сказалъ тогда—краткую, но чрезвычайно пришедшую къ мѣсту, времени и лицамъ. Но, говоритъ, пожалуй, чортъ ихъ возьми, подумаютъ, что это какое-нибудь возбужденіе.

«Ужасны, однако, послѣдствія этого воодушевленія. Козаковъ довели до Бѣлоруссіи и потомъ отвели назадъ и—поворотили ихъ всѣхъ, добровольныхъ-то ополченцевъ, и на собственный счетъ вооруженныхъ, въ солдатъ! Стали протестовать, но въ отвѣтъ на это прогнали сквозь строй до смерти. Я не могъ удержаться отъ невольнаго содроганія, когда выслушалъ это... А при Александрѣ I, сказалъ М., было то же самое, съ тою, однако, разницей, что тогда, т. е., при Александрѣ I, вооружились они хотя на свой счетъ, но лошади пожертвованы дворянствомъ. А тутъ все свое, даже и лошади.

«Ну, а какъ послѣднее ополченіе? спрашивалъ я. Ну, что, нечего и спрашивать, говорилъ онъ. Тутъ просто изъ крестьянъ брали, да и то какихъ старались отдавать,—самыхъ дрянныхъ, пьянчугъ и т. п. Нѣтъ, говоритъ, Малороссія—баста, совсѣмъ отпала. Я былъ, говоритъ, въ послѣднюю войну: никакого одушевленія.

Изъ недавней исторіи малорусскаго козачества. Въ 1897 г. въ «Кіевской Старинѣ» была помѣщена статья, г. Н. С., подъ названіемъ: *Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ.* Въ этой статьѣ напечатаны любопытныя свѣдѣнія, касающіяся исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Между прочимъ здѣсь сообщены данныя о формированіи полковъ изъ малороссійскихъ козаковъ и отправленіи ихъ на театръ военныхъ дѣйствій для оказанія содѣйствія русскимъ войскамъ, усмирявшимъ польское возстаніе 1830—31 года. Во время крымской войны было сформировано нѣсколько полковъ малороссійскихъ козаковъ въ Полтавской губерніи, которые, почти въ теченіе цѣлаго года несли службу въ Прибалтій-

Библиотека "Руниверс"

скомъ краѣ. Въ этотъ край и обратно малороссійскіе козаки проходили чрезъ Курскую губернію и были восторженно привѣтствуемы населеніемъ во время пребыванія своего въ Курскѣ. Объ этомъ мы позволимъ себѣ разсказать въ предлагаемой вниманію читателей замѣткѣ [1]).

Въ концѣ 1855 года черезъ Курскъ прошло два козачьихъ малороссійскихъ полка №№ 1-й и 2-й. Оба они вышли изъ Полтавской губерніи и подъ командой генералъ-майора барона Ф. Е. Франка и подполковника графа Г. Б. Строганова направлялись въ Петербургъ.

Вѣсть о вступленіи въ Курскъ малороссійскихъ козаковъ за нѣсколько дней облетѣла населеніе города Курска и возбудила во всѣхъ слояхъ городского общества интересъ и вниманіе къ новымъ защитникамъ отечества. «Толковали среди публики, говоритъ старожилъ-очевидецъ, что мысль призвать къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ малороссійское козачество, заслуживаетъ особенной симпатіи, что козаки крѣпко постоятъ за честь своего оружія и дадутъ знать себя врагамъ»... Многихъ интересовалъ внѣшній видъ вновь сформированныхъ отрядовъ, потомковъ славнаго малороссійскаго козачества...

Наканунѣ вступленія въ Курскъ малороссійскаго № 2-й полка управляющій курскою палатою государственныхъ имуществъ поспѣшилъ выѣхать навстрѣчу козакамъ въ село Дьяконово, находящееся въ 22 верстахъ на юго-западъ отъ Курска, по кіевскому тракту. Въ Дьяконовой духовенство и крестьяне 26 декабря встрѣтило полкъ съ хоругвями, образами и хлѣбомъ-солью. На другой день, во 2-мъ часу дня, козаки вступили въ Курскъ. «Молодцами шли на коняхъ, говоритъ авторъ замѣтки въ тогдашнихъ *Губ. Вѣд.*, добрые сыны Украйны; весело вступали они въ городъ и задушевными пѣснями ихъ родины гремѣло козацкое молодечество и отвага».

Въ центрѣ города у Знаменскаго собора, на красной площади, полкъ остановился. Спѣшившись здѣсь по 10 человѣкъ отъ каждой сотни, козаки въ слѣдъ за офицерами вошли въ обширный соборъ. Здѣсь встрѣчены они были въ полномъ облаченіи архіепископомъ курскимъ Иліодоромъ и духовенствомъ. Одинъ изъ участниковъ этой встрѣчи, курскій старожилъ, бывшій студентъ старой кіевской академіи, не разъ говаривалъ, какое сильное впечатлѣніе произвели

[1]) Источниками для нея были: 1) дѣла архива губернскаго правленія, 2) „Кур. Губ. Вѣд.“ 1855 и 1856 гг. и 3) разсказы очевидца.

Библиотека "Руниверс"

малороссы: казалось всѣмъ, что воскресли запорожскіе полки. По совершеніи молебна, преосв. Иліодоръ сказалъ назидательное слово. Ободряя воиновъ на трудный подвигъ, онъ указалъ имъ на помощь небесную, на непобѣдимую силу ихъ подъ щитомъ Господнимъ. Потомъ, въ лицѣ полкового командира, преклонившаго колѣни, благословилъ весь полкъ иконою Знаменія Божіей Матери.—Примите сіе знаменіе, сказалъ архіепископъ, какъ живой памятникъ нашего сочувствія къ подвигу вашему!».

По выходѣ изъ храма, чудотворная икона была пронесена по всѣмъ рядамъ стоявшаго на площади полка и казаки окроплены св. водой. «Вся площадь, говоритъ тотъ-же старожилъ-очевидецъ, не смотря на значительный морозъ, была залита народомъ, восторженно привѣтствовавшимъ казачій полкъ. Многіе изъ городскихъ жителей спѣшили надѣлить чѣмъ-либо защитниковъ отечества, въ особенности проживавшіе въ то время въ Курскѣ малороссы. Они говорили съ земляками на малорусскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ стариковъ-малороссовъ, которыхъ судьба давно уже забросила въ Курскъ, со слезами на глазахъ благословляли своихъ сородичей и съ умиленіемъ смотрѣли на нихъ. Понравилась курянамъ и красивая обмундировка полка.

Въ честь полка былъ данъ обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія; на обѣдѣ было произнесено стихотворное привѣтствіе полку...

Гласъ Державнаго Царя
Васъ воззвалъ, сыновъ Украйны,
И, любовію горя,
Вы идете въ путь вашъ дальній!
Молодецкихъ шесть полковъ
Вашъ Черниговъ и Полтава
Изъ *старинныхъ козаковъ*
Подарили намъ на славу.
Ваши дѣды и отцы
Дали знать себя народамъ,
А двѣнадцатымъ тѣмъ годомъ
Всѣ козаки молодцы,
Какъ одна семья гуляли,
На пиру кровавыхъ сѣчъ.
И всегдашнимъ запѣваламъ,
Обнаживши грозный мечъ,

Библиотека "Руниверс"

Платовъ всюду съ казаками
Начиналъ отважный бой!

Дружное «ура!» козаковъ было отвѣтомъ на это стихотвореніе. Интересно отмѣтить то обстоятельство, что обѣдъ въ честь малороссовъ былъ завершенъ исполненіемъ малороссійскихъ пѣсенъ, а вечеромъ въ театрѣ былъ данъ спектакль, состоявшій исключительно изъ малорусскихъ пьесъ.

Также торжественно и сочувственно куряне встрѣтили козачій полкъ № 1-й, подъ командой генерала Франка. Послѣ молебна въ соборѣ архіепископъ Иліодоръ произнесъ слово, во время котораго генералъ Франкъ и офицеры-козаки стояли на колѣнахъ. Слово было кратко, но выразительно. Такъ началъ его преосвященный: «*Братъ, отъ брата помогаемъ, стоитъ, яко градъ твердъ и несокрушимъ*» и, перейдя къ словамъ пѣснопѣвца Давида: *мнѣ же зѣло честни други твои, Боже,* развилъ мысль о томъ, какъ дороги для Россіи всѣ, приносящіе жизнь на алтарь отечества и что не на землѣ, а на небѣ только можетъ быть воздаяніе за подвиги ихъ... Слово было закончено наставленіемъ воинамъ сражаться мужественно, но законно. *Никто же не вѣнчается, аще незаконно подвизается.* Поручаю васъ покровительству Царицы Небесной, съ желаніемъ, да будетъ она и охраненіемъ и укрѣпленіемъ вашимъ и въ пути, и на полѣ брани.

Весьма любопытно то, что командиръ малороссійскаго полка генералъ Франкъ былъ въ 1812 году *партизаномъ* и храбро сражался противъ наполеоновскихъ войскъ... По словамъ старожила-очевидца, генералъ, несмотря на преклонный возрастъ, былъ бодръ, оживленъ и производилъ впечатлѣніе доблестнаго героя. Большія симпатіи возбуждали и офицеры, среди которыхъ было нѣсколько человѣкъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ. Что-же касается полка, то нельзя было не любоваться отличнымъ его состояніемъ, видимымъ довольствомъ козаковъ, а также ихъ бодрыми и стройными движеніями, усвоенными въ весьма короткое время.

Для дорогихъ гостей былъ данъ ужинъ, въ которомъ приняло участіе курское высшее общество. Въ числѣ другихъ тостовъ офицеры предложили тостъ за здоровье курскихъ дамъ, принявшихъ дѣятельное и живое участіе въ общемъ привѣтѣ малороссійскимъ полкамъ.

Въ 1856 году малороссійскіе козаки изъ Прибалтійскаго края возвращались на родину. Они курянами были приняты, какъ родные сосѣди, сослужившіе службу Царю и отечеству. Съ пѣснями про-

Библиотека "Руниверс"

слѣдовали они чрезъ Курскъ. Пѣсни ихъ заинтересовали курское общество, и нѣкоторыя изъ нихъ были записаны и напечатаны въ «Курск. Губ. Вѣд.», вмѣстѣ съ переводомъ на русскій языкъ.

Во главѣ пѣсенъ была поставлена: «Прощай Украино»:

Выходылы козаченьки
Рано зъ Юнакивки,— [1])
Схылывсь одынъ молоденькый
Коныку на грывку.
Хиба жъ такъ винъ утомывся,
Идучи походомъ?
Чи, бидаха, зажурывся
За домомъ и родомъ?
Ни! Козакъ не знае стомы,
За родомъ не плаче;
И не згада про хоромы,
Якъ на кони скаче!
А винъ дума про родыну--
Стару нашу матирь...
О, якъ тяжко, Украино,
Тебе покидаты!
А винъ дума: що послидній,
Може, разъ вытае
Твои степы, Украино,
Дубровы и гаи...
И послидне ёго слово,
Послидняя думка,
Понесуться до престола—
За тебе, голубко!
Щобъ ты бильше багатила
Своимы сынамы;—
Щобъ козацька добра сыла
Въ тоби процвитала,
Щобъ до вику не змарнила
Козацькая слава;—
Щобъ тебе'к' мамокохалы
Свои й чужи люде,

[1]) Юнаковка—село въ Полтавской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

И кобзари щобъ спивалы
Про все, що ще буде!...

Вотъ другая пѣсня малороссійскихъ козаковъ.

Кыньмо, братця, батька й неньку,
Родыму хатыну,
Жинку мылу молоденьку,
Малую дытыну!..
Кыньмо! Бо прыйшла годына,
Щобъ козацька слава
Знову встала зъ домовыны,
Де такъ довго спала.
Нехай знову степъ шыроkый
Регоче и плаче,
Якъ въ трави ёго высокій
Козакы проскачуть!
Нехай лыманъ червоніе
Одъ вражои кровы,
Нехай нова зачорніе
Могыла въ диброви!
Нехай скажуть, що мы диты
Старои Вкраины
Вміемъ головы зложыты
За Божи руины.
Вміемъ поле застылаты
Не тилько снопами,—
Вміемъ ёго засиваты
Вражымы тиламы.
Вдарымо жъ въ землю по поклону,
Гостру шаблю въ руку!
Разомъ, хлопци! Махъ на коней!
Гайда, скилько духу!...

Сообщилъ **А. Танковъ.**

Библиотека "Руниверс"

Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. Настоящее письмо Мазепы къ полковнику Ивану Мировичу относится къ 1699 году и касается вопроса о запрещенномъ въ это время переселеніи народа съ лѣваго берега Днѣпра на правый и поселеніи здѣсь слободъ въ Корсунѣ, Богуславѣ, Мошнахъ... [1]) Въ этомъ письмѣ Мазепа укоряетъ поляковъ въ лицемѣріи при ихъ распоряженіяхъ, «абы жаденъ зъ посполитой шляхты и зъ пановъ не важился городовъ и селъ осажовати о пять миль отъ Днѣпра», и грозитъ, что поляки скоро должны будутъ уйти оттуда, изъ своихъ «новоосаженныхъ слободъ». Письмо списано съ копіи, когда то снятой съ подлинника, находившагося въ архивѣ старыхъ дѣлъ Черниговск. губ. правленія (называвшагося архивомъ малороссійской коллегіи), въ числѣ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ, отправленныхъ затѣмъ въ Петербургъ, въ археографическую коммиссію [2]).

А. Л.

«Мой ласкавый пріятелю, пане полковнику Переяславскій.

Чинится то онъ лицемѣрнымъ и змышленнымъ зычливцемъ з тымъ (тыхъ) мѣтъ (мѣръ?), же сподѣваюся не осѣдитися тамъ въ Мошнахъ і (я ?) якихъ подобно причинъ и до насъ гетманъ коронный [3]) чрезъ сотника полку вашего Басанскаго прислалъ подобный унѣверсалъ, возбраняючи, абы жаденъ зъ посполитой шляхты и зъ пановъ не важился городовъ и селъ осажовать о пять миль отъ Днѣпра, якожъ въ скоромъ то часѣ будетъ, же они рады не рады—мусятъ оттуль, такъ зъ Мошенъ, яко и зъ инныхъ своихъ новоосаженныхъ слободъ уступити, а ваша милость унѣверсалъ тотъ гетмана коронного, до мене въ листу вашой милости присланный, одошлѣте назадъ до рукъ самого. Що и повторне вашой милости приказавши, Господу Богу вашу милость поручаемъ. Августа 10 дня року....

Вашой милости зычливый пріятель Іванъ Мазепа гетманъ войска его царского пресв. велич. Зап.

На конвертѣ надпись. Его царского пресвѣтлого величества. Войска Запорожского полковникови Переяславскому пану Івану Мировичу, моему надежнѣйшему пріятелеви.

---

[1]) См. Костомарова „Мазепу“, стр. 162.

[2]) Копіи сняты были въ полов. текущаго столѣтія любителемъ малорусской старины Дм. Грембецкимъ и намъ переданы сыномъ его Ф. Д. Грембецкимъ. Какъ видно, копіи сняты не точно.

[3]) Яблоновскій.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Живописная Россія. *Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общей редакціей П. П. Семенова. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. in 4°. Томъ пятый.* **Малороссія и Новороссія.** *Часть 1. Малороссія, Подолія и Волынь. Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Кіевская губерніи. Съ 289 рисунками 1897 г., 332 и III стран. и 1 карта. – Часть 2. Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губерніи. Съ 252 рисун. и 3 картами. 1898 г., 298, III и 2 нен. стр.*

Около двадцати лѣтъ тому назадъ (въ 1879 году) покойный книгопродавецъ—издатель М. О. Вольфъ предпринялъ, подъ редакціей вице-предсѣдателя русскаго географическаго общества П. П. Семенова, многотомное и въ широкихъ размѣрахъ задуманное изданіе, посвященное описанію Россіи, подъ заглавіемъ «Живописная Россія, отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи». Послѣ выхода въ свѣтъ дорого стоившихъ первыхъ томовъ, послѣдующіе томы, уступая посвященному описанію Сѣверной Россіи и лучше всѣхъ изданному первому тому въ объемѣ и качествѣ, стали больше и больше запаздывать выходомъ, а затѣмъ, со смертью М. О. Вольфа, изданіе, не находившее достаточнаго количества покупателей, пріостановилось. Наконецъ, «товарищество М. О. Вольфъ», явившееся преемникомъ М. О. Вольфа, желая, такъ сказать, однимъ ударомъ достигнуть двухъ цѣлей, т. е.

Библиотека "Руниверс"

и довести до конца изданіе, «Живописной Россіи», и поднять упавшее число подписчиковъ на издаваемый имъ журналъ «Новь», объявило, что въ виду приложенія къ этому журналу оно ежегодно будетъ давать по одному тому «Живописной Россіи». Исполняя это обѣщаніе, названное товарищество сначала разослало подписчикамъ «Нови» залежавшіеся и ставшіе дороже самаго журнала изданные раньше томы «Живописной Россіи», а потомъ стало продолжать это изданіе, причемъ томы стали выходить меньше, а иллюстраціи къ нимъ—гораздо хуже прежнихъ.

Такимъ образомъ, въ видѣ приложенія къ журналу «Новь» за истекшій 1897 годъ, въ концѣ того года и въ началѣ текущаго выпущенъ въ двухъ частяхъ давно ожидавшійся и довольно объемистый пятый томъ «Живописной Россіи», посвященный описанію Южно-русскаго края. Трудовъ нѣкоторыхъ авторовъ, которые были обѣщаны въ первоначальной программѣ изданія (напримѣръ В. Б. Антоновича), въ немъ не оказывается; нѣкоторые авторы, внесшіе столько для этого тома, въ теченіе многолѣтнихъ приготовленій къ изданію успѣли давно умереть, а многія свѣдѣнія, помѣщенныя въ этихъ статьяхъ, въ настоящее время являются уже устарѣлыми.

Первая часть пятаго тома открывается статьей *Д. Л. Мордовцева*: «Малороссійское племя»,—которая, трактуя объ особенностяхъ малороссійскаго племени и его распространеніи, о характеристикѣ типа, о міровоззрѣніи и повѣрьяхъ малороссовъ, имѣетъ компилятивный характеръ и составлена почти исключительно по трудамъ П. П. Чубинскаго (Труды юго-западнаго отдѣла этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край), причемъ не чужда нѣкоторыхъ ошибокъ. Такъ, говоря о собирателяхъ произведеній малорусскаго народнаго творчества, авторъ, вѣроятно слышавшій о существованіи сборника южно-русскихъ пѣсенъ Жеготы Паули [1]), но почему-то вообразившій, что Жегота (Игнатій) Паули—не одно, а два лица, такимъ образомъ перечисляетъ ихъ, объясняя, что «словесная культура малорусскаго племени далеко еще не исчерпана собирателями его творчества Максимовичемъ, Цертелевымъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, Закревскимъ, Номисомъ, Лавренкомъ, Рудченкомъ, Кулишемъ, Шейковскимъ, Гатцукомъ, Ильницкимъ, Руссовымъ,

[1]) Pieśni ludu Russkiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów. 1839—1840.

Библиотека "Руниверс"

Костомаровымъ, Срезневскимъ, Гильтебрандтомъ, Лозинскимъ, *Жеготою*, Головацкимъ, *Паули*, Залѣсскимъ, Зенькевичемъ, Руликовскимъ, Стецкимъ, Новосельскимъ, и въ особенности Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ» (стр. 5).—Какъ видитъ читатель, въ числѣ собирателей произведеній малорусскаго народнаго творчества авторомъ не упомянуты Зоріанъ Ходаковскій, О. М. Бодянскій, Гр. Илькевичъ, В. Н. Смирницкій, Сементовскій, С. Д. Носъ, Манжура и многіе другіе.—Еще больше неполнота указаній бросается въ глаза въ другомъ мѣстѣ. Разсуждая о томъ, что прошлымъ Малороссіи (т. е. ея исторіей) уже достаточно занимались будто бы въ ущербъ настоящему, авторъ говоритъ (стр. 30), что въ недавнее время проявилось наконецъ и стремленіе къ изученію современной Малороссіи, и затѣмъ называетъ тѣхъ лицъ, трудами которыхъ въ послѣдніе годы много подвинулось впередъ освѣщеніе настоящаго образа Малороссіи; лица эти слѣдующія: проф. Кистяковскій, проф. Антоновичъ, Залюбовскій, Дыминскій, Струцинскій, Воронецкій, Чередниченко, Кравцовъ, Раевскій, Ильяшевичъ, Волкъ, Руссовъ, Лисенко, Кордашъ, Новицкій, Симиренко, Чернецкій, Андреевскій, Столбинъ, Ждановъ, Ѳедоренко, Ящинскій, Хойнацкій, Касьяненко, Ильницкій, Савченко и Поленковскій. Стоитъ сличить это перечисленіе лицъ, двинувшихъ впередъ, по словамъ автора, освѣщеніе настоящаго образа Малороссіи, съ предисловіемъ П. П. Чубинскаго къ I тому «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи», чтобъ увидѣть, что всѣ эти фамиліи выписаны оттуда, гдѣ они представляютъ собою списокъ лицъ, изъ которыхъ одни доставили П. П. Чубинскому статьи и матеріалы для названнаго изданія (нѣкоторые изъ нихъ, какъ Ждановъ, и Ящинскій, въ то время были еще воспитанниками учебныхъ заведеній), другіе сотрудничали съ Чубинскимъ, работая подъ его руководствомъ по приведенію въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ; третьи, какъ Симиренко, доставили Чубинскому фотографическіе снимки, оставшіеся неизданными. Такимъ образомъ, составляя статью о Малорусскомъ племени и освѣдомляясь изъ напечатаннаго четверть столѣтія тому назадъ (1-й томъ «Трудовъ юго-западнаго отдѣла этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» былъ изданъ въ 1872 году) предисловія Чубинскаго о томъ, кто именно трудился для малорусской этнографіи, г. Мордовцевъ не только не воспользовался для своей статьи многими этнографическими работами, но какъ будто бы и не подозрѣваетъ, что и раньше изданія упомяну-

Библиотека "Руниверс"

тыхъ «Трудовъ», и послѣ того, надъ изученіемъ Малороссіи въ ея настоящемъ, кромѣ названныхъ имъ лицъ, работали многіе другіе, съ трудами которыхъ онъ могъ бы познакомиться, если не непосредственно, то хотя бы изъ книги А. Н. Пыпина (Исторія русской этнографіи, томъ III) и дополнительныхъ къ ней статей Н. Ѳ. Сумцова, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ.

За статьей Мордовцева слѣдуетъ статья *Д. А. Самоквасова* «Археологическое богатство Малороссіи», дающая сводъ свѣдѣній о курганныхъ раскопкахъ въ предѣлахъ Малороссіи, причемъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что статья была давно заготовлена для изданія, въ ней недостаетъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ важныхъ раскопкахъ, совершенныхъ въ позднѣйшее время (каковы, напримѣръ, раскопки Ч. В. Хвойко).

Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи *П. А. Кулиша:* а) Судьбы Кіевскаго великаго княжества и удѣльныхъ княжествъ въ Кіево-Днѣпровской Руси до татарскаго погрома»,—представляющая собою довольно скучный очеркъ всѣмъ извѣстныхъ событій изъ исторіи велико-княжеской Руси и б) «Судьбы Малороссіи и Украины послѣ татарскаго погрома»,—въ которой разсказъ доведенъ до 1654 года и высказываются тѣ-же взгляды, которые болѣе пространно были высказаны въ сочиненіяхъ Кулиша «Исторія возсоединенія Руси» (1874) и «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (1888).—Продолженіемъ статей Кулиша является неправильно озаглавленная статья *М. Александровича* «Козачество и Гайдамачина», которая разсказываетъ о событіяхъ въ Малороссіи отъ смерти Богдана Хмельницкаго до уничтоженія Запорожской Сѣчи и въ которой о козачествѣ до Хмельницкаго вовсе не говорится, а о гайдамакахъ упоминается только вскользь, въ нѣсколькихъ строчкахъ.

Написанная обстоятельнѣе другихъ статья *В. Майнова* «Какъ и чѣмъ кормится Украина» повѣствуетъ о физической природѣ края, качествахъ почвы, сельскомъ хозяйствѣ, способахъ сбыта продуктовъ и мѣстной торговлѣ. Слѣдующая за нею статья *Г. Богрова* «Русскіе евреи», относясь не только къ южно-русскому краю, а ко всѣмъ нѣстамъ еврейской осѣдлости въ Россіи, говоритъ о поселеніи евреевъ въ Россіи, объ особенностяхъ ихъ религіознаго и семейнаго быта и о дѣятельности ихъ въ экономической области.

Описанію городовъ южно-русскаго края въ ихъ современномъ состояніи посвящены въ первой части пятаго тома три статьи:

Библиотека "Руниверс"

«Кіевъ, его святыни и достопримѣчательности» *П. Н. Полевого*,— «Заднѣпровская Украина» *Е. П. Карновича*—и «Харьковъ и города лѣвобережной Украины» *Я. Абрамова*. Статьи эти имѣютъ нѣчто общее: трактуемое ими не составляло для ихъ авторовъ предмета ихъ спеціальныхъ изученій и интересовъ, писали они по случайному поводу и далеко отъ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ говорятъ. Описывая южнорусскіе города, какъ Карновичъ, такъ и Абрамовъ оставляютъ безъ вниманія нѣкоторые сравнительно населенные или имѣющіе историческое значеніе пункты, не давая объ нихъ никакихъ свѣдѣній. Такъ, Карновичъ ничего не сообщаетъ о Бердичевѣ, Овручѣ, Новоградволынскѣ, Дубно, Староконстантиновѣ, Заславлѣ; у Абрамова нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Глуховѣ, Стародубѣ, Конотопѣ, Лубнахъ, Сумахъ и проч. Притомъ Карновичъ по крайней мѣрѣ перечисляетъ всѣ города, а Абрамовъ даже не упоминаетъ о вышеназванныхъ городахъ, какъ будто бы ихъ вовсе не существовало. Во всѣхъ же трехъ статьяхъ свѣдѣнія о населеніи городовъ являются устарѣлыми и несогласными съ дѣйствительностью. Встрѣчаются и такія ошибки: на страницѣ 289 Карновичъ разсказываетъ, что будто-бы черезъ Черкасскую пристань на Днѣпрѣ снабжается лѣсомъ «Бобринецкій уѣздъ Черниговской губерніи». Не задумавшись надъ тѣмъ, какимъ образомъ Черниговская губернія можетъ снабжаться лѣсомъ изъ Черкасъ, авторъ вѣроятно смѣшалъ бывшій до 1865 года уѣзднымъ, нынѣ заштатный городъ Бобринецъ, Херсонской губерніи Елисаветградскаго уѣзда, съ Бобрикомъ или Бобровицею Черниговской губерніи и своимъ воображеніемъ дополнилъ существованіе несуществующаго въ Черниговской губерніи уѣзда.

Предоставляя себѣ о нѣкоторыхъ статьяхъ поговорить подробнѣе впослѣдствіи, укажемъ содержаніе второй части пятаго тома. Въ этой части помѣщены слѣдующія статьи: *А. Деревицкаго*— «Слѣды древне-греческихъ поселеній и античной культуры на югѣ Россіи», *С. Давидовича*—«Физическій характеръ страны», «Города Бессарабіи и Новороссійскаго края вообще» и «Возсоединенная Бессарабія», *В. Борисова*—«Труженики степи», *С. В. Максимова*—«Соляное богатство», *П. Зосидомскаго*—«Черное и Азовское моря», *К. Березина*—«Одесса» и «Портовые и другіе города на Черноморско-Азовскомъ побережьѣ», *Евг. Маркова*—«Крымъ и его особенности» и *И. С. Попова*—«Крымъ въ его прошлыхъ судьбахъ».

Библиотека "Руниверс"

Что касается внѣшней стороны изданія, то она много уступаетъ первымъ томамъ «Живописной Россіи». Хотя количество помѣщенныхъ въ пятомъ томѣ рисунковъ велико, но въ первой части этого тома вовсе нѣтъ рисунковъ новыхъ и оригинальныхъ. Почти всѣ помѣщенные въ ней рисунки перенятъ изъ другихъ изданій и давно знакомы тѣмъ, которые интересуются этимъ предметомъ. Такъ, для нея перенятъ почти всѣ рисунки, помѣщенные во второй книгѣ изданнаго М. О. Вольфомъ подъ редакціей П. Полеваго сборника стихотвореній «Родные отголоски» (Малорусская жизнь и природа. СПБ. 1881). Много рисунковъ взято изъ изданій П. Н. Батюшкова и изъ разныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, русскихъ и польскихъ, причемъ воспроизведеніе рисунковъ въ большинствѣ случаевъ очень плохое. Во второй части V тома встрѣчаются рисунки, которыхъ мы не видѣли въ другихъ изданіяхъ, но исполнены они еще хуже, чѣмъ въ первой части.—Рисунки не всегда соотвѣтствуютъ съ текстомъ статей; о нѣкоторыхъ предметахъ, изображенныхъ на рисункахъ, въ текстѣ ничего не говорится, и наоборотъ для многихъ предметовъ, о которыхъ даются свѣдѣнія въ текстѣ и которые нуждались бы въ изображеніи ихъ въ иллюстрированномъ изданіи, рисунковъ недостаетъ. Многіе рисунки не характерны; напримѣръ, для изображенія степи на стр. 30 (первой части) взятъ изъ книги «Родные отголоски» (стр. 17) рисунокъ Каразина къ стихотворенію Никитина: «Ночь въ степи», изображающій солдата въ николаевской формѣ, сидящаго среди очень высокихъ цвѣтовъ рядомъ съ какимъ-то путникомъ, улегшимся на травѣ. Для строчекъ Никитина: «Брось посохъ, путникъ утомленный... Твоя постель—цвѣты живые» нужно было изобразить и путника, и посохъ, и цвѣты, но для изображенія малорусской степи можно было найти рисунки, болѣе характерные, и не нужно было брать такіе случайные предметы, какъ николаевскій солдатъ. На страницѣ 9 съ подписью «Въ рощѣ» перенятъ изъ той же книги рисунокъ того-же художника къ стихотворенію Некрасова «Соловьи» (стр. 50). Этотъ рисунокъ съ одинаковымъ правомъ могъ бы быть помѣщенъ въ книгѣ, посвященной описанію великорусскихъ губерній, или Франціи, Германіи и проч. Относительно нѣкоторыхъ рисунковъ можно сомнѣваться въ томъ, изображаютъ ли они малорусскій бытъ или какой нибудь другой. Наконецъ, есть рисунки изображающіе неизвѣстно что; на стр. 122 изображены развалины какого-то замка съ подписью: «Зеньковъ, Полтавской губерніи. За-

Библиотека "Руниверс"

мокъ, уничтоженный татарами». Что такое въ дѣйствительности изображаетъ этотъ замокъ—мы не знаемъ, но знаемъ, что въ полтавскомъ Зеньковѣ ничего подобнаго не было и нѣтъ. Многіе другіе рисунки напечатаны съ невѣрными подписями. Такъ, не смотря на помѣщенныя въ Кіевской Старинѣ (1890 г. № 3 и 1894 г. № 10) свѣдѣнія относительно рисунковъ, которые были напечатаны въ «Пчелѣ» съ подписями: «Развалины дома Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ» и «Развалины дома Мазепы въ Батуринѣ», рисунки эти воспроизведены (стр. 147 и 158) съ тѣми самыми невѣрными подписями, съ которыми были помѣщены въ «Пчелѣ». Рисунокъ Т. Г Шевченка, изображающій волостной судъ (или «Се діло треба розжувати») напечатано съ подписью: «Сходня старшинъ передъ корчмою» (стр. 22); подъ снимкомъ съ картины Іосифа Брандта, изображающей запорожца, надпись гласитъ: «Кобзарь въ степи» (стр. 37), а подъ рисункомъ Андріолли, изображающимъ лирника, сдѣлана надпись: «Кобзарь—лирникъ» (стр. 35), показывающая, что издатели не отличаютъ кобзы отъ лиры.

По поводу помѣщеннаго на стр. 101 рисунка съ подписью „Могила Олега въ Овручѣ“ намъ вспомнился одинъ случай изъ нашей поѣздки въ этотъ городъ. Рисунокъ этотъ, изображающій мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ погребенъ убитый въ битвѣ съ Ярополкомъ Олегъ Святославичъ и откуда останки его были перенесены Ярославомъ въ Кіевскую Десятинную церковь, взято изъ изданія П. Н. Батюшкова, по словамъ котораго онъ воспроизведенъ съ акварели, снятой художникомъ Струковымъ для 4-го выпуска «Памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ»; на немъ представленъ невысокій курганъ съ возвышающимся надъ нимъ большимъ крестомъ, который, какъ разсказываетъ Батюшковъ, былъ воздвигнутъ въ 1848 году офицерами проходившихъ чрезъ Овручъ войскъ. Между тѣмъ когда лѣтъ пять тому назадъ мы были въ Овручѣ и просили мѣстныхъ жителей указать это мѣсто, намъ указали на окраинѣ города, среди огородовъ, совсѣмъ непохожее на изображенное на рисункѣ, ровное мѣсто, на которомъ не было ни креста, ни возвышенія, ни какихъ либо другихъ признаковъ, обозначающихъ могилу, и которое, имѣя форму правильнаго четырехъ-угольника, отличалось отъ окружающаго его пространства только тѣмъ, что не было запахано и засѣяно. На вопросы наши о томъ, чѣмъ же именно устанавливается, что эта площадка была мѣстомъ Олеговой могилы, спутники наши (представи-

Библиотека "Руниверс"

тели мѣстной интеллигенціи) ничего не могли объяснить. А послѣ того одинъ мѣстный старожилъ разсказалъ намъ, что дѣйствительное мѣсто Олеговой могилы находится не въ городѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него и имѣетъ видъ кургана (въ этомъ мѣстѣ мы не были); исторія же «открытія» городской Олеговой могилы была будто бы такая: когда-то былъ у насъ, говорилъ намъ нашъ собесѣдникъ, одинъ исправникъ, который, при первомъ представленіи новому начальству, собиравшемуся въ скоромъ времени посѣтить Овручъ, между прочимъ услышалъ отъ него: «есть тамъ у васъ въ городѣ Олегова могила, надо будетъ ее посмотрѣть». Никогда этимъ предметомъ неинтересовавшійся и ничего объ немъ не знавшій исправникъ смутился, разсуждая, что начальство, требуя отъ него какую-то Олегову могилу, можетъ пожалуй взыскать съ него, если въ предѣлахъ его вѣдомства таковой не окажется; а потому немедленно по возвращеніи въ Овручъ, не долго думая, распорядился «отвесть» въ городѣ по своему усмотрѣнію мѣсто для Олеговой могилы, которое потомъ и стали показывать разнымъ пріѣзжимъ лицамъ подъ наименованіемъ «Олеговой могилы»; а затѣмъ понятія спутались такъ, что мѣстные жители уже не знаютъ достовѣрно, какое мѣсто въ дѣйствительности представляетъ собою Олегову могилу. Правду ли говорилъ этотъ старожилъ—мы не знаемъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ предѣлахъ Овручскаго уѣзда обыватели его указываютъ два разныхъ мѣста, выдавая каждое изъ нихъ за Олегову могилу, причемъ одно изъ нихъ является, такъ сказать, фальшивою могилой.

Н. Ш.

М. Чернявський.—*Донецьки сонеты. Бахмутъ. 1898.*

Поэтическое искусство Украйны переживаетъ теперь довольно тяжелыя минуты; по извѣстнымъ условіямъ, стихотворная украинская поэзія едва-едва влачитъ свое существованіе... Объ этомъ существованіи нерѣдко даетъ она знать небольшими томиками стихотвореній, свидѣтельствующихъ, въ большинствѣ случаевъ, только о добрыхъ желаніяхъ стихотворцевъ: не часто встрѣчаются среди нихъ произведенія, носящія слѣды таланта, достойныя имени поэтическихъ. Поэзіею, безотносительно къ ея видамъ, мы называемъ искусство

Библиотека "Руниверс"

воспроизводить внутренній и внѣшній міръ въ типахъ и образахъ... Поэтическое произведеніе, какъ таковое, должно быть проникнуто художественной правдой... Въ основѣ поэтическаго или художественнаго произведенія должна лежать опредѣленная идея, выразителями которой и являются извѣстные типы и картины... Произведеніе, соблюдшее всѣ эти условія, есть произведеніе прекрасное, поэтическое; создатель его есть тогда художникъ, поэтъ... Держась этого основного положенія, мы и пришли къ заключенію, что наша поэтическая литература далека отъ желательнаго. Въ лучшемъ положеніи находится поэзія драматическая и эпическая проза; далеко въ худшемъ—поэзія въ стихахъ... Насъ пока занимаетъ послѣдняя...

Съ начала 80-хъ гг. когда проф. Петровъ подвелъ итогъ всей нашей поэзіи, начиная съ Котляревскаго, наше творчество не представило ни одного произведенія достойнаго лучшихъ піесъ Шевченка... Но творчество, разумѣется, не оскудѣло... И послѣ 1883 года продолжаютъ работать такіе талантливые ветераны стихотворной поэзіи, какъ М. Старицкій, Глѣбовъ и Щоголевъ,—и появляются новые поэты, среди которыхъ могутъ назваться поэтами, и при томъ талантливыми, такія лица, какъ В. Самійленко, Людмила Старицька (Черняховская), Леся Украинка и М. Славинскій [1]). Произведенія ихъ затрогиваютъ болѣе серьезныя темы и общечеловѣческіе интересы... Къ сожалѣнію Людмила Старицька и М. Славинскій пишутъ по-украински мало, и о степени и характерѣ ихъ таланта трудно составить вполнѣ опредѣленное понятіе... Какъ видите, поле стихотворной украинской поэзіи разработано мало, а между тѣмъ современная жизнь представляетъ для творчества богатые матеріалы... Можно теперь представить радость, когда на этомъ полѣ засверкаетъ вдругъ новая искорка поэзіи, подающей дѣйствительныя надежды... Такую радость испытали мы при чтеніи Донецкихъ сонетовъ—г. Чернявскаго. Сказать о г. Чернявскомъ, что онъ безспорный талантъ, трудно: этому мѣшаетъ рядъ стихотвореній, которыя можно считать слабыми... За то нѣсколько другихъ стихотвореній позволяютъ утверждать, что упорная работа въ области стихотворной поэзіи можетъ развить поэтическое дарованіе, отблески котораго отражаются и теперь въ стихахъ г. Чернявскаго.

---

[1]) О Галиціи мы не говоримъ.

Библиотека "Руниверс"

Недостатковъ въ стихахъ г. Чернявскаго есть не мало, и если бы такіе недостатки встрѣтились въ стихахъ даже патентованныхъ нашихъ стихотворцевъ, то мы о нихъ не стали бы говорить, но о недостаткахъ творчества г. Чернявскаго мы скажемъ только потому, что ждемъ отъ него впереди талантливой лирики и очень будемъ сожалѣть, если въ своихъ ожиданіяхъ обманемся...

Итакъ, что-же можно сказать о сонетахъ Чернявскаго? Прежде всего мы должны замѣтить, что почти всѣ его сонеты написаны довольно образно и съ этой стороны, какъ произведенія начинающаго поэта, они насъ удовлетворяютъ... Лучшими, почти художественными стихотвореніями мы считаемъ: «Зъ дорогы», «Ничъ», «Динець», «На гори» и «Въ весняну ничъ»... Слабыя стихотворенія у г. Чернявскаго слѣдующія: «*_*», «Рыбалкы», «Селяне», «Порубка» и «Хрестосъ Воскресъ»... Остальныя стихотворенія—болѣе или менѣе удачныя, но особеннаго интереса не представляютъ. Во всякомъ случаѣ живая, изящная образность и искреннее чувство—суть неотъемлемыя достоинства большинства стихотвореній г. Чернявскаго. Къ числу формальныхъ достоинствъ его сонетовъ нужно отнести также довольно красивый и выдержанный стихъ, если только онъ не многостопенъ... Эти достоинства «Донецкихъ сонетовъ» есть вообще достоинство истинно поэтическихъ произведеній и, отмѣтивъ эту важную положительную сторону стиховъ г. Чернявскаго, мы уже больше возвращаться къ ней не станемъ... Укажемъ теперь недостатки. Ихъ, какъ мы сказали, не мало, хотя они и не принадлежатъ къ числу важныхъ... Ошибки у г. Чернявскаго встрѣчаются, какъ въ стилѣ, такъ и въ языкѣ... Самая важная сторона поэтическаго созданія—образность—находится у г. Чернявскаго въ лучшемъ положеніи. Мы можемъ указать только немного прегрѣшеній г. Чернявскаго противъ образности... Такъ напримѣръ, не однимъ намъ кажется неестественнымъ и запутанно-темнымъ слѣдующій образъ (стр. 18):

Вбраннямъ крылъ байдачныхъ слезы
Обернулысь крыжанымъ...

Полонъ аляповатости и вульгарности слѣдующій образъ (стр. 28)

Все такъ-же кряжъ билеси боны—
Мовъ хто въ сметану ихъ залывъ...

Другихъ недостатковъ въ подобномъ-же родѣ указать мы не можемъ. Мало также прегрѣшеній у г. Чернявскаго противъ размѣра, но все таки есть и они... Напримѣръ, въ стихотвореніи «Селяне»,

Библиотека "Руниверс"

написанномъ пятистопнымъ ямбомъ, слѣдующіе два стиха совсѣмъ не имѣютъ размѣра (стр. 17):

Ось тутъ, межъ горамы симы сумными,
Далеко геть видъ бучныхъ городивъ.—

Въ стихотвореніи «Смерть», написанномъ шестистопнымъ ямбомъ, непріятно рѣжетъ ухо стихъ пятистопный (стр. 22)

И смерть порве и струны си снивочи...

Довольно слабыми и часто даже плохими являются у г. Чернявскаго рифмы... Уже по одному рифмованію можно заключить, что г. Чернявскій поэтъ только начинающій и что съ техникой стиха совладалъ не вполнѣ. Вотъ тѣ рифмы въ его сонетахъ, которыя или плохи, или совсѣмъ не рифмы: стр. 3—«горы—убори», «у спори—горе; стр. 5—«хотивъ—замутывъ», «зумивъ—вразывъ», «раны—стане»; стр. 7—«тыховодый—вроды»; и пр. Какъ можно изъ этого видѣть, пробѣлы въ смыслѣ рифмъ значительные, хотя достоинство стиховъ г. Чернявскаго уменьшается отъ этого не на много... Изъ техническихъ недостатковъ сонетовъ слѣдуетъ отмѣтить встрѣчающуюся также какофонію, примѣры которой слѣдующіе: стр. 14—«*въ тини не замутыть*», стр. 20—«У млн лиса»; стр. 18—*дзвинка кора*. Весьма часто встрѣчается въ сонетахъ стеченіе шипящихъ и свистящихъ, гортанныхъ съ гортанными-же, вслѣдствіе чего исчезаетъ музыкальность стиха. Вотъ примѣры нежелательнаго стеченія вообще согласныхъ: стр. 4—*очнувсь, згадавъ*; стр. 8—*на небо-жъ зъ вильною*; стр 11—*дримавъ въ легкимъ тумани;* стр. 20—*замерзъ, зимови*; стр. 22—*такъ къ чому-жъ;* стр. 25—*внызъ сплывае*, и пр.

Для соблюденія размѣра авторъ иногда произвольно распоряжается удареніями, что́ также рѣжетъ ухо,—напримѣръ: стр. 9—мари́ння вмѣсто ма́риння; стр. 12—пи́скы вмѣсто писки́; стр. 13—ра́зивъ вм. рази́въ. Иногда у автора сонетовъ попадаются плеоназмы вродѣ слѣдующихъ: стр. 9—

Роемъ вьются *зграи* снивъ...

Другой примѣръ (стр. 14)—

млie
Въ своихъ *пищаныхъ* берегахъ.
Писокъ кругомъ.

Въ области синтаксиса также имѣются погрѣшности... Встрѣчается, напримѣръ, путаница прямыхъ дополненій (стр. 11); неправильныя согласованія, напримѣръ: стр. 24—дви дивчыны молодыхъ

Библиотека "Руниверс"

вм. молодп; стр. 22—*къ* чому-жъ я—вм. *на* що-жъ я.—Какъ вліяніе русскаго языка, встрѣчаются русскія причастія дѣйствительнаго залога прошедшаго времени,—напримѣръ (стр. 17)—На сій земли родывшыхся родивъ; или (на стр. 21)—уплывшый въ пустякахъ. Въ области лексики встрѣчается погрѣшностей также не мало... Прежде всего наблюдается неправильное употребленіе словъ; напримѣръ (стр. 27)—*риченькы* вмѣсто *розмовы*,—*онькы*; *пивдень* вмѣсто *полудень*.. Но самый частый и непріятный грѣхъ г. Чернявскаго—это многочисленные русспзмы... Не смотря на встрѣчающіяся у нашего поэта литературныя слова новѣйшей выработки, изъ сонетовъ г. Чернявскаго можно убѣдиться, что вообще съ украинскимъ литературнымъ языкомъ онъ знакомъ мало... .Посовѣтуемъ поэтому г. Чернявскому, да и всякому начинающему писателю, тщательнѣй проштудировать произведенія Левицкаго и М. Старицкаго да Олены Пчилки, изъ которыхъ двое послѣднихъ особенно много потрудились надъ созданіемъ литературнаго украинскаго языка... Далеко не будетъ лишнимъ имѣть подъ рукой и украинскій словарь г. Тимченка, впервые представившаго намъ сборникъ словъ для выраженія высшихъ, незнакомыхъ народу понятій... Всѣ указанные лексическіе матеріалы безспорно дадутъ возможность всякому избѣжать тѣхъ заполненій стиховъ иноземщиной, которыя такъ рѣжутъ ухо всякому, привыкшему къ чистой украинской рѣчи. А этой болѣзнью особенно страдаютъ, какъ мы сказали, сонеты г. Чернявскаго. Вотъ примѣры многихъ его руссизмовъ: уборъ, уныло, зрыть, струи, сребряни, тинь (вм. холодокъ), зычный, прывольный, въ пустякахъ, рикою, шумы (отъ шумъ), баюшкы-баю, и пр. Словомъ, руссизмъ встрѣчается почти въ каждомъ сонетѣ... Однако и руссизмы и всѣ прочіе недостатки стиховъ г. Чернявскаго почти стушевываются передъ упомянутыми ихъ достоинствами, которыя свидѣтельствуютъ о дарованіи автора сонетовъ. Посовѣтуемъ-же г. Чернявскому побольше изощриться въ украинскомъ языкѣ, потрудиться надъ точнымъ выраженіемъ мысли, надъ техникой вообще стиха,—и если авторъ обратится къ болѣе серьезнымъ сюжетамъ, чѣмъ описаніе природы, то мы вполнѣ ожидаемъ отъ него вкладовъ въ украинскую лирическую поэзію. Нѣсколько хорошихъ стихотвореній г. Чернявскаго даютъ намъ почву для такихъ ожиданій, а слабыя его стихотворенія и вообще недостатки его стиховъ пусть послужатъ г. Чер-

Библиотека "Руниверс"

нявскому напоминаніемъ о томъ, что безъ упорной работы надъ своимъ литературнымъ развитіемъ онъ можетъ свое дарованіе заглушить и погубить.

И. Стешенко.

Номоканонъ при большомъ требникѣ. *Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями.* **Проф. А. Павлова.** *Новое, отъ начала до конца переработанное изданіе. 519 стр.* (Учен. Записки Имп. Моск. унив., вып. 14. М. 1897).

«Номоканонъ», представляя собою памятникъ греческаго церковнаго права, переведенъ былъ на славянскій языкъ, чтобы служить *руководствомъ для духовниковъ при совершеніи исповѣди и наложеніи эпитимій на кающихся.* «Номоканонъ» впервые переведенъ былъ на славянскій языкъ на югѣ, и первое печатное изданіе его явилось въ 1620 г., въ Кіевѣ. Здѣсь оно было напечатано въ типографіи Кіево-печерской лавры извѣстнымъ монахомъ Памвою Берындою [1]), снабдившимъ изданіе множествомъ (на поляхъ книги) замѣтокъ, въ которыхъ частью объясняются непонятныя русскимъ читателямъ слова въ текстѣ, частью дѣлаются поясненія текста Номоканона указаніемъ на соотвѣтственныя мѣста изъ Св. Писанія. Изданіе Берынды оказалось настолько нужнымъ для тѣхъ, кому дана была власть «вязати и рѣшати человѣческая согрѣшенія», что въ 1624 г. изданіе Номоканона было повторено, при чемъ новое изданіе вышло изъ той-же Кіевопечерской типографіи, съ предисловіемъ извѣстнаго Захарія Копыстенскаго. И второе изданіе Номоканона (Копыстенскій называетъ его «наставникомъ для духовниковъ и врачебницею для кающихся») разошлось скоро, и въ 1629 г. явилось третье кіевское его изданіе, на этотъ разъ съ предисловіемъ тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской лавры Петра Могилы. На основаніи кіевскихъ изданій было напечатано въ 1639 г. и первое великорусское изданіе Номоканона, при чемъ оригиналомъ для послѣдняго послужило собственно второе кіевское изданіе. Проф. Павловъ даетъ обстоятельныя

[1]) См. о немъ Филологическія Записки, 1869 г., вып. 2 и 3, стр. 18 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

свѣдѣнія о томъ, какъ московскіе издатели Номоканона, «раздѣлявшіе общее недовѣріе великорусскихъ книжныхъ людей къ кіевскимъ ученымъ», боязливо отнеслись къ своему прототипу, котораго, слѣдовательно, не имѣли возможности замѣнить другимъ, т. е. не имѣли возможности обратиться къ греческому подлиннику Номоканона. Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію проф. Павлова напечатаны «оглавленія и предисловія къ южно-русскимъ изданіямъ Номоканона» (стр. 481—498), при чемъ сообщается предисловіе и къ четвертому южнорусскому изданію Номоканона, напечатанному въ 1646 г., во Львовѣ тогдашнимъ епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ. Въ виду рѣдкости кіевскихъ изданій Номоканона, за перепечатку предисловій Памвы Берынды, Захарія Копыстенскаго и Петра Могилы нельзя не поблагодарить проф. Павлова, давшаго въ своей книгѣ, кромѣ того, вообще обстоятельныя свѣдѣнія о первомъ появленіи Номоканона въ Южной Руси.

А. Л.

Русская политика въ восточномъ вопросѣ. (*Ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи*). *Историко-юридическіе очерки Сергѣя Жигарева. XVI+465 стр.* (Учен. Записки Имп. Московск. университета. Отдѣлъ юридическій. Вып. XI. М. 1896).

Въ исторіи «восточнаго вопроса» Малороссія играла немалую роль, особенно во второй полов. XVII в. Сначала, появленіе въ Малороссіи въ 1624 г. авантюриста *Ахіи* или *Александра Оттомануса* [1]) и снисканное имъ благоволеніе у кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, выдвинуло было вопросъ «о разрушеніи Турецкой имперіи»; но «Войско Запорожское» не увлеклось планами тогдашнихъ мечтателей.

Затѣмъ— «присоединеніе Малороссіи къ Московской державѣ имѣло громадное значеніе и въ исторіи восточной политики Россіи. Оно повело къ расширенію предѣловъ Московскаго государства на югъ и такимъ образомъ приблизило къ берегамъ Чернаго моря, достиженіе которыхъ необходимо было для обезпеченія матеріальныхъ интересовъ Россіи».

---

[1]) Исторія Ахіи разсказана Кулишомъ въ его статьѣ „*Восточный вопросъ и Задунайская Славянщина передъ глазами Московскаго царя Михаила Феодоровича*“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., № 3.

Библиотека "Руниверс"

Возникшія несогласія Польши съ Россіей изъ-за присоединенія къ послѣдней Малороссіи предположено было окончить Андрусовскимъ перемиріемъ, но цѣль не была достигнута, такъ какъ смуты въ Малороссіи продолжались и довели Москву и Польшу до столкновенія съ Турціей. «Дѣло началось съ того, что въ 1669 г. гетманъ польской стороны, Дорошенко, отдался подъ покровительство турецкаго султана вмѣстѣ съ Запорожьемъ. Это обстоятельство вызвало въ 1672 году войну Турціи съ Польшей. Послѣдняя сильно встревожилась и обратилась къ Московскому правительству за помощью противъ турокъ, указывая ему общность интересовъ христіанскихъ народовъ въ борьбѣ съ невѣрными, а также и на то, что союзникамъ окажутъ услугу народы Балканскаго полуострова, которые, прослышавъ о союзѣ христіанскихъ монарховъ, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ поганскаго ига. Русское правительство по Московскому договору, заключенному съ Польшей въ 1672 г., обѣщало ей вспомогательное войско противъ турокъ. Но прежде чѣмъ начать войну съ Турціей, царь послалъ султану грамоту, въ которой извѣщалъ его о томъ, что между Россіей и Польшей заключенъ миръ и установлена тѣсная дружба и совѣтовалъ ему вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ воздержаться отъ войны съ Россіей и Польшей изъ-за бунтовщика; въ противномъ случаѣ государь обѣщалъ заключить союзъ со всѣми христіанскими державами противъ Порты, поднять донскихъ козаковъ и персидскаго шаха. Предупрежденія московскаго царя не оказали, однако, должнаго воздѣйствія на султана. Онъ не только не прекратилъ военныхъ дѣйствій противъ Польши, но, послѣ ряда побѣдъ принудилъ ее въ 1676 г. къ уступкѣ Украины съ частью Подоліи, а когда въ слѣдующемъ году Дорошенко передался въ русское подданство,—объявилъ войну самой Россіи..... Лишь въ 1681 г. русскому правительству удалось окончить эту первую войну съ Турціей, вызванную малороссійскимъ вопросомъ... По бахчисарайскому трактату, устанавливавшему 20-тилѣтнее перемиріе, Россія удерживала за собою восточную Украину, а западная Украина оставалась за Турціей».

Изъ приведенной выписки видно, что г. Жигаревъ, вводя Малороссію въ исторію восточнаго вопроса, къ сожалѣнію, не распространился, а о послѣдующемъ участіи Малороссіи въ столкновеніяхъ Россіи съ Турціей и Крымомъ, при Мазепѣ, онъ говоритъ еще короче. Ничего не сказано у г. Жигарева о той роли, которую заняло

Библиотека "Руниверс"

Запорожье въ исторіи восточнаго вопроса вслѣдствіе своихъ постоянныхъ столкновеній съ Крымомъ, а иногда и съ Турціей.

Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи Г. Ф. Карпова, (Чтенія въ И. Общ. истор. и древ. россійск., кн. 2-я 1898 года) заключаетъ въ себѣ *Отзывъ о сочиненіи М. И. Лилеева—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв.*, принадлежащій С. Т. Голубеву.

Въ нашемъ изданіи былъ данъ отзывъ о книгѣ г. Лилеева проф. В. С. Иконниковымъ. Оба рецензента отозвались объ этомъ изслѣдованіи съ тою похвалою, которую несомнѣнно заслуживаетъ книга г. Лилеева уже по одной массѣ собраннаго имъ матеріала. Изъ нѣсколькихъ замѣчаній, сдѣланныхъ С. Т. Голубевымъ на книгу г. Лилеева, отмѣтимъ здѣсь одно—относительно исторіи земельныхъ владѣній Кіево-печерской лавры. По этому поводу у г. Лилеева читалъ слѣдующее: « По поводу исторіи лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ послѣднее время высказано *тенденціозное* недоумѣніе А. М. Лазаревскимъ. На томъ основаніи, что въ пяти грамотахъ, выданныхъ Лаврѣ въ 1680 году царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ лаврскихъ стародубскихъ—Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1720 года, *выданной однако на основаніи предшествующихъ грамотъ*, почтенный изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что эти волости пріобрѣтены лаврой помимо пожалованій и пожертвованій. Мало того, тутъ же почтеннымъ историкомъ прямо высказывается и та мысль, что лаврскіе городничіе могли прямо захватывать въ пользу лавры цѣлыя деревни. Въ данномъ случаѣ по отношенію къ тремъ указаннымъ лаврскимъ стародубскимъ волостямъ, эта мысль оказывается *совершенно ложною*. Въ актахъ, относящихся къ исторіи Зап. Рос., т. V, № 19, стр. 72—73, приведена *Мѣновая запись кіевскаго митрополита Петра Могилы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому объ уступкѣ кіево-печерскихъ монастырскихъ селъ: Печерска, Барсуковъ, Цвыркова и Тарасовичъ во владѣніе Мои-*

Библиотека "Руниверс"

левской архіерейской каѳедрѣ, по поводу замѣна ихъ на волость Попову горы, яко смежную съ лаврскою отчиною. Запись эта выдана 9 декабря 1644 года и хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ. *Она даетъ положительное указаніе,* какъ пріобрѣтены лаврой стародубскія обширныя маетности».

На это заключеніе г. Лилеева у г. Голубева находимъ слѣдующее возраженіе. «Первѣе всего замѣтимъ, что авторъ не совсѣмъ точно передаетъ *сущность* замѣчаній и доказательствъ г. Лазаревскаго по данному вопросу и приписываетъ ему болѣе категорическое (чѣмъ какое находится у него) утвержденіе о способѣ пріобрѣтенія лаврою упомянутыхъ помѣстій. Г. Лазаревскій говоритъ, что исторія лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, остается до сихъ подъ не обслѣдованною; поэтому мы имѣемъ лишь сбивчивыя свѣдѣнія о томъ, когда и кѣмъ даны были волости Бобовицкая, Попогорская и Лыщицкая. Г. Лазаревскій, дѣлая попытку рѣшить этотъ вопросъ, обращается къ пересмотру документальныхъ данныхъ и находитъ, что въ концѣ XVI столѣтія лавра не владѣла еще означенными волостями, потому что *въ подробной описи* кіево-печерскихъ имѣній, составленной въ 1593 году, послѣ смерти архимандрита Мелетія Хребтовича Богурынскаго, въ числѣ ихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра показана только *Поднѣпровская волость.* Въ первой половинѣ XVII вѣка лаврѣ не отъ кого было получить такихъ огромныхъ имѣній. По присоединеніи Малороссіи къ Россіи дана была лаврѣ грамота на земельныя угодья царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 г., и затѣмъ пять подобныхъ грамотъ выданы были въ 1680 г., по просьбѣ кіево-печерскаго архимандрита Гизеля, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; но во всѣхъ нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой. Упомянуты эти волости въ первый разъ въ грамотѣ 1720 года, выданной лаврѣ послѣ пожара 1720 г., когда *всѣ крѣпости ея на вотчины погорѣли.* Изъ этой послѣдней грамоты видимъ, что право на означенныя стародубскія волости подтверждено было по двумъ основаніямъ: въ виду грамоты царя Ѳедора Алексѣевича, якобы выданной лаврѣ въ маѣ 1680 года, и какихъ то выписей кіевской губернской канцеляріи и протестаціи, выданной изъ кіевской ратуши. Но такъ какъ въ текстѣ грамотъ 1680 г. — какъ уже сказано — о лаврскихъ стародубскихъ помѣстьяхъ не говорится (копіи этихъ грамотъ сохранились и послѣ пожара), а равно неизвѣстными

Библиотека "Руниверс"

остаются и выписи кіевской канцеляріи и ратуши, то естественно заподозрѣвается достовѣрность тѣхъ данныхъ, которыя легли въ основу грамоты 1720 г. Указавъ затѣмъ на возможность для лавры пріобрѣтенія имѣній помимо пожалованій и пожертвованій (что документально подтверждается), г. Лазаревскій заканчиваетъ свои разсужденія заявленіемъ, что, при наличности существующихъ данныхъ, на вопросъ: *пожалованіемъ ли пріобрѣтены Стародубскія волости?— дать опредѣленный отвѣтъ трудно*».

«Изъ сказаннаго видно, продолжаетъ г. Голубевъ, что означенныя разсужденія г. Лазаревскаго проникнуты строго-научнымъ, критическимъ характеромъ, и скептическое его отношеніе къ грамотѣ 1720 г. представляется раціональнымъ. Поэтому, нашему автору слѣдовало отнестись къ указываемой имъ мѣновой записи 1644 г., идущей въ разрѣзъ съ предположеніями г. Лазаревскаго, и обслѣдовать ее посредствомъ «строго-научнаго метода исторической критики». Такое критическое отношеніе къ мѣновой записи 1644 года неизбѣжно привело бы его къ заключенію, что она подложна и появилась съ извѣстными цѣлями гораздо позже того времени, къ какому отнесена ея составителемъ. Приводимъ доказательства подложности записи.

а) Въ записи Іосифъ Горбацкій называется епископомъ *бѣлорусскимъ* («превелебному господину отцу Іосифу Горбацкому, *епископу Бѣлорусскому*»), между тѣмъ до присоединенія въ 1654 году Малороссіи къ Московскому государству, іерархи, занимавшіе означенную каѳедру, титуловались епископами *мстиславскими, оршанскими и и могилевскими.* б) По избраніи, послѣ смерти Петра Могилы, Сильвестра Коссова на кіевскую митрополію, онъ, не получивъ въ свое управленіе (подобно предмѣстнику, богатой кіево-печерской лавры, *до 1650 года* удерживалъ за собою и прежнюю свою епископскую каѳедру съ принадлежащими къ ней имѣніями, никого не посвящая на оную, почему и подписывался: «Сильвестръ Коссовъ, милостію Божію архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи» епископъ *мстиславскій, оршанскій и могилевскій*». и в) Избраніе и посвященіе Іосифа Кононовича Горбацкаго на мстиславскую епископію состоялось *не ранѣе 1650 года*, а въ 1644 году—время, къ которому отнесена упомянутая мѣновая запись,—*онъ состоялъ еще ректоромъ могилянской коллеціи и игуменомъ кіево-братскаго монастыря* Все это могло быть извѣстно нашему автору и изъ обнародованныхъ уже данныхъ».

Библиотека "Руниверс"

Приведенная здѣсь выписка изъ отзыва г. Голубева, указываетъ что г. Лилеевъ, укоривъ г. Лазаревскаго въ *тенденціи* при объясненіи имъ происхожденія лаврскихъ земельныхъ владѣній и назвавъ затѣмъ переиначенную самимъ г. Лилеевымъ «мысль» его, г. Лазаревскаго, по этому вопросу «*совершенно ложною*»,—поступилъ нѣсколько неосмотрительно...

Десятилѣтіе Харьковской общественной библіотеки (*26 сент. 1886 г.—26 сент. 1896 г.*). *Харьковъ, 1898. Стр. 99.*

Исторія книги на Руси, безъ сомнѣнія, могла-бы составить высоко поучительное чтеніе, если-бы ее написать съ приличною дѣлу полнотою и ясностью. Тѣмъ болѣе интереса представила-бы обстоятельная исторія нашихъ книгохранилищъ: сколько неудачныхъ попытокъ, какая героическая борьба то съ равнодушіемъ публики, то съ суровостью временъ, сколько неожиданныхъ катастрофъ и прямо таки стихійныхъ бѣдствій, обусловленныхъ недовѣріемъ къ просвѣтительнымъ теченіямъ въ обществѣ! Государство наше не можетъ существовать съ честью безъ просвѣщенныхъ людей, но условія и пути сего просвѣщенія, благодаря неисповѣдимымъ путямъ провидѣнія, отлились въ какія то своеобразныя формы, заставляющія, какъ говорится, желать много лучшаго.

Въ этомъ отношеніи краткій отчетъ о первомъ десятилѣтіи Харьковской публичной библіотеки представляетъ матеріалъ по истинѣ драгоцѣнный для будущей исторіи книги въ Южной Руси. Возникла библіотека съ самыми ничтожными средствами, а къ концу десятилѣтія въ ней числилось 26. 966 томовъ книгъ и журналовъ. По числу книгъ она занимаетъ пятое мѣсто среди провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ (виленская—100.000 томовъ, морская кронштадтская—75.000 томовъ, одесская 88.000 томовъ, рижская—свыше 40.000 томовъ). Какъ библіотека общественная, несодержимая на средства какого-либо вѣдомства, она занимаетъ первое мѣсто въ имперіи. Просвѣтительное вліяніе ея на массу очень велико. Такъ, въ 1895 году было 2385 посѣтителей при 60.738 посѣщеній. По составу книгъ, библіотека можетъ удовлетворять запросы всѣхъ клас-

Библиотека "Руниверс"

совъ общества. Въ ней есть богатый отдѣлъ беллетристики, но еще больше отдѣлъ научный. Въ 1895 году было 38.338 удовлетворенныхъ требованій на книги и журналы. При библіотекѣ есть безплатный кабинетъ для чтенія и спеціальный отдѣлъ народныхъ книгъ, дѣйствующіе съ большимъ успѣхомъ. Годовой бюджетъ библіотеки 10—11 т. руб., въ томъ числѣ субсидія отъ города 2300 р.,—остальное получается отъ подписной платы и пожертвованій. Число подписчиковъ превышаетъ 2000 чел. Подписная плата по 3-му разряду—5 коп. въ мѣсяцъ.

Для характеристики нравовъ не лишены интереса такія отмѣтки отчета: неоднократно книги библіотеки попадали къ букинистамъ; возвращался романъ вмѣсто сочиненія Дарвина; являлись подписчики съ вымышленными фамиліями; придумывались комбинаціи, съ цѣлью получить книги, не выдаваемыя на домъ, подчасъ дорогія и даже рѣдкія; изъ журналовъ вырѣзывались картинки, вырывались приложенія и отдѣльныя статьи (стр. 34); къ стыду нашей интеллигенціи, должно сознаться—замѣчаетъ отчетъ (стр. 51)—что случаи злонамѣренной порчи въ 3-мъ разрядѣ (народныхъ книгъ) замѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ категоріи первыхъ двухъ разрядовъ.

Не смотря на эти печальныя явленія и разныя неблагопріятныя обстоятельства (стр. 43), дѣло развивается безостановочно, благодаря сочувствію общества и безкорыстной энергіи тружениковъ, посвятившихъ свои силы этому благородному начинанію. Усилія ихъ нашли справедливую оцѣнку въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ библіотекѣ по случаю ея десятилѣтняго юбилея.

Озабочиваетъ правленіе библіотеки вопросъ объ устройствѣ собственнаго дома, такъ какъ нынѣшнее помѣщеніе уже оказывается тѣснымъ и небезопаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Къ концу 1896 г. было собрано на постройку дома 29.000, но требуется еще столько-же. Сборъ пожертвованій продолжается; въ нихъ крайняя нужда; отъ прилива ихъ зависитъ скорѣйшее осуществленіе постройки дома. Съ благодарностью принимаются самыя мелкія суммы. Фамиліи всѣхъ жертвователей своевременно публикуются и будутъ занесены въ лѣтописи библіотеки; имена крупныхъ жертвователей будутъ отмѣчены особо. Пожертвованія просятъ направлять по слѣдующему адресу: въ Харьковъ, въ Харьковскую Библіотеку (Московская ул. д. Темнинской, № 4).

Библиотека "Руниверс"

Представителемъ правленія библіотеки состоитъ проф. харьковскаго университета Д. И. Багалѣй, интересная рѣчь котораго «О просвѣтительномъ значеніи х. о. библіотеки» помѣщена въ отчетѣ (стр. 61—82). Тамъ же находимъ «Историческую записку о дѣятельности библіотеки въ первое десятилѣтіе ея существованія» М. А. Машоова, «черкъ десятилѣтней дѣятельности третьяго разряда библіотеки» В. П. Даневской, «безплатный кабинетъ для чтенія» проф. Е. Л. Зубашева, статью Н. А. Гредескула «къ десятилѣтію х. о. библіотеки» изъ «Харьк. Губ. Вѣд.» отъ 25 сентября 1896 г. Всѣ эти статьи и отчеты составлены весьма обстоятельно и свидѣтельствуютъ о рѣдкой любви къ дѣлу и живѣйшей симпатіи, какою пользуется библіотека въ харьковскомъ образованномъ обществѣ.

Н. М.

Малорусскія изданія послѣднихъ мѣсяцевъ.

За послѣдніе 2—3 мѣсяца появилось въ продажѣ нѣсколько брошюръ и другихъ изданій нашего юга. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Прежде всего укажемъ на два портрета, изданные г. Коваленкомъ въ г. Черниговѣ; это—портретъ Т. Г. Шевченка и И. П. Котляревскаго. Оба портрета написаны тушью и исполнены настолько удовлетворительно, опрятно и не дорого (по 15 коп.), что ихъ не стѣсняясь можно рекомендовать каждому, кто желалъ бы имѣть приличные портреты названныхъ двухъ писателей.

Изъ числа новоповявившихся брошюръ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Б. Гринченко. Оповидання. 220 стр. 16⁰, цѣна 35 коп., а на лучшей бумагѣ 75 коп, Черниговъ 1898 г.

Томикъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующихъ восемь разсказовъ: «Сестрыця Галя», «Зъ згадокъ про дытячи лита», «Нелюбъ», «Каторжна», «Панько», «Батько та дочка» и «Пидпалъ». Каждый изъ этихъ разсказовъ разновременно изданъ былъ отдѣльной брошюрой, а теперь всѣ они появились собранными въ одну книжку. Читатели, слѣдящіе за малорусскою литературою, помнятъ, навѣрно,

Библиотека "Руниверс"

содержаніе этихъ разсказовъ и несомнѣнно будутъ довольны появленіемъ ихъ въ одной книжкѣ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ небольшіе разсказы г. Гринченка безусловно удачнѣе и талантливѣе, нежели болѣе крупныя его литературныя произведенія.

Тѣмъ же г. Гринченкомъ изданы еще въ Черниговѣ двѣ небольшія брошюры:

Добрый звиръ, оповиданнія Ю. Б. Г. П., цѣна 5 коп. и

Чередныкъ та дивчына, оповиданнія, цѣна 3 коп.

На обложкахъ обѣихъ брошюръ помѣщены недурные рисунки и вообще внѣшній видъ изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

Въ брошюркѣ «Добрый звиръ» заключается три разсказа; заглавіе перваго служитъ и наименованіемъ книжки, а затѣмъ слѣдуетъ «Сирко» и «Вирный кинь». Темы поименованныхъ разсказовъ несомнѣнно хорошія, для народнаго чтенія полезны и желательны, но авторъ этихъ разсказовъ исполнилъ ихъ не совсѣмъ удачно, въ особенности разсказъ «Сирко», который не заключаетъ въ себѣ почти ничего интереснаго, тогда какъ о собакѣ, другѣ человѣка, можно было бы составить куда занимательнѣе разсказъ. «Сирко» вышелъ положительно безцвѣтнымъ, а его друзья—люди и того болѣе. Вообще книжка «Добрый звиръ» написана и со стороны чистоты малорусскаго языка и со стороны слога—шероховато и вяло. «Чередныкъ та дивчына» —написана гладко, читается легко, но вслѣдствіе суховатости изложенія надлежащаго впечатлѣнія не производитъ.

Въ заключеніе съ удовольствіемъ можно указать на двѣ нововышедшія, прекрасно изданныя книжки кіевскаго общества грамотности:

1. *Прычынна. Утоплена. Русалка. Марьяна.* Поэмы Шевченка съ картин. художника Пимоненко. 32 стр., ц. 7 коп.

2. *Днѣпръ и Придніпровье* С. Р. съ картинками. 47 стр. цѣна 10 коп.

О поэмахъ Т. Шевченка мы, конечно, говорить не станемъ, что же касается приложеныхъ къ нимъ 4 картинокъ, то несмотря на хорошее ихъ исполненіе вообще, въ частности можно сказать, что фигура на картинѣ «Прычынна» похожа скорѣе на дѣвочку интеллигентной семьи, нежели на взрослую сельскую «дивчину».

«Днѣпръ и Придніпровье» написано по-русски, и въ легкомъ, увлекательномъ изложеніи довольно ясно, насколько это возможно въ такой брошюркѣ, знакомится читатель не только съ географіей

Библиотека "Руниверс"

Приднѣпровья и торговымъ значеніемъ Днѣпра, но также и съ исторіей того народа, который расположился городами и селами по обоимъ берегамъ р. Днѣпра. Рисунки въ этой книжкѣ исполнены значительно хуже, нежели въ первой книжкѣ, но во всякомъ случаѣ удовлетворительно. Не дуренъ и самый выборъ сюжетовъ для рисунковъ; здѣсь мы видимъ слѣдующія картинки: «Болота», «Осушенныя болота», «Бѣлоруссъ», «Хата бѣлорусса», «Чумаки», «Малороссійская хата», «Кіево-Печерская Лавра», «Могила Т. Г. Шевченка» и «Днѣпровскіе пороги».

М. С. Кононенко.

Библиотека "Руниверс"

1898 годъ. 2 годъ изданія.

Продолжается подписка

НА

„ЛИБАВСКІЯ НОВОСТИ"

И

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

въ 1898 году.

«Либавскія Новости и Торгово-Промышленная Газета» выходятъ ежедневно утромъ за исключеніемъ дней послѣ воскресныхъ и высокоторжественныхъ дней. **«Либавскія Новости и Т. Пр. Г.»**, единственная утренняя газета въ Либавѣ, сообщаетъ мѣстныя новости, биржевыя и торговыя свѣдѣнія, телеграммы и т. п. д.—Въ фельетонѣ печатаются романы, повѣсти, занимательныя сочиненія, разсказы, бесѣды и т. д.

Подписная цѣна составляетъ:

безъ доставки:	съ доставкою на домъ:	съ перес. по почтѣ:
На годъ 3 р. — к.	4 р. — к.	4 р. 50 к.
» 1/2 г. 1 р. 50 к.	2 р. — к.	2 р. 35 к.
» 1/4 г.— р. 80 к.	1 р. 10 к.	1 р. 25 к.
» 1 м. — р. 30 к.	— р. 40 к.	— р. 50 к.

Пробные номера высылаются безплатно и франко.

Плата за объявленія по 3 коп., на первой стр. 6 коп. заграничн. 6 и 12 коп. съ мѣста, заним. одностолбц. строку мелкаго шрифта.— Отдѣльн. номера по 3 коп.

Подписку просятъ направлять въ эксп. „Либ. Нов. и Торг. Пр. Г.", книжный магазинъ М. Петерсона по Юліанинск. улицѣ № 40, въ Либавѣ.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

ІЮНЬ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЗАПАДНО-РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ МИТР. ПЕТРѢ МОГИЛѢ. (1633—46). *Гл. VII и VIII. (Окончаніе).* **С. Голубева** 309—346

II. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА, *Главы I и II.* **А. Крымскаго** . . . . . 347—365

III. ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ. 1857-65 гг. 366—394

IV. ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ. (По поводу книги Ѳ. М. Уманца «Гетманъ Мазепа». (*Окончаніе*). **Ал. Лазаревскаго**. . 395—411

V. СЕЛИМОВЕЦЪ **А. Полиицкаго**. . . . . 411—452

VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА 453—472

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи; б) Обрядъ «вывода» новобрачной въ Подоліи; в) Заславская легенда. **L.** г) Келья св. Димитрія Ростовскаго **А. Л.** д) Прошеніе гражданъ г. Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. Сообщ. **В. С. Иконниковъ**; е) Проектъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ **А. Л.** ж) Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. Сообщ. гр. **Г. А. М.** з) Гетманскій слесарь. и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ . . 77—93

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ въ 1718 г. (Извлеченіе изъ современнаго отчета Кіев. губ.) Генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій. **А. Л.** б) Акты, издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIV. **И. Каманина**; в) Описаніе рукописн. отдѣленія Виленской публичной библіотеки. **И. Каманина**; г) Le P. Pierling S. I. La Russie et le Saint-Siège. **Е. К.** д) Кубанскій сборникъ. **Е. К.** е) Записки Императорскаго Одесскаго Общ. исторіи и древностей **В. Щербины**. 94—108

ПРИЛОЖЕНІЕ. Любецкій архивъ.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 іюня 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго ку ецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Библиотека "Руниверс"

1898 годъ. 2 годъ изданія.

Продолжается подписка

НА

„ЛИБАВСКІЯ НОВОСТИ"

И

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

въ 1898 году.

«Либавскія Новости и Торгово-Промышленная Газета» выходятъ ежедневно утромъ за исключеніемъ дней послѣ воскресныхъ и высокоторжественныхъ дней. **«Либавскія Новости и Т. Пр. Г.»**, единственная утренняя газета въ Либавѣ, сообщаетъ мѣстныя новости, биржевыя и торговыя свѣдѣнія, телеграммы и т. п. д. — Въ фельетонѣ печатаются романы, повѣсти, занимательныя сочиненія, разсказы, бесѣды и т. д.

Подписная цѣна составляетъ:

безъ доставки:	съ доставкою на домъ:	съ перес. по почтѣ:
На годъ 3 р. — к.	4 р. — к.	4 р. 50 к.
» 1/2 г. 1 р. 50 к.	2 р — к.	2 р. 35 к.
» 1/4 г.— р. 80 к.	1 р. 10 к.	1 р. 25 к.
» 1 м. — р. 30 к.	— р. 40 к.	— р. 50 к.

Пробные номера высылаются безплатно и франко.

Плата за объявленія по 3 коп., на первой стр. 6 коп. заграничн. 6 и 12 коп. съ мѣста, заним. одностолбц. строку мелкаго шрифта.— Отдѣльн. номера по 3 коп.

Подписку просятъ направлять въ эксп. „Либ. Нов. и Торг. Пр. Г.", книжный магазинъ М. Петерсона по Юліанинск. улицѣ № 40, въ Либавѣ.

Библиотека "Руниверс"

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Окончаніе [1]*).*

VII.

Возобновившіяся попытки къ примиренію православныхъ и уніатовъ на почвѣ религіозной. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ короля и его донесенія о проектируемой всеобщей уніи въ Римъ. Инструкція, данная по сему предмету римскою куріею папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду. Письма мстиславскаго епископа С. Коссова къ уніатскому митрополиту Селявѣ относительно предполагаемой уніи. Упоминаніе о разсужденіяхъ объ уніи на сеймѣ 1641 г. и опасенія, вызванныя ими въ Римѣ. Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ. Отозваніе изъ Польши папскаго нунція. Письма папы относительно предполагаемой уніи къ королю, многимъ вліятельнымъ латино-уніатамъ, А. Киселю и митр. П. Могилѣ. Письмо къ послѣднему отъ конгрегаціи кардиналовъ. Заботы короля о религіозномъ примиреніи католиковъ съ диссидентами и его рѣчь депутаціи отъ послѣднихъ. Мнѣніе Чарторыйскаго о возможности непосредственнаго, минуя уніатовъ, религіознаго соглашенія православныхъ съ католиками. Засѣданіе въ Римѣ папской конгрегаціи по дѣлу о проектируемой всеобщей уніи и состоявшіяся здѣсь опредѣленія. Инструкція объ уніи новому папскому нунцію въ Польшѣ—Торресу. Не замолкавшіе между православными и въ 1646 г. слухи о возможности уніи съ Римомъ.

Во время этой непрестанной борьбы православныхъ съ латино-уніатами, наносившей тяжелыя раны и организму Рѣчи Посполитой, король, какъ мы замѣтили, не переставалъ обольщать себя мыслью о возможности примиренія враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчи объ этомъ велись королемъ съ представителями обѣихъ сторонъ при всякомъ удобномъ

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1898 г., № 5.

Библиотека "Руниверс"

случаѣ, въ особенности же во время сеймовъ, собиравшихъ въ одно мѣсто вліятельныхъ лицъ разныхъ политическихъ и религіозныхъ партій со всѣхъ мѣстъ государства. Надо полагать, что православные по мотивамъ, указаннымъ нами выше, не относились къ проекту короля (какъ и прежде) отрицательно, хотя и предвидѣли всю несбыточность этой затѣи. Владиславъ IV о результатахъ своихъ сношеній съ православными и уніатами по данному вопросу сообщалъ въ Римъ. Разумѣется, онъ обязывался къ тому самою сущностью своего проекта, требовавшаго согласія на него и санкціи со стороны римскаго престола, но была, кажется, и другая причина, почему король спѣшилъ извѣщать папу о своихъ стараніяхъ по означенному дѣлу. Мы знаемъ, что положеніе короля, въ виду обостренныхъ отношеній между православными и латино-уніатами, было крайне затруднительное. Съ одной стороны, связанный торжественнымъ обѣщаніемъ быть охранителемъ религіозной свободы и притомъ убѣжденный, что того требуютъ интересы государственные, а съ другой—постоянно получая внушенія изъ Рима оказывать давленіе на „схизматиковъ“ и выслушивая отъ рьяныхъ папистовъ упреки въ индифферентномъ отношеніи къ католицизму, въ неизвинительныхъ для католическаго государя поблажкахъ иновѣрцамъ,—Владиславъ IV постоянно долженъ былъ лавировать между Сциллою и Харибдою. Въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ—какъ мы говорили—усиленно сталъ заботиться о религіозномъ примиреніи враждующихъ сторонъ, видя въ этомъ единственный исходъ положить конецъ безконечнымъ пререканіямъ и раздорамъ между православными и уніатами,—причемъ самыя свои старанія объ этомъ могъ считать какъ бы громоотводомъ для себя отъ тѣхъ нареканій въ благосклонности къ православнымъ, которыя въ изобиліи сыпались на него со стороны ультракатолической партіи. Эти старанія давали ему возможность говорить: „уступки, дѣлаемыя схизмѣ, вызваны необходимостью, но онѣ—явленіе временное и притомъ благоразумное. Имѣйте терпѣніе. Возможно, и я объ этомъ забочусь, что вскорѣ воспослѣдуетъ объединеніе всей Руси подъ властью римскаго престола“ Можно предполагать поэтому, что въ своихъ донесеніяхъ въ Римъ по вопросу о предполагаемомъ религіозномъ примиреніи между православными и уніатами Владиславъ IV, до извѣстной степени, и преувеличивалъ свои надежды на благополучный исходъ задуманнаго имъ дѣла, хотя, не подлежитъ сомнѣнію, и самъ онъ въ этомъ отношеніи находился въ заблужденіи.— Но въ Римѣ въ это время довѣріе къ королю было уже значительно поколеблено. И если прежде, въ началѣ царствованія Владислава IV, его проектъ о привлеченіи къ

Библиотека "Руниверс"

подножію папскаго престола отщепенцевъ отъ него былъ принятъ восторженно, то теперь къ нему начали относиться съ большею осторожностью, такъ какъ у папской куріи явилось небезосновательное опасеніе, что главною причиною стараній короля по означенному дѣлу являются интересы не столько религіозные, сколько государственные. Вслѣдствіе этого римскій престолъ, не переставая осыпать Владислава IV похвалами за его заботы „о привлеченіи схизматиковъ въ лоно католической церкви“ (что искони было его завѣтною мечтою), зорко началъ слѣдить, чтобы эти заботы не выходили изъ предѣловъ, намѣчаемыхъ въ Римѣ. Папская курія весьма подозрительно отнеслась къ учрежденію патріаршества въ западно-русскихъ областяхъ, на что прежде, при Сигизмундѣ III, давалось соизволеніе, и находила неумѣстнымъ, чтобы дѣло о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами обсуждалось на соборѣ, составленномъ изъ представителей той и другой сторонъ, очевидно опасаясь, что на этомъ соборѣ возможно будетъ такое соглашеніе, которое не только не привлечетъ „въ овчарню св. отца схизматиковъ,“ но даже исхититъ изъ нея и прежде загнанныхъ туда (стеченіемъ обстоятельствъ) православныхъ. Римская курія заявляла, что условія уніи съ римскою церковью выработаны уже на Флорентійскомъ соборѣ и потому всякіе разговоры объ этомъ излишни. Вообще какихъ либо разсужденій относительно догматовъ допускать нельзя; возможны только переговоры о желаніяхъ представителей „дизуніи“ (православія) относительно тѣхъ или иныхъ второстепенныхъ пунктовъ: прерогативъ церкви, обрядовыхъ особенностей, матеріальнаго обезпеченія духовенства и т. п.; но обо всемъ этомъ означенные представители могутъ составить письменное заявленіе, которое папскою конгрегаціею и будетъ разсмотрѣно. Словомъ, римскій престолъ желалъ безусловнаго подчиненія православныхъ своей власти: желалъ повторенія Брестской уніи. Не удивительно поэтому, что затѣя короля кончилась ничѣмъ.

Сохранившіяся до нашего времени данныя представляютъ ходъ дѣла по означенному вопросу въ слѣдующемъ видѣ.

На сеймѣ 1638 года переговоры короля съ собравшимися сюда представителями православія и уніи относительно религіознаго между ними примиренія были, надо полагать, очень дѣятельные. Православные и на этотъ разъ не отнеслись отрицательно къ предложенію короля. Они изъявили согласіе на созваніе общаго, для нихъ и уніатовъ, собора и не чуждались мысли объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ самостоятельнаго патріархата. Владиславъ IV поспѣшилъ сообщить объ этомъ папѣ, заявляя, что онъ

Библиотека "Руниверс"

на бывшемъ сеймѣ (1638 г.) „такъ хорошо подготовилъ мысли дизунитовъ къ соединенію съ апостольскою столицею, что надѣется на благопріятныя послѣдствія, если бы созванъ былъ соборъ изъ уніатовъ, на которомъ бы дизуниты были просвѣщены, и опредѣлены условія ихъ перехода въ унію.“ На этотъ соборъ „для своего просвѣщенія“ имѣютъ быть приглашены „выдающіеся (przedniejszy) дизуниты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе“ [1]). Собственно, король просилъ папу о разрѣшеніи созвать общій для православныхъ и уніатовъ соборъ: онъ только излагаетъ эту просьбу въ деликатныхъ для уха „св. отца“ выраженіяхъ. Такъ письмо короля и понято было въ Римѣ. Результатомъ его была инструкція, данная папскому нунцію въ Польшѣ, Филонарду, съ строгимъ наказомъ всецѣло слѣдовать ей, ни на шагъ не отступая. „Поелику—говорится въ этой инструкціи—общая унія всѣхъ русскихъ зависитъ отъ двухъ главныхъ пунктовъ, изъ коихъ одинъ касается склонности ихъ къ принятію догматовъ согласно исповѣданію вѣры, принятому на Флорентійскомъ соборѣ, а другой—установленія условій, на которыхъ они пожелаютъ соединиться съ апостольскою столицею, то ваша превелебность ни подъ тѣмъ, ни подъ другимъ предлогомъ не должны позволять на созваніе собора, на которомъ бы дизуниты имѣли засѣдать вмѣстѣ съ уніатами“. Далѣе указываются причины, почему подобный соборъ не возможенъ: „Во-первыхъ, это ясно воспрещается правомъ каноническимъ, какъ видно изъ канона подъ титиломъ Cum omnibus,—здѣсь папа Геласій, на основаніи опредѣленія Халкидонскаго собора, осуждаетъ собранія католиковъ со схизматиками и еретиками, и св. церковь всегда слѣдовала этому наставленію, о чемъ свидѣтельствуетъ церковная исторія. Во-вторыхъ, что касается догматовъ, то они не могутъ быть предметомъ разсужденій на народныхъ собраніяхъ. Въ-третьихъ, разности между церквами греческою и латинскою опредѣлены уже на упомянутомъ Флорентійскомъ соборѣ, и болѣе не слѣдуетъ о нихъ разсуждать, а быть готовыми при защитѣ правды жизнью за нее жертвовать“. Далѣе въ инструкціи говорится, что еслибы выдающіеся дизуниты—духовные и свѣтскіе—имѣли быть приглашены на соборъ уніатовъ, какъ пишетъ король, исключительно съ цѣлью просвѣщенія ихъ въ догматахъ вѣры и для опредѣленія условій перехода въ унію, то и на это нунцій не долженъ соглашаться,—не долженъ соглашаться даже въ томъ случаѣ, еслибы дизуниты предварительно произнесли исповѣданіе вѣры въ формѣ, предназначен-

[1]) Relacye nunciuszów. II. 273.

Библиотека "Руниверс"

ной для грековъ, приступающихъ къ уніи. — „Но если бы—читаемъ въ инструкціи—дизуниты, не учинивъ исповѣданія вѣры и отложивъ свое просвѣщеніе (въ догматахъ) ко времени послѣ собора, въ данное время пожелали разсуждать объ условіяхъ перехода въ унію,—на это ваша велебность можетъ позволить, подъ такимъ условіемъ, чтобы для разсужденій объ этомъ избраны были лица того и другого обряда, которымъ нашими (т. е. назначенными отъ римской церкви депутатами) должны быть дѣлаемы объясненія относительно всѣхъ ихъ желаній, и на всѣ ихъ вопросы даваемы отвѣты благоразумно, кротко, вразумительно, причемъ отъ споровъ, которые могутъ скорѣе возбуждать, нежели успокаивать умы, должно уклоняться. Что касается до условій, то можно имъ предложить тѣ, которыя были уже приняты (южно-русскими іерархами) при Климентѣ VIII и относительно которыхъ уніатами доселѣ не высказано никакой укоризны. Если къ означеннымъ условіямъ пожелали бы присоединить и нѣкоторыя другія,—пусть изложатъ ихъ письменно и вручатъ вашей велебности, дабы они могли быть разсмотрѣны здѣсь (въ Римѣ), и если окажутся благоприличными, будутъ подтверждены апостольскою столицею. А такъ какъ при опредѣленіи условій возникнетъ затрудненіе относительно теперешнихъ дизунитскихъ епископовъ, ибо въ одной и той же церкви (нужно бы сказать: епархіи) не можетъ быть двухъ (самостоятельныхъ) епископовъ—то относительно этого можно посовѣтовать поступить такъ, какъ поступлено было съ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, предъ принятіемъ уніи будучи епископомъ полоцкимъ и не могши вступить на полоцкую каѳедру, занятую тогда уніатскимъ архіепископомъ, получилъ титулъ Іерополитанскаго in partibus infidelium, удерживая бенефиціи (dobra), которыми пользовался, когда былъ еще дизунитомъ. Или можно будетъ образовать нѣсколько новыхъ епархій въ обширнѣйшихъ епископіяхъ, подходящихъ подъ условія канонического права относительно раздробленія ихъ“ [1]).

Безъ сомнѣнія, тогда же отъ имени папы посланъ былъ и отвѣтъ королю на его просьбу, согласный въ существенныхъ чертахъ съ упомянутою инструкціею. Владиславъ IV не могъ остаться доволенъ такимъ отвѣтомъ, какъ чрезвычайно усложнявшимъ (можно сказать: дѣлавшимъ безнадежнымъ) осуществленіе задуманнаго имъ дѣла о религіозномъ примиреніи между враждующими сторонами. Король не могъ не сознавать, что унія въ томъ видѣ, въ какомъ она доселѣ существовала въ западно-русскихъ областяхъ, ненави-

[1]) Relacye nuncyuszów. II. 272—275.

Библиотека "Руниверс"

стна православнымъ, и потому получить на нее согласіе отъ послѣднихъ—дѣло невозможное. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ папѣ съ новымъ письмомъ (и, вѣроятнѣе всего, не однимъ), повторяя прежнюю просьбу о дозволеніи созвать общій соборъ изъ уніатовъ и православныхъ для разсужденій о религіозномъ соглашеніи между ними. Но изъ Рима отъ имени папы послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ (25 авг. 1640 г.) гдѣ „св. отецъ", восхваляя заботливость короля о привлеченіи „русскихъ" къ уніи, настоятельно требуетъ, чтобъ король въ этомъ „первостепенной важности дѣлѣ" всецѣло слѣдовалъ указаніямъ нунція и давалъ „его словамъ полную вѣру" [1]). Такое положеніе дѣлъ было неблагопріятно для замысловъ короля относительно религіознаго соглашенія между православными и уніатами, тѣмъ не менѣе заботы его объ этомъ не прекращались. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчами по данному вопросу перекидывались иногда между собою и самые представители церквей православной и уніатской. До нашего времени дошли два письма мстиславскаго епископа Сильвестра Коссова къ полоцкому уніатскому архіепископу Антонію Селявѣ, находившемуся съ нимъ (какъ мы говорили) въ постоянной тяжбѣ. Содержаніе перваго письма (отъ 18 апрѣля 1639 года) слѣдующее: „Преосвященнѣйшій и пречестнѣйшій владыко! Скорблю о нашихъ распряхъ, но выразить ничего не смѣю. Ибо многое могу сказать, но не писать. И такъ, ваше преосвященство, вѣрьте мнѣ въ томъ, что я искренно желаю дѣйствовать къ преуспѣянію общаго блага. Свидѣтели мнѣ Богъ и Пречистая Матерь его! Нѣтъ мѣста болѣе удобнаго и далекаго отъ нашего (?) неосновательнаго подозрѣнія, какъ у кого-либо изъ витебскихъ благородныхъ особъ, напр., у земскаго писаря Гурко. Время же для этого назначу послѣ". Внизу письма помѣщена слѣдующая приписка: „Октавіану (очевидно, подателю письма) я поручилъ передать многое лично" [2]).

Приведенное письмо отличается неопредѣленностью выраженій и большими недомолвками, изъ которыхъ, пожалуй, можно бы дѣлать неблагопріятныя для его автора заключенія, какъ о лицѣ, склонномъ къ уніи съ Римомъ на желаемыхъ послѣднимъ условіяхъ. Но другое письмо Коссова къ тому же Селявѣ, писанное спустя пять недѣль послѣ перваго (24 мая 1639 г.), въ достаточной степени выясняетъ намъ, на какую унію съ римскою церковью или съ самими уніатами согласны были православные и при какомъ непре-

[1]) Theiner, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. t. III, № CCCLXVII.
[2]) Витебская Старина, изд. Сапунова, т. V, ч. I, № 96, стр. 147—148.

Библиотека "Руниверс"

мѣнномъ условіи. — „Безъ воли константинопольскаго патріарха— писалъ Коссовъ— я не могу приступить къ уніи, а самую унію понимаю, какъ возвращеніе къ состоянію церкви во время святителей: Григорія, Василія, Аѳанасія. „Tali o Deus — читаемъ въ означеномъ письмѣ—unioni per vos et nos provisi, ut Gregoriana, Baziliana, Athanasiana e cineribus suscitata appareant saecula". Подъ актомъ такой уніи Коссовъ готовъ подписаться съ величайшей готовностью (ardentissimo corde [1]).

Во время сейма 1641 года вопросъ о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, разумѣется по иниціативѣ короля, снова былъ поднятъ. Глухое упоминаніе объ этомъ находится въ дневникѣ Радзивилла. Здѣсь подъ 18 сентября читаемъ: „разсужденія сенаторовъ у краковскаго бискупа относительно примиренія уніатовъ со схизматиками" [2]). Возможное дѣло, что здѣсь опять были рѣчи о созваніи общаго изъ представителей той и другой враждующихъ сторонъ собора; возможно, что на такой соборъ дано было согласіе и православными. По крайней мѣрѣ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ подчеркнули, обычныя протестаціи со стороны ультра-католической партіи противъ благопріятной для православныхъ конституціи не были своевременно занесены, очевидно, въ виду ожидаемыхъ послѣдствій отъ состоявшагося на сеймѣ уговора.

Но Римъ упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи по данному вопросу, высказанномъ въ инструкціи папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду, и приказалъ послѣднему занести протестацію противъ состоявшейся на сеймѣ конституціи относительно греческой религіи, что,— какъ мы видѣли—имъ и было исполнено. Словомъ, папа требовалъ отъ короля или повсемѣстнаго введенія въ западно-русскихъ областяхъ уніи на основаніи постановленій Флорентійскаго собора, или же, въ случаѣ несогласія на такую унію со стороны православныхъ, отобранія отъ нихъ выданныхъ привилегій, т. е. уничтоженія извѣстныхъ „статей примиренія", не разъ уже подтвержденныхъ сеймами. Но даже многіе изъ ревностныхъ католиковъ не могли одобрить послѣдняго, такъ какъ для всѣхъ очевидно было, что уничтоженіе статей примиренія неизбѣжно привело бы Рѣчь Посполитую къ междоусобной войнѣ. Поэтому на этотъ разъ папскому нунцію удалось склонить къ означенному протесту самое незначительное количество сановныхъ лицъ.

---

[1]) Архивъ греко-уніат. митроп. при Св. Синодѣ,—связка № 38.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła. II. 43.

Библиотека "Руниверс"

Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ, возбужденное отношеніями послѣдняго къ его проекту о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, вскорѣ нашло для себя новую пищу и въ другихъ, несогласныхъ съ видами короля, а иногда и прямо оскорбительныхъ для него поступкахъ со стороны папы. До крайности обострены были у Владислава IV отношенія и съ ближайшимъ представителемъ апостольской столицы—нунціемъ Филонардомъ. А когда сдѣлалось извѣстнымъ перехваченное письмо послѣдняго въ Римъ, гдѣ король подвергался разнымъ нареканіямъ, и, между прочимъ, за пріязнь къ еретикамъ и схизматикамъ,—Владиславъ IV энергично требовалъ немедленнаго отзыва Филонарда изъ Польши [1]). Папа нунція отозвалъ, но новаго не прислалъ. Отношенія между римскимъ престоломъ и польскимъ дворомъ приняли характеръ чрезвычайно натянутый [2]).

Потерявъ надежду на благопріятный исходъ своихъ просьбъ въ Римѣ относительно разрѣшенія папы на созваніе собора для указанной нами цѣли и порвавъ дружественныя сношенія съ апостольскою столицею,—Владиславъ IV не только не отказался отъ своихъ замысловъ „уврачевать раны Рѣчи Посполитой“ путемъ религіознаго соглашенія между враждующими сторонами, но и значительно расширилъ ихъ: онъ уже мечтаетъ и заботится не только о религіозномъ примиреніи православныхъ съ уніатами, но о таковомъ же примиреніи между католиками и диссидентами (протестантами разныхъ фракцій), намѣреваясь достигнуть этого и въ послѣднемъ случаѣ тоже чрезъ созваніе общаго собора.

Разумѣется, о такихъ замыслахъ короля скоро узнали въ Римѣ, и здѣсь они произвели тревогу. Что касается до давняго и уже не разъ обсуждавшагося вопроса о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами, то папа, не имѣя въ данное время нунція въ Польшѣ, поспѣшилъ разослать многочисленныя письма къ выдающимся духовнымъ лицамъ, католикамъ и уніатамъ, съ предостереженіями, чтобы они, всячески заботясь о распространеніи уніи, имѣли при этомъ въ виду исключительно интересы католической церкви и чистоту ея ученія, такъ какъ внѣ этой церкви нѣтъ и не можетъ быть спасенія [3]). Одновременно съ этими письмами послано было письмо и къ королю. „Намъ извѣстно—писалъ папа

---

[1]) Ibid. II. 92, 93, 110.

[2]) Ibid. II. 127.

[3]) Theiner. Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III. № CCCLXXIII, примѣч. къ документу № CCCLXXV.

Библиотека "Руниверс"

Владиславу IV,—что русскіе уніаты не нуждаются въ ходатайствѣ за нихъ предъ тобою, потому что ты, по внушенію своего примѣрнаго благочестія, всегда окружаешь ихъ своимъ милостивымъ покровительствомъ и употребляешь всѣ средства, зависящія отъ твоей королевской власти, чтобы сдѣлать русскую унію всеобщею. Однако, по своей первосвященнической заботливости объ уніатахъ, мы настойчиво требуемъ, дабы ты неослабно оберегалъ дѣло ихъ, которое есть и дѣло Божіе, и обнаруживалъ непрестанную ревность о славѣ Божіей и общемъ спасеніи" [1]).

Въ это же время папою посланы были письма и къ вліятельнѣйшимъ лицамъ изъ среды православныхъ. Такихъ писемъ извѣстно два: къ черниговскому воеводѣ Адаму Киселю и кіевскому митрополиту Петру Могилѣ.

Въ письмѣ къ Киселю папа, указавъ на то, что „внѣ судна св. Петра, которое направляется къ вратамъ вѣчнаго блаженства", не можетъ быть спасенія,—обращается къ черниговскому воеводѣ, какъ человѣку извѣстному по своему общественному положенію, уму и образованію, съ приглашеніемъ къ соединенію съ римскою церковью, чѣмъ онъ пріумножитъ снисканную имъ славу. „О если-бы—восклицаетъ папа—возсіялъ счастливый и радостный день, когда, при ликованіи ангеловъ, мы могли бы благословить тебя (славный мужъ) какъ призваннаго въ усыновленіе сыновъ Божіихъ"... и т. д. [2]).

Письмо къ Петру Могилѣ приводимъ въ полномъ видѣ.

„Почтенный братъ! спасеніе и свѣтъ Божественной благодати (да пребудутъ съ тобою)! Хотя мы знаемъ, что различіе въ вѣрѣ отдѣляетъ насъ отъ твоего собратства (fraternitatem) не менѣе разстоянія, однако апостольская заботливость обращаетъ къ тебѣ взоры, желая привлечь тебя во святилище католической вѣры, гдѣ Господь избралъ себѣ обитель, и призвать на безопаснѣйшій путь, при шествіи по которому первосвященническіе ключи отверзаютъ вѣрующимъ народамъ врата вѣчнаго царствія. Выслушай, почтенный братъ, спасительные совѣты, которые тебѣ предлагаются не столько городомъ, который есть отечество народовъ и учительница истины, сколько самимъ небомъ. Позаботься о собственномъ спасеніи и о спасеніи другихъ, которые шествуютъ по твоимъ стопамъ и легко воспослѣдуютъ по дорогѣ, которую ты указалъ бы имъ своимъ примѣромъ. О семъ первостепенной важности дѣлѣ тебѣ

---

[1]) Theiner. Vetera Monum. Polon. et. Lithuaniae, t. Ш, № CCCLXXX.

[2]) Ibid. т. Ш, № CCCLXXIV.

Библиотека "Руниверс"

пришлетъ подробное письмо священная конгрегація кардиналовъ, которая содѣйствуетъ распространенію католической вѣры; если же что потребуетъ болѣе опредѣленнаго разъясненія, ты можешь прислать къ намъ двухъ искуснѣйшихъ монаховъ, которыхъ мы примемъ дружественно и благосклонно. Они, безъ сомнѣнія, распознаютъ, сколь чисто, вѣрно себѣ и богато всевозможными добродѣтелями ученіе, которое исповѣдуетъ достопочтенная каѳедра св. Петра. Тогда, мы надѣемся, они, просвѣщенные спасительными познаніями, возвратятся къ вамъ, проповѣдуя свидѣтельства Господни, при помощи которыхъ души твоихъ людей, будучи исхищены изъ пастей адскихъ волковъ, приведутся въ правдивую овчарню Христову. Мы уповаемъ, что Всевышній, коему въ своихъ усерднѣйшихъ молитвахъ мы всегда поручаемъ весь русскій народъ, по первосвященническимъ прошеніямъ даруетъ желаемый успѣхъ. Ибо если Онъ всесиленъ собрать разсѣянныхъ повсюду Израильтянъ, то можетъ, при наитіи Святаго Духа, произрастить въ твоемъ сердцѣ плоды вѣчнаго спасенія, наполненные драгоцѣнною кровію, истекшею изъ ранъ Господа. Мы желаемъ душѣ нашей такого именно утѣшенія и молимъ Отца свѣтовъ ниспослать тебѣ, братъ, лучи его благодати [1]).

Спустя нѣсколько дней послано было П. Могилѣ упоминаемое въ письмѣ папы посланіе отъ конгрегаціи кардиналовъ. Кардиналы писали, что холмскій уніатскій епископъ Меѳодій (Терлецкій) донесъ конгрегаціи о распространеніи вѣры о высокихъ добродѣтеляхъ, ученіи и ревности его, Могилы, и черниговскаго каштеляна Адама Киселя. Это донесеніе подало высокопоставленнымъ отцамъ немалую надежду увидѣть всю Россію возсоединенною со св. сѣдалищемъ апостольскимъ, подобно тому, какъ около двухъ столѣтій тому назадъ подобное соединеніе состоялось при всероссійскомъ митрополитѣ, впослѣдствіи кардиналѣ, Исидорѣ на вселенскомъ Флорентійскомъ соборѣ. Ибо когда подобное дѣло ведется съ людьми благоразумнѣйшими и къ доброму имѣющими склонность, то ихъ не трудно привести къ познанію истины. Для ознакомленія съ трактуемымъ предметомъ конгрегація посылаетъ въ переводѣ на латинскій языкъ сочиненіе Геннадія, нѣкогда патріарха константинопольскаго, въ защиту опредѣленій Флорентійскаго собора, противъ коихъ возсталъ Маркъ Ефесскій, побужденный къ тому завистью вслѣдствіе неполученія имъ кардинальскаго достоинства, которымъ почтены были Исидоръ и Виссаріонъ. Послѣ безпристрастнаго ознакомленія съ означенною книгою, если-бы въ чемъ либо оставалось сомнѣніе, его можно будетъ

[1]) Ibid. т. III, pag. 425.

Библиотека "Руниверс"

разрѣшить чрезъ присылку въ Римъ двухъ ученѣйшихъ монаховъ, которые здѣсь будутъ весьма любезно приняты и благосклонно выслушаны. О выполненіи этого предложенія кардиналы усиленно просятъ Могилу. При обсужденіи вопроса о соединеніи съ апостольскимъ сѣдалищемъ, по мнѣнію конгрегаціи, нужно имѣть въ виду и поразмыслить о слѣдующихъ трехъ фактахъ: во-первыхъ, что изъ апостолькихъ столицъ одна только Римская церковь имѣетъ непрерывное преемствованіе первосвященниковъ и содержитъ православную вѣру и ученіе, унаслѣдованныя ею отъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла; ибо на прочихъ столицахъ, въ особенности главнѣйшихъ, каковы: Константинопольская, Александрійская, Антіохійская и Іерусалимская, часто возсѣдали еретики, которые повредили чистоту апостольскаго ученія, и въ настоящее время, когда число патріарховъ умножилось съ названіями (большею частію) примѣнительно къ восточнымъ народностямъ (армяне, несторіане, якобиты, копты, сиріане, мелхиты), они унаслѣдовали разнообразныя заблужденія своихъ предшественниковъ. Во-вторыхъ, Римская церковь имѣетъ отъ Господа, въ лицѣ Петра, обѣщаніе, что не оскудѣетъ его вѣра, какое обѣщаніе чрезъ всѣ вѣка и до настоящаго времени, чрезъ упомянутое непрерывное преемство римскихъ первосвященниковъ, исполняется. Въ-третьихъ, что всѣ упомянутые апостольскіе престолы, которые отторглись отъ Римскаго, стенаютъ подъ игомъ рабства невѣрныхъ; римское же сѣдалище, благодаря особенному присутствію въ немъ Духа Святаго, процвѣтаетъ и пользуется полною свободою. Относительно этого находится опредѣленное мнѣніе пророковъ въ книгахъ Судей и Царствъ, изъ коихъ поучаемся, что народъ Божій всякій разъ, какъ только склонялся къ идолопоклонству, т. е. удалялся отъ истиннаго богопочитанія, всегда пребывалъ подъ тяжелымъ ярмомъ рабства Филистимлянъ или Халдеевъ. Письмо заканчивается просьбою обсудить и взвѣсить все сказанное и внимательно ознакомиться съ посылаемыми сочиненіями (кромѣ сочиненія Геннадія, посланы были опредѣленія Флорентійскаго собора), что, при помощи Божіей, можетъ привести къ общей уніи русской церкви съ римской и покроетъ немалою славою ревнующихъ объ этомъ. Какъ на ближайшія послѣдствія отъ означенной уніи (кромѣ надежды на вѣчное спасеніе), конгрегаціею указывается на освобожденіе русской церкви отъ ига константинопольскихъ патріарховъ, которые не учатъ народъ, а только обременяютъ его поборами, сами поставляются незаконно, противоканонически, и другихъ посвящаютъ подобнымъ образомъ, вслѣдствіе всюду царящей здѣсь симоніи [1]).

[1]) Рукоп. сборникъ библ. Кіево-Печер. лавры, № 20, л. 15.

Библиотека "Руниверс"

Безъ сомнѣнія, означенныя посланія поняты и оцѣнены были Петромъ Могилою надлежащимъ образомъ, и если у него (допустимъ это) еще и доселѣ по временамъ появлялась мысль о возможности взаимообщенія между церквами православною и католическою, съ сохраненіемъ за первою завѣщанныхъ древностью особенностей въ ученіи, управленіи и обрядности, то теперь мысль эта,—надежда на возвращеніе къ церковному единенію первыхъ вѣковъ христіанства,—должна была быть совершенно оставлена. Римскій престолъ ясно и опредѣленно высказалъ свой дышащій фанатизмомъ взглядъ на православіе, какъ религію, ведущую къ душевной погибели, и не обинуясь заявилъ, что на унію онъ смотритъ какъ на средство исхитить изъ пасти адскихъ волковъ души схизматиковъ. Понятное дѣло, поставленный папскою куріею на такую почву, вопросъ объ уніи не могъ имѣть никакого успѣха, и письма папы и его конгрегаціи оставлены были Могилою безъ отвѣта.

Повидимому, болѣе благопріятное теченіе приняло задуманное въ данное время королемъ дѣло о религіозномъ соглашеніи католиковъ съ диссидентами, достигнуть чего—какъ мы замѣтили—Владиславъ IV намѣревался тоже посредствомъ собора, составленнаго изъ представителей той и другой стороны. Правда, и на этотъ соборъ папа не далъ своего согласія; но король, опираясь на поддержку со стороны польскихъ бискуповъ, рѣшился въ данномъ случаѣ обойтись безъ соизволенія „апостольской столицы“, и съѣздъ (соборъ) для разсужденій о религіозныхъ разногласіяхъ между католиками и диссидентами былъ назначенъ на 10 сентября 1644 года въ Торунѣ. Къ этому времени католическіе богословы дѣйствительно прибыли въ означенный городъ, но по просьбѣ диссидентовъ, желавшихъ подготовиться къ преніямъ съ католиками и просившихъ короля лично присутствовать, въ качествѣ верховнаго судьи, при означенныхъ преніяхъ,—съѣздъ былъ отсроченъ до сентября слѣдующаго (1645) года, когда дѣйствительно и состоялся.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на Торунскомъ colloquium'ѣ католиковъ съ диссидентами, не приведшемъ ни къ какому соглашенію сторонъ и только воочію обнаружившемъ несбыточность оптимистическихъ надеждъ короля по вопросу о примиреніи между разномыслящими въ вѣрѣ; но мы считаемъ не лишнимъ ознакомиться въ существенныхъ чертахъ съ рѣчью Владислава IV, обращенною къ диссидентскимъ депутатамъ, просившихъ его объ отсрочкѣ съѣзда, такъ какъ рѣчь эта характеризуетъ воззрѣнія короля на религіозныя разногласія между его подданными и уясняетъ побужденія, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыми онъ руководился, прилагая усиленныя старанія къ смягченію указанныхъ разногласій.

Въ упомянутой рѣчи король объясняетъ созваніе съѣзда въ Торунѣ желаніемъ положить конецъ тѣмъ огорченіямъ изъ-за религіозной вражды между католиками и диссидентами, которыя испытываютъ не только диссиденты, но и самъ онъ, король. Его душевное спокойствіе нарушено; онъ со стороны бискуповъ постоянно осаждается настойчивыми просьбами по вопросамъ религіознымъ, которые трудно разрѣшимы. Въ подтвержденіе сказаннаго король указываетъ на виленскую „справу", во время которой „какія безпокойства и непріятности приходилось ему испытывать, могли бы разсказать, если бы были живы, князь Христофоръ Радзивиллъ, белзскій воевода Рафаилъ Лещинскій и панъ Рей; знаетъ объ этомъ и князь Янушъ Радзивиллъ (подкоморій литовскій)". Владиславъ IV клятвенно завѣряетъ диссидентскихъ депутатовъ, что его намѣренія по отношенію къ иновѣрцамъ самыя доброжелательныя: онъ всегда держитъ въ памяти присягу, данную при вступленіи на престолъ какъ католикамъ, такъ и диссидентамъ, и потому, если бы онъ усматривалъ для послѣднихъ хотя малѣйшій вредъ и опасность отъ предполагаемаго съѣзда, то не склонялъ бы ихъ къ тому. Притомъ свобода дѣйствій для пріѣхавшихъ вполнѣ обезпечена: каждый можетъ, когда ему угодно, уѣхать изъ Торуня, сохраняя права и неприкосновенность своей религіи, „ибо мы—говорилъ король—желаемъ не преобразовывать васъ въ религіозномъ отношеніи, но примирить (nie reformować, ale conciliare)". Главная цѣль съѣзда—это разъясненіе недоразумѣній. Слишкомъ много говорится несправедливаго католиками о диссидентахъ и наоборотъ. Если же всѣ эти недоразумѣнія будутъ на съѣздѣ выставлены на видъ, тогда обѣ стороны удобнѣе могутъ усмотрѣть, что существенныхъ религіозныхъ разногласій между ними нѣтъ, или мало. Но еслибы съѣздъ и не имѣлъ никакого успѣха въ смыслѣ религіознаго объединенія между разномыслящими, хорошимъ результатомъ былъ бы и тотъ, еслибы стороны перестали съ отвагою и дерзостью осуждать другъ друга, и католики не говорили бы болѣе: „ты, панъ Рей, ты, панъ Бржостовскій, пойдешь до пекла!" [1]).

Подготовленія къ Торунскому съѣзду не могли не вызвать нѣкотораго волненія и въ средѣ православныхъ. Вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ уніатами, мысль о соглашеніи съ послѣдними

[1]) Dzieje narodu Polskiego za panowania Władysława IV, Kwiatkowskiego, изд. 1823, стр. 422—424.

Библиотека "Руниверс"

была для нѣкоторымъ столь ненавистною, что они, очевидно подъ вліяніемъ толковъ о Торунскомъ съѣздѣ, готовы были вступить въ переговоры о религіозномъ соглашеніи, минуя уніатовъ, непосредственно съ католиками. По крайней мѣрѣ подобную мысль высказалъ на луцкомъ провинціальномъ сеймѣ князь Михаилъ Чарторыйскій. Въ инструкцію, составленную на означенномъ сеймѣ для пословъ, отправляемыхъ на общій Варшавскій сеймъ 1645 г., князь настоялъ включить (непосредственно послѣ пункта, гдѣ трактовалось объ успокоеніи греческой религіи) слѣдующую прибавку: „ А когда все это совершенно и дѣйствительно успокоено будетъ, мы съ цѣлію, чтобы на будущее время нѣсколько духовныхъ, принявшихъ унію, не верховодничали надъ всѣмъ русскимъ народомъ и своими дѣйствіями не нарушали миръ и спокойствіе въ Рѣчи Посполитой,— мы сами добровольно желаемъ имѣть съ ихъ милостями панами католиками братскій коллоквіумъ для разсужденія о желаемомъ примиреніи, но не съ тѣми, которые, означенную унію самовольно, въ числѣ нѣсколькихъ только особъ, принявши, внесли въ Рѣчь Посполитую раздоры и вражду. Къ этому присовокупляемъ такое заявленіе, что если означенное соглашеніе при посредствѣ нашемъ и нашего духовенства состоится, то тѣ ихъ милости, которые отъ насъ отдѣлились, должны или возвратиться къ намъ, или же обязаны будутъ уступить всѣ (занимаемыя ими) бенефиціи, церкви, монастыри и каѳедры. Когда все это послами будетъ заявлено и въ исполненіи сеймомъ обезпечено, тогда могутъ они согласиться въ опредѣленное время на означенный коллоквіумъ, а мѣсто для сего указать въ Луцкѣ“ [1]). Разумѣется, это мнѣніе о благовременности коллоквіума православныхъ съ католиками есть личное мнѣніе князя Чарторыйскаго (почему оно къ инструкціи приложено было „на особой картѣ“, за подписью его одного), но оно могло раздѣляться и нѣкоторыми другими лицами, и во всякомъ случаѣ характерно въ смыслѣ иллюстраціи отношеній, установившихся между православными и уніатами, и уясненія взглядовъ первыхъ на послѣднихъ.

Во время приготовленій къ Торунскому съѣзду скончался папа Урбанъ VIII, и 15 сентября 1644 года на его мѣсто избранъ былъ Иннокентій X. Новый папа былъ расположенъ къ Польшѣ и Владиславу IV. Прерванныя отношенія между римскимъ престоломъ и польскимъ королемъ возобновились. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Иннокентія X относительно Польши было назначеніе сюда своего нунція, на каковой постъ избранъ былъ адріанопольскій архі-

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. 1, № XXV, стр. 288.

Библиотека "Руниверс"

епископъ Янъ-де Торресъ (сынъ кардинала Торреса, бывшаго тоже нунціемъ въ Польшѣ). Предъ его отправленіемъ къ мѣсту назначенія состоялось подъ предсѣдательствомъ кардинала Барберини, 15 марта 1645 года, засѣданіе членовъ конгрегаціи по вопросу о средствахъ привлеченія къ уніи всѣхъ русскихъ, находившихся подъ властью Польши. Ближайшимъ поводомъ къ разсужденіямъ по данному вопросу было письмо Владислава IV къ новому папѣ съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ и тогда же доставленное въ конгрегацію, по всей вѣроятности отъ уніатскаго митрополита Антонія Селявы, мнѣніе о томъ же самомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: Sententia cujusdam nobilis poloni Graecae religionis,— гдѣ шла рѣчь о всеобщей уніи всѣхъ русскихъ съ римскимъ престоломъ, о средствахъ къ ея распространенію и, наконецъ, объ условіяхъ, при которыхъ желательно ея осуществленіе.

Постановленіе конгрегаціи изложено было въ восьми пунктахъ. Въ первомъ говорилось о томъ, что распространеніе уніи въ Польшѣ должно быть всячески поддерживаемо. Королю рѣшено послать письмо, съ выраженіемъ одобренія его ревности въ этомъ дѣлѣ и убѣжденіемъ неослабно чрезъ зависящія отъ него средства заботиться о привлеченіи къ единенію съ Римомъ дизунитскихъ прелатовъ и свѣтскихъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ (воеводъ и другихъ сановниковъ), съ предложеніемъ въ остальномъ (о способахъ уніи) слѣдовать указаніямъ нунція.

Во второмъ пунктѣ категорически заявлялось, что относительно догматовъ русскіе должны слѣдовать опредѣленію Флорентійскаго собора и при этомъ только условіи возсоединяемы съ римскою церковію.

Въ третьемъ—идутъ довольно длинныя рѣчи о томъ, что послѣ введенія уніи русскій митрополитъ можетъ избираться своими архіепископами и епископами, и что самъ онъ можетъ посвящать въ подвѣдомственныхъ ему епархіяхъ епископовъ, не испрашивая на то позволенія отъ апостольскаго сѣдалища. Но означеннымъ правомъ митрополитъ имѣетъ пользоваться только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если сверхъ произнесенія исповѣданія вѣры согласно формѣ, установленной для восточныхъ, и заявленія о послушаніи римскому папѣ, будетъ просить и получитъ отъ него подтвержденіе (confirmationem) своего избранія. Въ необходимости имѣть такое подтвержденіе митрополитъ можетъ быть убѣждаемъ доводами и примѣрами. Изъ доводовъ указываются слѣдующіе: а) согласно съ священными канонами, конфирмація должна быть испрашиваема отъ высшаго, а такъ какъ чрезъ принятіе уніи для митрополита таковымъ старѣй-

Библиотека "Руниверс"

шиною является папа, то, слѣдовательно, отъ него онъ и долженъ получить утвержденіе въ своихъ правахъ; б) если бы митрополитъ уклонился отъ обращенія съ означенною просьбою къ папѣ, то онъ оказался бы „акефальнымъ“, что находилось бы въ несогласіи и противорѣчіи съ понятіемъ объ уніи; в) общеніе съ апостольскимъ сѣдалищемъ послѣ принятія уніи составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ для него, митрополита, догматовъ, что въ данномъ случаѣ и свидѣтельствуется утвержденіемъ и освященіемъ его по распоряженію означеннаго сѣдалища. — Примѣры приводятся слѣдующіе: а) когда при Климентѣ VIII состоялась унія съ русскою церковью, то тогда въ особенности было установлено, чтобы митрополитъ испрашивалъ себѣ подтвержденія у сѣдалища апостольскаго; б) когда при Иннокентіи III мароніты, живущіе въ горахъ Ливанскихъ и другихъ странахъ Сиріи, заключили унію съ сѣдалищемъ апостольскимъ, то при этомъ поставленно было условіемъ, чтобы патріархъ, избранный маронитскими архіепископами и епископами, просилъ подтвержденія у папы, что до настоящаго времени вновь избранными патріархами и исполняется.

Четвертымъ пунктомъ русскому митрополиту предоставляется право отправлять доношенія въ Римъ, а равно получать оттуда всякаго рода буллы и распоряженія, касающіяся уніи, безплатно, какъ это было и до настоящаго времени.

Въ пятомъ пунктѣ идетъ рѣчь о соборѣ, который намѣревается собрать уніатскій митрополитъ въ видахъ болѣе успѣшнаго распространенія уніи между всѣми русскими. Конгрегація рѣшила, что въ этомъ случаѣ должно уступить просьбѣ митрополита, но опять съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на означенномъ соборѣ не участвовали неуніаты. Послѣднее не можетъ быть дозволено по соображеніямъ, высказаннымъ въ инструкціи прежнему нунцію Филонарду.

Шестымъ пунктомъ возлагается на нунція обязанность, прежде какихъ либо опредѣленныхъ рѣшеній относительно распространенія уніи, войти въ сношенія съ высшими уніатскими духовными особами, особенно съ митрополитомъ Селявою и холмскимъ епископомъ Мее. Терлецкимъ, и выслушать имъ мнѣніе по данному предмету, такъ какъ они могутъ оказать нунцію существенную помощь; при этомъ предлагается внушить означеннымъ лицамъ, что предполагаемая унія не будетъ введена во вредъ ихъ интересамъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ седьмомъ пунктѣ трактуется о затрудненіяхъ, на которыя обращено было вниманіе нѣкоторыхъ членовъ конгрегаціи при разсужденіи объ уніи. Именно, указывалось на слѣдующее: во-первыхъ, можетъ случиться, что принять унію изъявятъ желаніе только русскіе іерархи, а народъ отвергнетъ ее; отсюда является опасеніе, какъ бы послѣдній, въ виду удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ, не обратился къ константинопольскому патріарху съ просьбою о посвященіи другихъ схизматическихъ епископовъ; во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы новые уніатскіе епископы уступили свои церкви (каѳедры) прежнимъ уніатамъ и наоборотъ; отсюда неизбѣжно случится, что одна каѳедра будетъ имѣть двухъ епископовъ, а это противорѣчитъ соборнымъ постановленіямъ. — Относительно этихъ затрудненій конгрегація рѣшила въ данное время вопроса не поднимать, такъ какъ о нихъ ничего не говорится въ доставленныхъ въ Римъ проектахъ уніи. Если же со временемъ вопросъ этотъ будетъ поднятъ заинтересованными сторонами, то отвѣтъ на него всегда найдется.

Въ послѣднемъ, восьмомъ пунктѣ идетъ рѣчь объ инструкціи папскому нунцію, которому рекомендуется ознакомиться съ воззрѣніями на предполагаемую унію митрополита и епископовъ неуніатскихъ, въ особенности епископа луцкаго, какъ человѣка болѣе ученаго, разузнать о желаніяхъ по данному вопросу короля, канцлера Осссолинскаго и другихъ лицъ, способныхъ оказать поддержку дѣлу уніи. Всѣ получаемыя свѣдѣнія нунцій долженъ сообщить конгрегаціи [1]).

На другой день (17 марта) нунцію Торресу вручена была и самая инструкція по означенному дѣлу. Приводимъ ее въ полномъ видѣ.

„Русскіе дизуниты чрезъ уніатскаго митрополита (Антонія Селяву) уже два раза изъявляли желаніе соединиться съ римскою церковію; но дѣло это послѣдствій не имѣло, потому что они желали имѣть патріарха на Руси и участвовать (для разсужденія объ условіяхъ уніи) въ засѣданіяхъ на уніатскомъ соборѣ, на что апостольская столица позволить не могла по причинамъ, изложеннымъ въ инструкціи, данной святой памяти монсеньеру Филонарду и прилагаемой здѣсь въ копіи.

„Но такъ какъ въ настоящее время они отказались отъ своихъ претензій, и ихъ митрополитъ (какъ догадывается отецъ Ва-

[1]) Relacye nunciuszow. II. 275—276.

Библиотека "Руниверс"

леріанъ, капуцинъ, миссіонеръ конгрегаціи de propaganda fide, прибывшій въ Римъ съ письмами отъ польскаго короля) рѣшилъ заботиться о распространеніи уніи между всѣми русскими,—то конгрегація для распространенія святой католической вѣры, разсуждая, что не слѣдуетъ упускать столь благопріятнаго для сего времени, чрезвычайно желаетъ дать движеніе этому столь важному для спасенія душъ дѣлу, весьма озабочена приведеніемъ его къ окончанію и потому поручаетъ его благоразумію велебнаго пана (нунція). А такъ какъ въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ секретнаго дѣйствованія, ты не долженъ разсуждать о немъ ни съ кѣмъ, только съ королемъ, канцлеромъ Оссолинскимъ, митрополитомъ уніатскимъ и ксендзомъ Терлецкимъ, бискупомъ холмскимъ; отъ послѣднихъ можно узнать, какъ должно воздѣйствовать на гнѣзненскаго епископа, чтобы онъ оказывалъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ передъ королемъ, защищалъ оное и поддерживалъ на сеймѣ, когда оно будетъ туда внесено. Отъ митрополита и холмскаго бискупа можешь получить достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о подготовленіяхъ, наклонностяхъ и намѣреніяхъ дизунитовъ, которые или дѣйствительно стремятся къ доброму, или же только домогаются уничтоженія уніи и отнятія отъ уніатовъ бенефицій и церквей, на что уже неоднократно покушались на сеймахъ.

„Прежде чѣмъ, велебный панъ, приступишь къ разсужденію объ уніи, ты хорошо долженъ разузнать объ образѣ жизни и обычаяхъ Могилы, митрополита дизунитскаго, а также объ его характерѣ, учености и намѣреніяхъ, каковыми онъ руководствуется въ означенномъ дѣлѣ. Они могутъ быть духовныя (и это было бы самое лучшее), но могутъ быть они и земныя (doczesne); однако и послѣднія, будучи обнаружены, могутъ послужить дѣлу уніи, ибо Богъ часто приводитъ людей ко благу путями земныхъ ихъ цѣлей. Также постараешься собрать подобныя свѣдѣнія о луцкомъ епископѣ (Аѳанасіи Пузынѣ), ученѣйшемъ изъ русскихъ дизунитовъ, о которомъ доносили конгрегаціи, что онъ тайный католикъ, потомъ, что онъ уже учинилъ исповѣданіе вѣры согласно формѣ, составленной для грековъ. Копія ея при семъ прилагается въ тѣхъ видахъ, чтобы, когда митрополитъ или другіе дизуниты пожелаютъ приступить къ уніи, ты могъ принять ихъ на лоно костела согласно съ нею.

„При выборѣ средствъ къ заключенію уніи ты долженъ дать преимущество наиболѣе легкимъ и наиболѣе приноровленнымъ къ лицамъ, времени, обстоятельствамъ, съ цѣлью скорѣйшаго достиженія предназначенной цѣли.

Библиотека "Руниверс"

„Долженъ узнать объ условіяхъ, на основаніи которыхъ дизуниты желаютъ принять унію, и всѣ ихъ списать, чтобы, имѣя на виду то, что тебѣ поручено конгрегаціею въ этомъ дѣлѣ, могъ знать, на какія изъ этихъ условій можно дать согласіе, а на какія нѣтъ.

„Долженъ разузнать также о затрудненіяхъ, мѣшающихъ дѣлу уніи не только со стороны митрополита, епископовъ и народа дизунитскаго, но и со стороны самыхъ способовъ и условій, представляемыхъ для ея заключенія.

„Долженъ разузнать, наконецъ, какъ всѣ эти затрудненія можно устранить, и обо всемъ донести конгрегаціи, предварительно условившись, о чемъ сказано выше, съ канцлеромъ Оссолинскимъ, уніатскимъ митрополитомъ и холмскимъ бискупомъ, которые сообщатъ тебѣ всѣ означенныя свѣдѣнія, и отъ которыхъ ты не долженъ имѣть ничего секретнаго.

„Разсуждая объ означенномъ дѣлѣ, не обязывайся ни къ чему, но на все отвѣчай, что обо всемъ предлагаемомъ или желаемомъ ты доведешь до свѣдѣнія конгрегаціи, дабы чрезъ посредство нея получить резолюцію папы. Можешь дать понять митрополиту дизунитскому, чтобы онъ въ своихъ условіяхъ ограничился только такими, которыя могутъ быть приняты апостольскою столицею“ [1]).

Приведенные нами документы—послѣдніе изъ извѣстныхъ по трактуемому предмету о попыткахъ къ примиренію православныхъ съ латино-уніатами на почвѣ религіозной за разсматриваемое нами время. Замыслы короля и при новомъ папѣ, болѣе сочувственно къ нимъ относившемся, не привели ни къ чему. Къ тому же,—по крайней мѣрѣ, въ это именно время,—Владиславъ IV до извѣстной степени охладѣлъ къ своей любимой мечтѣ о религіозной уніи или, точнѣе, она отодвинулась у него на задній планъ, уступивъ мѣсто новому грандіозному плану—завоеванію Крыма, Турціи, взятію Константинополя, освобожденію Гроба Господня.... Эти замыслы, благодаря противодѣйствію сейма, тоже не увѣнчались успѣхомъ, какъ и его усиленныя заботы о привнесеніи религіознаго мира въ обуреваемую религіозными страстями Польшу.

Закончимъ свой трактатъ по данному вопросу указаніемъ на нѣсколько случайно проскользнувшихъ фразъ, которыя однако даютъ основаніе думать, что толки въ средѣ православныхъ о возможности

[1]) Ibid. II. 28—288

Библиотека "Руниверс"

религіознаго примиренія съ уніатами, подъ условіемъ объединенія тѣхъ и другихъ подъ властью самостоятельнаго патріарха, не прекращались еще въ 1646 году, почти наканунѣ смерти Петра Могилы.

Мы имѣемъ въ виду слѣдующій фактъ.

Въ августѣ 1646 года скончался настоятель Виленскаго Свято-Духова монастыря Никодимъ Жолудь. Извѣщая объ этомъ Петра Могилу, виленскіе братчики въ адресѣ на письмѣ къ нему не обозначили его „митрополитанскаго титула", ограничившись титуломъ „экзарха" константинопольскаго патріарха. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ братчикамъ (отъ 4 сент.), П. Могила, между прочимъ, отмѣчаетъ и этотъ фактъ, считая его для себя оскорбленіемъ, и выражаетъ желаніе, чтобы на будущее время братчики не доставляли ему такого огорченія, „такъ какъ я—писалъ Могила—естемъ и митрополитъ, и екзархъ". [1]) Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ митрополиту (отъ 5 октября), съ извѣстіемъ объ избраніи на мѣсто скончавшагося Жолудя новаго „старшаго" (Іосифа Тризны), виленскіе братчики по поводу означеннаго выговора митрополита представляютъ слѣдующее любопытное объясненіе: „сдѣлали мы это—читаемъ въ ихъ письмѣ—не вслѣдствіе какого-либо злого, не сыновняго побужденія (аффекту),—чего не дай Боже,—но предвидя будущее (futura providendo), притомъ сдѣлали это послѣ общаго совѣщанія съ его милостью ректоромъ кіевскимъ (Иннокентіемъ Гизелемъ), въ то время находившимся въ Вильнѣ". Письмо заканчивается самыми искренними выраженіями любви и признательности къ Могилѣ, какъ своему верховному архипастырю, съ просьбою содержать ихъ, братчиковъ, въ неизмѣнной своей „ласкѣ" [1]).

Въ виду извѣстныхъ намъ свѣдѣній о попыткахъ къ соединенію церквей православной и уніатской за разсматриваемое время (за время управленія П. Могилы кіевскою митрополіею), мы въ означенномъ объясненіи виленскихъ братчиковъ усматриваемъ ясный намекъ, что толки объ этомъ не прекращались и въ 1646 году, причемъ мысль о возможности объединенія православныхъ и уніатовъ на почвѣ религіозной подъ главенствомъ особаго патріарха въ западно-русскихъ областяхъ нѣкоторою частью православнаго общества все еще не считалась несбыточною.

---

[1]) Рукоп. сборн. библ. Кіево-Печ. лавры; № 20, л. 19.

[1]) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Общіе выводы и замѣчанія о положеніи православныхъ за разсматриваемое время. Критическое отношеніе къ мнѣніямъ о склонности высшаго православнаго духовенства, въ особенности П. Могилы, принять унію. Новыя данныя о взглядахъ на унію А. Киселя.

Велики были заботы и энергичны усилія православныхъ южноруссовъ (а во главѣ ихъ и нашего митрополита) возстановить нарушенныя чрезъ введеніе уніи юридическія права православной церкви и упрочить ихъ. Эти заботы и усилія, если и не увѣнчались вполнѣ желаемымъ успѣхомъ, однако далеко не были и безплодны. Положеніе православныхъ за разсматриваемое нами время, въ сравненіи съ предшествовавшимъ (при Сигизмундѣ III), значительно измѣнилось къ лучшему. Самымъ существеннымъ улучшеніемъ былъ ужъ самый фактъ признанія за православною церковью правового, огражденнаго закономъ, существованія ея въ государствѣ. „Послѣ провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ — говоритъ Н. И. Костомаровъ — „православная восточная церковь, господствовавшая въ русскихъ областяхъ, по понятіямъ поляковъ, возстановила свое древнее единство съ западною церковью, и польская нація признавала въ предѣлахъ своей Рѣчи Посполитой только эту соединенную церковь законною древнею восточною церковью". Поэтому, когда въ 1620 г. іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ возстановлена была православная іерархія, то — продолжаетъ тотъ же изслѣдователь — „какъ митрополитъ (Іовъ Борецкій), такъ и посвященные разомъ съ нимъ архіереи, а затѣмъ и все священство, получившее отъ нихъ рукоположеніе, въ глазахъ польской націи были тѣмъ же, чѣмъ теперь въ наше время должны намъ казаться архіереи и священники поповской секты раскола, не признаваемые ни закономъ, ни властями, никакъ не имѣющіе права на свой санъ и притомъ не могущіе имѣть его до тѣхъ поръ, пока не состоится законъ, признающій возможность существованія самаго сана при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они хотятъ носить его"... [1]). Хотя это мнѣніе и нуждается въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и оговоркахъ [2]), тѣмъ не менѣе въ основныхъ чертахъ

---

[1]) Монографіи XIV. 48–49.

[2]) Польское правительство послѣ Брестской уніи стремилось къ уничтоженію въ государствѣ высшей православной іерархіи, вслѣдствіе чего, не переставая признавать за епископами, не примкнувшими къ уніи, ихъ отверженныя королевскими грамотами права, — лицамъ, вновь избираемымъ православными на митрополичью и епископскія каѳедры, не давало уже обычныхъ привилегій (Іеремія Тиссаровскій.

Библиотека "Руниверс"

оно справедливо. Поэтому успѣхи, достигнутые православными на сеймахъ 1632—1633 гг., не безъ основанія считались самими ими „возрожденіемъ своей церкви“, въ смыслѣ возвращенія ей попранныхъ въ предшествующее царствованіе правъ ея. Правда, унія не была уничтожена и правовое ея положеніе осталось непоколебленнымъ въ государствѣ, но въ свою очередь признано на ряду съ нею легальное существованіе и православной церкви, причемъ воспослѣдовало учрежденіе извѣстнаго количества православныхъ каѳедръ, занимавшихся законными и съ государственной точки зрѣнія іерархами, подтверждены права всѣхъ православныхъ учрежденій (братствъ, школъ, монастырей и т. п.), а также обезпеченъ былъ для желающихъ свободный переходъ изъ уніи въ православіе. Послѣднее обстоятельство было причиною отторженія отъ уніи цѣлыхъ народныхъ массъ, по обстоятельствамъ вынужденныхъ дотолѣ скрывать свои симпатіи къ православію и наружно принадлежать къ ненавистному имъ уніатскому вѣроисповѣданію. Непосредственнымъ послѣдствіемъ возстановленія юридическихъ правъ православной церкви было также постановленіе о возвращеніи православнымъ значительнаго количества церквей и церковныхъ бенефицій, находившихся дотолѣ во владѣніи уніатовъ. Правда, послѣдніе, при расшатанности въ Польшѣ государственнаго строя, сильно тормозили приведеніе въ исполненіе

епископъ Львовскій, представляетъ въ данномъ случаѣ исключеніе, вызванное особыми обстоятельствами: лукавствомъ съ его стороны) и потому таковыхъ лицъ, какъ поставшихся безъ согласія на то верховной власти, не считало съ государственной точки зрѣнія законными архипастырями. Но настоятелямъ православныхъ монастырей, пользовавшихся до введенія уніи правами автономіи въ управленіи (не зависѣвшихъ отъ митрополита или епископовъ), Сигизмундомъ III, хотя не безъ большихъ усилій со стороны православныхъ, подобныя привилегіи давались, и слѣд. за таковыми настоятелями—архимандритами и игуменами—ихъ правовое положеніе въ государствѣ признавалось (См., напр., грамоту, данную по просьбѣ князей Острожскихъ, Елисею Плетенецкому на архимандрію кіево-печерскую, отъ 22 февр. 1605 г., слѣдовательно спустя почти шесть лѣтъ послѣ его избранія на оную; помѣщ. въ А. Ю и З. Р. т. II, № 17, стр. 31—32,—и таковыя же грамоты на ту же архимандрію Захарію Копыстенскому, отъ 7 февр. 1625 г. и Петру Могилѣ отъ 29 ноября 1627 г., помѣщ. въ прилож. къ I тому сочиненія „Кіев. митрополитъ П. Могила“ подъ №№ XLII и LI, стр. 277—278 и 296—297; см. также А. З. Р. IV, № 225). Тѣмъ болѣе польское правительство не могло препятствовать возникновенію новыхъ православныхъ монастырей и церквей, устрояемыхъ православнымъ дворянствомъ на ихъ собственныхъ „грунтахъ“ (дворянство пользовалось въ данномъ случаѣ своими шляхетскими правами и въ томъ числѣ правомъ „подаванья“ и „патронатства“),—и таковые новые монастыри и церкви дѣйствительно возникали, и дѣла объ этомъ юридически оформливались (см., напр., Археогр. Сборникъ докум. Сѣверо-Зап. Руси, т. II. №№ 31 и 33).

Библиотека "Руниверс"

правительственныхъ распоряженій относительно этого (опираясь въ данномъ случаѣ на содѣйствіе ультра-католической партіи), и нѣкоторыя церкви, не смотря на всѣ усилія православныхъ, не были возвращены имъ или вновь отнимались отъ нихъ уніатами. Но все-таки подобныя явленія слѣдуетъ признать за исключенія, хотя — какъ мы видѣли—и нерѣдкія. Въ связи съ этимъ и благодаря личному расположенію Владислава IV къ православнымъ, для послѣднихъ открывался доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ на государственной службѣ. Важное значеніе для православія „статей примиренія“ было сознаваемо обѣими „разрозненными въ вѣрѣ“ сторонами; отсюда—цѣлый рядъ попытокъ со стороны уніатовъ уничтожить эти статьи или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ значеніе; а со стороны православныхъ — упрочить оныя. Отчасти вслѣдствіе неосторожныхъ поступковъ самихъ православныхъ (дѣло С. Гулевича, навлекшее на него инфамію), отчасти вслѣдствіе неизбѣжности при борьбѣ партій идти иногда на компромиссы, православные вынуждены были дать согласіе на нѣкоторыя уступки уніатамъ, согласиться на нѣкоторую урѣзку означенныхъ статей; тѣмъ не менѣе, послѣднія въ существенныхъ чертахъ не только не были отмѣнены, но не разъ подтверждались сеймами, притомъ иногда съ дополненіями, благопріятствующими православнымъ. Главное зло заключалось въ сущности не въ этихъ урѣзкахъ (хотя и тяжелыхъ для православныхъ), но въ томъ, что ультра-католическая партія не желала примириться съ правами, данными православнымъ, и готова была при всякомъ удобномъ случаѣ нарушить ихъ. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перевѣсъ матеріальной силы былъ на сторонѣ латино-уніатовъ и во главѣ ихъ стояли паписты-фанатики, преслѣдованія православныхъ не прекращались. Правда, нерѣдко эти преслѣдованія вызывали энергичный отпоръ со стороны угнетаемыхъ, и православные отплачивали своимъ противникамъ тою же монетою. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что правонарушеній по дѣламъ религіознымъ (нарушеній противъ „статей успокоенія“) со стороны уніатовъ было гораздо болѣе, чѣмъ со стороны православныхъ. Особенно часто такія правонарушенія—какъ имѣемъ основаніе думать—приходилось испытывать православнымъ пастырямъ и ихъ пасомымъ, находившимся въ непосредственной зависимости отъ латино-уніатскихъ помѣщиковъ (шляхты), т. е. сельскому православному люду. Этого пункта мы не касались въ своемъ очеркѣ. Восполнимъ опущеніе.

Извѣстно, что однимъ изъ выдающихся явленій въ церковно-исторической жизни нашего юго-запада было, между прочимъ, такъ называемое право патронатства. Право это выражалось здѣсь разно-

Библиотека "Руниверс"

образно и пользовались имъ многія лица. Для нашей цѣли важно собственно указать на значеніе патронатства владѣльческаго. Сущность его состояла въ томъ, что шляхта привыкла смотрѣть на находившійся въ ихъ помѣстьяхъ церкви и монастыри, въ особенности на первыя, какъ бы на свою собственность. Послѣдствія отъ такого положенія вещей еще и до введенія въ литовско-русскихъ областяхъ уніи были разнообразныя: и благопріятныя, и неблагопріятныя. Князья и паны заботились о поддержаніи находившихся въ ихъ имѣніяхъ храмовъ Божіихъ, нерѣдко, при своемъ благочестіи, щедро надѣляли ихъ утварью и угодьями; но вмѣстѣ съ тѣмъ они считали себя во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ церквей, безконтрольными хозяевами: назначали, по своему усмотрѣнію, настоятелей и другихъ членовъ клира, по собственному желанію, безъ всякаго суда и вѣдома о томъ мѣстнаго епископа смѣщали ихъ, распоряжались церковною собственностью и т. п. Со времени провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ добро и зло для православной церкви отъ владѣльческаго патроната приняли бо́льшіе размѣры. Съ одной стороны, если владѣльцами помѣстій являлись лица, искренно преданныя интересамъ православія, они усугубляли свои заботы о дѣлахъ церковныхъ, ограждали своихъ (т. е. находившихся въ ихъ имѣніяхъ) пастырей отъ гнета уніатскихъ бискуповъ и, пользуясь своими шляхетскими правами, безпрепятственно устраивали на своихъ земляхъ новыя церкви, монастыри и другія религіозно просвѣтительныя учрежденія, давали пріютъ въ своихъ владѣніяхъ греческимъ и другимъ православнымъ іерархамъ, присутствіе которыхъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе „оскудѣнія“ здѣсь собственной высшей іерархіи, являлось дѣломъ крайне необходимымъ, и т. п. [1]). Но съ другой стороны, когда владѣльцами помѣстій и, вслѣдствіе этого, патронами находившихся здѣсь православныхъ церквей оказывались лица, измѣнившія православію (перешедшія въ унію) и вообще паписты, положеніе православныхъ, если не всегда, то нерѣдко оказывалось

[1]) Удалившійся изъ Молдавіи Сергій, владыка Мороморскій и Мокачевскій, очень долгое время („пилнонадцать лѣтъ“) пребывалъ въ Степаньскомъ монастырѣ, находившемся во владѣніяхъ князя К. И. Острожскаго (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. —Дѣла греческ. к. 3, № 2); греческій епископъ Павелъ поселился въ Корцѣ, у князей Корецкихъ (Consideracye, podane panom disunitom... Iana Krzeszmera. Wilno, 1648 г., str. 85); у князя Адама Вишневецкаго въ 1603 г. пребывалъ архіепископъ Критскій, „котораго онъ весьма жаловалъ, потому что онъ былъ ему отецъ духовный“ (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Спб. 1858 г. ч. I, стр. 288). О другихъ восточныхъ іерархахъ, пребывавшихъ въ разсматриваемое время въ разныхъ православныхъ обителяхъ, см. Русск. Историч. Библ. т. II, № 166.

Библиотека "Руниверс"

весьма затруднительнымъ и даже безпомощнымъ. Панъ могъ лишить находившіяся въ его помѣстьяхъ церкви пріуроченныхъ къ нимъ угодій и даже могъ прямо отнять ихъ у православныхъ священниковъ (въ случаѣ ихъ несогласія принять унію) и передать уніатамъ. А такъ какъ къ началу царствованія Владислава IV множество православныхъ дворянъ, преимущественно „ради славы міра сего", измѣнили уже праотцевской вѣрѣ, принявъ унію или католицизмъ,— то, понятно, сколь неблагопріятными послѣдствіями для православнаго сельскаго люда могло сопровождаться это обстоятельство въ виду указанныхъ нами патронатскихъ правъ владѣльцевъ, несмотря на провозглашенную „статьями успокоенія" религіозную свободу. Значеніе патронатскихъ правъ въ смыслѣ вліянія на ходъ религіозныхъ дѣлъ хорошо было понимаемо въ Римѣ и оттуда шли по этому поводу соотвѣтствующія указанія. Въ письмѣ папы къ одному изъ вліятельныхъ магнатовъ (отъ 1643 г). читаемъ: „Намъ весьма желательно, чтобы не ослабѣвало твое благочестивое усердіе, которое наглядно до сихъ поръ обнаруживалось въ дѣлахъ, касающихся распространенія католической вѣры; желательно, чтобы оно проявилось и въ приведеніи къ уніи русскихъ, живущихъ въ предѣлахъ твоихъ владѣній. Для этого же въ особенности полезно, чтобы на мѣсто священниковъ схизматиковъ, которые, не пожелаютъ отказаться отъ своихъ заблужденій, ставились священники уніатскіе, дабы такимъ образомъ по винѣ тѣхъ, которые должны другихъ учить чистотѣ ученія, не проникла гибельная зараза"... [1]) На провинціальномъ соборѣ, созванномъ перемышльскимъ епископомъ Петромъ Гембицкимъ въ октябрѣ 1637 года, между прочимъ, постановлено: Свѣтскимъ панамъ (помѣщикамъ), которые, пользуясь правами патронатства, будутъ презентовать къ русскимъ церквамъ священниковъ уніатовъ, позволяется давать индульгенціи на 40 дней." Тогда же, когда во время разсужденій о распространеніи уніи выяснилось, что на соборъ въ Перемышлѣ, созывавшійся мѣстнымъ уніатскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Крупецкимъ, никто не явился изъ русскихъ священниковъ, имѣвшихъ приходы во владѣніяхъ епископскихъ, то есть бискупа Петра Гембицкаго, то послѣдній издалъ распоряженіе, чтобы всѣ русскіе пароxи или, какъ они обыкновенно называются, „попы", имѣющіе приходы въ имѣніяхъ ключа Родимненскаго и Лукавіенскаго, подъ угрозою удаленія отъ бенефицій, подчинились означенному уніатскому епископу, при чемъ крайнимъ срокомъ для сего назначается праздникъ Рождества Христова по римскому кален-

[1]) Histor. Rus. Monum.

Библиотека "Руниверс"

дарю— [1]). Подобныя давленія, опиравшіяся на содѣйствіе патроновъ, дѣлаемы были не на одно православное духовенство, но и на мірянъ, — и, разумѣется, не были безрезультатны, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ внѣшняго подчиненія означенному давленію. Въ библіотекѣ перемышльскаго уніатскаго собора Іоанна Крестителя сохранилось письмо Немировскихъ братчиковъ къ Перемышльскимъ. Въ немъ они извѣщаютъ послѣднихъ, что ксендзъ Крупецкій (уніатскій епископъ) прислалъ къ нимъ универсалъ, а къ ихъ госпожѣ письмо, въ которомъ „размаитыи пострахи задаючи,“ требуетъ, чтобы она приказала священникамъ и имъ, братчикамъ, явиться на назначаемый въ Перемышлѣ соборъ. Братчики заявляютъ, хотя они съ давнихъ временъ не привыкли слушать означеннаго „имъ незвычайного и церкви святой православной противного пастыря“, тѣмъ не менѣе вынуждены исполнить „панское приказаніе“ и посылаютъ изъ среды себя двухъ братій —[2]).

Всѣ приведенныя нами данныя настолько ясны и опредѣленны, что не нуждаются въ коментаріяхъ. Къ гражданскому безправію и гнету панскихъ „подданныхъ“ со введеніемъ уніи присоединилось еще болѣе тяжелое угнетеніе—религіозное, стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія. Этого угнетенія, при господствовавшемъ въ то время фанатизмѣ по отношенію къ православію ультра-католической партіи, не могли уничтожить и „статьи успокоенія“. Но насильственно навязываемая народу унія не могла не раздражать его; въ народной средѣ, подъ личиною вынужденной покорности панскому гнету, въ изобиліи таились жгучіе элементы, которые впослѣдствіи вырвавшись наружу, не мало содѣйствовали злосчастіямъ Польши, а въ концѣ концовъ и ея погибели, какъ самостоятельнаго государства.

Борьба религіозныхъ партій, не прекращавшаяся во все царствованіе Владислава IV, недовольство уніатовъ и вообще ультра-католической партіи „статьями успокоенія,“ постоянныя жалобы православныхъ по поводу нарушенія этихъ статей, безконечныя препирательства между „разрозненными въ вѣрѣ людьми“ изъ-за вопросовъ религіозныхъ, доходившія до открытыхъ столкновеній,—сильно озабочивали короля и были причиною усиленныхъ его заботъ къ согла-

---

[1]) Peremislia sacra..., изд. 1870, стр. 443,—гдѣ указанъ первоисточникъ. См. также: Synodus dioecesana Praemysliensi, praesidente illustr. et reverend. domino Szołdrski.., episcopo Praemysliensi, in ecclesia cathedrali Praemysliensi, anno Domini 1636, die 26 mensis augusti celebrata. (Изд 1636 г., въ Краковѣ), гдѣ на стр. 13—14 находится постановленіе: de unione Ruthenorum promovenda.

[2]) Подлинникъ въ библ. уніатскаго Перемышльскаго собора.

Библиотека "Руниверс"

шенію враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ Владиславъ IV преслѣдовалъ преимущественно цѣли политическія: желалъ уврачевать раны Рѣчи Посполитой, наносимыя ей разгаромъ религіозныхъ страстей. Но всѣ старанія короля въ данномъ направленіи оказались безплодными. Зависѣло это первѣе всего отъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія на это соглашеніе представителей православія и католицизма. Римъ домогался означеннаго соглашенія на условіяхъ Флорентійскаго собора, желалъ привлечь православныхъ къ уніи, которая провозглашена была на Брестскомъ соборѣ, словомъ, стремился къ полному порабощенію православной церкви съ сохраненіемъ за нею только обрядовыхъ особенностей. Представителямъ же православія Брестская унія была ненавистна. Они мыслили объ уніи съ Римомъ, какъ о взаимообщеніи между церквами въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною всѣхъ завѣщанныхъ древностью особенностей въ ея ученіи, управленіи и обрядности. Унію съ Римомъ они понимали въ смыслѣ возвращенія къ состоянію церкви во времена святителей: Григорія, Василія, Аѳанасія,— при чемъ непремѣннымъ условіемъ для соглашенія по означенному вопросу поставлялось участіе въ этомъ дѣлѣ константинопольскаго патріарха. Согласіе послѣдняго на проектируемое соглашеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что выдвигался новый вопросъ: объ образованіи въ западно-русскихъ областяхъ новаго патріархата, что (при сохраненіи религіознаго единенія съ греческою церковью) возможно было только при согласіи на то восточныхъ святителей. Но Римъ, склонявшійся прежде (при Сигизмундѣ III) на учрежденіе въ польско-русскихъ областяхъ такого патріархата, понялъ грозившую для его замысловъ опасность отъ означеннаго учрежденія и съ рѣшительностью началъ протестовать противъ этого проекта. Естественно, что при такихъ разнорѣчивыхъ взлядахъ на религіозное единеніе между церквами состояться оно не могло.

При тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя испытываютъ личности, не отличающіяся твердостью характера и непоколебимою устойчивостью въ своихъ воззрѣніяхъ, нерѣдко случается, что они идутъ на компромиссы и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ лукавству. Къ такому лукавству прибѣгалъ, напр., Іеремія Тиссаровскій, который, съ цѣлью полученія отъ Сигизмунда III привилегіи на львовскую епископію, изъявилъ желаніе принять унію, но, получивъ отъ короля желаемое, остался вѣренъ православію. Едва-ли въ такомъ же лукавствѣ въ разсматриваемое нами время не былъ повиненъ и луцкій епископъ Аѳанасій Пузына: слишкомъ увѣренныя и рѣшительныя свѣдѣнія о его согласіи принять унію, даже о

Библиотека "Руниверс"

принятіи оной, идутъ изъ латино-уніатскаго лагеря, хотя, разумѣется, они, въ виду постоянной борьбы сего епископа съ латино-уніатами, нуждаются въ новыхъ подкрѣпленіяхъ [1]). Но что касается до другихъ выдающихся іерарховъ того времени и, въ частности, Петра Могилы, то распространяемые о нихъ латино-уніатами слухи о расположенности къ уніи и желаніи ее принять должны быть признаны, въ той окраскѣ, какая этимъ слухамъ придается, несостоятельными.

Янъ Кречмеръ въ сочиненіи, изданномъ въ 1648 году, подъ заглавіемъ Considerасуе и проч., между прочимъ, пишетъ, что мстиславскій епископъ Іосифъ Бобриковичъ († 1634 г). былъ въ душѣ уніатъ, передъ смертью просилъ пригласить къ нему для напутствія въ загробную жизнь уніатскаго священника, за что якобы и былъ удушенъ виленскими чернцами [2]). Но достаточно сопоставить это извѣстіе съ письмомъ уніатскаго митрополита Рутскаго, писаннымъ вскорѣ послѣ кончины Бобриковича, гдѣ послѣдній выставляется, какъ врагъ уніи („Iosephus Bobrikowicz venit Vilnam... spirans minarum“) [3]), достаточно хотя поверхностно ознакомиться съ его жизнью, всецѣло посвященною интересамъ православія и борьбѣ съ уніею, чтобы понять всю несостоятельность указаннаго заявленія, вызваннаго, очевидно, желаніемъ хотя послѣ смерти перетянуть въ свой лагерь этого замѣчательнаго іерарха.

Взглядъ Сильв. Коссова на унію, вполнѣ православный, ясно засвидѣтельствованъ имъ въ указанномъ нами письмѣ его къ уніатскому митрополиту Антонію Селявѣ.

Что касается митрополита Петра Могилы, то предположенія о немъ, какъ сторонникѣ уніи съ Римомъ, имѣютъ въ своей основѣ слѣдующія данныя и соображенія:

а) Донесенія въ Римъ, выставлявшія Могилу, какъ лицо, склоняющееся принять унію. Къ этимъ донесеніямъ въ настоящее время слѣдуетъ присовокупить открытое нами письмо нѣкоего Фрука къ уніатскому епископу Баковецкому, гдѣ передаются слухи о таковой же склонности къ единенію съ Римомъ нашего митрополита.—Но

---

[1]) Страннымъ представляется, что актъ присяги Пузыны на унію, безъ сомнѣнія, пересланный въ Римъ, не оказывается въ Ватиканскомъ архивѣ, по крайней мѣрѣ доселѣ не изданъ работавшими въ означенномъ архивѣ и издавшими массу документовъ за время царствованія Владислава IV.

[2]) Considerасуе—въ отдѣлѣ: Odpowiedz na kalumnie.

[3]) Архивъ греко-ун. митроп. при Св. Синодѣ № 1178 (прежніе №№ 85, 10037).

Библиотека "Руниверс"

до какой степени эти слухи были неопредѣленны и сколь зыбкую имѣли подъ собою фактическую почву, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ инструкція, данная въ 1645 году нунцію Торресу, изъ которой видно, что даже къ концу жизни Петра Могилы папа и его курія, посылавшіе митрополиту письма съ приглашеніемъ принять унію и съ разныхъ сторонъ собиравшіе свѣдѣнія по этому дѣлу, кромѣ неопредѣленныхъ слуховъ, ровно ничего не знали о намѣреніяхъ Могилы по вопросу о соединеніи церквей,—что, разумѣется, не можетъ не показаться въ высшей степени страннымъ и даже положительно необъяснимымъ, если признать серьезность означенныхъ намѣреній и дѣйствительную склонность нашего митрополита къ уніи. При томъ, къ означеннымъ слухамъ,—безъ сомнѣнія, возникавшимъ вслѣдствіе неоднократныхъ обращеній короля къ представителямъ православной церкви съ просьбою о религіозномъ соглашеніи съ уніатами,—сами латино-уніаты, хорошо знавшіе Могилу, относились съ большимъ недовѣріемъ. И есть полное основаніе думать, что переговоры по поводу означеннаго соглашенія съ уніатами, не разъ имѣвшіе мѣсто на сеймахъ, были вызываемы единственно самимъ королемъ, представители же православной церкви во главѣ съ П. Могилою участвовали въ этихъ переговорахъ, такъ сказать, ex officio, не желая вооружить противъ себя расположеннаго къ нимъ короля, и держали себя при этомъ уклончиво, т. е., не отрицая въ принципѣ возможности единенія между церквами (о чемъ они просятъ Бога), осуществленіе этого дѣла ставили въ зависимость отъ условій этого единенія и согласія на то константинопольскаго патріарха, при чемъ, знакомые съ воззрѣніями на унію со стороны Рима, безъ сомнѣнія, не могли имѣть серьезныхъ надеждъ на успѣхъ этого дѣла.

б) Широкія заимствованія П. Могилы при своихъ трудахъ изъ латинскихъ источниковъ. На эти заимствованія, какъ на доказательство склонности нашего митрополита къ уніи, даже принадлежности къ ней, особенно любили указывать въ свое время латино-уніатскіе писатели [1]). Что такія заимствованія допускались нашимъ

---

[1]) Іезуитъ Ѳеофилъ Рутка въ сочиненіи: Goliat swoim mieczem porażony (изд. 1689 г., въ Люблинѣ) пишетъ: „My iednak tego nie trzymamy o w. Pietrze Mohile (т. е., что онъ былъ православнымъ). Utwierza toie Trzebnik, który z łacinskiey agendy y innych ksiąg łacinskich, a nie greckich, choć udawał, że z greckich, poprawił... Lithos abo Kamien w. Piotr Mohiła pisał? Nie wierzymy. Bo on nie miał ducha heretickiego, ponieważ miał się do ksiąg łacinskich katholickich, iako się rzekło o Trebniku (стр. 167). Суша въ своей книгѣ, изданной въ Римѣ,

Библиотека "Руниверс"

митрополитомъ, это, разумѣется, фактъ не подлежащій сомнѣнію; но выводы, дѣлаемые изъ него, неосновательны. Подобныя заимствованія изъ латинскихъ источниковъ въ изобиліи встрѣчаются у многихъ тогдашнихъ писателей, ревность которыхъ къ православію и враждебное отношеніе къ уніи сомнѣнію не подлежитъ. Фактъ этотъ можетъ быть объясняемъ проще и естественнѣе. Въ разсматриваемое время западъ далеко опередилъ въ научномъ отношеніи востокъ. Это, между прочимъ, отразилось какъ на болѣе широкой постановкѣ въ первомъ образованія (школы, коллегіи, университеты), такъ и на ученo-литературныхъ произведеніяхъ, въ томъ числѣ и богословско-церковнаго характера, а также на приведеніи къ извѣстной систематизаціи догматическихъ вѣрованій (катехизисы) и обрядности (бревіаріи, ритуалы). Православнымъ южноруссамъ, гдѣ науки только что нарождались, естественно было пользоваться научными результатами, добытыми сосѣдними народами, хотя и иновѣрными. Съ этою цѣлью многіе изъ нихъ отправлялись для завершенія образованія въ заграничные коллегіи и университеты, а возвратившись оттуда, пріобрѣтеннымъ научнымъ оружіемъ и добытыми свѣдѣніями пользовались при защитѣ интересовъ православія. Подобное явленіе въ довольно широкихъ размѣрахъ замѣчается въ сочиненіяхъ православныхъ южно-русскихъ писателей, особенно полемическихъ, еще до выступленія П. Могилы на общественное поприще. Относительно, напр., полемическихъ сочиненій дѣло обстояло такъ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ православное вѣроученіе сходится съ католическимъ (напр., относительно почитанія мощей), въ другихъ съ протестантскимъ (отрицаніе главенства папы). И вотъ, когда православнымъ писателямъ приходилось бороться противъ протестантизма, они широко пользуются учеными трудами католиковъ, а когда нужно было ратовать противъ послѣднихъ, они прибѣгаютъ къ помощи сочиненій протестантскихъ [1]). Все это вызывалось необходимостью и

подъ заглавіемъ „Savius et Pavius... sive Meletius Smotricius“... во II ч., отд. V, на стр. 107—108 тоже усиливается доказать, что П. Могила et in vita et in morte latino confessus (передъ смертію исповѣдывалъ свои грѣхи латинскому каплану). Отсюда такое мнѣніе о П. Могилѣ занесено и въ другія латино-уніатскія произведенія; см., напр., Игнатія Стебельскаго: „Dwa wielkie swiatła na goryzoncie Polockim“... et caet. т. II (изд. 1752 г. въ Вильнѣ), стр. 225. Защиту памяти П. Могилы по данному дѣлу см. у Іоанникія Голятовскаго въ сочиненіи его: Stary kosciol zachodni nowemu kosciołowi Rzymskiemu pochodzienie Ducha S. od Oyca samego nie od Syna pokazuie“ et caet. (изд. 1678 г., въ Новгородкѣ) стр. 93—94.

[1]) Такъ, напр., М. Смотрицкій, при составленіи нѣкоторыхъ отдѣловъ своего Θρηνοσ'а (изд. 1610 г.) широко пользовался трудомъ протестанта Любберта: De papa Romano“—на что указано К. Студинськимъ (Пересторога, руський памятник початку XVII вѣка. У Львові. 1895, стр. 31). Сочиненіемъ Любберта, безъ сомнѣнія,

Библиотека "Руниверс"

осуждать за это ревнителей православія нельзя.... Петръ Могила былъ человѣкъ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ и хорошо понималъ потребности времени. Великій борецъ за интересы православія, но чуждый фанатизма, онъ сознавалъ, что не все у иновѣрцевъ дурно, а много есть у нихъ и хорошаго, и первѣе всего хорошимъ, удовлетворявшимъ потребностямъ времени, онъ считалъ западную науку, которую вслѣдствіе этого и рѣшился перенести въ основанныя имъ коллегіи. Цѣня научное образованіе у иновѣрцевъ, Петръ Могила естественно долженъ былъ цѣнить и научные труды западныхъ ученыхъ, а потому, обогащая ими свою и коллегіатскую библіотеки, не считалъ предосудительнымъ пользоваться ими при своихъ или писанныхъ по его порученію трудахъ, коль скоро находилъ подходящій для намѣченныхъ цѣлей матеріалъ. Всегда ли нашъ митрополитъ избѣгалъ при этомъ (о чемъ онъ заботился) привнесенія въ издаваемые имъ труды чуждаго элемента, это вопросъ иной; но указаніе на самый фактъ заимствованій Могилою изъ католическихъ источниковъ, какъ на свидѣтельство якобы его приверженности къ уніи, должно быть признанно совершенно не выдерживающимъ критики (крайне несостоятельнымъ).

в) Надежды и желаніе Петра Могилы получить патріаршескій санъ послѣ религіознаго соглашенія съ уніатами. Разумѣется, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если бы осуществился проектъ короля Владислава IV объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ особаго патріархата, объединявшаго подъ своимъ управленіемъ религіозно-примиренныхъ между собою православныхъ и уніатовъ,—

пользовался и С. Зизаній въ „Казаніи св. Кирилла объ антихристѣ", изд. въ 1596 году. (Ibid, стр. 164—166). Изъ южно-русскихъ произведеній указаннаго времени, писанныхъ противъ протестантовъ, при пособіи католическихъ писателей, укажемъ на сочиненіе: „О образехъ, о хвалѣ Божіей и хвалѣ и молитвѣ святыхъ, и о инныхъ артикулѣхъ вѣры единое правдивое церкве Христовы",—изданное въ началѣ XVII в. въ Вильнѣ. Авторъ его пользовался сочиненіемъ Вуйки: O Bostwie Syna Boźego,—иногда даже дословно. (Параллельныя мѣста приведены нами въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. IX, стр. 87. Особенно широко пользовались западно-русскіе писатели проповѣдями католиковъ.

Въ библіотекѣ Кіево-печерской Лавры находится обширный сборникъ проповѣдей нач. XVII стол., которыя преосв. Филаретъ (Обзоръ Духовн. Литературы) склоненъ считать за проповѣдническіе труды извѣстнаго южно-русскаго витіи виленскаго архимандрита Леонтія Карповича. Но это недоразумѣніе: означенныя проповѣди суть не что иное, какъ дословный переводъ на южно-русское нарѣчіе нѣкоторыхъ „казаній" Скарги, съ привнесеніемъ самыхъ незначительныхъ измѣненій и дополненій (напр., встрѣчается обращеніе къ кіево-печерскимъ угодникамъ, включены фразы о произнесеніи проповѣдей въ Кіевѣ и т. п.).

Библиотека "Руниверс"

то первымъ кандидатомъ на патріаршество былъ бы Петръ Могила. Вѣроятно, что послѣдній не чуждъ былъ мысли объ этомъ, подъ условіемъ религіознаго примиренія съ уніатами на началахъ, указанныхъ нами выше. Но вѣдь такое примиреніе въ сущности было не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ уніатовъ въ лоно православія, и послѣ подобнаго примиренія всѣ отношенія къ папѣ сводились бы къ почетному признанію его главенства (безъ привнесенія этого главенства въ догму). Если же вопросъ ставить такъ, что Петръ Могила по честолюбію, изъ-за желанія получить патріаршій санъ склоненъ былъ измѣнить православію (т. е. принять унію на условіяхъ Флорентійскаго собора), и не сдѣлалъ этого только по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, то подобное мнѣніе не можетъ быть принято. Оно, главнымъ образомъ, зиждется на мнѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей о Петрѣ Могилѣ, какъ человѣкѣ честолюбивомъ и карьеристѣ, поступившемъ на кіево-печерскую архимандрію изъ-за выводъ житейскихъ и занявшемъ впослѣдствіи кіевскую митрополію, при живомъ митрополитѣ, посредствомъ козней, принесши въ жертву своему честолюбію всѣхъ западно-русскихъ іерарховъ. Сколь несправедливы такія воззрѣнія, это уже достаточно разъяснено нами въ въ прежнихъ трудахъ [1]) и ширить рѣчей по этому поводу нѣтъ надобности. Мы здѣсь отмѣтимъ только одинъ фактъ изъ жизни Петра Могилы въ свѣтскомъ званіи, прежде намъ неизвѣстный. С. Коссовъ въ проповѣди своей, произнесенной имъ (9 апр. 1635 года) при погребеніи мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича, рисуетъ картину, кого почившій іерархъ встрѣтитъ въ обителяхъ небесныхъ, и, указывая на цѣлый рядъ такихъ лицъ, прославленныхъ Богомъ или извѣстныхъ святостью своей жизни, между послѣдними упоминаетъ креховскаго инока Герасима, „который, спустя семь лѣтъ послѣ своей кончины, преосвященнаго въ Богѣ отца и пастыря его милость отца Петра Могилу, еще бывшаго въ то время въ свѣтскомъ званіи, исцѣлилъ отъ тяжкой болѣзни“ [2]). Такъ какъ означенный фактъ отмѣчается какъ чудо, извѣстіе о которомъ очевидно было въ свое время широко распространенно, то естественно возникаетъ предположеніе, нельзя ли поставлять означенное чудесное исцѣленіе Могилы отъ тяжкой болѣзни въ связь съ его желаніемъ посвятить свою жизнь на служеніе православной церкви въ духовномъ званіи?... Какъ бы то ни было, но противъ приверженности

---

1) Кіев. митроп. Петра Могила, т. I, гл. II.

2) Cherubin przy akcie pogrebowym przewielebnego w Bogu Oyca Iozepha Bobrikowicza... et caet. (изд. 1635 г., въ Вильнѣ).

Библиотека "Руниверс"

Петра Могилы къ уніи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся его жизнь, непрерывная борьба съ уніатами и неусыпная дѣятельность на пользу православія, — и мы не въ правѣ не вѣрить его предсмертному завѣщанію, всецѣло проникнутому горячею любовью къ православію и православнымъ учрежденіямъ [1]).

Что касается православныхъ южноруссовъ,, не принадлежавшихъ къ духовному званію, но близко принимавшихъ къ сердцу интересы православной церкви и энергично ратовавшихъ за оные, то между ними могли находиться лица, болѣе склонные обольщать себя надеждою о возможности сближенія съ Римомъ при условіяхъ взаимныхъ уступокъ съ той и другой стороны, при чемъ этому могли содѣйствовать и не столь устойчивыя (какъ у духовныхъ особъ) воззрѣнія на пункты разногласія съ Восточною и Западною церквами. Съ мнѣніемъ одного изъ такихъ свѣтскихъ лицъ (князя Михаила Чарторыйскаго) мы уже до извѣстной степени ознакомлены: разумѣемъ сдѣланное имъ на луцкомъ провинціальномъ сеймѣ 1645 года заявленіе. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что къ числу вліятельныхъ свѣтскихъ особъ, питавшихъ подобныя оптимистическія надежды о сближеніи съ Римомъ, принадлежалъ и болѣе стойкій и популярный борецъ за православную вѣру, извѣстный намъ Адамъ Кисель.

Личность этого замѣчательнаго дѣятеля своего времени не достаточно еще выяснена. Разумѣется, въ нашу задачу не входитъ восполнять этотъ пробѣлъ въ исторической литературѣ. Мы укажемъ только здѣсь на нѣкоторыя данныя изъ жизни А. Киселя или доселѣ неизвѣстныя, или же не обращавшія на себя вниманіе изслѣдователей, и при томъ такія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ затронутому нами вопросу.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что Кисель, начиная съ половины 1632 года постоянно видимый нами какъ ревностный охранитель и защитникъ правъ православной церкви, былъ передъ тѣмъ уніатомъ. Свѣдѣніе объ этомъ находится въ дневникѣ А. С. Радзивилла. Здѣсь, при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто на избирательномъ сеймѣ 1632 г., подъ 15 числомъ октября мѣсяца, между прочимъ, читаемъ: „Кисель, который недавно отступилъ отъ уніи (ktòry niedawno był od unii odstąpił), благодаритъ маршалка за то, что вспомнилъ о мятежѣ (rebellii) греческомъ, и упрашиваетъ, чтобы объ этомъ трактовано было завтра“. Подъ 19

[1]) Памятники Кіев. Комм. т. II, № XII. См. также приложеніе къ Описанію Кіево-Печер. Лавры, преосв. Евгенія. (Кіевъ, 1826 г.) № 8, стр. 32—43.

Библиотека "Руниверс"

числомъ того же мѣсяца: „Директоръ (маршалокъ сейма Яковъ Собѣсскій) проситъ (православныхъ депутатовъ), чтобы подождали (съ своими петиціями) до завтрашняго дня. Кисель говоритъ: послѣ выхода нашего увидите, какъ мало останется васъ съ собраніи (w kole). Кухмистръ литовскій отвѣчаетъ, что уніаты и по своимъ правамъ и по числу равны имъ (православнымъ депутатамъ), да и самъ Кисель недавно, въ этомъ году, во время Пасхи, отъ уніи отступилъ“ (i sam Kisel niedawno, tego roku, na wielkanoc, od unii odstąpił)—[1]). Когда А. Кисель совращенъ былъ въ унію, неизвѣстно; но самый фактъ совращенія и, слѣдовательно, достовѣрность сообщаемыхъ въ дневникѣ Радзивилла свѣдѣній по трактуемому вопросу сомнѣнію не подлежитъ. Въ связи съ означеннымъ фактомъ уясняется и то (безъ констатированія самаго факта могущее казаться страннымъ) обстоятельство, что А. Кисель находился съ уніатскимъ владимирскимъ епископомъ Іоакимомъ Мороховскимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и послѣдній предъ смертью, завѣщавъ ему въ знакъ своего расположенія („на освядчене хути своей“) 500 золотыхъ и нѣкоторыя вещи, назначилъ его главнымъ своимъ душеприказчикомъ [2]); а по смерти Мороховскаго большая часть отказанныхъ имъ суммъ на разныя уніатскія церкви и учрежденія, разумѣется съ согласія на то уніатскаго духовенства, взята была А. Киселемъ заимообразно („на выдеркафъ“ [3]). Важно въ дневникѣ Радзивилла указаніе на время возвращенія Киселя къ православію. Это возвращеніе, состоявшееся еще до кончины короля-фанатика (Сигизмунда III), очевидно не вызывалось житейскими соображеніями (что могло имѣть мѣсто при Владиславѣ IV,—разумѣемъ новыя вѣянія въ политикѣ верховной власти), а было плодомъ искренняго убѣжденія и усилившейся привязанности къ праотцевской вѣрѣ. Пребываніе Киселя въ „овчарнѣ св. отца“ не сдѣлало его фанатикомъ въ дѣлахъ религіозныхъ, какъ это нерѣдко случалось съ лицами, поддававшими вліянію латино-уніатской партіи; напротивъ, онъ проникнутъ былъ широкими идеями относительно вѣротерпимости. Но означенное пребываніе въ уніи и, разумѣется, нерѣдкія бесѣды о религіи съ представителями католицизма, всегда выдвигавшими при этомъ на первый планъ излюбленную догму о главенствѣ папы, отразились на религіозныхъ воззрѣніяхъ Киселя и именно въ смыслѣ склонности считать означенную догму имѣющею прочную

[1]) Pamiętniki Radziwiłła I. 51, 57.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I т. VI. № CCLIV, стр. 630 и слѣд.

[3]) Ibid. ч. I, т. VI, № CCLVI, стр. 634—637 и примѣч. къ документу.

Библиотека "Руниверс"

основу въ св. писаніи. Какъ самый фактъ увлеченія А. Киселя доктриною католицизма о главенствѣ папы, такъ отчасти и мотивы, побудившіе его, не взирая на это увлеченіе, возвратиться къ праотцевской вѣрѣ, можно усматривать изъ обширнаго акта Киселя (составленнаго 15 сент. 1643 г.) о фундаціи имъ въ своемъ помѣстьѣ Низкиничахъ мужского Покровскаго монастыря. Въ этомъ актѣ, между прочимъ, находится слѣдующее въ высшей степени замѣчательное „исповѣданіе“ фундатора: „Такъ какъ я въ сей святой вѣрѣ и древнемъ обрядѣ церкви святой восточной греческой родился отъ „старожитныхъ“ предковъ моихъ означеннаго греческаго обряда, въ этой вѣрѣ предокъ мой со своимъ монархомъ Владимиромъ былъ окрещенъ, въ той же вѣрѣ предки мои и моего дома присоединились къ Коронѣ Польской, теперешней нашей отчизнѣ, и я самъ въ означенной вѣрѣ жилъ,—то я желаю, при помощи Божіей и весь свой вѣкъ пребывать въ ней. Исповѣдую единаго Бога, въ Тройцѣ единаго, едино крещеніе и единую ортодоксальную, какъ называютъ славяне, православную вѣру; исповѣдую и единую вселенскую апостольскую церковь, за которую святые мученики кровь свою святую проливали; исповѣдую также, что какъ въ іерархіи небесной хотя св. писаніе изображаетъ разные чины (ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ), но находятся они подъ управленіемъ единаго Господа и Бога, такъ таковый же порядокъ имѣетъ быть и въ церкви Божіей (земной), которая во всемъ должна сообразоваться съ небесною, тріумфующею,—и какъ ветхозавѣтное устройство было прообразомъ Новаго Завѣта, а тамъ Ааронъ былъ верховнымъ первосвященникомъ на землѣ, и какъ та республика есть совершеннѣйшая, которая имѣетъ единаго администратора: подобно сему и означенная республика церковная (церковь), будучи подъ (невидимымъ) управленіемъ своего основателя Господа и Бога, въ совершеннѣйшей своей формѣ не можетъ быть здѣсь на землѣ безъ (видимаго) единаго администратора и начальника, и какъ при жизни апостоловъ одного изъ нихъ матерь наша церковь святая въ пѣснопѣніяхъ своихъ исповѣдуетъ верховнымъ, такъ и преемникамъ сего апостола и его наслѣдію принадлежитъ то же единое верховенство. Но такъ какъ въ настоящія несчастливыя времена церковь Божія, въ особенности въ отчизнѣ нашей и народѣ русскомъ, разъединена вслѣдствіе тягостныхъ и величіе Божіе оскорбляющихъ распрей, и, по грѣхамъ нашимъ, въ этотъ суровый вѣкъ убогіе христіане терпятъ (преслѣдованія), и святая вѣра, въ обрядѣ греческомъ непорочная, подвергается различнымъ посмѣяніямъ: посему, покуда Господь Богъ, во всемогущей рукѣ котораго находится это дѣло, не соединитъ

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ во едино, я, какъ всегда въ сей Рѣчи Посполитой ревностно стоялъ за права, свободу и привилегіи праотцевской религіи, такъ и въ настоящее время, учинивъ означенное исповѣданіе, новоустроенный монастырь... и проч. (Ад. Кисель желаетъ, чтобы означенный монастырь былъ дочерью монастыря Кіево-Печерскаго и находился въ вѣдѣніи его архимандритовъ [1]).

Спустя три года (въ 1646 г.) Адамъ Кисель, давая фундушъ на католическій костелъ, находившійся въ его помѣстьи Свойчовѣ, относится весьма примирительно къ разногласіямъ между церквами Восточною и Западною и не теряетъ надежды на возможность соединенія ихъ. „Богу Тріединому (читаемъ въ актѣ на означенный фундушъ) слава. Всѣ мы православные исповѣдуемъ единую, святую, каѳолическую, апостольскую церковь, изъ коей Христосъ Господь образовалъ недѣлимое духовное тѣло, которое блаженнѣйшіе мученики, греки и латиняне, святѣйшею (своею) кровію обагрили. Проповѣдуется одинъ Богъ, одна вѣра, одно крещеніе; равно какъ не двоякая (т. е. различная) есть вѣра, которая чтится обрядами латинскимъ и греческимъ, двойственность же въ исповѣданіи вѣры (въ дѣлахъ религіозныхъ) привнесли единственно несчастныя обстоятельства времени, и такимъ образомъ, по прегрѣшеніямъ, произошло дѣйствительное раздѣленіе, вслѣдствіе чего должно просить всемогущее Божество, отъ коего зависитъ благопріятный исходъ, дабы оно, то, что недѣлимо, а между тѣмъ раздѣлено, возвратило къ прежнему святѣйшему единенію. Такимъ образомъ и намъ должно заботиться объ осуществленіи этого желанія и объ обоюдной братской любви, знаками и доказательствами которой должны быть дѣла. И такъ, въ удовлетвореніе нашей христіанской любви, я, худшій изъ людей и величайшій изъ грѣшниковъ, Адамъ изъ Брусилова Кисель, каштелянъ и генералъ земли Кіевской..., пребывающій въ древней религіи своей греческой и желая всегда чтить оную, какъ славную, вознамѣрился... и проч. (далѣе идетъ рѣчь о самомъ фундушѣ [2]).

Принимая во вниманіе заявленія, сдѣланныя Киселемъ въ указанныхъ документахъ, и сопоставляя ихъ вообще съ его дѣятельностью, какъ борца за интересы православія, мы, по интересующему насъ вопросу, приходимъ къ слѣдующему предположенію.

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн 1028, л. 969 и слѣд. Сравн. тамъ же № кн. 2160, л.л. 551—554, гдѣ, впрочемъ, не достаетъ начала означеннаго акта.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ, № книги 1022, л. 1134 об. и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

А. Кисель, увлеченный идеею соединенія церквей, примкнулъ къ уніи, чему—можетъ быть—не мало содѣйствовалъ уніатскій епископъ Мороховскій, съ которымъ у Киселя были тѣсныя связи. Но какъ у человѣка, преданнаго праотцевской вѣрѣ и высоко ее цѣнившаго, при томъ человѣка съ большимъ умственнымъ кругозоромъ, у него должны были открыться глаза, и онъ уразумѣлъ, что вводимая въ западно-русскихъ областяхъ унія не есть взаимообщеніе между церквами Восточною и Западною, а въ сущности—порабощеніе послѣднею первой, при чемъ на самую унію римскій престолъ смотритъ какъ на нѣчто, терпимое только по времени, какъ на переходную ступень принявшихъ ее къ полному католицизму; что, наконецъ, унія вводится посредствомъ такихъ средствъ, которыя сопровождаются постояннымъ попраніемъ правъ, свободы и привилегій всего русскаго народа. Кисель понялъ, что сдѣлалъ ошибку, что симпатіи его лежатъ на сторонѣ угнетаемой праотцевской вѣры, и, не взирая на воспринятую имъ доктрину о необходимости въ церкви видимой главы, каковая честь должна принадлежать римскому папѣ, какъ преемнику верховнаго апостола, порвалъ связи съ уніею, возвратился въ лоно православной церкви и съ этого времени сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и энергичныхъ защитниковъ ея правъ. Когда Владиславомъ IV предприняты были попытки къ религіозному примиренію враждующихъ сторонъ, естественно Кисель, при своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ, долженъ былъ оказаться въ числѣ лицъ, наиболѣе сочувствовавшихъ означенному проекту. Но унію съ Римомъ Кисель тоже понималъ, какъ взаимообщеніе между церквами Восточною и Западною въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною завѣщанныхъ древностью особенностей въ ея ученіи и обрядности, хотя въ этомъ отношеніи онъ—какъ мы замѣтили—существенно расходился съ воззрѣніями духовныхъ представителей православной церкви: именно, находилъ возможнымъ признать главенство папы, какъ догматическую доктрину,—словомъ, при всей своей стойкости въ борьбѣ за интересы православія и любви къ праотцевской вѣрѣ, былъ на торномъ пути къ католицизму. И можно думать, что въ ряду лицъ, содѣйствовавшихъ планамъ Владислава IV о примиреніи церквей, въ смыслѣ подготовленія почвы для сего, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ именно Киселю. На каждомъ сеймѣ самый ревностный борецъ за интересы православія, чрезъ борьбу съ уніатами стяжавшій себѣ въ средѣ ультра-католической партіи имя „закоренѣлаго схизматика“—Кисель открыто заявляетъ, что хотя онъ пребываетъ и до конца жизни будетъ пребывать въ своей древней и славной праотцевской вѣрѣ, тѣмъ не менѣе за совершеннѣйшее благоустрой-

Библиотека "Руниверс"

ство церкви считаетъ нахожденіе ея подъ верховнымъ управленіемъ единой видимой главы! Понятное дѣло, что такія рѣчи, исходящія изъ устъ не католика или уніата, а великаго ревнителя православія, должны были въ свое время производить на умы православныхъ сильное впечатлѣніе. Поэтому, не взирая на подобныя рѣчи, стойкость Киселя и его нежеланіе идти на предлагаемые Римомъ компромиссы, клонившіяся къ привлеченію православныхъ къ подножію апостольскаго престола на основаніяхъ Флорентійской уніи, нельзя не признать обстоятельствомъ, значительно облегчавшимъ задачи представителей православной церкви при борьбѣ ихъ съ посягательствами на нее со стороны папской куріи.

С. Голубевъ.

Библиотека "Руниверс"

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

Г. Александръ Колесса, профессоръ малорусскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, прислалъ мнѣ, съ просьбой дать рецензію, оттиски своей статьи: „Dialectologische Merkmale des südrussischen Denkmales: Žitije sv. Savy“ *). Я, вмѣсто того чтобы рецензировать статью г. Колессы, принужденъ былъ заняться рецензіей сочиненій г. Соболевскаго и указаніемъ филологическихъ пріемовъ послѣдняго; читатель ниже увидитъ, почему мнѣ пришлось такъ поступить. Опровергнуть мнѣнія г. Соболевскаго можно было бы двумя путями. Одинъ— болѣе короткій: пересмотрѣть тѣ рукописные подлинники, о которыхъ онъ говоритъ. Какъ будетъ показано ниже, есть много основаній думать, что г. Соболевскій указалъ не всѣ факты, и такимъ образомъ пересмотръ затронутыхъ имъ рукописей сразу далъ бы матеріалы для опроверженія теорій его. Для меня однако, въ Сиріи, вдали отъ московскихъ и петербургскихъ рукописныхъ книгохранилищъ, этотъ путь невозможенъ, и я избралъ другой: провѣрить показанія г. Соболевскаго о рукописяхъ печатными показаніями другихъ филологовъ, равно какъ

*) Изъ „Archiv für slavische Philologie“, т. XVIII.

Библиотека "Руниверс"

подвергнуть внимательному осмотру тотъ матеріалъ, который обнародованъ самимъ г. Соболевскимъ. Быть можетъ этотъ второй путь будетъ нѣсколько длиннѣе, но и онъ хорошо приведетъ къ истинѣ.

Бейрутъ. 1898. Апрѣля 14.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое галицко-волынская гипотеза и какъ смотрятъ на нее ученые.

Малорусское нарѣчіе, довольно консервативное въ области морфологіи, является далеко не такимъ въ области фонетики (вспомнимъ, напр., утрату звука *ы*, переходъ *о* въ *і* и т. п. и т. п.); великорусское же нарѣчіе—наоборотъ—въ фактахъ фонетическихъ отступило отъ древне-русскаго типа гораздо менѣе, чѣмъ въ морфологическихъ. Долгая раздѣльная историческая жизнь обѣихъ народностей и разныя условія этой жизни сдѣлали то, что и лексическій матеріалъ обоихъ нарѣчій сталъ значительно различаться. Такимъ образомъ къ настоящему времени оба нарѣчія успѣли обособиться настолько, что великоруссъ и малоруссъ уже съ трудомъ понимаютъ другъ друга.

Ощутительная разница обоихъ нарѣчій повела къ тому, что обыкновенно они признаются не за два нарѣчія, а за два отдѣльныхъ языка. Поляки, напр., считаютъ малорусскую рѣчь за вѣтвь польской; нѣкогда это мнѣніе было распространено и среди русскихъ, благодаря Гречу. Сами малоруссы въ повседневномъ разговорѣ и въ сочиненіяхъ нефилологическихъ (а многіе—даже въ филологическихъ) называютъ свое нарѣчіе языкомъ, находя его языкомъ самостоятельнымъ, независимымъ ни отъ великорусскаго (т. е. русскаго), ни отъ польскаго. Самостоятельнымъ языкомъ называютъ малорусское нарѣчіе и такіе знаменитые западные славяновѣды, какъ Миклошичъ. И среди великоруссовъ часто слышатся такіе же голоса. Извѣстный знатокъ великорусскихъ нарѣчій Вл. Даль не согласился внести

Библиотека "Руниверс"

словъ малорусскихъ въ свой „Словарь", такъ-какъ находилъ, что рѣчь малоруссовъ—это совсѣмъ особый языкъ *). А казалось бы, что Даль, изучившій такъ хорошо всевозможныя нарѣчія великорусскія и бѣлорусскія, менѣе чѣмъ кто-либо долженъ былъ бы находить рѣчь малоруссовъ такою чужою для себя! Извѣстный славяновѣдъ П. Лавровскій даже раздражался, если говорили, что рѣчь малоруссовъ близко родственна великорусской, а не образуетъ самостоятельнаго нарѣчія **). Историкъ Погодинъ, при всемъ своемъ стремленіи объединить малорусскую народность съ великорусскою ***), открыто сознавался, что малорусское и великорусское нарѣчіе разнятся *между собою* болѣе, чѣмъ *между другими* славянскими нарѣчіями, и даже отказывался вѣрить, что бы они принадлежали „къ одному роду" ****). Это воззрѣніе привело его наконецъ къ особой исторической гипотезѣ.

Съ идеей о полной самостоятельности какого-нибудь языка у многихъ какъ-то невольно рождается другое представленіе (далеко не всегда вѣрное)—что признаки самостоятельности даннаго языка должны датироваться *издавна*. Даже среди очень почтенныхъ филологовъ можно найти порядочное число лицъ, признающихъ за малорусскимъ языкомъ не меньшую давность, чѣмъ за любымъ славянскимъ языкомъ. Неудивительно послѣ этого, если нефилологъ Погодинъ рѣшилъ, что два такъ рѣзко различающіеся языка, какъ малоруссовъ и великоруссовъ, должны были возникнуть до начала исторической жизни Руси; этнографическія особенности племени малорусскаго и великорусскаго еще болѣе утверждали Погодина въ его мысли, что

*) Толковый словарь живого великорусскаго языка. М. 1863, ч. I стр XXVII–XXVIII.

**) См. его статью въ „Основѣ" 1861 г., авг.: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину". Здѣсь авторъ резюмировалъ свою статью, помѣщенную въ Журналѣ Министр. Нар. Просв." 1859 г.

***) Вспомните его дѣятельность въ Галичинѣ и его роль въ исторіи развитія той партіи, которую поляки прозвали „москалефильской".

****) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина, т. II. Происхожденіе Варяговъ-Руси. О славянахъ. М. 1846, стр. 390.

Библиотека "Руниверс"

это издавна было два самобытныхъ племени.—„Такъ! но какое же изъ двухъ племенъ жило въ древнемъ Кіевѣ, въ этой матери городовъ русскихъ“?—представляется вопросъ. Погодинъ рѣшеніе этого вопроса думалъ найти въ изслѣдованіи языка Начальной лѣтописи. Филологомъ онъ не былъ *), понятія о филологическихъ пріемахъ и объ исторіи языка не имѣлъ,—немудрено, что въ полуцерковномъ языкѣ лѣтописи онъ находилъ большее сходство съ великорусской рѣчью (собственно фонетикой), чѣмъ съ малорусской; а того соображенія, чтобы въ начальный періодъ русской исторіи могъ быть *одинъ* общерусскій языкъ, не малорусскій и не великорусскій, онъ не допускалъ и считалъ за „новость неслыханную“. Такимъ образомъ у Погодина составилось мнѣніе: „До татарскаго нашествія въ Кіевѣ малороссовъ не было; они жили гдѣ то вдали, за Карпатами, а въ южную Русь пришли они ужъ въ XIII в., послѣ разоренія кіевской земли татарами и бѣгства ея кореннаго населенія на сѣверъ. До того времени въ Кіевѣ жили великороссы, и не только въ Кіевѣ, но и южнѣе: близъ береговъ Чернаго моря и въ окрестностяхъ Солуня; великорусское нарѣчіе было тожественно съ церковно-славянскимъ языкомъ“ **). Такъ возникла въ Россіи пресловутая „галицкая“ теорія происхожденія малороссовъ. Въ 1883 г. ее подновилъ г. Соболевскій на филологическихъ основаніяхъ, причемъ къ числу старо-малорусскихъ областей присоединилъ еще Волынь, а срокъ пребыванія великороссовъ въ Кіевѣ продлилъ до конца XV вѣка.

Какъ отнеслась наука къ галицко-волынской теоріи?

Погодинъ, не чувствуя въ себѣ филологической силы, попытался поддержать свою гипотезу кой-какими историческими соображеніями. Въ происшедшей полемикѣ Максимовичъ, а затѣмъ (1862) Котляревскій нанесли гипотезѣ Погодина сильнѣй-

*) Онъ самъ часто повторялъ: „Я не филологъ, а историкъ“, „филологія не мое дѣло“. срв. „Русск. Бес.“ 1857, кн. IV, стр. 22 и сл. Въ какомъ отношеніи стоятъ его филологическія соображенія къ сочиненіямъ Срезневскаго и Лавровскаго, я считаю излишнимъ здѣсь распространяться

**) См. „Извѣстія русск. отд. Акад. наукъ“ 1856: „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“. Тоже въ VII т. „Лекцій“. См. еще „Москвитянинъ“ 1856, № 2.

Библиотека "Руниверс"

шіе удары [1]). Черезъ десять лѣтъ Бестужевъ-Рюминъ, sine ira et studio, подвелъ полемикѣ итоги въ слѣдующемъ отзывѣ о Погодинскомъ мнѣніи: „Подобныхъ предположеній наука, *конечно,* не можетъ признать“ [2]). Въ 1882 г. авторитетнѣйшій историкъ южной Руси В. Б. Антоновичъ въ своей монографіи о Кіевѣ [3]) вновь опровергъ мнѣніе Погодина (которое впрочемъ никого ужъ тогда не соблазняло); а насколько убѣдительны его доказательства, видно изъ слѣдующаго факта: проф. Халанскій въ своемъ сочиненіи о былинахъ сознается, что для объясненія отсутствія былинъ у малоруссовъ самымъ удобнымъ средствомъ была бы Погодинская теорія, но онъ не смѣетъ къ ней прибѣгнуть, потому-что послѣ изслѣдованій Антоновича считаетъ ее окончательно рѣшенной въ отрицательномъ смыслѣ [4]). Когда она была возобновлена г. Соболевскимъ [5]), В. Б. Антоновичу пришлось еще разъ взяться за ея разсмотрѣніе съ исторической точки зрѣнія и показать ошибочность мнѣнія г. Соболевскаго; одновременно высказались противъ того-же мнѣнія проф. Дашкевичъ и др. [6]). Проф. Владимирскій-Будановъ [7]), признавая, что татары произвели опустошеніе дѣйствительно очень сильное, все

---

[1]) Подробности полемики можно найти въ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ П. И. Житецкаго, въ „Спорѣ южанъ и сѣверянъ“ Пыпина, въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли“ Грушевскаго и наконецъ въ статьѣ г. Колессы (ст. 437 и сл.), изъ-за которой мнѣ приходится писать объ этомъ вопросѣ,

[2]) Русская Исторія. Спб. 1872, т. I, стр. 294.

[3]) Кіевск. Стар. 1882, янв. И отдѣльно въ „Монографіяхъ“.

[4]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884, № 3, стр. 139 и сл.

[5]) „Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV—XV в.“? Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, Кіевъ 1883, II, стр. 215 и слѣд. А подробно мотивирована теорія въ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“—Университетскія Извѣстія 1883—1884 г. (есть отдѣльный оттискъ 1884 г.).

[6]) См. названный томъ „Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца“, стр. 223 и слѣд. Съ филологической точки зрѣнія возражалъ тогда г. Соболевскому П. И. Житецкій.

[7]) „Населеніе ю.-з. Россіи отъ половины XIII до полов. XV в.“ Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. VII, I, (Малорусскій переводъ, или компиляція этого изслѣдованія помѣщены въ „Правдѣ“ 1889). „Населеніе Ю.-З. Россіи отъ половины XV в до Люблинской уніи“—Архивъ т. VII, II.

Библиотека "Руниверс"

же находитъ, что опустошеніе не было полное; а изслѣдуя этнографическій составъ окраинъ литовскаго государства въ половинѣ 16-го в., онъ приходитъ къ такому заключенію: „Пришлые элементы претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ коренного населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украйны сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранялась древняя закваска туземнаго, кіевскаго и сѣверскаго, племенного начала. Кіевское населеніе не все поголовно было сносимо бурями татарскихъ опустошеній“ [1]). Опровергъ теорію Погодина и Соболевскаго также М. Грушевскій (нынѣшній профессоръ малорусской исторіи въ Львовскомъ университетѣ) въ своемъ трудѣ объ исторіи Кіевской земли [2]). Въ VIII томѣ „Записокъ наукового товарыства имени Шевченка [3]) проф. Грушевскій, коснувшись статьи А. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“ [4]), показалъ еще разъ, къ какимъ историческимъ несообразностямъ приводитъ галицко-волынская теорія. Изслѣдователь русскихъ древностей Ѳ. Леонтовичъ [5]), коснувшись вопроса о мнимомъ запустѣніи южной Руси, присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что оно является ничѣмъ инымъ, какъ историческимъ миражемъ“ (выраженіе В. Б. Антоновича) [6]). „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Эфрона [7]) прямо констатируетъ, что послѣднее слово исторіи стало на сторону мнѣнія Максимовича, а не Погодина. Вообще въ настоящее время нельзя указать ни одного сколько-нибудь серіознаго русскаго историка, который

---

[1]) См. второе изъ вышеназванныхъ изслѣдованій, стр. 188.

[2]) Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. К. 1891. стр. 427—443.

[3]) Рикъ 1895, книжка четверта, въ отдѣлѣ „Библіографія“. стр. 9—14.

[4]) Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1894, кн. VI, 1—12.

[5]) Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовско-русскаго государства. Ѳ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета. Спб. 1894.

[6]) Стр. 169, примѣч. 3.

[7]) 1896 года, полутомъ 35, стр. 442.

Библиотека "Руниверс"

признавалъ бы малоруссовъ выходцами съ запада и утверждалъ бы, что старые кіевляне не предки нынѣшнихъ. Вскорѣ противъ галицко-волынской теоріи должна заговорить и развивающаяся антропологія, которая и теперь ужъ начинаетъ показывать, что антропологическій типъ западныхъ и восточныхъ малоруссовъ не одинъ и тотъ же.

Итакъ, г. Соболевскій взялся за возобновленіе такой гипотезы, которую историческія свидѣтельства не только не могутъ подтвердить, но—напротивъ—рѣшительно опровергаютъ, и которая историками осуждена. Правда, г. Соболевскій съ своей стороны тоже обратился было къ изслѣдованію лѣтописей и написалъ небольшую историческую статью противъ В. Б. Антоновича, да кромѣ того въ своихъ „Лекціяхъ“ сдѣлалъ нѣсколько желательныхъ для себя толкованій изъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ; но его критика на В. Б. Антоновича ужъ разобрана, какъ слѣдуетъ, у М. Грушевскаго, а до чего странны его прочія историческія соображенія, это читатель увидитъ ниже, въ 3 главѣ. Собственно говоря, показанія исторіи и не могутъ быть важны для г. Соболевскаго, такъ какъ противъ нихъ у него есть превосходный афоризмъ: „Если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ, то недостатокъ историческихъ данныхъ—явленіе обычное“ [1]). Единственнымъ оружіемъ г. Соболевскаго являются только филологическія его соображенія. Способъ доказательствъ у г. Соболевскаго такой: Онъ подбираетъ извѣстное количество рукописей XII—XV вв. съ особымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вм. *е*, называетъ эти рукописи галицко-волынскими и утверждаетъ, что названное употребленіе *ѣ* вм. *е* есть малорусская черта. Въ старо-кіевскихъ памятникахъ (а ихъ, отъ т. н. кіевскаго періода мы имѣемъ только два: Изборники Святослава 1073 и 1076 г.) такого *ѣ* нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что рѣчь древнихъ кіевлянъ

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, 2-е изд., стр. 257. Къ сожалѣнію г. Соболевскій забываетъ, что исторія не молчитъ, а даетъ положительныя указанія о неисчезновеніи кіевлянъ послѣ татарскихъ погромовъ.

Библиотека "Руниверс"

была или великорусская, или составляла особое нарѣчіе во всякомъ случаѣ не малорусское.

Диссертацію свою, въ которой изложена эта теорія, г. Соболевскій защищалъ у незабвеннаго А. А. Потебни. Изъ свидѣтельствъ очевидца—проф. Н. Ѳ. Сумцова [1]) выясняется, что защита эта вышла крайне „своеобразной“ (по деликатному выраженію г. Сумцова). Намъ приходится глубоко жалѣть, что разборъ Потебни остался ненапечатаннымъ [2]). Изъ печатныхъ возраженій самыя важныя тѣ, которыя сдѣлалъ филологъ-славистъ академикъ Ягичъ. Сводятся они къ слѣдующему. 1) Галицко-волынское *ѣ* отмѣчается впервые въ памятникѣ 1164 г. Въ предыдущихъ галицкихъ памятникахъ, напр., въ Евангеліи 1144 года, такого *ѣ* нѣтъ,—значитъ, въ это время оно еще не развилось. Съ какой же стати г. Соболевскій требуетъ, чтобы въ такихъ раннихъ памятникахъ, какъ кіевскіе изборники Святослава 1073 и 1076 года, ужъ было это *ѣ*!? [3]). 2) Въ той группѣ памятниковъ XII—XV вв., которые г. Соболевскій назвалъ галицко-волынскими и въ которыхъ есть пресловутое *ѣ*, находится нѣсколько такихъ памятниковъ, какіе не могутъ быть отнесены къ Галичинѣ и Волыни; слѣдовательно, была еще третья область, въ которой говорили по-малорусски. Такой областью можетъ быть только Кіевская. Притомъ существуетъ памятникъ „Рязанская кормчая“ 1284 г., списанная съ кіевскаго оригинала и однако заключающая въ себѣ такое же *ѣ*, какое встрѣчается въ „галицко-волынскихъ“ памятникахъ. Итакъ, въ Кіевѣ XII—XV вѣка говорили по малорусски, но съ извѣстными отличіями отъ малорусскаго нарѣчія Волыни и Галичины, каковая разность нарѣчій сохранилась и до настоящаго времени [4]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1892, янв. стр. 8.

[2]) Какъ видно изъ 53-го тома (№ 8, стр. 32) Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, упомянутый разборъ сохранился въ бумагахъ покойнаго. Желательно было бы, чтобы онъ былъ поскорѣе изданъ.

[3]) Послѣ того г. Соболевскій рѣшилъ навязать Кіеву нѣсколько памятниковъ изъ XII—XIII в., безъ „галицко-волынскаго“ *ѣ*. Объ этихъ странныхъ, мимо-кіевскихъ памятникахъ намъ придется еще говорить подробно.

[4]) См. Ягича: „Четыре палеографическія статьи“ въ Сборникѣ Отд. русск. яз. и словесн. Акад. Н., 1884 г. т. 33-й № 2, и „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ въ сборникѣ Ак. Н., 1889, т. 46, № 4.

Библиотека "Руниверс"

Доказательства Ягича считаются вообще убѣдительными. Конечно, ихъ не призналъ г. Соболевскій, въ силу очень понятной психологической причины [1]); не признаютъ ихъ также кой-какіе другіе филологи, которые примѣшиваютъ къ наукѣ политику и которые въ храмѣ науки являются не жрецами, а торжниками, продажу и куплю дающими; кромѣ того, сторонникомъ теоріи г. Соболевскаго является и г. А. Шахматовъ [2]). Но, напр., рецензентъ трудовъ А. Шахматова г. Борисъ Ляпуновъ [3]) сожалѣетъ, что г. Шахматовъ считаетъ мнѣніе г. Соболевскаго доказаннымъ и не обращаетъ вниманія на возраженія Ягича. Въ большинствѣ русскихъ университетовъ, гдѣ въ видѣ пособія для студентовъ приняты „Лекціи“ г. Соболевскаго, преподаватели велятъ студентамъ пропускать размышленія автора о древне-русскихъ говорахъ, какъ неимѣющія научнаго значенія. Въ западномъ ученомъ мірѣ, понятно, господствуетъ мнѣніе Ягича, а не Соболевскаго.

Мы подошли къ статьѣ г. Колессы. Въ 1890 г. И. Помяловскій издалъ „Житіе св. Саввы Освященнаго“ по рукописи конца XIII в.,—памятникъ, который г. Соболевскимъ внесенъ въ реестръ галицко-волынскихъ, а Ягичемъ отнесенъ къ числу кіевскихъ. На этомъ „Житіи“ сперва г. Мочульскій (проф. Новороссійскаго университета) захотѣлъ наглядно повторить возра-

---

[1]) Если онъ и сдѣлалъ уступку въ своемъ мнѣніи, то самую небольшую: въ 1883 г. онъ считалъ древне-кіевскій говоръ прямо за великорусскій (Очерки, стр. 68), а въ 1888 г. (Лекціи стр. 36) онъ выразился сдержаннѣе,—именно, что о немъ мы имѣемъ „крайне скудныя свѣдѣнія“. Во всякомъ случаѣ нынѣшнее малорусское нарѣчіе Кіевщины г. Соболевскій продолжаетъ считать за пришлое, не происходящее отъ старокіевскаго: то исчезло-де безслѣдно.

[2]) Добавимъ: „незнающій малорусской рѣчи и потому не могущій понять въ чемъ ошибки теоріи г. Соболевскаго“. Впрочемъ (и это мы укажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ), г. Шахматовъ ввелъ въ ученіе г. Соболевскаго о „галицко-волынскомъ“ и очень существенныя измѣненія, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи совсѣмъ подрываютъ значеніе того и. Что г. Соболевскій далеко не склоненъ считать г Шахматова своимъ истолкователемъ, это видно изъ его рѣзкой рецензіи на „Изслѣдованія въ области русской фонетики“ Шахматова (см. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1894, апрѣль).

[3]) Стр. 16 отдѣльнаго оттиска изъ „Живой Старины“, вып. I, 1895.

Библиотека "Руниверс"

женія Ягича противъ теоріи г. Соболевскаго, но сдѣлалъ это неудовлетворительно [1]), а затѣмъ ту же задачу обстоятельно исполнилъ г. Колесса въ той статьѣ, о которой мы упомянули въ первыхъ своихъ строчкахъ (Arch. für sl. Phil., B. XVIII).

Какое значеніе имѣетъ трудъ г. Колессы? Прежде всего спросимъ: достигаетъ ли онъ своей цѣли?—Если (какъ мы видѣли) возраженія Ягича считаются убѣдительными и опровергающими гипотезу г. Соболевскаго, то и за статьей г. Колессы надо признать такое-же свойство: ложная галицко-волынская гипотеза г. Соболевскаго, утверждающая, будто древніе кіевляне не были малоруссы, статьей г. Колессы подрывается [2]). Слѣдовательно, цѣли своей онъ достигъ.

Но значитъ ли это, что онъ дѣйствительно стоитъ у истины?—Нѣтъ, не значитъ. Къ возраженіямъ г. Колессы прекрасно примѣняется замѣчаніе одного восточнаго любителя логики: „Если кто-нибудь тебѣ скажетъ: „Нѣтъ безсмертія души! ибо два и три составляютъ семь“, и если ты отвѣтишь: „Ошибаешься: вѣдь два и три—пять, а не семь,—значитъ, душа безсмертна“, то думаешь ли ты, что ты дѣйствительно доказалъ безсмертіе души“?!

Доказательства гг. Ягича и Колессы могутъ имѣть приблизительно только такое значеніе, какое имѣетъ reductio ad absurdum: они разбиваютъ г. Соболевскаго его собственными принципами, его собственной теоріей о малорусскости „галицко-волынскаго“ *ъ*. Но ни г. Ягичъ, ни г. Колесса не дали себѣ труда провѣрить анализъ памятниковъ, произведенный г. Соболевскимъ. А если бы провѣрили, то увидѣли бы, что г. Собо-

---

[1]) В. Мочульскій: Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго. Одесса 1894 (оттискъ изъ 63-го тома „Записокъ Новороссійскаго Университета“, стр 383—406). Недостатки работы Мочульскаго съ нѣкоторой запальчивостью отмѣчены Колессою въ спеціальной рецензіи (Записки товарыства имени Шевченка“, т. VII) и въ часто упоминаемой нами статьѣ о теоріи Соболевскаго Archiv, XVIII Band.

[2]) Изъ „Литературно-науковаго Вистныка“ (1898, февр., отд. II, стр. 136) я узнаю, что проф. Т. Флоринскій, прочитавши статью г. Колессы, призналъ необходимость основательнаго пересмотра цѣлой теоріи г. Соболевскаго.

Библиотека "Руниверс"

левскій обращается съ филологическими фактами совершенно произвольно, что его разборъ рукописей страдаетъ натяжками и извращеніями, что его „авторитетные кіевскіе памятники“ никогда Кіева и не видѣли, что его, такъ называемые, „галицко-волынскіе“ памятники написаны большей частью въ сѣверо-западной Россіи, а вовсе не въ какой нибудь малорусской области, что никакого „галицко-волынскаго“ ѣ не существуетъ, и что, слѣдовательно, г. Соболевскій не имѣлъ права даже мало-мальски возбуждать, путемъ филологіи, сомнѣніе въ малорусскости старыхъ кіевлянъ, отвергнутое теоріей. Чтобы показать все это г. Колессѣ, я приступаю къ пересмотру соотвѣтствующихъ сочиненій г. Соболевскаго. Считаю удобнымъ сдѣлать этотъ пересмотръ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Сперва коснуться воззрѣній г. Соболевскаго на малорусскую рѣчь. При этомъ откроются нѣкоторыя данныя для уясненія филологическихъ пріемовъ г. Соболевскаго.

2) Разсмотрѣть тѣ доказательства великорусскости старыхъ кіевлянъ, какія предлагаетъ г. Соболевскій сверхъ изслѣдованія своихъ ятевыхъ (мнимыхъ галицко-волынскихъ) памятниковъ. Это также дастъ намъ очень интересные матеріалы для оцѣнки его научныхъ методовъ.

3) Произвесть обзоръ памятниковъ, какъ дѣйствительно писанныхъ въ Кіевѣ, такъ и навязанныхъ Кіеву г. Соболевскимъ. Окажется, что въ древнемъ Кіевѣ не было ничего немалорусскаго.

4) Произвесть обзоръ мнимыхъ галицко-волынскихъ памятниковъ. Увидимъ, что почти всѣ они навязаны Галичинѣ и Волыни только произволомъ г. Соболевскаго.

5) Въ заключеніе—показать отсутствіе совпаденія „галицко-волынскихъ“ ятевыхъ начертаній съ фактами живого малорусскаго языка.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе г. Соболевскаго къ малорусской рѣчи и степень его знакомства съ нею.

Что такое малорусская рѣчь? языкъ или нарѣчіе?

Правду говоря, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безусловнымъ образомъ, потому-что каждый языкъ можетъ въ то же время считаться и нарѣчіемъ другого языка. Мы всегда говоримъ: „*языкъ* польскій“, „*языкъ* сербскій“ и т. п., но, имѣя въ виду отношеніе ихъ къ общеславянскому праязыку, мы имѣемъ право также говорить о *нарѣчіи* польскомъ, о *нарѣчіи* сербскомъ и т. д.; да въ нашихъ университетахъ каѳедра славянскихъ языковъ такъ таки и именуется „каѳедрой славянскихъ нарѣчій“. Что касается рѣчи малорусской, то въ обиходномъ разговорѣ какъ-то странно бываетъ называть „нарѣчіемъ“ ту рѣчь, которая имѣетъ такъ много самостоятельныхъ признаковъ, которая служитъ органомъ обширной литературы, болѣе богатой талантливыми писателями, чѣмъ, напр., литература болгарская и сербская [1])—рѣчь, которая является орудіемъ науки и даже орудіемъ университетскаго преподаванія въ Галиціи. Однако для тѣхъ филологовъ (составляющихъ теперь, повидимому, большинство), которые признаютъ, что малорусская и великорусская рѣчь не выдѣлились изъ общеславянскаго языка одновременно съ польской, сербской и др., но что сперва выдѣлился праязыкъ *обще*-русскій, распавшійся на двѣ вѣтви лишь впослѣдствіи,—для тѣхъ филологовъ гораздо удобнѣе говорить не о языкахъ русскомъ и малорусскомъ, но о *нарѣчіяхъ* великорусскомъ и малорусскомъ. Поэтому, напр., Потебня, переведшій на малорусскую рѣчь міровыя произведенія Гомера и, слѣдовательно, считавшій малорусскую рѣчь достойной свѣтлаго будущаго, называлъ ее въ своихъ сочиненіяхъ не иначе, какъ на-

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ“, рецензируя въ 1895 г. (дек.) произведенія Кропивницкаго, находитъ, что малорусская литература богаче талантами, пожалуй, даже, чѣмъ чешская.

Библиотека "Руниверс"

рѣчіемъ. И П. И. Житецкій тоже въ своихъ трудахъ вездѣ говоритъ: „малорусское нарѣчіе“. Что касается пишущаго эти строки, то и онъ находитъ, что въ филологическихъ сравнительно-историческихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ употреблять терминъ: „малорусское нарѣчіе“, а не „языкъ“: иначе возможна сбивчивость [1]).

Г. Соболевскій тоже говоритъ, что рѣчь малороссовъ не языкъ, а нарѣчіе. Казалось бы, что такимъ образомъ нѣтъ никакой разницы въ нашихъ воззрѣніяхъ на этотъ пунктъ. Однако пути, которыми г. Соболевскій приходитъ къ своему выводу, настолько оригинальны, что заслуживаютъ вниманія и разоблаченія. Если кому-нибудь изъ нашихъ читателей, мыслящихъ логично, предложатъ силлогизмъ такого рода:

Богъ есть камень.

Камень—существо всевѣдущее.

Ergo: Богъ всевѣдущъ—

то читатель, хоть ничего не будетъ имѣть противъ вывода, будетъ вѣдь съ негодованіемъ протестовать противъ посылокъ. Посылки г. Соболевскаго, которыми онъ мотивируетъ необходимость признать рѣчь малороссовъ за нарѣчіе, очень смахиваютъ на вышеупомянутыя.

На взглядъ г. Соболевскаго малорусское нарѣчіе просто потому должно считаться нарѣчіемъ, а не языкомъ, что никакихъ серіозныхъ отличій отъ великорусскаго нарѣчія у него, будто бы, нѣтъ.—„Какъ?!“ спроситъ читатель: „но вѣдь мы, слава Богу, знаемъ малорусское нарѣчіе и знаемъ, насколько оно отличается отъ великорусскаго. Помнимъ также слова великоросса Погодина и другихъ великороссовъ, что отъ малорусскаго нарѣчія великорусское отличается рѣзче, чѣмъ отъ всѣхъ славянскихъ языковъ“.—Все это—недоразумѣніе,—говоритъ г. Собо-

---

[1]) Если же сбивчивость не угрожаетъ, то я позволяю себѣ употреблять выраженіе: „малорусскій языкъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выраженіе „языкъ“ гораздо удобнѣе, чѣмъ „нарѣчіе“; напр., когда приходится говорить о нарѣчіяхъ украинскомъ, галицкомъ и т. д., то совокупность ихъ удобнѣе называть языкомъ, чѣмъ нарѣчіемъ же. Терминъ „поднарѣчіе“ будетъ для нихъ слишкомъ слабъ, пожалуй

Библиотека "Руниверс"

левскій:—все это «крупная ошибка», ибо до сихъ поръ никто не зналъ, чтб собственно надо считать за типъ малорусскаго нарѣчія.

Какъ же было дѣло до сихъ поръ и чѣмъ г. Соболевскій недоволенъ?—Извѣстно, что преобладающее большинство малороссовъ говоритъ на такъ называемомъ нарѣчіи украинскомъ и галицкомъ. Но есть часть малороссовъ, рѣчь которыхъ сильно уклоняется отъ общаго типа; такъ, напр., въ Галичинѣ лемки имѣютъ языкъ ополяченный, а въ Россіи—другая крайность—полѣшуки говорятъ рѣчью, плохо понятною для прочихъ малороссовъ и близкою къ бѣлорусской (г. Шахматовъ думаетъ даже, что сѣверные малороссы—омалорушенные бѣлоруссы, а не чистые малороссы). При изученіи малорусской діалектологіи никто никогда не игнорируетъ никакихъ малорусскихъ говоровъ, даже самыхъ малораспространенныхъ, но никому также не приходитъ въ голову считать ихъ за норму малорусскаго нарѣчія: нормальнымъ типомъ малорусскаго нарѣчія всѣ до сихъ поръ считали ту рѣчь, которую употребляетъ *огромное, всецѣло преобладающее большинство* малороссовъ, т. е. рѣчь украинскую и обыкновенную галицкую (безъ горныхъ говоровъ). Вообще, въ цѣломъ мірѣ и ученые, и неученые люди при опредѣленіи типа какого-нибудь языка руководятся рѣчью огромнаго большинства, а не пограничными говорами. Что такое настоящій нѣмецкій языкъ?—языкъ большинства нѣмцевъ, а не пограничныхъ жителей. Что такое французскій языкъ?—языкъ большинства французовъ, а не тѣ пограничные говоры, которые близки къ нѣкоторымъ говорамъ итальянскимъ, и т. д., и т. д. А какимъ бы страннымъ показалось, напр., слѣдующее положеніе: „Если мы возьмемъ всю массу французскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и провансальскихъ, такъ-какъ провансальское нарѣчіе есть, *конечно*, часть французскаго) и сопоставимъ ихъ со всей массой итальянскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основаній видѣть въ каждой группѣ особый самостоятельный языкъ". Человѣка, который захотѣлъ бы такимъ образомъ отрицать са-

Библиотека "Руниверс"

мостоятельность итальянскаго языка, всѣ приняли бы или за шутника [1]) или за ненормально размышляющаго. А между тѣмъ это разсужденіе находится, *слово въ слово*, въ „Лекціяхъ“ г. Соболевскаго (стр. 2), только вмѣсто итальянскаго языка онъ говоритъ о малорусскомъ, вмѣсто провансальскаго—о бѣлорусскомъ, а вмѣсто французскаго о великорусскомъ. По мнѣнію г. Соболевскаго будетъ „крупная ошибка“—сопоставлять общеупотребительные говоры малорусскіе съ общеупотребительными говорами великорусскими: по его мнѣнію, если требуется производить сопоставленіе, то при этомъ непремѣнно надо съ великорусской стороны выставить окающіе говоры и бѣлорусское нарѣчіе („которое, *конечно*, есть часть великорусскаго нарѣчія“), а съ малорусской стороны—малоупотребительную и мало понятную прочимъ малоруссамъ рѣчь полѣсскую. Г. Соболевскій не скрываетъ отъ себя, что сѣверные малорусскіе говоры „по своимъ фонетическимъ особенностямъ *болѣе близки къ великорускимъ* окающимъ говорамъ, *чѣмъ къ* другимъ *малорусскимъ*—къ украинскому, галицкому“ (стр. 2), тѣмъ не менѣе даетъ имъ рѣшающую роль въ вопросѣ о *всей* малорусской рѣчи цѣликомъ и побѣдоносно заявляетъ, что *вся* она слишкомъ мало отличается отъ великорусской и не заслуживаетъ имени „языка“.

Эта игра въ дѣтское уравненіе съ „полумертвымъ“ и „полуживымъ“—что́ она такое? Насмѣшка надъ читателемъ? Шутка? Но нѣтъ! это не шутка: г. Соболевскій серіозно думаетъ, что онъ исправилъ „крупную ошибку“ своихъ предшественниковъ!

Я ужъ имѣлъ случай упомянуть выше, до какихъ курьезовъ можетъ довести сличеніе языковъ по методу г. Соболевскаго: напр., по этому методу итальянскій языкъ окажется тождественнымъ съ французскимъ. Болгарскій и сербскій языки, если дать по способу г. Соболевскаго рѣшающее значеніе рѣчи македонянъ, тоже окажутся очень близкими нарѣчіями, а не от-

[1]) Есть, напр., шутливое уравненіе: „полумертвый равенъ полуживому“, изъ котораго заключаютъ: „мертвый равенъ живому“. Заключать о тождествѣ двухъ языковъ по тождеству ихъ небольшихъ частей будетъ видоизмѣненіемъ этого шутливаго уравненія.

Библиотека "Руниверс"

дѣльными языками. Но наибольшій курьезъ—тотъ, что малорусская рѣчь, такъ побѣдоносно введенная г. Соболевскимъ въ лоно великорусской, можетъ, благодаря тому же методу г. Соболевскаго, очутиться не менѣе побѣдоносно въ лонѣ всѣхъ другихъ ея сосѣдей. Если г. Соболевскій сличитъ говоръ малороссовъ—лемковъ съ нѣкоторыми говорами мазурскими, то, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ будетъ отнесть малорусскую рѣчь къ польскимъ нарѣчіямъ и подать руку галицкимъ полонизаторамъ. Сербы, сравнивши говоры Керештурскихъ или Рушевскихъ малороссовъ съ сербскими, заявятъ, что *всѣхъ* малороссовъ надо считать сербами (причемъ найдутъ нѣкоторую поддержку себѣ въ сочиненіяхъ Лавровскаго),—а г. Соболевскій долженъ будетъ признать, что и они правы. Чехи, словаки, даже румыны, чего добраго и нѣмцы—всѣ они могутъ, по методу г. Соболевскаго, присвоивать себѣ малороссовъ!..

Таковъ-то способъ, предложенный г. Соболевскимъ для исправленія „крупной ошибки“ другихъ ученыхъ, которые видятъ у малорусскаго нарѣчія серіозныя оригинальныя черты и склоняются признавать его за особый языкъ. Замѣчательно, что г. Соболевскій позволяетъ себѣ просто замалчивать имена тѣхъ ученыхъ. Въ 1-мъ изданіи „Лекцій“ еще было упомянуто имя Миклошича, хоть въ скобкахъ, а во 2-мъ изданіи г. Соболевскій ужъ совсѣмъ не нашелъ нужнымъ съ нимъ считаться и неуважительно назвалъ его просто „кое-кто“. Но, если мы будемъ поступать такъ съ Миклошичами и вычеркивать ихъ изъ области науки, то, по справедливому замѣчанію проф. Сумцова, въ концѣ концевъ останутся лишь „столь скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ г. Соболевскаго“ [1]).

Говоря объ отношеніяхъ г. Соболевскаго къ малорусскому нарѣчію, характеризующихъ научные пріемы его, не мѣшаетъ отмѣтить еще одну интересную черту научности г. Соболевскаго: малорусскаго нарѣчія, о которомъ онъ берется судить вкривь и вкось, онъ не знаетъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно взять наудачу нѣсколько примѣровъ изъ его „Лекцій“.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1892, янв., стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстно, что въ малорусскомъ нарѣчіи до сихъ поръ вполнѣ сохранилась особая форма для повелит. наклоненія 1-го лица мн. ч. и строго различается по смыслу и употребленію отъ изъявит. накл. Никто никогда не смѣшаетъ „будьмо братамы“ съ „будемо братамы“, „тикаймо“ съ „тикаемо“, „втечимъ“ со „втечемо“, „ходимъ„ съ „ходымо“; „заберимъ“ съ „заберемо“ и т. п. А г. Соболевскій на стр. 226 говоритъ: Формы 1-го мн. пов. н. на *ѣмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ, мѣсто заняли формы 1-го мн. настоящаго времени съ значеніемъ будущаго“. Г. Соболевскій, значитъ, не знаетъ самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ малорусскаго нарѣчія, онъ даже не поинтересовался прочитать стр. 143 „Studien“ Огоновскаго. Кстати: на той же 226-й страницѣ „Лекцій“ г. Соболевскій сочиняетъ несуществующее повелит. наклоненіе: „ищіте“.

Глаголъ „бути“ до сихъ поръ сохранилъ свои формы наст. вр.—у западныхъ малоруссовъ. Первое лицо—„есьмъ“, „емъ“ (гуц. „сме“ и „сми“); 2-е лице—„еси“, „есь“, „сь“; 1 л. мн. ч.—„есьмо“, „смо“; 2-е л. мн. ч.—„есте“, „сте“ и т. п: Хотя это факты общеизвѣстные и о нихъ обстоятельно говорится въ „Studien“ Огоновскаго (стр. 112, 138, 144), но г. Соболевскій ничего этого не знаетъ и заявляетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи изъ формъ 1-го и 2-го лица глагола „быть“ есть только одна: „еси“ (стр. 220).

На стр. 157-й „Лекцій“ читаемъ: „Формы род. множ. на *овъ*, *евъ* имѣютъ широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ... Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. падежа мн. ч. больше: „годъ“, „часъ“, „конь“, но они все таки являются исключеніями“. Что въ малорусскомъ нарѣчіи еще попадаются старыя формы род. мн., сходныя съ имен. ед., это правда (напр: „шість візъ“, „пъять годъ“ и др.), но, вздумавши привести для примѣра слова „часъ“ и „конь“, г. Соболевскій обнаружилъ свое незнаніе малорусской рѣчи, такъ какъ эти слова имѣютъ род. пад. всегда „часівъ“ и „коней“. Форма „конь“ уродлива еще и потому, что написана черезъ „о“, тогда-какъ

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ словѣ малороссы имѣютъ „*ô*“ (т. е. „кіевъ“ или „куонъ“).

На стр. 171: „Вмѣсто древнихъ формъ мѣстоименій (им. п. мн. ч.) „ты“, „оны“, „одны“, „самы“, „ины“ и т. д. явились новыя формы: „*тѣ*, *онѣ*, *однѣ*, *самѣ*, *инѣ*. Формы *тѣ*, *онѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусскія: *ті*, *вонѣ*, *самі* и т. д.“. По поводу мѣстоименія „*вонѣ*“ (съ *і*, и притомъ съ *і* мягкимъ, ятевымъ) замѣтимъ, что оно всецѣло принадлежитъ фантазіи г. Соболевскаго (пожалуй, слово „*вонѣ*“ существуетъ у малороссовъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстоименію „*він*“, а означаетъ „дурные запахи“). Форма „*тѣ*“ (съ ятемъ), которая, по словамъ г. Соболевскаго, тождественна съ великорусскимъ „*тѣ*“, также сочинена г. Соболевскимъ, потому что у малороссовъ въ формѣ „*тѣ*“ звучитъ не ять (т. е. мягкое *і*), но *і* твердое.

На стр. 167: „Современный языкъ знаетъ формы род. ед. твердыхъ основъ на *ъ* вм. *ы*: у голодной *кумъ* все хлѣбъ на умѣ, изъ *Москвъ*; малорусское „*справдѣ*“, „*до* торбинкі“ и т. п.“ Мнимоятевая форма „торбинкі“ —сочиненіе самого г. Соболевскаго: если бы онъ потверже зналъ малорусское нарѣчіе, то не упустилъ бы изъ виду, что передъ *ъ* задненебные звуки смягчаются переходнымъ смягченіемъ и что „*торбинкъ*“ должно было обратиться въ „торбинці“. (Если иногда слышится произношеніе „торбинкі“ вм. „торбинки“, то объясняется это присутствіемъ задненебнаго звука *к*, послѣ котораго *и* звучитъ мягче обыкновеннаго; срв. „кидати“, „кислий“, „кипіти“ и т. д.).

Таковы свѣдѣнія г. Соболевскаго въ самыхъ общеизвѣстныхъ вопросахъ малорусскаго нарѣчія! И въ слѣдующихъ главахъ намъ много разъ еще придется отмѣчать полное незнакомство г. Соболевскаго съ общеизвѣстными данными этого нарѣчія. А знакомства съ болѣе мелкими фактами—хоть и не спрашивай! Такъ, г. Соболевскій не подозрѣваетъ, что „заяць“ (въ Галичинѣ и Подоліи) имѣетъ косвенные падежи „заяця“, „заяцеви“ и т. д. (стр. 94), что и въ малорусскомъ нарѣчіи

Библиотека "Руниверс"

(въ Угорщинѣ) есть „што“ (стр. 102), что твердое окончаніе 3-го л. („любит“, „люблят“ вм. „любить“, „люблять“) обширно существуетъ на Подольи и Волыни, а въ Кіевщинѣ большей частью отсутствуетъ (стр. 107), что малорусское „рятува́ти“ (спасать) ни по значенію, ни по происхожденію не тождественно съ великорусскимъ „ра́товать“ и происходитъ очевидно отъ нѣмецкаго retten *) (стр. 121) и т. д. и т. д.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

*) Это вполнѣ ясно изъ слова „ратунокъ“ (Rettung); срв. „рахунокъ“ (Rechnung), „гатунокъ“ (Gattung), „чакунокъ“ (Packung), „вербунокъ“ (Werbung и т. д.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ.*)

1857—1865.

17. **)

Данило Семеновичъ!

Въ шкапу на третьей полкѣ справа, лежатъ брошюры матеріаловъ для Малороссіи и Бубновская сотня между ними. Отберите отъ ненужныхъ брошюрокъ и вручите М. А. (Марьѣ Александровнѣ Марковичъ?)

Когда выйдетъ 1-й т. Пушкина, въ маѣ, отдайте его Макарову для доставки мнѣ или М. А.

Добудьте изъ Кіева матеріалы для Уніи Иванишева и вручите Макарову для доставки мнѣ. Тотчасъ пишите въ Кіевъ, чтобъ кто нибудь отправился къ Иванишеву и купилъ для меня. Очень нужно. Я напишу романъ уніатскій. Да и для моей повѣсти о Ю. Р. нужно.

Если еще что случится подобное (у Овсянникова спросите), то пользуйтесь такимъ случаемъ, какъ Макаровъ, чтобъ передать.

Надѣюсь много сдѣлать дѣла, если задушу въ себѣ змѣю-тоску, которая ѣстъ меня живьемъ.

(1859 г.)

---

*) См. Кіевск. Стар. 1893 г., май, стр. 222.

**) Настоящее письмо не имѣетъ даты, но что оно писано въ началѣ 1859 г., это видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ.

Библиотека "Руниверс"

18.

26 апр. 1859. Ковно.

Насилу доѣхалъ на четвертую ночь. 700 верстъ! Проснувшись, почувствовалъ бодрость неожиданную. Великолѣпная погода. Берега Нѣмана восхитительные. Отсюда поѣду водою до Кенигсберга, а тамъ—желѣзной дорогой. Тоска поуменьшилась, и я, по всей вѣроятности, буду вести себя такъ, какъ вы совѣтовали. Хорошо я сдѣлалъ, что уѣхалъ не въ Малороссію. Для больного духомъ очень много значатъ удобства, дающія возможность быть, какъ хочется, ѣхать, куда хочется. Изъ Берлина вы получите извѣстіе, какъ я устрою жизнь свою. Думаю, что она съѣдетъ на путешествіе пѣшкомъ, съ долгими отдыхами, въ живописнѣйшихъ мѣстахъ. Надѣюсь много писать. Планы, давно брошенные мною, являются въ головѣ съ живыми лицами. Учусь быть одинокимъ: надежнѣе этого положенія ничего нѣтъ на свѣтѣ. Быть въ толпѣ одинокимъ, все слышать видѣть, чувствовать и оставаться ни отъ кого независимымъ,—что можно выдумать лучшаго? Едва ли я усижу долго въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Швейцарія сильно манитъ меня къ себѣ. Она одна и въ ту поѣздку успокоила мою тоску.

Для А. М. заказана мебель, за которую слѣдуетъ доплатить 35 р. Было предположеніе—возвратиться къ веснѣ въ Малороссію. Улучите удобное время и спросите ее, желаетъ ли она оставить за собою ту мебель, или же ей вовсе не нужно. Въ послѣднемъ случаѣ пошлите 35 р. при прилагаемомъ письмѣ въ Борзну.

Пора отправить къ Мизко *Молоу*.

Передайте Макарову записочку, на другой половинкѣ листка.

У Юнгмейстера лежитъ одинъ томъ русскихъ лѣтописей съ отмѣченными карандашемъ книгами (на оберткѣ), которыя намѣренъ былъ я купить. Теперь эту покупку надо отсрочить, но выручить отданный мною съ отмѣтками томъ лѣтописей, а то пропадетъ задаромъ—позабудется.

Николаю Яковлевичу, кромѣ 1-го тома Пушкина, вручите еще 3-ю кн. *Народнаго чтенія*. Не позабудьте же писать въ

Библиотека "Руниверс"

Кіевъ объ изданіи Иванишева,—матеріалъ для исторіи Уніи, чтобы привезъ мнѣ его Макаровъ.

Соколову передайте слѣдующія слова, написавши ихъ на бумажкѣ.

Хуторъ Заригь или Зарожскіе Хутора находятся близъ мѣстечка Оржицы въ лубенскомъ уѣздѣ (есть Оржица въ пирятинскомъ). Изъ Лубенъ ѣхать на Исковцы, а потомъ на Оржицу, а тамъ 4 версты. Между козачими поселеніями спросить въ Зарожскихъ хуторахъ *Баньщину, де живъ Кулишъ*. Изъ Пирятина ѣхать на Слѣпородъ, на Рудку, на Савинцы, на Денисовку.

Адресъ: въ Борзну, Александру Ильичу Боголюбцеву (съ 35 р.).

19.

1859, апр. 28 стар. стиля.

Здравствуйте безцѣнный другъ Данило Семеновичъ!

Пишу къ вамъ изъ Кенигсберга дряннымъ нѣмецкимъ перомъ, и пишу для разогнанія тоски. Слава Богу, она начала понемногу отступать, но все еще томитъ мою душу. Стараюсь развлечь себя всякою всячиною, и нахожу, что эти старанія вовсе не такъ ничтожны, какъ мнѣ казалось. Убѣгать себя мало-по-малу можно, и я этому душевно радъ. До сихъ поръ была самая скучная часть путешествія. Ѣхали 4 ночи, или почти 4, въ почтовой каретѣ, а потомъ плыли по Нѣману два раза по 12 часовъ съ ряду—очень скучно! Жиды наполняютъ пароходы, стремясь къ Кенигсбергскому порту. Отсюда начнется желѣзная дорога. Завтра увижу Маріенбургъ, о которомъ писаніе гласитъ:

Z Marienburgskiej wieży zadzwoniono,
Działa zabrzmiły, w bębny uderżono...

Проведу ночь въ Маріенбургѣ, потомъ въ Берлинъ часовъ 10 ѣзды, а оттуда пущусь въ саксонскую Швейцарію дня на три, на четыре, пока подоспѣютъ въ Берлинъ спутники, съ

Библиотека "Руниверс"

которыми, можетъ быть, я не такъ буду чувствовать глупую болѣзнь свою—скуку.

Къ великому моему счастью, отъ Пскова подсѣлъ ко мнѣ русскій французъ Марсель, поверхностный и веселый господинъ. Я съ нимъ толкую о всякомъ вздорѣ, пью и ѣмъ, какъ самый беззаботный человѣкъ. Это меня очень поддерживаетъ, какъ оно ни странно самому мнѣ. Марсель говоритъ: „Я былъ женатъ два раза, но сыновьямъ своимъ говорю: не женитесь, друзья мои, а живите съ любовницами: это гораздо честнѣе и во сто разъ будете счастливѣе!“ Съ этакимъ хватомъ въ 55 лѣтъ мы расхаживаемъ между нѣмцами, молоденькими франтами, и кто на насъ ни посмотритъ, всякій подумаетъ, что ни у одного изъ насъ не скребутъ на сердцѣ кошки; а онѣ между тѣмъ скребутъ! Не совѣтую вамъ быть мною: это самое горестное существованіе, которое ничѣмъ не удовлетворено и которое мудрено удовлетворить чѣмъ бы то ни было. Настоящій мой элементъ—*война*. Я по ошибкѣ попалъ въ мирные граждане. Но, можетъ быть, я еще попаду на свое поприще. Погодите, дайте мнѣ только выздоровѣть отъ адской тоски. Кажется мнѣ, что я выздоровѣю. Видъ чужихъ городовъ и людей производитъ на меня теперь отрадное впечатлѣніе; что то тихое водворяется въ въ душѣ, и она только по временамъ вскрикиваетъ, какъ сумасшедшая...

Не забудьте объ изданіи Иванишева, о брошюркахъ въ шкапу, да еще—вручите Николаю Яковлевичу книгу, оставшуюся у меня на столѣ: Jadwiga i Jagełło. Пусть не потяготится этимъ грузомъ.

На каждый заграничный паспортъ выдаютъ въ банкѣ 60 полуимперіаловъ *). Пускай Николай Яковлевичъ возьметъ для себя; а если ему не нужны деньги золотыя, то дайте ему 300 руб. для меня, пускай привезетъ. Я останусь за границей не меньше году. Сами согласитесь, что въ Петербургѣ немного

*) И Марсель получилъ безъ всякаго промедленія.

Библиотека "Руниверс"

для меня радостей зимою. Мнѣ надобно забыть все непріятное и напитаться совсѣмъ иною жизнію, а пожалуй—составить новыя связи. Надѣюсь, что вы не будете противъ этого, особенно, когда увидите, что я работаю; а работать я буду: это чувствуется. Дайте только мнѣ выздоровѣть отъ тоски.
Обнимаю васъ отъ всей души.

20.

Берлинъ. 1859, апр. 30/мая 12.

Не могу надивиться, какъ это вы всегда умудряетесь смущать меня неисправностью отвѣтовъ! Изъ Кенигсберга послалъ я на ваше имя телеграфическую депешу—нѣтъ отвѣта! Положимъ, что М. А. была больна или разстроена, или что бы тамъ у нея ни было въ душѣ, но вамъ слѣдовало немедленно передать ея слово, или ваше собственное о ней. Какъ можно не отвѣчать на телеграфическую депешу! Я въ совершенномъ отчаяніи: я вижу, что только одинъ я для себя *другъ*, а больше никто не хочетъ. Вы все считаете шуткою, что происходитъ въ моемъ сердцѣ . . . . . *).

Ахъ, какъ вы подорвали меня своимъ молчаніемъ на депешу!

21.

Берлинъ. 1859, май 14 н. ст.

Наконецъ я получилъ отъ васъ телеграфическій отвѣтъ. Линія занята политическими депешами, а потому я ждалъ 26 часовъ. Вы не ожидаете, что ваши слова произвели на меня успокоительное впечатлѣніе **)...

Я намѣренъ прожить въ Дрезденѣ довольно долго,—можетъ быть до пріѣзда Макарова, которому покажите это письмо и сообщите все, что для него интересно знать. Я съ нимъ хочу путешествовать.

---

*) За симъ слѣдуетъ большой пропускъ.

**) Снова слѣдуетъ большой пропускъ.

Библиотека "Руниверс"

22.

Тверь. 1859, мая 16.

Прочелъ я дорогою полученные отъ васъ листки *Повѣсти о Южной Руси*. Теперь только я вижу, какъ это плохо написано,—какъ неровно, неполно! Вырванныя цензоромъ мѣста еще больше обезобразили ихъ. Но и корректура носитъ на себѣ слѣды разбросаннаго въ разныя стороны вниманія, въ чемъ да проститъ васъ россійская публика! Помѣстите въ опечаткахъ, при журналѣ и при отдѣльныхъ оттискахъ, слѣдующія поправки:

Стр. 3, примѣч. 2-е должно было быть помѣщено первымъ.

Стр. 10, строка 11, вмѣсто *обложилъ* слѣдовало *обложили*.

Стр. 23 стр. 8, вм. *епископовъ* слѣдовало *епископствъ*.

Стр. 36, стр. 9, вм. *литературахъ* слѣдовало *литературной*.

Пожалуйста не забудьте сдѣлать указаніе этихъ опечатокъ. Особенно непріятно поразила меня послѣдняя строка, *заключительная*.

Тверь городокъ—Москвы уголокъ. Есть публичный садъ, тѣнистый и благоухающій сиренью. Волга здѣсь протекаетъ, какъ на картѣ: не умѣли ею воспользоваться и спустить къ ней сады. Вкуса къ живописности рѣшительно не достаетъ тверитянамъ. Останемся здѣсь еще сутки. Въ городѣ безлюдно, выраженіе лицъ простодушное. Насъ принимаютъ за важныхъ персонъ, что нѣсколько досадно, но вмѣстѣ и забавно. Это—отъ непривычки видѣть людей, чисто одѣтыхъ. Поплывемъ далѣе на пароходѣ общества *Самолетъ*. Я собираю мысли о Южной Руси, не напишу ли продолженія.

Не могу еще назначить вамъ, куда писать, чтобъ не опередить намъ вашего письма, но думаю, что въ Казань, poste restante, можете написать навѣрное, не дожидаясь дальнѣйшаго назначенья. Не думаю впрочемъ, чтобы было нужно вамъ писать ко мнѣ немедленно,—не о чемъ. Грустно было мнѣ оставлять васъ въ такомъ печальномъ расположеніи духа, и не вижу, что можетъ васъ развеселить. Я, слава Богу, не скучаю. Александра Михайловна кланяется вамъ усердно.

Библиотека "Руниверс"

Напишите къ Мизко (Никол. Дм., въ Новомосковскъ, Екатериносл. губ.) о матеріалахъ для 3-го т. *З. о Ю. Р.* Спросите у Вольфа остальные томы Мицкевича и возьмите 1-й т. у Н. А., если ей не нуженъ.

Первоиівтъ отдадите также В. М—чу для *Хаты*. Меня занимаетъ изданіе *Хаты* посредствомъ другихъ: я былъ бы полезнѣе въ качествѣ сотрудника, право. Возня съ цензурою и съ сотрудниками поглотила бы мои силы, а при моей прямотѣ въ объясненіяхъ съ авторами, я бы вооружилъ ихъ противъ себя еще больше. Надоѣло мнѣ ссориться съ людьми.

Чувствительность мнѣ докторомъ запрещена,—

Я воду Леты пью.

23.

Нижній Новгородъ, неизвѣстно котораго мая.

Глава третья Повѣсти о Южной Руси, около одного печатнаго листа, почти готова, но вышлю ее изъ Казани. Сперва я хотѣлъ послать простымъ пакетомъ, но боюсь пропажи. Вы получите посылкою. Въ Казань же мы выѣзжаемъ завтра, а пріѣдемъ черезъ сутки. Думаю, что правительственныя распоряженія для 4-й книжки не скоро напишутся и пока наберутся, посылка моя будетъ у васъ. Я писалъ вчера къ Оболонскому.

Александра Михайловна проситъ васъ позаботиться объ ея шкафѣ, который разбирается и потому удобенъ къ переноскѣ. Поставьте его въ кабинетѣ между моей софой и стѣной.

Снеслись ли вы съ харьковскимъ нашимъ коммисіонеромъ?

Наведите справки: правда ли, что Х—ій продаетъ мои книги по удвоеннымъ цѣнамъ? Это говорилъ А—рѣ М—нѣ студентъ кіевскій Б—ерскій. Если и онъ не вѣренъ честности, то гдѣ и искать честныхъ людей?

Путешествіе по Россіи очень назидательно. Когда придется мнѣ изобразить русскаго человѣка, у меня въ умѣ будетъ много готовыхъ лицъ. Разговоръ въ каютахъ и на палубахъ бываетъ иногда очень интересенъ. Судьба швыряетъ людей за десятки

Библиотека "Руниверс"

тысячъ верстъ, и здѣсь часто встрѣчаешь изъѣздившихъ огромныя пространства.

Пишите ко мнѣ въ Таганрогъ, poste restante, да не откладывайте. Ну, что *Хата?*

Каково живется вамъ на свѣтѣ?

Можетъ быть я напишу въ Казани и четвертую главу. Но если нѣтъ, печатайте одну третью, чтобъ не прерывать повѣсти, а для пятой книжки будетъ ужъ двѣ главы.

Увѣдомьте, какъ принята 3-я книжка *Народнаго Чтенія.* Не произвела ли цензурныхъ сенсацій? Жаль будетъ Оболонскаго, который хочетъ достигнуть распространенія своего журнала путемъ, противоположнымъ популярности.

На пароходѣ одинъ господинъ, не зная, кто я, сказалъ при мнѣ въ разговорѣ: „у него цензура всегда вычеркиваетъ половину". Онъ думаетъ, что и изъ *Маіора* много вычеркнуто. Я оставилъ его въ пріятномъ заблужденіи. Сблизился я съ однимъ офицеромъ, отправляющимся на Амуръ, ревностнѣйшимъ патріотомъ. Онъ много, много толковалъ о малороссійской народности, и какъ былъ бы радъ, узнавъ, что его слушаетъ одинъ изъ ея усердныхъ служителей; но имя мое осталось ему неизвѣстнымъ. Когда я вижу, что идея народности распространяется въ разнообразныхъ обществахъ и кружкахъ, я почти не вѣрю ушамъ своимъ: я слишкомъ долго носилъ ее въ душѣ непризнаваемою никѣмъ, слишкомъ долго считали меня люди ученые и благоразумные—полупомѣшаннымъ. Теперь случается слышать мнѣ толки въ пользу моей идеи отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые мнѣ противорѣчили; случается слышать даже ободренія и наставленія. Чудеса въ решетѣ!

24.

Казань. 1859, мая 27.

Глава третья кончена еще въ Нижнемъ Новгородѣ, но нельзя было послать въ тотъ день. Потомъ плаваніе. Потомъ первыя заботы по пріѣздѣ въ Казань по части мытья

Библиотека "Руниверс"

своихъ особъ, ихъ насыщенія и прочая. Въ тотъ же день случился страшный пожаръ, истребившій, какъ говорятъ, 800 домовъ (другіе насчитываютъ 1500). Мы все смотрѣли на него. Зрѣлище было великолѣпно. Ходили еще и вечеромъ. Вечеромъ еще лучше. Устали такъ, что пока на другой день насытились кофеемъ, одѣлись и собрались выдти, было уже около 12 часовъ. Здѣсь же, на востокѣ 12 часовъ раньше, чѣмъ у васъ; а почтовая контора принимаетъ письма только до 12. Еще сутки пропали. Наконецъ посылаю рукопись вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, страховымъ способомъ. Глава кажется, интересна очень. Четвертую откладываю, чтобъ написать получше,—тѣмъ болѣе, что она будетъ иного содержанія. Въ третьей топографія, въ четвертой—этнографія старинной Украины. А потомъ уже изъ этихъ данныхъ начну прясть нити событій, долженствовавшихъ случиться въ силу обстоятельствъ. Вышлите мнѣ пожалуйста немедленно, въ Керчь, купленную вами книгу о церковной Уніи. Я забылъ взять ее съ собою. Если я и раньше буду въ Керчи, то сдѣлаю распоряженіе о доставкѣ мнѣ оной. Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за молчаніе о моемъ путешествіи. А. М. все записываетъ, а я по ея запискамъ напишу потомъ для печати. Тогда и вы прочитаете. Теперь же все у меня какъ то вертится въ головѣ отъ множества впечатлѣній, часто весьма тягостныхъ. Примите также во вниманіе лѣнь, происходящую отъ жары. Смотрѣть, думать и чувствовать еще кое какъ можно, но писать—было бы истиннымъ геройствомъ. Вообще, для вашего спокойствія, скажу, что я очень доволенъ избраннымъ маршрутомъ. Волга ниже Саратова и выше Царицына соединяется съ Дономъ посредствомъ конной желѣзной дороги. Мы спустимся въ Азовское море по Дону. Тутъ я буду искать случай получить ясное понятіе о землѣ войска Донскаго. Кавказъ тоже хочется мнѣ сколько-нибудь изучить собственными наблюденіями.

Пишите ко мнѣ на всякій случай въ Саратовъ, съ припискою: въ квартирѣ г-жи Костомаровой, а навѣрное—въ Керчь, poste restante.

Библиотека "Руниверс"

25.

Малиновка. Іюня 15-го, 1859.

Въ дорогѣ я испилъ холоднаго, распотѣвши, и до сихъ поръ кашляю. Голова болѣла несносно. Теперь поправляюсь и сегодня могъ уже писать. Но ощущается сильная потребность въ чтеніи для перебоя и освѣженія собственныхъ мыслей. Нечѣмъ наполнить всего времени, хотя можно каждый день кататься на хорошихъ лошадяхъ и купаться, у самаго дома, въ текучей водѣ. Исполнитесь великодушія и пришлите полученный безъ меня Р. Вѣстникъ, Современникъ и От. Записки, на имя Олимпія Мих., въ Балашовъ, сарат. губ.,—да не откладывайте, а съ первымъ же утромъ. Пишите о себѣ, ладите ли вы съ жизнью и ея заботами. Здѣсь мнѣ покойнѣе, нежели гдѣ либо до сихъ поръ. У меня отдѣльный кабинетъ, въ которомъ ничего не слышно, кромѣ шелесту садовыхъ деревьевъ передъ окномъ. Розы цвѣтутъ въ изобиліи, и свѣжій букетъ постоянно стоитъ въ стаканѣ передо мною.

Справьтесь о 1-мъ т. Пушкина и пришлите, если вышелъ.

Еще бы я хотѣлъ прочесть историковъ и публицистовъ, вышедшихъ при *Соврем.* и при *От. Зап.* Они не дороги, особенно для подписчиковъ на эти журналы. Вышлите ихъ другою посылкою.

26.

Прекрасный у васъ обычай—поступать съ выѣхавшими изъ Петербурга такъ, какъ съ вынесенными на кладбище! Я живъ еще—не безпокойтесь, и меня еще на многое хватитъ. Пишите ко мнѣ о чемъ хотите, только не молчите. Въ Малиновкѣ застряли мы потому, что я началъ писать многое и помногу. Не хочу прерывать работы. Здѣсь намъ хорошо. Никто и ничто не мѣшаетъ. Журналы получаются. Зайдите къ Совре-

Библиотека "Руниверс"

меннику и направьте его сюда, а ту книгу, которая пришла къ вамъ по отправкѣ двухъ нумеровъ, пришлите вмѣстѣ съ *Исторической Библіотекой*, печатающейся при *Современникѣ*, которую немедленно купите и пришлите. А *публицистовъ* при Отеч. Зап. совсѣмъ не надо. Здѣсь мы останемся до октября, а потомъ пріѣдемъ вмѣстѣ съ Ол. Мих. Но, на всякій случай, очистите отъ всякаго посторонняго громозду и хламу кабинетъ и бывшую вашу комнату. Вашъ П. К.

10 августа, Малиновка.

Историческую Библіотеку пожалуйста не откладывайте ни одного дня посылать. Очень нужна!—Помните, что для подписчиковъ Современника Историческая Библіотека отпускается дешевле.

27.

12 сентября, 1859. Малиновка на Хоперѣ

Нынѣшній день—одинъ изъ благополучнѣйшихъ въ моей жизни: я кончилъ романъ, задуманный на Волгѣ и начатый въ Малиновкѣ. Этому роману имя—*Исправницкая Дочка*; онъ содержитъ въ себѣ около 23 листовъ, или немного болѣе; онъ докажетъ моимъ друзьямъ, что я еще *живу* на свѣтѣ,—этимъ друзьямъ, которые почти всѣ оказались безсмысленнѣе и потому злѣе моихъ враговъ. Въ этомъ романѣ я слилъ комическое съ патетическимъ, и знаю, что это—лучшее мое произведеніе. Что я былъ оживленъ мыслью и чувствомъ, едва вмѣщавшимся въ слово,—доказательство вы увидите на самой рукописи, которой $^{9}/_{10}$ написаны безъ всякихъ помарокъ, какъ подъ диктовку. Эти три мѣсяца, которые я просидѣлъ за работою, прерываемою только купаньями въ Хоперѣ, я долженъ назвать счасливѣйшими въ моей жизни. Подобной тишины и спокойствія вокругъ меня едвали можно надѣяться и въ царствѣ небесномъ, гдѣ судя по монашескимъ изображеніямъ онаго, должна быть смертельная

Библиотека "Руниверс"

скука. Я пріѣхалъ сюда все еще разстроенный и долго не могъ собрать себя, какъ выражаются нѣкоторые—очень вѣрно. Нынѣшній мой романъ мелькалъ передо мной въ такомъ видѣ, какъ противоположный берегъ Женевскаго озера изъ Hôtel des Alpes: то видно было кое-что освѣщенное солнцемъ, то полузакрывалось отъ меня туманомъ, то ничего нельзя было совсѣмъ разсмотрѣть. Я хотѣлъ *заставить* себя что-нибудь дѣлать и насѣлъ на *Липовыя Пущи*; но критика моя сдѣлалась такъ строга, что изъ шести написанныхъ главъ осталось только двѣ да прологъ, но и эти двѣ главы написаны большею частью вновь. Планъ совсѣмъ измѣнился, и по вечерамъ, слушая чтеніе, я рисовалъ разныя предполагаемыя сцены изъ событій гайдамачества. Вы увидите ихъ у Александры Мих. множество. Нѣкоторые смѣшили насъ своими драматическими надписями. Но романъ все таки двинуться не могъ: онъ еще не созрѣлъ во мнѣ. Та область мыслей и чувствъ не прожита еще мною вполнѣ. Я началъ повѣсть, извѣстную вамъ подъ именемъ *Скандалъ*, и написалъ три главы довольно живописно, но запнулся на планѣ, который не былъ обдуманъ заблаговременно. Жажда дѣятельности была у меня такъ велика, что я принялся за продолженіе *Алексѣя Однорога*, обдумалъ часть плана довольно широко и написалъ большую главу. Тутъ же началъ продолженіе *Повѣсти о Южной Руси*, но какъ вы ничего не пишете и я не знаю, нравится ли то, что напечатано и то, что послано вамъ изъ Казани, то я и бросилъ дѣло на пяти листкахъ. Между тѣмъ образовалась у меня форма задуманнаго романа и я попалъ на тонъ его. Тутъ уже все отложено было въ сторону—и романъ писался такъ быстро, что мой переписчикъ, Александра Михайловна, далеко осталась у меня позади. Въ чужой рукописи я лучше его выправлю — вотъ для чего переписывается, да страшно таки, чтобъ и не пропалъ, существуя въ одномъ экземплярѣ.

Въ журналѣ Василія Мих. я не намѣренъ помѣщать потому своего романа, что онъ—архи-малороссійскій, и я боюсь, чтобъ

Библиотека "Руниверс"

не запретили журналъ прежде, чѣмъ романъ будетъ допечатанъ,—или же другая бѣда: цензоръ потребуетъ такихъ обрѣзокъ для помѣщенія въ *украинскомъ журналѣ*, что я самъ не соглашусь печатать. Другое дѣло *Русскій Вѣстникъ*, смѣлѣйшій и солиднѣйшій изъ нашихъ журналовъ. Тутъ господствующій духъ — англійскій, прямой либерализмъ, подъ который очень подходитъ мой романъ, не смотря на его архи-малороссіянизмъ. Наша Малороссія вообще ближе къ Англіи, чѣмъ какая-либо часть имперіи. Поэтому я остановлюсь на недѣлю въ Москвѣ и предложу свои условія *Русскому Вѣстнику*. Если мои условія *Русскій Вѣстникъ* найдетъ неудобоисполнимыми, тогда для меня будетъ все равно, гдѣ ни печатать, и разумѣется прежде всего у Вас. Мих., если цензоръ прочтетъ благосклонно и подпишетъ рукопись. Conditio sine qua non. Какъ ни плохи мои финансовыя обстоятельства, но я скорѣе поселюсь въ мужицкой хатѣ, чѣмъ пожертвую искренностью убѣжденія задѣльной платѣ. Это значитъ, что печатать я не стану иначе, какъ безъ цензорскихъ помарокъ. Подтвердите Василію Мих., что статьи, отданныя ему въ журналъ я согласенъ печатать только въ такомъ случаѣ, *когда не будетъ зачеркнуто ни одно слово*, въ полномъ смыслѣ этого выраженія.

Немедленно по полученіи этого письма, вышлите въ Москву, въ магазинъ Щепкина и на его имя, шляпку Александры Мих., вмѣстѣ съ деревяннымъ ящикомъ, въ который она уложена. Въ этотъ ящикъ со шляпкою вложите мою складную шляпу, вынувъ ее изъ футляра. Мы выѣзжаемъ отсюда надняхъ и я долженъ найти посылку уже въ Москвѣ, а то намъ придется покупать то и другое вновь, поелику у насъ все лѣтнее.

Вы поступили отвратительно, что не выслали приложеній при Современникѣ. Мнѣ необходимо было прочесть исторію XVIII столѣтія. Хотя она по видимому не имѣетъ ничего общаго съ моимъ романомъ, но романъ мой вышелъ бы шире.

Библиотека "Руниверс"

Что вы не выслали денегъ,—это даже коварно, если только вы не представите оправданія. Я не нуждаюсь въ нихъ, увлекшись работою и раздумавъ ѣхать далѣе, но *могъ бы* страшно нуждаться.

28.

Писалъ я къ вамъ отъ 12 сент., по почтѣ. Но можетъ быть письмо гдѣ нибудь застряло, такъ какъ теперь почтари сдѣлались, говорятъ, очень любопытны. Написалъ я, вашими молитвами, романъ *Исправницкая Дочка*, которымъ доволенъ. 23 печатныхъ листа, а можетъ быть и 25. Хочу печатать у Каткова, во избѣжаніе цензурныхъ притѣсненій, если бы я печаталъ въ *украинскомъ* журналѣ. Пишите въ Москву на имя магазина Щепкина и вышлите шляпку Ал. Мих., взявъ ее у Над. Мих. и вложите въ тотъ же ящикъ мою складную шляпу.

Сент. 15. (Москва?)

29.

8 окт. 1859. Москва.

Пришлите статью мою для *Нар. Чт.* Я не хочу ее печатать не исправивши. Постараюсь написать и продолженіе.

Не въ убыткѣ ли издатели?

Я еще ни съ кѣмъ не видѣлся.

Почему вы не позволили Симонову пожить у меня?

Готова ли квартира къ моему пріѣзду, (съ которымъ я конечно не спѣшу и спѣшить не буду)?

Сколько экземпляровъ соч. Гог. приблизительно не продано. У меня есть надежда выручить значительныя деньги за свой романъ, и пополнить ими недочетъ. Пишу большую повѣсть въ противоположномъ топѣ. Но, ради Бога, не думайте, что моимъ перомъ управляетъ желаніе добыть деньги. Я истощилъ

Библиотека "Руниверс"

всѣ усилія продолжать *Лип. Пущи* и не могъ продолжать, а это само пишется.

Шлоссера я получилъ передъ выѣздомъ.

Изъ Керчи другія письма мнѣ присланы, но ваше не прислано.

Осмотрѣвшись буду писать, что тутъ дѣлаетя между писателями.

Если есть интересныя письма ко мнѣ, пришлите; а пустыхъ не присылайте.

Вышлите въ магазинъ Щепкина шубу А—ры М—ны; а если моя пришла изъ Малой Россіи, то и мою.

Вышлите письма, которыя получены у Над. М—ны на имя А—ры М—ны.

30.

Съ полученіемъ сего, вышлите мнѣ, на мое имя, въ редакцію Русской Бесѣды, приготовленныя мною для переизданія мои сочиненія съ написанными къ нимъ предисловійцами. Послѣ узнаете, для чего это.

Реманъ свой я уже передалъ цензору Гилярову, который ко мнѣ очень блатоволитъ и обѣщалъ сдѣлать вся, елика возможна суть. А дѣло въ томъ, чтобы, во-первыхъ, рѣшить, цензуренъ ли онъ, а во-вторыхъ—зарекомендовать редакціи Р. В., если онъ ему понравится, такъ какъ сама редакція менѣе Гилярова способна оцѣнить сочиненіе изъ жизни малороссійской.

Наняли мы на мѣсяцъ квартиру, но какъ я еще не знаю имени дома, то адресуйте ко мнѣ письма въ редакцію Русской Бесѣды, съ которою я буду жить почти vis-a-vis.

Іеромонахъ Климентій напечатанъ въ Р. Бесѣдѣ со всѣми тѣми фразами, о которыхъ вы говорили: „ну, зачѣмъ такое писать, когда вы сами внаете, что этого напечатать нельзя!“ Я какъ нельзя больше кстати получилъ 193 р. 75 к.

10 октября, 1859. Москва.

Библиотека "Руниверс"

31.

19 окт. (1859 г.)

Данило Семеновичъ.

Мнѣ нужны бумаги, посланныя вами на имя Мизко (Никол. Дм.), въ Новомосковскъ. Я просилъ васъ завести съ нимъ объ этомъ переписку. Если вы къ нему не писали, то увѣдомьте, чтобы я самъ могъ возобновить объ этомъ дѣло. Увѣдомьте также, взяли ли вы отъ Вольфа послѣдніе томики Мицкевича, переплели ли все изданіе по 2 томика въ одинъ корешокъ, съ буквами *N. M.*, и отправили ли къ Мизко?

Жду отвѣта на всѣ вопросы въ моихъ письмахъ, и удивляюсь, что вы отвѣчать мнѣ считаете послѣднимъ долгомъ.

Адресъ. На углу Никитской и Кисловскаго переулка, въ домѣ Зотова. Входъ съ Кисловск. переулка.

32.

Полтава Апрѣля 28. (1860 г.)

Былъ у Квитки *) и нашелъ въ немъ прекраснаго человѣка, но роскошнаго барина, который не знаетъ, какъ ему жить покойнѣе и упрочить будущность единственнаго сына, 10-лѣтняго мальчика. Употребляетъ разныя мѣры, но всѣ онѣ недѣйствительны отъ стихіи, въ которой мальчикъ живетъ. Жена Квитки умная и пріятная женщина, но тоже съ панскою придурью. Изъ Харькова уѣхалъ я скоро потому, что нашелся хорошій попутчикъ съ своимъ тарантасомъ. Очень достойный молодой человѣкъ. Онъ лѣкарь, но лѣчится самъ въ Крыму, который расхваливаетъ въ отношеніи возстановленія силъ и зоветъ меня туда убѣдительно. Можетъ быть, я поѣду изъ Одессы. Вѣрнаго ничего не знаю. Здѣсь дождусь Симонова и заѣду въ Баивщину. А теперь ѣду съ Трушковскимъ къ матери Гоголя.

---

*) Валеріана?

Библиотека "Руниверс"

У Чижака Литургіи я видѣлъ экз. 50 въ старой оберткѣ. Новой онъ не получалъ. Съ первою почтою вышлите непремѣнно.

Первое мѣсто, куда ко мнѣ адресовать—въ Кіевъ, къ Быкову, а такъ какъ я можетъ быть скорѣе, чѣмъ думаю, буду въ Одессѣ, то адресуйте Александру Сем. Великанову, въ собст. книжный магазинъ, на Дерибасовской улицѣ. Это родственникъ Яхненка и заводитъ книжный магазинъ. Я ѣхалъ съ его уполномоченнымъ, Кузьминымъ. Имъ можно послать по 10 экз. всѣхъ нашихъ книгъ и Кобзаря, на коммисію. Транспортъ заплатится ими въ Одессѣ. Можно съ этимъ и не спѣшить, потому что они накупили у надувшаго ихъ Кожанчикова. А въ Орелъ—тоже и Кобзаря.

Будьте по возможности спокойны и веселы. Дѣла наши книжныя устроятся отлично, какъ вы узнаете отъ меня потомъ. Теперь некогда. Напишу уже изъ Кіева.

Вашъ П. К.

33.

1860, мая 10. Васильевка.

Симоновъ сообщилъ мнѣ о вашихъ безпокойствахъ на счетъ книгъ, которыя долженъ былъ я передать Горбунову. Изъ этого я вижу, что вы не получили моего московскаго письма. Я писалъ къ вамъ и изъ Орла, и изъ Харькова, гдѣ видѣлся съ Квиткою, т. е. гостилъ у него. Въ Полтавѣ прожилъ я сутки и уѣхалъ въ Васильевку. Оттуда воротился въ Полтаву и пробылъ трое сутокъ, въ прекрасномъ урочищѣ Трибахъ, варя съ угольщиками кашу и гуляя по цвѣтущимъ пустынямъ. Послѣ этого, полтавцы разныхъ сословій, украинцы и великороссіяне, дали мнѣ обѣдъ, сопровождавшійся множествомъ шумныхъ рѣчей и тостовъ. Интересно, въ какомъ видѣ дойдутъ до васъ объ этомъ слухи; но гости были такъ веселы и оживлены, какъ никогда. Первую рѣчь произнесъ Пильчиковъ, по рукописи, на украинскомъ языкѣ. Я отвѣчалъ ему изустно, тоже по украински, и потомъ уже всѣ говорили изустно по-украински, по-русски, по-польски, по-чешски.

Библиотека "Руниверс"

Накладите немедленно ящикъ книгъ, на половину *Кобзаря* и *Хаты*, да Основьяненка экземпляровъ 10, и отправьте въ Полтаву, на имя Пильчикова, съ означеніемъ срока доставки. За это назначается плата побольше, но плату примутъ на себя книгопродавцы, и заплатится она въ Полтавѣ. Всего замѣчательнѣе, что на обѣдъ взяли билеты два бородача—калужцы. Ихъ приняли радушно всѣ гости, и одинъ изъ нихъ такъ одушевился, что импровизировалъ за обѣдомъ ко мнѣ привѣтствіе въ стихахъ, а потомъ предложилъ тостъ *за правду*.

Въ Полтавѣ я познакомился съ крымскимъ помѣщикомъ, котораго усадьба на берегу моря, возлѣ Евпаторіи. Онъ убѣдительно просилъ меня къ себѣ на морскія купанья. Замѣчательно, что онъ былъ жандармскимъ офицеромъ въ 1847 году и сторожилъ меня въ III Отдѣленіи, а теперь участвовалъ въ данномъ мнѣ обѣдѣ и провожалъ меня, въ числѣ другихъ, за 10 верстъ отъ Полтавы съ шампанскимъ, изъ сочувствія къ тѣмъ идеямъ, за которыя Дубельтъ устроилъ мнѣ прогулку изъ Варшавы въ Петербургъ.

Теперь я опять въ Васильевкѣ, куда меня просили для нѣкоторыхъ общихъ нашихъ дѣлъ, а отсюда проѣду прямо уже на дорогу къ Лубнамъ. Симоновъ уѣхалъ впередъ.

Воскресная школа въ Полтавѣ увеличивается сильно. На обѣдѣ сдѣланы были новыя для нея пожертвованія. Присутствовалъ и одинъ цивилизованный еврей, и благодарилъ рѣчью русскихъ литераторовъ въ моемъ лицѣ за наше мнѣніе въ пользу евреевъ.

Когда одинъ изъ представителей великорусской народности выразилъ сочувствіе своихъ соотечественниковъ украинской словесности, то я сказалъ, что оно засвидѣтельствовано представителемъ сѣверно-русской литературы Тургеневымъ, посредствомъ перевода Марка Вовчка, и предложилъ тостъ за здоровье переводчика. Тутъ вспомнили объ украинскихъ женщинахъ писательницахъ и пили за здоровье Марка Вовчка и Ганны Барвинокъ. Но всего не пересказать. Пишите ко мнѣ въ Кіевъ: еще успѣете.

Библиотека "Руниверс"

Постарайтесь хорошенько напечатать собраніе моихъ сочиненій и немедленно высылайте цѣлый ящикъ Пильчикову, а другой въ Кіевъ. Впрочемъ, если найдется оптовый покупщикъ, то продайте, а развѣ малую часть вышлите таки, если онъ не потребуетъ *всѣ* экземпляры. Странно, что молчаніе или благосклонные отзывы журналовъ такъ мало имѣютъ вліянія на южную публику. Не только малороссіяне, но и великороссіяне здѣсь смотрятъ на мои книги и журнальныя статьи вовсе не по-петербургски, что я имѣлъ случай не разъ замѣтить и во время дороги, и въ Полтавѣ. Я не встрѣчалъ человѣка, который бы при моемъ имени не выражалъ радости, что случай позволилъ ему меня видѣть. Послѣдніе два года много сдѣлали. Репутація моя, какъ писателя, даетъ мнѣ вездѣ входъ и радушный пріемъ. Признаюсь, это очень пріятно уже потому, что доставляетъ большія удобства. Одинъ полтавецъ, изъ разряда ходатаевъ по дѣламъ, просто сдѣлался моимъ камердинеромъ, такъ что мнѣ было даже совѣстно. Я только говорилъ, что́ мнѣ нужно, и все дѣлалось и доставлялось съ величайшею радостью. Чтобъ чѣмъ нибудь отвѣчать на сочувствіе полтавцевъ, я роздалъ 12 экземпляровъ *Черной Рады*, взявши въ магазинѣ, лицамъ, произносившимъ рѣчи или стихи. Гости мои на половину только были воспитанники университетовъ, изъ учителей гимназіи и чиновниковъ; остальные изъ офицеровъ, купцовъ и мѣщанъ. Многіе, узнавъ о билетахъ поздно, собрались въ саду, по которому я долженъ былъ пройтись съ процессіею и пить шампанское подъ открытымъ небомъ. Тутъ ужъ развязались языки и у людей вовсе нелитературныхъ.

Когда готовы будутъ брошюры, то присылайте транспортъ Пильчикову: тутъ сдѣланы распоряженія о ихъ распродажѣ въ разныхъ городахъ.

Хата сдѣлала здѣсь впечатлѣніе сильное, и Галаганъ съ братіею очень глупо считаетъ вреднымъ изданіе этой книги. Что поднимаетъ въ обществѣ лучшія человѣческія чувства, то можетъ быть вредно для однихъ лицемѣровъ и плутовъ.

Библиотека "Руниверс"

34.

Черниговъ. 3 Іюня 1860 г.

Данило Семеновичъ!

Не сердитесь, что рѣдко пишу къ вамъ. Напишу изъ Кіева, прочитавши ваши письма, а о довѣренности я забылъ въ Борзнѣ; но вышлю или отсюда (изъ Чернигова), или изъ Козельца.

Въ Черниговѣ я уже другую недѣлю, и провожу здѣсь время съ такимъ удовольствіемъ и пользою, какъ никогда и нигдѣ.

Вашъ П. К.

Увѣдомьте въ Кіевѣ, какъ идетъ печатаніе моихъ повѣстей, которыхъ тотчасъ по отпечатаніи вышлите ящикъ, черезъ транспортъ, на имя Дорошенка. Ушибъ руку въ купальнѣ, потому пишу дурно.

Съ первою почтою извольте выслать въ Одессу мою шиту сорочку (въ столѣ) и ту, которая вышита у Надежды А—ны, но у которой не достаетъ рукава. На югѣ рѣшительно нѣтъ возможности ходить въ панталонахъ, и я уже сшилъ себѣ шелковые шаровары, а къ нимъ понадобились и украинскія сорочки.

35.

Черниговъ. 1860. Іюня 22 *).

Вы желали, Василій Михайловичъ, чтобы я „отзывался“ къ вамъ отъ времени до времени. Ну, вотъ я былъ въ Борзнѣ, а потомъ въ прилуцкомъ уѣздѣ, у Бабенка, который сохранилъ въ себѣ многія черты запорожскаго рыцаря. Я провелъ у него часовъ 10 въ совершенномъ удовольствіи, какое рѣдко испытывалъ; но разказать вамъ, въ чемъ дѣло, мудрено. Какъ интересна наша Украина даже и въ послѣднемъ своемъ упадкѣ; но путе-

*) Сверху карандашемъ: „Прочитайте, Данило Семеновичъ, и защитайте, что это и къ вамъ писано.

Библиотека "Руниверс"

шествовать по ней можно не всякому съ удовольствіемъ и пользою. Я самъ только теперь умѣю путешествовать, и, можетъ быть представлю доказательства, что въ самомъ дѣлѣ дѣлаю дѣло, тратя много времени и денегъ. Въ Черниговѣ люди живутъ такъ хорошо, какъ только можно желать отъ небольшаго провинціальнаго городка. Работаютъ какъ-то весело,—точно жнецы на собственномъ лану. Особенно пріятная личность—Нисъ [1]), авторъ *Заверухы*, который пришлетъ вамъ много и много драгоцѣнныхъ этнографическихъ матеріаловъ. Это имя у насъ будетъ безсмертнымъ. Это такой человѣкъ, въ которыхъ и историкъ, и поэтъ наиболѣе нуждается. Онъ межъ народомъ—свой, безъ малѣйшей натяжки. Въ сравненьи съ нимъ, я уже джентельменъ, т. е. отрозненный отъ народа недостаточностію народнаго воспитанія. Онъ учится у народа и прекрасно учится. Выше его нѣтъ у насъ этнографа, и нѣкоторая даже ..... умственныхъ даровъ помогаетъ ему черпать матеріалы для этнографіи во всей ихъ чистотѣ, безъ посторонней примѣси.

И у Глѣбова есть хорошіе стихи. Напримѣръ:

Доле моя, нене моя: де ты, озовыся!

Ой на́ що жъ мы любылыся, на́ що розійшлыся...

Никто больше Глѣбова видомъ, манерою и чтеніемъ не похожъ на поэта. Его назначеніе было высокое, и въ иномъ обществѣ, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы превосходный эстетическій критикъ и поэтъ. Но гніющая жизнь въ панскомъ нашемъ сословіи сгубила его. Онъ не живетъ, а отживаетъ, хотя и сама развалина прекрасна въ этой личности, задуманной природою въ самую счастливую минуту.

Здѣшніе сотрудники готовы печатать у васъ въ журналѣ gratis; но я вамъ совѣтую давать имъ какую нибудь плату. Все возвратится вамъ сторицею, потому что вызоветъ много трудовъ, которые безъ того существовать не будутъ. 25 и 30 р. за листъ—плата очень хорошая для нихъ, и они употребятъ эти деньги на пріисканье матеріаловъ, на собраніе свѣдѣній и пр. т. п. Надѣюсь въ Кіевѣ найти отъ васъ письмо.

---

[1]) Ст. Дан. Носъ. „Заверуха“ его разсказъ, напечатанный въ „Основѣ“.

Библиотека "Руниверс"

36.

Іюня 28. (1860) Кіевъ.

Штролингеръ и Дейкунъ (случившійся въ Кіевѣ) сообщили мнѣ, что Литовъ [1]) получаетъ отъ Овсянникова книги, не платя за пересылку. Овсянниковъ подписываетъ такъ: *Литову, коммиссіонеру Публичной Библіотеки*, и отправляетъ въ самую Библіотеку. Тамъ прикладываютъ печать, и почтамтъ отсылаетъ, какъ казенную посылку. Этимъ способомъ Литовъ понижаетъ цѣны такъ, что за Кобзаря беретъ только 1 р. 75 к., т. е. еще четвертакъ и барыша. Постарайтесь пресѣчь это злоупотребленіе черезъ Варфоломеева, одного изъ главныхъ чиновниковъ библіотеки, знакомого со мной.

Мнѣ весело въ Кіевѣ, какъ и въ Черниговѣ. Передо мною совершаются такія чудеса, между прочимъ, что только человѣкъ, перегорѣвшій, какъ я, въ огнѣ страстей, и притомъ человѣкъ честный, можетъ не увлекаться до глупостей, ведущихъ за собой напрасныя сожалѣнія. Я однакожъ изумляюсь: какія бываютъ въ жизни явленія! Какихъ прекрасныхъ тайнъ полна движущаяся передъ нами прозаически жизнь! Какой великій поэтъ сердце человѣческое!.. Но довольно: все равно вы ничего изъ этого не поймете. А разсказывать все—былъ бы трудъ не по силамъ и можетъ быть—напрасный трудъ.

Братьевъ вашихъ я видѣлъ. Предлагалъ имъ немного денегъ,—не взяли. Окончившій курсъ очень полюбился мнѣ, и я желалъ бѣ видѣть его въ Петербургѣ подлѣ васъ. Перезывайте смѣло. Можетъ быть, я самъ его привезу, если буду возвращаться на зиму.

Пишите въ Одессу. Когда выѣду—не знаю еще, но, вѣроятно, скоро.

---

[1]) Тогдашній кіевскій книгопродавецъ.

Библиотека "Руниверс"

37.

1860, Іюля 4. Кіевъ.

Сердытесь, може, тамъ на мене, сердытесь,—лаете, може, тамъ мене, лаете.

А я соби: дарма, дарма!

Я уже писалъ вамъ, что со мною тутъ происходятъ чудеса. Женщины за мной волочатся, какъ за Донъ-Жуаномъ. Это составляетъ и счастье, и несчастье моей жизни. Счастье потому, что я пріятно занятъ и забываю свое поганое прошедшее, а несчастье потому, что романы мои грозятъ мнѣ новыми бѣдствіями. Но судьба хранитъ меня до сихъ поръ чуднымъ образомъ. До сихъ поръ я не сдѣлалъ ни одного шага, въ которомъ бы могъ горько раскаиваться. Мысль у меня стоитъ на стражѣ чувства, и потому я не погружаюсь въ преисподнюю любви. Между тѣмъ человѣкъ открывается мнѣ въ женщинѣ поразительно! Узнавая съ каждымъ днемъ, что такое женщина, я вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣваю лучше и нашего брата, мужчину. Раза два я чуть-чуть было не надѣлалъ глупостей, но именно судьба спасала меня. Теперь я осмотрительнѣе; но никогда не буду считать сближенье съ женщинами недостойнымъ возвышеннаго характера. Это-то и есть именно жизнь; а то, что называютъ жизнью ученые и дѣловые люди, то—надворняя работа. Истинная жизнь въ хатѣ и подъ хатою, въ виду женщины. Все, что вдали отъ нея—эпизоды, вяжущіеся съ главнымъ.

Когда то, во времена оны, Василій Блаженный [1]) высказалъ мнѣ, что въ мои годы не возможно надѣяться любви со стороны женщины, и оно было похоже на истину. Но теперь я убѣдился, что мнѣ надо было пожить на свѣтѣ и только сохраниться въ такой степени, какъ я, чтобы у женщинъ, морально развитыхъ, имѣть полный успѣхъ. Ни съ однимъ юношей не могутъ онѣ быть такъ скоро *своими*, какъ со мною... Но, можетъ быть, вы глумитесь надъ моими письмами и посылаете къ черту всѣхъ

[1]) Одинъ изъ близкихъ Кулишу людей.

Библиотека "Руниверс"

Милитрисъ Кирбитьевенъ. Притомъ же у меня нѣтъ охоты описывать свои исторіи. Скажу только, что я былъ дѣйствующимъ лицомъ въ такихъ сценахъ, которыя до сихъ поръ встрѣчалъ у самыхъ смѣлыхъ и поэтическихъ романистовъ. Скажу болѣе: въ моихъ романахъ участвовали отцы, матери, братья сестры моихъ героинь—творили волю мою. Интрига, соблазнъ никогда не были и не будутъ моею цѣлью. Я хотѣлъ только жить и училъ другихъ, какъ слѣдуетъ жить. Тупость понятій или противодѣйствіе со стороны побочныхъ и сторонніхъ лицъ, портили намъ дѣло, а все таки оно было дѣломъ и останется имъ навсегда для главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Одинъ изъ моихъ романовъ разстроился надолго,—пожалуй навсегда; за то другой вступаетъ въ блистательнѣйшій періодъ развитія. Сколько я узналъ тайнаго, чего не знаютъ люди, живущіе всю жизнь съ моими героинями! Какъ ясенъ для меня дѣлается механизмъ нашей семейной жизни—на разные лады и тоны! И сколько прекраснаго открылось мнѣ! Идеалъ вѣчно будетъ царствовать въ мірѣ; напрасно наши закорявѣвшіе критики вопіютъ противъ него. Но довольно. Описывать разныя встрѣчи кіевскія не буду: вы видите, что я—романистъ по преимуществу. Все прочее для меня болѣе или менѣе—сторона. Выѣзжаю изъ Кіева завтра, одинъ, но проѣхавъ 200 верстъ, буду имѣть попутчицу или попутчицъ. Жажду наконецъ постояннаго мѣстопребыванія и работы,—и къ этому все мнѣ способствуетъ чудеснымъ образомъ, какъ это ни странно вамъ читать послѣ всего вышеписаннаго. Письма мои есть не что иное, какъ уносимые вѣтромъ лоскутки изъ обширной книги: что же вы изъ нихъ поймете? Будьте только спокойны за меня. „Не загынувъ есы у неволи—не загынешъ теперъ на воли“. Въ Одессѣ буду къ 1-му августа, не раньше. Но вы пишите такъ, какъ бы я прямо туда ѣхалъ. Лучше пускай письма меня ждутъ, чѣмъ я писемъ.

Библиотека "Руниверс"

38.

Корсунь. 1860, іюля 9.

Извольте, Данило Семеновичъ, выслать на имя Варѳоломея Григ. Шевченка транспортъ всѣхъ нашихъ изданій на сѣверно-русскомъ и украинскомъ языкахъ въ *Корсунь, кіевской губ.*, кромѣ Гоголя. Вышлите не одинъ, а два ящика. Онъ возьмется за торговлю по ярмаркамъ. У него есть хороши хлопци, а онъ—купецъ и платитъ гильдію. Этимъ способомъ онъ хочетъ попробовать книжную торговлю, а потомъ взяться и за неподвижную, основавши лавку въ какомъ-нибудь удобномъ для этого дѣла городѣ. Высылайте жъ съ назначеніемъ срока, приплативши немного за это лишняго. Нѣтъ, здѣсь будетъ заплачено за книжки т. е. за ящики.

Тутъ мыни добре. Купаюсь гарно въ каскадахъ, и братъ Шевченкивъ—дуже розумный и гарный чоловикъ. Отъ и все. Не люблю богато писаты. Вы мене знаете, а я васъ. Не сумуйте про мене—не зопсуюсь, дарма що нибы-то, байдыкы бью да за жиноцтвомъ знай ганяюсь.

Брошюрокъ прысылайте найбильше.

39.

Гдѣ я теперь? А вотъ гдѣ. Проѣхалъ я изъ Корсуня еще разъ черезъ жидовскій Богуславъ, сдѣлалъ двѣ станціи—и опять зацѣпился, найдя въ Лысянкѣ превосходный садъ. Онъ хорошъ не только рѣкою Тикичемъ, не только скалистыми берегами, но и своею пустынностію. Владѣльцы давно его оставили, и только рыбаки да сторожа владѣютъ имъ. Вчера я купался, бросаясь со скалы въ трехсаженную глубину; потомъ пилъ превосходную воду изъ превосходной каменной криницы, потомъ слышалъ журчанье минеральныхъ ключей, стремящихся въ скалистую и кой-гдѣ окутанную высокими бурьянами рѣку. Деревья тихо шумѣли. Вдали гремѣлъ громъ; тучи величественно надвигались и омрачали водное зеркало. Я рѣшился провести

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ картинномъ уединеньи нѣсколько дней." Въ саду—домикъ на подобіе хатки; въ виду ея—полуразрушенная постройка минеральныхъ ваннъ, въ которой, какъ говорятъ, по ночамъ неистовствуютъ черти. Попробую читать и писать. Еще не знаю, можно ли мнѣ будетъ жить въ самомъ саду. Впрочемъ, онъ—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи, и дорога черезъ огороды.

Какъ пріятно быть любимымъ, Боже, какъ это пріятно! И пустыня населена тогда роскошными грезами, и одиночество—вовсе не одиночество. Еще недавно я получилъ такія письма, которыя вознаграждаютъ меня за многое прошедшее. Теперь только я начинаю жить, и на это у меня самыя отрадныя доказательства. Но не воображайте какой нибудь пошлой исторіи.

. . . . . .

До сихъ поръ я къ нимъ не прикасался, и если это когда нибудь—не скоро, очень не скоро—случится, то не иначе, какъ самымъ достойнымъ человѣка образомъ. Впрочемъ, такая чистая, такая романическая и необыкновенная связь дѣлаетъ остальное почти ненужнымъ. Душа слишкомъ занята, слишкомъ много испытываютъ обѣ стороны.

Но, можетъ быть, въ Одессѣ ждутъ меня ваши письма, требующія немедленнаго отвѣта; а я подвигаюсь такъ медленно впередъ. Вѣрьте, что иначе невозможно. Вы знаете, что я вообще не медлителенъ. Будьте на мой счетъ спокойны, сколько можете. Довольствуйтесь тѣмъ, что я спокоенъ, бодръ духомъ и всѣ мои способности при мнѣ. Вы знаете, въ какомъ я состояніи выѣхалъ изъ Петербурга. Вы сомнѣвались даже, чтобъ я *могъ* успокоиться, и не воротился въ Петербургъ преждевременно. Нѣтъ, я смотрю все на полудень: тамъ соединены для меня всѣ моральные интересы, и не знаю, когда стану смотрѣть на сѣверъ. Побудьте безъ меня малу-толику; дайте мнѣ отдохнуть и обновиться душой и тѣломъ. Это стоитъ всего, что дѣлалъ бы я въ Петербургѣ.

Къ вамъ будутъ доходить нелѣпые толки обо мнѣ. Они доходятъ и до меня. Я смѣюсь безъ всякой горечи. Какъ мало

Библиотека "Руниверс"

люди способны проникать въ истину даже и тогда, когда передъ ними не скрываешься. Чѣмъ проще дѣйствуешь, тѣмъ глубокомысленнѣе они догадываются, въ чемъ дѣло. Здѣсь фантазія у разнокалиберныхъ моихъ судей разыгралась до того, что меня считаютъ какимъ то агентомъ правительства. Кому изъ нихъ придетъ въ голову, что такой человѣкъ, какъ я, ищетъ тихаго убѣжища, какъ подстрѣленная птица? Мой веселый, оживленный видъ, сердечная радость, проглядывающая въ моихъ рѣчахъ о разныхъ разностяхъ—сводятъ моихъ наблюдателей съ ума, и они не могутъ рѣшить, какой именно бѣсъ или какіе бѣсы сидятъ въ этомъ человѣкѣ. А въ немъ тихо поютъ ангелы, но только никому не передаетъ онъ, о чемъ поютъ они. Да и какъ передашь? и кто этого стоитъ?

Пишите въ Одессу. Надѣюсь быть тамъ къ 1-му августа непремѣнно, а пожалуй и раньше. Обнимаю васъ крѣпко.

(1860 г.) Іюля 16. Лысянка.

Получено отъ управляющаго разрѣшеніе занять хатку въ саду, и съ нынѣшняго утра я предаюсь всѣмъ наслажденьямъ бытія: т. е. купаюсь въ рѣкѣ, или беру въ оной постройкѣ ванну желѣзистой, а не то—сѣрной воды. Тутъ же ловятъ рыбу, и я выбираю любую для ухи, которую варитъ рыбалка-дидъ въ казанку. Кругомъ—поля, усѣянныя копами и жнецами. Да, кое-что удается и нашему брату!

40.

Подвижная книжная торговля В. Г. Шевченка опирается теперь на Великанова, который даетъ на первый разъ 500 р. для устройства и выправки въ дорогу возовъ съ книгами, да открываетъ книгами неограниченный кредитъ, а когда дѣло пойдетъ успѣшно, то дастъ Шевченку жалованье, равное нынѣшнему его содержанію, чтобы тотъ оставилъ управительство и и весь отдался книжной торговлѣ. Въ число книгъ для Шевченка намѣшайте молитвенничковъ гражданской печати, да поскорѣе высылайте.

Библиотека "Руниверс"

Сержусь на васъ за нелѣпое ваше молчаніе. Адресуйте теперь письма *въ Ялту, таврической губ.*, на имя *Александра Андр. Иванова, на дачу Абазы.* Въ Одессѣ я другія сутки.

(1860 г.) 22 іюля. (Одесса).

41.

(1860 г.) Іюля 25. Кіевъ.

Насилу добрался до Кіева. На почтовой станціи за Козельцемъ столкнулся съ Александровичемъ [1]), котораго имѣніе въ 4 верстахъ отъ станціи, и долженъ былъ заѣхать еще къ нему на сутки. У него можно будетъ проводить по нѣскольку осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, никого не стѣсняя и не будучи никѣмъ стѣсняему.

Я не понимаю вашего вопроса о моей *внутренней жизни.* Если вы подъ этими словами разумѣете авторство, то я ничѣмъ не могу васъ „успокоить“. И неужели для вашего спокойствія я долженъ вѣчно быть беременною и рождающею женщиною? Я доволенъ своимъ внутреннимъ миромъ—чего жъ вамъ еще больше? Къ Петербургу чувствую отвращеніе и никогда желалъ бы въ него не возвращаться. Мнѣ кажется, что я всего только двѣ недѣли, какъ выѣхалъ изъ этого скопища нечестивыхъ. Но я вовсе не полнѣю, потому что сильно живу и иногда не сплю отъ нервическаго раздраженія. Научился множеству новыхъ пѣсенъ. Въ Петербургѣ у меня не было голосу, а теперь есть. Въ Петербургѣ я былъ такъ подавленъ, что оченъ рѣдко просилъ даже васъ спѣть что-нибудь, а теперь пою или насвистываю безпрестанно. Душевное здоровье мое очень поправилось, и меньше всего я думаю *) . . . . . .

Портретъ Котляревскаго вложенъ въ экземпляры Марка Вовчка, отправленные къ вамъ изъ Борзны.

Книги въ Полтаву пошлите, разумѣется, для продажи. Что за подарки такіе!

---

1) Митрофанъ Николаевичъ.

*) Слѣдуетъ въ двѣ строки пропускъ.

Библиотека "Руниверс"

Великановъ пишетъ изъ Одессы отъ 2 іюня, что у него ужъ почти вышли мои изданія, пріобрѣтенныя отъ Кожанчикова. А вы, вѣрно, до сихъ поръ не собрались послать.

Въ Черниговѣ транспортъ до сихъ поръ не полученъ.

Орисю не худо бы напечатать, вмѣстѣ съ Путешествіемъ по тому свѣту и Очаковскою бѣдою. Можетъ быть, я вышлю сіи послѣднія въ испр. видѣ.

Конечно, вы на чиновническія мнѣнія Блаженнаго не обратите никакого вниманія.

Изъ *Хаты* печатайте что хотите и какъ хотите. Да и вообще поступайте, какъ хотите съ моими сочиненіями. Я не знаю, сколько печатать *Хаты*. Не 600 ли? Любители удовлетворены, такъ едва ли больше раскупится.

Не торопитесь печатать брошюрокъ. Еще будетъ время для Натали, которую надо сократить.

Довѣренность послана изъ Козельца.

Братьевъ найду. Я только вчера пріѣхалъ. Пишите на имя Великанова, а кратко—въ Кіевъ, на имя Хильчевскаго,—на всякій случай.

Быковъ уѣзжаетъ на Кавказъ и передастъ дѣла по изданію въ руки другого зятя, Головни. Я напишу, чтобъ доставили вамъ адресъ, какъ высылать деньги [1]). . . . . .

1) Засимъ слѣдуетъ пропускъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(*По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

(*Окончаніе* [1]).

„*Шведская инкурсія*“. Эта глава едва ли не самая интересная въ книгѣ г. Уманца, такъ какъ въ ней разсказывается заключительный актъ политической жизни Мазепы, который собственно и придалъ имени этого человѣка, можно сказать, всеобщую извѣстность.

Разсказывая объ этомъ драматическомъ эпилогѣ Мазепиной жизни, г. Уманецъ ставитъ три вопроса: 1) измѣняя, чего хотѣлъ Мазепа? 2) Почему не удалась измѣна? и 3) Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ? Исходной точкой для разрѣшенія перваго вопроса служатъ автору слѣдующія положенія:

а) „Глубокій старикъ и бездѣтный вдовецъ, Мазепа, въ случаѣ удачи, не можетъ воспользоваться плодами своей измѣны. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгода, не объясняя измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣль“.

б) „Онъ не могъ работать для родственниковъ; будучи знатокомъ Малороссіи, Мазепа, не могъ думать о наслѣдственной передачѣ гетманства“.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., №№ 3 и 4.

Библиотека "Руниверс"

в) Самъ Мазепа, по свидѣтельству Орлика, такъ выразилъ причины своего замысла, въ рѣчи къ единомышленной старшинѣ: „Присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, и не для оныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властью и региментомъ моимъ зостаючихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчизны бѣдной, Украины, всего Войска Запорожскаго и народу малороссійского, и для подвышеня и розширеня правъ и вольностей войсковыхъ“... Изъ другихъ словъ Орлика можно предполагать, что Мазепа желалъ полной независимости Малороссіи. Къ этому г. Уманецъ добавляетъ: „да и могло ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй, нѣкоторые шансы успѣха имѣла только идея самостоятельнаго государства“.

Значитъ, вотъ чего хотѣлъ Мазепа, по мнѣнію г. Уманца. Свидѣтельству Орлика, о томъ что Мазепа обращался къ старшинѣ съ этою рѣчью, конечно, не представляющею собою буквальнаго ея содержанія, слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ это обстоятельство во время написанія Орликомъ своего письма, могло быть повѣрено живыми свидѣтелями, хотя бы, напр., Апостоломъ. Но дѣло не въ томъ. Насколько патріотизмъ Мазепы былъ искрененъ? Насколько Мазепа на самомъ дѣлѣ могъ имѣть въ виду лишь одно „общее добро отчизны“?

Мазепа гетмановалъ двадцать два года,—время совершенно достаточное для того, чтобы можно было познакомиться, какъ съ общественною его дѣятельностью, такъ и съ личнымъ характеромъ этого человѣка. Правда, источникомъ для такого знакомства служитъ почти исключительно письменный матеріалъ офиціальнаго характера. Мазепинское время бѣдно и чужими, сосѣдними, мемуарами, а своихъ за это время и совсѣмъ нѣтъ; бѣдно оно и другимъ письменнымъ матеріаломъ частнаго характера, напр. частною перепискою. Мало сохранилось бумагъ и мѣстныхъ офиціальныхъ изъ мазепинскаго времени, такъ какъ тѣ архивы, гдѣ хранились бумаги объ офиціальной дѣятельности Мазепы, погибли въ пожарѣ Батурина...

Библиотека "Руниверс"

Что же за человѣкъ былъ Мазепа?—Не смотря на бѣдность матеріала, у историка все же остается извѣстное представленіе о личности этого гетмана послѣ знакомства съ тѣмъ печатнымъ и архивнымъ матеріаломъ о Мазепиномъ времени, который сохранился и извѣстенъ... Достаточно прочтено архивнаго матеріала, касающагося времени Мазепы, и пишущимъ эти строки, при чемъ личность послѣдняго всегда интересовала читающаго, и каждая черта изъ дѣятельности этого гетмана присоединялась къ суммѣ представленій о немъ. Намъ Мазепа представляется, прежде всего, человѣкомъ, любившимъ власть и умѣвшимъ ею пользоваться. Не имѣя семьи, Мазепа личные интересы сосредоточивалъ въ этой самой власти. Близкое знакомство съ польскимъ аристократизмомъ и его личная тенденція къ этому аристократизму дали основаніе Мазепѣ устроить около себя „дворъ“ не съ одними „дворянами“, но и съ подраздѣленіемъ ихъ на *крайчихъ*, *конюшихъ* и проч. Мазепа скоро усвоилъ себѣ тотъ *гоноръ*, который заставлялъ окружавшихъ его людей смотрѣть на своего региментаря если не съ уваженіемъ, то съ преклоненіемъ. Затѣмъ, это былъ человѣкъ холоднаго разсчета, выгоды или не выгоды въ томъ или другомъ дѣлѣ. Природный умъ Мазепы былъ еще изощренъ его жизненными перипетіями и въ особенности частыми сношеніями съ геніальнымъ и сильнымъ *повелителемъ*, въ лицѣ Петра В.—Близкихъ людей, не говоря уже о друзьяхъ, у Мазепы нѣтъ. Да онъ въ нихъ и нужды не чувствовалъ, потому что совершенно удовлетворялся своимъ превосходствомъ надъ окружающими. Самымъ близкимъ человѣкомъ, въ сферѣ официальной дѣятельности, у Мазепы долженъ былъ быть генеральный писарь. Съ перваго дня его гетманства и до 1700 г. должность эту занимаетъ добрый и по своему честный, но вполнѣ безличный (такихъ людей въ Малороссіи называютъ „плохими“)—Кочубей. Никакой оригинальности въ этомъ человѣкѣ не было, но въ ней Мазепа и не нуждался, потому что совѣтники для него были лишними. Ему нужны были у подчиненныхъ: умѣнье и исполнительность. Качества эти у Кочубея, въ сферѣ его дѣятельности, должны были быть потому, что Мазепа очень долго держалъ его около себя

Библиотека "Руниверс"

на писарствѣ. Отношенія съ старшиною у Мазепы были сухія. Кого жаловалъ или кто былъ нуженъ—того онъ щедро награждалъ, а кого не любилъ и за кѣмъ не стояла многочисленная родня,—тѣхъ не миловалъ. Зналъ онъ личныя дѣла своей старшины до мелочей; зналъ, кто богатъ, а кто бѣденъ. Велъ себя съ этою старшиною такъ, что высшіе урядники „Войска“ не смѣли дѣтей женить, „не доложившись“ своему „регименгарю“. Уряды раздавалъ и отнималъ по своему усмотрѣнію. Подарки за уряды бралъ несомнѣнно. Непотизму при Мазепѣ было широкое мѣсто. Въ случаяхъ болѣе или менѣе сложныхъ, хитрилъ и говорилъ одно, а дѣлалъ другое, какъ это дѣлаютъ вообще умные и разсудочные люди.—Такимъ представляется намъ Мазепа.—Для нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь чертъ его характера имѣются прямыя доказательства, для другихъ—сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ, а для третьихъ—та вѣроятность, которая является естественнымъ послѣдствіемъ частыхъ встрѣчъ съ человѣкомъ, хотя бы только и на страницахъ разнообразнаго содержанія документовъ...

Могъ ли быть Мазепа тѣмъ патріотомъ, какимъ онъ себя рисуетъ въ рѣчи къ старшинѣ?—Мы бы сказали, что нѣтъ, основываясь на томъ, что Мазепа въ лѣвобережной Малороссіи былъ человѣкъ чужой, и она ему была чужою... Никакихъ воспоминаній, никакихъ симпатій съ лѣвымъ берегомъ у Мазепы не связывалось. На лѣвый берегъ Мазепа пришелъ, имѣя отъ роду во всякомъ случаѣ лѣтъ подъ сорокъ. Нашелъ онъ здѣсь обстановку частной жизни совсѣмъ не ту, къ которой привыкъ съ молодости. Связью съ лѣвобережной Малороссіей у него служило одно—власть. Не будь этой власти, ему не зачѣмъ было бы оставаться на лѣвомъ берегу; онъ удалился бы на правый берегъ, гдѣ внѣшняя культура у людей была та, съ которою онъ сроднился и отсутствія которой на лѣвомъ берегу онъ, должно быть, не могъ не чувствовать.

Задумавъ отторженіе Малороссіи отъ Московскаго государства, Мазепа разумѣлъ конечно одну только лѣвобережную Малороссію, потому что только надъ нею онъ властвовалъ. Правый берегъ онъ могъ имѣть въ виду лишь въ послѣдствіи...

Библиотека "Руниверс"

Но могла ли быть у Мазепы какая нибудь прочная связь съ лѣвобережнымъ народомъ?—Вѣдь его же долженъ былъ онъ имѣть въ виду, когда произносилъ свою клятву предъ старшиною, а не одну эту старшину: Ломиковскихъ, Максимовичей, Зеленскихъ и другихъ своихъ болѣе или менѣе *близкихъ*... Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, какъ почиталъ народъ Мазепу, но есть отголоски уличнаго мнѣнія о Мазенѣ батуринскаго населенія... Мнѣніе это было далеко не въ пользу гетмана: народъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не оставлявшемъ „мелкихъ, эротическихъ похожденій“ и въ старости... Были и другіе слухи, что достаточно было съ Мазепою „покумиться“, чтобы „ввять власть“ и позволять себѣ насилія... (Опис. Ст. Малор., II, 389). Вотъ этотъ самый Мазепа будто бы задумалъ напречь всю свою духовную мощь, чтобы освободить „отчизну“ отъ гибели московской и шведской! Ничего опредѣленнаго мы не знаемъ о той формѣ, въ которую должна была, по мыслямъ Мазепы, преобразиться освобожденная отчизна. Г. Уманецъ полагаетъ, что имѣлась въ виду „полная независимость Малороссіи“. Дѣйствительно, въ письмѣ Орлика находимъ свидѣтельство, что Мазепа, въ случаѣ первыхъ шаговъ успѣха, предполагалъ писать Петру: „мы, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣ теперь отходимъ и подъ протекціей короля шведскаго *совершеннаго нашего освобожденія будемъ ожидать*“... Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что Мазепа, разсчитывая на затрудненіе Петра В. въ шведской войнѣ и надѣясь на удачу шведовъ, имѣлъ въ виду „отойти отъ Московскаго государства и стать, въ видѣ „свободнаго народа“, подъ протекцію Швеціи... Слѣдуетъ думать, что это былъ лишь временный разсчетъ у Мазепы, такъ какъ Швеція отъ Украины, по своему географическому положенію, была слишкомъ далека. Непосредственными сосѣдями у малорусскаго народа оставались все таки тѣ же—Московское государство, Польша и Крымъ. Среди этихъ народностей приходилось жить Украинѣ въ случаѣ удачи Мазепинаго замысла. Но трудно, да пожалуй и совсѣмъ невозможно было Украинѣ прожить среди этихъ сосѣдей, не попавъ подъ протекцію, а то и подъ ферулу, одного изъ нихъ, какъ это было съ Украиной во

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ предыдущихъ вѣкахъ, начиная съ паденія княжеской Руси. За протекціей Швеціи должна была слѣдовать чья-либо иная... Московская протекція въ этотъ моментъ была уже невозможна, а крымская—и всегда была непрочна и ненадежна. Оставалась протекція—Польши, столь знакомой для Малороссіи по недавнему прошлому, а для Мазепы—по личнымъ къ ней отношеніямъ. Трудно допустить предположеніе, чтобы Мазепа, при его умѣ и опытности, могъ питаться идеей о „самостоятельномъ государствѣ", такъ какъ исторія не представляла такого примѣра въ судьбахъ Украины. Малорусскій народъ, обособленный этнографически, никогда, повидимому, не выразилъ тенденціи къ политическому обособленію, даже въ наиболѣе благопріятный для того моментъ—въ половинѣ XVII в. Едва ли могло быть мѣсто такой тенденціи со стороны народа и спустя болѣе чѣмъ полвѣка послѣ сего момента. Конечно, популярный властелинъ могъ до нѣкоторой степени развить въ народѣ такую тенденцію, но Мазепа такимъ властелиномъ не могъ быть потому, что онъ не пользовался никакою популярностью и вообще далеко стоялъ отъ народа, по условіямъ прежней своей жизни. Поэтому, намъ кажется, что Мазепа, замысливъ отложеніе отъ Русскаго государства, необходимо имѣлъ въ виду постоянную протекцію другого своего сосѣда. Выбора между Крымомъ и Польшею не было. Онъ долженъ былъ разсчитывать прикрыться тѣмъ же польскимъ крыломъ, какимъ полвѣка назадъ думалъ прикрыться и Выговскій. Программа обособленнаго политическаго бытія Малороссіи въ гадяцкихъ „пактахъ" была готова. А по доносу Кочубея, Мазепа ихъ читалъ передъ измѣной, и не одинъ, а въ присутствіи единомышленной ему старшины. Протекцію Польши имѣлъ въ виду Мазепа, когда совѣтовалъ Кочубею не торопиться съ выдачею дочери за Чуйкевича, а подождать, пока явится возможность выбрать жениха изъ числа шляхтичей „зъ лядской стороны" „*якъ будемъ зъ ляхами въ едности*". (Источн. Мал. Ист., Бант.-Кам., II, 101). Въ Польшѣ мы видимъ цѣль Мазепы послѣ того, когда онъ разсчитывалъ, при помощи Швеціи, освободиться изъ подъ ферулы Русскаго государства. Вотъ

Библиотека "Руниверс"

чего хотѣлъ Мазепа!—сказали бы мы въ отвѣтъ на первый вопросъ г. Уманца.

Почему же не удалась измѣна?—Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ сначала на первые шаги Мазепинаго замысла въ его дѣйствіи, когда Мазепа 30 октября 1708 г., покинувъ Батуринъ, направился къ шведамъ. Г. Уманецъ видитъ стеченіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, явившихся послѣ того, какъ Мазепа открылъ свой замыселъ. Первая неудача заключалась-де въ томъ, что Карлъ рѣшилъ идти въ Малороссію, и слѣдовательно направлялъ за собою и армію русскую „на послѣднюю Украины руину". Затѣмъ, будто бы вступленіе шведовъ чрезъ Стародубскій полкъ было роковымъ какъ для шведовъ, такъ и для Мазепы. Это потому-де, что „этотъ полкъ позднѣе сдѣлался независимымъ отъ польскаго владычества, былъ менѣе *проникнутъ* козацкимъ духомъ и ранѣе всѣхъ другихъ вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ... Карлъ и Мазепа, разобщенные отъ Запорожья и приднѣпровскихъ полковъ, ограниченные предѣлами одного Стародубскаго полка, сразу очутились какъ бы въ мѣшкѣ. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, прежде всего отпадала вторая часть плана Мазепы—самостоятельное возстаніе южной Малороссіи и Запорожья... Но у Мазепы остается еще одинъ шансъ: быстрый переходъ шведовъ къ Батурину и далѣе, въ Полтавскій полкъ..." Но Карлъ „почему то медлилъ". Это обстоятельство было причиною, что „вмѣсто того, чтобы, выждавъ шведовъ (въ Батуринѣ?) въ кругу старшинъ, показавъ имъ на югѣ волнующееся козацкое море и поднимающійся народъ на сѣверѣ, идти далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа, Мазепа долженъ теперь самъ спѣшить къ шведамъ на сѣверъ, въ сомнительную Стародубщину, провожаемый отрядомъ *наполовину разбѣжавшихся козаковъ* и *двусмысленными взглядами населенія*, относительно равнодушнаго къ идеѣ независимой Малороссіи"... Къ довершенію полной неудачи, Меншиковъ обошелъ Мазепу и шведовъ и—истребилъ Батуринъ... „Узнавъ объ этомъ, Мазепа сказалъ: Украина устрашенная Батуриномъ, будетъ бояться

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ нами держаться".—Неожиданный приходъ шведовъ въ Малороссію если и нарушилъ планы Мазепы, то все же не долженъ былъ имѣть гибельнаго значенія для его дѣла, такъ какъ для осуществленія этого плана имѣлась въ виду главнымъ образомъ *сила* шведовъ, ихъ превосходство надъ русскимъ войскомъ. Сила эта осталась въ прежнемъ положеніи. Вступленіе шведовъ въ Малороссію чрезъ Стародубскій полкъ тоже, если и имѣло невыгоду для Мазепы, то не потому, что этотъ полкъ „ранѣе вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ" (Рославецъ не представлялъ собою полка и никакой солидарности между Рославцомъ и населеніемъ полка—*не было*), а потому, что полковникомъ въ немъ былъ Скоропадскій, въ которомъ Мазепа положительно ошибся: онъ не сомнѣвался въ единомысліи этого полковника, упустивъ изъ виду, что Скоропадскій былъ безличный и всего боявшійся человѣкъ; боялся онъ и Мазепы, находясь около него, но еще больше убоялся русскихъ войскъ, когда они явились въ Стародубщину. А тутъ прибавился и другой противникъ для Мазепы—новгородсѣверскій сотникъ Жоравка. Вотъ эти два лица сильно помѣшали Мазепѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда онъ имѣлъ хотя какое-нибудь основаніе полагать, что послѣ объявленія своего рѣшенія идти на соединеніе къ шведамъ, онъ не встрѣтитъ „двусмысленныхъ взглядовъ населенія". Г. Уманецъ полагаетъ, что Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу отъ приднѣпровскихъ полковъ и Запорожья, а что еслибы Мазепа, соединившись со шведами въ Батуринѣ, „въ кругу старшинъ" и при наличности не „разбѣжавшихся еще козаковъ", перешелъ на югъ („въ Полтавскій полкъ"), то тогда явилась бы другая картина. Тогда, полагаетъ г. Уманецъ, „заволновалось бы козацкое море на югѣ, поднялся бы народъ на сѣверѣ (т. е. въ той же Стародубщинѣ), и Мазепа пошелъ бы далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа..." Никакихъ основаній для подобнаго представленія въ исторіи не имѣется... Если исключить Запорожье и нѣкоторые по-орельскіе городки (входившіе въ составъ Полтавскаго полка),то нигдѣ, а въ томъ числѣ и въ приднѣпров-

Библиотека "Руниверс"

скихъ полкахъ, за все время восьмимѣсячнаго пребыванія шведовъ въ Украинѣ, мы не знаемъ ни одного случая, когда бы въ народѣ раздался хоть какой-нибудь „кликъ“ сочувствія къ Мазепѣ или когда бы хотя незначительная группа того же народа проявила что нибудь похожее на „возстаніе“ [1])... Дѣйствительно, народъ былъ „равнодушенъ къ идеѣ независимой Малороссіи“, потому что эта идея не помѣщалась въ его сознаніи... Когда народу говорили о возможности освобожденія отъ „московской неволи“, (если только говорили), то онъ, обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ, могъ видѣть только *неволю* польскую. Послѣдняя ему хорошо была знакома съ ея *панами*. Объ уніи мы не говоримъ, потому что уніи лѣвобережная Малороссія не знала, но *пановъ*— съ чужою религіей, съ чужимъ языкомъ и главное—съ безграничною ихъ властью, народъ хорошо помнилъ, потому что въ юридическихъ актахъ, при опредѣленіи событія извѣстнымъ временемъ, то и дѣло слышится изъ устъ народа—„то было за пановъ“; не говорили, что то было „за ляховъ“ а именно— „за пановъ“, потому что на лѣвомъ берегу Днѣпра не „ляхи“ дали себя знать (т. е. не преслѣдованія, напр., религіозныя), а „паны“, т. е. гнетъ экономическій. „Панами“ опредѣлялось время польскаго владычества. Послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины и послѣ присоединенія послѣдней къ Москвѣ, народъ освободился отъ неограниченной власти *пановъ*-

---

1) Къ Днѣпру прилегали слѣдующіе полки: Кіевскій, Переяславскій, Лубенскій, Миргородскій и Полтавскій. Если къ нимъ присоединить небольшой Прилуцкій полкъ и южную часть Нѣжинскаго, то и явится *вся* степная Малороссія (такъ называемыя—*Поля*). Посему указаніе г. Уманца на приднѣпровскіе полки нѣсколько неясно. Не Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу съ *Полями*, а Нѣжинскій. Кромѣ Запорожья, участіе въ „измѣнѣ“ Мазепы принимало отчасти и населеніе По-орелья, всегда находившееся въ единеніи съ ближайшими своими сосѣдями— запорожцами. (Это обстоятельство и было источникомъ для замѣчанія извѣстнаго епископа Мефодія, что „запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой“). Объ участіи по-орельскихъ городковъ въ „измѣнѣ“ имѣются два свѣдѣнія: 1) у Костомарова („Мазепа“, 520), объ „истребленіи всѣхъ жителей“ Малчки и Нехвороща и 2) въ хроникѣ Крекшина (Библ. для Чтенія 1850 г., т. 97 п., отд. Ш, стр. 81), гдѣ читаемъ: „изъ Мачковъ (Малчки) измѣнники козаки ушли до Царичинки и тамъ засѣли, и для взятья оного мѣста посланъ бригадиръ Эгеймъ“.

Библиотека "Руниверс"

поляковъ. Если, на смѣну ихъ, къ началу XVIII в. и народились новые паны, то разница между ними и поляками была огромная: сколько селъ въ Малороссіи было *ратушныхъ*, вовсе не знавшихъ новыхъ пановъ, и какъ легки были переходы изъ одного села въ другое! Ничего не стоило покинуть жестокаго пана, нужно было лишь пожертвовать *грунтомъ*, а свободныхъ грунтовъ было много. Тяжелы были для народа лѣвобережной Малороссіи гетманскія междоусобицы, когда проходившія войска, свои, русскія, а подъ часъ и татарскія, „выбривали“ [1]) цѣлыя села. Но съ уходомъ со сцены Брюховецкаго и Дорошенка, эти междоусобицы кончились. Послѣ этого, начиная съ Многогрѣшнаго, тяжела стала народу воинская повинность и содержаніе войскъ, какъ своихъ (охотницкихъ), такъ въ въ особенности русскихъ. Во всякомъ случаѣ, при сравненіи тѣхъ условій народной жизни, которыя имѣли мѣсто при полякахъ и которыя настали послѣ изгнанія ихъ,—нечего было и говорить, что народъ возвращаться къ „ляхамъ“—желать не могъ. Ферула „москалей“ была гораздо легче: во второй половинѣ XVII вѣка народъ далеко отошелъ отъ того своего состоянія, которое давало полякамъ основаніе называть этотъ народъ *быдломъ*... Вотъ при такомъ то положеніи народа сравнительно съ недавнимъ его прошлымъ, замыселъ Мазепы оказывался дѣломъ чуждымъ этому народу. По этой причинѣ и не могла удаться измѣна Мазепы,—отвѣтимъ мы г. Уманцу, думающему иначе. Г. Уманецъ говоритъ, что „надежда найти въ Москвѣ управу на старшину рано заставляетъ народъ обратить сюда свои взоры“ и что „украинскій народъ, даже не любя Москвы, тяготѣлъ къ ней и тормозилъ предпріимчивость старшины“. Мы думаемъ, что г. Уманецъ ошибается: при Мазепѣ и раньше народъ еще не искалъ въ Москвѣ управы на старшину да и не могъ искать потому, что съ этою Москвою у него почти вовсе не было отношеній, если исключить 1666—68 годы. Народъ не чувствовалъ, повидимому, никакого влеченія къ „москалямъ“ вслѣдствіе ужъ очень большого несходства въ характе-

[1]) Выраженіе того времени. См. Дн. Зап. Марковича, II, 10.

Библиотека "Руниверс"

рахъ и домашней обстановкѣ, но Польши народъ боялся и къ Польшѣ онъ ни за что бы не вернулся... Вотъ гдѣ нужно искать, повторяемъ, главную причину несочувствія народа къ замыслу Мазепы. Несочувственно относилась къ замыслу Мазепы и старшина. Трудно, чрезвычайно трудно возстановить психологію той старшины, которая слушала присягу Мазепы и на что-то надѣялась, чего-то искала... Намъ кажется, что всѣ эти Ломиковскіе, Горленки, Максимовичи, Чуйкевичи, отцы семействъ и державцы богатыхъ маетностей, всѣ они были какъ бы подавлены своего рода внушеніемъ со стороны Мазепы... Всѣ эти патерфимиліасы жили вполнѣ обезпеченною жизнью, наслаждаясь властью, соединенною съ богатствомъ. Чего они могли опасаться?—что Москва „примется“ за нихъ, какъ за своихъ враговъ“? (разговоръ Меншикова съ Мазепою въ Кіевѣ, въ 1706 г.). Думается, что для этого у „Москвы“ не было никакихъ основаній. Подвыпившій Меншиковъ могъ высказывать свои задушенныя мысли, указывавшія его личную тенденцію возобладать богатою *маетностями* Украиною, но въ дѣйствіяхъ царя въ это время ничего еще не было видно, что бы указывало его намѣреніе „приняться“ за старшину. Намъ кажется, что и старшина не могла искренно внимать Мазепѣ и если не противорѣчила ему, то потому, что почти лишена была способности разсуждать. Одинъ изъ вліятельныхъ людей въ кругу первостепенной старины, генер. обозный Ломиковскій („лысый чортъ“) относительно замысловъ Мазепы, такъ говорилъ среди собратовъ: „куды-де его милость добродѣй, туда и намъ треба“. (Источн. Мал. Ист., II, 113). Орликъ говоритъ, что два полковника (Апостолъ и Горленко) бывшіе „начальнѣйшими“ и „паче иныхъ болшое до Мазепы дерзновеніе имѣвшіе“, особенно настаивали у гетмана на томъ, что дальше-де невозможно оставаться подъ властью „Москвы“ и необходимо перейти скорѣе къ осуществленію замысла. Что касается Апостола, то это былъ своего рода мечтатель, и очень возможно, что онъ былъ искренно расположенъ къ замыслу. Не смотря на свой личный антагонизмъ къ Мазепѣ, Апостолъ былъ единомышленникомъ послѣдняго въ

Библиотека "Руниверс"

замыслахъ объ измѣнѣ, будучи раздражаемъ тою тяготою, которую народъ испытывалъ отъ московскихъ „консистентовъ", а съ другой стороны—по личному своему характеру, ничего не загадывая о дальнѣйшемъ будущемъ Украины... Горленко былъ „подъуфалымъ сыномъ" Мазепы и во всемъ вторилъ патрону... Другая старшина, повидимому, молчала, прійдя къ одному заключенію, что „куды его милость добродѣй, туды и намъ треба"... Но внутреннее разъединеніе старшины съ гетманомъ обнаружилось уже черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она молча пошла за своимъ регимантаремъ изъ Батурина къ шведамъ... Съ одной стороны „разбѣжавшіеся козаки" (т. е. войско), а съ другой „двусмысленные взгляды населенія" сразу показали старшинѣ, что замыселъ ихъ гетмана въ народѣ не отозвался ни однимъ откликомъ и явился личною авантюрою стараго гетмана, не хотѣвшаго забыть Польшу...

Способность малорусскаго народа къ политическому самочувствію доказана возстаніемъ Хмельницкаго. Съ одной стороны, тяжесть польскаго ярма, а съ другой стороны, прямая цѣль всѣхъ дѣйствій Хмельницкаго—снять съ народа это ярмо,—воодушевили малорусскій народъ въ половинѣ XVII в., и его возстаніе тогда стало общимъ. Могло ли быть что-нибудь подобное при Мазепѣ?—Съ одной стороны, неясность для народа той цѣли, къ которой стремился Мазепа, а съ другой—полная отчужденность гетмана отъ народныхъ интересовъ,—не могли дать никакихъ положительныхъ результатовъ въ „измѣнѣ" Мазепы, которая поэтому и является въ исторіи Малороссіи личною авантюрою Мазепы, повторившаго такую же авантюру своего предначинателя Выговскаго.

Обѣляя Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что „вообще онъ не былъ золъ" и что „лишняя жестокость не въ его характерѣ" (стр. 371 и 374). Исторія не сохранила намъ частностей ни о добрыхъ, ни о злыхъ дѣлахъ Мазепы. Но можно предполагать, что Мазепа могъ спасти Григорія Самойловича отъ казни и во всякомъ случаѣ могъ устранить ужасную жестокость этой казни („голову оттяли, рубаючи разовъ три—задля болшой муки", Са-

Библиотека "Руниверс"

мовид., 79). Есть указаніе на мстительность Мазепы, напр., въ его отношеніяхъ къ Василію Борковскому и Константину Солонинѣ...

Разрѣшая послѣдній вопросъ, касающійся „измѣны“ Мазепы—какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ?—г. Уманецъ говоритъ: „измѣна временъ Мазепы, съ ея неудачнымъ концемъ, была необходима для того, чтобы, разъ навсегда, *покончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу.* Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя обязательны въ начальный періодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро выработалась новая формула патріотизма“... (стр. 406). Такъ ли это?—Имѣетъ ли историкъ основаніе выводить подобное заключеніе изъ тѣхъ фактовъ, которыми сопровождалась Мазепина „измѣна“?—Намъ кажется, что нѣтъ, и вотъ почему: „масса“ въ „иллюзіяхъ“ Мазепы и ближайшихъ его наперсниковъ—не участвовала, а потому и не отъ чего ей было отрезвляться; одинаково и „народному чувству“ не было повода старую дорогу (какая бы она ни была) мѣнять на „новую“. Старшинскія „иллюзіи“ дали народу лишь новыя причины для упрековъ противъ нея, потому что ближайшими результатами Мазепиной „измѣны“ явились: огромная убыль народныхъ силъ, какъ слѣдствіе шведской „руины“ и сильное умаленіе автономіи края.

Что же слѣдуетъ сказать въ концѣ концовъ о результатахъ взятаго на себя г. Уманцомъ „пересмотра стараго, забытаго дѣла“ (предисл.)?—Разставаясь съ книгою Ф. М. Уманца, мы лично пожалѣли, что для этого „пересмотра“ авторомъ употреблено, видимо, недостаточно времени, а это не дало ему возможности ближе познакомиться съ соціальнымъ бытомъ лѣвобережной Малороссіи въ втор. полов. XVII в.; его изученіе за послѣднія два-три десятилѣтія настолько подвинулось впередъ

Библиотека "Руниверс"

что историку уже видны главныя черты тогдашней *народной жизни* съ ея положительными и отрицательными сторонами. Намъ кажется, что при большемъ времени г. Уманецъ если и не смогъ бы смыть съ Мазепы „темныхъ красокъ", то во всякомъ случаѣ представилъ бы намъ его время въ болѣе вѣрномъ освѣщеніи, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги г. Уманца мы видимъ, что его освѣщеніе не всегда вѣрно.—Возьмемъ для примѣра указаніе г. Уманца на состояніе грамотности въ Малороссіи втор. полов. XVII в. Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету.—„Уваженіе науки и *желаніе показаться* безграмотнымъ какъ то мирно уживаются въ Малороссіи того времени. Такое странное сочетаніе требуетъ объясненія. Прежде всего, въ Малороссіи *какъ будто бравируютъ безграмотностью.* Даже несомнѣнно грамотные старшины, случалось, поручали за себя росписываться. Такъ, напр., при выборѣ Самойловича, за полковника Дмитрашка Раича—серба по происхожденію и сербская грамотность котораго видна изъ другихъ актовъ, расписывается козакъ Бувайло. Подобное, но еще въ большемъ размѣрѣ видимъ на Запорожьѣ..." Примѣръ Запорожья—„городамъ" не указъ, скажемъ мы. Въ Запорожьи жили „характерники", въ обиходѣ которыхъ дѣйствительно практиковались разныя причуды, съ помощью которыхъ запорожцы хотѣли прослыть хитроумными Улиссами; но въ гетманщинѣ указываемаго г. Уманцомъ явленія, повидимому, вовсе не было... Примѣръ Дмитрашка не годится уже и потому, что это былъ *сербъ*, а затѣмъ умѣніе писать сербскія каракули [1]) еще не обозначало той грамотности, съ которою Дмитрашко могъ безъ стѣсненія дать свою подпись на актѣ объ избраніи гетмана. Утверждаемъ, что не было „такой моды", а слѣдовательно не могло быть и мотивовъ ея. „Гетманы и старшины или пишутъ, какъ каллиграфы, или объявляютъ себя неграмотными", говоритъ г. Уманецъ, при чемъ какъ на объявившаго себя неграмотныхъ указываетъ на гетмана Михайла Дорошенка (1625 г.), не имѣя ни малѣйшихъ дан-

[1]) Снимокъ съ нихъ см. въ Кіевск. Стар. 1893 г., апрѣль, 28. Этими *каракулями* написано: *„Дмитрашко Райца рукою своу попысуу"*.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ для заключенія о его грамотности [1]). „Однимъ изъ мотивовъ такой моды, читаемъ далѣе у г. Уманца, служитъ желаніе дать себѣ наиболѣе демократическій оттѣнокъ. Какъ теперь, государственные люди Америки охотно приписываютъ себѣ карьеру чернорабочаго, такъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, *возникъ запросъ на людей, проложившихъ дорогу безъ книжнаго образованія* (?). Другой мотивъ—въ выгодахъ безграмотности. Она давала козаку XVI вѣка (XVII-го?) возможность не подписать такую бумагу, *за которую въ недалекомъ будущемъ приходилось отвѣчать головою* (?). *Этимъ объясняется поразительное множество подписей „за неумѣющихъ грамотѣ“ на актахъ, совершенныхъ во время поѣздки Брюховецкаго въ Москву.* Какъ будто, для поѣздки въ Москву, Брюховецкій нарочно бралъ лицъ, незнакомыхъ со школой! Но люди, сопровождавшіе Брюховецкаго, *просто не хотѣли подписывать* документъ, которымъ гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ челомъ ударили великому государю всѣми малороссійскими городами и съ уѣзды“, и вдругъ, повально, почти всѣ оказались неграмотными“ (стр. 108). Обращаемся къ этому документу и видимъ, что изъ высшихъ урядниковъ неграмотными значатся: ген. обозный Цесарскій, генер. судья Петръ Забѣла, генер. есаулы Василій Федяенко и Павелъ Константиновъ, генер. бунчучный Иванъ Михайловъ, генер. хоружій Николай Яковлевъ и полковники: переяславскій (наказный)—Романенко, нѣжинскій,—Гвинтовка, зеньковскій—Шиманенко, бывшій стародубскій—Петръ Рославецъ и бывшій полтавскій—Гуджолъ. (Источн. Малор. Ист., Бант.-Кам., I, 189—139). Но тутъ же, на этомъ актѣ, видимъ и грамотныхъ: кіевскаго полковника Василія Дворецкаго, лубенскаго—Григорія Гамалѣю и „посланца“ отъ полка Черниговскаго—Ивана Домонтовича (ошибочно назван-

[1]) Сдѣлана ссылка на то мѣсто „Возд. Хмельн.“ Костомарова (I, 83), гдѣ сказано: „новоизбранный гетманъ Михайло Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Бурчевскій) присягнулъ на вѣрность“... Рѣчь идетъ о договорѣ, заключенномъ между польскими коммиссарами и козаками у оз. Курукова. См. Арх. Ю. З. Россіи, ч. III, т. I, стр. 284—292. Значитъ, по мнѣнію г. Уманца, Мих. Дорошенко долженъ былъ быть грамотнымъ потому только, что онъ былъ гетманомъ...

Библиотека "Руниверс"

наго Ромонтовымъ), будущаго генер. судью.—Г. Уманецъ говоритъ, что повальное неграмотство явилось именно среди лицъ, поѣхавшихъ съ Брюховецкимъ въ Москву, но на „статьяхъ" постановленныхъ съ гетм. Брюховецкимъ" *въ Батуринѣ*, въ ноябрѣ 1664 г., видимъ тѣхъ же неграмотныхъ: генер. обознаго Цесарскаго, генер. судей Незамая и Петра Забѣлу, генер. есауловъ Афанасьева и Нужнаго и полковниковъ: прилуцкаго Песоцкаго, нѣжинскаго Гвинтовку, лубенскаго Вербицкаго, зеньковскаго Шимана (Шиманенка—тожъ) стародубскаго Плотника и полтавскаго Гуджола, (стр. 129—130). А кіевскій полковникъ Дворецкій и тутъ показываетъ сеня грамотнымъ.—Слѣдовательно не въ Москвѣ только являлось „повальное" безграмотство. Но къ этому мы должны добавить, что изъ ѣздившей въ Москву старшины *дѣйствительная* неграмотность намъ извѣстна по другимъ актамъ—генер. судьи Петра Забѣлы и полковниковъ Гвинтовки и Рославца, а изъ лицъ, подписавшихъ актъ 1664 г. дѣйствительно неграмотными были полковники Вербицкій, Песоцкій, и Плотникъ. Остальная старшина, показанная неграмотною, конечно таковою и была. Да, трудно было и быть иною старшинѣ Брюховецкаго, поставленной, по выраженію Грабянки [1])—„зъ гультяйства запорожсквго", на что указываетъ и Самовидецъ, говоря, что эти полковники были назначены Брюховецкимъ вслѣдъ за поставленіемъ его на гетманство: „и выйшовши зъ церкви (послѣ присяги), Брюховецкій того жъ дня своихъ полковниковъ понастановлялъ *зъ тихъ людей, которые зъ нимъ выйшли зъ Запорожа, по усѣхъ городахъ* (стр. 41). Нисколько неудивительно поэтому, что старшина Брюховецкаго почти „повально" была неграмотною. Но повторяемъ, что и до Брюховецкаго среди генеральной старшины и полковниковъ *очень часто* были люди неграмотные, а въ средѣ низшей старшины безграмотство было почти „повальное". Никакого, поэтому „сокрытія грамотности" въ Малороссіи подозрѣвать нельзя.

---

[1]) Опущенное въ печати мѣсто на стр. 196. См. Кіевск. Стар. 1894 г., нояб. 298.

Библиотека "Руниверс"

Въ заключеніе, сдѣлаемъ одно добавленіе къ свѣдѣніямъ о матери Мазепы, полученное нами уже тогда, когда мы оканчивали наши „замѣтки". Еще Максимовичъ (Соч., I, 200 и слѣд.) отмѣтилъ, что въ числѣ лицъ, записанныхъ въ именной „Реестръ" луцкаго правосл. братства, значится и „Марина Мазепина", но какая это была Мазепина—не поясняетъ. На дняхъ мы узнали отъ О. И. Левицкаго, что указанный Максимовичемъ подлинный „Реестръ" хранится въ библіотекѣ Кіевской Археографической Коммиссіи, и обратившись къ этой рукописи, на обор. 11-го листа нашли такую запись: „Марина Мазепина, подъчашина черниговска". Изъ указанія на чинъ ея мужа, мы видимъ, что это была жена (или вдова) *подчашаго черниговскаго*, т. е. Адама Мазепы, а слѣдовательно, это была *мать гетмана Мазепы*. Записана „Мазепина" въ „Реестръ" постороннимъ лицемъ потому, что почеркъ записи совершенно отличенъ отъ дѣйствительнаго почерка матери гетмана, снимокъ съ котораго приведенъ у насъ выше, и кромѣ того, запись сдѣлана *русскими буквами*, а такъ какъ въ 1701 году, уже будучи игуменьей, Мазепина подписывалась польскими буквами, то слѣдуетъ думать, что мать гетмана порусски писать не умѣла, какъ это тогда было въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ изъ записи луцкаго братскаго „Реестра" мы видимъ, что мірское имя матери гетмана было Марина.

А. Лазаревскій.

Библиотека "Руниверс"

СЕЛИМОВЕЦЪ.

I.

Въ южномъ концѣ Харьковской губерніи, въ углу, образуемомъ рѣкою Донцомъ и Бахмуткою (его правымъ притокомъ), лежитъ степная мѣстность, очень благодатная: почва здѣсь состоитъ изъ хорошаго суглинка и чернозема, а вдоль Донца разстилаются тучные луга; на тѣхъ лугахъ красуются то въ одиночку, то группами сосны, тополи, ве́рбы, ло́зы; а за ними, у самой рѣки, синѣетъ лѣсъ—и конца ему не видно. Онъ смотрится въ рѣку—глубокую, чистую и быстро текущую. Тамъ, въ дальнемъ разстояніи къ западу, верстахъ въ 10 отъ Донца, луга сливаются съ основаніемъ высокаго и почти отвѣснаго Донецкаго кряжа, въ долинѣ котораго течетъ Бахмутка. Пространство вдоль Бахмутки совершенно безлѣсное, но тоже очень красивое: на горизонтѣ, куда ни взглянешь, рѣютъ длинные-длинные пологіе холмы и долы, прихотливо расположенные, покрытые зеленымъ травянистымъ ковромъ, пестрѣющіе тамъ и сямъ бѣлыми полосами мѣлового грунта. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ возвышенная равнина отвѣсно спускается къ лѣвому берегу Бахмутки. Отъ рѣки къ сѣверу на разстояніи 2—3-хъ верстъ равнина постепенно понижается до подножія высокой мѣловой цѣпи Донецкаго Кряжа. Въ долинѣ, у основанія этой цѣпи, расположено село *Селимовка* (оно-же Шаховка).

Библиотека "Руниверс"

Верстахъ въ семи отъ Селимовки къ сѣверу, у подножія той-же цѣпи находится поселеніе „Рѣзниковые Хутора“.

Въ семидесятыхъ годахъ настоящаго вѣка поселеніе это состояло почти изъ трехъ сотенъ казенныхъ крестьянъ, предки которыхъ пришли сюда изъ Гетманщины. Рѣзниковцы—люди очень зажиточные. Незнавшіе крѣпостной зависимости, они были весьма трудолюбивы, а земли у нихъ много, и земля та очень плодородна. Донецъ—рукою подать; а у Донца роскошные луга, лѣса и гаи. Всего вдоволь у нихъ: всякаго хлѣба, скота и разнаго хозяйственнаго добра. Землею владѣютъ Рѣзниковцы сообща и живутъ тихо и мирно. Каждый хозяинъ пользуется столькимъ количествомъ земли, сколько душѣ его угодно.

Вотъ въ этотъ тихій и мирный уголокъ явился панъ. Это было въ послѣдней четверти прошлаго вѣка. Онъ назвалъ себя Александромъ Шаховымъ, родомъ изъ Гетманщины, малороссійской породы; прикинулся бѣднымъ, несчастнымъ и обиженнымъ; по злобѣ и зависти полковая старшина отняла у него маетность; просилъ у Рѣзниковцевъ *невеличкого шматка* земли, чтобы было гдѣ *прытулытысь* ему, имѣть спокойное житіе, да съ холоду и голоду не пропасть.

Довѣрчивые Рѣзниковцы сочувственно отнеслись къ незнакомцу.

— А земельки у васъ, Слава Тебѣ Господи, есть, я слыхалъ, не мало! говорилъ Шаховъ.

— Та земли е, Слава Тоби Господы!

— Далы-бъ вы мени трошки земельки, хоть шматочокъ, щобъ, якъ кажуть, голову прытулыть було де! Я-бъ вамъ за тее заплатывъ, скилько положите...

— Чомъ не даты бидному чоловикови! Ось помиркуемо мижъ собою, тай дамо якій шматокъ!

— А тимъ часомъ чи позволыте маненькс угощеніе вамъ зробыть за вашу ласку?.

— Чомъ не позволыть! Робить, якъ це не буде обидно вамъ.

— Отто! Для добрыхъ людей и послидню копійку рубомъ поставлю!

Библиотека "Руниверс"

— Що-жъ вы зъ тою землею будете робыты и за вищо вы купыте ій, якъ у васъ кишеня пуста?

— Та я-жъ не збесимъ якъ бы то нышій! У мене трошки худобы есть, та де-яка сотня рубливъ есть,—прыпрятавъ, бачите; а то-бъ и те заграбувалы!

Вралъ пришлецъ; а у него была туго набитая *кишеня*.

— Робить угощеніе!.. Дило добре! А мы помиркуемо— говорили Рѣзниковцы.

Пока Рѣзниковцы *миркувалы* между собою о дарованіи Шахову *шматка* земли, онъ, пріютившись у одного изъ нихъ, приготовилъ приличное угощеніе!

Пригласилъ къ себѣ десятка два наиболѣе вліятельныхъ людей, задалъ имъ преизрядное количество *горилки* и *меду*, съѣли *баранця*, была поросятина и многое другое лакомое. Не забылъ пришлецъ и бабъ: этихъ онъ угощалъ все медкомъ да *любенько* припрашивалъ ихъ. А жена его все кланялась бабамъ да *частувалась* съ ними, *любенько* упрашивая выпывать *солодкого*. Чрезвычайно какъ понравились Рѣзниковцамъ Шаховы— мужъ да жена. Особенно пріятное впечатлѣніе произведено было, когда эта жена пошла танцовать съ ними козака.

Во время веселаго пира Рѣзниковцы опредѣлили отвести любезному гостю *шматочокъ* земли десятинъ двадцать пять.

— Живить соби на здоровье та корыстуйтесь! Мы чоловику доброму та сусиду тыхенькому ради!—говорили Рѣзниковцы, увлеченные любезнымъ угощеніемъ отъ гостя, принятаго ими къ себѣ въ сосѣди.

Послѣ пира Шаховъ занялся устройствомъ усадьбы: поставилъ *будынокъ*, развелъ садокъ, насадилъ всякихъ овощей, вспахалъ и засѣялъ поле.

Шаховъ и жена его трудились въ потѣ лица на отведенномъ имъ клочкѣ, что нравилось Рѣзниковцамъ; а еще болѣе нравилась Рѣзниковцамъ привѣтливость Шаховыхъ. Когда кто-нибудь изъ хуторянъ заходилъ къ нимъ по дѣлу или случайно, всегда любезно былъ принимаемъ и изрядно угощаемъ. Во дни-же именинъ, въ лѣтніе и осенніе праздничные дни частенько

Библиотека "Руниверс"

Шаховъ приглашалъ къ себѣ рѣзниковскую громаду на чарочку вина; но какая это была чарочка! Пиръ—горою, дымъ—коромысломъ въ домѣ и во дворѣ у него.

Въ ближайшемъ городѣ Изюмѣ Шаховъ тоже завелъ хорошія знакомства, подарочками да угощеніями снискалъ къ себѣ благорасположеніе нужныхъ ему чиновныхъ особъ.

Такъ прошло два года. Шаховъ нашелъ возможнымъ приступить къ совершенію давно задуманнаго дѣла: почва для этого дѣла была достаточно подготовлена. Онъ съ нѣкоторымъ трепетомъ дожидался своихъ именинъ: думалъ, что именины будутъ очень удобнымъ моментомъ для дѣла.

— Мабуть, и теперечки сусидъ нашъ зробе добри именыны, якъ и перше!—Теперечки, мабуть, будутъ ще бильшъ гарни именыны! Бо винъ за нашу ласку все бильшъ до насъ прыхильный становытся!—Такъ толковали между собою Рѣзниковцы, высчитывая по пальцамъ день именинъ ихняго *прыхильного* сосѣда.

Сосѣдъ Шаховъ уже за недѣлю началъ готовиться къ самому великолѣпному празднованію дня ангела своего.

— Бачъ, якъ мы угадалы! Тамечки, братьци, у двори у Шахова таке робытся!.. Три куфы горилки прывизъ, меду такого багацько варять, чотырёхъ кабанивъ заколовъ, зъ десятеро валашкивъ заризавъ, тарани та чахони та оселедцивъ ажъ два возы набравъ!..

— Оце такъ-такъ!.. То булы дуже весели именыны, а ци будуть, мабуть, вже таки весёли, що и загадаты не можно!

— И що то воно значить, що винъ дуже прыхильно угощае насъ?

— А значится, винъ хоче намъ выкласты усю свою душу! Дуже, значится, люде насъ!

Такъ разсуждали между собою Рѣзниковцы, примѣчая, какъ готовится Шаховъ къ именинамъ.

Насталъ день именинъ. Съ ранняго утра къ Шахову начали собираться Рѣзниковцы. Въ раннюю обѣденную пору

Библиотека "Руниверс"

начатось угощеніе. Обѣдъ длился добрыхъ часа три. *Горилка* изъ куфъ серебристой струей лилась, медъ пѣнился въ *поставцяхъ* и ковшахъ, рѣчи веселыя рѣкой текли и шумѣли. Съ *горилкой* Шаховъ придерживался: такъ, чарокъ по десяти только хватили; для предстоящаго дѣла надобно было, чтобы люди *не попилися* преждевременно.

—Спасыби вамъ, Александръ Грыгоровычъ, що вы такъ любенько, та гарненько, та смашненько угощаете!!

—Пошлы вамъ, Господи, такого щастя, що вже луччого щастя и нема на свити Божому! говорили гости.

— Спасыби и вамъ, люде добри!.. Э, я ще-бъ лучче прыймавъ добрыхъ людей, якъ бы було мени де розвернутысь!... Булы-бъ оттутъ на столи фазаны и венгерьске оттутъ шумило-бъ.

— О, тай добре-жъ це выно! Вже таке браве, що мабуть на свити луччого й нема! Якъ прыйиздывъ я до гетьмана у Глухивъ, та куштувавъ венгерське! Якъ выпывъ чарку, такъ, братци, вси жижки у мене затрусылысь, неначе-бъ то мене смашненька молодычка поцилувала!—сообщилъ Михайло Прищепа, старый бывалый козакъ.

Ой, тай выно-жъ! Яке-жъ воно солодке та крипке! воскликнули другіе.

— А що-жъ-то воне таке—хвазаны? Що вже це за штука?

— А птыця така! Вона сяе, якъ сонце, якъ жаръ блыщить а въ роти такъ и тае! объяснилъ Шаховъ.

— Жаръ-птыця, чи що?

— Ото-то, ото вона сама! подтвердилъ Шаховъ.

— Оце така дывовына, братци!.. Та и якъ ій знайты и якъ ій піймать?—Эге! ій ніякъ не піймать! утверждали другіе.

— До чого люде не доходять? До всёго люде теперечки доходять! объяснилъ глубокій старикъ Тарасъ Соловина.

— Такъ ось чимъ васъ, добрящихъ людей я угостывъ-бы, якъ бы було де мени розвернутысь! повторилъ Шаховъ.

— Якъ розвернутысь?

Библиотека "Руниверс"

— А такъ значить, якъ бы у мене було хоть трошки бильшъ земли! Якъ-бы вы далы мени ще трошки земли! У васъ земельки есть, Слава Богу! Якъ можно, прыризалы-бъ мени яку десятынку!

— Чомъ не можно! Доброму чоловикови, Александру Грыгоровычу, удовольствіе треба зробыть! Прырижемо, братци, яку десятынку Александру Грыгоровычу?

— Чомъ не прыризать! Якъ прыризать—той прыризать! Значится, за добро добромъ!

— Ото спасыби, люде добри, за вашу ласку! кланяясь благодарилъ добрыхъ людей Александръ Григорьевичъ.

По этому случаю выпили шумно круговую чару. Обѣдъ кончился. Не успѣли встать изъ-за столовъ, какъ загудѣлъ бубенъ, зазвучала бандура, раздались пѣсни, зашумѣли танцы.

Рѣзниковская громада, мужчины и женщины, раздѣлились на группы.

Пили медъ и заѣдали сластями. Александръ Григорьевичъ собралъ возлѣ себя кучу наиболѣе вліятельныхъ хуторянъ, угощалъ ихъ то медомъ, то славнымъ яблочнымъ квасомъ, да все ладилъ одно и то-же.

— Отъ якъ-бы мени хоть трошки земельки! Тоди-бъ я, люде добри, захазяйнувавъ на вси лады! Якъ бы можно было дать мени хоть стилечки земли! говорилъ Александръ Григорьевичъ и показалъ мизинецъ.

— Чомъ не можно! Хиба вона у насъ купована, чи що! говорили многіе.

— Шо тамъ трошки! Якъ даваты—такъ даваты, щобъ знать було! Хиба у насъ земли мало, чи що!? Земли у насъ выдымо-невыдымо!

Такъ хмѣльные головы развивали вопросъ, поставленный Александромъ Григорьевичемъ.

— Велыке спасыби, добри люде! говорилъ Шаховъ, кланяясь добрымъ людямъ и подливая имъ въ ковши медъ.

— Такъ, значить, дасте мени яку десятынку?

— Дамо! Дамо!

Библиотека "Руниверс"

— Та що тамъ—яку десятынку!..

— Отмиряемо, братци, скильки души нашій захочется!— кричали хмѣльныя головы.

— Колы-жъ вы будете одмирять? вкрадчиво спросилъ Шаховъ.

— Та колы?.. завтра, абб-що! сказали нѣкоторые.

— Та воно завтра якось не ладытся! На похмилье якось важко! поставилъ на видъ Тарасъ Солонина.

— Эге, справди, що воно такъ!

— Знаете, що братци? заразъ оце визьмемось—тай одмиряемо! Якъ даваты, такъ зразу даваты! возгласилъ Степанъ Зозуля, схватившись съ ослона, сильнѣе другихъ раскраснѣвшійся отъ меду.

— Якъ такъ—зразу? спросили.

— Та такъ! пійты зарaзъ, тай одмирять! хиба воно довго, чи що!—объяснилъ Зозуля.

— Оце саме добре! подхватили немногіе.

— Пидъ веселу руку воно якось дило буде и скорійше, и прямійше и смашнійше!—медленно и громко преподалъ наставленіе старикъ Василій Рудый, не глядя ни на кого, какъ бы разсуждая самъ съ собою, причемъ слегка пошатывался на ослонѣ, и на усахъ его искрились капли меда.

— Бачите, и Васыль каже! Винъ слова даромъ не выпусте! Винъ усе мудре каже! кричалъ Зозуля.

— Пидъ веселу руку усяке дило робытся и спишно, и утишно! пояснилъ Рудый, погружая усы въ медъ.

— Воно и справди! Заразъ будемо миряты! Якъ мирять—такъ мирять! закричало большинство.

Пока шло это совѣщаніе, Александръ Григорьевичъ не промолвилъ ни единаго словечка; онъ все только подливалъ въ ковшики то меду, то яблочнаго квасу.

— Александръ Грыгорьевычъ! Оце мы порадылысь, та заразъ одмиряемо вамъ яку десятынку! сказала застольная компанія.

Библиотека "Руниверс"

— Люде добри! Я вже не знаю, якъ и дякувать вамъ! сказалъ Шаховъ низко кланяясь. Помолюсь Богу, щобъ Богъ внушивъ моему сердцю пиднесты вамъ велыку та превелыку благодарнисть!

— А тимъ часомъ ось давайте намъ ципивъ та килкивъ! А може у васъ нема?

— Есть, есть! И метнулся Шаховъ къ сараю. У него напоготовѣ были и цѣпи, и колья. Не прошло двухъ минутъ, какъ явились снаряды для отмѣриванья земли.

— Будемо рушаты! сказали, вставая изъ-за столовъ.

Рушили медленно. Одни пустились танцовать козака вокругъ *молодыцъ* и *дивчатъ*; другіе искали своихъ женъ, чтобы *пидъ веселу руку* обнимать и цѣловать ихъ; третьи выискивали меду и квасу. Наконецъ, громада съ кольями и цѣпями вышла со двора. Стали совѣщаться, гдѣ отмѣрять. Рѣшили начать вблизи двора и идти по направленію Бахмутки въ двѣ стороны, двумя партіями, одна—направо, другая—налѣво.

Началось отмѣриванье. Лѣниво забивались колья, медленно протягивались цѣпи.

— Писля такого обида воно якось не тее! сказали нѣкоторые.

— Якось важко!..

— Якось воно буде дуже довго! говорили.

Эге, якось така одмирка—не тее!

— Оце буде сама лучча одмирка! воскрикнулъ Зозуля, быстро схвативъ съ головы шапку и такъ сильно махнувъ ею, что она съ шумомъ полетѣла довольно далеко. Зозуля побѣжалъ вслѣдъ за шапкой.

— Оце такъ-такъ!

— Отъ ловку штуку выдумавъ!

— Тай брава-жъ яка выдумка!

— Весела штука! И дило зробымо и протрусымось, бо засыдились за обидомъ!—заорала толпа.

Множество шапокъ и брылей закружилось въ воздухѣ. Люди помчались въ догонку за ними.

— Чорта зъ два! Не выпередышь мене!

Библиотека "Руниверс"

— Адже и швыдкій, катъ его ма!

— Ось якъ! крикнулъ Гаврило, взмахнувъ брылемъ, и брыль далеко понесся, подхваченный вѣтромъ.

— Оце такъ шпурнувъ!

— А я ще ось якъ! заоралъ Уласъ; шапка его полетѣла, какъ пуля.

— Адже и прутко поперъ! весело возгласили.

Такъ увлеклись Рѣзниковцы состязаніемъ въ бѣгѣ и въ метаніи шапокъ.

— Дывысь, що роблять! Неначе зъ ума посходылы!

— Чи тожъ-таки у такій часъ та таке дило хиба роблять люде?

— Одмирять земли, та ще й шапкамы! Ачъ играшку яку завелы! Неначе мали диты! Такъ говорили бабы, которыхъ тоже хорошо угостила Шахова медомъ да сластями!

— Та то воны шуткуютъ! говорила Шахова, продолжая угощеніе.

— Хиба що такъ! Якъ шуткують, то воно ничо́го—соглашались бабы.

Шаховъ не ожидалъ столь пріятнаго развитія дѣла. Глядя на происходящее, отъ прыгалъ отъ радости. Надо посодѣйствовать этому, надо поддать жару. Быстро приготовилъ онъ двѣ повозки, нагрузилъ ихъ кольями, закусками, баклажками и боченками. На одной повозкѣ самъ сѣлъ; а другую поручилъ своему вѣрному и расторопному слугѣ Паньку.

— Ты-жъ, Панько, бижи за тымы, що ударылысь до Донця! Якъ нагонышь ихъ, то почастуй ихъ,—нехай одпочинуть. Та прыдержуйся—багацько не давай: бо якъ попьются, той дила не дороблять! Та ладь такъ, щобъ частише прысидалы. А де прысядуть, ты килка и забый!

— Добре! сказалъ Панько, понявъ суть наставленій.

Двѣ повозки разомъ помчались со двора.

— Та гляды, килкивъ не забувай забывать! Килкивъ не забувай! Чуешь? кричалъ Шаховъ Паньку.

Библиотека "Руниверс"

— Чую!.. Добре!..

Приближаясь къ состязательной компаніи, Шаховъ вытянулъ руку вверхъ и показалъ компаніи чарку.

— Ти—и! ловка штука яка! восклицали всѣ.

— Въ чистимъ поли—на роздоли погуляють козаки! Потанцюють, зацокочуть и чарки!—отчеканивалъ Зозуля, отплясывая въ присядку козака.

— Що? Що се таке? спрашивали Шахова, когда онъ приблизился.

— Бачите, що! сказалъ онъ, указывая на грузъ въ повозкѣ.

— Тай славна-жъ выдумка яка!

— Александръ Грыгоровычъ що выдума, такъ неначе масломъ помаже!

— А нуте, братци, по чарочци! возгласилъ Александръ Григорьевичъ.

Началось *по чарочци*.

— Дай-же, Боже, щобъ вамъ ще краще було у насъ житы! Пошлы вамъ, Господы, усякого добра та щастя! говорили Рѣзниковцы.

— Спасыби, люде добри! Спасыби!—отвѣчалъ Шаховъ, кланяясь низенько.

Давши двѣ чарки, Шаховъ прекратилъ угощеніе. Онъ занялся лошадью: внимательно и кропотливо выправлялъ гриву и упряжь.

— Куды-жъ вы теперь? спросили его.

— Куды вы, туды й я!

— Щожъ, пробижимось ще!? крикнули нѣкоторые.

— Адже пробижимось!

— А ну, братци, навыпередки! Хто кого выпередыть тому перша чарка!

Помчались *навыпередки*, съ какимъ-то азартомъ бросая впередь шапки и брыли. Шаховъ, когда компанія побѣжала, забилъ скоренько столбикъ на мѣстѣ остановки да и потрюхалъ,

Библиотека "Руниверс"

держась сзади въ нѣкоторомъ отдаленіи. Пробѣжали добрую версту. Послѣдовала вторая остановка и угощеніе.

— Отъ якъ-бы тутечки було зо́ дви чи зо́ три молодычки! Отъ бы ловко було тутечки потанцюваты!.. Ще веселійше було-бъ за баба́мы! замѣтилъ кто-то.

— Хе—хе,яка-жъ славна штука була·бъ!.. Цебъ вже була така ловка выдумка, що хто его зна и яка! подхватили другіе.

— Э, подумалъ Шаховъ, вы здѣсь съ молодицами залюбезничались-бы и затанцовались—и дѣла не сдѣлали-бы.

— Ще буде время потанцюваты! сказалъ онъ. Ось са́ма лучча баба!—И показалъ чарку.—Ця никблы не куса́! А та часомъ и укусе!

— Ловко сказано! До дила сказано! Це сама суща правда, заключили.

— А ну, поцилуймося зъ цією бабою!

Выпили по чаркѣ.

— Далеби, що не куса!

— Эхъ, що такъ—то такъ! Чарка меду лучче бабы—въ самый смакъ! приговаривали, кружась и пускаясь въ присядку.

Бѣги съ бросаніемъ шапокъ все уменьшались по длительности. Было нѣсколько остановокъ для отдохновенія. Направленіемъ бѣговъ руководилъ именинникъ, забивая столбики на каждомъ остановочномъ пунктѣ.

Панько на другомъ концѣ работалъ тоже съ немалымъ успѣхомъ.

— Кринки, кринки на ногахъ! Никого буде пидбираты!— кричали ему издали.

— Той добре, що кринки! Ось по чарочци пропустить!— объявилъ Панько, подъѣхавъ.

— А, тай пидходяще-жъ дило яке! воскликнули.

Панько выставилъ баклажки и угощалъ разными настойками.

— А-ну мерщи, давай ще! просили Панька, выпивъ по стаканчику настойки.

Библиотека "Руниверс"

— Э, а пробижиться трошки ще! рѣшительно отвѣчалъ Панько.

— А-ну, братци, трошки ще!

— А-ну, хто дальше кине!

И они опять побѣжали, бросая шапки впередъ. Панько скоренько забилъ въ землю колъ и медленнымъ шагомъ поѣхалъ.

— Та ну вже трюхай—чи що! кричали Паньку издали.

Панько потрюхалъ.

— И чого тамъ такъ довго барывся! А тутъ вже и въ горли пересохло!—говорили ему, когда онъ приблизился.

Зазвенѣли стаканчики,—смаковали настойку.

— Дывысь, и килки забравъ! На вищо воны здалысь?—смѣялись надъ Панькомъ.

Хиба замитно, де шапка упаде? Це таку одмирку робымо, що й слида катъ ма!

Хитра и ловка одмирка выдумана!—подсмѣивались, выпивая по другому стаканчику настойки.

— Ще пробижить яки гоны!—совѣтовалъ Панько.

— А е настойка?

— Ого, скильки вгодно е!—отвѣтилъ Панько.

— А-ну, братьци, трошки ще, навыпередкы—або що!

И понеслись *навыпередкы*, кидая брыли и шапки то вверхъ, то впередъ. Послѣ состязательнаго бѣга выпили по три стаканчика. Панько теперь указалъ направленіе дальнѣйшаго путешествія.

— Недалеко вже ричка, покупатысь воно славно було бъ!

Предложеніе Панька одобрили.

— Эге, воно теперечки якъ-разъ пидъ стать! Добре Панько надумавъ!

Пошли къ рѣкѣ. Выкупались. Съ большимъ аппетитомъ выпили и закусили. Возвратились къ имениннику сокращеннымъ путемъ—*навпрямкы*. Одни шли, другіе бѣжали, нѣкоторыхъ подвезъ Панько. Онъ и этотъ путь отмѣтилъ тамъ и сямъ кольями.

Библиотека "Руниверс"

Когда Панько прибылъ во дворъ, еще не было Шахова. Шаховъ явился со своей компаніей, едва только солнце стало спускаться за горизонтъ. Во дворѣ было очень шумно, жизнь кипѣла ключемъ: вблизи воротъ дѣвушки и парни танцовали *метелыцю*, а другіе дѣвушки пѣли пѣсни; посреди двора играла *музыка* и земля гудѣла,—отъ пляски раздавались одобрительныя восклицанія тому, кто выкидывалъ ловкую фигуру. Тѣмъ временемъ хозяйка приготовила *вечерю*, а хозяинъ разставилъ новые запасы водки, меду, квасу и настоекъ.

Вечеръ провели очень весело.

— Э, тай добре-жъ пьется и йистся у такого доброго хозяина!

— Та таки и прогулялысь, кажить, на свижому воздуху та по чистому полю!

— Авже-жъ и ловко прогулялысь та пробигалысь!—говорили Рѣзниковцы.

— И дило зробылы!—подсказалъ хозяинъ.

— Якось спишно и утишно зробылы! прибавилъ Рудый, выпрямившись и оглядывая всѣхъ.

— А вже и справди, що утишно!—отвѣтили нѣкоторые.

Послѣ довольно продолжительнаго затишья, снова на срединѣ двора заиграла *музыка*, и пуще прежняго загудѣла отъ танцевъ земля. Хохотъ, пѣсни и пляски, питье меду и настоекъ продолжались до полуночи.

— Завтра-жъ, якъ повстаетѐ, тай до мéне заразъ! Похмиляться будемъ! Прошу покорно!—говорилъ Шаховъ, прощаясь съ гостями.

— Дило добре! Спасыби!

Выпроводивъ гостей, Шаховъ отправилъ Остапа, тоже вѣрнаго слугу своего, въ Изюмъ съ письмомъ къ двумъ чиновнымъ особамъ.

— Та гляды, не кажы Ризниковцямъ, куды ты йиздывъ! Отдасы пысьмо, одпочинешь якій часъ, та и додому потрюхаешь. Та гляды, шобъ Ризниковци не зналы, де ты бувъ!—наставлялъ Остапа господинъ.

Библиотека "Руниверс"

Утромъ на другой день послѣ именинъ сошлись люди. За тѣми изъ болѣе важныхъ, которые не являлись, отъ Шахова посылано было.

— Зъ нызевькимъ поклонсмъ Александръ Грыгоровычъ просять васъ!—говорилъ имъ посланецъ.

Приходившіе къ Шахову гости были какіе-то вялые, невеселые, хватались за головы свои и зѣвали во весь ротъ.

— Якъ учóра було весело, такъ сёгодня якось нудно. Неначе хто килка у голову забывъ! Тай нóги тежъ—неначе хто ихъ поперебывавъ!—говорили многіе.

Скоро чарочки сдѣлали свое: гдѣ дѣлись вялость и боль головы,—всѣ сдѣлались такіе веселые, бодрые, говорливые.

— Воно-бъ, я кажу, обвесты-бъ плугомъ ту земельку, що учора одвóдылы вы мени!—совѣтовалъ Александръ Григорьевичъ повеселѣвшимъ гостямъ.

— А хиба воно знать, де одводылы? слида жъ, здается, якось не намичалы!—спрашивали они.

— А я-жъ, де булы остановки, килочки позабывавъ.

— Хиба-жъ таки справди? съ удивленіемъ воскликнули многіе. Ачъ якій догадлывый Александръ Грыгоровычъ!

— Ось пидить подывится, що такъ!

— Богъ зъ нымъ! Вже учора добре набигалысь! рѣшительно возопило большинство.

— Отъ тоби й на! Такъ якъ-же, хиба вже и пропадаты тому, що учора на поли робылы?

— Чомъ пропадаты! Обводьте плугомъ, якъ кажете! Якъ вы кажете?

— Отъ килочка до килочка, я-жъ кажу, можно и позначить линію: вона буде коротенька та пряменька!—убѣждалъ Шаховъ.

— Ото й добре! Одъ килка до килка такъ й рижьте!—весело предлагали гости любезному Александру Григорьевичу, чокаясь съ нимъ.

— А для порядку визьмить зъ собою Кандыбу, Реву та Перепелыцю, або ще кого; воны—люды степенни!—посовѣтовалъ

Библиотека "Руниверс"

Солонина. Воны будутъ доглядать линію одъ килка до килка! Щобъ вона була ривна та ривна, якъ струна! А по цій мови будьмо здорови!—докончилъ Зозуля.

Съ увлеченіемъ чокались и желали, чтобы линія была *пряменька та гладенька.*

Шаховъ подхватилъ Кандыбу, Реву и Перепелицу, пригласилъ ихъ сѣсть на повозку и покатилъ со двора.

А плугъ съ шестью парами воловъ еще съ ранняго утра былъ наготовѣ. Онъ началъ свое дѣйствіе, какъ только гости Шахова повеселѣли.

Шаховъ проѣхалъ легкой рысцой вдоль первой линіи. Свѣжій и глубокій слѣдъ ея внимательно осмотрѣли Кандыба, Рева и Перепелица. Шаховъ остановился возлѣ перваго кола. Здѣсь и плугъ остановился.—Оце перва линія пройшла! Бачыте, яка пряма!

— Та бачимо!.. Тай богацько якого воливъ!—воскликнули спутники Шахова. Навищо воно стилько худобы до едного плуга?

— А щобъ скоришe зробылось!

— А вже и справди, що якось швыдко все робытся!—замѣтили спутники.

— А зачимъ гаять время!.. Мерщи, по стаканчику!—предложилъ Шаховъ.

Рева, Кандыба и Перепелица выпили по стаканчику сорокалѣтней вишневки.

Прошли плугомъ линію до другого кола.

— Адже и ривна... якъ струна!—замѣтили Рева, Кандыба и Перепелица.

— Бачыте, робытся, якъ казалы! Будьте здорови!—пожелалъ Шаховъ и пригубилъ стаканчякъ наливки; а спутники осушили до дна свои стаканчики.

— А нуте, ще! предложилъ онъ.

— Цiеи можно ще! Дуже брава! Такъ и повзе, якъ масло!—говорили.

Библиотека "Руниверс"

Выпивши еще по стаканчику, Перепелица, Рева и Кандыба уже не замѣчали третьей линіи; они разомъ и быстро заснули на повозкѣ.

Спутники храпѣли на повозкѣ, а Шаховъ рѣзалъ линіи, какъ хотѣлъ. Онъ описывалъ отъ кола до кола пребольшія дуги. Когда дѣло было окончено, онъ разбудилъ Реву, Кандыбу и Перепелицу.

— Отъ добре выспалысь, такъ-такъ! А вы що робылы?— спросили они Шахова.

— А я на четвертій линіи остановывся, та все дожыдався, якъ вы повстаете, тай самъ заснувъ. Оце проснувся, пройшовъ пяту линію; а оце вже послидня шоста остается!

То й добре! Рижьте шосту!

Прорѣзали небольшую линію и погладили ее—завершили дѣло сорокалѣтнею.

Возвращаясь до своей компаніи, Рева, Кандыба и Перепелица были въ отличномъ расположеніи духа: они славно выспались и столь-же славно подправились великолѣпной наливкой.

— А що, поробылы линію? спросила ихъ компанія.

— Поробылы!.. Ажъ шисть зробылы! Та таки прями! говорили они, умолчавъ о томъ, какъ они *доглядалы* работу плуга.

— А вы, люде добри, кажить, скучалы тутъ? заговорилъ Шаховъ.

А, де вже тамъ скучаты! Марѳа Лукьянивна вже такъ любенько та гарненько биля насъ ходыла!

А Марфа Лукьяновна, какъ только исчезъ мужъ ея, приступила къ гостямъ и такъ нѣжно ухаживала за ними, такими вкусными блюдами и напитками угощала, такія пріятныя рѣчи имъ говорила, что они уши развѣсили и пальцы свои облизывали.

— Такъ, значить, началъ Шаховъ, на тій земли, що позначена, що плугомъ обведена, вже можно мени и робыты?

— Адже можно!

— Такъ я за вашу ласку тежъ хочу васъ благодарыты, пріймить одъ мене сотъ зъ пять рубливъ!

Библиотека "Руниверс"

— Ото! хиба земля у насъ миряна, чи що? хиба вона у насъ купована! Якъ не мирялы, то й миряты не будемо! Якъ не куповалы, то й продаваты не будемо! Корыстуйтесь до кинця вику свого, а потимъ зновъ земля та прывернется до насъ— отъ що!—выкрикивали хмѣльныя головы.

— Спасыби вамъ, добри люде! спасыби! Вже не знаю, якъ и благодарыть вамъ! Такъ ось що! ствердимъ дило наше, що, значить, вы одвелы мени землю, ось чимъ! И Шаховъ указалъ на оброслій мохомъ боченокъ. Оце вышнивка стара! Мій дидъ выдержувавъ ій 40 литъ, батько мій выдержувавъ ій 30 литъ, та я беригъ ій, якъ око свое, биль ше 20 литъ!..

— Отъ добро яке!—воскликнули.

— И цёму добру кинець прійшовъ!

Шаховъ открылъ чопъ и подставлялъ стаканчики. Искрилось столѣтнее доброчуднымъ гранатовымъ цвѣтомъ.

— Ачъ яке самоцвитне та густе!

— Збрызнемъ нею, сполоснемъ цимъ добромъ ту землю, що вы одвелы мени! сказалъ Шаховъ.

Це вже такъ збрызнемо и сполоснемо, що ажъ до кинця вику свого спомынаты будемъ!—возгласили гости.

— Будьмо здорови! говорилъ любезный хозяинъ, чокаясь.

— Будьмо! отвѣчали и выпивали.

— Ця ще лучче, якъ та! Та ловка була, а ця вже така брава, що хто его зна и яка! говорили Рева и Перепелица.

— Эге, та була дуже смашна, а ця не въ прымиръ смашнійша! подтвердилъ Кандыба.

— Яка—та? спросили.

— А та, що мы пылы, якъ обводылы землю плугомъ! Таку ловку пылы, що й не зхаменулысь, якъ на вози уси трое поснулы. И Александръ Грыгоровычъ спавъ,—объяснилъ Кандыба.

— Якъ-же вы плугову линію робылы?

— А такъ, що якъ проспалысь, то зновъ линію робылы! объяснилъ Рева.

Едва успѣли выпить по второму стаканчику, какъ шасть— во дворъ двѣ чиновныхъ особы изъ Изюма. Они объявили, что

Библиотека "Руниверс"

были въ одномъ мѣстѣ по дѣлу, и вотъ мимоѣздомъ почли долгомъ посѣтить любезнаго Александра Григорьевича да подночевать у него. Александръ Григорьевичъ разсыпался въ любезностяхъ, благодарилъ почетныхъ гостей за посѣщеніе, предложилъ имъ яствіе и питіе.

— Це васъ самъ Богъ прынисъ до мене! говорилъ Шаховъ, угощая чиновныхъ гостей. А тутъ люде добри добре дило мени зробылы!

— Какое дѣло? спросили чиновныя особы.

— Земельку мени далы!

— Сегодня, мерщи, вже и плугомъ обвелы! объяснилъ Кандыба.

— Дѣло славное! И за цѣну уже сошлись? спросили особы.

— За яку тамъ цину?! Такъ—подарувалы! Александръ Грыгоровычъ душу намъ свою выклада, то й мы выклалы ему свою душу,—объяснили Рѣзниковцы.

— Доброе, доброе дѣло! говорили чиновники. Поступаете по евангельскому слову. И дарственную уже выдали?

— А на вищо вона здалася та дарственна? воскликнули Рѣзниковцы.

— Какъ на что? А по закону безъ дарственной записи невозможно владѣть недвижимымъ имуществомъ.

— Воно и для памяти славно було-бъ добристь вашу на лысти написать!—вкрадчивымъ и сладкимъ голосомъ сказалъ Шаховъ, преклоняя голову предъ Рѣзниковцами.

— Какъ-же безъ листа! какъ вы, значитъ, листа дарственнаго не дадите Александру Григорьевичу, то будете платить за эту землю всѣ тѣ повинности, какія долженъ онъ платить. И потомъ судъ отберетъ эту землю у Александра Григорьевича, и вы заплатите штрафъ за то, что на ту землю не выдали ему дарственной. И что за земля безъ дарственнаго листа? Фу!—вотъ она что!—разъясняли чиновныя особы.

— Та що-жъ, якъ воно треба, пышить лыстъ! сказали Рѣзниковцы.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ обильнаго угощенія Шаховъ уединился съ чиновниками—и скоро написали они купчую крѣпость. Въ ней подробно были указаны всѣ примѣты границъ, намѣченныхъ плугомъ. Тѣмъ временемъ Марѳа Лукьяновна нѣжно ухаживала за добрыми людьми. Рѣзниковцамъ былъ прочитанъ листъ.

— Такъ, добрые люди?—спросили чиновники, окончивъ чтеніе.

— Такъ! Такъ! Самисенько такъ!—утверждали хмѣльныя головы.

— А теперъ польемо цей лыстъ! предложилъ Шаховъ.

Славно поливали листъ разными настойками.

Третій день провели Рѣзниковцы тоже во хмѣлю у Шахова. Даже и на четвертый день явились къ нему нѣкоторые и *выправлялись* отъ трехдневнаго пированія. Нѣкоторые-же на четвертый день отправились осматривать ту черту, которую ихній хлѣбосолъ намѣтилъ плугомъ.

— Оце такъ-такъ! Оце такъ одмахнувъ!.. Це мы одмахнулы, братци, добру половыну своеи земли! Отъ тоби й на!.. съ ужасомъ говорили Рѣзниковцы.

Шаховъ отмахнулъ, какъ потомъ оказалось по измѣренію, до 10 тысячъ десятинъ земли. Вотъ сколько земли накидали шапками хмѣльныя головы!

Отправились Рѣзниковцы къ Шахову и убѣждали его, чтобы онъ удовольствовался небольшимъ количествомъ земли; вѣдь онъ и просилъ у нихъ *де-яку десятынку*. Шаховъ весьма ласково принялъ Рѣзниковцевъ, угостилъ и успокоилъ ихъ.

— Черезъ висимъ литъ, якъ захочете, я прыверну вамъ цю землю, та каждый годъ буду давать вамъ пьяту часть урожая, та заразъ высышлю вамъ 500 рубливъ, та хаты вамъ останутся ти, шо я пороблю,—треба-жъ мени людей добуть до роботы на цю землю,—говорилъ Шаховъ.

— Та воно такечки-бъ ничого! Воно ще добре було-бъ!—соглашались Рѣзниковцы и отъ денегъ теперь не отрицались.

— Здается, якійся лыстъ на цю землю пысалы?

Библиотека "Руниверс"

— Пысалы! Ось цей лыстъ!—И Шаховъ прочиталъ Рѣзниковцамъ тотъ листъ. На немъ было написано все то, что онъ имъ о землѣ только-что сказалъ.

— Якъ такъ, то нехай буде такъ!—утвердили Рѣзниковцы.

Новая сдѣлка была завершена новой выпивкой.

Немедленно Шаховъ началъ работать на землѣ, накиданной ему шапками. Въ теченіе трехъ лѣтъ возлѣ двора его образовалось болѣе двухсотъ хатъ. а въ нихъ жило до шестисотъ крестьянъ. Отъ крестьянина Шаховъ требовалъ только двухъ рабочихъ дней изъ недѣли. Онъ чрезвычайно ласково обходился съ крестьянами и нѣсколько разъ въ годъ дѣлалъ имъ угощенія, подобныя извѣстнымъ намъ именинамъ. Вновь прибывшихъ онъ кормилъ досыта и до отвала по воскреснымъ да по праздничнымъ днямъ, для чего были выставляемы на площади куфа горѣлки, медъ и столы съ печенымъ, жаренымъ и варенымъ. Молва о такихъ дѣяніяхъ Шахова распространилась далеко-далеко. Онъ ни самъ никуда не ѣздилъ за людьми, ни пословъ не посылалъ за ними, ни объявленій не оглашалъ. И люди шли къ Шахову изъ разныхъ мѣстъ—изъ новороссійскихъ степей, изъ Подоліи, Волыни и Кіевской губерніи. А онъ подсмѣиваясь говорилъ: „Сиди себѣ дома да сели мовча.“ Такъ произошло названіе села *Селимовка*.

— Ачъ якого людей набравъ! Це взявся хозяйнуваты та обробляты нашу землю на вси заставки! говорили Рѣзниковцы, глядя на происходящее.

— Такого людей настягавъ, шо не будемо знаты, що зъ нымы робыты!

— Що робыты!? Якихъ выселымо, а яки будуть намъ за землю усякого добра даваты, скильки захочемо! утѣшали себя Рѣзниковцы.

По истеченіи пяти лѣтъ Шаховъ уже не принималъ крестьянъ, приходившихъ къ нему для поселенія: такъ много онъ набралъ ихъ молча.

Въ теченіе тѣхъ-же пяти лѣтъ Шаховъ давалъ Рѣзниковцамъ нѣкоторую часть урожаевъ и по прежнему угощалъ ихъ.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, онъ сразу оборвалъ отношенія къ нимъ: прошелъ шестой годъ, ни одного угощенія не послѣдовало, никакого зерна не дано Рѣзниковцамъ.

— И що то воно значить? спрашивали одни другихъ.

— А то, що земля наша мабуть пропала! Мы вже ненужни ему!—отвѣчали другіе.

Отправленная къ Шахову депутація убѣдилась въ справедливости этого соображенія. Онъ теперь прямо открылъ Рѣзниковцамъ глаза.

— Ото дурни! высокомѣрно сказалъ онъ, закатившись ядовитымъ смѣхомъ.—А вы думалы, що я вже оттакъ постоянно и буду тратытысь на васъ!

— Та ще чого добраго и земли не отдасте намъ? сердито бросили Шахову вопросъ Рѣзниковцы.

— Не отдамъ и земли, бо я купывъ ии у васъ, и купча у мене есть!

— Яка купча?! Що це вы!..

— Така... вамы пидпысана!

— Що це вы? съ изумленіемъ спрашивали Рѣзниковцы. Хиба мы продавалы вамъ землю?! Хиба можно стильки земли за 500 рубливъ продаты? Це вже якась пидвоха!

— Купча у мене есть... вамы пидпысана!

— Це пидвоха!.. Це здерство якесь!.. Мы свою землю визьмемо одъ васъ! Ничого тутъ балакаты бильшъ!—кричали Рѣзниковцы уходя.

— Побачимъ, чи визьмете! смѣясь говорилъ Шаховъ.

— Побачите! Побачите!

— Бачъ, яка штука вышла! Оце такъ обдурывъ, клятый якій! Ще й насмихается!

— Сами выновати—кажить! Якъ бы не попылыся, не обдурывъ-бы! Ти именыны довго будемо памятувать!—изъяснялись между собою Рѣзниковцы, шествуя домой.

— Депутація объявила односельчанамъ, что услыхала отъ Шахова. Рѣшили, какъ только наступитъ весна, выѣхать съ плугами на землю, которою завладѣлъ Шаховъ, поорать ее и

Библиотека "Руниверс"

засѣять. Наступила весна. Выѣхали Рѣзниковцы на эту землю, часть ея поорали, а остальную часть оставили для сѣнокоса.

— Отъ и дилу кинець! радовались Рѣзниковцы.

— Пооралы, а теперечки будемо сіяты! А якъ вырoсте трава, будемо косыты! Ось побачимо, якъ винъ буде нызенько кланятысь намъ та прохаты на угощеніе!—смѣялись Рѣзниковцы.

— Чорта зъ два! Вже не пидемо на угощеніе! знаемо вже, до чого воно, чортово, доводыть!

Недолго радовались Рѣзниковцы. Какъ только явились они сѣять, ихъ не допустили до этого сотни крестьянъ, высланныхъ Шаховымъ на эту часть тоже для сѣянія. Попробовали было Рѣзниковцы силою взять пооранное; но куда мѣряться имъ съ сотнями людей, преданныхъ своему барину!

— И оранка наша пропала! говорили Рѣзниковцы, возвращаясь домой съ тѣмъ зерномъ, что приготовлено было для сѣянія.

— Те-жъ саме буде, якъ прійдемо косыты!

— Эге, ничого и думаты объ тимъ! Треба у суди правды шукаты! У суди докажемо, якъ винъ у насъ землю узявъ! Усе дочиста розскажемо у суди!—рѣшили Рѣзниковцы.

Съ той поры они и начали въ судѣ искать правды и доказывать. Судъ вытягивалъ деньги съ той и другой стороны—у Шахова и Рѣзниковцевъ, а дѣло затягивалъ и запутывалъ. Лѣтъ десять возились Рѣзниковцы съ Александромъ Шаховымъ, да сорокъ лѣтъ судились съ двумя наслѣдниками—сыновьями его; топтались они по разнымъ судебнымъ порогамъ, бывали не одинъ разъ въ Петербургѣ. Въ концѣ концовъ вышло рѣшеніе, утвердившее Шаховыхъ въ правахъ на спорную землю.

— Оце вже зовсимъ дилу кинець! На вики земля наша пропала! Де вже таки зъ паномъ тягатысь та правды шукаты!. Хочъ то добре, що вже не будемо тратытысь!—говорили сыновья тѣхъ, что шапками отмѣряли Шахову землю.

Библиотека "Руниверс"

II.

Александръ Шаховъ оставилъ сыновьямъ своимъ вполнѣ благоустроенное и богатое владѣніе—болѣе тысячи крестьянъ обоего пола и немалую площадь земли, отхваченной у Рѣзниковцевъ во время достопамятныхъ именинъ.

Родные братья Шаховы, Аврамъ и Иванъ, получивъ громадное наслѣдство, оставили военную службу и начали хозяйничать. Владѣніе отца они раздѣлили пополамъ, устроили каждый въ своей части, на окраинахъ села, великолѣпныя усадьбы. Къ своимъ крестьянамъ они сначала относились такъ-же ласково и благодѣтельно, какъ отецъ ихъ; но воскресныя угощенія водкой да горячими пирогами были сразу устранены. Крестьяне сразу усмотрѣли въ этомъ недобрый признакъ.

— Це вже, мабуть, не буде намъ такого житья, якъ при старому пану, царство ему небесное! говорили они.

Да, такое житье черезъ три-четыре года исчезло. Новые паны исподоволь, мало-по-малу, возлагали на крестьянъ разныя тягóты, затягивали туже и туже крѣпостную узду. Лѣтъ чрезъ десять положеніе селимовскихъ крестьянъ опредѣлилось въ такомъ видѣ: они еженедѣльно совершали панскія работы по четыре дня; зимою въ лѣсу работали по нѣсколько дней, нерѣдко отмораживая себѣ руки и ноги; зимою и осенью по нѣсколько недѣль находились въ дорогѣ, когда возили купцамъ панское добро; должны были каждый своими средствами пріобрѣтать и содержать пару воловъ, возъ, плугъ, борону и прочій земледѣльческій нарядъ, употреблять эти предметы для панской работы; лѣтомъ, въ воскресные и праздничные дни, мужчины занимались клепаніемъ панскихъ косъ, а женщинъ въ тѣ-же дни сгоняли въ панскіе сады для рванія фруктовъ; женщины, кромѣ полевыхъ работъ и на току наравнѣ съ мужчинами, весною воздѣлывали панскіе огороды, мыли овечью шерсть, осенью и зимою едва успѣвали выдѣлать заданное имъ количество пряжи льняной и шерстяной.

Самою тяжелою повинностію было отправленіе службы въ панскомъ дворѣ. Штатъ, отправлявшій ее, назывался *дворней*.

Библиотека "Руниверс"

Для этой службы совершался наборъ во всякую недѣлю или мѣсяцъ—по мѣрѣ выбыванія изъ дворни вслѣдствіе смерти, болѣзни или старческой немощи. Выбирались юноши, дѣвушки и подростки, всѣ красивые и цвѣтущіе здоровьемъ. Попавшій или попавшая въ штатъ дворовыхъ людей были вполнѣ несчастные крѣпостные—рабы въ полнѣйшей степени. Работа дворовая была часто тяжелѣе, чѣмъ въ полѣ: необходимость быть постоянно напоготовѣ для барскихъ услугъ, наказанія, часто жестокія, за невольное неисполненіе причудливыхъ прихотей и капризовъ отравляли жизнь дворовыхъ людей. Прибавьте къ этому то, что только нѣкоторымъ изъ нихъ дозволяется жениться или выходить замужъ.

Дворня распредѣлялась на нѣсколько отдѣленій по различію занятія ими должностей. Во главѣ ея стояло начальство—приказчикъ, конторщикъ, атаманъ и шапарь. Предъ приказчикомъ трепетали селимовскіе крестьяне: какъ довѣренное лицо барина, недремлющее око его, онъ наблюдалъ надъ всѣми частями имѣнія, приводилъ въ исполненіе распоряженія барина, а часто и самъ распоряжался. Конторщикъ, имѣя при себѣ писарей, велъ ревизскія сказки (книги), приходорасходныя и инвентарныя книги, списки очередныхъ рабочихъ и людей и вообще всю переписку по дѣламъ имѣнія. Атаманъ—это какъ бы сельскій староста: онъ ближайше слѣдилъ за порядками въ селѣ, за состояніемъ каждаго двора; онъ былъ правой рукой приказчика: *загадывазъ* людямъ, кому, когда и на какую работу идти, и былъ главнымъ дозорщикомъ при работахъ. Шапарь завѣдывалъ складами всякаго зерна, муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ; принималъ ихъ въ амбары и выдавалъ.

Лакейское отдѣленіе состояло изъ нѣсколькихъ лицъ—камердинера, буфетчика, помощниковъ ихъ—козачковъ. Самымъ важнымъ лицомъ былъ камердинеръ: онъ вѣдалъ кабинетъ барина, исполнялъ прихоти его тайныя и явныя. Домъ украшался хорошенькими *горничными*: это были дѣвушки. Онѣ оживляли домъ и дворъ своими звонкими мелодическими голосками и хохотомъ, кокетливыми природными манерами и веселыми, улыбающимися

Библиотека "Руниверс"

личиками. Распоряжалась горничными барыня: однѣ убирали комнаты и вмѣстѣ съ лакеями прислуживали за барскимъ столомъ; другія щекотали тѣло барыни (пятки, икры и спину), когда она нѣжилась въ постели и погружалась въ сонъ; эти-же избранныя голову ея расчесывали, одѣвали ее; третьи были на разныхъ посылкахъ.

Лучшими изъ горничныхъ тайно распоряжался баринъ.

Барыня, жена Аврама Александровича, устроила возлѣ своей спальни рукодѣльное женское заведеніе. Въ немъ избранныя дѣвушки работали неустанно изо дня въ день: однѣ вышивали на пяльцахъ, другія шили бѣлье, третьи вязали кружево, чулки, ковры.

Иванъ Александровичъ, оставшійся до послѣднихъ дней своихъ холостымъ, имѣлъ прехорошенькихъ *комнатныхъ* дѣвушекъ. Однѣ подъ руководствомъ опытной мастерицы занимались рукодѣльями, другими командовала экономка. Какъ только комнатная дѣвушка утрачивала свѣжесть, была выдаваема замужъ, или поступала въ низшее отдѣленіе дворовой службы. На мѣсто выбывшей приводилась молоденькая сочная красотка.

За ближними дворовыми людьми, лакеями, горничными и, мастерицами, мамками и няньками, слѣдовали—поваръ, поваренки и судомойки, булошница съ помощницами, коровницы, прачки и птичницы. Птичнею, поварскимъ, булочнымъ и прачешнымъ отдѣленіями, а также погребами и кладовыми завѣдывала *экономка*. Экономка, имѣя у себя помощницу—*ключницу*, была окомъ барыни, блюла порядокъ матеріальнаго домостроительства.

Въ ближайшемъ вѣдѣніи приказчика состояли— сапожники, кузнецы, портные, столяры, кучера и помощники ихъ (форейторы и конюхи), скотари, овчары, садовникъ, куховарки, пѣвчіе и музыканты. Куховарки готовили пищу для *застольни*, т. е. для мѣста, гдѣ собирался дворовый людъ завтракать, обѣдать, полдничать и ужинать. Мастерицы и панскія любимицы не ходили въ застольню: у нихъ было въ барскомъ домѣ особое столовое отдѣленіе, а пищу имъ носили изъ поварской. Пѣвчіе и

Библиотека "Руниверс"

музыканты тоже были на иномъ положеніи; ихъ выбирали и ими распоряжались регентъ и капельмейстеръ; пѣвчіе и музыканты кормились въ застольнѣ отдѣльно отъ прочихъ, и имъ давалась улучшенная пища.

Псарня была предметомъ особыхъ заботъ панскихъ. Для нея отведенъ былъ особый дворъ и составленъ нарядъ людей: псари, доѣзжачіе, стремянные, охотники.

— Ачъ, якъ завелы! И поварй, и музыканты, и барьски дивкй разряжени якъ павы!

— Чорты-батька знать, що завелось! Якъ дивка яка гарна пидросла, то гляды—вже й опынылась у паньскому двори, вже й гуляе тамечки! И псюрню завелы! Зъ собакамы лучче обходятся, нижъ зъ людьмы! говорили селимовцы незлобиво, въ простотѣ сердца, пришибленные тягловымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба.

— При старбму пану ничого цёго не було!.. При старому пану якъ у Бога за дверима жилы!.. Бильшъ робылы на себе! Перомъ ему земля! сожалѣли селимовцы, умилительно совершая крестное знаменіе.

— А теперечки бильшъ робымо на цихъ панивъ, все на ихъ, та на ихъ! Та ще й катують насъ!.. Ой, старый любый пане! Перомъ ему земля! Царство ему небесне у вики вични пошлы, Господы! Якъ-же винъ обходывся зъ нами, яке угощеніе винъ дававъ намъ у кожну недилю! вспоминали селимовцы и горько плакали—наиболѣе женщины.

Положеніе селимовскихъ крестьянъ было тѣмъ болѣе тяжкое, что Шаховы относились къ нимъ безъ всякаго милосердія. Мало того, что они заставляли крестьянъ работать, какъ вьючныхъ животныхъ, лучшихъ дѣвушекъ и парней отрывали отъ семьи и обращали въ дворню: они допекали несчастнымъ людямъ жестокими наказаніями. Для наказаній употреблялись розги, батоги, плети, рогатки, колодки и темница, а также обмазываніе волосъ и лица дегтемъ съ присоединеніемъ къ нему пуха и перьевъ.

Рогатка—это желѣзный обручъ съ длинными желѣзными клиньями снаружи (какъ спицы на колодкѣ) и съ остроконеч-

Библиотека "Руниверс"

ными миньятюрными зубчиками на внутренней поверхности. Обручъ этотъ запирался замкомъ и надѣвался на шею.

Колодки состояли изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, въ каждомъ двѣ полукруглыхъ выемки на концахъ ребра: этими ребрами бруски прикладывались одинъ къ другому и стягивались ремнями настолько, насколько надобно было стиснуть мускулы рукъ или ногъ.

Въ каждую субботу приказчикъ докладывалъ барину списокъ, кто изъ людей въ чемъ провинился въ теченіе недѣли. Этотъ списокъ дополнялся тѣми, которые были усмотрѣны въ винахъ бариномъ или барыней. Баринъ или барыня каждому виновному назначали наказаніе. За отсутствіемъ ихъ, наказаніе опредѣлялъ приказчикъ, иногда—атаманъ. Жертвъ, предназначенныхъ къ истязанію, заключали въ темницу вечеромъ въ субботу, на разсвѣтѣ же воскреснаго дня подвергали каждаго опредѣленной ему карѣ.

Самой употребительной карой было сѣченіе розгами и битье батогами. Зимою сѣченіе и битье совершалось въ застольнѣ. Съ апрѣля и до ноября экзекуція производилась на открытомъ воздухѣ возлѣ барской конюшни. Вотъ блеснула утренняя аврора, только-только начало сѣрѣть, выводятъ изъ темницы человѣка, обнажаютъ его съ ногъ до головы и полагаютъ его на ослонъ (скамейку), ноги и плечи крѣпко притискиваютъ ремнями до ослона; растянутое на немъ живое тѣло шевельнуться не можетъ,—и начинается *катуванье*! Птички радостно щебечутъ, соловейко заливается чудными трелями, мелодически-теноровый звонъ церковнаго колокола раздается, а отъ барской конюшни несутся страдальческіе крики, несутся пронзительно звонко и далеко въ тишинѣ разсвѣта... Какая противоположность съ тѣмъ, что птички выражаютъ, и съ тѣмъ, къ чему призываетъ церковный звонъ! Съ умилительнымъ концертомъ пернатыхъ пѣвцовъ и колокола какимъ ужаснымъ диссонансомъ звучатъ человѣческіе болевые крики, вопли и стоны!

— О—о—о—ой!.. О—о—о—ой!.. Ой! Пустить, ридне́ньки!.. О—о—ой, помылуйте! гудѣло густымъ басомъ.

Библиотека "Руниверс"

— А—а—а—ай!.. А—а—яй—яй!.. О—о—ёй—ёй!.. раздавалось юношескимъ пронзительнымъ голосомъ...

— О, це вже началася зоря!.. Отъ сердешни!.. Отъ бидни!.. И колы вже воны, кляти, перестануть катувати несчастныхъ людей!—говорили жители села Радіоновки, которое находилось въ трехъ верстахъ отъ Селимовки.

— Ачъ, яки зори!.. Разомъ почалось у двухъ дворахъ!..

— Адже-жъ воно разомъ завсигда починается!.. Сговорюются, чи що!?...

— Тай нечуть-же!.. А вжежъ и крычать, бидни!

— Ага, остоювалы старого собаку-пана, звирюкамы кыдалыся на насъ, отъ имъ теперечки и отдается!

— Та шо люде ти несчасни!? Чимъ воны выннн за пана? Скачы, враже, якъ панъ каже, отъ що!

— Ото жъ и доскакалысь, кажить!

— Тай панамъ цимъ, якъ не теперъ, то вже колысь-то буде!.. Вже и имъ икнется колысь за погрaбованe!...

— Бидни люде, якъ ихъ мордують!..

— Терпы, козаче, атаманомъ будешь!—Говорили Рѣзниковцы, слушая раздирающіе душу крики, что доносились изъ панскихъ дворовъ.

Вотъ-вотъ уже и свѣтило покажется изъ-за горизонта. Его лучи золотистые озаряютъ картину и искрятся въ капляхъ крови, что сочатся изъ ранъ и виспадаютъ съ ослона. Вотъ оно выкатилось и смотритъ огненнымъ глазомъ, страшнымъ укоризненнымъ глазомъ, какъ будто и оно облито кровью...

Сидитъ на балконѣ баринъ, любуется восходомъ солнца, съ такой пріятностью вдыхаетъ свѣжій утренній воздухъ, напоенный возлѣ балкона запахомъ чудныхъ розъ. Лицо его напыщенное и нижняя большая губа немного отвисла. Возлѣ него, вытянувшись въ струнку, стоятъ приказчикъ и камердинеръ, а козачекъ быстро переступаетъ съ ноги на ногу—какъ-бы ему бѣжать или танцовать хочется.

— Кто это тамъ, какъ быкъ, реветъ?—спрашиваетъ баринъ

— Кондратъ Коникъ, что былъ въ бѣгахъ и пойманъ,— объяснилъ приказчикъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ишъ, каналья!.. Сколько?

— Полтораста ударовъ!

— А потомъ?—спросилъ баринъ, затягиваясь изъ предлиннаго чубука, на концѣ котораго громадная трубка, величиной съ чайную чашку.

— Вы изволили назначить колодки и темницу на недѣлю, а еще на недѣлю изволили назначить рогатку—и чтобы онъ съ рогаткой молотилъ цѣпомъ!

— Хорошо! Славно!.. Ишъ реветъ-то какъ! Дуракъ! Бѣги, да не ловись!—молвилъ баринъ, выпуская клубы табачнаго дыма.

— Которая это баба тамъ кричитъ? Марѳушка?

— Она самая! Марфушка-съ Курносая!—отвѣтилъ приказчикъ.

— Ишь, кобыла, связалась съ негоднымъ Гаврилкой! Съ нимъ однимъ?—обратился баринъ къ камердинеру.

— Да-съ, съ нимъ однимъ-съ, съ Гаврилкой лакеемъ слюбилась! Который разъ уже поймана съ нимъ-съ!

— Ишъ, шельма!.. Какъ кошка репетуетъ!.. Любись, да не ловись, шельма!.. Сколько?

— Двадцать розокъ!—отвѣтилъ приказчикъ.

— Привести ее сюда—такъ, какъ она есть, въ одной рубашкѣ! Живо! Пошелъ!—махнулъ баринъ козачку.

Козачекъ стрѣлой помчался. Привелъ барскую дѣвку Марѳушку—лучшую изъ комнатныхъ по свѣжести и роскошнымъ формамъ. Она трясется, какъ въ сильной лихорадкѣ; багровое лицо закрыла руками и голову—внизъ.

— Открой-то рожу свою паскудную, шельма!

Приказчикъ и камердинеръ моментально осадили руки дѣвушки внизъ. Марѳушка трепещетъ, наклонивъ голову.

— Что, будешь съ мерзавцемъ Гаврилкой?

Дѣвушка упала на землю къ ногамъ барина. Икры ногъ обнаружились.

— Ой, не буду-жъ, паночку! По викъ свій не буду!.. Будь я трычи проклята, що не буду вже!. вопила Марфушка, заливаясь слезами.

— Ишъ какъ расписали!.. Смотри я тебя еще лучше распишу, если ты позволишь себѣ даже глянуть на Гаврилку или

Библиотека "Руниверс"

на какую-нибудь другую каналью!.. Я тебѣ сто ударовъ засыплю!.. Я тебя въ гробъ законопачу, слышишь?—горячился баринъ.

— Чую, паночку ридненькій, чую!.. Ой—ой!—застонала дѣвушка, откинувъ руку назадъ. Не можу встаты, паночку!—пролепетала она.

— Уведите ее къ экономкѣ!

Камердинеръ увелъ Марѳушку.

— А это кто воетъ?

— Степанъ Шулика!—отвѣтилъ приказчикъ: проворовался, стащилъ въ амбарѣ сапоги, шапку и свитку!

— Ишъ, какъ завываетъ!.. Та-акъ его!.. Воруй да не ловись!.. Сколько?

— Шестьдесятъ розокъ!

— А это кто?

— Григорій Шепелявый! Ему назначено выкосить двѣ десятины, а онъ выкосилъ только одну!

— Лѣнтяи!—заворчалъ баринъ.—Сколько?

— Тридцать розокъ!

— А это?

— Столяръ Лукьянъ! Запилъ и не работалъ три дня!

— Пьяницы!—заворчалъ баринъ, выпуская клубы табачнаго дыма.

— Сколько?

— Сорокъ пять розокъ!

Къ раннему утру *зоря* оканчивалась.

Работы налагались тяжелыя, а взысканія полагались какъ за неисполненное количество работы, такъ и за качество ея. Если крестьянинъ успѣвалъ въ количествѣ заданной работы, то проигрывалъ въ качествѣ ея—и наоборотъ. Дворня была громадная, а служба ея—неустанная, неуклонная, и совершалась эта служба, такъ сказать, на глазахъ господъ. Стремянной неудачно спустилъ собакъ на охотѣ, собаки случайно не во время накормлены или нѣкоторыя собаки захудали: стремянному и псарю быть на зорѣ! Поваръ плохо приготовилъ кушанье, повара привели изъ шинка, лакей завелъ любовныя шашни съ

Библиотека "Руниверс"

горничной, сапожникъ дурно пошилъ сапоги, портной испортилъ господскіе панталоны, музыкантъ запилъ, лакей забылъ вычистить чубуки или въ поспѣшности кое-какъ исполнилъ эту работу; при осмотрѣ конюшни баринъ замѣтилъ на задней лопаткѣ лошади грязное пятно или конюшня не вычищена, какъ стеклышко; кучеръ провинился тѣмъ, что лошади испугались и понесли барыню, чуть-чуть не опрокинувъ экипажа; садовникъ не вычистилъ дорожекъ или не досмотрѣлъ, какъ на яблонѣ завелась гусеница; у овчара въ отарѣ не досчитались двухъ овецъ,—и всѣхъ этихъ *на зорю*! И не перечесть случаевъ, приводившихъ дворовыхъ людей *на зори*.

Дворового матеріала для каждой воскресной зори набирали достаточно во всѣ времена года. Тяглаго матеріала для зори накоплялось зимою меньше, а лѣтомъ—больше. На полѣ, когда косили траву, парень игрался съ дѣвкой; женщина на полѣ, когда косили хлѣбъ, родила; мужъ ея, находившійся здѣсь, оставилъ работу и повезъ жену домой; Степанъ Оглобля запилъ и не явился на косовицу. Парню, мужу и Оглоблѣ быть *на зорѣ*! Тѣ не перевезли на барскій токъ опредѣленнаго количества копенъ, тѣ поздно явились на токъ, тѣ дурно провѣяли зерно, другіе не смолотили скирды въ назначенный срокъ,—и всѣмъ имъ быть *на зорѣ*! Не разбиралось, почему сдѣлано плохо или не исполнена работа.

Лѣтнія *зори* отличались многолюдствомъ и торжественностію обстановки: открытый благоухающій воздухъ, разсвѣтъ, восходъ солнца, щебетанье птичекъ... Иногда случалось, что не успѣвали перебить всѣхъ утромъ; въ такомъ случаѣ въ тотъ-же день совершалась *вечерняя зоря*.

Женщинъ мало подвергали зорямъ, и по случаямъ исключительнымъ. Зато надъ ними висѣли *рогатка*—орудіе, которое предлагалось и мужчинамъ. Наказаніе рогаткой производилось различно—по степенямъ: съ рогаткой сидѣть въ темницѣ, съ рогаткой работать, водить въ рогаткѣ по селу. Въ панскомъ дворѣ, на панскомъ току, на полѣ, на огородѣ, въ саду часто виднѣлись мужчины и женщины, украшенные рогатками. Иные

Библиотека "Руниверс"

ходили въ рогаткахъ по нѣсколько дней. На полѣ дѣвка игралась съ парнемъ; женщина, имѣвшая грудного ребенка, не нажала узаконеннаго количества сноповъ отъ того, что ребенокъ частымъ крикомъ отвлекаетъ ее отъ работы, дѣвкѣ быть въ рогаткѣ и сидѣть въ темницѣ,—а въ понедѣльникъ она будетъ работать на полѣ въ желѣзномъ ошейникѣ, женщинѣ надѣть рогатку и провести ей воскресный день въ темницѣ. Коровница не могла сбить заказаннаго количества масла—рогатку ей на шею! Прачка не угодила барынѣ выглаженной юбкой, швея—платьемъ, кружевница—кружевомъ,—прачка, швея и кружевница красуются въ рогаткахъ!

Когда барыня замѣчала, что дворовая дѣвка понесла, то такую въ праздничный или воскресный день водили по селу въ отвратительномъ и полуобнаженномъ видѣ: грязная-прегрязная на ней рубашенка, на шеѣ—рогатка, взбитыя волосы обмазаны дегтемъ и обсыпаны перьями. Веревкой, привязанной къ ошейнику, ведетъ медленно старая горбуха обезображенную красотку. Бредетъ несчастная дѣвушка, пылая стыдомъ; она бросаетъ на окружающихъ бѣгающіе и полные ужаса глаза, ногами и плечами она дѣлаетъ порывистыя причудливыя движенія; руки тоже какъ-то странно движутся сюда и туда, какъ будто хочетъ ведомая спрятать ихъ или либо закрыть: но не въ чемъ спрятать, а лица нельзя закрыть—рогатка мѣшаетъ!

За воровство водили мужчинъ въ такомъ же видѣ: въ рубашкѣ, въ рогаткѣ, а голова облита дегтемъ и убрана перьями. Но предварительно подвергали ихъ *зорѣ*. Послѣ вожденія сажали ихъ въ темницу и надѣвали колодки на руки и ноги.

Людей, подобныхъ лакею Гаврилкѣ, замѣченныхъ въ прелюбодѣяніи, заключали въ темницу на нѣсколько дней,—и сидѣли они тамъ, стиснутые колодками; но тоже предварительно такіе люди вкушали *зорю*.

Вотъ такъ жилось селимовцамъ подъ тяжелою рукою Шаховыхъ.

Селимовцамъ дѣлалось и пріятное; но оно дѣлалось такъ рѣдко и проходило такъ мимолетно!

Библиотека "Руниверс"

Когда случалось, что урожай былъ отличный, люди очень усердно работали, то панъ Аврамъ бывало выѣзжаетъ съ боченкомъ водки да съ мѣшкомъ грошей и пятаковъ къ людямъ на поле. Коляска медленно движется промежъ косарей и жницъ. Сидящій на ней самодовольный и улыбающійся панъ бросаетъ мѣдные пятаки, а люди хватаютъ ихъ съ причудливыми ужимками, какъ обезьяны сѣмечки, да низко кланяются пану. Для довершенія впечатлѣнія панъ Аврамъ приказываетъ принести ему борщъ, кашу и галушки. Приносятъ. Выпивъ чарку водки, черпаетъ панъ косарскою ложкою изъ косарской миски, аппетитно ѣстъ борщъ съ кашей и галушки, ѣстъ и приговариваетъ зычно: а, да и славный борщъ какой! вотъ такъ борщъ? Ай да славная-жъ каша! Всѣмъ кашамъ каша! Ну, и галушки!—тоже: куда лучше паньскихъ бысквытивъ! Ай—да галушки милушки! Ну-ка, дай чарку водки!"— Прихваливаетъ да уплетаетъ панъ, пресыщенный изысканными пирожками и нѣжными бульонами.

— А кто варилъ это? спрашивалъ панъ Аврамъ, отвѣдавъ вдоволь косарской пищи.

— Лукерья птышныця!

— Ведите сюда Лукерью.

Солнце уже спускалось за горизонтъ. Косари и жницы собирались вечерять.

— А что, всегда такая славная пища вамъ варится?— спрашивалъ панъ приходящихъ.

— Завсигда, баринъ! Завсигда така гарна!—отвѣчали приходящіе, отвѣшивая низкіе поклоны.

— Довольно вамъ даютъ? Сытно васъ кормятъ?

— Спасыби вамъ баринъ! Що кормлять—то вже добре кормлять!—отвѣчали люди, какъ бы думая: кормятъ-то хорошо, да бьютъ очень больно!

Явилась Лукерья—пріятная на видъ старушонка.

— Славно варишь! вкусную пищу варишь!

— Рада, баринъ, годыть вашей милости!

— Всегда такъ стряпаешь?

Библиотека "Руниверс"

— А якъ-же, Боже мій! Завсигда, баринъ, завсигда!—отвѣчала Лукерья, сложивъ руки и склонивъ смиренно голову набокъ. Спросить, баринъ, людей!

— Ну, вотъ тебѣ, славная стряпуха! И далъ баринъ Лукерьѣ серебряную монету—полтину.

— Спасыби, баринъ!

—Старайся! Старайся!

— Рада-жъ старатысь онъ якъ!—благодарила Лукерья, цѣлуя руку барина.

Чарку водки выпьешь?

— Спасыби, баринъ! Я цёго не вважаю! Треба поспишаты? И быстрымъ шагомъ удалилась Лукерья.

Люди большими кругами разсѣлись на чистомъ травянистомъ мѣстѣ—и началась *вечеря*. Послѣдніе солнечные лучи такъ пріятно золотятъ рядъ мисокъ, загорѣлыя лица жницъ и косарей отражаются въ тѣхъ чаркахъ, что наливаютъ водку и раздаютъ косарямъ по случаю пріѣзда барина. Недалеко отъ людей сидитъ баринъ въ коляскѣ, куритъ трубку, и лицо его сіяетъ самодовольствіемъ. Онъ внимательно слѣдитъ, какъ люди тянутъ влагу; они тянутъ изъ чарокъ медленно и съ какимъ-то упоеніемъ, и каждый, выпивъ, крякнетъ рѣзко; и ѣдятъ они тоже медленно, съ полнымъ наслажденіемъ, съ громаднымъ аппетитомъ распробывая каждую частицу набраннаго въ ложку. Налюбовавшись картиной, панъ Аврамъ быстро прикачиваетъ домой.

Такія-же посѣщенія дѣлывалъ и панъ Иванъ.

III.

Тогда-какъ селимовскіе крестьяне истрачивали свои силы на панскую работу, страдали *на зоряхъ*, мучились въ рогаткахъ и колодкахъ,—въ панскомъ домѣ веселая, праздная жизнь била ключемъ. Изо дня въ день, изъ ночи въ ночь—гости и гости, пиры да пиры и разныя причудливыя затѣи.

Широкимъ, удивительнымъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ отличались братья Шаховы, Аврамъ и Иванъ. Слава объ

Библиотека "Руниверс"

этомъ гостепріимствѣ далеко неслась и гремѣла по Харьковской губерніи. Такую черту братья несомнѣнно наслѣдовали отъ своего отца; но отецъ эту черту употребилъ для прибыльнаго, любостяжательнаго дѣла, а сыны роскошно хлѣбосольничали изъ-за честолюбія и дабы весело, шумно пожить.

Какъ *зори*, такъ и пиры имѣли опредѣленное теченіе: они въ одни мѣсяцы бывали очень многолюдны, весьма шумны и азартны; въ другіе мѣсяцы—менѣе многолюдны и не такъ шумны. Время наибольшаго панскаго разгула не совпадало съ временемъ наибольшаго развитія мужицкихъ зорь и рогатокъ. Сезонъ селимовскихъ панскихъ пиршествъ начинался съ октября и продолжался до первой недѣли великаго поста. Великій постъ былъ временемъ передышки отъ неустаннаго, головокружительнаго гулянья и веселья, періодомъ затишья въ панскомъ домѣ и дворѣ. Со дня Свѣтлаго праздника снова начиналось гулянье и веселье, въ іюнѣ оно стихало, въ августѣ и сентябрѣ еще болѣе стихало. Конецъ лѣта и начало осени были передышкой отъ весеннихъ и лѣтнихъ вакханалій. Рождественскія святки, мясоѣдъ, масленница и май проводились съ наибольшимъ трескомъ, комическими сценами, фантастическими выдумками. Бѣшенныя катанья въ нѣсколько десятковъ саней длинной вереницей, охота съ борзыми, гончими и боченками горячихъ напитковъ, превращеніе гостей (которые помельче) въ барановъ, козловъ и медвѣдей, восхожденіе пьяныхъ на снѣжныя горки, спусканіе выведенныхъ на эти горки, танецъ звѣрей—превращенныхъ козловъ и барановъ съ превращенными (изъ горничныхъ и комнатныхъ дѣвушекъ) козами да овечками, маскарадныя представленія и другія выдумки были дополненіемъ къ многообильнымъ завтракамъ, обѣдамъ, ужинамъ и кутежамъ дневнымъ и ночнымъ.

— Яке дiется!... Яке гульбыще!

— Зъ жиру бисятся!

— Ачъ, якъ гуляють на нашій земли!..

— А все батькы наши выннi, що якось одчахнулы имъ ажъ выдымо-невыдымо своеи земли!...

Библиотека "Руниверс"

— Отъ теперечки и клацай зубамы!—говорили Рѣзниковцы, глядя съ озлобленной завистью на Шаховскія гульбища.

Гостепріимные братья Аврамъ и Иванъ дѣлили пополамъ веселыя и пышныя угощенія: этотъ день пиршественное дѣло у Аврама, другой день у Ивана; въ теченіе этой недѣли задаетъ чувственныя удовольствія Аврамъ, въ другую недѣлю задаетъ такія удовольствія Иванъ. Пили и ѣли одинаково много у того и другого. Но въ удовольствіяхъ, предоставляемыхъ Иваномъ Александровичемъ, бывалъ эротическій элементъ: комнатныя дѣвушки въ соблазнительной костюмировкѣ подавали охмѣлѣвшимъ гостямъ вино; гости любовались танцами этихъ дѣвушекъ, игрались съ ними въ пиршественной комнатѣ; болѣе же скоромное не допускалось: того не любилъ солидный и строгій домовладыка. Въ пиршествахъ, устрояемыхъ Аврамомъ Александровичемъ, эротическаго предмета не случалось, или онъ вводился очень рѣдко: въ домѣ жила барыня, которая рѣдко выѣзжала безъ мужа. Зато Аврамъ Ал. былъ тароватъ на комическія шутки; у него бывали снѣжныя горки, танцы звѣрей, превращенія звѣрей, маскарадныя представленія (эти устроялъ и братъ его). Нарядитъ, напр., нѣкоторыхъ изъ гостей въ звѣриныя шкуры (медвѣжью, баранью, козлиную)— и пошла потѣха! Козлы прыгаютъ, бараны рогами бодаются, медвѣдь на заднихъ лапахъ ходитъ или цыганъ заставляетъ его штуки дѣлать. Послѣ такой работы козлы—*мее*, бараны—*бее*, медвѣдь—*муу* (реветъ): это звѣри просятъ выпить—и имъ даютъ выпить. Перепоитъ, напр., однихъ (а другихъ важныхъ и солидныхъ удерживаетъ отъ большого питія для созерцанія картины), завяжетъ пьянымъ глаза, введетъ рой дѣвушекъ—и пошла игра въ жмурки! Дѣвичій звонкій хохотъ, писк, визгъ въ залѣ раздается, глухой гулъ отъ паденія пьяныхъ тѣлъ. Тотъ падаетъ, но съ усиліемъ поднимается и мчится, тотъ съ осторожностью ступаетъ ногами, тотъ на четверенькахъ ползаетъ: пьяная энергія возбуждается, хочется прикоснуться къ лакомому кусочку—хочется поймать. Кой-кому удается схватить хохотунью—и только на мигъ!

Библиотека "Руниверс"

Всегда большіе обѣды и пиршества услаждались музыкой. Оркестръ разыгрывалъ увертюры и аріи, а во время кутежей допускались разныя плясовыя. Часто пиршественный залъ оглашался и хоромъ пѣвчихъ—въ перемежку съ музыкой.

Братья Аврамъ и Иванъ Шаховы при всевозможныхъ пирахъ и кутежахъ никогда не бывали пьяны, хотя пили много—очень много. Тотъ и другой были высокаго роста, плечистые и чрезвычайно мускулистые. Здоровьемъ отличались громаднымъ. У того и другого было страстью накормить досыта и угостить виномъ такъ, чтобы гости, что называется, на корачкахъ лазили. Всегда во время пировъ получалась такая картина: тотъ растянулся на большомъ турецкомъ диванѣ, тотъ шлепнулся на полъ, иные подъ столъ свалились, иные къ столу головою припали и храпятъ. Всѣ такія мертвецки пьяныя тѣла лакеи убирали изъ зала и полагали на постеляхъ во флигелѣ. Къ концу пиршества оставалось немного такихъ, которые дѣйствовали; но и эти артисты въ заключеніе бывали несомы во флигеля. Нѣкоторые-же тутъ, въ кутежномъ залѣ, такъ и были оставляемы въ тѣхъ позахъ, въ какихъ свалились и отошли ко сну.

Не всегда бывали громкія пиршества, т. е. которыя дополнялись музыкантами, пѣвчими, шутками и иными картинами; Шаховы и гости утомлялись отъ громадной увеселительной дѣятельности, а также душа просила разнообразія. Иногда происходили и тихіе пиры. Эти состояли въ томъ, что при умѣренномъ питіи хозяева и гости играли въ карты, на бильярдѣ, въ кегли. На верхней части дома—въ мезонинѣ была великолѣпная билліардная.

Шаховы устрояли каждый по пять или по шесть блистательныхъ баловъ въ году. Пиршественные виды на балахъ не допускались. Зато послѣ перваго дня именинъ происходили нѣсколько дней кутежи съ картинами.

Лица, посѣщавшія Шаховыхъ, были помѣщики большей части Изюмскаго уѣзда, а также изъ уѣздовъ Чугуевскаго, Купянскаго, Старобѣльскаго, Бахмутскаго. Близкими сосѣдями ихъ

Библиотека "Руниверс"

и болѣе частыми гостями были Кудрявовы, Любицкіе, Депрерадовичи, Закревскіе, Акимовы, Шабельскіе, Веригины и офицеры изъ Кременной.

Кременная, иначе Новый Глуховъ, въ ту пору (въ первой половинѣ настоящаго вѣка) была громаднымъ кирасирскимъ поселеніемъ на берегу Жеребца (вблизи впаденія его въ Донецъ) и въ 15 или 18-ти верстахъ отъ Селимовки. Въ Кременной находился штабъ: здѣсь жило окружное начальство, вѣдавшее часть того района, который принадлежалъ Чугуеву. То и дѣло скакали туда и сюда (изъ Кременной въ Селимовку и обратно) верховые, да гремѣли ухарскія тройки съ колоколами. Кирасирскіе офицеры во множествѣ наполняли собою палаты Шаховыхъ Они были превеселыми компаньонами въ громкихъ и тихихъ пиршествахъ. Они, кирасиры-то, были кладомъ для гостепріимнѣйшихъ братьевъ Аврама и Ивана. Эти кирасирскіе соколы изъ Кременной и прилавали пиршествамъ особую прелесть и азартность, подвигали Шаховыхъ на столь частое устроеніе пированій, возводили кутежное дѣло на высокую степень совершенства. Статные, красивые и веселые кирасирскіе офицеры были украшеніемъ Шаховскихъ баловъ, они блистали пикантной костюмировкой и ловкими манерами. Отъ кирасирскихъ бальныхъ орловъ таяли очень многія женскія сердца. Въ удобныя минуты они порхали въ садъ, освѣщенный сотнею огней; здѣсь гуляли, освѣжались нарядныя пары, а иныя уединялись въ темныя аллеи для объятій и нѣжныхъ поцѣлуевъ. Всякій балъ сопровождался тонкимъ общимъ волокитствомъ въ залѣ и любовными картинами въ саду (лѣтомъ). Однажды съ бала кирасиръ и красавица—жена небогатаго помѣщика—убѣжали. Однажды съ бала кирасиръ увезъ дѣвицу—и въ ту же ночь обвѣнчался съ нею. Во время бала случилось, что ревнивый мужъ побилъ палкою блестящаго кирасира на мѣстѣ любезничанья съ женою сего мужа—въ уединенной бесѣдкѣ. Случилось и такое, тоже въ бальное время, что важный харьковскій баринъ увлекъ кирасирскую даму и покатилъ съ нею за границу

Самыми близкими лицами, проживавшими по временамъ у Шаховыхъ, были нѣкоторые мелкопомѣстные дворяне и беззе-

Библиотека "Руниверс"

мельные отставные пенсіонеры: маіоры, капитаны, поруčики. Особенно любилъ окружать себя такими Аврамъ Шаховъ. Они всюду слѣдовали за нимъ: осматривалъ панъ Аврамъ хозяйство (поле, скотарни, овчарни и др.)—и отставные маіоры, капитаны и поручики слѣдовали за нимъ; отправлялся Аврамъ Александровичъ въ гости—и пенсіонеры отправлялись съ нимъ; появлялся этотъ баринъ въ Харьковѣ—появлялись вмѣстѣ съ нимъ пенсіонные маіоры, капитаны и поручики. Они составляли какъ-бы свиту его. Такъ и говорили тогда: планета панъ Аврамъ и спутники его. Рѣдко панъ Аврамъ выходилъ или выѣзжалъ одинъ; обыкновенно онъ выѣзжалъ и выходилъ со спутниками. Эти спутники и представляли звѣрей во время пиршества

Самымъ частымъ посѣтителемъ Шаховыхъ, любимцемъ ихъ, непремѣннымъ членомъ пировъ громкихъ и тихихъ былъ селимовскій священникъ о. Автономъ. Онъ былъ вдовецъ. Красавецъ собой, цвѣтущій здоровьемъ, ростомъ и сложеніемъ подобный Шаховымъ, онъ выдавался какъ юмористъ и анекдотистъ, веселый и неутомимый краснобай; а по части выпивки никто не могъ состязаться съ нимъ. О. Автономъ неуклонно всегда держалъ круговую—и никогда не бывалъ пьянъ, никогда не напивался до положенія

— Люблю батька за это!—говорилъ панъ Аврамъ, цѣлуя батька. Въ семинаріи всѣ такіе?

— Всѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ!—отвѣчалъ о. Автономъ.

— Вотъ если-бы всю ее, семинарію, сюда!—восклицалъ Аврамъ.

Этотъ батько превосходно игралъ на билліардѣ, онъ продѣлывалъ на немъ удивительно искусные удары и положенія шаровъ, весьма рѣдко проигрывалъ партію. О. Автономъ любилъ и въ карты поиграть; азартно игралъ и проигрывался иногда до послѣдней нитки. Случалось, приходятъ изъ панскаго двора люди и забираютъ лошадей, коровъ, быковъ, овецъ, свиней; разъ забрали даже куръ, утокъ и гусей. Если онъ проигрывалъ Шаховымъ, то они, пошутивши, возвращали забранное, если проигрывалъ спутникамъ Аврама или кирасирамъ, то забранное

Библиотека "Руниверс"

не возвращалось. Бывали и обратные виды: пригоняютъ во дворъ батюшки лошадей, или овецъ, или воловъ и коровъ,—это карточный выигрышъ о. Автонома

Бывало начнется пированіе, а о. Автонома нѣтъ. Тогда посылаютъ за нимъ—и уже непремѣнно разыщутъ его и привезутъ. Разъ было такое: посланные доложили барину Аврааму Александровичу, что батюшка о. Автономъ дома *сплять*. Велѣно идти разбудить и привести. Послы возвратились съ объявленіемъ, что никакъ *неможно разбудыть*, *хропуть* на весь домъ.

Оце розбуркаемъ, воны зивнуть, перевернутся на другый бикъ и зновъ!—докладывали лакеи.

— Якъ оце росштовхаемо, оце лупнуть очима, щось протянуть голосомъ, та перевернутся на другій бикъ, тай зновъ дуже хропуть!—объяснилъ кучеръ.

— Пойти и принести попа сюда на томъ, на чемъ онъ спитъ!—приказалъ баринъ.

Люди вошли въ домъ о. Автонома, взяли на плечи диванъ—и понесли этотъ диванъ со спящимъ на немъ батюшкою (это было днемъ). Поставили тотъ диванъ въ паршественномъ залѣ. Панъ Аврамъ и компанія его потѣшались надъ спящимъ. Наконецъ, онъ, о. Автономъ, пробудился, возсталъ крайне изумленный. Сколько было хохота и веселья! Пили по этому поводу съ особеннымъ азартомъ.

Въ дамскомъ обществѣ о. Автономъ пожиналъ лавры. На балахъ дамы водили его, что называется за полы, липли къ нему, какъ мухи къ меду. А онъ ловко и нѣжно увивался между дамами, занималъ ихъ веселыми и милыми шутками, пріятными и умными разговорами. Статные кирасиры съ досады усы только покручивали да губы морщили, глаза прищуривали, а другіе кирасиры нервно сяблями постукивали да шпорами бряцали. Отецъ-же Автономъ, окруженный прекраснымъ поломъ, хохоталъ весьма громкимъ густымъ мелодическимъ басомъ; и это очень пріятно выходило въ соединеніи съ нѣжными голосами хохотуній, бросавшихъ на прекраснаго батюшку кокетливые и заискивающіе взгляды.

Библиотека "Руниверс"

Жена Аврама Александровича была неравнодушна къ о. Автоному; къ нему она относилась особенно нѣжно, была съ нимъ очень мила. О. Автономъ выражалъ поклоненіе этой дамѣ тѣмъ, что послѣ каждой обѣдни являлся въ домъ, въ спальню барыни, подносилъ съ изысканною угодливостію просфору ей и чувствительно цѣловалъ ручку ея; а въ церкви своимъ порядкомъ подносилась ей просфора.

Такъ-то живали паны Шаховы.

Были у Шаховыхъ излюбленные ими и чрезвычайно угодливые имъ люди. Такихъ немногихъ они баловали, а нѣкоторыхъ устарѣвшихъ отпускали на волю.

— Хиба теперешни паны живуть такъ, якъ стари паны жилы! А вже й жилы добре! Перомъ имъ земля! Теперешни усе взагранцю йиздять. Хто его зна, що воны тамъ роблять; а тильки выдно, що дуже багацько грошей туды возять и тамечкы гроши ти пропадають! Чортъ знае, що завелось! Стари паны тежъ роскошно жилы, тежъ багацько грошей зводылы, то сами и добре хозяйнувалы! Та-таки ти гроши тутечки—значить у своій земли—зоставалыся: чи портный, чи купець, все-жъ ремеслени люде биля ихъ кормылыся.

Такъ говорили эти старики, глядя на модныхъ пановъ, а больше всего указывая на ближайшаго. Этотъ былъ сынъ ихняго стараго пана Аврама. Онъ, Александръ Аврамовичъ, получилъ громадное наслѣдство—имѣніе отца и имѣніе дяди Ивана. Какъ-же онъ жилъ и что сдѣлалъ съ удвоеннымъ богатствомъ? Очень рѣдко и мимолетно заглядывалъ Александръ Авр. въ Селимовку. Онъ велъ бурную жизнь въ Парижѣ и Петербургѣ, развѣвалъ тамъ деньги на карты, вино и женщинъ. Не достигши 40 лѣтъ, окончилъ тѣмъ, что надѣлалъ массу долговъ—и *застрѣлился*! Послѣ этого Селимовку продали съ молотка, и купилъ ее графъ Стенбокъ.

Предсказаніе Рѣзниковцевъ сбылось!

А. Полницкій.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА*).

VII. Письма Василія Яковлевича Ломиковскаго.

(1822—1830 г.г.)

46. Получивъ сильную охоту читать церковныя книги, между протчими другими, отыскалъ я въ библіотекѣ своей любопытную книгу, писанную протестантскимъ пасторомъ Пурдгольдомъ; здѣсь во всѣхъ догматахъ стоитъ онъ за греческую церковь и доказываетъ преимущество оной и невредимую святость ея.—Зная, что вы очень жалуете подобныя книги, препровождаю оную для прочета, такъ же и другую хорошую книгу, вышедшую изъ типографіи извѣстнаго Новикова, подъ заглавіемъ *Діоптра* или *Зерцало мірозрительное*. При семъ препровождаю также и словарь вашъ о духовныхъ писателяхъ, въ новомъ переплетѣ. Сверхъ того, присоединяю портретъ уважаемаго вами писателя Сковороды. О, какъ мнѣ жаль, что патріархъ Іоакимъ, движимый будучи мнѣніями братьевъ Лихудовъ, невыгодно отзывался объ преизящныхъ твореніяхъ безцѣннаго Транквилліона нашего. Изъ словаря сего очевидно, что патріархъ Іоакимъ имѣлъ личную вражду съ ученымъ протопопомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, наипаче же съ Симеономъ Полоцкимъ кажется; они были причиною, что онъ вообще не довѣрялъ сочиненіямъ украинскихъ пастырей; таковое недовѣріе могло и его ввести въ ошибку, о чемъ и свидѣтельствуетъ тотъ же словарь, сими

*) См. Кіевск. Стар. 1897 г., іюль—августъ, 53—71.

Библиотека "Руниверс"

словами: „Симеона Полоцкаго винили въ нѣкоторыхъ и такихъ мнѣніяхъ, въ которыхъ не было вины его". Такъ точно могли обвинять и Транквилліона, которой прегорько плакалъ о томъ. Читая жизнеописаніе о писателяхъ духовнаго чина, содрогаешься, видя, какъ враждебный духъ засѣвалъ плевелами ученіе церкви нашей. Великороссійскіе пастыри жестоко боролись съ протестантскою ересью, и были иногда одолѣваемы оною, да и нынѣ западная ересь заражаетъ многихъ ученыхъ богослововъ на сѣверѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ творенія ихъ. Напротивъ того, украинскіе пастыри сильно боролись съ папистами и сколь сіи послѣдніе не дѣлали самыхъ хитрыхъ усилій, но наши съ постояннымъ терпѣніемъ одолѣвая, одолѣли ихъ совершенно. Но какія однакожъ являются противорѣчія въ словарѣ семъ, объ украинскихъ пастыряхъ. Въ похвалу ихъ говорятъ, что украинскіе пастыри, какъ то: Зизаній, Барановичъ, Іоаникій Галятовскій, Тарасій Земка, Гизель и проч. всемѣрно охраняли церковь нашу отъ западныхъ плевеловъ и сильно возражали противъ папистовъ, которые изъ всякой мѣры выходили въ коварствахъ своихъ, ибо въ началѣ XVII вѣка католики и уніаты нарочно портили богослужебныя книги, а особливо тѣ, которыя касались до исповѣданія вѣры, и печатая въ своихъ типографіяхъ, издавали оныя подложно, подъ видомъ православныхъ.— Потомъ говорится въ пользу украинскихъ пастырей, что кіевскій митрополитъ Петръ Могила, видя усилія папистовъ терзать церковь нашу, издалъ въ 1629 году Литургіаріонъ или служебникъ, а въ 1640 году нашелъ за необходимое, къ сентября 8-му дню, пригласить въ Кіевъ, на соборъ, подвластныхъ ему епископовъ малороссійскихъ съ протчими духовными, на которомъ соборѣ слушанъ былъ катехизисъ игумена Исаіи Козловскаго, такъ же составлена славная книга, именуемая: *Изложеніе вѣры* или *православное исповѣданіе*. Книга сія, на простомъ греческомъ и латинскомъ языкахъ написанная, послана была съ тремя депутатами, въ 1643 году, въ городъ Яссы, гдѣ въ то время со стороны константинопольскаго патріарха и кіевскаго духовенства былъ соборъ на кальвинистовъ. Здѣсь то

Библиотека "Руниверс"

книга сія константинопольскими депутатами разсмотрѣна, исправлена, одобрена и для конечнаго утвержденія послана къ восточнымъ патріархамъ. Константинопольскій патріархъ Діонисій вторично издалъ книгу сію въ Голландіи, въ 1672 году. Не говоря о томъ, что книга сія по изяществу своему, была переводима непрестанно на разные языки европейскіе реформатскими епископами и католическими учеными, но къ чести ея служитъ и то, что іерусалимскій патріархъ Нектарій и московскій патріархъ Адріанъ сочинили къ оной свои предисловія.—И какъ же я удивился, когда, послѣ таковыхъ похвалъ великому мужу сему, начиталъ я, что въ 1668 году братья Лихуды явно вооружились противъ *большаго требника* кіевскаго, противъ двухъ *катихизисовъ Петра Могилы* и противъ *Зерцала богословія* Кирилла Транквилліона, говоря, что въ оныя книги вкралось папистическое мнѣніе о пресуществленіи евхаристіи словами Христовыми: пріимите, ядите и проч., а не священническимъ послѣ того призываніемъ св. Духа.—Далѣе, опять я начиталъ въ пользу украинскихъ учителей, на стран. 252 говорится: „Исторію споровъ можно видѣть въ книгѣ патріархомъ Іоакимомъ или, лучше сказать, самими Лихудами составленной, подъ названіемъ *Остенъ*. Патріархъ Іоакимъ говоритъ въ книгѣ сей, что онъ принужденъ былъ писать въ Кіевъ къ митрополиту Гедеону, и въ Черниговъ, къ архіепископу Лазарю и къ инымъ духовнаго чина начальникамъ. И тіи, говоритъ патріархъ Іоакимъ, всесовершенно покорилися со всею паствою и во всемъ согласилися съ восточною святою церковію и святѣйшими патріархами. Когда украинскіе пастыри были въ семъ согласны со святою восточною церковію, какъ и самъ патріархъ утверждалъ то въ 1689 году, то какъ бы кіевскій митрополитъ могъ допустить къ напечатанію *Зерцала Богословія*, Транквилліона, третьимъ изданіемъ въ 1696 году, еслибъ книга сія въ чемъ либо была не согласна съ общимъ мнѣніемъ пастырей церковныхъ? Отличнѣйшее уваженіе къ *Зерцалу Богословія* побудило меня распространиться о предметѣ семъ*)...

*) Точками обозначены сдѣланные нами пропуски въ письмахъ.

Библиотека "Руниверс"

Юпитеръ грозенъ, наипаче въ высокосный годъ, всѣ жалуются на тяжелыя времена. Отъ рубежей полтавскихъ до Чернаго Моря и Дона, кромѣ саранчи, пожравшей труды человѣческіе, въ дополненіе къ тому необыкновенная засуха пожгла всѣ поля и засушила рѣки и студенцы. Въ малороссійскихъ же губерніяхъ холодные дожди хотя и даровали намъ обильнѣйшій урожай, однакожъ непрестанные грады во многихъ мѣстахъ опустошали поля наши обширными полосами. Къ довершенію общей горести, стали являться у насъ многія семейства изъ южныхъ губерній, прося хлѣба насущнаго, говоря, что саранча пожрала у нихъ даже и старые запасы въ скирдахъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ проѣзжихъ говорили намъ, что мелкая саранча съ красными крыльями, самая прожорливѣйшая, опустошивши Крымъ, ударилась къ морю. Крупная же саранча, съ сѣрыми крыльями, гнѣздившаяся на Дону, направила полетъ свой на сѣверозападныя губерніи, что она раздѣлилась на разные отряды, что она въ павлоградскомъ уѣздѣ тянулась двѣ недѣли непрестанно, пожирала тамъ всю солому на крышахъ и затопляла колодези. Мы стали поспѣшать снятіемъ хлѣба съ полей. Вдругъ услышали, что ужасная сила саранчи сѣла подъ селомъ Кибенцами, на ночлегъ, 22 іюля.—23 числа пустилась она прямо въ Трудолюбъ*) и тянулась три часа. 24 числа явилась отъ сѣвера несравненно большая сила саранчи, ночевала, въ виду Трудолюба, два дни сряду и, словомъ сказать, четыре дня сряду съ разныхъ сторонъ нападала на мои земли; но вотъ ужъ пятой день, какъ нѣтъ объ ней никакого слуха. Въ Трудолюбѣ она почти никакого вреда не сдѣлала, развѣ только копъ на двѣ обгрызла зеленаго овса; вообще въ сосѣдствѣ нашемъ она всѣхъ щадила, исключая тѣхъ, у коихъ застигла пшеницу и зеленое просо; кормилась же наиболѣе травой и очеретомъ; она непрестанно бросала изъ себя пометъ на подобіе длиннаго овса, цвѣтомъ зеленоватаго, и всѣ поля мои утучнила симъ навозомъ. Покрывши огороды мои и баштанъ толстымъ слоемъ, пожрала всѣ сорныя травы, а посѣвовъ отнюдь не тро-

*) Имѣніе В. Я. Ломиковскаго.

Библиотека "Руниверс"

гала; словомъ выполола мнѣ баштанъ и огороды гораздо лучше и чище, чѣмъ нанятые полольники. Если она не навѣститъ насъ на зимовье, то мы очень дешево раздѣлаемся съ нею. Въ послѣдствіи мы услышали, что она стала пожирать всякой хлѣбъ даже и гречиху, о которой говорили, что саранча не прикасается къ ней. . . . . .

1824. Іюля 30. Паркъ Трудолюбъ.

47. Вы сами пожелали знать имя Сковороды; желая колико можно угодить вамъ, нашелъ и два письма, являющія образъ мыслей писателя сего; полагая, что это будетъ для васъ пріятно, сообщаю вамъ всю книгу, выписать же писемъ я не могъ потому, что страдалъ ногтоѣдомъ, на которой я тогда же жаловался вамъ.—Касательно же чванливаго Вернета, мужчины съ бабьимъ умомъ, то я, пробѣжавъ пустословіе его съ довлѣющимъ презрѣніемъ, жалѣлъ объ участи Сковороды, что судьба на сей разъ предоставила мелкому умнику дѣлать свой судъ надъ благочестивымъ мужемъ *).

Сей Вернетъ нѣкогда въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, подобно Фуксу, не стыдился лжесвидѣтельствовать, что Суворовъ уважалъ его и неоднократно спрашивалъ его мнѣній и даже совѣтовъ; потомъ воскликнулъ: я бѣдный учитель, то можетъ быть и не повѣрятъ мнѣ въ этомъ! Всѣ статьи его отзывались нестерпимымъ высокомѣріемъ: при чтеніи опыхъ у меня дѣлалась оскома, и я принужденъ былъ отказаться отъ *Украинскаго Вѣстника*. Вотъ какъ мнѣ допёкъ Вернетъ и подобные ему писатели! Позвольте при семъ изложить вамъ, какая во мнѣ родилась мысль, прочитавъ буйное мнѣніе о Сковородѣ; я тогда подумалъ: о несчастные! Истинно должно жалѣть объ васъ; вы теперь точно такъ поступаете, какъ въ первомъ вѣкѣ поступала римская публика; она, почитая себя истинно просвѣщенною, отзывалась о первыхъ христіанахъ съ большимъ уничиженіемъ, говоря: „явилась совсѣмъ новая секта, называемая братство христіанское; люди сіи, въ ослѣпленіи своемъ, презираютъ сча-

*) Разумѣется статья о Сковородѣ, *Гееса-де-Кальве* и *Ив. Вернета*, напечат. въ *Украинск. Вѣстникѣ* 1817 г., № 4, стр. 131. О Вернетѣ см. *Современникъ* 1847 г., № 2.

Библиотека "Руниверс"

стіе и готовы идти на всякую смерть за странное ученіе свое". Такъ отзывалась тогда римская ученость о всѣхъ христіанахъ; и могла ли она представить себѣ, что сіи, по мнѣнію ея, варвары, погруженные въ глубокое невѣжество, обличатъ въ заблужденіяхъ первѣйшихъ мудрецовъ міра и уничижатъ всѣ языческія системы! Не такъ ли и теперь вольнодумная ученость и во множествѣ наружные христіане судятъ о людяхъ прилежавшихъ къ Слову Божію ученіемъ и житіемъ своимъ? Они едва увидятъ непонятное для нихъ сочиненіе въ духѣ истины, сейчасъ восклицаютъ: это мистика! Едва зайдетъ рѣчь объ человѣкѣ, живущемъ въ страхѣ Божіемъ, они или съ насмѣшкою, или съ сожалѣніемъ, а болѣе съ презрѣніемъ говорятъ: онъ мистикъ, онъ несчастный занимается мистикой! А спросите у нихъ, что есть мистика? Они или станутъ въ пень, или прокракаютъ, съ гордымъ увѣреніемъ, несообразную нелѣпицу. Между тѣмъ, почти нѣтъ возможности вразумить ихъ, что они то суть тѣ, кои погрязли въ тинѣ заблужденій; имъ никакъ и на мысль не приходитъ, что объ нихъ сказано: *„преогрочевающіи, живущіе во гробѣхъ; трапеза ихъ предъ ними въ сѣть и въ воздаяніе и въ соблазнъ. Помрачатся очи ихъ, еже не видѣте. Не внидутъ въ правду твою и съ праведными не напишутся"* (Псаломъ полунощницы субботной). Когда я, прилежный и послушный въ наставленіяхъ вашихъ, столь уничижительно мыслю объ писателяхъ, учадѣвшихъ въ школьныхъ бредняхъ, кольми паче посмѣется имъ глубокой созерцатель, пріобыкшій къ строжайшимъ изслѣдованіямъ! Вы, съ терпѣніемъ, осторожностію и со смиреніемъ духа, напутствовали меня на свѣтлую стезю небеснаго ученія, и нынѣ, хотя бы легіоны модныхъ словесниковъ убѣждали меня своротить съ пути истиннаго ученія церкви нашей, устою непоступно! Еслибъ кто предложилъ мнѣ: выбирай одно изъ двухъ—или перемѣни нынѣшній образъ мыслей своихъ, или прими чашу цикуты,—я бы не обинуясь отвѣчалъ ему: подай мнѣ три чаши цикуты! Такъ сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ спасительныя истины церкви нашей.

Библиотека "Руниверс"

Мы выпроводили изъ келій своихъ ликъ Сковороды, но самъ Сковорода не желаетъ оставить насъ, видно судьба велитъ намъ сохранять ликъ его. . . . . .

Я былъ при послѣднихъ дняхъ Трохимовскаго *) и видѣлъ, съ какимъ равнодушіемъ оставилъ онъ міръ сей. Утромъ пригласилъ священника; принявъ св. Тайны, сказалъ, что чрезъ сутки умретъ, однакожъ въ восьмомъ часу вечера игралъ въ невинной бостонъ, отпускалъ анекдоты, ужиналъ съ пріятелями и, помолившись Богу, уснулъ на вѣки. Онъ въ разговорахъ своихъ обнаруживалъ сладчайшее упованіе на Господа, и былъ виною, что я на усопшаго смотрѣлъ не какъ на человѣка, но какъ на ангела, переселившагося въ небо, и съ нѣкакимъ умиленіемъ проводилъ его въ могилу . . . . . .

Крѣпко захотѣлъ я навѣстить С. Л. Алексѣева. Соблювши Спасовъ постъ, думалъ на второй недѣлѣ отговѣть у него. Пріѣзжаю и застаю балъ и танцы; трапеза скоромная, да и церковь была заперта всю недѣлю. Хозяинъ и хозяйка во все время, колико можно уклонялись отъ философіи своей, а я и подавно. Однажды я и посторонній гость сошлись съ хозяиномъ въ собственной комнатѣ его; рѣчь зашла о газетныхъ новостяхъ; хозяинъ безъ всякаго сожалѣнія отзывался о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ греками, и держалъ сторону срацыновъ. Вотъ плоды мнимаго благочестія! Гость возразилъ ему, что должно сожалѣть о единовѣрномъ намъ народѣ. Я въ самыхъ короткихъ словахъ скромно поддержалъ мнѣніе гостя. Хозяинъ отвѣчалъ мнѣ: это пахнетъ Кіевомъ! Я, указавъ пальцемъ на претолстую книгу, сказалъ: благодарю Бога моего, что я съ этимъ ужаснымъ духомъ сподобился развѣдаться въ настоящемъ, а не въ грядущемъ вѣкѣ. Послѣ сего мы оба замолчали. На слѣдующій день я попростился съ обыкновенною дружбой и взаимнымъ доброжелательствомъ. Дорогой думалъ я, какъ мнѣ жаль этихъ добрыхъ людей! повидимому нѣтъ никакой надежды отстать имъ отъ лжеученія; но не оставлю молитвы своей; у Про-

*) Практическій врачъ, пользовавшійся большою извѣстностью въ Полтавщинѣ.

Библиотека "Руниверс"

видѣнія свои пути. Сколько такихъ примѣровъ есть, что человѣкъ, стоявъ на краю погибели, внезапно торжествуетъ. . .

Хорольскіе и лубенскіе помѣщики жаловались мнѣ, что у нихъ сего лѣта не принялась въ садахъ ни одна прищепа; напротивъ того, у меня на открытой горѣ, всѣ кіевскія лѣторосли пустили погоны не менѣе двухъ аршинъ; иные хотя и не достигли сего росту, но вообще всѣ принялись какъ бы по именному указу. Вотъ благодать, когда что сообщается съ самымъ чистымъ усердіемъ!—Сладкая брюква дала сѣмяна въ довольствѣ, а кіевская тыква, кромѣ того, что вѣсомъ въ два пуда, еще же и вкусомъ своимъ примѣтно деликатнѣе нашихъ тыквъ, а сверхъ того имѣетъ сѣмяна очень крупныя; поелику же изъ сѣмянъ сихъ выжимаютъ масло, а народъ на гулянкахъ грызетъ ихъ вмѣсто орѣховъ, то это для хозяйства не бездѣлица. За все сіе премного благодаренъ вамъ.—Въ день имянинъ кумы вашей, была въ Кибенцахъ иллюминація противъ садоваго крыльца. Тогда, подъ вашимъ дереномъ стояла кадка съ пунцовыми цвѣтами, казалось, что то деренъ цвѣтетъ. Замѣтивъ пріятную картину сію, я сказалъ министру: посмотрите, какъ мило деренъ украшенъ. Онъ отвѣчалъ: это дерево, спасибо, я получилъ отъ пріятеля своего.

Благодареніе Богу, жатва у насъ сей годъ была обильная; садовыхъ овощей совсѣмъ нѣтъ, весенній холодъ и гусеница сгубили ихъ. Ужасная саранча долго тянулась черезъ Малороссію, но хлѣба не вредила и пошла большею частію на западъ; однакожъ мы не совсѣмъ избавились отъ нея, малая часть залегла зимовать, какъ шведъ подъ Полтавой; другая же часть; какъ татары, легла за Днѣпромъ, близъ Кременчуга. Въ харьковской же губерніи саранча залегла въ несмѣтной силѣ. Мы страшились токмо саранчи, и никакъ не предвидѣли того, что черви пожрутъ молодую рожь нашу. Иные хозяева въ другой разъ засѣвали поля свои и вновь черви все зерно пожрали. Теперь народъ отправляетъ молебны въ полѣ, да избавитъ насъ Богъ отъ пагубныхъ червей сихъ! Естественная причина сему та, что до сихъ поръ не было у насъ ночныхъ морозовъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торые бывало въ августѣ мѣсяцѣ вредили гречиху. Стоитъ только ангелу, правителю стихіи, ударить на землю морозомъ и изчезнутъ губители насущнаго хлѣба . . . . . .

Въ августѣ мѣсяцѣ, неожиданно, получилъ я большой пакетъ съ надписью: „Опекуну надъ имѣніемъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ". При чемъ получилъ я письмо отъ маршала, содержащее въ себѣ извѣщеніе, что онъ безъ сношенія со мной избралъ меня въ опекуны. Я, поблагодаривъ маршала, что онъ далъ мнѣ случай быть полезнымъ внукамъ благодѣтельнаго мужа, отправился въ Сорочинцы для принятія опеки. Едва приступилъ я къ описи имѣнія, какъ получилъ изъ нижняго суда требованіе, чтобы я немедля заплатилъ въ приказъ общественнаго призрѣнія 3000 рублей, угрожая при томъ, что если въ самомъ скоромъ времени не уплачу оной суммы, то домъ Трохимовскаго и сто душъ крестьянъ сейчасъ будутъ описаны въ казенное вѣдѣніе. Обнадеживъ, что я могу въ скоромъ времени уплатить оную сумму, отклонилъ на время страшную угрозу. Вникнувъ же во внутреннее состояніе имѣнія сего, нашелъ слѣдующее: 1) имѣніе сіе состоитъ изъ четырехъ деревушекъ, растянутыхъ одна отъ другой на дальнее пространство, и вообще составляетъ 240 душъ. Имѣніе сіе отъ перваго пріобрѣтателя своего, М. Я. Трохимовскаго, и слѣдовательно отъ самаго основанія своего, не имѣло устройства; благодѣтельный врачъ, посвятивъ себя человѣколюбію, никогда не заглядывалъ въ хозяйство свое. Сынъ его, по причинѣ болѣзни, былъ всегда въ отсутствіи.—Потомъ оно было подъ надзоромъ престарѣлой вдовы, избравшей себѣ на помощь г. попечителя. Наконецъ, оно ввѣрено было г. опекуну. 2) Оказалось, что въ рабочемъ скотѣ имѣется большой недостатокъ, отъ чего какъ хлѣбопашество, такъ и всѣ статьи хозяйскія до крайности запущены.—3) Сынъ пріобрѣтателя оставилъ имѣніе сіе подъ двумя залогами въ приказъ за 12000 р. 4) Бывшій опекунъ, мелкопомѣстный житель сорочинской, ухватился за одну лишь винокурню, курилъ горѣлку непощадно, порубилъ лѣса кое какіе, выбралъ весь хлѣбъ, процентовъ-же и капитала отнюдь не платилъ и денегъ

Библиотека "Руниверс"

не оставилъ.—5) Мать малолѣтнихъ, вышедшая замужъ за молодаго и безпріютнаго недоросля, дружно съ опекуномъ распечатала сундуки безъ свидѣтелей и выбрала изъ дому все, что душа хотѣла до послѣдней копейки; потомъ разладивъ съ опекуномъ, подала просьбу на него генералъ-губернатору, жалуясь, что опекунъ разорилъ имѣніе любезныхъ дѣтей ея. Опекунъ же съ своей стороны донесъ губернскому правленію, что мать, кромѣ дорогихъ вещей, взяла изъ экономіи 2000 р. 6) Наряжено слѣдствіе. Спрашиваютъ у бывшаго попечителя: вы запечатывали сундуки?—Я.—Подайте опись вещамъ.—Я запечатывалъ сундуки, не разсматривая, что въ оныхъ находится, и потому и не могу знать какія вещи въ сундукахъ находились.—7) Послѣ непощадныхъ опустошеній, начиная съ родственниковъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, всѣ отказывались отъ опеки, тогда вспомнили и обо мнѣ.

Вотъ какъ отблагодарили тому благодѣтельному мужу, который въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, навѣрно не преминулъ ни одного семейства въ округѣ нашей, гдѣ бы не оказалъ услугъ своихъ, или дѣду, или сыну его, или внукамъ его.

Затрудненія мои состояли въ слѣдующемъ: 1) слѣдовало мнѣ безъ всякаго отлагательства внести капитала и процентовъ, просроченныхъ отъ октября мѣсяца прошлаго 1823 г., 2600 р., просроченныхъ же отъ мая мѣсяца текущаго года, свыше 300 р.; сверхъ того, за нынѣ текущій годъ слѣдуетъ уплатить сего октября мѣсяца еще около 2500 р., и сверхъ того царскосельскіе питомцы, въ письмахъ своихъ къ теткѣ и къ приказчику, вопіютъ, что имъ около двухъ лѣтъ не присылаютъ изъ экономіи ни копѣйки, чрезъ что они терпятъ крайнюю нужду въ бѣльѣ и подобныхъ мелочахъ.—2) Всѣ строенія хозяйскія развалились и требовали скорѣйшей починки; дворовая челядь голѣшенькая и нечѣмъ обшивать ее; а потому и велѣлъ я сукно ткать, кожи чинить, погребъ для пчелъ сдѣлать, плотины гатить, мельницы починить и проч., и проч. Нѣтъ даже и одного мѣшка для сыпки хлѣба; нѣтъ даже веревки для связки хлѣба при перевозкѣ съ поля, и, словомъ сказать, какъ бы татарское опустошеніе . . . . . .

Библиотека "Руниверс"

Извѣстно, что М. Я. Трохимовскій велъ жизнь самую благочестивую и Богъ благословлялъ его. То непреложно, что провидѣніе особенно благоволитъ къ сѣмени мужей благочестивыхъ. Сынъ добродѣтельнаго мужа сего, на 26-мъ году, былъ въ чинѣ полковничьемъ и могъ быть очень полезнымъ человѣкомъ, но какъ онъ не умѣлъ владѣть собой и не всегда уважалъ спасительныя наставленія мудраго отца своего, пустился въ разъѣзды при послѣднихъ дняхъ жизни его и, не заставъ родителя своего въ живыхъ, утерялъ родительское благословеніе, господствовавшее желаніе отца его. Такимъ образомъ, онъ, по собственной волѣ своей, удалясь отъ милостей Провидѣнія, умеръ въ горести, подъ чуждымъ кровомъ—и никто изъ родныхъ не видѣлъ гроба его. Онъ по природѣ былъ очень доброй души и въ сердцѣ своемъ носилъ страхъ Божій, насажденный благочестивыми родителями; но добрыя свойства сердца сего, въ толпѣ вольнодумцевъ, именующихъ себя моднымъ свѣтомъ, не рѣдко заглушались иноземными плевелами. Оставшіеся два сына его обѣщаютъ доброе, и кажется, что самъ Господь блюдетъ ихъ, дабы излить на нихъ благословеніе въ воздаяніе праведной жизни дѣда ихъ; вотъ и нѣкоторыя доказательства.

1) П. К. графъ Разумовскій *) отказалъ имъ 100 тысячъ рублей и внесъ оную сумму въ банкъ для приращенія до возмужалости ихъ.—2) Государь императоръ повелѣлъ воспитать ихъ въ царскосельскомъ лицеѣ на казенномъ иждивеніи.

Извѣстно, что изъ лицея сего выскакивали ужасные вольнодумцы, какъ напримѣръ—стихотворецъ П. **)—Однакожъ старшій внукъ Трохимовскаго, Николай Михайловичъ, показалъ, что онъ наслѣдилъ духъ благочестія по слѣдамъ дѣда своего; въ доказательство тому представляю вамъ выписку изъ письма, писаннаго къ отцу своему изъ лицея. „Пожалуюсь вамъ, любезный папенька, что маменька, нанявъ для братца Алеши фран-

*) Гр. Петръ Кирилловичъ Р—ій, р. 1751†1823 г., законныхъ дѣтей не имѣлъ. О немъ см. „Семейство Разумовскихъ“, II, 147—151.

**) Пушкинъ.

Библиотека "Руниверс"

цуза, всего болѣе старается, чтобы онъ зналъ по-французски, а не спроситъ того, умѣетъ ли Алеша читать псалтырь и русскія молитвы".—Такъ мыслилъ 11-тилѣтній юноша. Таковой образъ мыслей даетъ мнѣ поводъ заключить, что юноша сей пойдетъ по слѣдамъ дѣда своего, истиннаго мудреца христіанскаго, который всемѣрно старался насаждать въ сынѣ своемъ сѣмена евангельскихъ добродѣтелей. Желая угодить вамъ, имѣю удовольствіе препроводить къ вамъ для прочета два письма въ подлинникѣ, а изъ третьяго, писаннаго къ сыну при вступленіи его въ службу, слѣдующую выписку. (*Слѣдуютъ выписки изъ священнаго писанія*).

Видите, какой онъ былъ боголюбезный мужъ; онъ зналъ очень хорошо греческій, латинскій и другіе европейскіе языки, однако-же не наставлялъ сына своего поученіями модныхъ философовъ, а поучалъ его словомъ божьимъ, призывалъ имя господне и приносилъ Богу нашему жертву славословія. Вотъ почему я столь отлично уважаю память мужа сего, что близь дому своего сооружилъ ему памятникъ; и сіе признаніе оказалъ ему въ воздаяніе за то, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ благочестивыхъ мужей, который въ юности моей служилъ мнѣ примѣромъ истиннаго христіанскаго благочестія.—

Теперь Провидѣніе ввѣрило въ надзоръ мой обитель его и все достояніе, свято пріобрѣтенное имъ. Выше сего описалъ я, въ какомъ ужасномъ разстройствѣ застигъ я имѣніе.—Между тѣмъ нижній судъ, по настоянію губернскаго правленія, рѣшительно приступилъ къ описанію половины имѣнія въ казенное вѣдѣніе, видя, что чрезъ раздѣленіе онаго на двѣ отдѣльныя опеки оскудѣвшее имѣніе до конца разорится, наипаче-же, если оно будетъ ввѣрено въ руки корыстолюбца,—я смѣло помыслилъ: ужели жезлъ нечестія пребудетъ надъ удѣломъ праведника? ужели обитель его будетъ попираться чуждыми стопами? и ужели жилище праведника, ходившаго въ законѣ господнемъ, будетъ поругано клеветою, яко постиженное гнѣвомъ небеснымъ?—Нѣтъ! онъ не уклонялся отъ заповѣдей господнихъ; онъ хранилъ въ сердцѣ своемъ откровеніе и уставы

Библиотека "Руниверс"

божіи—и можно-ли, чтобы сый не заступилъ обители раба своего? Но вы увидите, какими стезями Богъ ниспослалъ помощь свою и заступилъ мирную обитель раба своего.

Уважая то, что промыслъ поставилъ меня на служеніе сиротамъ, могущимъ быть полезными отечеству, и чувствуя святость обязанности сей, первый шагъ мой въ дѣлѣ семъ состоялъ въ томъ, что я, послѣдую руководству Господа, гласящаго намъ: „что ни попросите во имя мое, дастся вамъ“, присоединилъ ко вседневной молитвѣ моей прошеніе, чтобы Господь сподобилъ, да буду я полезенъ юношамъ, кругомъ осиротѣвшимъ. И въ силахъ ли я на важныя пособія, отягченный собственными долгами? Воздавъ хвалу Богу, обратился я къ человѣкамъ. Прежде всего написалъ письмо къ матери ихъ, проживающей въ Лубнахъ. Я представилъ ей, какимъ несчастіемъ угрожается имѣнію сыновей ея, объявилъ, что бывшій опекунъ и приказчикъ свидѣтельствуютъ, что она взяла заимообразно изъ имѣнія дѣтей своихъ до 2000 р., кои обѣщалась возвратить въ скоромъ времени, представилъ ей, что по справкѣ моей на почтѣ оказалось, что она въ недавнемъ времени получила изъ столицы болѣе 10,000 р., наконецъ, заключилъ, что если она не окажетъ теперь материнскаго пособія, то имѣніе дѣтей ея угрожаетъ паденіемъ. Она въ отвѣтѣ своемъ упрекнула меня въ легкомысліи, говоря, что я не долженъ вѣрить людямъ, но слѣдовало мнѣ прежде справиться, имѣется ли законное обовязательство на заемъ вышесказанной суммы?—Столь хладнокровный отказъ матери въ пособіи сыновьямъ своимъ мгновенно пресѣкъ стремленіе мое къ помощи отъ человѣковъ.—Когда родная мать отпирается отъ долгу своего, то кто изъ людей выручитъ тупе наслѣдіе юношей безмолвныхъ? „Помощь мнѣ отъ Господа, сотворившаго небо и землю“. (Псал. 120, 2).

Зная расположеніе министра (Трощинскаго) къ фамиліи Трохимовскихъ, подробно сообщилъ ему въ Ерески описаніе, въ какомъ бѣдственномъ положеніи засталъ я ввѣренное мнѣ имѣніе, при чемъ приложилъ я собственноручныя письма его, исполненныя доброжелательными выраженіями къ М. Я.; одно изъ

Библиотека "Руниверс"

писемъ сихъ было писано назадъ тому 36 лѣтъ. Навѣстить-же министра за недосугами я не могъ.—17-го сентября поѣхалъ я къ Капнистамъ, въ Обуховку, гдѣ былъ домашній праздникъ. Туда прибыла и кума ваша О. Д. Не видавшись болѣе двухъ мѣсяцевъ съ министромъ, долженъ былъ извиниться въ этомъ предъ его родными и обѣщался, при первомъ досугѣ, посѣтить его въ Ерескахъ, куда и отправился 19-го числа. На пути семъ получилъ требованіе отъ нижняго суда, угрожавшаго, что если я къ завтрашнему числу не внесу 3000 р., то онъ имѣетъ 21 числа приступить къ описанію имѣнія и дома Трохимовскаго.

На слѣдующій день послѣ обѣдни, пошелъ въ кабинетъ къ министру, который, поблагодаривъ меня за извѣщеніе о состояніи опеки, спросилъ: какъ теперь идутъ дѣла ваши?—Я отвѣчалъ, что завтрашній день будутъ описывать въ казну мирную обитель Трохимовскаго, при чемъ вручилъ ему письмо малолѣтняго, въ которомъ онъ объясняетъ теткѣ своей крайнюю нужду въ деньгахъ и проситъ у ней пособія. Министръ, прочитавъ оное, сказалъ: деньги я пошлю имъ по первой почтѣ; потомъ промолвилъ: я говорилъ домашнимъ своимъ, что стыдно будетъ допустить намъ, чтобы домъ благотворительнаго человѣка сего потерпѣлъ поношеніе.—Скажите, сколько вамъ надобно, двѣ или три тысячи?—Я отвѣчалъ: двѣ.—Извольте. Отдадите ихъ тогда, какъ опека ваша разбогатѣетъ. Остальная-же сумма накопилась въ экономіи малолѣтнихъ. Такимъ образомъ имѣніе сіе очистилось отъ недоимки, на что и получена квитанція.—„Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ его во истинѣ“. (Псал. 141, 18).

Можно отдать справедливость Д. П. Трощинскому, что онъ, не взирая на значительные долги свои, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, когда почти всѣ люди вообще слѣпо вдаются во власть сребролюбія, онъ постоянно придерживался благой готовности своей сдѣлать пособіе ближнему.

Еще предлежало опекѣ большое затрудненіе въ томъ, что обширный дворъ Трохимовскаго, находясь среди многолюднаго мѣстечка Сорочинецъ, окруженъ улицами, и чрезъ это всѣ

Библиотека "Руниверс"

строенія и ветхій домъ, состоящій изъ 18-ти комнатъ, крайне подвержены опасности отъ воровства. Но благое провидѣніе поставило теперь надежныхъ стражей своихъ. Два грозные козака, въ зеленыхъ кафтанахъ, съ саблями и пиками, день и ночь стоятъ на стражѣ у воротъ Трохимовскаго, и какъ разъ подлѣ той незавидной хижины, состоящей изъ одной комнаты, гдѣ благодѣтельный мужъ, въ продолженіи 50-ти лѣтъ, благотворилъ безвозмедно всѣмъ бѣднымъ, день и ночь толпившимся въ доступной обители его.

Если вамъ угодно знать, откуда взялась ратная стража сія, то вотъ вамъ и развязка: Кириллъ Ивановичъ графъ Гудовичъ, обладавшій многими селами, оставивъ въ Москвѣ огромные чертоги свои, пріѣхалъ тѣсниться въ Сорочинцы. Здѣсь приступилъ къ затѣйной перестройкѣ улицъ своихъ, а какъ къ наступающей зимѣ онъ не имѣетъ мѣста, гдѣ бы могъ съ большимъ семействомъ своимъ и многочисленной помощи спокойно пріютиться, то и долженъ былъ занять домъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ. За таковыя выгоды графъ обязанъ дѣлать разныя починки въ домѣ и 1000 р. въ годъ прилагательнаго. Видите, какими непредвидѣнными путями все устраивается на пользу сиротъ моихъ.

Стараясь выполнить желаніе ваше относительно сочиненій Сковороды, я отыскалъ одного изъ помѣщиковъ нашихъ, который, служа въ харьковской губерніи, проживалъ въ домѣ Захаржевскаго, гдѣ находились многія сочиненія Сковороды. Сей помѣщикъ сказывалъ мнѣ, что онъ и самъ имѣетъ нѣкоторыя изъ сочиненій таковыхъ, и посулилъ доставить оныя...

Сорочинцы. Трудолюбъ. 1824. Октября 15.

Дек. 20—1824.

48. Заботы опекунскія тѣснятъ меня со всѣхъ сторонъ, всего-же болѣе озабочиваетъ меня жестокій притѣснитель сиротины графъ Кириллъ Гудовичъ, который самоправно, занявъ отеческій домъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ, по прихотямъ своимъ рубитъ потолки въ домѣ, рубитъ стѣны для окошекъ и рубитъ заборы для прихотливыхъ калитокъ; забавляется огнями

Библиотека "Руниверс"

потѣшными среди двора уютнаго; и все сіе дѣлаетъ, войдя въ домъ самоправно и не сдѣлавъ съ опекуномъ никакого контракта. Вслѣдствіе чего подалъ я уже три жалобы на графа, но ему крѣпко потворствуютъ корыстолюбцы, и я, можетъ быть, поѣду къ князю Репнину.

При всемъ этомъ замѣтно теперь, что графъ началъ бояться опекуна, котораго никакъ подкупить не можетъ. Опекунъ съ пустымъ карманомъ, безъ всякой силы людской и самъ по себѣ столь немощный, успѣлъ преодолѣть такія затрудненія, которыя наводили ужасъ, и всѣ говорили, что не устоитъ имѣніе.—Но какъ я съ перваго дня опеки двукратно въ день молюсь Богу съ колѣнопреклоненіемъ о призрѣніи сиротины, то Богъ въ самыхъ немощахъ сихъ и являетъ чудесную силу свою.—

Къ 15 декабря, нужно было опекуну заплатить въ приказъ 2500 руб., подушныхъ 660 руб., на рекрутовъ 200 руб.,—всего 3360 руб. У всѣхъ доходы стали, самъ опекунъ въ долгахъ и по пяти рублей не имѣетъ, ибо теперь ничто не идетъ въ продажу. Но какъ онъ непредвидѣнно вновь заплатилъ долги сіи, то ему самому и на умъ не приходило то. Вдругъ гдѣ ни взялся купецъ и—далъ за шерсть 500 р., заплативъ дороже роменской продажи, и въ такое время, когда никто шерсти не покупаетъ. Вдругъ графъ, огорчившись на справедливую жалобу мою, а потомъ на огромное письмо мое, на всю ночь парядилъ козака и прислалъ 1100 р. ассигн.; вдругъ подушное собрано, горѣлка продана, и все сіе совершилось въ одну седьмицу. Все удовлетворено и горе съ плечъ свалилось.

Графъ съ управителемъ своимъ чрезвычайно ругаетъ опекуна въ письмѣ, доставленномъ съ деньгами. Они говорятъ: „дерзкій! дерзкій“! Опекунъ-же отвѣчаетъ имъ, что дерзокъ только говоря истину въ скромныхъ выраженіяхъ. Какъ дѣяніе апостоловъ свидѣтельствуетъ, что и самъ св. Павелъ училъ истинѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно.—Они говорятъ: ты сумасшедшій! Опекунъ отвѣчаетъ: для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе. Они говорятъ: проповѣдникъ! Опекунъ

Библиотека "Руниверс"

отвѣчаетъ: „не стыжусь благовѣствованія Христова, потому что оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему". (Кор. 1: 16). „Кто меня постыдится, того и сынъ человѣческій постыдится предъ апостолами его".

Затѣмъ доложу я вамъ, что по опекѣ сей открыты уже широкія врата судебной вражды съ богатымъ міра сего, уповающаго на златую длань свою и на родство съ начальникомъ, который однакоже любитъ справедливость *)...

Паркъ Трудолюбъ. 1824. Декабря 20.

49. Позвольте еще доложить вамъ о нѣкоемъ событіи. Въ исходѣ генваря мѣсяца, божіею помощью выигралъ я опекунскую тяжбу у милліонщика графа Гудовича, позволявшаго себѣ всѣ обычные способы; сіи на конехъ, сіи на колесницахъ, а мы во имя божіе.—И такимъ образомъ, графъ общимъ голосомъ присягателей обиченъ былъ въ жестокой неправдѣ. . . .

Трудолюбъ, 1825. Февраля 20.

50. Теперь позвольте приступить къ инымъ предметамъ имѣющимъ отношеніе къ послѣднему письму вашему. Я былъ у пріятелей своихъ **), гдѣ и прожилъ нѣсколько сутокъ; по возвращеніи же моемъ домой, услышалъ я, что оба брата потребованы въ столицу, яко члены бывшей масонской ложи, затѣянной Новиковымъ, который умеръ въ 1824 году. У насъ не сомнѣваются о томъ, что добрые люди сіи возвратятся съ честію, ибо они вступили въ ложу сію подъ благовидными предлогами и если въ ложѣ сей находились какія либо правила, чуждыя христіанству, то навѣрно таковыя правила предъ ними не обнаруживали...

Строгая совѣсть никакъ не позволяла мнѣ отказаться отъ опеки сей. Принимая-же опеку вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, члены суда сказали намъ: „такъ какъ имѣніе сіе было вовсе безъ призора, и графъ (Гудовичъ), пользуясь

*) Разумѣется кн. Н. Г. Репнинъ, бывшій тогда генер.-губернаторомъ Малороссіи. Кн. Репнинъ былъ женатъ на Варв. Ал. Разумовской, тетка которой Прасковья Кирилловна Разумовская была замужемъ за гр. Ив. Вас. Гудовичемъ, отцомъ Кирилла.

**) Алексѣевыхъ.

Библиотека "Руниверс"

несчастіемъ сиротъ, отнялъ близь двора ихъ землю, о чемъ приказчикъ малолѣтнихъ подалъ въ судъ жалобу, то вы, принимая по описи въ свое вѣдѣніе сію землю, обязаны защищать оную силою законовъ". Мы, желая прекратить готовую уже тяжбу, убѣждали графа о справедливости, но онъ, вмѣсто мира, затѣялъ на землѣ той преогромную конюшню. Вторая жалоба наша была за слѣдующія обиды: принимая домъ малолѣтнихъ въ свое вѣдѣніе, застали тамъ графа, проживающаго самоправно въ домѣ малолѣтнихъ со всею помпою, и при томъ безъ договора и безъ платежа денегъ. Мы сказали графу, что какъ онъ проживаетъ въ чужомъ домѣ около трехъ мѣсяцевъ, то онъ обязанъ дать контрактъ на законномъ условіи и заплатить деньги за наемъ дома, дабы обезпечить дворъ отъ случайныхъ утратъ, а паче отъ пожара. Графъ, отвергнувъ предложеніе наше, сталъ управлять домомъ, какъ своею собственностью; сталъ рубить стѣны для прихотливыхъ окошекъ, рубить потолокъ и кровлю, ломать печки, рубить заборы, а въ праздники, среди тѣснаго двора, пускать фейерверки. Все сіе производилъ онъ безъ всякаго сношенія съ опекунами. Тогда дворянская опека предписала намъ указомъ своимъ: заключить контрактъ съ постояльцемъ незваннымъ, а въ противномъ случаѣ освободить домъ отъ постоя. Графъ не послушалъ указа. Мы просили защиты у дворянской опеки, которая предписала намъ указомъ своимъ: искать удовлетворенія законнымъ порядкомъ. Я представилъ графу всѣ обстоятельства сіи на разсмотрѣніе и далъ шесть недѣль сроку на размышленіе, избирая даже и посредниковъ къ прекращенію неудовольствій. Графъ, будучи окруженъ такими людьми, кои въ тяжбахъ его находятъ свою жатву, не переставалъ усиливать обиды; онъ, пренебрегая товарища моего, дѣлалъ для меня званные обѣды и оказывалъ мнѣ самыя приторныя ласки. Но грѣхъ было оставить сиротину на жертву хищенія; нельзя было и не послушаться законной власти. Среди таковыхъ искушеній, мы подали жалобу о предлежащей опасности, о самовольномъ проживаніи, о неплатежѣ денегъ, объ утратѣ вещей сиротскихъ и о прочихъ очевидныхъ оби-

Библиотека "Руниверс"

дахъ. Графъ, надѣясь, что генералъ-губернаторъ есть близкій свойственникъ его, подалъ чрезъ жену свою жалобу на насъ генералъ-губернатору, состоящую въ величайшихъ несправедливостяхъ и самыхъ неумѣренныхъ ругательствахъ. Велѣно изслѣдовать истину, и мы каждый отъ себя подали объясненіе. Вотъ всѣ наши тяжбы, въ которыхъ милосердный Богъ, даже и по нынѣ, охраняетъ дѣло сиротское, неисповѣдимыми путями своими. Графъ ничего уже не жалѣетъ и нигдѣ не успѣваетъ. Сіи на коняхъ, сіи на колесницахъ, а мы во имя Господне...

Трудолюбъ. 1826. Мартъ 6.

51. Праздникъ скибенскій былъ очень многолюдный, генералъ-губернаторъ почтилъ оный присутствіемъ своимъ. Пиршество тянулось пять дней; пресыщеніе, упоеніе, пляски до утомленія продолжались, но главную роль представлялъ мотовитый картёжъ; всѣ почти въ долгахъ, а въ большую игру играютъ. Старикъ (Трощинскій) разохотился пировать; склонилъ многихъ, чтобы князя Репнина провожать за 20 верстъ, къ молодому Базилевскому, куда и я былъ приглашенъ *). У Базилевскаго фасадъ дома имѣетъ малое сходство съ казанскою церковью; сіе говорю я о колонадѣ, которая съ обѣихъ сторонъ обнимаетъ весьма небольшой корпусъ жилаго дома. Во всемъ домѣ мы не видѣли, на мраморныхъ стѣнахъ, ни одной картины. Все украшеніе состоитъ изъ четырехъ ликовъ г-на Базилевченка: первый ликъ изображенъ въ ростъ, въ златошвейномъ одѣяніи, писанъ въ Парижѣ. Другой ликъ,—грудной бюстъ изъ карарскаго мрамора, изображенъ съ нашего Базилевченка среди Италіи, и не описывая другихъ два лика, писанныхъ на Западѣ, можно сказать, что и самъ хозяинъ составлялъ весьма плохую копію русскаго барина, однакоже не челомъ и не устами, но строеніемъ, музыкой и винами, доставшимися отъ усопшихъ дядюшекъ. Мы угощаемы были полновѣснымъ обѣдомъ и жиденькимъ ужи-

*) Базилевскіе были богатые полтавскіе помѣщики. Въ к. XVIII в. ихъ было пять братьевъ, владѣвшихъ вмѣстѣ болѣе 10000 крестьянъ. См. Русск. Арх. 1875 г., I, 97.

Библиотека "Руниверс"

номъ. На сей разъ самолюбіе навело слабый сонъ на скупость; замѣтно было, что скупость уже готова была воспрянуть отъ сна, дабы задавить дерзновенное самолюбіе, но мы всѣ поспѣшили разъѣхаться. Но гулянье не кончилось симъ; старикъ былъ приглашенъ Родзянками къ молодому ихъ имениннику Платону. Оттолѣ—гулянье у Оболонскаго, а потомъ опять гулянье сей день, т. е. на святыя Екатерины, у Базилевскаго-же, гдѣ именинница Катерина Базилевская, фрейлина и племянница министра Волконскаго. Старикъ усильно приглашалъ меня на сіи святочныя разъѣзды среди поста, но я однако-же отсталъ отъ пированій еще 2 ноября и понынѣ сижу дома. Природа цѣпенѣетъ отъ стужи; лѣса сбросили съ себя зеленый покровъ свой, рѣки укрыли рыбу свою льдистымъ помостомъ, птицы улетѣли на Западъ, вѣтры и мятели бушуютъ; но человѣкъ по милости божіей имѣетъ еще всѣ средства утопать въ роскоши. Ястія и питіе на трапезахъ съ четырехъ странъ свѣта и вошло въ моду при такихъ пирахъ вставать отъ стола, не перекрестившись. А тамъ утомленный путникъ, размочивъ водой оледененный хлѣбъ свой, усердно благодаритъ всеблагаго Бога, что онъ далъ ему насущную пищу . . . . . .

Паркъ Трудолюбъ. 1827. Ноября 24.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи. Въ Русской Старинѣ печатаются интересные очерки подъ названіемъ «На зарѣ крестьянской свободы», составленные по письмамъ и мемуарамъ 1857—61 гг. Въ апрѣльской книжкѣ с. г. здѣсь напечатана «записка», написанная по этому предмету В. В. Тарновскимъ - отцомъ. Мѣсяцъ назадъ, печатая письма Кулиша къ послѣднему, мы имѣли случай сказать—что́ это за ревностный былъ поборникъ «крестьянской свободы». Напечатанная въ Р. Ст. его «записка» объ этой свободѣ настолько любопытна, что мы перепечатываемъ ее здѣсь, въ сокращеніи, съ нѣкоторыми примѣчаніями, надѣясь въ скоромъ времени представить на страницахъ нашего журнала еще нѣсколько подобныхъ документовъ, принадлежащихъ перу В. В. Тарновскаго, обѣщанныхъ намъ сыномъ этого «лучшаго изъ гражданъ Малороссіи», какъ его назвалъ Кулишъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Записка» эта представляетъ собою собственно письмо В. В. Т-го, писанное имъ 1 марта 1858 года [1]), къ другому такому-же поборнику «крестьянской свободы» Г. П. Галагану, причемъ авторъ очерковъ «На зарѣ», приводя это письмо, говоритъ, что оно было доложено государю Александру Николаевичу, и сверху рукою его величества отмѣчено: «весьма любопытное и дѣльное письмо».

«Будучи въ Черниговѣ, пишетъ г. Тарновскій, я познакомился со всѣми предводителями и даже изучилъ ихъ, а также съ губернато-

[1]) Изъ Прилуки.

Библиотека "Руниверс"

ромъ [1]), который мнѣ сказалъ, что во всякомъ случаѣ я и вы будемъ членами комитета, но чтобы мы баллотировались на выборахъ. Вслѣдствіе этого я стараюсь устроить свое избраніе и имѣю довольно надежды. Буду ли выбранъ или нѣтъ, я предложу васъ баллотировать, полагая, что въ семъ дѣлѣ срама не имаши, если и не одного бѣлаго не получишь. Если одного изъ насъ или обоихъ выберутъ, то мы будемъ имѣть нѣкоторое право совѣтовать губернатору, кого избрать на мѣсто насъ. Буду дѣйствовать, сколь возможно, сильнѣе [2]).

Къ этому считаю своею обязанностью изложить вамъ свои убѣжденія объ основаніяхъ, по которымъ можно судить о предводителяхъ и дворянахъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. Пока правительство не выразило своего мнѣнія, не дало перваго толчка, помѣщики раздѣлились на приверженцевъ и противниковъ эмансипаціи, и, разумѣется, первыхъ было очень мало. Но съ тѣхъ поръ, какъ правительство выразило свою непреложную волю, которой теперь нельзя уже не исполнить, чтобы ни дѣлало дворянство, всѣ сдѣлались эмансипаторами волею или неволею, и роли совершенно измѣнились. Теперь помѣщики различаются по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ они при этомъ преобразованіи. Встрѣчаются очень часто люди, которые не желали большей перемѣны по привычкѣ, лѣности неразвитости или старости; но когда она явилась, какъ что-то неизбѣжное, они призадумались, вздрогнули, можетъ быть не спали нѣсколько ночей, но потомъ выказали правдивость и мягкость своей природы и здравость смысла. Они хотятъ за усадьбы платы немного болѣе цѣны пахатной земли и даже готовы отъ того отказаться; за строенія не считаютъ себя вправѣ ничего требовать, за землю же, состоящую въ пользованіи крестьянъ, желаютъ повинностей, согласныхъ съ существующими обычаями вольнаго найма. Къ такимъ людямъ

---

[1]) К. П. Шабѣльскій. *Ред. К. Ст.*

[2]) Ни Тарновскій, ни Галаганъ не были выбраны членами комитета, если только они баллотировались. И Тарновскій, и Галаганъ были *назначены* членами комитета *отъ правительства*. См. „Черниг. Губ. Вѣд.“ 1859 г., № 9. Тутъ-же приведены и рѣчи, сказанныя дворянами какъ при открытіи, такъ и при закрытіи комитета. Рѣчь В. О. Подвысоцкаго, сказанная при открытіи комитета, начинается такъ: „Каждый изъ насъ давно желалъ возвратить крестьянамъ права, которыхъ они были лишены государственнымъ установленіемъ... При закрытіи комитета, В. Д. Борковскій рѣчь свою заключилъ слѣдующимъ тостомъ: „за благое преуспѣяніе свободнаго сословія, и съ нимъ—обновленіе дворянства!“. *Ред. К. Ст.*

Библиотека "Руниверс"

принадлежитъ нашъ почтенный ветеранъ, Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ которымъ особенно сблизилъ меня современный вопросъ. Такого же мнѣнія М. М. Тамара и Сенковскій. Судіенко *) проповѣдуетъ по Кіеву самыя либеральныя мысли въ отношеніи къ крестьянскому вопросу и въ то же время открыто говоритъ, что онъ былъ противникомъ эмансипаціи, но когда она неизбѣжна, то необходимо предъявлять требованія умѣренныя и тѣмъ утвердить прочные интересы дворянства и спасти страну отъ бѣдствія. Подозрѣваютъ, что онъ имѣетъ при этомъ человѣколюбивыя намѣренія; но въ общественныхъ вопросахъ не нужно докапываться до глубины души, довольно того, что дѣйствія человѣка и обнаруживаемыя имъ мнѣнія совпадаютъ съ пользою народа. Въ Кіевѣ я убѣждалъ всѣхъ, кого могъ, чтобы обратили особенное вниманіе на выборы и искали званія членовъ комитетовъ.

«Но есть другаго рода люди, тѣ, которые изъ мечтательности и безотчетнаго увлеченія мыслями, высказанными въ послѣдней (прочитанной) книгѣ, или изъ желанія прослыть просвѣщенными, проповѣдывали освобожденіе, а теперь, не отказываясь отъ своихъ мыслей, хотятъ пустить на волю крестьянъ, но ограбивши ихъ прежде порядочно. Но есть еще разрядъ особенный совершенныхъ эгоистовъ, для которыхъ все равно, будутъ ли крестьяне свободными или нѣтъ, и которые готовы предаться той сторонѣ, которая обѣщаетъ болѣе выгодъ. Такихъ людей надобно иначе разсматривать и всегда предполагать, что они будутъ дѣлать самое выгодное для себя. Напримѣръ, если какой просвѣщенный господинъ желаетъ быть губернскимъ предводителемъ, то, онъ, разумѣется, будетъ стараться выказать себя защитникомъ дворянъ, будетъ предлагать ужасные для крестьянъ проекты. Удадутся они, и корысть удовлетворена, и честь дворянства; не удадутся—все таки прослыветъ защитникомъ и шагнетъ въ губернскіе. Другой господинъ, также просвѣщенный, положимъ, уже генералъ, хочетъ губернаторскаго мѣста, онъ будетъ защищать крестьянскія выгоды, хотя съ большою осторожностью, чтобы не уронить себя предъ дворянствомъ. Слѣдовательно, послѣдній господинъ полезнѣе для общаго дѣла, и онъ сдѣлается смѣлѣе, когда найдетъ опору хотя малочисленной партіи.

*) М. О. Судіенко, извѣстный любитель малорусской старины, бывшій пресѣдатель Кіевской археографич. коммиссіи. *Ред. К. С.*

Библиотека "Руниверс"

«Въ собраніяхъ черниговскіе предводители мало выражаютъ еще мнѣній объ устройствѣ крестьянъ, а болѣе толковали о подпискахъ и проч.; но В. Б—вскій [1]) прочелъ свое мнѣніе, въ которомъ, очень краснорѣчиво разсуждая о гибельныхъ дѣйствіяхъ крѣпостного права, предлагалъ взять выкупы за каждую усадьбу съ 1/4 десятины 60 р., а за постройки до 70 р., всего 130 р. отъ одного крестьянскаго семейства, доведеннаго владѣльцами до нищеты! Далѣе уже нельзя было идти просвѣщенному человѣку, но за нимъ еще мычали отдѣльные возгласы: «хорошо, но дешево усадьбы оцѣнены: у насъ 250 руб. стоятъ, у насъ 500 руб. и т. д.». Много намъ хлопотъ и горя будетъ, любезный другъ, и мы знаемъ, что положить начало благоденствія народа не сладкое кушанье. Это своего рода мученичество! Надобно имѣть въ душѣ своей много вѣры и любви, чтобы не ослабѣть въ обществѣ; и мы побѣдимъ, Богъ намъ поможетъ! Онъ изливаетъ теперь благодать на наше отечество.

«Наконецъ, надо упомянуть объ одномъ разрядѣ людей, которые отчасти изъ мечтательности желаютъ выказать себя и съ заднею мыслію говорятъ, что правительство мало дѣлаетъ, что надо выкупать землю, и подаютъ мнѣнія правительству... А сколько теперь явилось головъ, которыя, не зная финансовъ и азбуки, кричатъ о выпускѣ облигацій и хотятъ взять такую цѣну за землю, уступленную крестьянамъ или за повинности ихъ, какихъ и все имѣніе не стоитъ. Такими облигаціями рѣшаютъ вопросъ Егоръ Ѳед. Р—вичъ, [2]) П—цкій, [3]) въ пародіи Позена, который хочетъ при эмансипаціи пріобрѣсти барышокъ.

«Не нравится мнѣ также ученіе «Русскаго Вѣстника», который думаетъ, что можно настоящій вопросъ рѣшить одними экономическими разсчетами, устроить всякія нравственныя и религіозныя движенія. Это заблужденіе. Въ такомъ юномъ обществѣ легче найти людей религіозныхъ, человѣколюбивыхъ, чѣмъ разсчетливыхъ экономистовъ, а надѣяться на однихъ послѣднихъ,—значитъ лишить реформу одной изъ живыхъ силъ нашего народа. Будемъ постоянно проповѣдывать, что грѣшно и безнравственно при освобожденіи обобрать людей, которыхъ мы довели до нищеты и нравственнаго униженія,

---

[1]) Бывшій екатеринославскій губернаторъ. *Ред. К. Ст.*

[2]) Помѣщикъ прилуцкаго уѣзда, Е. Ф. Раковичъ. *Ред. К. Ст.*

[3]) Помѣщикъ борзенскаго уѣзда. *Ред. К. Ст.*

Библиотека "Руниверс"

и великодушно раздѣлиться съ ними по-братски... а насъ учить хотятъ только разсчитыванію, когда намъ нужно горѣть любовью къ братьямъ нашимъ, надѣть кресты и идти въ крестовый походъ противъ невѣрующаго и развращеннаго дворянства и побѣждать не оружіемъ, а силою слова, силою любви къ братьямъ нашимъ... Я того мнѣнія, что крестьянамъ надобно оставить въ пользованіи столько земли, какъ они теперь имѣютъ, развѣ сами откажутся».

Обрядъ „вывода“ новобрачной въ Подоліи. Въ Подоліи существуетъ обычай, въ силу котораго новобрачная на другой день послѣ брака (обыкновенно въ понедѣльникъ) идетъ къ священнику «до выводу». Идетъ она обыкновенно не одна, но въ сопровожденіи свахъ и «дружбы» (шаферъ). Послѣдній какъ бы ведетъ новобрачную, держась за одинъ конецъ платка, другой конецъ котораго въ рукахъ новобрачной. Иногда вмѣсто платка употребляется для той же цѣли красный поясъ (символъ цѣломудрія невѣсты). Такимъ же поясомъ обвязывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и голова новобрачной, а въ другихъ новобрачная повязывается «бѣлой намиткой», а поверхъ ея красной ленточкой.

Самый выводъ состоитъ въ слѣдующемъ. Священникъ, возложивъ на себя епитрахиль, читаетъ надъ колѣнопреклоненной новобрачной молитву, которая въ Требникѣ помѣщается непосредственно за чиномъ вѣнчанія новобрачныхъ и называется молитвой «на разрѣшеніе вѣнцовъ, въ осмый день».

Обычай вывода на югѣ Россіи есть обычай весьма древній, но суть его состояла вовсе не въ чтеніи молитвы на разрѣшеніе вѣнцовъ. Такой молитвы въ старинныхъ южнорусскихъ Требникахъ даже и не полагалось (хотя и не во всѣхъ). Вмѣсто этой молитвы въ нихъ былъ цѣлый, хотя и не большой, чинъ, который надписывался такъ: Молитва первобрачной невѣстѣ, хотящей ввестися по брацѣ въ церковь и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ». Вотъ этотъ-то именно чинъ и далъ начало обычаю «вывода», который и названіе свое получилъ отъ словъ надписанія

Библиотека "Руниверс"

молитвы *«ввестися въ церковь»*. Самый чинъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Новобрачная, въ сопровожденіи своихъ «друговъ», приходила къ «церкви» и становилась «внѣ дверей предъ церковію». Въ какой день это происходило, чинъ не указываетъ, но, основываясь на нынѣшней практикѣ «вывода», можно думать, что на второй день послѣ брака. Въ дверяхъ церковныхъ новобрачную встрѣчалъ священникъ, и послѣ прочтенія установленныхъ молитвъ, входилъ въ церковь, а невѣста «въ паперть.» Здѣсь, послѣ прочтенія другихъ молитвъ, священникъ благословлялъ главу новобрачной «и возлагалъ на ней саванъ» (наметку). Таковъ былъ чинъ введенія новобрачной въ церковь по южнорусскимъ старинным Требникамъ *), или, что тоже, чинъ «вывода», который, по возрѣнію крестьянъ, имѣетъ приблизительно такое же значеніе, какъ и «выводъ», совершаемый въ сороковый день по рожденіи младенца.

Съ теченіемъ времени, когда изъяты были изъ употребленія древніе южнорусскіе Требники, обычай вывода, твердо укоренившійся въ народѣ, продолжалъ существовать, но особеннаго чина для него уже не было. Тогда по необходимости стали на выводѣ читать молитву на разрѣшеніе вѣнцовъ.

Обрядъ покрыванія головы новобрачной савановъ (наметкой) далъ начало существующему и до настоящаго времени обычаю покрывать голову новобрачной наметкой и платкомъ такъ, какъ дѣлаютъ это всѣ вообще замужнія женщины въ средѣ простонародья. Это покровеніе совершенно обычно на свадебномъ вечерѣ и сопровождается пѣніемъ, приспособленнымъ къ сути совершаемаго дѣйствія.

Таково происхожденіе обычая вывода. Въ греческой и сѣверно-русской церкви подобнаго чина нѣтъ и не было, и явился онъ подъ вліяніемъ практики католической церкви, въ которой имѣется обрядъ, называемый, какъ и въ южнорусскихъ Требникахъ, введеніемъ новобрачной въ церковь послѣ брака. (Изъ Подольск. Епарх. Вѣд. 1898 г., № 15—16).

---

*) См. Требникъ Петра Могилы, стр. 428—431; Требникъ Львовск. изд. 1663 г., л. 116—118: Почаевск. изд. 1771 г., л. 81 об.—93 об.

Библиотека "Руниверс"

Заславская легенда. Въ Заславѣ, за городомъ, сохранились едва уже примѣтные остатки какой-то древней каменной постройки. Объ этихъ развалинахъ сложилась любопытная, совершенно въ романтическомъ стилѣ, легенда. Не знаемъ навѣрное, помнятъ ли въ Заславѣ эту легенду и въ настоящее время, но она записана мѣстнымъ историкомъ лѣтъ сорокъ назадъ и при томъ отъ лица, бывшаго будто бы очевидцемъ происшествія. Дѣло происходило при жизни владѣльцевъ Заслава, князя Януша Сангушка (+1806 г.) и его жены Анели, урожденной Ледуховской (+1825 г.), слѣдовательно не позже начала текущаго столѣтія.

Однажды въ Заславскомъ замкѣ появился никому неизвѣстный старикъ, нищій. Такъ какъ владѣльцы замка, въ особенности же княгиня, отличались нищелюбіемъ и щедростью, то пришельца не только не прогнали со двора, но и наградили щедрымъ подаяніемъ. Нищій поблагодарилъ за милостыню, но настойчиво добивался личнаго свиданія съ княгиней, наединѣ, имѣя намѣреніе открыть ей нѣчто важное. Заинтересованная необычайностью просьбы, княгиня приказала привести къ ней таинственнаго пришельца. Нищій сначала благодарилъ княгиню за подаяніе, а потомъ, убѣдившись, что его никто изъ постороннихъ не слышитъ, сообщилъ ей слѣдующее: «За вашимъ городомъ, пани, есть старинныя развалины, о которыхъ вы навѣрно знаете. Тамъ былъ нѣкогда крѣпкій замокъ, жилище вашихъ предковъ. Никто ужъ изъ живущихъ нынѣ не помнитъ его инымъ, какъ въ видѣ развалинъ; я одинъ остался изъ числа бывшихъ слугъ того замка и былъ очевидцемъ его блеска и затѣмъ упадка. Непріятель и время разрушили эту твердыню; но въ его завалившихся погребахъ сохранились огромныя сокровища, и я одинъ могъ бы дать указанія, гдѣ именно и какъ слѣдуетъ искать ихъ. Но прежде всего я долженъ предостеречь васъ милостивая пани, что, какъ только мы докопаемся до скарбовъ, въ ту же минуту начнетъ горѣть Заславъ, а пока окончимъ работу, онъ сгоритъ весь. Но вы, княгиня, не тревожьтесь этимъ и не смущайтесь, потому что найденными скарбами вы будете въ состояніи втрое возмѣстить потери жителей; я же останусь въ вашемъ распоряженіи и принимаю на себя полную отвѣтственность за все, что произойдетъ». Вернувшись къ своимъ гостямъ, княгиня передала имъ все это. Горя любопытствомъ, гости стали настойчиво убѣждать княгиню послушаться таинственнаго старца и исполнить его совѣтъ. Она долго колебалась,

Библиотека "Руниверс"

наконецъ рѣшила сдѣлать попытку. Былъ назначенъ день, когда должны начаться раскопки, а мѣстный городничій любезно предложилъ назначить на работы гарнизонныхъ солдатъ, какъ людей храбрыхъ и опытныхъ въ такомъ дѣлѣ. И вотъ начались работы, подъ руководствомъ нищаго, въ присутствіи княгини, ея гостей и почти половины городского населенія, съ ранняго утра собравшагося на мѣсто. Дружно шли работы; вырыты были глубокія траншеи; но уже наступалъ вечеръ, а скарбовъ не находили. Хотѣли было отложить розыски на утро, какъ тутъ у одного рабочаго сломалась кирка, ударившись о камень. Разгребли землю—оказались признаки склепа. Крикъ радости вырвался изъ грудей присутствовавшихъ. Но въ эту минуту раздался набатный звонъ, и огромное зарево показалось надъ городомъ. Страхъ и тревога овладѣли толпой. Работы были брошены и всѣ стремглавъ бросились спасать свои жилища и храмы. Поплелся за народомъ и виновникъ случившагося, таинственный нищій, терпѣливо ожидая, пока всѣ успокоятся.

Прошло нѣсколько дней. Тревога миновала, а любопытство и жадность пересилили страхъ. И вотъ, побуждаемая дворовыми слугами, нахлѣбниками и отважнымъ городничимъ, княгиня снова выѣхала за городъ, сопровождаемая длинной вереницей экипажей и толпой народа. Старый нищій снова распоряжается работами. Сотни рукъ дружно принялись за продолженіе прежней раскопки, и не прошло двухъ часовъ, какъ входъ въ подземный склепъ былъ очищенъ, и всѣ съ любопытствомъ увидѣли низкую, желѣзомъ обитую дверь.. Оглянулись назадъ—а надъ городомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже тянулись къ небу зловѣщіе дымные столбы. Большая часть присутствовавшихъ съ воплями устремилась туда, но дворовые и селяне остались на мѣстѣ. Осталась и княгиня съ своей свитой, потому что нищій настойчиво требовалъ окончанія работы, а пожаръ-де будетъ потушенъ гарнизонной командой, нарочно для этого оставленной на этотъ разъ въ городѣ. Но, видно, и команда не въ силахъ была справиться съ разъяренной стихіей: черные столбы все увеличивались, росли и вотъ уже слились въ огромную мрачную тучу-набатный трезвонъ несся со всѣхъ церквей и костеловъ, покрывая вопли встревоженныхъ жителей; всюду слышенъ былъ плачъ и нареканія. А нищій и слышать не хотѣлъ о прекращеніи работъ и все понукалъ рабочихъ; его поддерживали оставшіеся зрители, словно опьяненные какою-то нечеловѣческой жадностью. Княгиня не знала,

Библиотека "Руниверс"

на что рѣшиться.. Вдругъ со стороны города показалась церковная процессія съ чудотворнымъ образомъ Богородицы на челѣ. Упавъ предъ княгиней на колѣни, духовенство именемъ Бога заклинало ее прекратить эту страшную забаву, сопряженную съ столькими жертвами и несчастьями людскими. Тутъ только присутствующіе, казалось, пришли въ себя; рабочіе бросили ломы и заступы и всѣ со слезами умиленія пали предъ образомъ, а черезъ минуту бѣжали въ городъ спасать горѣвшихъ. Пожаръ какимъ-то чудомъ сталъ ослабѣвать и скоро былъ совсѣмъ потушенъ. Хватились нищаго—а его и слѣдъ простылъ; сколько ни искали, никто съ тѣхъ поръ не видѣлъ его больше. А княгиня, раздавъ щедрое пособіе потерпѣвшимъ отъ пожара, приказала засыпать землею и грузомъ сдѣланныя раскопки, чтобъ и слѣда ихъ не осталось.

Легенду эту еще въ 1850-хъ годахъ записалъ волынскій историкъ Тадеушъ Стецкій и помѣстилъ въ I т. своей книги «Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym» (Lwów, 1864). Онъ слышалъ ее много разъ изъ устъ столѣтней своей родственницы, панны Стецкой, хорунжиной коронной, бывшей будто бы лично свидѣтельницей происшествія Такъ какъ книга Стецкаго далеко не всѣмъ извѣстна, то мы пересказали эту легенду, желая вызвать сообщенія о томъ, живетъ ли она и понынѣ въ памяти мѣстнаго населенія.

L.

Келья св. Димитрія Ростовскаго. Въ апрѣльской книжкѣ «Историческ. Вѣстника» за настоящій годъ г. Федоровымъ напечатаны очень интересныя свѣдѣнія изъ частной жизни извѣстнаго гр. Д. Е. Остенъ-Сакена. Въ описаніи его усадьбы (въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, село—не названо), находимъ слѣдующее свѣдѣніе: «Самую интересную достопримѣчательность находящейся около усадьбы рощи составляла подлинная келья извѣстнаго русскаго святителя Димитрія Ростовскаго. Перевозка этой келіи на разстояніи почти 2000 верстъ стоила графу не малыхъ денегъ и хлопотъ; кромѣ того, осуществленіе подобной затѣи сопряжено было еще съ массою другихъ затрудненій; и только благодаря участію митрополита Филарета, Остенъ-

Библиотека "Руниверс"

Сакену удалось довести до конца задуманное дѣло. Въ виду того, что поставленная въ усадьбу графа келья отличалась уже необыкновенною ветхостью, пришлось устроить надъ нею особаго рода каменное прикрытіе; сама же келья была превращена въ часовню, гдѣ, кромѣ иконы, подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами, аналоя и другихъ священныхъ предметовъ, постоянно горѣла лампада предъ частью мощей св. Димитрія Ростовскаго» (стр. 106). Къ этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ добавить еще и слѣдующее. Перевезенная въ имѣніе гр. Остенъ-Сакена келья первоначально находилась въ Крупицкомъ монастырѣ (около Батурина), въ которомъ Ростовскій святитель одно время настоятельствовалъ. По преданію, въ этой кельѣ св. Димитрій писалъ свои «житія святыхъ». Изъ монастыря келья была пріобрѣтена извѣстнымъ конотопскимъ пчеловодомъ П. И. Прокоповичемъ и поставлена въ его пасѣкѣ, въ с. Пальчикахъ, конотопскаго уѣзда. Здѣсь мы видѣли эту келью много разъ въ шестидесятыхъ годахъ, при посѣщеніяхъ тогдашняго владѣльца Пальчиковской пасѣки С. П. Великдана (побочнаго сына Прокоповича). Раза два посѣтилъ Пальчиковскую пасѣку въ это же время, и гр. Остенъ-Сакенъ. С. П. Великданъ очень интересовался посѣщеніями «высокопоставленныхъ лицъ» и обыкновенно, въ благодарность за ихъ посѣщеніе, называлъ одинъ изъ ульевъ именемъ именитаго посѣтителя. Былъ улей и «Гр. Остенъ-Сакенъ». Вотъ въ одно изъ посѣщеній послѣднимъ Пальчиковской пасѣки, Великданъ и уступилъ ему Димитріевскую келью. Помнится, что гдѣ-то было напечатано, что Крупицкій монастырь, по смерти гр. Остенъ-Сакена, хотѣлъ выкупить келью своего приснопамятнаго настоятеля. Изъ статьи г. Федорова видно, что намѣреніе это не осуществилось.

А. Л.

Прошеніе „гражданъ“ города Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. Печатаемое здѣсь прошеніе «отъ купцовъ и другихъ согражданъ малороссійскаго города Нѣжина» написано въ іюлѣ 1797 г., на имя тогдашняго «управляющаго Малороссійскою губерніей на правахъ генералъ-губернатора» графа Салтыкова. Прошеніе сохранилось въ копіи, никѣмъ не подписанной, и потому неизвѣстно—было

Библиотека "Руниверс"

ли оно подано по назначенію. «Высочайшимъ именнымъ его императорскаго величества указомъ истекшаго 1796 года, ноября 30 числа изданнымъ, всемилостивѣйше велѣно въ Малой Россіи возстановить правленіе и судопроизводство сообразно тому, какъ оное въ здѣшнемъ краю сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало. По прежнимъ же обрядамъ въ Малой Россіи, изъ давнихъ лѣтъ заведеннымъ, и бывшимъ установленіямъ, жиды или евреи нетолько прежде открытія въ Малой Россіи въ прошломъ 1782 году бывшихъ Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородско-Сѣверскаго намѣстничествъ, и посля того даже до 795 года, никакого въ оныхъ купеческаго произвожденія коммерціи не имѣли, но еще Высочайшими указами въ прошлыхъ 1727, апрѣля 26-го, и 728 годовъ октября 15-го чиселъ послѣдовавшими, велѣно выслать ихъ изъ Россіи за границу [1]). А хотя послѣднимъ указомъ дозволено было пріѣзжать имъ въ Малую Россію на ярмонки, но и то ради продажи единственно только товаровъ обтомъ, а не врозь, локтемъ и мѣрою, и для покупки на вырученныя деньги въ Малой Россіи взаимобразно товаровъ; однакожъ и тутъ строжайше запрещено, чтобы они никакой россійской золотой и сребной монеты заграницу ни подъ какимъ образомъ отнюдь не вывозили.—Въ слѣдствіе чего и ея императорское Величество блаженныя памяти государыня императрица Елисаветъ Петровна, по вступленіи на всероссійскій престолъ, узнавъ происходимые отъ сихъ евреи различные злоупотребленія, соизволила указать выслать ихъ изъ Россіи.

Нынѣ жъ сихъ евреи столь умножилось, что они пріѣзжая изъ Польши и другихъ заграничныхъ мѣстъ, а большею частію изъ кордона цесарскаго, не только въ городахъ, но даже по мѣстечкахъ и селеніяхъ Малороссійской губ., собираясь превеликими партіями, по нѣсколько десятковъ лавокъ, подъ видомъ первой и второй гильдіи, не только третьей гильдіи, но даже мѣщане и различные рода ихъ художники, назвавъ первые сихъ послѣднихъ подъ именемъ своими прикащиками, производятъ купеческую коммерцію, продавая вывозимые ими разнаго рода товары не обтомъ, но въ розь, аршиномъ, и подробно вещми, дѣлаютъ

---

[1]) См. универсалъ гетмана Апостола 27 октября 1727 г., подтверждающій „всѣмъ полкамъ рейменту“ о высылкѣ „жидовъ“ „зо всякой маетности, несмотря ни великороссійскихъ, ни малороссійскихъ владельцевъ“. Матер. для Отечеств. исторіи, т. I, отд. 2, стр. 11—12.

Библиотека "Руниверс"

какъ намъ знатной въ купечествѣ подрывъ, такъ и казнѣ не малой ущербъ, особливо тѣмъ, что изъ сихъ самыхъ евреѣ, взявъ на кредитъ не въ давномъ времени изъ иностранныхъ фабрикъ въ Бреславлѣ и въ Цесарской области, на нѣсколько сотъ тысячъ рублевъ суконнаго и другаго товару, объявили себя несостоятельными къ платежу долгу, почему и фабриканты означенныхъ фабрикъ получатъ отъ нихъ частями, по срокамъ, на рубль по тридцати копѣекъ, а они прибравъ къ рукамъ своимъ столь на знатную сумму товары и вывозя оной частями на ярмонки въ Россію, продаютъ оной умышленно на подрывъ нашъ самыми низкими цѣнами, не говоря о томъ, что они, собирая за продаваемой товаръ на нѣсколько тысячъ рублей мѣдные и ассигнаціями денги, промѣниваютъ оные на сребную и золотую россійскую монету, и голландскіе червонцы, и уповательно высылаютъ оные на покупку и паки въ иностранныхъ фабрикахъ товаровъ. Хотя-жъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1794 года, іюня 23 числа, дозволено евреямъ отправлять купеческіе и мещанскіе промыслы въ губерніяхъ Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородско-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записався по городамъ въ мещанство и купечество, однако сіе дозволеніе можетъ ли распространяться и на здѣшную Малороссійскую губернію? Тѣмъ наипаче съ одной стороны, что существо онаго указа разумѣемъ мы произвожденіе мѣщанскихъ и купеческихъ евреямъ промысловъ единственно въ томъ мѣстѣ, и однимъ тѣмъ евреямъ, гдѣ кто изъ нихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ запишется на купечество и мѣщанство и имѣтиметъ собственной свой домъ и жительство, ибо преимущество отдается только въ гражданствѣ, кто по наставленію высочайшаго 1766 года, декабря 14 числа, указа, имѣетъ свой домъ или осѣдлость въ городѣ; сіи жъ евреи не только не имѣютъ собственнаго своего помѣстья, но проживаютъ большею частію въ чужихъ и наемныхъ домахъ и дальшой никакой степенности не имѣющіе, а потому въ отвращеніе слѣдовать могущаго отъ нихъ россійскому купечеству подрыву, въ другихъ россійскихъ губерніяхъ, и торгу имѣть имъ означеннымъ 794 года указомъ вовся запрещенно; а сверхъ того и особымъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1791, декабря 23 числа, изданнымъ, дозволено евреямъ правомъ гражданства пользоваться въ однихъ только пограничныхъ Бѣлорусскихъ и Екатеринославской губерніяхъ да въ области Таврической, а съ другой стороны, за силою вышеподведеннаго высочай-

Библиотека "Руниверс"

шаго, ноября 30 числа, истекшаго 796 года, послѣдовавшего указа, могутъ ли тамъ евреи равномѣрно учавствовать въ купеческихъ и мѣщанскихъ промыслахъ и выгодахъ, гдѣ его императорское величество къ народу здѣшней Малороссійской губерніи особые изливаетъ монаршія милости. За всѣмъ же тѣмъ о сихъ самихъ евреяхъ въ вышеподведенномъ 794 года, іюня 23 числа, указѣ сказано кто съ оныхъ евреи не похотятъ остаться въ россійскомъ подданствѣ, таковымъ по заплатѣ трехлѣтной двойной подати, дозволяется выехать съ Россійской имперіи. Слѣдственно, прибравъ они къ рукамъ своимъ, разными подобными неправильными промыслами знатную сумму капиталовъ, могутъ навсегда удалиться съ Россіи въ разныя иностранныя государства, а мы, бывъ вѣчно вѣрноподданными Всероссійской имперіи, можемъ причиною ихъ возчувствовать неизбѣжное въ купечествѣ разореніе, и подвержены будемъ лишиться кредитору и всякаго довѣрія.

И въ слѣдствіе того, поднося при семъ данное намъ отъ купцовъ, и другихъ согражданъ малороссійскаго города Нѣжина письменное уполномочіе вашего сіятельства, какъ главнаго начальника здѣшней губерніи, нижайше просимъ, благоуваживъ предписанныя обстоятельства о запрещеніи евреямъ, пріѣзжающимъ изъ Польши и другихъ мѣстъ на ярмонки въ повѣтовые города и другія мѣста Малороссійской губерніи производженія розничной товаровъ продажи кому слѣдуетъ дать высокое ваше повелѣніе, о чемъ и его императорскому величеству не оставьте, ваше сіятельство, здѣлать всеподданнѣйшее представленіе, и тѣмъ не допустить къ подрыву по комерціи и неповинному разоренію.

Милость и благотвореніе вашего сіятельства обяжетъ насъ прославлять веегда высокую особу вашу».

Сообщилъ **В. С. Иконниковъ.**

Проектъ кіевскаго музея древностей и искусствъ. Въ № 129 «Кіевлянина» читаемъ слѣдующее: «Осенью прошлаго года была совершена закладка зданія «Кіевскаго музея древностей и искусствъ», но фактически работы по постройкѣ его еще не начаты за недостаткомъ

Библиотека "Руниверс"

средствъ у Кіевскаго общества древностей и искусствъ, по иниціативѣ котораго возникаетъ въ Кіевѣ музей. Въ распоряженіи общества имѣется нѣсколько проектовъ зданія музея, но для осуществленія каждаго изъ нихъ необходимо затратить капиталъ въ 400,000 р., между тѣмъ, какъ общество располагаетъ капиталомъ всего только въ 175,000 р. На составленіе проекта зданія музея былъ объявленъ первоначально конкурсъ, на который было представлено 14 проектовъ. Изъ нихъ были удостоены премій 3 проекта, но строительный комитетъ призналъ, что ни одинъ изъ премированныхъ проектовъ не удовлетворяетъ въ достаточной мѣрѣ своему назначенію. Тогда рѣшено было обратиться къ нѣсколькимъ архитекторамъ съ предложеніемъ составить проектъ зданія музея по указаніямъ комитета. Требуемый проектъ былъ представленъ архитекторомъ Бойцовымъ. Тѣмъ временемъ городское управленіе отвело подъ постройку музея скверъ по Александровской улицѣ, противъ Царскаго сада, при чемъ оказалось, что, благодаря особенностямъ грунта отведеннаго участка, придется произвести въ проектѣ г. Бойцева нѣкоторыя измѣненія. Проектъ былъ передѣланъ членомъ комитета академикомъ архитектуры В. Н. Николаевымъ, а затѣмъ архитекторомъ В. В. Городецкимъ. Проектъ былъ представленъ въ февралѣ нынѣшняго года и одобренъ комитетомъ.

Кіевскій музей, по послѣднему проекту, представляетъ собою почти совершенно правильный квадратъ, длина каждой изъ сторонъ котораго равна 10 саж., такъ что вообще, зданіе должно занять площадь 400 кв. саж. Главный фасадъ зданія обращенъ къ Крещатику и Европейской гостинницѣ. Фасадъ выдержанъ въ строгомъ классическомъ стилѣ. Главный ходъ украшаетъ колоннада, состоящая изъ шести колонъ. По условіямъ рельефа мѣстности, главный входъ на $3^1/_2$ сажени выше горизонта Царской площади, а потому въ музей ведетъ съ площади широкая лѣстница съ двумя каменными львами у входа. Со стороны главнаго фасада зданіе музея одноэтажное.

Боковой фасадъ зданія, обращенный къ Александровской улицѣ, тоже украшенъ колоннами, и съ этой стороны зданіе музея двухъэтажное, въ то время какъ со стороны фасада, обращеннаго къ институту благородныхъ дѣвицъ, зданіе представляетъ уже четыре этажа, изъ которыхъ два нижнихъ упираются въ откосъ Александровской горы. Внутри зданія имѣется рядъ просторныхъ залъ для выставокъ картинъ и коллекцій. Среднюю часть зданія занимаетъ большой залъ въ два

Библиотека "Руниверс"

этажа предназначенный для выставокъ картинъ. Вокругъ этого зала въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ расположена амфилада залъ меньшаго размѣра и при томъ въ одинъ этажъ. Благодаря такому положенію, залъ лишенъ совершенно оконъ въ боковыхъ стѣнахъ и получаетъ исключительно лишь верхній свѣтъ, въ виду чего потолокъ зала и крыша соотвѣтственной части зданія стеклянныя. Длина залы 30, ширина 20 аршинъ.

Въ нижнемъ этажѣ зданія расположено, кромѣ того, шесть залъ различныхъ размѣровъ, въ верхнемъ — семь, такъ что всего въ зданіи будетъ заключаться 14 залъ, получающихъ частью боковой, частью верхній свѣтъ. Въ верхнемъ подвальномъ этажѣ имѣется еще нѣсколько залъ, предназначенныхъ для надобностей музея: залъ для чтенія лекцій и собраній общества, просторное помѣщеніе для библіотеки, архива. Кромѣ того, въ этомъ этажѣ должна помѣщаться квартира смотрителя, распаковочная, кладовая, уборныя и т. д. Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ помѣщаются котлы парового отопленія, складъ угля, квартиры служителей и т. д.»

Къ этому сообщенію находимъ нужнымъ добавить слѣдующее. Въ городѣ ходятъ слухи о томъ, будто *Кіевское общество древностей и искусствъ*, прійдя къ заключенію, что у него нѣтъ средствъ на постройку описаннаго здѣсь проекта зданія, возбудило вопросъ о покупкѣ для помѣщенія музея дома бароновъ Штейнгелей, (на Бульварно-Кудрявской улицѣ). Чтобы сказать что́ нибудь больше объ этомъ намѣреніи Общества Др. и Иск., нужно знать, насколько слухъ этотъ вѣренъ. Само Общество, повидимому, не находитъ нужнымъ дѣлиться съ кіевлянами своими планами и начинаніями по вопросу объ устройствѣ *кіевскаго* музея. Не можемъ не замѣтить, что находящееся въ приведенной замѣткѣ свѣдѣніе о томъ, что кіевскій музей «возникаетъ по иниціативѣ» Кіевскаго Общества древностей и искусствъ, — не вѣрно. Иниціатива устройства музея принадлежитъ гр. А. П. Игнатьеву, подъ предсѣдательствомъ котораго и происходили совѣщанія по этому вопросу приглашенныхъ имъ для того лицъ, Когда при обсужденіи вопроса—кто будетъ вѣдать проектируемый музей,—оказалось, что городъ не выразилъ къ тому особой склонности, то, по предложенію нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ совѣщаніи лицъ опредѣлено было отдать музей въ вѣдѣніе существовавшаго въ Кіевѣ *Общества искусствъ*, для котораго, по этому случаю, составленъ былъ новый уставъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно было переименовано въ

Библиотека "Руниверс"

Общество *древностей* и искусствъ. Такимъ образомъ, не музей возникаетъ по иниціативѣ Кіевскаго общества древностей и искусствъ, а само общество, въ новомъ его видѣ, возникло *ради музея.*

А. Л.

Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. *Письмо Петра Степановича Милорадовича къ Евдокіи Михайловнѣ Безбородко* [1]). Милостивая Государыня Евдокія Михайловна! Вручитель сего сынъ мой, открывшій свое намѣреніе согласно съ волею и желаніемъ моимъ, рѣшился при семъ рекомендовать себя высокопочтеннѣйшему дому вашей вельможности благоволенію и матерней милости удостоиться быть причтеннымъ въ семейство ваше со стороны любезной вашей внучки Александры Павловны [2]), которой, если то благоугодно будетъ, то сынъ мой почитать будетъ за отличное себѣ счастье. При томъ имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, вашей вельможности, милостивой государыни, покорнѣйшій слуга Петръ Милорадовичъ. Мая 25 дня. 1787 года. Жукотки.

Сообщилъ гр. Г. А. М.

Гетманскій слесарь. Настоящимъ универсаломъ Мазепа беретъ подъ свою «гетманскую оборону» слесаря Лопату, при чемъ увольняетъ его отъ всякихъ «повинностей и тягостей» и предоставляетъ ему право судиться исключительно въ судѣ генеральномъ, а не въ другомъ какомъ нибудь судѣ. Слѣдуетъ думать, что слесаря были рѣдки въ старой Малороссіи, если гетманъ такъ ревниво привязываетъ къ своему «двору» встрѣтившагося ему Лопату или же—этотъ Лопата былъ какимъ нибудь ужъ особенно искуснымъ слесаремъ...

«Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского гетманъ Іоанъ Мазепа. Пану полковникові теперъ наказному, а впредь

---

[1]) Мать князя А. А. Безбородко.

[2]) Дочери Павла Васильевича Кочубея, женатаго на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко.

Библиотека "Руниверс"

совершенному чернѣговскому, старшинѣ полковой тамошной, а особливе п. сотниковѣ любецкому и кому колвекъ о томъ вѣдати подлежитъ, ознаймуемъ, иж мы Алексѣя Лопату, слюсара, жителя хезіовского, уваживши, же здастся и потребенъ есть до двору нашого на дѣла слюсарскимъ ремесломъ споражаючіеся, беремъ его подъ нашу гетманскую оборону, защищаючи, абы, кромѣ двору нашего, нѣ до кого з старшини полковой, сотенной и городовой не належалъ и нѣкому, кромѣ насъ, не отдавалъ повинности и тяглости. Также в приключаючихся справахъ у суду войсковомъ енералномъ росправлялся, а не передъ иншимъ якимъ урядомъ. О якой волѣ нашой кождій з старшины полковой чернѣговской, а особливе п. сотникъ любецкій, вѣдаючи, абы ему, Лопатѣ, жадной не накладалъ посполитои тяглости и найменшого не мѣлъ интересу въ справахъ и всякихъ подаючихся оказіяхъ до него, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, поневажъ онъ, до двору нашого будучи теперъ прилеглимъ, указанніе ему мѣетъ дѣла отбувати. Данъ въ Батуринѣ, 3 д. декаврія, року 1704. (Съ копіи XVIII в.).

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе марта—мая мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) изъ Звенигородки—И. Я. Корочанскій, А. Р. Лерхе, Е. И. Перевозовскій, О. О. Скарскій, М. С. Трутенко—*по 1 руб.*; В. В. С.—*50 коп.*; 2) изъ Чернигова—Е. И. Туринъ *1 руб.*, всего *6 руб. 50 коп.*, что вмѣстѣ съ прежними 861 р. 77 к. (см. № 3), составитъ *868 руб. 27 коп.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 году. *Извлеченіе изъ современнаго отчета Кіевской губерніи.* **Генеральн. штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій.** *Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. С. Петербургъ. 1897. 8 д. л XIX+62 стр.*

Военно-ученый комитетъ главнаго штаба съ 1892 г. началъ издавать *сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ* и до настоящаго времени его вышло около десяти уже выпусковъ, подъ редакціею акад. Дубровина и гг. Масловскаго и Мышлаевскаго. Въ этихъ выпускахъ между прочимъ напечатаны: *Бумаги кн. Г. А. Потемкина* (1774—1793 гг.), *Ставучанскій походъ* (документы 1739 г.) и проч. Къ этому же сборнику *матеріаловъ для исторіи военнаго искусства въ Россіи* принадлежитъ и настоящая книжка, заключающая въ себѣ отвѣтъ губернатора кіевской губерніи на запросъ военной коллегіи, разосланный въ 1718 г. всѣмъ губернаторамъ—«какія въ которой губерніи суть фортификаціи и городы, и въ какомъ состояніи обретающіеся въ нихъ гварнизоны». Изъ полученнаго такимъ образомъ донесенія отъ кіевской губерніи сдѣлано напечатаное здѣсь извлеченіе, въ которомъ, говоритъ г. Мышлаевскій, описаніе «фортификацій» приведено дословно, а свѣдѣнія о гарнизонахъ, артиллеріи и мѣстныхъ командахъ помѣщены въ краткихъ чертахъ. На «фортификаціяхъ» по преимуществу вниманіе сосредоточено, продолжаетъ редакторъ книжки, по той причинѣ, что свѣдѣнія о нихъ являются естественнымъ дополненіемъ къ изслѣдованію Ф. Ласковскаго, къ его *матеріаламъ для исторіи инженернаго искусства въ Россіи*. Сопоставляя отчетъ

Библиотека "Руниверс"

1718 г. съ данными Ф. Ласковскаго можно замѣтить, что свѣдѣнія о крѣпостныхъ сооруженіяхъ позднѣйшаго времени (Кіева, Полтавы, Переволочны, Чернигова, Нѣжина) или же вовсе отсутствуютъ, или же весьма не обстоятельны. Такимъ образомъ для исторіи укрѣпленій малороссійскихъ городовъ изданное нынѣ г. Мышлаевскимъ донесеніе кіевскаго губернатора представляетъ совсѣмъ новый матеріалъ. Въ обстоятельномъ предисловіи къ этому изданію ученый редакторъ очертилъ ходъ военныхъ работъ, имѣвшихъ въ виду защитить южную границу отъ набѣговъ кочевниковъ. Одною изъ такихъ работъ было устройство гр. Минихомъ *Украинской линіи*. Въ какомъ видѣ находились укрѣпленія малороссійскихъ городовъ въ 1718 г., для примѣра приводимъ описаніе ихъ въ Нѣжинѣ и Черниговѣ.

«Нѣжинъ. Нѣжинскаго гарнизона фортеція земляная. Въ ней каменный погребъ, да палатка каменная-жъ, въ которыхъ положена пороховая казна. Два амбара деревянныхъ, въ которыхъ положены полковые припасы и провіантъ.

Гарнизонъ. Гарнизонную службу въ Нѣжинѣ несутъ чины, командированные изъ полковъ кіевскаго гарнизона въ составѣ: 3-хъ офицеровъ, 175 стр. нижнихъ чин. и 13 рейтаръ, всего 191 челов.

Артиллерія. Пушки мѣдныя на волоковыхъ станкахъ: 3 ф.—3; 2 ф.—10; всего 13. Пушки чугунныя на волоковыхъ станкахъ: 6 ф.—7; 5 ф.—3; 4 ф.—3; 3 ф.—8; $2^1/_2$ ф—3; 2 ф.—3; $1^1/_2$ ф.—5; 1 ф.—4, всего—36. Мортира 1 п.—1. Пищали затинныя—32. Артил. снаряды: ядеръ круглыхъ (6 ф., 5 ф., 4 ф.; 3 ф.; 2 ф.; $1^1/_2$ ф., 1 ф. и малыхъ) 8978; ядеръ на прутьяхъ (5 ф., 4 ф., 3 ф., 2 ф.) 224; ядеръ на цѣпяхъ (3 ф., 2 ф., 1 ф.)—73; картечи (3 ф., 2 ф. и $1/^1_2$ ф.)—915; ядеръ ручныхъ—130, бомбъ—1 п.—150. Картузовъ (6 ф., 5 ф. и 4 ф.)—180. Каркасовъ—24. Дроби желѣзной—15 п. 20 ф. Свинцу—182 п. 39 ф. Пороху ручного—640 п. 8 ф., пушечнаго—460 п. 16 ф. Фитиля—340 п. 10 ф. Сѣры—11 п. 34 ф. Селитры— 7 п. 31 ф.

Черниговъ. Черниговская фортеція рублена дубовыми бревнами, вся огнила. Съ одной стороны почато было дѣлать въ прошломъ 1712 году и сдѣлано земляного валу, гдѣ былъ раскатъ деревянный; и въ прошломъ 1717 году зачатъ раскатъ вновь отъ рѣчки Стрѣжа и сдѣлано только вверхъ фундамента и насыпано землею полъ 2 саж., отъ стульца вверхъ сдѣлано раскату 2 саж. съ аршиномъ, вокругъ 34 саж.

Библиотека "Руниверс"

Въ замкѣ погребъ земляной казенный, рубленъ въ дубовомъ лѣсу, выходъ каменный. А замокъ—съ 3—хъ сторонъ большой городъ, что называется старое мѣсто. И около того города, гдѣ былъ рубленый, сдѣланъ земляной валъ.

Внутри, кромѣ выводовъ, гдѣ проѣздные ворота, 647 саж., въ выводахъ 123 саж. 3-хъ аршинныхъ, всего 770 саж. Около—ровъ въ ширину 10, въ глубину 2 саж.

Замокъ кругомъ 126 саж. 2 арш. Ровъ въ вышину 12, въ глубину 4 саж. безъ полуаршина.

А отъ города и отъ замку до рѣки Десны по мѣрѣ 293 саж. 3-хъ аршинныхъ.

Гарнизонъ. Гарниз. службу въ Черниговѣ несутъ командированные чины кіевскаго гарнизона въ составѣ: 4 офицеровъ, 113 стр. нижн. чиновъ и 6 рейтаръ, всего 123 челов.

Артиллерія. Пушки мѣдныя на волоковыхъ станкахъ: 3 ф.—7; 2 ф.—12; 1 ф.—1; всего—20. Пушки чугунныя: 8 ф.—1, 6 ф.—3, 3 ф.—1, 2 ф.—2, $1^1/_2$ ф.—2, 1 ф.—1, всего 10. Мортира мѣдная $^1/_2$ п.—1. Артил. снаряды: ядеръ круглыхъ (8 ф., 6 ф., 4 ф., 3 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф., 1 ф.)—4953; ядеръ раздвижныхъ 2 ф.—280; ядеръ на цѣпяхъ (5 ф. и $2^1/_2$ ф.)—400; ядеръ съ порохомъ въ мѣшкахъ (6 ф., 3 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф., 1 ф. и $^1/_2$ ф.)—122; картечи (6 ф., 5 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф. и 1 ф.)—1084. Пороху ручного—150 п. 23 ф., пушечнаго—477 п. 10 ф. Картузовъ (8 ф., 6 ф., 3 ф., 2 ф.)—370. Дроби желѣзной—30 п. фитиля—50 п. Патроновъ съ пулями—13706. Селитры—5 п. Свинцу—115 п. Ящиковъ картузныхъ, гранатныхъ и патронныхъ—9».

Кромѣ этихъ двухъ городовъ, описанія имѣются еще и слѣдующихъ (малороссійскихъ)—Кіева, Полтавы, Переволочны, Переяслава, Ахтырки, Боромли, Краснаго Кута, Колонтаева, Коломака, Котельвы, Каменнаго, Недрыгайлова, Суджи, Миропольи, Сумъ, Лебедина и нѣкоторыхъ другихъ слободско-украинскихъ.

А. Л.

Библиотека "Руниверс"

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIV. *Акты о боярахъ. Вильно, 1897, стр. XLIV+547 in 4°.*

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ 322 акта; они заимствованы изъ актовыхъ книгъ мѣстнаго архива и рукописнаго отдѣленія (точнѣе также архива) Виленской публичной библіотеки; по времени же распредѣляются такъ: къ XV вѣку относится 3 акта, къ XVI—287, къ XVII—25 и къ XVIII—9. Всѣ акты касаются территоріи древней Жомойтской земли, или позже Жмуди. Актамъ предпосылается статья, «имѣющая цѣлью подробно разсмотрѣть ихъ содержаніе и опредѣлить достоинство и важность содержащагося въ нихъ историческаго матеріала». Авторомъ статьи являются И. Я. Спрогисъ. Литовское боярство онъ считаетъ явленіемъ «любопытнѣйшимъ» въ исторіи сѣверо-западной Руси, но почему—не указываетъ, равно какъ и не объясняетъ его исторической роли. Происхожденіе этого явленія авторъ представляетъ намъ такъ: По образованіи государства, «первые литовскіе государи, оглянувшись кругомъ на свой народъ, встрѣтились лицомъ къ лицу съ русскими боярами, которые здѣсь были оставлены бывшими покорителями, кіевскими русскими великими князьями въ качествѣ правителей и распорядителей въ покоренныхъ земляхъ *Русскіе бояре* и все русское боярство пришлось первымъ литовскимъ великимъ князьямъ вполнѣ *по душѣ*[1]). Въ этомъ отважномъ, мудромъ и опытномъ сословіи и они, подобно кіевскимъ-русскимъ великимъ князьямъ, рѣшились заложить опорный, непоколебимый камень своего будущаго могущества и славы». Въ приведенныхъ, дышащихъ любовью къ русскому боярству словахъ автора какъ-бы выражается мысль о заимствованіи; но намъ кажется согласиться съ ней едва ли возможно, потому что въ Литвѣ, по общему закону развитія государствъ, долженъ былъ образоваться собственный туземный классъ лучшихъ людей, владѣвшихъ землею за отбываніе воинской повинности, и только подъ вліяніемъ русской культуры онъ получилъ и русское названіе съ нѣкоторыми, быть можетъ, особенностями, свойственными этому институту въ русскихъ земляхъ. Собранные въ настоящемъ томѣ документы выясняютъ лишь юридическое положеніе бояръ, и издатель подраздѣляетъ ихъ на слѣдующія группы: 1, документы о признаніи и утвержденіи боярскихъ-шляхецкихъ правъ; 2, королевскія привилегіи и другіе документы боярамъ на владѣніе землей, за

[1]) Курсивъ принадлежитъ автору предисловія, И. Я. Спрогису.

Библиотека "Руниверс"

что они обязаны «земскую военную службу, конно и збройно» служить государству; 3, документы о замѣнѣ боярскихъ земель на королевскія; 4, документы о боярскихъ повинностяхъ въ королевскихъ и частно-владѣльческихъ имѣніяхъ; 5, документы о частныхъ боярскихъ сдѣлкахъ; 6, *судебныя рѣшенія* по боярскимъ дѣламъ. По мнѣнію автора предисловія собранные имъ документы «несомнѣнно внесутъ и должны внести значительную долю новаго историческаго свѣта» въ исторію Литовскаго дворянства и крестьянства, такъ какъ одна часть бояръ перешла въ шляхетское, а другая въ крестьянское сословіе. Но мы позволяемъ себѣ усомниться, чтобы эта «доля свѣта» была значительна, такъ какъ собранные въ разсматриваемомъ томѣ документы даютъ уже извѣстные факты о боярахъ по работамъ проф. В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и М. С. Грушевскаго, напечатаннымъ въ разныхъ томахъ «Архива Юго-запад. Руси». Напротивъ, Виленская Коммиссія упустила изъ виду другія стороны и притомъ очень важныя въ жизни бояръ: административный строй ихъ «околицъ», ихъ судебные порядки, ихъ бытовую жизнь, ихъ борьбу со старостами, ихъ историческую роль въ борьбѣ съ полонизаціей края; самый интересный и важный періодъ въ жизни боярства—XVII—XVIII вв.—затронутъ слегка. Обильный матеріалъ для обрисовки этихъ сторонъ въ жизни боярства заключается въ такъ называемыхъ «поточныхъ» книгахъ судовъ, которые совершенно не тронуты редакторомъ актовъ о боярахъ. Многое такимъ образомъ въ исторіи Литовскаго боярства еще остается не разъясненнымъ и, быть можетъ, будетъ восполнено въ слѣдующихъ томахъ «актовъ Виленской Коммиссіи», гдѣ, вѣроятно, будетъ представлено положеніе бояръ на всемъ пространствѣ сѣверо-западнаго края, а не одной только Жомоитской земли, которой посвященъ настоящій томъ; это необходимо потому, что положеніе русскаго населенія въ томъ краѣ въ разныхъ частяхъ было различное.

Авторъ заканчиваетъ свое предисловіе «грустнымъ словомъ» объ исчезновеніи въ началѣ текущаго столѣтія самаго имени боярства; но мы не видимъ повода къ такой грусти, такъ какъ боярство такъ же, вѣроятно, не умерло на сѣверо-западѣ, какъ не умерло оно и на юго-западѣ, видоизмѣнившись лишь и получивъ новое наименованіе при новыхъ условіяхъ русской жизни. «Tempora mutantur, et nos amurmut cum illis.»

Библиотека "Руниверс"

Къ тому по обычаю приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

И. Каманинъ.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. *Выпускъ третій. Вильно. 1898 г. стр. XXIV+159.*

Разсматривая и давая отзывъ о первыхъ двухъ выпускахъ «Описанія», мы говорили уже, что мѣсто всѣмъ описываемымъ рукописямъ не въ библіотекѣ, а въ архивѣ, куда ихъ и слѣдовало бы передать, такъ какъ оба учрежденія въ Вильнѣ близки другъ другу. Въ настоящемъ выпускѣ описано 379 документовъ («пергаминныхъ грамотъ») и 75 документовъ, которые описаны были раньше въ книгѣ «Рукописное отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки. Вильно, 1871 года». Всего же описано 454 документовъ. Описаніе ихъ сдѣлано точно и подробно и занимаетъ только 35 страницъ. Въ началѣ выпуска помѣщено предисловіе, въ которомъ систематизируются документы, означенные въ описаніи; съ 37 страницы и до конца печатаются въ приложеніи описанные акты, которые редакторъ почему-то находилъ заслуживающими вниманія; всего напечатано 76 актовъ. Въ числѣ описанныхъ грамотъ мы находимъ двѣ грамоты, относящіяся къ XII вѣку, шесть грамотъ—къ XIII в., четыре—къ XVI в., восемнадцать—къ XV в. остальныя—къ XVI (190), XVII (85), XVIII (58) и XIX в. (17). Изъ нихъ 235 писаны на латинскомъ, 73—на русскомъ, 63—на польскомъ, 4—на нѣмецкомъ, 3—на французскомъ, 1—на итальянскомъ и 1—на шведскомъ языкахъ. По содержанію однѣ грамоты имѣютъ общегосударственное значеніе, другія касаются общественной жизни разныхъ городовъ Польши и Литвы, третьи относятся къ дѣламъ духовнаго вѣдомства и четвертыя, наконецъ, представляютъ собой юридическіе акты частнаго характера. Нельзя не пожалѣть, что наиболѣе древніе и наиболѣе поэтому важные документы XII—XV вв. остались ненапечатанными и что не указаны мотивы выбора грамотъ для напечатанія.

И. Каманинъ.

Библиотека "Руниверс"

Le P. Pierling S. I. La Russie et le Saint-Siège. *Etudes diplomatiques. II. Paris. 1897.*

Книга о. Пирлинга не является новостью въ исторической литературѣ. Почтенный историкъ сношеній Руси съ Ватиканомъ задумалъ объединить въ одномъ сочиненіи свои отдѣльные труды, вышедшіе раньше и посвященные различнымъ эпизодамъ изъ исторіи этихъ сношеній, переработавъ ихъ и дополнивъ новыми данными. Разсматриваемый томъ обнимаетъ время Іоанна Грознаго, Ѳеодора и Бориса Годунова (въ I т., вышедшемъ въ свѣтъ въ 1896 г., изложены сношенія Ватикана съ Московскимъ дворомъ со времени Флорентинскаго собора до Іоанна Грознаго). Хотя трудъ о. Пирлинга касается главнымъ образомъ исторіи сѣверо-восточной Руси, но онъ заключаетъ въ себѣ также и нѣкоторыя не лишенныя интереса данныя изъ исторіи Руси южной, почему мы и сочли умѣстнымъ отмѣтить его появленіе на страницахъ «Кіевской Старины».

Такъ, въ одной изъ главъ авторъ даетъ характеристику церковныхъ отношеній въ русскихъ областяхъ Польши и останавливается на планахъ извѣстнаго Поссевино по вопросу о соединеніи церквей. Конечной цѣлью уніи Поссевино ставилъ полное единеніе и въ догматахъ, и въ обрядахъ, хотя готовъ былъ уступить въ вопросѣ о сохраненіи обрядовъ восточной церкви, разсматривая эту уступку, какъ мѣру временную, вызванную необходимостью. Большія надежды въ дѣлѣ проведенія уніи возлагалъ Поссевино на кн. Конст Острожскаго, съ которымъ вступилъ въ личныя сношенія и на котораго, повидимому, имѣлъ извѣстное вліяніе; впрочемъ, надежды эти оказались тщетными.

Еще интереснѣе свѣдѣнія о посольствѣ аббата Комуловича въ Трансильванію, къ козакамъ и въ Москву съ цѣлью устроить походъ на турокъ. (Домументы о посольствѣ К-ча изданы П. О. Пирлингомъ и покойнымъ Рачкимъ въ Загребскомъ сборникѣ «Starine» тт. XIV и XVI).

Мысль о созданіи лиги для изгнанія турокъ изъ Европы давно занимала римскій дворъ, и хотя прежнія попытки образовать такую лигу не привели къ желаннымъ результатамъ, въ концѣ XVI стр. возникаетъ проектъ тройственнаго союза противъ турокъ изъ Австріи Польши и Москвы, къ которому присоединялись бы и другіе государства. Чтобы склонить московское правительство къ этому предпріятію, папа Климентъ VIII рѣшилъ послать въ Москву особаго

Библиотека "Руниверс"

посла. На этотъ разъ выборъ палъ на славянина—аббата Александра Комуловича, человѣка энергичнаго, настойчиваго, всецѣло поглощеннаго идеей освобожденія балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига и хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, гдѣ онъ побывалъ самъ и гдѣ онъ могъ убѣдится въ томъ, что имя московскаго царя имѣло какое-то обаяніе среди балканскихъ народовъ Въ концѣ 1593 г. Комуловичъ отправился черезъ Венецію въ Трансильванію и Молдавію. Здѣсь ему удалось устроить соглашеніе между императоромъ Рудольфомъ и трансильванскимъ воеводой Сигизмундомъ Баторіемъ. Молдавія и Валахія готовы были поднять оружіе противъ турокъ. Теперь К—чу предстояло продолжать свою миссію въ Польшѣ, гдѣ прежде всего нужно было завязать сношенія съ исконными врагами мусульманства—козаками. Эмиссары императора Рудольфа уже дѣйствовали въ это время среди козаковъ, возбуждая ихъ противъ турокъ. Въ концѣ марта 1594 г. К—чъ прибылъ въ Каменецъ. Папскій посолъ принялся подготовлять почву для своего предпріятія. Въ Львовѣ онъ нашелъ дѣятельнаго союзника въ лицѣ архіепископа Суликовскаго. Но совершено безрезультатны были его сношенія съ кн. Конст. Острожскимъ, на котораго указывалось въ инструкціяхъ К—ча. Хитрый магнатъ много говорилъ о своемъ сочувствіи проекту антиоттоманской лиги, выражалъ готовность итти лично противъ турокъ и татаръ и послалъ даже гонца къ козакамъ добывать необходимыя свѣдѣнія. Но К—чъ скоро увидѣлъ, что полагаться на Острожскаго нельзя и, охарактеризовавъ его въ одномъ изъ писемъ словами: «этотъ человѣкъ не есть избранникъ Божій», прекратилъ сношенія съ нимъ. Не больше сочувствія встрѣтилъ К—чъ и въ канцлерѣ Замойскомъ. Между тѣмъ татары произвели опустошительный набѣгъ на Подолію и Венгрію и не встрѣтили нигдѣ серьезнаго сопротивленія. За то явилась возможность напасть на нихъ на возвратномъ пути. Не имѣя возможности вступить въ непосредственныя сношенія съ козаками, К—чъ обратился къ снятинскому старостѣ Николаю Язловецкому, видимо сочувственно относившемуся къ его планамъ и пользовавшемуся его живыми симпатіями. Язловецкій имѣлъ репутацію храбраго и опытнаго воина. К-чъ заключилъ съ нимъ формальный договоръ, по которому папа давалъ казакамъ 12,000 флориновъ на военные расходы, а Язловецкій далъ слѣдующее обязательство, извлеченное о. Пирлингомъ изъ архива кн. Боргезе, находящагося теперь въ Ватиканѣ: «30 августа 1594 г., въ Сарафіи.

Библиотека "Руниверс"

Я, Николай Язловецкій, староста снятинскій, узнавъ отъ достопочтеннаго отца Александра Комуловича, аббата нонскаго, что святѣйшій господинъ Климентъ VIII, первосвященникъ и намѣстникъ Христа, желаетъ удержать какимъ бы то ни было способомъ набѣги татаръ, которые наносятъ вредъ христіанскимъ силамъ, составилъ планъ удовлетворить столь благочестивому желанію его святѣйшества; я предлагаю свои услуги и, съ Божьей помощью, обѣщаю въ теченіе трехъ ближайшихъ мѣсяцевъ или вторгнуться въ татарскія земли и области и опустошить ихъ, или напасть на ихъ войска и преслѣдовать ихъ на возвратномъ пути изъ Венгріи, полагаясь на Бога и съ благословенія святѣйшаго отца. Если бы его святѣйшество пожелалъ продолженія этой войны и снабдилъ деньгами на необходимые расходы, онъ нашелъ бы меня готовымъ на все, и я позаботился бы помѣшать татарамъ напасть снова на христіанскія силы или оказать помощь туркамъ. Въ удостовѣреніе чего я подписался и приложилъ свою печать». (Оригиналъ этого документа писанъ по латыни и напечатанъ въ «Starine», t. XIV). К-чъ передалъ немедленно Я-му 10,000 флориновъ, а послѣдній сообщилъ о своемъ предпріятіи Замойскому, хотя былъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что какъ лицо оффиціальное онъ не дастъ ни совѣтовъ, ни одобренія, но какъ частный человѣкъ вполнѣ сочувствуетъ дѣлу. Язловецкій собралъ войско, вступилъ въ сношенія съ Лободой и Наливайкомъ, которые привели къ нему 6000 днѣпровскихъ казаковъ, и отправился на Крымъ. Но около Бѣлгорода Лобода и Наливайко съ большею частью войска измѣнили намѣреніе и пошли въ Валахію. Язловецкій не могъ съ собственными силами продолжать походъ и возвратился домой. Экспедиція поглотила его средства, и онъ скоро умеръ, обремененный долгами и удрученный горемъ. К-чъ отправился въ Краковъ, дважды посѣтилъ Москву, но устроить союза противъ турокъ ему не удалось и въ 1598 г. онъ возвратился въ Италію.

Мы остановились только на тѣхъ мѣстахъ книги, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ южной Руси, но и вся исторія сношеній Рима съ Варшавой и Москвой, сношеній, имѣвшихъ въ основѣ двѣ цѣли—церковную унію и образованіе коалиціи противъ турокъ, представляетъ глубокій интересъ, особенно въ виду того, что сочиненіе о. Пирлинга основано главнымъ образомъ на данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ, мало доступныхъ для изслѣдователей. Написана книга, какъ и всѣ произведенія П. О. Пирлинга, очень живо и потому читается легко. Е. К.

Библиотека "Руниверс"

Кубанскій сборникъ. *Труды Кубанскаго областнаго Статистическаго Комитета, изд. подъ редакціею В. А. Щербины и А. С. Собріевскаго, Т. IV. Екатеринодаръ, 1897.*

Большая часть статей разсматриваемой книжки посвящена изученію Кубанской области въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи. Этнографіи посвящена небольшая статейка г. Кириченка «о бракѣ у нѣмцевъ протестантовъ Ванновской волости». Этнографическія данныя есть и въ статьѣ г. Ламонова «Станица Кавказская Кубанскаго казачьяго войска», гдѣ изложена и исторія этой станицы. Е. Д. Фелицынъ на основаніи архивныхъ документовъ, частью напечатанныхъ въ этой же книжкѣ, разсказываетъ о побѣгѣ съ Кубани трехъ донскихъ полковъ въ 1792 году, бунтѣ на Дону по поводу переселенія донцовъ на Кубань и о поселеніи станицъ, вошедшихъ въ составъ Кубанскаго коннаго полка.

Наибольшей по объему въ этой книжкѣ Сборника является статья г. Собріевскаго о «Торговомъ обществѣ козаковъ въ Черноморскомъ (Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ, посвященная судьбамъ торговыхъ козаковъ. Въ 1842 г. учреждено было Черноморское торговое общество «съ цѣлью облегчить козакамъ средства къ снабженію себя необходимыми потребностями и къ выгоднѣйшему сбыту произведеній земли своей». Двумстамъ козакамъ, за извѣстную плату въ доходъ войска (57 р. 50 к. въ годъ), предоставлялась свобода отъ всякой войсковой службы и давалась возможность заняться торговлей и промышленностью. Требовалось только, чтобы желающій вступить въ торговое общество имѣлъ не менѣе какъ на 1500 р. имущества. Хотя охотниковъ освободиться за плату отъ тягостей службы находилось много, но капиталистовъ среди черноморскихъ козаковъ было мало и въ началѣ 50-хъ гг. въ торговомъ обществѣ числилось едва 40 человѣкъ. Авторъ видитъ причину этого страннаго въ богато одаренной природою землѣ явленія въ томъ, что большая часть земли, и притомъ лучшей, была захвачена чиновнымъ козачествомъ, а рядовые козаки, которые только и имѣли право вступать въ торговое общество, должны были довольствоваться скудными остатками. Другую причину бѣдности козаковъ авторъ видитъ въ характерѣ ихъ, недостаткѣ трудолюбія и презрѣніи къ торговымъ и промышленнымъ занятіямъ среди потомковъ воинственныхъ сичевиковъ. Сверхъ того, войсковое начальство съ своей стороны нисколько не содѣйствовало развитію среди козачества занятій торговлей и промыслами. Въ 1860 г.

Библиотека "Руниверс"

Черноморское войско слилось съ частью Кавказскаго линейнаго и было переименовано въ Кубанское. Среди линейцевъ было не мало торговыхъ козаковъ и они переполнили торговое общество, не смотря на увеличеніе комплекта до 550 чел., но и эти козаки торговлей большей частью не занимались, а по просту откупались отъ службы. Просуществовавъ 30 лѣтъ, торговое общество въ началѣ 70-хъ годовъ «упразднилось тихо и безъ особаго для кого-либо урона».

Перу извѣстнаго изслѣдователя черноморской старины П. П Короленка принадлежитъ статья «Древнія свѣдѣнія о Межигорскомъ монастырѣ». Впрочемъ, заглавіе статьи не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію, такъ какъ разсказъ о судьбѣ монастыря доведенъ до новѣйшаго времени и наибольшій интересъ представляютъ свѣдѣнія о передачѣ части разницы и библіотеки Межигорскаго монастыря Черноморскому войску, извлеченныя изъ дѣла Кубанскаго войсковаго архива.

Небольшая статейка г. Сысоева «Краткій археологическій очеркъ Кубанской области и Черноморской губ»., по заявленію самого автора, «не есть самостоятельное изслѣдованіе, а только краткій компилятивный обзоръ древностей и исторіи Кубанской области». Наконецъ, упомянемъ еще объ «Указателѣ археологическихъ, естественно-историческихъ и этнографическо-промышленныхъ вещей и предметовъ, имѣющихся при Кубанскомъ обл. статистич. комитетѣ». Небольшой музей возникъ одновременно со статистич. комитетомъ, и въ основаніе его легла коллекція древностей, собранная Е. Д. Фелицынымъ, который и потомъ продолжалъ увеличивать это собраніе. Цѣлый рядъ лицъ и учрежденій способствовалъ обогащенію музея и къ 1 января 1896 г. въ музеѣ было болѣе 2000 предметовъ по археологіи и исторіи, около 1000 монетъ и болѣе 600 предметовъ по естественной исторіи, этнографіи и промышленности. «Запорожье и его наслѣдники—кубанцы представлены слишкомъ слабо», хотя въ рукахъ частныхъ лицъ на Кубани много сохранилось «предметовъ козацкой старины». Вѣроятно, многихъ удерживаетъ отъ передачи въ музей такихъ предметовъ его неустойчивое положеніе и потому нельзя не присоединиться къ пожеланію составителя «Указателя» г. Сысоева «и въ Кубанской области имѣть самостоятельный музей».

Е. К.

Библиотека "Руниверс"

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *Т. XX. Одесса. 1897.*

Одесское Общество Исторіи и Древностей, одно изъ старѣйшихъ въ Россіи историческихъ обществъ (существуетъ съ 1839 г.), съ 1893 г. ежегодно выпускаетъ томы своихъ «Записокъ», заключающіе цѣнные матеріалы и изслѣдованія по исторіи и археологіи Южной Россіи. Настоящій, двадцатый томъ также представляетъ значительный интересъ по богатству и разнообразію содержанія. Онъ состоитъ изъ пяти отдѣловъ: изслѣдованія, матеріалы, смѣсь, некрологи и протоколы засѣданій за 1896—97 г. (въ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщены въ извлеченіи нѣкоторые доклады, читанные въ засѣданіяхъ). Статьи и матеріалы, помѣщенные во всѣхъ названныхъ отдѣлахъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, соотвѣтственно двойственной задачѣ общества — статьи по археологіи и по исторіи.

Изъ статей археологическаго содержанія прежде всего отмѣтимъ докладъ вице-предсѣдателя общества В. Н. Юргевича «*Объ археологіи въ царствованіе императрицы Екатерины II-й*», читанный въ засѣданіи 26 ноября, посвященномъ памяти Императрицы и заключающій очеркъ археологическихъ изслѣдованій Южной Россіи, положившихъ начало классической археологіи въ Россіи. Большой интересъ представляетъ статья Э. Р. Фонъ-Штерна «*Къ вопросу о происхожденіи „готскаго стиля“ предметовъ ювелирнаго искусства*». Въ 1896 г. близъ Керчи открыта была гробница съ двумя скелетами и различными издѣліями такъ наз. готскаго стиля. Между тѣмъ, найденные въ той-же могилѣ перстень съ греческою надписью, другой перстень съ изображеніемъ Ники и діадема съ оттискомъ монеты показываютъ, что погребенные были не готы, а греки; при этомъ находка датируется изображеніемъ на оттискѣ имп. Максиміана Геркула. На основаніи этихъ фактовъ г. Ш. приходитъ къ заключенію, что «зачатки и источникъ такъ называемаго «готскаго стиля» мы должны искать въ греческомъ художественномъ ремеслѣ Малой Азіи и Боспора. Изреченіе римскаго поэта: «victa Graecia victores cepit» примѣнимо и въ данномъ случаѣ. Интересно также другое сообщеніе г. Штерна «*О новѣйшихъ поддѣлкахъ въ области керамики на югѣ Россіи*», служащее дополненіемъ къ его извѣстной статьѣ «О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи» (Жур. М. Н. П., 1896, дек.). Остальныя статьи по археологіи представ-

Библиотека "Руниверс"

ляютъ спеціальный интересъ; напр.: «*Нимфея и первый списокъ нимфейскихъ гражданъ*» В. В. Шкорпила; «*Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма*» В. В. Латышева; «*Graffiti на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ*» Э. Р. Фонъ-Штерна.

Говоря о дѣятельности общества въ области археологіи, нельзя не отмѣтить заботливости его о сохраненіи памятниковъ старины. Кромѣ трехъ музеевъ (въ Одессѣ, Ѳеодосіи и Керчи), общество владѣетъ (съ 1865 г.) развалинами генуэзской крѣпости въ Судакѣ, а въ 1896 г., съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе общества передана древняя крѣпость въ Аккерманѣ (въ настоящемъ томѣ помѣщенъ актъ передачи крѣпости аккерманскимъ полиціймейстеромъ уполномоченному обществомъ члену его, проф. А. А. Кочубинскому).

Изъ статей, посвященныхъ исторіи, обращаетъ вниманіе изслѣдованіе С. В. Петровскаго «*Апокрифическія сказанія объ апостольской проповѣди по Черноморскому побережью*». Авторъ указываетъ на «исключительную судьбу» этихъ сказаній: въ то время, какъ въ другихъ аналогичныхъ сказаніяхъ элементы легендарные, миѳическіе давно отдѣлены отъ историческихъ... сказанія объ апост. проповѣди по с.-в. побережью Чернаго моря—апокрифическія—полны «нелѣпыхъ» чудесъ, церковныя—далеки отъ вѣроятія». Основываясь на этихъ сказаніяхъ, историки русской церкви приходятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: одни (м. Макарій, Малышевскій, Леопардовъ) признаютъ ихъ достовѣрными съ цѣлью доказать, что русская церковь ведетъ свое начало отъ самихъ апостоловъ; другіе (Голубинскій, Васильевскій) на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія признаютъ ихъ не заслуживающими довѣрія. Не удовлетворяясь этими объясненіями, авторъ ставитъ задачею своего изслѣдованія объясненіе слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ отношеніи краткихъ извѣстій древности къ апокрифамъ и обратно; 2) о присутствіи въ апокрифическихъ сообщеніяхъ объ ап. Андреѣ элементовъ историческихъ и 3) объ источникахъ для позднѣйшихъ греческихъ сказаній объ ап. Андреѣ. Въ настоящемъ томѣ помѣщены двѣ главы, посвященныя вопросу о происхожденіи апокрифическихъ сказаній. Оказывается, что самыя раннія изъ нихъ возникли среди еретическихъ сектъ (гностики, докеты, манихеи) I и II вв. и, слѣдовательно, болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ соотвѣтствующія церковныя преданія; поэтому въ нихъ, рядомъ съ вымыслами, встрѣчаются геогра-

Библиотека "Руниверс"

фическія указанія, этнографическія замѣтки, сообщенія касательно древняго языческаго культа, имена царей, мѣстностей и городовъ, чего нѣтъ уже въ позднѣйшихъ церковныхъ передѣлкахъ; впослѣдствіи они подвергались различнымъ передѣлкамъ, при чемъ утрачивали не только свою первоначальную еретическую тенденцію, но и первоначальную историческую точность. Изъ напечатанныхъ главъ не видно еще, къ какимъ выводамъ придетъ авторъ, но вполнѣ научная постановка вопроса и значительная эрудиція автора придаютъ его изслѣдованію большой интересъ.

Другія историческія статьи посвящены преимущественно Запорожскимъ дѣламъ XVIII в. «*Матеріалы по исторіи Запорожья въ XVIII в.*»—П. А. Иванова (съ его предисловіемъ) — представляютъ рядъ документовъ Запорожскаго Архива, найденныхъ при уничтоженіи въ 1775 г. Сѣчи, въ Кошевой церкви подъ престоломъ (въ настоящее время они хранятся въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба между дѣлами Потемкина). Здѣсь находится историческая записка, излагающая судьбу Запорожья отъ временъ Мазепы до возвращенія подъ власть русскаго правительства (1734 г.), составленная по распоряженію кошевого Милашевича; рядъ грамотъ императрицы Анны Іоановны, относящихся къ участію запорожцевъ въ турецкой войнѣ подъ начальствомъ Вейсбаха, Леонтьева и Миниха; рядъ грамотъ имп. Елисаветы Петровны съ различными милостями, а также по поводу различныхъ спорныхъ вопросовъ, особенно касающихся пограничныхъ столкновеній съ татарами, поляками, донскими козаками, при чемъ правительство признавало право запорожцевъ на занятыя ими земли; послѣдній документъ заключаетъ бумаги запорожскихъ пословъ—бывшаго кошевого Даніила Стефанова, Петра Калнишевскаго и Ивана Глобы, отправленныхъ съ различными ходатайствами въ С.-Петербургъ въ 1755—56 гг. Бумаги эти яркими красками рисуютъ тѣ затрудненія, которыя пришлось испытать запорожцамъ, не смотря на покровительство Разумовскаго; имъ приходилось выслушивать «превеликіе выговоры и ругательства за воровство и непорядки» и угрозы: «принять у руки», «волѣ не дать», «великими командами окружить» и т. под. Изданъ былъ даже указъ (впрочемъ, не приведенный въ исполненіе) объ измѣненіи порядка избранія запорожской старшины. Особенно трудно было депутатамъ защищать запорожскія вольности отъ надвигайшейся на нихъ колонизаціи, тѣмъ болѣе, что у запорожцевъ

Библиотека "Руниверс"

не было на нихъ никакихъ документовъ. Къ исторіи Запорожья относится также докладъ А. И. Марковича «*Борьба запорожскаго кошевого П. И. Калнишевскаго съ гайдамаками*», къ которой приложенъ «ордеръ» Калнишевскаго, за собственноручною его подписью.— А. И. Маркевичу же принадлежитъ интересный докладъ «*Предположеніе о созывѣ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія*». Это—сообщеніе о принадлежащемъ автору черновомъ проектѣ, составленномъ вѣроятно кн. Вяземскимъ и собственноручно исправленномъ императрицею. Не касаясь общаго содержанія этого любопытнаго документа, отмѣтимъ только, что по первоначальному проекту—Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, «яко на особливыхъ правахъ состоящимъ провинціямъ», предоставлялось по желанію прислать въ коммиссію депутатовъ, или не присылать; при чемъ, въ случаѣ отказа, «остаться имѣютъ вовсе на такомъ основаніи, на какомъ они и нынѣ есть, до тѣхъ поръ, доколѣ будутъ бить челомъ чрезъ депутатовъ же о сравненіи ихъ съ прочими частями государства».

Въ IV отдѣлѣ помѣщены некрологи скончавшихся членовъ общества: Высокопр. Саввы, Н. Ф. Фонъ-деръ-Флита, *прот П. Г. Лебединцева* и аббата Амедео Виньи.

В. Щербина.

Библиотека "Руниверс"

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1898.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 21 мая 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

„Бабушка“ Настасья Степановна
Полуботокъ
рожд. Леонтовичъ. р. 1732 † 1802.

Григорій Петровичъ
Милорадовичъ
р. 1765 † 1826.

Александра Павловна
Милорадовичъ
рожд. Кочубей, р. 1772 † 1838

Библиотека "Руниверс"

Частный архивъ графа Г. А. Милорадовича принадлежитъ къ числу наилучше сбереженнымъ въ Малороссіи. Кромѣ бумагъ фамильныхъ, въ составъ его вошло много бумагъ посторонніхъ, унаслѣдованныхъ Милорадовичами вмѣстѣ съ имѣніями. Владѣлецъ этого архива уже давно началъ печатать отрывки изъ него, то въ особыхъ брошюрахъ, то въ черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ *). Въ настоящее время гр. Г. А. Милорадовичъ намѣренъ приступить къ болѣе систематическому изданію тѣхъ или другихъ документовъ своего архива и настоящій, первый, выпускъ *Любецкаго Архива* представляетъ собою начало такого изданія.

Въ первый выпускъ „Архива“ вошли слѣдующія бумаги:

I. *Бумаги Чарнышей*, представляющія собою, главнымъ образомъ, юридическіе документы объ имущественнымъ отношеніяхъ вдовы генер. судьи Евдокіи Константиновны Чарнышъ (падчерицы гетмана Скоропадскаго) съ ея пасынками и дѣтьми. Эти документы заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о семейственныхъ отношеніяхъ высшаго сословія въ старой Малороссіи и о томъ положеніи, которое занимала женщина этого сословія, какъ домоправительница. Въ этихъ же бумагахъ находится довольно полный перечень предметовъ домашней обстановки малорусскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Тутъ же помѣщены нѣ-

*) Очень много интересныхъ семейныхъ бумагъ напечатано гр. Г. А. Милорадовичемъ въ его книгѣ—„*О родѣ дворянъ и графѣ Милорадовичей.*“ (Кіевъ. 1871 г.).

Библиотека "Руниверс"

сколько документовъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей, происходившихъ отъ Мазепиного пасынка. Самый замѣтный изъ Фридрикевичей, Григорій Григоріевичъ, славившійся своею дѣловитостью, въ к. XVIII в., былъ женатъ на внучкѣ генер. судьи Чарныша, передавшей свои имѣнія по бездѣтству, брату мужа.

II. *Семейная переписка Настасьи Степановны Полуботокъ съ зятемъ П. С. Милорадозичемъ и внукою Н. П. Лашкевичъ и переписка послѣдней съ своимъ женихомъ, а потомъ мужемъ И. С. Лашкевичемъ.*

Главная часть этой переписки касается самовольнаго замужества дочери П. С. Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, при покровительствѣ „бабушки", т. е. тещи Милорадовича *). Вся эта переписка рисуетъ намъ частную жизнь новонародившагося тогда малорусскаго дворянства, при чемъ особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ типическое лице умной и энергической Н. С. Полуботокъ, письма которой свидѣтельствуютъ о томъ значительномъ развитіи, которое могла имѣть малорусская женщина втор. полов. XVIII в. Настасья Степановна пользовалась въ семьѣ особымъ почетомъ, на что указываетъ и надпись на сохранившемся ея портретѣ **).

III. *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и отрывочныя письма изъ переписки послѣдняго съ своими знакомыми (1789—1800 г.г.).*

Переписка отца съ сыномъ касается преимущество хозяйскихъ дѣлъ, указывая на чемъ сосредоточивались интересы

---

*) Нѣсколько бумагъ, касающихся этого брака, напечатано въ книгѣ— *О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей*, стр. 46—50 и 58—60.

**) На этомъ портретѣ имѣется такая надпись:

„1801 г., іюня 30 дня. Зри сія здѣсь Анастасію Полуботкову, жену добронравну, коя обычаемъ въ мирѣ влечетъ жизнь православну; шестдесятъ девять лѣтъ вѣку истекаетъ, шестирыхъ внукъ и двѣнадцать правнукъ питаетъ милостью, любовью и искренностью вседушно."

„1802 г., апрѣля противъ 20-го, ночью, зрящи здѣсь добродѣтельная жена въ жизни своей бывши блаженна, въ грусти нашей преставилась, сочтя и сей же день являсь вишнего совѣта готовая дать отвѣтъ въ своихъ дѣлахъ. О, Боже, пріймя душу ея и упокой прахъ".

Библиотека "Руниверс"

тогдашняго панскаго хозяйства. Тутъ же находятся и нѣкоторыя подробности тѣхъ мѣръ, которыя принималъ П. С. М—чъ, преслѣдуя самовольное замужество дочери.

IV. *Любецкіе акты* (*1637—1708 г.г.*) заключаютъ въ себѣ одни юридическіе документы; ихъ не много, но они даютъ интересный матеріалъ для изученія юридическаго быта сѣверо-западнаго уголка Черниговщины, который будучи защищенъ отъ сосѣдей болотами, сохранялъ дольше другихъ мѣстностей архаическія формы въ общественномъ быту.

Какъ необходимое пособіе при чтеніи помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ семейныхъ бумагъ, прилагаются отрывки изъ родословниковъ Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

Кромѣ того, къ книгѣ приложены три портрета (цинкографіи): 1) „бабушки“ Настасьи Степановны Полуботокъ, 2) Григорія Петровича Милорадовича и 3) жены его, Александры Павловны, рожденной Кочубей.

А. Лазаревскій.

Библиотека "Руниверс"

РОДОСЛОВНИКИ

Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

1. Чарныши.

№ отца.

1. **Иванъ Чарнышъ**, въ 1698 году войсков. канцелярист: въ 1700 г.—«господарь замку батуринскаго»; въ 1709 г.—полковникъ гадяцкій и въ 1715 г. генеральный судья. † 1728 г., въ Москвѣ, гдѣ былъ поселенъ послѣ суда надъ нимъ и и другими участниками въ дѣлѣ Полуботка.

Ж. 1-я, *Елена Степановна Гречаная*. 2-я, *Евдокія Константиновна Голубовна*, отъ брака *К. Голуба* съ *Настасьей Марковной*, бывшей во второмъ замужествѣ за гетманомъ Скоропадскимъ. † 1743.

2. **Иванъ**, отъ перваго брака, бунчук. товарищъ . . . . . 1.
3. **Петръ**, отъ перваго брака . . . . . 1.
4. **Иванъ**, отъ втораго брака † 1741 . . . . . 1.
5. **Семенъ**, отъ втораго брака † 1742 . . . . . 1.
6. **Яковъ**, отъ втораго брака, войск. канцелярист † 1745.

Ж. Марфа Степановна Ширай, бывшая потомъ замужемъ за *Михайломъ Васильевичемъ Скоропадскимъ*, генер. есаул. 1.

Настасья, отъ втораго брака † 1742. М. *Забѣла* . . . 1.

Анна, отъ втораго брака † 1745. 1.

Елена, отъ втораго брака † 1741 . . . . . 1.

7. **Иванъ**. . . . . 2.
8. **Данило** . . . . . 2.
9. **Александръ** . . . . . 2.

Анна. *М. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ* . . . . . 6.

Библиотека "Руниверс"

2. Фридрикевичи.

1. **Самуилъ Фридриковичъ Козма**, полковникъ бѣлоцерковскій, прежде 1653 г. По грамотѣ 1653 г. Яна-Казиміра, «шляхетнымъ Самуилу Фридрику, полковнику давнему и тестю его Семену Половцю» подтверждены мельницы на р. Роси, на *грунтѣ Буки*. По акту 1660 г., «славетный п. Самуель Фридриковичъ Козма, бывшій полковникъ бѣлоцерковскій», купилъ въ Бѣлой-Церкви домъ, «прозываемый Аврамковскій». Ж. *Дочь Семена Половца*, полковника бѣлоцерковскаго. 2-й *ея мужъ* гетманъ *Иванъ Мазепа*.
2. **Криштофъ**, сотникъ седневскій, 1699 † 1700 . . . . 1.
Ж. *Катерина Богдановна Войцеховичъ*.
3. **Григорій**, бунчук. товар. Ж. *Федосья Степановна Томара*. 2-й ея мужъ *Степанъ Леонтовичъ* [1]).
Марья. М. 1-й, сынъ стародубскаго войта Спиридона Шираи. 2-й, неизвѣстный полякъ. Умерла монахинею въ Макошинскомъ дѣвич. монастырѣ. . . . . 1.
Евдокія. М. Федоръ Гребецкій, значк. товар. . . . 1.
Анна. М. *Константинъ Савичъ*, [2]) сотникъ любецкій . . . 1.
4. **Григорій**. дѣйств. статск. сов., 1797. Ж. *Анна Яковлевна Чарнышъ*. Потомства не оставилъ. . . 3.

3. Леонтовичи.

1. **Степанъ Леонтовичъ**, хоружій полк. черниговскій. Ж. *Федосья Степановна Томаровна*, вдова Григорія Фридрикевича. См. выше.
2. **Степанъ**, полковникъ. Ж. *Софья Васильевна Дунинъ-Борковская* [3]) . . . . . 1.

---

1) „По смерти покойного Григорія Фридрикевича, оставшаяся жена его Томаровна вышла замужъ за Стефана Леонтовича, неслужачого, который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго сотника Войцеховича, сотника седневского, инспекторомъ, и тамъ зъ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ, не такъ якъ пристойно". Показаніе сотника Рыпши въ 1728 г.

2) О его потомствѣ см. ниже, стр. 49.

3) См. Опис. Стар. Малороссіи. I, 469.

Библиотека "Руниверс"

3. **Иванъ**, бунчук. товар.. . . . . 1.
Настастья, р. 1732 † 1802. М. *Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ* († 1752), который женился на Настасьѣ вдовцемъ, послѣ смерти первой своей жены Анны Андреевны Стаховичъ . . . . . 1.
Пелагея. М. *Лаврентій Андреевичъ Раковичъ*, майоръ . . . 1.
Катерина. М. *Василій Иеановичъ Силичъ*, надв. совѣтникъ. 1.
Анна. М. *Павелъ Ивановичъ Лысенко*, бунчуков. товарищъ . 1.

4. Полуботки.

Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ, внукъ наказнаго гетмана Павла Полуботка, бунчук. товарищъ. Род. 1724 † 1752. Ж. съ 1745 г., *Настасія Степановна Леонтовичъ*, р. 1732 † 1802.

Отъ этого брака было двѣ дочери:

1. **Софья**, род. въ 1747 г., вышла замужъ за черниговскаго полковника *Петра Степановича Милорадовича* въ 1764 г., умерла въ 1773 г.
2. **Федосья**. М., бунчук. товарищъ *Михаилъ Михайловичъ Стороженко*.

Отъ брака П. С. Милорадовича съ Софьей Семеновной Полуботокъ, въ 1760 г., родилась дочь *Настасья*, вышедшая въ 1789 г замужъ за секундъ-майора *Ивана Степановича Лашкевича*. Настасья Петровна умерла въ 1833 году и похоронена въ с. Брахловѣ, въ церкви, а Иванъ Степановичъ умеръ въ 1822 году и похороненъ въ церкви въ с. Жукоткахъ.

Отъ брака М. М. Стороженка съ Федосьей Семеновной Полуботокъ родился сынъ *Николай Михайловичъ Стороженко* [1]), бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ и умершій въ 1815 г. Женатъ онъ былъ на *Маріи Андреевнѣ Милорадовичъ*.

[1]) Въ текстѣ, на стр. 49-й, ошибочно сказано, что у Михайла Михайловича Стороженка дѣтей не было.

Библиотека "Руниверс"

Оглавленіе.

I. Бумаги Чарнышей.

	стр.
1. Запись гадяцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женѣ Евдокіи Голубовнѣ. 1710 г., 9 ноября .	1
2. Запись вдовы генер. судьи Ивана Чарныша, Евдокіи Константиновны дѣтямъ своимъ на недвижимыя имѣнія. 1733 г.	2
3. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судьи Ивана Чарныша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнышемъ. 1735 г., 4 іюня.	6
4. Подписка бунч. товарища Ивана Чарныша, выданная мачихѣ своей о миролюбномъ окончаніи споровъ за наслѣдство генер. судьи Ивана Чарныша и первой его жены Елены Гречановны. 1735 г., 4 іюня.	8
5. Вѣновая запись бунч. товарища Якова Чарныша женѣ своей Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г., 25 февраля. . . .	10
6. Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яковомъ Чарнышемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г., 4 іюля.	12
7. Духовное завѣщаніе войск. канцеляриста Якова Чарныша. 1745 г., 27 декабря	18
8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ. 1764 г., 4 марта	20
9. Протестъ дочери Якова Чарныша Анны, противъ насилій тетки ея Прасковьи Судьенковой. 1765 г., 26 марта . .	27

Библиотека "Руниверс"

стр.

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрикевича, Анны Яковлевны, на ея имѣнія, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1766 г., 16 мая. 35
11. Духовное завѣщаніе дѣйств. ст. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля 38
12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшагося послѣ Ивана, Василія и Степана Леонтовичей. 1799 г., 9 сентября. . 44
13. Выписка изъ «реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Еньковою, оставшимся по Гр. Гр. Фридрикевичу». 1799 г. 47

II. *Бумаги о женитьбѣ Ивана Степановича Лашкевича на Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ и частная ихъ переписка.*

1—32. Письма П. С. и Г. П. Милорадовичей, Н. С. Полуботокъ, И. С. и Н. П. Лашкевичей. 1788—1789 гг. . . 50—85
33. Рѣшеніе городницкаго уѣздн. суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу Н. С. Полуботокъ и ея брата, Г. Г. Фридрикевича, «за неотдачу» дочери Анастасіи. 1789 г., 14 ноября. 85
34. Прошеніе П. С. Милорадовича новгородъ-сѣверскому архіерею о томъ, чтобы дочь его Настасью мѣстные священники съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали. 1789 г., мартъ. 94
35. Постановленіе сосницкаго уѣзднаго суда о разрѣшеніи Настасьѣ Милорадовичевнѣ выйти замужъ за И. С Лашкевича 1779 г., 22 мая 96
36. Рѣшеніе новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на сосницкій уѣздный судъ за дозволеніе дочери его выйти замужъ. 1790 г., 5 декабря. 99
37. Рѣшеніе новгородсѣверской палаты гражданскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на рѣшеніе 2-го новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1791 г., 28 января . 103
38. Прошеніе П. С. Милорадовича въ городницкій уѣздный судъ объ отреченіи отъ дочери и о лишеніи ея права на материнское имѣніе. 1789 г., 9 августа. 108

Библиотека "Руниверс"

стр.

3 Улиточная запись Настасьи Петровны Лашкевичъ на материнское имѣніе мужу своему И. С. Лашкевичу. 1760 г. 11 іюля 111

4 Мировое прошеніе П. С. Милорадовича, Г. Г. Фридрикевича и Н. С. Полуботокъ. 1791 г., октябрь 113

4 Прошеніе П. С. Милорадовича въ сенатъ о прекращеніи дѣла, возникшаго по жалобѣ на засѣдателей сосницкаго уѣзднаго суда. 1791 г. 115

4 Уступочная запись Н. С. Полуботокъ своихъ имѣній ея внукамъ, Г. П. Милорадовичу, Н. И. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. 1761 г., октября 116

4–74. Письма И. С. Лашкевича къ женѣ. 1760—1801 гг. 159—197

7–128. Письма Настасьи Степановны Полуботокъ къ Н. П. Лашкевичъ и къ ея мужу. 1789—1801 г. . . . . 159—187

II *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему Трощинскаго, Тутолминой и П. В. Завадовскаго, 1789—1800 гг.* 199—226

IV. Любецкіе акты.

Купчая лоевскаго войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецкому сѣножать. 1637 г., 9 іюня . . . 227

Купчій листъ любецкаго мѣщанина Демида Брагинца на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бержковичу и Гришку Кужелевичу комору съ плацомъ. 1656 г., 7-го сентября 227

Продажный записъ любецкаго мѣщанина Ивана Стецкаго на проданныя п. Калинику Манку грунта. 1658 г., 18 іюля. 228

Листъ Яна Стецкаго на проданные любецкому мѣщанину Каленику Манку грунты. 1658 г., 27 іюля 218

Долговая росписка любецкаго земянина Опанаса Евсѣевича Щуковскаго священнику пятницкому за пчелы и жито. 1656 г., 28 декабря. 229

Продажный листъ любецкаго мѣщанина Якима Пресмыченка съ женою на проданные священнику пятницкому Григорію Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ. 1660г. —

Библиотека "Руниверс"

7 Купчій листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мѣщанину Якову Матюшенку огородъ. 1660 г, 5 апрѣля 21
8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксини Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля 21
9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женою на проданный ими любецкому священнику Григорію Пронковичу огородъ. 1660 г. 1 мая . . 22
10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный пятницкому священнику огородъ съ садовиною. 1661 г., 24 апрѣля. 23
11. Тестементъ лоевскаго мѣщанина Семена Васильевича. 1667 г., 27 января 24
12. Дарственный (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мѣщанину Богдану Шпаку на пляцъ съ огородомъ, въ Любечѣ. 1669 г., 19 апрѣля . . 25
13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоровичемъ Дейковичемъ о грунтѣ. 1671 г., 28 іюля. 25
14. Декретъ атамана и войта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюгою Мушенкомъ и любецкимъ мѣщаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о грунтѣ. Року теперъ и другого 1671, августа 7 дня. 27
15. Продажный листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорію Прокоповичу пляцъ съ огородомъ, въ Любечѣ. 1674 г., 15 января. 28
16. Запись кротынской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григоріемъ Пронковичемъ угадьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придѣлу св. Евстафія. 1675 г., марта 15 дня 28
17. Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрковичемъ своихъ грунтовъ во временное владѣніе брагинскому мѣщанину Степану Маковичу. 1675 г., 7 іюля . 28
18. Купчій листъ Ланка Мартыновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. 1676 г., 28 мая 29

Библиотека "Руниверс"

стр.

19. Продажный листъ Евтуха Козла Гордѣенка Кириллу Чоутченку на грунты. 1677 г., 25 апрѣля. 240
20. Долговая росписка лоевскаго мѣщанина Крыштона Юшковича Мишку Игнатовичу Волошанину. 1678 г. 241
21. Росписка рѣпицкаго священника Ѳедора Семеновича Михалю Тимофеевичу Мухѣ въ полученіи выкупа за отказанный ему за требу грунтъ. 1678 г., 9 іюня. 241
22. Купчій листъ Максима Васченка Нѣжинца на проданую Гурину Зубашенку половину грунта. 1679 г., 15 декабря. 241
23. Долговая росписка лоевскаго мѣщанина Васка Лодена Мишку Игнатенку. 1680 г., 1 февраля 242
24. Накладная любецкаго мѣщанина Богдана Петровича Попака любецкому священнику Григорію Прокоповичу на городъ. 1680 г., 5 апрѣля. 242
25. Рядовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Купрѣемъ Ничипоровичемъ Богушемъ о наслѣдствѣ. 1681 г., 12 апрѣля 243
26. Накладная, выданная Васплемъ Плющемъ Мишку Игнатовичу. 1682 г., 20 апрѣля. 244
27. Купчій листъ любецкаго земянина Клима Кирѣйченка Івану Масловцу на грунты. 1684 г., 1 августа . 244
28. Квитанція, выданная Гавриломъ Янченкомъ Авраму Іваченку въ уплатѣ долга. 1684 г., ноября 9 дня . . . 245
29. Выпись изъ книгъ мѣскихъ ратуша черниговскаго. О соглашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною Оксевною Андреехой Безбожненковой относительно владѣнія грунтами. 1687 г., 28 февраля 246
30. Декретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами на священника Пронковича о захватѣ земли. 1688 года, 8 іюня 247
31. Тестаментъ любецкаго мѣщанина Дмитра Григоріевича Козачка. 1686 г., 29 сентября 248
32. Рѣшеніе любецкаго уряда по спору Андрея Злобы съ Оскомъ Злобою объ огородѣ. 1691 г., 10 августа. . . . 250

Библиотека "Руниверс"

стр.

33. Выпись изъ книгъ мѣскихъ ратуша черниговскаго, о продажѣ Исакомъ Голобоярновичемъ части грунта своимъ сябромъ Мишку Лопатнѣвцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. 1693 г., 11 іюля 251
34. Обликъ, выданный Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковѣенку на запятые двѣнадцать золотыхъ и пять чеховъ. 1696 г., мая 8 252
35. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ хемянину Степану Коробку. 1697 г., 27 іюля . . . . . —
36. Урядовое письмо о соглашеніи между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григоріемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарѣцкимъ относительно владѣнія садомъ. 1701 г., 21 августа. . . . . —
37. Атестація любецкаго сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексѣемъ Красковскимъ, о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20 254
38. Жалоба Ивана Коробка на пятницкаго священника Григорія за завладѣніе грунтомъ 254

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LXI, 1898 г., апрѣль, май, іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

I. ПЕРЕДЪ РЕФОРМОЙ БУРСЫ. (Изъ воспоминаній). **П. Борзаковскаго** . . . . . 1—25

II. ЗАПАДНО-РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИ МИТР. ПЕТРѢ МОГИЛѢ. (1633—46). *Гл. V—VIII.* **С. Голубева**. 26 50, 202-221, 309—346

III. ПИСЬМА Ѳ. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА КЪ БРАТУ ВЪ КІЕВЪ 1866 годъ. (*Окончаніе*). . . . . 51—86, 169—190

IV. ПОЧАДѢВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. (Новѣйшее произведеніе древле-волынской письменности). **Волынца** . . . . . 87—106

V. ПИСЬМА КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ. 1855—58 гг. 107—131

VI. ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ. (По поводу книги Ѳ. М. Уманца «Гетманъ Мазепа»). (*Окончаніе*). **Ал. Лазаревскаго**. 131-167, 395—411

VII. НОВОРОССІЙСКІЙ САРДАНАПАЛЪ. **А. Полницкаго** . . 191—201

VIII. ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ. 1857—1865 гг. . . . . 222—224, 360—394

IX. СВАДЕБНЫЕ И ДРУГІЕ НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ ВЪ ЧЕРВОНОЙ-РУСИ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ . . . . . 235—253

X. РОДЫНЫ И ХРЕСТЫНЫ. (Матеріалъ собранъ въ м. Ирынѣ, Нѣжин. уѣзда). **А. Малинки** . . . . . 254—286

XI. ПЕРВЫЯ ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВѢ. **Л. Струниной** 287—307

XII. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. *Главы I и II.* **А. Крымскаго** . . . . . 347—365

XIII. СЕЛИМОВЕЦЪ. **А. Полницкаго**. . . . . 411—452

XIV. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРГОСА 453—472

Библиотека "Руниверс"

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Изъ прошлаго полтавской епархіи. (Бытовыя картинки). Сообщ. **Ив. П-чъ Ян—скій**. б) Аэролиты, упавшіе въ Овруцкомъ и Васильковскомъ уѣздахъ въ концѣ прошлаго столѣтія. **О. Л.** в) Отношеніе роменцевъ къ ремесленному образованію 90 лѣтъ тому назадъ. Сообщ. **Ѳ. Н.** г) Кресты гетмана Сагайдачнаго. **А. Л.** д) Поминки по Шевченку въ Петербургѣ. **Д-ръ Г.** е) Кращанки въ старину. **М. Номисъ.** ж) Легенды, относящіяся къ берегамъ Буга около Винницы. **Г. Аѳанасьевъ.** з) Находки римскихъ монетъ. и) Городецкій музей волынской губерніи. **А. Л.** і) Карта подольской епархіи. к) Отъ Императорскаго Казанскаго университета. л) Покинутая жена. **О. Л.** м) Изъ прошлаго полтавской епархіи. (Быт. картинки). Сообщ. **Ив. П-чъ Я—нскій.** н) Мысли М. А. Максимовича о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г. о) Изъ недавней исторіи малорусскаго козачества. Сообщилъ **А. Танковъ.** п) Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. **А. Л.** р) Къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи; с) Обрядъ «вывода» новобрачной въ Подоліи; т) Заславская легенда. **L.** у) Келья св. Димитрія Ростовскаго **А. Л.** ф) Прошеніе гражданъ г. Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. Сообщ. **В. С. Иконниковъ**; х) Проектъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ **А. Л.** ц) Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. Сообщ. гр. **Г. А. М.** ч) Гетманскій слесарь; ш) Подписка на памятникъ **И. П. Котляревскому** въ Полтавѣ. 1-18, 37-52, 77—93

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Записки наукового товариства імени Шевченка. **Н. М.** б) Архивъ Государственнаго Совѣта. **Н. С.** в) О. Кониський. Тарас Шевченко-Грушівський. Хроника його життя. **Н. М.** г) Professor Alexander Barwiński. Das Volksleben der Ruthenen. (Народная жизнь русинъ). д) X. Wacław, capucyn. O cudownym obrazie Najśw. Maryi P. Berdyczowskiej. **Н. М.** е) П. Л. Юдинъ. (Къ біографіи Т. Г. Шевченка. **Н. М.** ж) Отчетъ Комитета по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. з) Живописная Россія. Малороссія и Ново-

Библиотека "Руниверс"

россія. **Н. Ш.** и) **М. Чернявський** (Донецьки сонеты) . . **Стешенка.** і) Помолвонъ при большомъ требникѣ. **А. Л.** к) Русская политика въ восточномъ вопросѣ. **А. Л.** л) Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи І. Ф. Карпова. **А. Л.** м) Десятилѣтіе Харьковской общественной библіотеки. **Н. М.** Малорусскія изданія послѣднихъ мѣсяцевъ. **М. С. Кононенко.** н) Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 г. (Извлеченіе изъ современнаго отчета Кіев. губ.) Генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій. **А. Л.** о) Акты, издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIV. **И. Каманина;** п) Описаніе рукописн. отдѣленія Виленской публичной библіотеки. **И. Каманина;** р) Le P. Pierling S. I. La Russie et le Saint-Siège. **Е. К.** с) Кубанскій сборникъ. **Е. К.** т) Записки Императорскаго Одесскаго Общ. исторіи и древностей. **В. Щербины**. 19-36, 53-75. 94 108

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

ПРИЛОЖЕНІЕ. Любецкій архивъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Библиотека "Руниверс"